

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Тольяттинский государственный университет

Г. Л. Денисова

**КОГНИТИВНЫЙ
МЕХАНИЗМ СРАВНЕНИЯ
В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ:
проекция на систему,
высказывание и текст**

Монография

© ФГБУ ВО «Тольяттинский государственный университет», 2022

ISBN 978-5-8259-1090-1

УДК 811.11
ББК 81.43.24

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор
Самарского государственного социально-педагогического
университета *Е.Б. Борисова*;
доктор филологических наук, профессор Тольяттинского
государственного университета *Ю.И. Горбунов*.

Денисова, Г.Л. Когнитивный механизм сравнения в немецком языке: проекция на систему, высказывание и текст : монография / Г.Л. Денисова. – Тольятти : Изд-во ТГУ, 2022. – 1 оптический диск. – ISBN 978-5-8259-1090-1.

В монографии сравнение рассматривается с позиций познавательной деятельности языковой личности как средство познания окружающего мира, как когнитивный механизм. Сравнение рассматривается комплексно: от его структуры с определением элементов и механизма действия, через употребление в высказывании с определённой прагматической целью, до участия в текстовых категориях. Представлен фронтальный анализ характеристик конститuentов компаративного поля, определены взаимоотношения конститuentов в рамках компаративного поля и их положение относительно других полей немецкого языка. Описываются возможности компаративного моделирования ощущений и оценок. Прослеживается участие составляющих компаративного поля в текстовых структурах в текстах, относящихся к разным функциональным стилям.

Данное издание может представлять интерес для филологов, специализирующихся в области когнитивной лингвистики, теории функционально-семантических полей и теории текста, а также для тех, кто интересуется проблемами современного языкознания.

Текстовое электронное издание.

Рекомендовано к изданию научно-техническим советом Тольяттинского государственного университета.

Минимальные системные требования: IBM PC-совместимый компьютер: Windows XP/Vista/7/8/10; ПИИ 500 МГц или эквивалент; 128 Мб ОЗУ; SVGA; CD-ROM; Adobe Acrobat Reader.

© Денисова Г.Л., 2022

© ФГБУ ВО «Тольяттинский
государственный университет», 2022

Редактор *Т.В. Антонова*
Техническое редактирование: *Т.В. Антонова*
Компьютерная верстка: *Л.В. Сызганцева*
Художественное оформление,
компьютерное проектирование: *И.И. Шишкина*

Дата подписания к использованию 02.06.2022.

Объем издания 4 Мб.

Комплектация издания: компакт-диск,
первичная упаковка.

Заказ № 7-01-22.

Издательство Тольяттинского государственного университета
445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14,
тел. 8 (8482) 44-91-47, www.tltsu.ru

Оглавление

Введение	7
Глава 1. СТРУКТУРА ФРЕЙМА СРАВНЕНИЯ НА ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ УРОВНЕ НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	14
1.1. Когнитивные основания анализа сравнения	14
1.2. Отражение этапов разворачивания сравнения в немаркированных компаративных конструкциях	24
1.3. Указание на субъект сравнения	31
1.4. Структурные особенности языковых проекций темы и эталона	49
1.5. Модуль как выводное знание	62
1.5.1. Указание на модуль группой с <i>wie</i>	62
1.5.2. Указание на модуль с помощью компаративного сложного прилагательного	68
1.5.3. Указание на модуль с помощью прилагательных на <i>-artig</i> , <i>-farben (-farbig)</i> , <i>-förmig (-formen)</i>	72
1.6. Языковые опоры, снимающие неопределённость модуля	75
1.7. Метафорическая концептуализация отношения сравнения в семантике показателей сравнительных отношений	81
Выводы к первой главе	91
Глава 2. ПРОЕКЦИЯ МЕХАНИЗМА СРАВНЕНИЯ НА СИСТЕМУ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	95
2.1. Компаративные высказывания, организуемые лексемами с семантикой сходства / отличия	98
2.1.1. Обозначение результатов сравнения как свойства темы	98
2.1.1.1. Обозначение результатов сравнения как количественно охарактеризованного параметра	105
2.1.1.2. Временные формы глаголов – показателей сравнительных отношений	113
2.1.2. Обозначение результатов сравнения как воспринимаемой данности	117
2.2. Группа с <i>wie</i> в высказываниях с категориальным признаком сравнения	126
2.3. Группа с <i>als</i> в высказываниях с категориальным признаком сравнения	142
2.4. Опора на валентные свойства языковых единиц при передаче отношения сравнения	150
2.4.1. Передача отношения сравнения компаративными сложными существительными	150
2.4.2. Передача отношения сравнения с помощью компаративных сложных прилагательных и прилагательных на <i>-artig</i> , <i>-farben (-farbig)</i> , <i>-förmig (-formen)</i> , <i>-mäßig</i>	153

2.4.3. Отражение сравнительного отношения немаркированными компаративными конструкциями с общим номинативным компонентом обозначений темы и эталона – существительным	159
2.4.4. Условия передачи сравнительного отношения немаркированными компаративными конструкциями с дериватами на <i>-ig, -isch, -haft, -lich</i>	179
2.5. Компаративные высказывания с суперлативом	208
2.6. Организация пространства компаративного поля в немецком языке	213
2.6.1. Место компаративного поля в системе немецкого языка	219
2.6.2. Полицентричность компаративного поля в немецком языке	224
2.6.3. Связи языковых единиц, пронизывающие компаративное поле	232
2.7. Демотивация компаративных единиц при закреплении в словарном фонде	237
Выводы ко второй главе	244
Глава 3. ТЕКСТОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕХАНИЗМА СРАВНЕНИЯ	248
3.1. Сравнение как механизм конкретизации	248
3.1.1. Информативная нагрузка указания на эталон в словообразовательных моделях, используемых при передаче отношения сравнения	251
3.1.2. Направление поиска признака-модуля в немаркированных компаративных конструкциях с «узловым» существительным	258
3.1.3. Группа с <i>wie</i> : причина отсутствия однозначного решения вопроса о компонентном составе сравнительной конструкции	269
3.1.4. Информативная нагрузка группы с <i>als</i> в составе компаративного высказывания	276
3.1.5. Конкретизирующая направленность компаративных высказываний, организуемых лексемами с семантикой сходства / отличия	279
3.2. Конкретизация ощущений	289
3.2.1. Конкретизация признака, воспринимаемого одним из органов чувств человека	290
3.2.2. Конкретизация комплексной характеристики	314
3.2.3. Конкретизация ассоциативно-интуитивных ощущений	324
3.3. Конкретизация оценок	328
3.3.1. Выражение собственно «оценочности»	328
3.3.2. Выделительная функция сравнения	341
Выводы к третьей главе	346

Глава 4. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПАРАТИВНЫХ ЕДИНИЦ В СПРАВОЧНЫХ, РЕКЛАМНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	350
4.1. Использование компаративных единиц в справочной литературе	351
4.2. Функционирование сравнения в немецкой рекламе	360
4.2.1. Использование компаративных единиц в рекламных текстах для туристов	360
4.2.1.1. Характеристики компаративных единиц в рекламных текстах для туристов	360
4.2.1.2. Связь сравнения в рекламных текстах для туристов с категорией персональности	366
4.2.2. Особенности использования сравнения в немецкой торговой-розничной рекламе	373
4.2.2.1. Характеристики сравнения в немецкой торговой-розничной рекламе	373
4.2.2.2. Функции сравнения в немецкой рекламе продукта или услуги	388
4.3. Функционирование сравнения в художественном тексте	403
4.3.1. Связь сравнения с референтной структурой художественного текста	403
4.3.2. Интроспекция во внутренний мир персонажа средствами сравнения	415
4.3.3. Сравнение в локальной структуре художественного текста	422
4.3.4. Сравнение в темпоральной структуре художественного текста	427
4.3.5. Роль сравнения в композиционной организации художественного текста	437
4.3.6. Использование сравнения для выражения субъективно-оценочной модальности	441
4.3.7. Декодирование надтекстовой информации художественного текста с опорой на сравнение	447
Выводы к четвёртой главе	451
Заключение	455
Список сокращений	462
Библиографический список	463
Словари и справочники	503
Список источников текстовых примеров	505

ВВЕДЕНИЕ

Роль сравнения в когнитии, проникновение компаративных единиц во все языковые подсистемы, а также их сложная внутренняя организация служат объяснением неослабевающего интереса к исследованию сравнения на материале разных языков. При смене парадигм в лингвистике внимание исследователей языка привлекали разные стороны сравнения.

В русле логико-рационалистической традиции решался вопрос о компонентном составе сравнения на глубинном уровне и в плане выражения, описывалась семантика компаративных единиц, рассматривались проблемы их модификаций в плане содержания и выражения [Ивашкевич; Сакаян; Салькова; Бурдина; Гутман; Глазырин; Старосельцев; Неведомская; Куслик; Büttger; Азатьян; Олешко; Аракелян; Бубнова, 1977; Бубнова, 1978; Искандерова; Зоммерфельдт; Прищепа; Божеева; Erben, 1988; Огольцев; Трегубчак].

С позиций теории функционально-семантических полей разрабатывались вопросы синонимии компаративных единиц, принцип их организации в системе языка, проводились сопоставительные исследования полей в разных языках [Жилин, 1961; Жилин, 1963; Гулыга, Шендельс; Михайлов, 1970; Михайлов, 1972; Арынов, 1972; Сущинский Семантическое поле *sehr*; Сущинский Словообразовательные и синтаксические средства ... ; Сущинский, 1975; Сущинский, 1976; Куленко; Рсалдинов; Sommerfeldt, 1984; Черемисина, 2006; Девяткина; Болгарова, 2011; Кравец, 2013; Кравец, 2016; Кравец, 2017; Петроченко; Болгарова, 2013].

При переходе к когнитивно-дискурсивной парадигме внимание исследователей привлекли когнитивная организация компаративных отношений, их фреймовая и сценарная структура [Заруднева], номинативный и оценочный потенциал сравнения [Кирсанова; Прохорова, 2010; Прохорова, 2016], имплицитные способы его вербализации [Саликов], его смыслообразующие свойства в тексте [Панкова; Левина, 2006; Мурзина], интертекстуальная природа [Степанова, 2014] и национальное своеобразие [Дмитриева; Николаева, 2003; Абрамова; Новикова, 2006; Румянцева; Захарова; Любова; Будникова; Абдулкадырова; Малькова, 2013; Богданова;

Мед; Лызлов; Адбусаламова]. Результаты исследования сравнения, достигнутые в рамках разных парадигм, требуют осмысления и обобщения, необходимых для становления теории сравнения.

Вместе с тем методологический сдвиг, наметившийся в современной лингвистике, — переход от лингвистики имманентной к лингвистике антропоцентрической — выдвигает необходимость выхода за пределы простого описания круга языковых средств, имеющих в распоряжении говорящих на данном языке для выражения того или иного варианта определённой семантической категории. Взамен требования изучать систему или структуру языка выдвигается требование изучать язык как когнитивный механизм, играющий существенную роль в кодировании и трансформировании информации [Демьянков, 1994, с. 21; 6, с. 53–55; Попова, Стернин, 2007, с. 7], когницию «в её языковом отражении» [Рудакова, с. 10]. Необходимость разработки теории сравнения с позиций когнитивной лингвистики, осуществления анализа сравнения как ментального действия, как когнитивного механизма, связанного с переработкой опыта познания, с кодированием и трансформированием информации, определила предмет настоящего исследования. Предметом нашего исследования является механизм осуществления сравнения: его проекция на систему немецкого языка и высказывание, характер информации, получаемой адресатом в результате когнитивной обработки сравнения в его языковом отражении, и использование сравнения в тексте как основной составляющей дискурса.

Цель нашей работы состоит в том, чтобы установить и объяснить характер корреляции между фреймом сравнения, категориальной ситуацией сравнения, семантической категорией сравнения и средствами выражения сравнения в немецком языке, в том числе на уровне завершённого речевого произведения. Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

1. Определение вариантов языковых проекций составляющих механизма сравнения в немецком языке.
2. Выделение основных типов категориальных ситуаций сравнения и компаративных единиц по формальным и семантическим признакам.

3. Выявление смысловых элементов, образующих семантическую структуру компаративных единиц, и на этой основе систематизация, т.е. представление в упорядоченном виде участка системы немецкого языка – языкового образа механизма сравнения.
4. Определение и систематизация типов информации, получаемой немецкой языковой личностью в результате когнитивной обработки сравнения в его языковом отражении.
5. Выявление функций сравнения в завершённом речевом произведении на немецком языке.

Работы в области когнитивной лингвистики* показали успешность «получения данных о деятельности разума» [Кубрякова, 2004, с. 13] посредством анализа языкового материала, успешность исследования когнитивных процессов и типов ментальных репрезентаций в сознании человека «на основе применения к языку имеющихся в распоряжении лингвистики собственно лингвистических методов анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования» [Попова, Стернин, 2007, с. 12].

Мы принимаем позицию Е.С. Кубряковой, которая считает, что «языковое явление может считаться адекватно описанным и разъяснённым только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрёстке когниции и коммуникации» [Кубрякова, 2004, с. 16]. Поэтому, исследуя рассматриваемый феномен, мы реализуем в нашей работе комплексный подход. Начиная от анализа механизма сравнения, через моделирование компаративных высказываний, включающих в свой состав указания на элементы данного механизма, мы выясняем характер информации, получаемой адресатом в результате когнитивной обработки сравнения в его языковом отражении, и подходим к роли сравнения в тексте как наиболее крупной коммуникативной единице и основной составляющей дискурса. Изучение сравнения с позиций познавательной деятельности человека и в дискурсивном аспекте соответствует когнитивно-дискурсивному характеру современной научной парадигмы.

---

* Денисова Г. Л. Преимущества комплексного подхода к исследованию сравнения (на материале немецкого языка) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. № 2. С. 31–42.

С позиций комплексного подхода намеченная последовательность предполагает выявление характеристик исследуемого феномена в структуре немецкой языковой личности, определяемой как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются:

- а) степени структурно-языковой сложности,
- б) глубиной и точностью отражения действительности,
- в) определённой целевой направленностью» [Караулов, Красильникова, с. 3].

В структуре языковой личности, согласно Ю.Н. Караулову, выделяются три уровня:

- (нулевой) вербально-семантический, или лексикон личности; лексикон, понимаемый в широком смысле, который включает и фонд грамматических знаний личности;
- (первый) лингво-когнитивный, представленный тезаурусом личности, в котором запечатлён «образ мира», или система знаний о мире;
- (второй) мотивационный, или уровень деятельностно-коммуникативных потребностей, отражающий прагматикон личности, т. е. систему её целей, мотивов, установок и интенциональностей [Караулов, 2004, с. 238].

По замечанию Ю.Н. Караулова, «каждый уровень характеризуется своим набором единиц и отношений между ними, уровни противоплагаются один другому и определённым образом взаимодействуют в процессах речевой деятельности индивида» [Караулов, 2004, с. 238].

Наблюдение механизма сравнения в противоположении и взаимодействии уровней немецкой языковой личности отвечает требованию современного языкознания – изучать языковую способность говорящего / слушающего, его языковые знания и его компетенцию, которое было сформулировано Е.С. Кубряковой [Кубрякова, 1994], и необходимости посмотреть на язык с точки зрения его участия в когниции и коммуникации [Демьянков, 1994, с. 21; Маслова Когнитивная лингвистика, с. 9]. Реализуемый в данном исследовании комплексный подход позволяет использовать преимущества современной полипарадигмальной ситуации в языкознании [Глушак,

с. 15–21], в которой сосуществуют, не отрицая друг друга, несколько парадигм, у каждой из которых есть свои сильные стороны.

Высказывания, содержащие сравнение (далее компаративные высказывания), проецируясь на лингво-когнитивный (тезаурусный) уровень, приводят в действие механизм сравнения. Проекция механизма сравнения на высказывание определяется нами как категориальная ситуация (далее КС) сравнения. Вслед за А.В. Бондарко мы исходим из того, что КС представляет собой содержательную структуру, рассматриваемую в единстве с её формальным выражением в высказывании, которая как структура, выступающая в том или ином варианте в высказывании, относится к речи [Бондарко, 1999, с. 17–32]. В рамках компаративного высказывания и, следовательно, в КС сравнения выделяется область языковых единиц, обращение к которым достаточно для приведения в действие механизма сравнения. Указанную область в составе высказывания мы определяем как компаративную единицу.

Компаративные единицы объединяются в системе языка в функционально-семантическое поле (компаративное поле), которое базируется на семантической категории сравнения [Бондарко, 1999, с. 28]. Из сказанного вытекает, что КС сравнения базируется на семантической категории и образуемом ею в данном языке функционально-семантическом поле (ФСП) и в этом отношении связывает языковую систему — систему единиц и закономерностей их функционирования — с системой речи. Поэтому наши дальнейшие выводы о структуре механизма сравнения, о месте его языкового образа — компаративного поля — в системе немецкого языка, о текстовом потенциале сравнения и его дискурсивном аспекте строятся на наблюдении категориальной ситуации сравнения, выступающей в том или ином варианте в высказывании. С позиций реализуемого в работе комплексного подхода языковые проекции механизма сравнения в форме компаративных единиц рассматриваются как результат органичного взаимодействия лингво-когнитивного, вербально-семантического и мотивационного уровней немецкой языковой личности.

Поставленная цель и конкретные задачи, решаемые в работе, предопределили её структуру. Основанием для разделения матери-

ала на исследовательские главы послужило представление об уровневой структуре языковой личности.

В первой главе «Структура фрейма сравнения на лингво-когнитивном уровне немецкой языковой личности» уточняется элементный состав механизма сравнения на лингво-когнитивном уровне немецкой языковой личности и структура его фрейма, в котором выявляются четыре вершинных узла: «тема», «модуль», «эталон» и «субъект сравнения». Описываются способы маркирования присутствия субъекта сравнения в речи, выявляются варианты языковых проекций темы и эталона.

На основании анализа компонентов высказываний, содержащих сравнение, делается вывод, что вершинный узел «модуль» заполняется выводным знанием. Описываются языковые опоры, снимающие неопределённость модуля.

Определяется понятие «немаркированная компаративная конструкция» и проводится анализ семантической структуры показателей сравнительных отношений — многозначных глаголов, которые, по сути, представляют собой метафорическую концептуализацию отношения сравнения [6, с. 55–56; Lakoff, 1980].

Во второй главе «Проекция механизма сравнения на систему немецкого языка» устанавливается, что границы компаративных единиц определяются границами языковых проекций темы и эталона, выявляются сочетания смысловых элементов в семантической структуре конкретных компаративных единиц, что позволяет определить место категории сравнения в системе немецкого языка и составить мнение о структуре компаративного поля как проекции механизма сравнения на систему немецкого языка.

В третьей главе «Текстовый потенциал механизма сравнения» определяется роль сравнения в познавательной деятельности. Констатируются тенденции в использовании компаративных единиц для конкретизации определённых признаков, рассматриваются возможности выражения компаративными единицами общеоценочных и частнооценочных значений, очерчиваются границы группы компаративных единиц, в семантической структуре которых присутствует смысловой элемент «экспрессивное выделение призна-

ка». Определяются границы областей-доноров, которые являются источниками эталонов.

В четвёртой главе «Использование компаративных единиц в справочных, рекламных и художественных текстах на немецком языке» выясняются мотивы обращения к сравнению в текстах, неодинаковых по своим параметрам, наблюдается участие сравнения в реализации текстовых категорий, средством реализации которых вслед за Л.А. Ноздриной [Ноздрина, 2004] мы считаем сетку текста, которая формируется текстовыми структурами: темпоральной, локальной, персональной, референтной и модальной. При определении роли сравнения в завершённом речевом произведении метод лингвистического описания дополняется анализом участия сравнения в указанных текстовых сетках.

Глава 1. СТРУКТУРА ФРЕЙМА СРАВНЕНИЯ НА ЛИНГВО-КОГНИТИВНОМ УРОВНЕ НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

1.1. Когнитивные основания анализа сравнения¹

Изменение взгляда на сущность языка, отход от традиционной трактовки, базирующейся на представлении о языке как о самодостаточной системе, формирование новой парадигмы лингвистического знания [Кубрякова О тексте ... ; Кубрякова Об актуальных задачах ...] и интегративного подхода к анализу языковых явлений, который рассматривает язык как одну из составляющих сложного ансамбля психических процессов [Кибрик, с. 340], позволяют взять ориентацию на «поиск «ключа» к реальному функционированию языка» [Залевская Корпоральная семантика ... , с. 21]. Данные современной психолингвистики, взятые на вооружение когнитивной лингвистикой, позволяют подойти к изучению языка как к способности языковой личности, базу которой образуют психические процессы.

Нам кажется, что в этом отношении имеет смысл обратить внимание на особенности рассматриваемого нами явления. Сравнение как психический феномен представляет собой ментальное действие, связанное с переработкой индивидом (субъектом сравнения) опыта познания, которое является реакцией на внешнее воздействие или результатом внутреннего усилия, направленного на выявление характеристик актуальной ментальной репрезентации. Можно предположить, что рассматриваемое ментальное действие представляет собой активацию, распространение возбуждения от участка головного мозга, в котором локализуется актуальная ментальная репрезентация, через область или несколько областей её характеристик в направлении того участка головного мозга, где хранятся знания о хорошо известных объектах. Направление активации имеет ассоциативный характер. Вышесказанное, а также тот факт, что сравнение как языковое явление отражает лишь результаты рассматрива-

---

¹ Денисова Г. Л. Когнитивные основания анализа сравнения (на материале немецкого языка) // Мир лингвистики и коммуникации : электрон. науч. журнал. 2010. № 21. С. 41–52. URL: tverlingua.ru/archive/21/4_21.pdf (дата обращения: 17.02.2022).

емого ментального действия, позволяют отнести его к механизмам сознания, обеспечивающим обработку информации «вне осознаваемого контроля вплоть до уровня семантики» [Агафонов, с. 20]. По замечанию Ю.А. Агафопова, «указание на то, что сам носитель сознания не способен осознанно судить о том, как эти механизмы функционируют, не может свидетельствовать об их отсутствии» [Агафонов, с. 21]. Обращение к сравнению в процессе познавательной деятельности позволяет отнести его к когнитивным механизмам.

Возможность обращения к понятию когнитивного механизма в отношении сравнения, по нашему мнению, подтверждается также опытом интерпретации метафоры, которая определяется когнитивной лингвистикой как познавательный механизм [Lakoff, 1993, p. 249; Кибрик, с. 355; Шитикова, с. 3; Ивина, с. 46; Битокова; Керимов, с. 39–40], как основное средство мыслительной и языковой деятельности [Глазунова, с. 119], как когнитивный механизм аналогии [Темиргазина, с. 5]. Структурные, функциональные, семантические и когнитивные особенности сравнения, безусловно, отличают его от метафоры [MacCormac; Арутюнова, 1999, с. 354; Черемисина, 2006]. Однако между данными феноменами обнаруживаются и сходства, послужившие основанием для утверждений, что «метафора — это не что иное, как сравнение», что она представляет собой свёрнутое сравнение [Потебня, 1905, с. 264; Балли, с. 221; Зверева, с. 66; Федосеева; Бразговская, с. 57]. Анализируя соотношение метафоры и сравнения, авторы усматривают их тесную взаимосвязь [Le Guern, p. 60], утверждают, что «сравнение есть первичный этап формирования метафоры» [Огольцев, с. 72]. Поэтому, рассматривая сравнение и метафору как отличные языковые феномены, вслед за Н.Д. Арутюновой мы обнаруживаем их сходство в образующем их основании «уподоблении» [Арутюнова, 1999, с. 354], в том, что в обоих случаях на уровне когнитивных процессов предполагаются «источник» и «цель», а ассоциация, которая ведёт от «источника» к «цели» — это сходство между разнородными представлениями.

В.Н. Телия при определении метафоры обращается к образу «когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями» [Телия, 1986, S. 3]. В.А. Маслова говорит о манипулировании ментальными репрезентациями [Маслова Введение в когнитивную

лингвистику, с. 11, 71]. Усматривая общие основания у метафоры и сравнения на уровне сознания, мы полагаем, что сравнение как механизм сознания предполагает манипулирование ментальными репрезентациями, а не представляет собой тип взаимодействия между концептами, способ (форму) организации ментально-языкового (глубинно-семантического) пространства, как считает Е.А. Заруднева [Заруднева].

Следует отметить, что исследование сравнения на глубинном уровне позволило выявить элементы логического конструкта сравнения: тему, модуль и эталон [Арынов, 1967; Арынов, 1972; Левина, 2006]; объект сравнения, *tertium comparationis* и образ сравнения [Глазырин]; прообраз, модуль и образ [Гутман]; объект сравнения, признак сходства и образ сравнения [Мукарамов]; предмет сравнения, признак сходства и образ сравнения [Образцова]; тему, основание сравнения и сравнение [Степанов, 2014; Назарова]; предмет, связующий признак и образ [Томашевский]; тему, признак или комплекс признаков и образ [Шенько, К вопросу об отношении ...]; Grundbegriff, Vergleichsbasis, Vergleichsbegriff [Riesel]; компарант, основание сравнения и компарат [Пустошило], объект сравнения, признак-основание для сравнения, образец для сравнения [Голубева]; объект сравнения, эталон сравнения и основание сравнения [Абдусаломова]. Опираясь на имеющиеся достижения в области исследования глубинного уровня компаративных единиц, мы считаем, что элементы логического конструкта являются составляющими когнитивного механизма сравнения. Однако, принимая во внимание результаты исследований Н.К. Рябцевой, которая приходит к выводу, что наиболее естественным средством получения, хранения, обработки и использования знаний является *представление* [Рябцева, с. 323; Кубрякова, Демьянков, 2007, с. 11], мы соотносим указанные элементы не с понятием, а с представлением. Вслед за М.Г. Арыновым [Арынов, 1972; Арынов, 1976] мы используем для обозначения составляющих механизма сравнения однословные (не составные) термины (тема, модуль и эталон), ясно отражающие суть элементов механизма сравнения, но исходим из следующих их определений: «темой» мы называем представление о сравниваемом, «модулем» — представление о признаке, которое является основанием сравне-

ния, «эталоном» — представление о том, с чем сравнивают. Для нас данное уточнение является принципиальным, позволяющим акцентировать внимание на разной степени детализации языковых проекций темы и эталона. Предложенное уточнение позволяет не только пересмотреть границы языковых проекций темы и эталона, которые, по нашим наблюдениям, могут быть даны в немецком языке в границах морфемы, слова, словосочетания, неполной конструкции и предложения, но и определиться по вопросу об обозначении модуля на уровне поверхностной реализации.

Кроме того, сравнение как когнитивный механизм имеет определённую мотивацию запуска, которой, по нашему мнению, является стремление к конкретизации качественной характеристики. Вместе с тем мнение, согласно которому в высказывании называется модуль [Гулумянц; Михайлов, 1970; Михайлов, 1972; Постникова, 1972; Постникова, 1978; Куслик, с. 38; Искандерова Семантико-структурная ... : автореф., с. 7; Deutsche Sprache, S. 470–471; Бочкарев, с. 147; Степанов, 2014; Степанова, 2006, с. 36, 38; Разуваева, с. 102; Захарова; Огольцев, с. 14–24], вызывает у нас сомнения. Если в высказывании присутствует эксплицитно выраженный модуль, обозначением которого некоторые лингвисты считают языковую единицу, уточняемую сравнительным оборотом [Искандерова Семантико-структурная ... : автореф., с. 3; Левина, 2010, с. 130], то неясен смысл обращения адресанта к сравнению.

Мы считаем, что обращение к сравнению обусловлено свойствами слова.

С одной стороны, слово обозначает не конкретный объект, а целую категорию объектов [Кубрякова, 1994, с. 11–15]. Что касается качественных прилагательных, которые относятся рядом лингвистов к обозначениям модуля [Куленко; Искандерова], то исследования подтверждают факт обозначения качественными прилагательными непомерно обобщённых признаков [Урысон]. А.А. Уфимцева отмечает в этой связи, что называемый ими «качественный признак настолько обобщён, вернее “обеднён”, что представляет собой семантически далеко несамодостаточный, весьма расплывчатый элемент содержания» [Уфимцева, 2002, с. 203].

С другой стороны, слова активируют фрагменты предшествующего опыта [Залевская, 2003]. Указанное свойство слова проявляется в «принципе наглядности», заложенном в механизме сравнения, действие которого позволяет адресату самостоятельно получить требуемое знание о признаке-модуле.

Мы считаем, что компаративная единица запускает механизм движения в сторону детализации, конкретизации признака, является вербальным стимулом к сравнению как к механизму получения выводного знания — знания о модуле. С данной позиции, к примеру, прилагательное, которое определяется группой с *wie*, интерпретируется как уточнение области поиска признака-модуля.

По нашему мнению, стремлением к конкретизации «непомерно обобщённых» представлений о признаках, которые соотносятся со словом, и возможностью реализации «принципа наглядности», который заложен в механизм сравнения, объясняется регулярность использования компаративных единиц в речи.

Рассмотрение сравнения как когнитивного механизма позволяет акцентировать внимание на аспектах, важных для осуществления дальнейшего анализа.

Во-первых, речь идёт о ментальной активности субъекта сравнения, т. е. в любом случае не следует забывать, что сравнение и его результаты всегда «субъектны» в том понимании субъектности, которое мы находим у Н.К. Рябцевой, то есть имеют своего носителя, что не предполагает обязательной их субъективности [Рябцева, с. 379].

Во-вторых, в сравнение вовлекаются объекты, представляющие собой ментальные репрезентации. В современной когнитивной лингвистике считается, что оперативными единицами сознания являются ментальные репрезентации разного типа, или концепты [6, с. 91]. А.А. Залевская определяет концепт как «базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания» [Залевская, 2001, с. 39]. Е.С. Кубрякова отмечает, что «понятие “концепт” отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления, и которые отражают содержание опыта

и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких “квантов” знания» [6, с. 90].

Вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным мы принимаем интерпретацию концепта как родового термина (по отношению ко всем остальным, как то: фрейм, понятие, пропозиция, выступающим в качестве его видовых уточнителей), как глобальной мыслительной единицы, представляющей собой квант структурированного знания [Попова, Стернин, 1999, с. 4; Попова, Стернин, 2007, с. 115–121; Попова, 2009], которая включает знания о возможных языковых проекциях данной мыслительной единицы [Красных, 1998, с. 133]. С.Г. Воркачев определяет концепт как «зонтиковый термин» [Воркачев, 2003].

Анализ дефиниций концепта позволяет выявить признаки, имеющие значение для нашего исследования: 1) это объект из мира «идеальное», он принадлежит сознанию [Вежбицкая, 1996, с. 11; Карасик, 2004, с. 115; Колесов, 2004, с. 18; Песина, с. 30; Тукаева, с. 861–862]; 2) оперативная содержательная единица памяти; единица обработки, хранения и передачи знаний [6, с. 90; Маслова Введение в когнитивную лингвистику; Колесов, 2004, с. 20]; 3) достояние индивида [Залевская Концепт как достояние индивида, с. 5]; 4) может отражать бытовой, житейский взгляд на мир [Воркачев, 2004, с. 28]; 5) увязывает весь опыт индивида: его знания, переживания, стереотипы поведения (как хранящиеся в памяти, так и живые, развивающиеся); «то, что мы знаем об объекте во всей его экстенсии» [Телия, 1996, с. 8; Hardy]; 6) он – многомерная симультанная структура: «многомерен, в нём можно выделить как рациональное, так и эмоциональное, как абстрактное, так и конкретное, как универсальное, так и этническое, как общенациональное, так и индивидуально-личностное» [Маслова Введение в когнитивную лингвистику, с. 48]; 7) окружён эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом: «концепты не только мыслятся, но и переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [Маслова Введение в когнитивную лингвистику, с. 47; Степанов, 2004]; 8) динамичен по своей природе: концепты не только склонны к трансформации, но и влияют на трансформацию других концептов [Hardy]; 9) может обладать национально-куль-

турной отмеченностью [Карасик, 2004, с. 107–140; Воркачев, 2004, с. 10–50; Филатова, 2007]; 10) это элемент концептуальной системы, того ментального уровня или той ментальной (психической) организации, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение [6, с. 95; Песина, с. 30], в котором концепты связаны по множеству оснований, создавая целостный образ мира с высвечиванием в нём релевантных для конкретного текущего момента связей и характеристик [Маслова Введение в когнитивную лингвистику, с. 48; Воркачев, 2004, с. 20; Hardy].

В-третьих, сравнение – это сложный когнитивный механизм, в котором выделяются этапы, или «шаги»: 1) активирование области, отражающей характеристику темы через признак-модуль; 2) определение признака-модуля через его связь с эталоном. Косвенным подтверждением возможности представления характеристики через отношение к объекту, как нам представляется, являются результаты изучения становления речи в процессе развития ребёнка. Ю.А. Левицкий со ссылкой на работы Н.И. Лепской отмечает, что ребёнок первоначально выражает признак (свойство) через отношение к предмету. В возрасте 21–22 месяцев дети говорят, что орех – это камень (т. е. твёрдый). Ребёнок ещё не отделяет свойства от предмета, что выражается в неразличении существительного и прилагательного [Левицкий. Основы теории синтаксиса, с. 35].

Для адресата вербальным стимулом и программой к сравнению, результатом которого должна стать конкретизация качественного признака, являются компаративные единицы. Они, используя метафору А.А. Залевской, выступают в роли «крючочка», посредством которого «вытягиваются» фрагменты предшествующего опыта [Залевская, 2003], позволяющие адресату самостоятельно получить требуемое знание. Другими словами, компаративная единица задаёт как ракурс и глубину развёртки сравнения, так и яркость, отчётливость «высвечивания» объектов, связей, отношений, переживаний.

Вышесказанное позволяет определить сравниваемые концепты и связь между ними как «высвеченную» (актуальную) область в индивидуальном образе мира. Многомерная структура сравниваемых концептов, включающая всё, что мы знаем, позволяет «высвечивать» необходимое, меняя в соответствии с потребностью степень

детализации и абстракции. Распространение активации начинается из области концепта-темы, далее просто темы. Степень детализации определяется необходимостью наиболее резкого фокусирования на модуле как определяемой характеристике темы. Область активации единиц, имеющая свой центр в месте расположения темы, в механизме сравнения охватывает также сектор концепта-эталона, далее просто эталона. Достижение результата – получение необходимой информации о модуле – кладёт предел ассоциациям и препятствует возбуждению «лишних» цепочек связи.

«Глубина высвечивания» определяется положением области модуля относительно темы и эталона, а именно: непосредственностью или опосредованностью связи данных областей с областью модуля. Последнее объясняет варьирование объёмов областей, актуализируемых в механизме сравнения, а также использование языковых опор, которые помогают сфокусировать внимание на искомом признаке и обеспечивают вербальное стимулирование в поиске модуля, то есть понимание информации. С этой точки зрения особую актуальность приобретают указанные ниже характеристики компаративного высказывания.

Во-первых, адресант должен, используя имеющийся в его распоряжении набор языковых единиц, активировать области концептуальной системы адресата, в которых располагаются концепты, определённые адресантом как тема и эталон.

Путём анализа языкового материала мы выявили в компаративном высказывании языковые единицы, с которых начинается активация области концептов сравниваемых объектов. Мы определяем их как указание на тему и эталон, потому что они выводят тему и эталон в «окно сознания», в то время как составляющие их фон связи учитываются на подсознательном уровне и могут в случае необходимости активироваться через перенесение фокуса внимания [Залевская, 2005, с. 125].

Данные указания активируют образы разной степени отвлечённости: конкретно-чувственные, обобщённо чувственные (мыслительные картинки) и мыслительные образцы предмета или явления (схемы), понятия и прототипы [Карасик, 2004, с. 132–133]. Вокруг последних как их фон формируется пространство концепта,

в котором языковые единицы, использованные адресантом в рамках компаративного высказывания, активируют («высвечивают») определённую область.

Анализируя языковой материал, мы обнаружили, что указание на тему и эталон осуществляется в немецком языке простым, производным или сложным словом, закреплённым в словарном фонде; словосочетанием, которое используется в качестве языковой проекции сложившегося концепта; морфемой: *So riecht z. B. der Gelbliche Knollenblätterpilz* (указание на тему – словосочетание) *nach Kartoffelkeimen* (указание на эталон – сложное слово) [29, S. 6]. *Die Melodie* (указание на тему – простое слово) *klings an ein altes Volkslied* (указание на эталон – сложное слово) *an* [15, Bd. 1, S. 52]. *Wahrhaftig, er hat selbst einen [Schlips] um, rot und mit gelben Schlangenlinien* (первая НС – указание на эталон; вторая НС – указание на тему) [28, S. 192].

Во-вторых, так как «линейно развёртывающаяся речь оказывается своеобразной знаковой моделью деятельности сознания» [Березин, с. 74], логично предположить, что варьирование объёмов областей, которые актуализируются в механизме сравнения, находит выражение в структурном разнообразии языковых проекций рассматриваемого механизма и его составляющих.

Даже беглый обзор таких возможностей обнаруживает разноразноуровневую принадлежность языковых единиц, которые используются при «высвечивании» активируемых областей темы и эталона. В приведённых ниже примерах границы указаний на тему и эталон совпадают с границами активируемых областей: *Bei den holometabolen Insekten unterscheiden sich dagegen die Jugendstadien* (указание на тему и обозначение темы) *von den Vollkerfen* (указание на эталон и обозначение эталона) *beträchtlich (z. B. Raupe – Schmetterling)* [75, S. 65].

Если для определения модуля необходима активация дополнительных представлений, то их языковые проекции входят в группу существительного, указывающего на тему или эталон. В качестве языковых опор, позволяющих конкретизировать область поиска признака-модуля, они входят в группу указаний на тему и эталон в форме согласованного или несогласованного определения, придаточного определительного предложения, уточнения: *Sie legt ihm ihre rechte Hand, diese mir wohlbekannte Hand mit dem krummen Kleinfinger, der einer Kralle gleicht, auf den sabberigen Mund* [80, S. 323].

Опоры могут образовывать вместе с указанием на тему или эталон знаменательное словосочетание, представляющее собой составную номинативно-знаковую единицу, которая передаёт представление о расчленённом объекте, когда в «окно сознания» попадает не только объект, но и определённые его связи: *Ein einzelner Mann ist ein unfertiges Lebewesen; er gleicht der einen Hälfte einer Schere* (обозначение активируемой области эталона) [42, S. 815]. Знаменательное словосочетание может быть языковой проекцией представления о ситуации, в которую вовлечён не один участник: *Dieser war schlank mit hübschem Gesicht, dessen Teint an den eines Kindes* (обозначение активируемой области эталона) *erinnerte* [81, S. 33].

В процессе сравнения могут быть активированы достаточно широкие области концептуальной системы, которые представляют собой ментальные репрезентации сцен, эпизодов, что отражается в выборе языковых проекций активируемых областей: *Dabei kam es ihm vor, als ruhe das schwarze Gewitter über dem riesenhaften Felsrücken des Generoso* (подчёркнуто обозначение темы, выделено указание на тему), *wie ein ungeheurer Stier über einer Färse ruht* (подчёркнуто обозначение эталона, выделено указание на эталон), *schnaube Regen aus seinen Nüstern, murre, schieße zuckende Blitze aus düster flammenden Augen ...* [54, S. 90]. В приведённом компаративном высказывании языковыми проекциями активируемых областей темы и эталона являются предикативные единицы. Наименование отображает представление о ситуации, компонентами которой являются действие (процесс), его агент, его объект. Отмеченные компоненты типичной пропозитивной ситуации, существенно охарактеризованные через своё отношение друг к другу, дополнительно характеризуются своими признаками, которые отображаются соответствующими номинативными средствами: *das schwarze Gewitter, ein ungeheurer Stier*.

В следующем компаративном высказывании отношение компонентов друг к другу в составе обозначений темы и эталона получает дополнительную обстоятельственную характеристику, называемую инфинитивным оборотом с *um ... zu*. *Auch das Gehirn hat seine Muskeln, um zu denken, wie die Beine ihre Muskeln haben, um zu gehen* [32, S. 54]. Подобные уточнения представляют собой вербальные опоры, позволяющие адресату определить признак-модуль, сузить

область поиска последнего, поэтому подобное уточнение в рамках компаративного высказывания можно рассматривать как **указание на область поиска признака-модуля**.

Таким образом, при рассмотрении сравнения как когнитивного механизма находят рациональное объяснение структурное разнообразие языковых проекций темы и эталона и обращение адресанта к языковым средствам, позволяющим уточнить область поиска признака-модуля и конкретизировать границы активируемых областей темы и эталона.

Данный ракурс позволяет акцентировать внимание на субъектности сравнения и его результатов и на поэтапности его разворачивания.

В кадр попадает и ещё одна характеристика, актуальная при рассмотрении сравнения как когнитивного механизма. Использование сравнения как вербального стимула к активации аналогичного когнитивного механизма в сознании другого носителя немецкого языка предполагает присутствие в памяти коммуникантов некоторой модели или программы данного ментального действия, к которому апеллирует адресант, и который задаёт схему ментальных действий для адресата.

1.2. Отражение этапов разворачивания сравнения в немаркированных компаративных конструкциях

Основываясь на представлении о сравнении как о распространении возбуждения из области одного концепта в область другого концепта через некоторую характеристику, можно предположить, что в механизм сравнения включаются следующие элементы: тема сравнения (*T*), эталон (*Э*) и общий для них признак (*M*). Устанавливаемое в этом случае отношение можно описать следующим образом: «*T* характеризуется / не характеризуется признаком *M*, которым обладает *Э*». Данная модель выявляет в механизме сравнения составляющие его шаги: 1) активируется область, отражающая характеристику некоторой *T* через признак *M*; 2) признак *M* определяется через его связь с некоторым *Э*. Общность признака *M* для

T и *Э*, определяемого через его связь с *Э*, позволяет рассматривать активируемую область как результат сравнения.

На уровне поверхностной реализации мы находим компаративные высказывания, фиксирующие осуществление сравнения по данной схеме как пошагового механизма: *Ole* (указание на *T*) *hatte den harthölzernen Schädel* (уточнение области поиска признака *M*) *seines Großvaters* (указание на *Э*) [81, S. 31]. В данном случае в языковой проекции находит отражение выделение в теме некоторой характеристики, осмысляемой и ословливаемой как область поиска признака-модуля, в которой осуществляется конкретизация и осмысление искомого признака уже с опорой на эталон.

Несмотря на то что в компаративных высказываниях данного типа отсутствуют показатели сравнительных отношений (степени сравнения прилагательных; союзы и частицы *wie, als, gleich*; глаголы *ähneln, gleichen*; прилагательные *ähnlich, gleich*), в том, что они передают сравнительный смысл, сомневаться не приходится: *Nachdem die Frau hastig eine dicke Brotkante verzehrt hatte, warf sie Tuch und Jacke fort und begann zu graben, mit der Geschwindigkeit und Ausdauer einer Maschine* [53, S. 24]. *Sein Gehirn arbeitete mit der Schnelligkeit eines Motors, über den der Maschinist die Herrschaft verloren* [58, S. 67]. Адресату ясно, что в первом случае женщина, вскапывающая землю, сравнивается с машиной, и что общее между ними следует искать в области признаков «скоростные характеристики» и «методичность, размерность движений». Во втором случае работа мозга сравнивается с работой двигателя локомотива, функционирование которого в силу неподвижных обстоятельств больше не контролируется машинистом. Область поиска признака-модуля «скорость» определяется существительным *Schnelligkeit*.

Общим признаком подобных высказываний в немецком языке можно считать их очевидную компаративность в условиях отсутствия показателей сравнительных отношений (степеней сравнения прилагательных; союзов и частиц *wie, als, gleich*; глаголов *ähneln, gleichen*; прилагательных *ähnlich, gleich*). Границы компаративных единиц без показателей сравнительных отношений не закрепляются за границами определённых синтаксических единиц. Они могут совпадать с границами простого предложения, как в первом случае,

либо выходить за рамки простого предложения. К примеру, во втором случае компаративной единицей является сложноподчинённое предложение. Границы компаративных единиц без показателей сравнительных отношений могут также совпадать с границами словосочетания: *Er fasste zart ihr Kinn, wobei er mit den abgespreizten Kleinfingern ihren Truthahnals berührte* [79, S. 462]. *Unter seiner Nase lag ein Bärtchen von der Farbe einer Weizenähre* [80, S. 97]. Однако в каждом случае данные компаративные единицы представляют собой соединение в единую конструкцию двух номинативных единиц — обозначения темы и наименования эталона. Отсутствие показателей сравнительных отношений в составе рассматриваемых компаративных единиц и объединение в их составе в единую конструкцию языковых проекций темы и эталона позволяет, как нам представляется, определить их как **немаркированные компаративные конструкции**.

Принимая точку зрения Б.А. Абрамова, что «любое словосочетание и любое предложение как целое формируются в результате взаимодействия центробежных потенций доминирующих слов и центростремительных потенций зависимых слов» [Абрамов, 2003, с. 111], мы находим, что соединение обозначений темы и эталона в целостность становится возможным в результате актуализации центростремительных и центробежных потенций общего для них номинативного элемента. Общий номинативный элемент, который мы определяем в рамках немаркированной компаративной конструкции как «узловое» слово, входит как в обозначение темы, так и в обозначение эталона. В приведённых выше примерах общий номинативный элемент представлен существительными *Geschwindigkeit*, *Ausdauer*, *Schnelligkeit*.

В примерах компаративных словосочетаний такими элементами являются морфема *-hals* и существительное *Farbe*. В нашей работе вторые непосредственно составляющие, которые представляют собой субстантивную основу сложного существительного и выполняют «узловую» роль в немаркированной компаративной конструкции, рассматриваются в ряду «узловых» компонентов существительных в силу их соотносимости с соответствующими существительными. Правомерность рассмотрения названных элементов в одном ряду подтверждается текстовыми примерами,

иллюстрирующими их взаимозаменяемость: *So ein Klugscheißer mit einem Rattenmund, dem Mund einer lächelnden Ratte, Judejahn hatte ihn nicht gemocht* [59, S. 121].

Центральная позиция и организующая роль в границах компаративной единицы, которую играет общий номинативный элемент, позволяют рассматривать его как «узловой» компонент в немаркированных компаративных конструкциях и предположить, что он представляет собой языковую проекцию представления, фокусирующего внимание адресата на области поиска признака-модуля. Подтверждение правильности сделанного предположения даёт анализ немаркированных компаративных конструкций немецкого языка.

В следующем примере в роли «узлового» компонента немаркированной компаративной конструкции выступает существительное *Bläue*: *Am nächsten Morgen hat das Meer die Bläue einer ausgebleichenen Weiberschürze* [80, S. 288]. Существительное *Bläue* можно было бы рассматривать как обозначение модуля, если бы оно не называло признак в наиболее общем, отвлечённом виде. Существительное *Bläue* объединяет и представление о васильковом, и о сапфировом, и о небесно-голубом, и о бирюзовом, и о лазурном. В рассматриваемом случае модулем является конкретный оттенок синего цвета. Море сравнивается по оттенку синего цвета с выцветшим женским передником. Таким образом, существительное *Bläue* лишь задаёт направление поиска признака-модуля. Модуль конкретизируется путём указания на особенность данного признака, которая характерна для предмета, выбранного субъектом сравнения в качестве эталона. Эрвин Штриттматтер полагает, что размытый оттенок голубого, в который было окрашено море в то утро, можно увидеть на поблекшем женском переднике, не раз побывавшем в стирке.

В немаркированных компаративных конструкциях в качестве «узлового» компонента используется неопределённое местоимение *etwas*, что тоже подтверждает предположение о том, что «узловой» компонент не обозначает модуль: *Er hat auch etwas von meinem abweisenden Wesen an sich* [80, S. 329]. Приведённый пример иллюстрирует, что «узловой» компонент в составе немаркированной компаративной конструкции лишь указывает на обширную область возможных представлений, в которой адресат, опираясь на эталон, производит самостоятельный поиск признака-модуля.

К немаркированным компаративным конструкциям немецкого языка мы относим конструкции и словосочетания с компаративными сложными прилагательными, так как в их составе также не обнаруживаются показатели сравнительных отношений. В компаративных сложных прилагательных функцию «узлового» элемента выполняет последняя НС: *Unweit von Alexejs Standpunkt zogen sich zwei **schenkeldicke Rohrleitungen** den Hang herab* [61, S. 16].

Анализ дефиниций, которые дают подобным прилагательным носители немецкого языка, позволяет предположить, что смысл рассматриваемых прилагательных связывается с результатами логической операции сравнения. В дефинициях, как правило, указывается на устанавливаемое отношение при помощи показателя сравнительных отношений *wie*, подчёркивается экспрессивное выделение признака, названного второй НС, эксплицируется модуль. К примеру, смысл прилагательного *himbeerrot* определяется в словаре под редакцией Р. Клаппенбах сравнительной конструкцией ‘rot wie Himbeeren’, в словаре под редакцией Г. Кемпке значение рассматриваемого сложного прилагательного передаётся более детально ‘rot wie reife Himbeeren’. Смысл прилагательного *fuchswild* объясняется в словаре под редакцией Р. Клаппенбах с помощью интенсификатора *sehr* ‘sehr aufgeregt und zornig’, в словаре под редакцией Г. Кемпке при определении значения прилагательного используется интенсификатор *außerordentlich* ‘außerordentlich zornig’. При объяснении прилагательного *ziegelrot* в словаре под редакцией Р. Клаппенбах указывается модуль ‘gelblichrot’. Подобный приём, но с опорой на другие языковые средства, используется при интерпретации данного прилагательного и в словаре под редакцией Г. Кемпке ‘rot mit einem Stich ins Gelbliche’.

Имеет место и интерпретация прилагательных рассматриваемой группы путём обращения к рассмотренным выше немаркированным компаративным конструкциям с именем существительным в роли «узлового» элемента. В таких толкованиях актуализируется связь второй НС сложного прилагательного с однокоренным существительным. Например, прилагательное *purpurfarben* объясняется в обоих словарях следующим образом: ‘von, in der Farbe des Purpurs’, значение прилагательного *regenbogenfarbig* интерпретируется

в словаре под редакцией Р. Клаппенбах как ‘in den Farben des Sonnenspektrums’. Регулярная корреляция обсуждаемых единиц в толкованиях сложных прилагательных рассматриваемой группы находит связи элементов в парадигматическом ряду именования [Блох, с. 76; Blokh, с. 51]:

- *rot wie ein gekochter Krebs – krebsrot – das Rot eines gekochten Krebses;*
- *rot wie Korallen – korallenrot – das Rot der Korallen;*
- *blau wie der Himmel – himmelblau – die Bläue des Himmels;*
- *schwarz wie Samt – samtschwarz – ein samtenes Schwarz;*
- *grau wie der Himmel – himmelgrau – das Grau des [bedeckten] Himmels.*

Один и тот же смысл передаётся разными элементами морфосемантического поля. Являясь составляющими одного морфосемантического поля, перечисленные единицы номинации сохраняют семантические связи. Вместе с тем в данном случае наблюдается словообразовательная самостоятельность в развитии направлений, обозначенных словами с общим корнем: мы имеем в виду сложные слова. Можно констатировать и отличия синтаксических потенций однокоренных слов, обусловленные их принадлежностью к разным частям речи – к прилагательным или к существительным.

В нашем случае важно проследить, указывается ли в предлагаемых вариантах номинации на отношение сравнения. В этой связи следует заметить, что, если в первом варианте есть прямое указание на отношение сравнения, второй вариант, как это было отмечено выше, ассоциируется у немецкой языковой личности со сравнительными отношениями, то третий вариант определяет признак как качество предмета, иными словами, в последнем словосочетании констатируется отношение принадлежности.

В прилагательных на *-artig*, *-farben (-farbig)*, *-förmig (-formen)* названные элементы, как вторые НС в рассмотренных выше компаративных прилагательных, обозначают аспект признака и в какой-то мере играют роль «узловых» элементов компаративных словосочетаний и конструкций. Вместе с тем показатели сравнительных отношений в компаративных конструкциях с прилагательными на *-artig*, *-farben (-farbig)*, *-förmig (-formen)* отсутствуют: *Sie spürte kurz einen leichten Kopfschmerz, nadelstichtartig* [76, S. 103]. *Die Frau saß in einem schalenförmigen Rohrsessel* [76, S. 8]. Такая характеристика

на фоне выражения сравнительных отношений позволяет отнести их в состав немаркированных компаративных конструкций.

С рассмотренными выше немаркированными компаративными конструкциями с именем существительным в качестве «узлового» элемента соотносятся высказывания, в состав которых входят прилагательные на *-ig, -isch, -haft, -lich*. В Штейнберг в романе *Wasser aus trockenen Brunnen* использует конструкцию с прилагательным на *-haft*: *Sie sieht Jutta mit ihren zigeunerhaften Augen schalkhaft an* [79, S. 264]. На этой же странице автор обращается к другому варианту номинации: *Ihre Zigeuneraugen werden noch größer, als Jutta zu ihrer Einkaufstasche geht* [79, S. 264]. Последний вариант представляет собой рассмотренную выше конструкцию с определительным сложным существительным, первая НС которого указывает на эталон.

Аналогичное варьирование способов номинации наблюдается в романе *Die Füchse im Weinberg* Л. Фейхтвангера. Конструкция с определительным субстантивным компаратом, первая НС которого указывает на эталон, коррелирует с конструкцией, включающей прилагательное на *-isch*: *Wohl trauerte Toinette tief über den Heldentod ihres François* [42, S. 828]. *Wie tröstlich es sei, dass Vaudreuil einen so heldischen Tod gefunden habe auf der Kriegsfahrt nach England* [42, S. 829]. Корреляция словосочетаний с дериватами на *-ig, -isch, -haft, -lich* с рассмотренными ранее компаративными единицами свидетельствует о том, что словосочетания с данными дериватами используются для выражения сравнительных отношений и могут быть отнесены в ряд немаркированных компаративных конструкций немецкого языка.

Подводя итог, следует отметить, что все рассмотренные компаративные единицы являются продуктами процессов синтаксических, они отдельно оформлены и являются конструкциями, в которых объединены языковые единицы, соотносимые с этапами механизма сравнения, в схеме которого выявляется два шага: 1) активирование области, отражающей характеристику *T* через признак *M*; 2) определение признака *M* через его связь с *Э*. Соединение обозначений темы и эталона в целостность в границах компаративной единицы становится возможным в результате актуализации центростремительных и центробежных потенциалов «узлового» слова – общего для

них номинативного элемента, актуального как в обозначении темы, так и в указании на эталон. По признакам отсутствия в составе компаративных единиц показателей сравнительных отношений и объединения номинаций темы и эталона в синтаксическую целостность (предложение, словосочетание) они могут быть отнесены в группу немаркированных компаративных конструкций немецкого языка.

1.3. Указание на субъект сравнения

В параграфе 1.1 мы особо подчеркнули, что речь идёт о ментальной активности субъекта сравнения, хотя, на первый взгляд, создаётся впечатление, что в условиях совпадения субъекта сравнения и субъекта высказывания последний, сообщая о результатах своей мыслительной деятельности, ориентируется на модель «***T* характеризуется / не характеризуется признаком *M*, которым обладает *Э***». В высказывании присутствуют обозначения темы и эталона, возможно указание на область поиска признака-модуля, а указание на субъект сравнения — отсутствует: *Unten zuckelten die Straßenbahnen eingleisig bergan wie alte sehr unsichere Tiere, die es nicht mehr zu schlachten lohnt* [32, S. 15].

Вместе с тем общепризнанным является мнение, что субъект не устраним из речи. Прямая речь обязательно соотносится с говорящим, монолог художественного текста — с личностью автора. М.П. Брандес отмечает, что даже в самом объективном повествовании присутствует образ автора [Брандес, 1971, с. 53, 57]. Н.К. Рябцева увязывает данный вопрос с проблемой антропоцентричности языка и с производимой говорящим рефлексией. По наблюдениям Н.К. Рябцевой, субъект высказывания может присутствовать в высказывании (одновременно) в качестве наблюдателя / субъекта восприятия, говорящего / субъекта речи, субъекта сознания и мышления (отношения, реакции, размышления), а также в качестве субъекта (речевого) действия / поведения, культуры и, кроме того, объекта [Рябцева, с. 377–389]. Его присутствие маркируется субъектными компонентами речи, которые Н.К. Рябцева определяет как «компоненты высказывания / текста, соотносимые с породившим его субъектом» [Рябцева, с. 337].

Собранный нами эмпирический материал позволяет наблюдать в компаративных высказываниях средства, маркирующие присутствие субъекта сравнения, который одновременно выступает в ролях, обозначенных Н.К. Рябцевой. К примеру, взгляд из ракурса стороннего наблюдателя приводит к тому, что сравнение представляется субъекту как ситуация, одним из актантов которой является субъект сравнения: *Sein Anblick wirkte auf sie wie ein rotes Tuch auf den Stier* [9, S. 771], что позволяет говорить о включении в состав механизма сравнения кроме темы, модуля и эталона ещё одного элемента – субъекта сравнения (С). Таким образом, предложенная выше модель описания сравнения должна быть расширена следующим образом: **«В восприятии / представлении С [Т характеризуется / не характеризуется признаком М, которым обладает Э]»**.

На субъект сравнения указывают, как правило, когда некто сообщает о результатах сравнения, осуществлённого другим человеком: *Auch ihm scheint die Gefahr jetzt größer als noch vor wenigen Minuten* [45, S. 208]. Варьирование состава элементов, обнаруживаемых субъектом в рассматриваемом фрагменте, связано с тем, что «человек описывает языковыми формами не столько саму объективно существующую ситуацию, сколько то, что и как он воспринял и понял» [Ивина, с. 32].

Модель **«В восприятии / представлении С [Т характеризуется / не характеризуется признаком М, которым обладает Э]»** рассматривается нами как базовая, позволяющая разграничить элементы, которые активируются в памяти субъекта в ходе сравнения.

Базовая модель даёт представление о сравнении как о стереотипной ситуации. С позиций современной когнитивной лингвистики информация о стереотипных ситуациях хранится в памяти человека в виде структур данных, «фреймов» [Minsky; 6, с. 187; Никонова, с. 12]. Вместе с тем понятие фрейма включает не только способ организации знания в памяти человека, а подразумевает также, что организации знания соответствует организация способов его обработки [Бочкарев, с. 172; Кронгауз, 2005, с. 69]. «Формально фреймы представляют в виде структуры узлов и отношений. Вершинные уровни фреймов фиксированы и соответствуют вещам, всегда справедливым по отношению к предполагаемой ситуации»

[6, с. 188]. Вершинные узлы (терминалы) представляют инвариантную часть фрейма. Ниже этих узлов располагаются слоты. Слотовое наполнение представляет вариативную часть фрейма, «которая может заполняться конкретной информацией» [Кронгауз, 2005, с. 69].

Предлагаемая модель описания механизма сравнения позволяет определить вершинные узлы фрейма сравнения: «субъект сравнения» (С), «тема» (Т), «эталон» (Э), «модуль» (М).

Наличие терминала «субъект сравнения» в составе фрейма сравнения связано с характером рассматриваемого явления. Сравнение как когнитивный механизм, как способ оперирования мыслительными репрезентациями предполагает, что эту операцию осуществляет некоторое лицо, субъект сравнения. Поэтому терминал «субъект сравнения» является одним из вершинных узлов фрейма сравнения.

В результате анализа языкового материала мы выяснили, что в компаративных высказываниях на немецком языке возможно эксплицитное указание на субъект сравнения. Указание на субъект сравнения отмечается в предложениях, организуемых глаголами и прилагательными-предикативами со значением сходства / отличия, в предложениях, в составе которых присутствуют сравнительные конструкции с *wie* и *als*, в сложноподчинённых предложениях с ирреальным сравнением, в сложноподчинённых предложениях с реальным сравнением, в немаркированных компаративных конструкциях.

К условиям, позволяющим немецкой языковой личности указать на субъект сравнения в высказываниях с глаголами сравнительной семантики и конкурирующими с ними прилагательными-предикативами, можно отнести появление в позиции обстоятельства словосочетаний со следующим лексическим наполнением:

1. Определяемое существительное относится к семантической группе «способ мысленного представления», например: *der Traum, die Gedanken, die Schimäre, die Vision*. Оно определяется существительным в родительном принадлежности («первичная функция генитива» [Левковская, с. 11–13]) или местоимением, которые указывают на субъект, совершающий мыслительное действие: *In meiner Vorstellung ähnelt es dem Tor vor dem Schacht, ist bewehrt mit eisernen Stäben in Lanzenform* [68, S. 110].

2. Определяемое существительное входит в семантическую группу «мнение / суждение»: *die Meinung, die Überzeugung, das Erach-*

ten, die Ansicht. Оно определяется существительным в родительном падеже со значением принадлежности или местоимением, указывающим на субъект, который высказывается или размышляет по какому-то поводу: *Obgleich die Handlung offenkundig und seinem eigenen Urteil nach an Wahnsinn streifte, war sie doch noch einigermaßen priesterlich* [54, S. 76].

Как косвенное указание на факт осуществления сравнения некоторым субъектом можно интерпретировать и словосочетание в позиции обстоятельства в следующем высказывании: *Von weitem gleichen die beiden Geräte zwei grünen Hügeln* [61, S. 51]. Словосочетание в позиции обстоятельства позволяет судить о положении субъекта сравнения в пространстве в момент, когда происходит сравнение объектов.

В окружении финитных глаголов и прилагательных-предикативов со сравнительной семантикой языковая проекция субъекта сравнения возможна в позиции свободного распространителя. Глаголы, представляющие сходство / отличие как воспринимаемую данность, допускают появление языковой проекции субъекта сравнения в актантной позиции.

В рамках компаративного высказывания глагол *erinnern* в значении ‘походить’ открывает позицию на прямое дополнение, замещаемую языковой проекцией субъекта сравнения: *Ihr alterndes, südlich blaßes Gesicht mit dem großen, verhärmtten, einseitig abwärts gezogenen Mund erinnerte Hans Castorp an das Bild einer berühmten Tragödin* [66, S. 52].

Рассматриваемое семантическое отношение актуализируется глаголом *erinnern* в значении ‘походить’ вследствие тесного взаимодействия между двумя его значениями — ‘походить’ и ‘вызвать в памяти’. Нам бы хотелось обратить внимание на то, что при определении последнего значения мы исходили из замечания Н.Д. Арутюновой, что способность к приобретению ментальных значений у перцептивных глаголов несовместима с обозначением деятельности, ментальные значения развиваются у глаголов результативной, «констатирующей» семантики (видеть, слышать, чувствовать) [Арутюнова, 1988, с. 110–120]. Данное замечание учитывается при наименовании значения на русском языке, хотя в немецком языке нет резкой противопоставленности глаголов совершенного и несовершенного вида, как в русском.

Именно на основе значения ‘вызвать в памяти’ происходит формирование значения ‘походить’. Примечательно, что привлечение в качестве эталона представлений, связанных с субъективными переживаниями конкретного лица, является благоприятным обстоятельством для появления в компаративном высказывании языковой проекции субъекта сравнения: *Hinter sich hatte er nun die Säulenreihe des pompösen Tempels, und die weiße Pracht erinnerte ihn an etwas, sie erinnerte ihn an eine Torte, die der kleine Gottlieb bewundert und nie bekommen hatte* [59, S. 59]. Основанием для необычного сравнения прекрасного храма с тортом являются переживания маленького Готлиба, связанные с созерцанием торта в витрине кондитерской Зюфке. Храм сравнивается с великолепным тортом из детства Готлиба, которым он лишь восхищался. Вероятно, ему очень хотелось его попробовать, но отведать кусочек этого белого великолепия ему так и не пришлось.

Привлечение в качестве эталона представления о предмете или лице, знакомом определённой группе людей, сглаживает индивидуальность сравнения. Информация о субъекте сравнения отодвигается на второй план. В компаративном высказывании, приведённом ниже, позицию прямого дополнения при глаголе *erinnern* замещает неопределённое местоимение: *Es war natürlich richtig: dieser Engel mit den eingezogenen Flügeln glich der Person, der Pepa, und der andere, der mit den aufgespannten Flügeln, erinnerte einen an die stadtbekannte Rafaela* [43, S. 518]. Субъект сравнения уже не конкретный человек, а любой житель города, знакомый с Пепой и Рафаелой. Указание на лицо, что-либо вспоминающее, не противоречит общему представлению сравнения как ситуации, регистрируемой субъектом сравнения. Это, вероятно, и объясняет возможность указания на субъект сравнения в позиции прямого дополнения при глаголе *erinnern* в значении ‘походить’. Называется, собственно говоря, лицо, воспринимающее предмет, но данное лицо одновременно является и субъектом сравнения, последний факт позволяет говорить об указании на субъект сравнения в рамках компаративного высказывания.

Как было указано ранее, существование субъекта сравнения предопределяет возможность осуществления соответствующей мыслительной операции, вероятно, поэтому данный элемент

не всегда называется. Логично предположить, что при получении информации о результатах сравнения в условиях отсутствия указаний на авторство актуализируется слот «адресант». Указанный факт объясняет, почему в компаративных высказываниях с глаголом *erinnern* в значении ‘походить’ субъект сравнения представляет собой лишь факультативный актант и может не называться в высказывании, как в следующем примере: *Der Lazarettbetrieb erinnerte eher an eine Kaserne als an ein Krankenhaus* [72, S. 416].

Однако необходимо заметить, что, несмотря на факультативность обозначения субъекта сравнения при лексико-семантическом варианте (далее ЛСВ) ‘походить’ глагола *erinnern*, чаще встречаются компаративные высказывания с эксплицированным субъектом сравнения. Было проанализировано 64 примера. В 60,9 % высказываний присутствовала языковая проекция субъекта сравнения, и лишь в 39,1 % высказываний субъект сравнения не был назван.

По некоторым свойствам к глаголу *erinnern* примыкают перцептивные глаголы в их широком значении (*klingen, riechen, duften, schmecken, aussehen*), которые также могут быть ядром компаративного высказывания. Ментальный смысл ‘походить’ у данных глаголов формируется на базе значения констатации результатов чувственного восприятия. Об этом свидетельствует появление в позиции факультативного актанта в рамках компаративного высказывания, организуемого данными глаголами, обозначения лица, воспринимающего предметы: *Das riecht mir aber sehr nach Sensationshaherei* [16]. Совпадение лица, воспринимающего предметы, и субъекта сравнения позволяет рассматривать данное наименование как косвенное указание на субъект сравнения. Однако необходимо заметить, что число таких примеров сводится к единичным случаям.

Субъект сравнения в компаративных высказываниях, организуемых глаголом *erinnern* и перцептивными глаголами *klingen, riechen, duften, schmecken, aussehen*, называется в позиции дополнения. Его наименование является факультативным актантом, так как отсутствие обозначения субъекта сравнения не нарушает грамматичности предложений, которые организуются глаголом *erinnern* и глаголами чувственного восприятия со значением ‘походить’. Причина отсутствия указания на субъект сравнения в рассматриваемых

высказываниях, вероятнее всего, связана с представлением ситуации как результата мыслительного действия адресанта. В центре внимания адресанта — элементы, побуждающие к осуществлению мыслительного действия, к поиску признака-модуля. Терминал «субъект сравнения» адресат в состоянии заполнить самостоятельно, основываясь на информации, получаемой им в результате анализа контекста или ситуации общения.

Указание на субъект сравнения имеет место и в компаративных высказываниях, в составе которых присутствуют сравнительные конструкции с *wie* и *als*: *Die Stadt dünkte ihm toter noch als tot zu sein* [59, S. 60]. *Die Baumgruppen erschienen ihm wie zusammengeduckte Ungeheuer* [58, S. 169]. Приведённые примеры демонстрируют общие черты компаративных высказываний данной группы.

Во-первых, ЛСВ глаголов (*dünken*, *erscheinen*, *scheinen*, *wirken*, *vorkommen*), которые организуют рассматриваемые компаративные высказывания, объединяются в одну тематическую группу. Ведущая характеристика рассматриваемой группы глаголов удачно сформулирована в словаре Р. Клаппенбах при определении интересующего нас ЛСВ глагола *wirken*: ‘etwas übt auf Grund seiner Beschaffenheit eine Wirkung aus’ [16]. В дефинициях ЛСВ других глаголов рассматриваемой группы эта характеристика тем или иным образом уточняется. Так в определении глаголов *erscheinen*, *dünken* и *vorkommen* присутствует указание на лицо, которое подвергается воздействию. Глагол *erscheinen* интерпретируется как ‘etwas, jemand ruft bei jmdm. einen bestimmten Eindruck hervor’ [16], ‘etw. macht auf jmdn. einen bestimmten Eindruck’ [15]. Рассматриваемый ЛСВ глагола *scheinen* истолковывается как ‘jmd., etw. erweckt einen bestimmten Anschein, Eindruck’ [15]. Толкование глагола *vorkommen* в рассматриваемом ЛСВ совпадает с вышеприведённой интерпретацией глагола *erscheinen* почти слово в слово: ‘etwas, jemand ruft bei jmdm. einen bestimmten Eindruck hervor’ [15], ‘jmd., etw. wirkt auf jmdn. wie jmd., etw.’ [16]. Дефиниция глагола *dünken* выглядит следующим образом: ‘(jmdm. in einer bestimmten Weise) erscheinen, vorkommen’ [11].

Во-вторых, наблюдается сходство при заполнении позиций, открываемых данными глаголами. Указание на тему сравнения выполняет функцию подлежащего, указание на эталон даётся в пози-

ции обстоятельства в составе группы с *wie*, обозначение субъекта сравнения появляется в позиции косвенного беспредложного или предложного дополнения. Общим для рассматриваемых компаративных высказываний является и тот факт, что заполнение последней позиции факультативно, отсутствие обозначения субъекта сравнения в рассматриваемых компаративных высказываниях грамматичности предложения не нарушает: *Der Himmel war düster und erschien wie ein unendlich tiefer Sack, aus dem flimmernde Fäden hingen* [58, S. 173].

Таким образом, языковая проекция субъекта сравнения наблюдается в компаративных высказываниях, организуемых глаголами, в семантической структуре которых содержится смысловой элемент «воздействие на субъект», либо глаголами, называющими виды чувственного и ментального анализа действительности.

Обозначение субъекта сравнения занимает в компаративных высказываниях с прилагательными-предикативами, относящимися к семантической группе «оценка», позицию дополнения: *Fast war sie [Musik] ihm unsympathisch wie die eigene Stimme, die man, auf ein Tonband gefangen, zum ersten Mal aus dem Lautsprecher hört und denkt, das bin nun ich, dieser aufgeblasene Geck* [59, S. 10]. *Die Lucia war ihm heute noch so erregend und fremd, so bedrohlich unberechenbar wie am ersten Tag* [43, S. 45]. В значении прилагательных и причастий данной группы, как и в вышеописанных случаях, обнаруживается смысловой элемент «воздействие на субъект» либо содержательный компонент «анализ действительности». В определении прилагательного *sympathisch* смысловой элемент «воздействие на субъект» передаётся причастием *wirkend*, которое открывает позицию на косвенное дополнение с предлогом *auf*: ‘auf jmdn. gewinnend, ansprechend, angenehm wirkend’ [16]. Причастие *erregend* образовано от глагола *erregen*, в значении которого на целенаправленное воздействие указывает глагол *erwecken* ‘heftige Gefühle in jmdm. erwecken’ [16]. Смысловой компонент «анализ действительности» находим в дефиниции прилагательного *unberechenbar*, значение которого объясняется в словаре под редакцией Р. Клаппенбах следующим образом: ‘im Denken, Empfinden sprunghaft, so geartet, dass man Verhalten und Reaktionen nicht voraussehen kann’ [16]. Указание на субъект, который определяет

соответствие предмета имеющемуся представлению о нём, позволяет предположить такой же смысловой элемент и в значении прилагательного *fremd*: ‘nicht zu der Vorstellung, die man von jmdm. / etw. hat, passend’ [18].

В компаративных высказываниях с прилагательными-предикативами семантической группы «оценка» субъект сравнения может быть назван и в позиции обстоятельства: *Sehr deutlich in ihm, so deutlich, als stünden sie leibhaft im Raum, waren die letzten Worte, die er aus der redenden Welt in seine Taubheit mitgenommen hatte, ihre Worte* [43, S. 573]. Указание на субъект сравнения в высказывании становится возможным, как и в рассмотренных выше случаях, в связи с наличием в семантике прилагательного *deutlich* смыслового элемента «анализ действительности», который эксплицируется в определении, предлагаемом в словаре под редакцией Г. Кемпке, прилагательным *wahrnehmbar*: ‘gut wahrnehmbar’ [15].

С определёнными оговорками можно утверждать, что обозначение субъекта сравнения появляется в позиции дополнения при глаголах *berühren, bewegen, nahe gehen, durchschüttern, anrühren, packen, ergreifen* в значении ‘stark auf das Gefühl wirken’ [12], когда позиция подлежащего занимает словосочетанием, построенным по образцу «*etwas + wie + существительное семантической группы “чувство”*»: *Etwas wie eine tödliche Angst packte ihn, sie könne ihn durch den dicken Baum hindurch bemerken* [58, S. 26]. В приведённом высказывании в позиции подлежащего появляется группа, в составе которой обнаруживаются обозначения элементов механизма сравнения: местоимение *etwas* указывает на тему, указание на эталон даётся существительным в составе группы с *wie*. Другими словами, в основании словосочетания в позиции подлежащего лежит сравнение, что позволяет считать данное словосочетание компаративной единицей. Глаголы воздействия предполагают замещение открываемой ими позиции на дополнение обозначением лица, которое подвергается некоторому воздействию. Вместе с тем роль данного лица активна, именно называемый в позиции дополнения человек анализирует и определяет тип ощущения, которое ему приходится переживать, поэтому логично предположить, что указанное в данной позиции лицо одновременно является и субъектом сравнения.

Обозначение субъекта сравнения в высказываниях на немецком языке, в составе которых присутствуют сравнительные конструкции с *wie*, возможно и в позиции подлежащего при глаголах чувственного или ментального анализа, к которым мы относим глаголы *empfinden, fühlen, sehen, finden, sich vorstellen*: *Nur beim Anblick Ingrid's empfand er etwas wie Vertrautheit* [71, S. 202]. Глаголы, организующие компаративные высказывания данного типа, называют либо определённый вид чувственного представления, либо факт ментального анализа, что отражается в словарных дефинициях их значений. Только как факт отражения чувственного представления интерпретируется значение интересующего нас ЛСВ глагола *fühlen*: ‘*etw. psychisch, jedoch ohne (eingehende) intellektuelle Reflexion wahrnehmen*’ [15]. Значение анализируемого ЛСВ глагола *sich vorstellen* близко к значению глагола *fühlen*: ‘*sich in Gedanken ein Bild, eine Vorstellung von etw. machen*’ [15]. Рассматриваемые ЛСВ глаголов *finden* и *empfinden* определяются как факты ментального анализа. Первый разъясняется как ‘*etw., jmdn. in bestimmter Weise einschätzen, beurteilen*’ [15]. Интересующее нас значение второго глагола объясняется следующим образом: ‘*etw. in bestimmter Weise werten, gefühlsmäßig auffassen*’ [15].

Глаголы данной группы открывают в своём окружении позицию на подлежащее, замещаемую наименованием лица, которое подвергает анализу окружающий его мир, и в сознании которого возникает определённое чувственное представление. Совпадение данного лица с субъектом сравнения создаёт условия для указания на него. Относительно компаративных единиц в форме словосочетания информацию о субъекте сравнения, содержащуюся в высказывании, можно рассматривать как фоновую.

Необходимо отметить, что субъект сравнения в рассматриваемых случаях иногда теряет свою конкретность. Может ослабляться и связь дополнения со сказуемым. В следующем высказывании в условиях неизменности валентных характеристик глагола *sehen*, в окружении которого в позиции подлежащего предполагается обозначение субъекта сравнения, позиция на подлежащее замещается неопределённо-личным местоимением *man*: *Wenn man gegenüber auf die Staffeln trat und sich auf die Fußspitzen stellte, so konnte man den Lüster aus Orchideenblüten sehen, deren Kelche das Licht ausströmten. Und*

weit hinten etwas Blinkendes, wie den Arm einer Statuette [58, S. 63]. Связь со сказуемым настолько ослабевает, что в высказывании сказуемое не называется, оно подразумевается и восстанавливается на основе предшествующего контекста.

Изменение угла зрения на событие – к примеру, использование конструкции «*sein + zu* + смысловый глагол чувственного или ментального анализа» – исключает вербализацию субъекта сравнения в непосредственном окружении интересующих нас глаголов: *Wer Sie nicht kennt, der merkt nicht, wie hinter Ihrer richtigen, klaren und scharfen Einsicht und Erkenntnis etwas wie Resignation zu spüren ist* [71, S. 469].

Семантика финитного глагола и указание на субъект сравнения в позиции подлежащего представляют собой ту языковую среду, на фоне которой определяются отношения между темой и эталоном. Глагол уточняет область поиска признака-модуля: это область зрительно воспринимаемых характеристик объекта или характеристик, воспринимаемых на уровне интуиции.

Смысловая и синтаксическая связь группы с *wie* в приведённых выше примерах с указанием на тему сравнения в позиции прямого дополнения очевидна, что подтверждается позицией группы с *wie* в рассматриваемых высказываниях. В приведённых примерах группа с *wie* не занимает самостоятельного места в предложении. Она входит в предложение в составе словосочетания с местоимением *etwas*. То, что группа с *wie* входит в высказывание именно в составе словосочетания, подтверждается случаями появления подобных словосочетаний в препозиции к сказуемому. Именно данная позиция ясно показывает границы члена предложения: *Etwas wie ein traumhafter Bann zog ins Bereich seiner Seele ein, darin sich die Wirklichkeit zu schwebenden Luftgebilden auflöste* [54, S. 63]. В том случае, если группа с *wie* замещает позицию свободного распространителя при сказуемом и выступает в функции обстоятельства, наблюдается разделение местоимения *etwas* и группы с *wie* другими членами предложения: *Da fiel etwas in sein Hirn wie Tropfen heißen Siegelacks, und es hob sich wie eine Starre von seinem Geist* [53, S. 31].

Кстати, последние два примера иллюстрируют ещё одну возможность указания на субъект сравнения в компаративных высказываниях на немецком языке, организующим центром которых

являются глаголы семантической группы «перемещение». Необходимо отметить, что заполнение позиций, открываемых данными глаголами, определённым образом модифицирует их семантику. Словосочетание в позиции обстоятельства называет область, задействованную в процессе чувственного или аналитического отражения действительности. В рассматриваемых высказываниях такими обозначениями являются существительные *Seele, Hirn, Geist*. В результате на основе семы «перемещение» у глаголов *einziehen, fallen, sich heben* формируется сема «воздействие на субъект». Входящее в состав словосочетания в позиции обстоятельства притяжательное местоимение указывает на лицо, подвергающееся воздействию. Факт осуществления ментального анализа данным лицом позволяет считать его обозначением субъекта сравнения. Как можно заметить по приведённым примерам, указание на тему занимает позицию подлежащего, указание на эталон либо входит в группу подлежащего, либо появляется в позиции обстоятельства образа действия.

Необходимо отметить, что не каждое лицо, способное испытать то или иное чувство и названное в компаративных высказываниях со словосочетанием «*etwas* + существительное семантической группы ‘ощущение’», является указанием на субъект сравнения. Иллюстрацией последнего является нижеприведённый пример: *Jetzt war etwas wie Müdigkeit in seiner Stimme* [71, S. 388]. В рассматриваемом примере словосочетание «*etwas* + существительное семантической группы ‘ощущение’» занимает позицию подлежащего при глаголе *sein*. К.П. Акулова определяет значение глагола *sein* как обозначение факта местонахождения. Так как в работе рассматривается случай заполнения позиций, открываемых глаголом *sein*, словами определённых семантических групп, в рамках значения глагола ‘обозначение факта местонахождения’ представляется возможным говорить о передаче факта соотнесённости качества с его носителем [Акулова, с. 61].

В высказывании глагол *sein* в указанном значении входит в обязательное сочетание с обстоятельством. Позицию обстоятельства замещает словосочетание *in seiner Stimme*. Чувство, которое субъект сравнения пытается определить словосочетанием *etwas wie Müdigkeit*, испытывается лицом, на которое указывает притяжательное местоимение *sein* в словосочетании *in seiner Stimme*. В данном случае —

это состояние Хольта. Но его состояние констатируется со стороны, более широкий контекст позволяет с достаточной определённойностью заполнить терминал «субъект сравнения»: состояние юноши в момент повествования определяет Гундель.

Глаголы чувственного восприятия и ментального анализа организуют ряд компаративных высказываний на немецком языке, отличающихся по структуре от высказываний, проанализированных ранее.

Рассмотрим первый случай: *Er hatte die Liebe dissonant wie das Leben gefunden* [71, S. 202]. В данном примере группа с *wie* входит в высказывание в составе группы прилагательного *dissonant*, конкретизируя и уточняя его. Собственно говоря, уточнение характеристики, область представления о которой очерчивается прилагательным *dissonant*, является в данном случае именно той информацией, которую пытается передать адресант, используя, однако, не прямое именование, а способность адресата «выводить» информацию самостоятельно путём осуществления логической операции сравнения.

При сказуемом в позиции обстоятельства прилагательное в краткой форме иногда определяется как предикативное определение и рассматривается как особый член предложения [Акулова, с. 82]. По мнению К.П. Акуловой, этот член предложения «называет признак предметного понятия, выраженного в подлежащем или дополнении, таким образом, что этот признак представляется как особенно актуальный во время действия, передаваемого сказуемым» [Акулова, с. 83]. К.П. Акулова подчёркивает, что предикативное определение по смыслу связано одновременно с двумя членами предложения: с подлежащим и сказуемым или с дополнением и сказуемым [Акулова, с. 83]. В рассматриваемом примере прилагательное *dissonant* связано по смыслу с дополнением, в позиции которого находится существительное *die Liebe*. Элементы механизма сравнения называются, таким образом, в позиции дополнения и в группе прилагательного *dissonant*.

Характеристика, которую даёт прилагательное *dissonant* представлению, названному в позиции дополнения, актуальна именно в момент действия, обозначенного сказуемым. Прилагательное примыкает к сказуемому, которое в силу своей семантической характеристики, в свою очередь, открывает позицию, замещающую

обозначением лица, которое способно к чувственному или ментальному анализу. Данное лицо является одновременно и субъектом сравнения, который конкретизирует признак *dissonant*.

В следующих компаративных высказываниях группа с *wie*, занимающая позицию обстоятельства, примыкает непосредственно к сказуемому, выраженному глаголами чувственного восприятия и ментального анализа: *Ich habe mir Marx so vorgestellt wie die Leitartikel in den Zeitungen* [71, S. 342]. *Diese Gesundheit spürte nun auch der junge Priester im Blut wie eine Erneuerung* [54, S. 59]. Позиция группы с *wie* свидетельствует о том, что она указывает на признак сказуемого, актуальный, как и в вышерассмотренном случае, в момент осуществления действия. Но прямого обозначения признака не даётся, для выяснения, какой именно признак имеется в виду, адресату необходимо осуществить логическую операцию сравнения.

Существительное в группе с *wie* дублирует грамматическую форму дополнения, подчёркивая, таким образом, соотношение компонента сравнительного оборота с дополнением. Вместе с тем оформление компонента сравнительного оборота существительным в аккумулятиве предполагает носителя валентности, который открывает данную позицию. Предшествующий контекст позволяет восстановить носителя валентности, который, как представляется, не называется вследствие совпадения с организующим центром анализируемого компаративного высказывания. Выявленный в результате анализа контекста носитель валентности (в первом высказывании – глагол *sich vorstellen*, во втором – глагол *spüren*) в соответствии со своей семантической характеристикой открывает позицию как на обозначение воспринимаемого или анализируемого объекта (существительное в винительном падеже), так и на наименование субъекта восприятия или ментального анализа.

Приходим к выводу, что в рассматриваемых компаративных высказываниях отражается представление не об одной, а о двух ситуациях. Элементы первой ситуации (тема сравнения) называются, а на вторую ситуацию (эталон) – лишь указывается. Указание на ситуацию-эталон осуществляется посредством введения в высказывание группы с *wie*, в составе которой называются только элементы, отличающие ситуацию-эталон от ситуации-темы. Лицо, воспри-

нимающее или анализирующее объект, оказывается вовлечённым в обе ситуации, оно является компонентом отражаемых ситуаций. Наличие в семантической структуре глаголов, использованных в компаративном высказывании, смысловых элементов «чувственное восприятие» и «ментальный анализ» позволяет предположить, что указанное лицо является субъектом сравнения. Вместе с тем данное наименование следует считать лишь косвенным указанием на субъект сравнения, так как существительное или местоимение в позиции подлежащего в рассматриваемых высказываниях обозначает в первую очередь лицо, которое воспринимает объект.

В компаративных высказываниях, которые представляют собой сложноподчинённое предложение с ирреальным сравнением, указание на субъект сравнения обнаруживается в главном предложении, построенном по модели «(es) + sein / scheinen / vorkommen + (jmdm.)»: *Wieder kam es ihm vor, als suche sie nach irgend etwas* [58, S. 23]. Сравнивая определения названных конструкций с глаголами *sein*, *scheinen* и *vorkommen* в словарях современного немецкого языка, обнаруживаем их сходство. В дефинициях конструкции с глаголом *sein* указывается, что данная конструкция используется при передаче ощущения, которое испытывается некоторым лицом: ‘jmd. hat das Gefühl, als ob...’ [15], ‘jmd. hat das unbestimmte Gefühl, dass / als ob’ [18]. Определяя значение рассматриваемой конструкции, выстраивают синонимический ряд *meinen, glauben, fühlen* [9]. Конструкция с глаголом *vorkommen* определяется, как правило, через конструкцию с глаголом *scheinen*: ‘es scheint jmdm. (so), als ob’ [16], ‘(er)scheinen’ [9]. В словаре В. Мюллера находим следующую интерпретацию выражения *es kam ihm vor*: ‘er hatte das Gefühl’ [18]. То есть наблюдается совпадение толкований конструкций с глаголом *sein* и с глаголом *vorkommen*. Возможность интерпретации значения конструкции как при помощи конструкции с глаголом *scheinen*, так и описательно ‘jmd. hat das Gefühl, als ob’ позволяет рассматривать все три конструкции в одном ряду как указывающие на чувственный способ получения информации.

Возвращаясь к дефинициям анализируемых конструкций, необходимо отметить, что конструкция с глаголом *scheinen* в словарях под редакцией Р. Клаппенбах, Г. Кемпке, В. Мюллера

не выделяется в особую статью. Интересующие нас примеры иллюстрируют либо один из ЛСВ глагола, либо приводятся в статье, посвящённой конструкции «*scheinen + zu + Infinitiv*»: *Jmd., etw. scheint (jmdm.) gut zu sein – ‘jmd., etw. erweckt (bei jmdm.) den Anschein, ruft (bei jmdm.) den Eindruck hervor, als ob er, es gut sei’* [16], ‘*jmd., etw. erweckt einen bestimmten Anschein, Eindruck’* [15], ‘*einen bestimmten Eindruck machen, einen bestimmten Anschein erwecken’* [18]. Факт отнесения рассматриваемой конструкции к данному ЛСВ глагола *scheinen* позволяет предположить, что конструкция «*es + scheinen + jmdm.*» интерпретируется как имеющая значение ‘производить впечатление’. Другими словами, предлагается две интерпретации значения конструкции: ‘производить впечатление’ и ‘испытывать ощущение’, которые отличаются направлением анализа отражаемой ситуации. В рассматриваемых определениях указывается на направление действия. В первом случае предполагается активное воздействие, во втором — обязательное указание на лицо, испытывающее ощущение.

Активное воздействие предполагает указание в позиции подлежащего на действующую силу. В компаративных высказываниях позиция подлежащего занимает местоимением *es*, функция которого, по мнению Г. Хельбига и И. Буша, определяется по двум признакам: «возможность опущения местоимения» и «возможность его замены» [Helbig, 1986, S. 393]. Последним из названных признаков местоимение *es* в компаративных высказываниях не отличается. Первый признак проявляется в условиях вынесения на первое место других членов предложения: *Ihm schien, als sei ihm eine riesige Last von den Schultern genommen, als könne er erst jetzt den Mitmenschen wieder richtig in die Augen sehen* [61, S. 96]. По предлагаемой Г. Хельбигом и И. Буша схеме местоимение *es* является синтаксическим подлежащим [Helbig, 1986, S. 394]. В. Юнг определяет *es* при глаголах чувственного или ментального анализа как формальное подлежащее [Jung, 1984, S. 327]. К.П. Акулова отмечает, что местоимение *es* в случае, когда оно является лишь структурным элементом предложения, понятие не называет [Акулова, с. 31]. Следовательно, называемое ощущение не может рассматриваться как обозначение результата целенаправленного воздействия на чувства человека.

То есть, все рассматриваемые конструкции в компаративном высказывании передают ощущение, испытываемое некоторым лицом, что объясняет присутствие в составе конструкции наименования такого лица. Совпадение данного лица с субъектом сравнения позволяет считать его обозначение указанием на субъект сравнения.

Интересно, что в позиции косвенного дополнения в рассматриваемых компаративных высказываниях появляется неопределённое местоимение: *Manchmal kommt es einem vor, als ob die Zeit stillstände* [16]. В приведённом примере наблюдается сглаживание индивидуальности сравнения, неопределённое местоимение предполагает, что ощущение, на которое указывается в придаточной части, мог бы испытать каждый.

Вместе с тем в тех компаративных высказываниях, в которых позиция на дополнение не актуализируется, трудно предположить потерю индивидуальности сравнения, потерю «физиономии» по М.П. Брандес [Брандес, 1971, с. 57]: *Es war, als hätte Bayen nur darauf gewartet, dem Schwager eine letzte Vorlesung zu halten* [43, S. 109]. *Es schien, als ändere sich ihr Verhalten allmählich* [61, S. 103]. В прямой речи передаваемое впечатление обязательно соотносится с адресантом, в художественном тексте — с личностью автора.

Указание на субъект сравнения наблюдается и в немаркированных компаративных конструкциях, границы которых были определены в параграфе 1.2. Речь идёт о немаркированных компаративных конструкциях, в которых в роли одного из элементов, опосредствующих связь указаний на тему и эталон, выступает финитный глагол семантической группы «чувственное восприятие», «ментальный анализ», «воздействие на чувства». Появление языковой проекции субъекта сравнения в позиции подлежащего наблюдается в компаративных высказываниях, организуемых глаголами ментального анализа: *Sie erkannte erstaunt die Schärfe in seinem Ton, Schärfe seines Vaters* [76, S. 108]. В компаративных высказываниях, организуемых глаголами семантической группы «воздействие на чувства», указание на субъект сравнения возможно в позиции прямого дополнения: *Mutters Gesicht sah plötzlich aus Erichs Gesicht sie an* [41, S. 733].

Обобщение способов указания на субъект сравнения в рамках компаративного высказывания на немецком языке позволяет сделать некоторые выводы.

Благоприятной средой для указания на субъект сравнения в рамках компаративного высказывания следует считать привлечение слов из тематических групп «способ мысленного представления», «мнение», «суждение», «чувство, ощущение» и использование в качестве организующего центра высказывания глаголов, в семантической структуре которых присутствуют смысловые элементы «воздействие на чувства», «чувственное восприятие», «ментальный анализ».

Обозначение субъекта сравнения возможно в позиции подлежащего, дополнения и обстоятельства.

В случае совпадения лица, пытающегося анализировать действительность, с субъектом сравнения, обозначение данного лица в позиции подлежащего в компаративных высказываниях, организующим центром которых являются глаголы семантической группы чувственного восприятия и ментального анализа, можно считать косвенным указанием на субъект сравнения. Позиция дополнения замещается в таких высказываниях словосочетанием «*etwas + wie +* существительное семантической группы “чувство, ощущение”».

Обозначение субъекта сравнения в позиции дополнения возможно: 1) в компаративных высказываниях, организуемых глаголом *erinnern* и перцептивными глаголами в значении ‘походить’; 2) в компаративных высказываниях, организуемых глаголами, называющими виды чувственного и ментального анализа действительности; 3) в компаративных высказываниях, организуемых предикативами семантической группы «оценка»; 4) в условиях заполнения позиции подлежащего, открываемой глаголами со смысловым элементом «воздействие на чувства» в их семантической структуре, конструкцией «*etwas + wie +* существительное семантической группы “чувство, ощущение”». В компаративных высказываниях, представляющих собой сложноподчинённое предложение с ирреальным сравнением, указание на субъект сравнения обнаруживается в позиции дополнения в главном предложении, построенном по модели «(es) + *sein / scheinen / vorkommen + (jmdm.)*».

Указание на субъект сравнения в позиции обстоятельства наблюдается в условиях организации компаративного высказывания сказуемыми — показателями сравнительных отношений и предикативами семантической группы «оценка». Если компаративное высказыва-

ние, в состав которого входит словосочетание «*etwas + wie + существительное*», организуется глаголом семантической группы «перемещение», при котором в позиции обстоятельства места появляется обозначение физиологического или ментального анализатора, то субъект сравнения называется в группе последнего существительным в родительном падеже или притяжательным местоимением.

Если в компаративном высказывании или окружающем его контексте отсутствует указание на конкретный субъект сравнения, то в прямой речи передаваемое впечатление соотносится с адресантом, а в художественном тексте — с личностью автора. Последнее позволяет констатировать объединение вершинным узлом «субъект сравнения» двух слотов: «указанный субъект сравнения» и «адресант». Установленный факт предполагает два варианта реализации КС сравнения как содержательной структуры, рассматриваемой в единстве с её формальным выражением в высказывании на немецком языке: КС сравнения с указанным субъектом сравнения и КС сравнения, в составе которой указание на субъект сравнения отсутствует. В последнем случае содержательная структура КС сравнения включает информацию о теме и эталоне и устанавливаемом между ними отношении.

1.4. Структурные особенности языковых проекций темы и эталона²

При более пристальном внимании к структурным особенностям языковых проекций актуализируемых областей темы и эталона обнаруживается, что, с одной стороны, актуализируемые области темы и эталона представляют разные виды ментальных репрезентаций, а с другой стороны, можно говорить о существующем между ними соответствии по целостности / расчленённости их предъявления.

Актуализируемые области темы и эталона могут представлять целостные ментальные репрезентации разных форматов, под которыми вслед за Н.Н. Болдыревым мы понимаем стоящие за концептом

---

² Денисова Г. Л. Характер отношения между обозначениями темы и эталона в сравнении (на материале немецкого языка) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2011. № 8. С. 57–64.

знания разной степени абстракции: конкретно-чувственные образы, представления, понятия, прототипы [Болдырев, 2001, с. 36–38].

В следующем компаративном высказывании языковая проекция темы соотносится для адресанта с конкретно-чувственным образом. Адресант рассматривает окружающие его дома: конкретно-чувственный образ, возникший в его сознании в этот момент, активирует ассоциацию с хижинами для карликов: *Hier ähneln die Häuser* (языковая проекция конкретно-чувственного образа) *Zwerg-hütten* (языковая проекция представления) [79, S. 37]. То, что тема в данном случае активируется как конкретно-чувственный образ, как отражение в сознании конкретных домов, подтверждается выбором языковых средств в её языковой проекции: существительное *Häuser* сопровождается определённым артиклем в индивидуализирующей функции, с этой же целью в высказывании используется локализатор *hier*. Эталон в приведённом примере активируется в формате представления, которое определяется как обобщённый чувственный образ [Кондаков, с. 414; Болдырев, 2001, с. 36–38].

Нельзя утверждать, что тема всегда актуализируется в сознании адресанта в формате конкретно-чувственного образа, а эталон не реализуется в формате конкретно-чувственного образа. Так, в следующем компаративном высказывании отражается активация темы и эталона в формате конкретно-чувственных образов: *Ich hole eine Handvoll Tabletten aus meinem Brotbeutel, weil mich der Mann an meinen Großvater erinnert* [80, S. 283]. А следующее компаративное высказывание активирует и тему, и эталон в формате представления: *Der Satanzpilz unterscheidet sich von den Hexenzpilzen durch seine grauweiße Kappe* [29, S. 118]. Об установленном характере мыслительных форм свидетельствует употребление перед указаниями на тему и эталон определённого артикля в генерализирующей функции.

Тема и эталон активируются в ходе сравнения и в такой мыслительной форме, как понятие, которое является более обобщённым образованием, чем представление [Гречко, с. 138; Карасик, 2004, с. 38; Левицкий Общее языкознание, с. 31–33]: *Genrestile unterscheiden sich u. a. hinsichtlich der Darstellung, der möglichen Perspektive, der Gedankenfolge, der Dichte des Vorgangsgehalts, der Verwendung ästhetischer Mittel, der Syntax* [17, S. 53]. В высказываниях о сходстве по наиболее

часто встречающимся сочетаниям признаков адресант может использовать в качестве эталона другой формат знаний – прототип, представление о типичном члене определённой категории [Залевская, 2005, с. 305; Болдырев, 2001, с. 36–38]: *Schienen die Augen das Rätsel und das Märchen der Blume in sich zu schließen, so glich die ganze Erscheinung des Mädchens vielmehr einer schönen und reifen Frucht* (языковая проекция прототипа) [54, S. 84].

Несмотря на разнообразие перечисленных форматов знаний, все они имеют общую характеристику: они представляют собой целостные ментальные репрезентации. Анализ языкового материала позволяет также установить закономерность заполнения слотов «тема» и «эталон»: целостной ментальной репрезентации, заполняющей слот вершинного узла «тема», соответствует целостная ментальная репрезентация, представляющая слот вершинного узла «эталон». Вариативность заполнения слотов рассматриваемых вершинных узлов проявляется в возможном несовпадении форматов знаний, наполняющих слоты, по степени абстракции. Были зафиксированы следующие варианты заполнения слотов вершинных узлов «тема» и «эталон»: 1) конкретно-чувственный образ – конкретно-чувственный образ: *Eine Biologin, die ihn in ihrer Art zu argumentieren ein wenig an Pela Storm erinnert, versucht zu beweisen, dass...* [45, S. 182]; 2) конкретно-чувственный образ – представление: *Die ganze rechte Seite [der Lunge] glich einer Kraterlandschaft vom Mond* [68, S. 92]; 3) представление – представление: *Der Lochkartenprüfer gleicht in seinem Aufbau dem Lochkartenstanzer* [84, S. 415]; 4) представление – прототип: *Das Ungewöhnliche an dieser Varietät ist, dass sie vom Typus in den Farben ganz erheblich abweicht* [46, S. 47]; 5) понятие – понятие: *In verneinter Form gleichen rhetorische Fragen bestimmten Vergewisserungsfragen* [Helbig, 1986, S. 618]; 6) прототип – прототип: *Sumpfpflanzen stehen zeitweise mit ihren Wurzeln und unteren Sprosssteilen im Wasser, die deshalb in ihrem morphologischen Aufbau echten Wasserpflanzen ähneln* [75, S. 29]; 7) конкретно-чувственный образ – прототип: *Der Streb gleicht einem aufgestöberten Insektennest* [68, S. 195].

Сравнивая данные, полученные в результате анализа с позиций когнитивной лингвистики, обнаруживаем их отличие от представлений о характеристиках темы и эталона, которые сложились

в логико-рационалистической традиции. С логико-рационалистических позиций связь темы и эталона определяется как отношение между понятиями. Помня о том, что понятие — это «концепт, который состоит из наиболее общих, существенных признаков предмета или явления» [Хроленко, с. 56], отмечаем, что с логико-рационалистических позиций затруднительна интерпретация тех случаев, когда основанием сравнения служат признаки, не являющиеся наиболее общими и существенными. К примеру, Ш. Балли пишет о «смутных и совершенно нелогичных» аналогиях [Балли, с. 221], а О.И. Усминский отмечает «странность некоторых метафор и сравнений» [Усминский]. С логико-рационалистических позиций в следующих высказываниях сравниваются несравнимые понятия, а именно: (1) предметы с животными: *Unter ihm lag der Capolago genannte Arm des Luganer Sees mit dem segelnden Boot eines Fischers darauf, das einer winzigen Motte auf einem Handspiegel glich* [54, S. 58]; (2) внутреннее состояние человека с предметом: *Ihre Gedanken und Gefühle glichen einem verfützten Garnknäuel* [79, S. 330]; (3) животное с элементом одежды человека: *Mit großer Sorgfalt schnitt ich den Köder aus den Muscheln, die an flache Chinesenhüte kleinsten Formats erinnerten* [56, S. 320]; (4) состояние человека с природным ландшафтом: *Sein Inneres glich jenem Fleckchen Land, durch das sie schritten, erschauernd unter der gütigen Sonne, Leben und Blüten quellend* [58, S. 100]; (5) животное с растением или его частью: *Vor allem wenn sie (Ranatra) sich tot stellt, gleicht sie einem etwa 70mm langen gelblichen Stängel* [75, S. 70]; (6) музыкальное произведение и предмет: *In der zweiten Fassung des Septetts aber hatte Siegfried etwas Allgemeines, Zwielfichtiges ausdrücken wollen, und in den Sätzen des Trotzes glich sein Versuch einem rosenumwundenen Marmortorso, dem Torso eines jungen Kriegers in der brennenden Ruine einer Waffenhandlung* [59, с. 11].

В том случае, если сравнение интерпретируется как «фигура речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака, общего с первым» [Гулыга, Шендельс, с. 115; Ахманова, с. 450], вне сферы внимания остаются признаки, обусловленные эмоциональным восприятием объекта и оценочным отношением к нему.

В ракурсе когнитивной лингвистики сравнение представляется как оперирование концептами, которые выступают в разных

ипостасях и предполагают разную степень абстракции. Понятие включает существенные и необходимые признаки, концепт же — и несущественные признаки [Степанов, 1993, с. 16–20]. Признание за концептом статуса оперативной содержательной единицы памяти [6, с. 90] позволяет обнаружить ментальные основания для того, что сравнение может осуществляться практически по любому, а не только по логически главному признаку [Маслова Когнитивная лингвистика, с. 60]. В этом отношении актуально и изменение научной парадигмы гуманитарного знания, проявившееся в пристальном внимании к парадигме антропоцентрической, функциональной, когнитивной и динамической, возвратившей человеку статус «меры всех вещей» и вернувшей его в центр мироздания [Воркачев, 2004, с. 4]. Как следствие, расширяется сфера лингвистического анализа, в которую попадают не только признаки, объективно присущие объекту, но и признаки, обусловленные «переживаемостью» ментальных единиц [Степанов, 2004, с. 41]. В сфере внимания оказываются приписываемые признаки: эмоциональное восприятие объекта, оценочное отношение к нему [2; Чекулай, 2004; Кострова].

Рассмотрение из ракурса когнитивной лингвистики компаративных существительных типа *Röhrenhose*, *Glockenrock*, *Mühlsteinkragen*, имеющих вследствие своей цельнооформленности статус слова, позволяет обнаружить в их составе морфемы, которые указывают на тему и эталон. Наша уверенность в том, что морфемы действительно указывают на тему и эталон, строится на результатах исследований, полученных С. Эндрюсом, которые свидетельствуют о том, что лексический доступ в ментальном лексиконе к словам категории *seaweed*, т. е. к сложным словам, происходит поосновно [Кибрик, с. 238].

Исследование примеров со сложными словами указанного выше типа подводит к выводу, что сравнительный смысл в данном случае связан с границами сложного слова: *Käte, die ihn gar nicht beachtete, die flotte Käte, klein, zierlich, blonde Korkenzieherlocken – und nun geht sie doch zu Martin* [76, S. 38]. Анализ сложного слова по непосредственно составляющим выявляет в его составе морфемы, соотносимые с темой и эталоном. В сложном слове *Korkenzieherlocken* тема называется элементом *-locken*, а на эталон указывает первый элемент *Korkenzieher-*. Модель, по которой построены

подобные сложные существительные, может быть описана следующим образом: «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)».

Рассматриваемые компаративные единицы являются определенными композитами. Тема называется второй частью сложного слова, к примеру, в слове *Knopfaugen* тема называется компонентом *-augen*, она конкретизируется первой НС, называющей эталон, в рассматриваемом слове — это компонент *Knopf-*. Конкретизирующая направленность первого компонента хорошо прослеживается в следующих примерах: *Dabei huschten seine dunklen Knopfaugen un- stet hin und her* [69, S. 134]. *Kathrin hingegen war brünett und mit großen dunklen Kirschenaugen* [79, S. 245]. *Er schaute ihnen streng und fest in die Mandelaugen* [59, S. 26]. *Die Langusten glotzten es mit ihren langen Pilzau- gen an* [56, S. 448]. Второй НС композитов *Knopfaugen*, *Kirschenaugen*, *Mandelaugen*, *Pilzaugen* является один и тот же компонент *-augen*.

Субстантивные композиты всегда имеют в качестве второй НС существительное, поэтому в ходе анализа мы опирались на словарное толкование существительного *Auge*. В словаре Г. Кемпке даётся следующее толкование: ‘paarweise auftretendes Sehorgan bei Mensch und Tier’. Иными словами, компонент *-augen* обозначает в наиболее общем виде представление о парных органах зрения человека и животного.

Первая НС позволяет конкретизировать общее представление. Сложное слово *Knopfaugen* акцентирует внимание на форме глаз: округлённых, с маленькими зрачками, как дырочки в пуговице. Контекст, в котором употребляется рассматриваемый композит, позволяет обнаружить ещё один модуль: бездушные, внутренняя пустота обладателя глаз-пуговок. Совсем другие признаки активируются с помощью языковой проекции *Kirschenaugen*: большие, влажные, блестящие. Можно предположить, что глаза тёмно-карие, почти чёрные, поэтому окраска роговицы сливается с цветом зрачка. Зрачок и роговица воспринимаются как целое, создаётся впечатление широко открытых, больших по диаметру зрачков, похожих на спелую вишню. В последних двух случаях в фокус внимания, безусловно, попадает форма глаз. Первая НС сложного слова *Mandelaugen* позволяет выявить модуль — вытянутые, характерные для

монголоидной расы. В последнем примере создаётся мыслительный образ глаз ракообразных. Сложная форма глаз лангуста вызвала у Бернгарда Келлермана ассоциацию с грибами. У грибов более тонкая ножка увенчана большей по объёму сферообразной шляпкой. Восстанавливается модуль — поднимающиеся на тонких стебельках, на концах утолщённые сферообразные.

В составе рассматриваемых сложных слов не обнаруживается компонентов, называющих модуль. Однако тип рассматриваемых сложных слов — все они являются определительными композитами — и позиция, которую занимает в них указание на эталон, создают общее представление о модуле как о качественной характеристике, задают направление его поиска. То, что поиск должен идти в направлении общей характеристики, подтверждается семантическим отношением НС рассматриваемых композитов. В системе типов семантических отношений, установленных для субстантивных композитов модели «S + S», семантическое отношение НС рассматриваемых сложных слов определяется как «А сходно с В» [Степанова, 1984, с. 121]. Указание на тему и эталон морфемой мы рассматриваем как одну из возможностей активации целостной ментальной репрезентации.

Анализ сравнения с позиций когнитивной лингвистики позволяет объяснить и факт оперирования пропозициями как сравниваемыми объектами. В терминах когнитивной лингвистики в этом случае можно говорить о заполнении слотов вершинных узлов «тема» и «эталон» пропозициональными структурами, или пропозициями. Пропозиции определяются как модели определённой области опыта, в которой вычленяются элементы (аргументы и связи между ними), даются их характеристики [6, с. 137; Болдырев, 2001, с. 36–38]. Подход с позиций логики к определению характера пропозиций, заполняющих слоты вершинных узлов «тема» и «эталон», позволяет выявить две модели их реализации.

Первая модель, выражение которой в виде формулы мы заимствуем у Н.И. Кондакова, имеет вид $P(x)$, где P — свойство, а x — переменная [Кондаков, с. 420]: *Die Glieder waren schon wie wundgeschlagen, bevor die Arbeit begann* [32, S. 11]. Вторая модель, выражение которой в виде формулы мы также заимствуем у Н.И. Кондакова, имеет вид xRy , где R — отношение, а x и y — переменные [Кондаков, с. 402]:

War der promovierte und habilitierte Kippenberg einem anderen aufgepfropft wie ein kultiviertes Reis dem Wildling? [70, S. 61]. С нашей точки зрения, соответствие заполнения вершинных узлов «тема» и «эталон», установленное выше для целостных ментальных репрезентаций, в условиях совпадения элементов сравниваемых пропозиций находит отражение в особенностях языковой проекции эталона.

На уровне поверхностной реализации наблюдается стремление к языковой экономии: общие для языковых проекций темы и эталона элементы, названные ранее при наименовании темы, не повторяются при обозначении эталона. К примеру, в приведённых компаративных высказываниях, в которых языковые проекции темы и эталона соответствуют формуле $P(x)$, в группу с *wie* включается только причастие второе.

Ещё более ясно, с нашей точки зрения, проявляется стремление к языковой экономии в компаративных высказываниях, в которых существительные, образующие группу с *wie*, дублируют грамматическую форму членов предложения, находящихся в высказывании за рамками данной группы. Параллелизм грамматических форм существительных в группе с *wie* — языковой проекции эталона — во второй модели и грамматических форм членов предложения, представляющих языковую проекцию темы, может свидетельствовать только о том, что в группе с *wie* предполагается тот же организующий центр, что и в главной части компаративного высказывания.

Нужно признать, что в исследованиях группы с *wie* и ранее обращалось внимание на тот факт, что существительные, образующие группу с *wie*, дублируют грамматическую форму членов предложения, находящихся в высказывании за рамками данной группы [Арынов, 1972]. И это не удивительно, потому что грамматический параллелизм форм в компаративных высказываниях, в составе которых присутствует группа с *wie*, достаточно чётко проявляется, особенно в тех случаях, когда группу с *wie* образуют существительные с предлогом или несколько существительных в разных падежных формах: *Als ob da ein Weg lag für mich, den ich mit Sätzen wie mit einer Mauer sperrte* [32, S. 17]. Наблюдая грамматический параллелизм форм в компаративных высказываниях на немецком языке, М.Г. Арынов подчёркивает «семантическую соотносимость» суще-

ствительных в составе группы с *wie* и членов предложения, находящихся за рамками данной группы. М.Г. Арынов отмечает, что компонент сравнительного оборота в именительном падеже соотносится с подлежащим, определяя и образно характеризуя его, а компонент оборота в косвенном падеже соотносится с одним из второстепенных членов предложения — с дополнением или с обстоятельством [Арынов, 1965].

По нашему мнению, использование каждого из элементов группы с *wie* в процессе развёртывания характеристики соотносимого с ним по грамматической форме члена предложения, находящегося за рамками группы, возможно, что прослеживается в следующем отрывке:

Im Grandhotel hauste Madame Chikel, ein stämmiges Weib, à la bonheur, mit einem lauten Mundwerk, immer liebenswürdig, immer entgegenkommend, und mit Händen wie Anker. In ihrem Schatten fristete Herr Chikel sein jämmerliches Dasein, wie ein Pilz im Schatten einer Eiche. Mit seinem breitrandigen Plantagenbesitzerhut, den er sich beigelegt hatte, seinen ewigen Bandagen an Kopf, Armen und Beinen erinnerte er auch an einen Pilz [56, S. 269].

В предшествующем контексте относительно компаративного высказывания, содержащего группу с *wie*, описывается внешность госпожи Хинкель, сильной и коренастой женщины с непомерно широкими ладонями, громогласной, но всегда приветливой и предупредительной, что в какой-то мере соотносится с использованным позже образом дуба, который олицетворяет силу, уверенность, открытость. В последующем контексте относительно компаративного высказывания развивается второй образ, использованный в сравнении. Автор находит, что господин Хинкель и внешне напоминает гриб: он носит широкополую шляпу владельца плантации, а на его голову, руки и ноги вечно наложены плотные бандажи.

Однако и в рассматриваемом конкретном случае едва ли можно утверждать, что параллелизм грамматических форм существительных, составляющих группу с *wie*, означает для адресата необходимость поэлементного соотнесения используемых образов. В рассматриваемом компаративном высказывании, по сути, сравниваются представления о двух фрагментах: существование госпо-

дина Хинкеля рядом со своей женой и прозябание гриба в тени от кроны дуба. Автор использует образы дуба и гриба, но он мог бы обратиться и к другим образам для передачи того факта, что существование господина Хинкеля рядом с его женой действительно казалось жалким и ничтожным.

Если автор не опирается в дальнейшем изложении на образы, созданные им средствами компаративного высказывания, утверждение о необходимости поэлементного соотнесения представлений, называемых существительными с параллельными грамматическими формами, вызывает ещё большие сомнения: *Ich habe ihm zugeredet wie ein Geistlicher einem Sterbenden* [42, S. 120]. *Charlie glitt dabei von seinem Möbelberg wie eine Eichkatze von der Kiefer* [80, S. 113]. Вместе с тем нам бы хотелось акцентировать внимание на том, что двучленные субстантивные сравнительные конструкции близки к придаточным предложениям, и в них в большой степени подразумевается сказуемое. Наполнение группы с *wie* существительными в той или иной падежной форме предполагает, что они реализуют свои сочетательные потенции. Характер грамматических форм, составляющих группу с *wie*, свидетельствует о том, что речь должна идти о реализации их центростремительных (по Б.А. Абрамову [Абрамов, 2003, с. 20]) потенций на сказуемое, которое, однако, в рассматриваемой части высказывания не называется. В этом смысле параллелизм грамматических форм существительных в группе с *wie* и грамматических форм членов предложения, находящихся за рамками группы, может свидетельствовать только о том, что в группе с *wie* предполагается тот же организующий центр, что и в главной части высказывания: *Ich habe ihm zugeredet wie ein Geistlicher einem Sterbenden (zuredet)*. *Charlie glitt dabei von seinem Möbelberg wie eine Eichkatze von der Kiefer (gleitet)*.

Нам кажется, что в данном случае следует обратить внимание на то, что группа с *wie* отображает пропозитивную ситуацию, компонентами которой являются некоторое действие, его агент, его объект, условия и обстоятельства его реализации. В силу того факта, что отсутствующее сказуемое легко восстанавливается, так как оно уже названо в другой части компаративного высказывания, группу с *wie* можно рассматривать как неполное предложение. Кроме того,

неполнота состава рассматриваемой части компаративного высказывания на немецком языке, пропуск сказуемого, объясняется, скорее всего, тем фактом, что повторное употребление сказуемого рассматривается адресантом как избыточное. В связи с обсуждаемым вопросом следует обратить внимание на позицию исследователей сравнительных конструкций в русском языке, которые находят, что «сравнительный оборот может считаться неполным предложением» [Девятова, с. 17; Лыткина, с. 118]. В «Современном русском языке», изданном под редакцией Д.Э. Розенталя, отмечается, что сравнительная придаточная часть может представлять собой неполную конструкцию: «В сравнительной придаточной части допускается пропуск сказуемого — оно уже названо в главной части; так как остаются подлежащее и второстепенные члены предложения, грамматически зависящие от сказуемого, сказуемое может быть без труда восстановлено» [Современный русский язык, 1984, с. 632]. Изложенные выше факты свидетельствуют о такой возможности и в немецком языке.

Анализ языковых примеров позволяет утверждать, что в немецком языке в неполных конструкциях, с одной стороны, допускается не только пропуск сказуемого, но и тех актантов и свободных распространителей, которые называются в главной части компаративного высказывания, с другой стороны, в неполных конструкциях эксплицируются элементы, маркирующие отличие эталона от темы. Например, организующим центром следующего высказывания является трёхвалентный глагол *werfen*, причём все три валентности определяются в словаре Г. Хельбига и В. Шенкеля как обязательные [14, S. 247]: *Es quälte ihn [Voltaire] die Vorstellung, seine Leiche als die eines Ketzers könnte wie seinerzeit die der Schauspielerin Adrienne Lecouvreur auf den Schindanger geworfen werden* [42, S. 603]. В рассматриваемом компаративном высказывании глагол употребляется в форме пассива, что позволяет не упоминать инициатора действия. В главной части в позиции подлежащего называется объект, на который направлено действие *seine Leiche*, словосочетание *auf den Schindanger* замещает третью позицию, открываемую глаголом. В группе с *wie* указывается только объект, на который направлено действие, потому что именно этот элемент отличает ситуацию-эталон от ситуации-темы. Направление действия

в группе с *wie* не отмечается, так как оно совпадает с указанием, данным в главной части компаративного высказывания.

В следующем компаративном высказывании в главной части прилагательное *seitlich* уточняет место расположения язычков ботинок: *Sie [Gartenschuhe] sind von außen gepolstert mit ausgetrockneter Lehmerde, und ihre Schuhzungen hängen seitlich heraus wie die Zungen von schwitzenden Hunden* [80, S. 239]. Данное уточнение актуально и при обозначении эталона, но в группе с *wie* оно не повторяется.

В следующем примере в группе с *wie* не повторяется ни сказуемое, ни обозначение инициатора действия, ни указание на направление действия, ни уточнение времени, так как данные обозначения присутствуют в главной части компаративного высказывания. В группе с *wie* называется только объект, на который направлено действие: *Weil ich es [das Realienbuch] wie die Bibel jeden Tag in die Schulle schleppte, sage ich hier etwas über dieses Buch* [80, S. 47].

Как уже было указано ранее, неполные конструкции представлены в немецком языке, как правило, элементами, которые отличают обозначение эталона от обозначения темы. В этом отношении, прежде всего, следует отметить наполнение группы с *wie* предложениями с сочетаниями, для которых не обнаруживаются параллельные формы в главной части компаративного высказывания: *Die Landschaft beulte sich aus wie von vielen Schritten* [32, S. 7]. *Kurt lachte wie über einen Witz* [32, S. 132]. Группу с *wie* в данных компаративных высказываниях можно определить как неполную конструкцию на том основании, что в составе группы с *wie* отсутствует обозначение сказуемого, хотя предлоги, после которых следуют существительные, соответствуют управлению глаголов, образующих ядро главной части компаративного высказывания.

В группе с *wie* возможно обозначение направления действия, указание на которое не актуально для главной части компаративного высказывания: *Der läuft fort wie die Sau vom Troge* [48, S. 67]. Возможно также указание на время или место действия: *Oma wird abfragen wie der Herr Pfarrer im Konfirmandenunterricht* [28, S. 26]. В главной части рассматриваемых компаративных высказываний особого указания на время и место действия в рамках высказываний не даётся, что, как представляется, объясняется включением высказывания

во временную и пространственную перспективу цепочки высказываний, образующих единство: другими словами, время и место действия адресату уже известны.

Следует отметить, что эквивалентность неполной конструкции сравнительному придаточному предложению с союзом *wie* доказывается возможностью трансформационного преобразования. Группы с *wie* допускают преобразование в придаточное сравнительное предложение с союзом *wie*: *Was Don Manuel da gesagt hatte, klang poetisch wie ihre Romanzen* [43, S. 69]. → *Was Don Manuel da gesagt hatte, klang poetisch, wie ihre Romanzen klingen*. Придаточная часть сложноподчинённого сравнительного предложения может быть свёрнута в группу с *wie*: *Wie der Duft eine Rose umschwebt, so umschwebt das Lächeln ihr Gesicht* [57, S. 381]. → *Das Lächeln umschwebt ihr Gesicht wie der Duft eine Rose*.

Сказуемое в придаточной части такого сложного предложения выражается либо тем же глаголом, что и сказуемое главного предложения, что наблюдается в приведённом выше примере, либо глаголом-синонимом: *Er löscht die Sonne vom Himmel, wie man eine Null mit dem Schwamm von der Schulwandtafel wischt* [82, S. 58]. В придаточной части компаративного высказывания возможно также использование глагола, который называет более широкое понятие, чем глагол главной части предложения. Широкозначный глагол, называющий любое действие, указывает в контексте конкретного высказывания на то же действие, что и глагол в главной части предложения: *Ich fange an zu manövrieren und Haken zu schlagen, wie wir es als Kinder in der Dorfschule taten* [80, S. 287].

В том случае, если возможно использование обеих моделей (неполной конструкции и придаточного сравнительного предложения с союзом *wie*), чаще обращаются к группе с *wie*. Компаративные высказывания с придаточным сравнительным, которые отвечают названным выше условиям (совпадение глаголов, использование в обеих частях глаголов-синонимов или использование в придаточной части широкозначного глагола, называющего любое действие), встречаются крайне редко. На 4276 страницах текста было зафиксировано только 69 подобных примеров.

Таким образом, наблюдение языковых проекций вершинных узлов «тема» и «эталон» в немецком языке позволяет сделать следующие выводы:

1. Вершинные узлы «тема» и «эталон» объединяют каждый по два слота: «целостная ментальная репрезентация» и «пропозитивная ситуация».

2. Целостная ментальная репрезентация темы и эталона обозначается в немецком языке на уровне поверхностной реализации морфемой, словом или словосочетанием.

3. Представление о пропозитивной ситуации обозначается в немецком языке на уровне поверхностной реализации предложением или неполной конструкцией.

4. В связи с тем, что соотношение языковых проекций темы и эталона позволяет констатировать их соответствие по представляемому виду ментальной репрезентации, можно утверждать, что знание о существующем соответствии темы и эталона по целостности / расчленённости ментальных репрезентаций входит в коммуникативную компетенцию адресата. Последнее знание служит для адресата своеобразной опорой в поиске признака-модуля.

1.5. Модуль как выводное знание

1.5.1. Указание на модуль группой с *wie*

И.З. Искандерова, рассматривая в своём диссертационном исследовании семантико-структурную характеристику сравнительных конструкций современного немецкого языка, выявляет в анализируемых высказываниях компаративный сегмент, который, с её точки зрения, состоит из обозначения модуля и компарата (части сравнительной конструкции с показателем сравнительных отношений *wie*) [Искандерова Семантико-структурная ... : автореф., с. 3]. Она утверждает, что «модуль является облигаторным элементом во всех структурных типах предложения, включающего сравнение» [Искандерова Семантико-структурная ... : автореф., с. 7]. Мы считаем, что для проверки истинности данного утверждения следует обратить внимание на характеристики компонента высказывания, который определяется И.З. Искандеровой как обозначение модуля, и на позицию в высказывании группы с *wie*.

В интерпретации, которую предлагает И.З. Искандерова, «в предложении, содержащем сравнительную конструкцию, модуль является финитным глаголом (модели $A - m_v - wie B$, $A - m_{va} - wie B$) или предикативом ($A_{cop} - m_a - wie B$)», а в модели $A_{cop} - wie B$ глагол-связка «заполняет позицию модуля»³ [Искандерова Семантико-структурная ... : автореф., с. 8]. По логике анализа материала, который предлагается И.З. Искандеровой, обозначение модуля занимает позицию компонента компаративного высказывания, к которому относится группа с *wie*, то есть находится в препозиции к группе с *wie*.

Рассмотрим пример с глаголом, при котором в позиции обстоятельства появляется группа с *wie*: *Gewölke brummen wie schwelgerisch weidende Kühe* [54, S. 109]. В рассматриваемом компаративном высказывании группа с *wie* занимает позицию обстоятельства при глаголе *brummen*. Глагол *brummen*, как отмечается в словаре под редакцией Е. Агриколы, обладает широкими сочетательными потенциями. В позиции подлежащего при данном глаголе могут появляться следующие существительные: *Fliege, Käfer, Bär, Bass, Bassgeige, Kreisel, Flugzeug, Motor*. Представления о звуках, которые воспроизводят перечисленные объекты, обозначаются в немецком языке глаголом *brummen*, однако характер данных звуков в действительности отличен. Наше ухо различает легковесное надоедливое жужжание мухи, рёв медведя, низкий тон, издаваемый контрабасом, дребезжание волчка, звук, издаваемый работающим мотором. Таким образом, диапазон представлений о звуках, вербализуемых глаголом *brummen*, достаточно широк.

В компаративном высказывании слово *brummen* приобретает «частную» предметную отнесённость, обозначая раскаты грома. Однако если говорить о звуках, воспроизводимых грозowymi тучами, то они могут восприниматься субъектом по-разному. Для ребёнка, испытывающего панический страх перед грозowymi раскатами, эти звуки кажутся грозными и пугающими. Для крестьянина,

---

³ В терминологии И.З. Искандеровой, A – тема, B – эталон, cop – глагол-связка, m – модуль, m_v – модуль, выраженный глаголом конкретной семантики, m_{va} – модуль, выраженный глаголом абстрактной семантики, m_a – модуль, выраженный прилагательным.

ожидающего дождя, первые раскаты грома зазвучат торжественно и радостно. В анализируемом компаративном высказывании глагол *brummen*, бесспорно, уточняет область поиска общего признака, речь идёт о сходстве звуков, воспроизводимых грозовыми тучами и блаженствующими на богатом выпасе коровами. Однако действительно сходным признаком в данном случае является, собственно, не воспроизведение звука, а благодушие, которое почувствовал субъект сравнения в громовых раскатах, добродушие, которое позволило ему сравнить громовые раскаты с мычанием сытых, довольных коров. Нам представляется, что именно эту обстоятельственную характеристику следует считать модулем.

Знакомство с работами, посвящёнными анализу компаративных высказываний, позволяет утверждать, что мысль о том, что то, что считается в компаративном высказывании обозначением модуля, на самом деле модулем не является, подспудно вынашивается, хотя и не находит эксплицитного выражения. К примеру, М.И. Черемисина, рассматривая предложения сходства на материале русского языка, замечает, что в предложениях сходства модулем являются не сами признаки, а, скорее, аспекты, типы признаков [Черемисина, 1971, с. 74].

В анализируемом компаративном высказывании в окружении глагола *brummen* открыта позиция на обстоятельство. По логике вещей данная позиция должна была бы быть замещена указанием на обстоятельственную характеристику действия. Однако в позиции обстоятельства появляется группа с *wie*, в которой не даётся прямого обозначения качественной характеристики действия. В группе с *wie* лишь указывается на объект, сравнение с которым позволяет адресату самостоятельно реконструировать основание сравнения, которое является обстоятельственной характеристикой действия, обозначенного глаголом *brummen*. Поэтому позицию, которую занимает в предложении группа с *wie*, можно считать своеобразной опорой, или «вехой», позволяющей достаточно определённо утверждать, что основанием сравнения в данном случае является обстоятельственная характеристика действия. Глагол *brummen* в свою очередь также является для адресата опорой в процессе определения основания сравнения, его использование позволяет указать на область поиска модуля, вплотную подводит адресата к искомому признаку, но не на-

зывает его. Роль финитного глагола как указания на область поиска модуля в подчинительно-определительной иерархии рассматриваемых компаративных высказываний подтверждается результатами анализа семантической избирательности глаголов. Организующим центром рассматриваемых компаративных высказываний являются как глаголы с широким диапазоном семантической сочетаемости, так и глаголы с ограничениями семантической сочетаемости. Речь идёт, естественно, о семантической сочетаемости глагола в прямом значении. В позиции финитного глагола обнаруживаются глаголы, обладающие в своём прямом значении семантической совместимостью с указанием на эталон. Вместе с тем позиция на подлежащее, которая открывается финитным глаголом, замещается указанием на тему, которое характеризуется по отношению к глаголу в его прямом значении как семантически несовместимое: *Er brach im Schlaf ein wie im dünnen Eis* [71, S. 126]. *Finsternis und Rauch des Winters waren verschwunden und die Kälte vorüber, die einem wie eine Katze ins Genick sprang, wenn man das Haus verließ* [58, S. 31]. Смещение устоявшихся контекстов употребления финитного глагола относительно обозначения темы приводит к формированию у финитного глагола образного (метафорического) значения. Характеристика значения финитного глагола как прямого относительно указания на эталон и как переносного относительно указания на тему служит подтверждением выделения названного им признака как в теме, так и в эталоне. Другими словами, глагол обозначает признак, который намечает границы общего в представлениях о теме и об эталоне и сужает область поиска признака-модуля, повышая результативность осуществления логической операции сравнения адресатом сообщения.

Данные современной психолингвистики, а именно ассоциативные эксперименты с достаточной определённой доказывают отсутствие жёсткой связи между единицами плана выражения и единицами плана содержания, что предполагает выбор, то есть процесс их соотнесения, операцию поиска, актуальную для процессов производства речи [Залевская, 2005, с. 105]. Последний факт соотносится с возможностью продолжения поиска подходящего наименования для обозначения представления о признаке, который устанавливается в первом случае путём активации ассоциативной

связи по признаку с эталоном, который предлагается адресантом. В приведённых ниже компаративных высказываниях процесс дальнейшего поиска способов указания на модуль отражён рядом наречий в позиции уточнения: *Der Park lag wie ein Leichnam, starr und still* [58, S. 172]. „*Ich möchte dich gern so sehr lieben wie Tristan Isôt, die Blonde: ehrlich und beständig, bis in den Tod“* [71, S. 383]. Причина продолжения подбора возможных языковых проекций представления об искомом признаке, вероятно, связана с неуверенностью адресанта в том, что адресат сможет самостоятельно реконструировать модуль, который имеет в виду адресант.

Мы уверены, что и предикативы, сопровождаемые группой с *wie*, модуль не называют: *Du bist trotzig und dumm wie ein kleiner Junge* [71, S. 456]. *Er [Oberfährnrich] war ganz licht und blond und rein wie ein Frühlingsgott* [71, S. 403]. Рассматривая подобные конструкции в немецком языке, К.Т. Рсалдинов относит их к единицам с семантикой интенсивности признака [Рсалдинов Категория интенсивности ... : дис.], что позволяет считать указание на степень проявления признака основным предназначением конструкции. Проведённый нами тест на элиминирование позволяет определить компонент компаративного высказывания, который указывает на интенсивность признака:

Du bist trotzig und dumm wie ein kleiner Junge. → *Du bist trotzig und dumm.*
Er war ganz licht und blond und rein wie ein Frühlingsgott. → *Er war ganz licht und blond und rein.*

Если в рассматриваемых компаративных высказываниях опустить группу с *wie*, то в результате грамматичность предложения не нарушается, но исчезает смысловой компонент «интенсивность» признака. Таким образом, на интенсивность признака в компаративных высказываниях указывает группа с *wie*, в которой мы обнаруживаем указание на эталон. То есть и в данном случае можно говорить об опосредованном указании на модуль, о необходимости для адресата определения модуля путём поиска общего между темой и эталоном.

Как это было отмечено выше, И.З. Искандерова считает, что «для модели A_{cop} — *wie* *B* характерна имплицитность основы сопоставления и заполнение позиции модуля копулятивными глаголами» [Искандерова Семантико-структурная ... : автореф., с. 8]. Рассмотрим

данную модель подробнее. Для этого разделим компаративные высказывания на немецком языке, построенные по этой модели, на подгруппы в зависимости от того, к какой части речи относится опорное слово группы с *wie* – к существительному или к причастию второму. Первая подгруппа иллюстрируется компаративным высказыванием: *Der Boden wogte unter meinen Füßen, die Steine waren wie Teig* [56, S. 332]. Иллюстрацией второй подгруппы является пример: *Die Kehle war ihm wie zugeschnürt* [71, S. 446].

В компаративных высказываниях первой группы *sein* является «классическим» связочным глаголом. В компаративных высказываниях второй группы сказуемое имеет форму статива, положение которого в системе глагольных форм до сих пор является предметом обсуждения. При определении функции *sein* в подобных высказываниях можно принять во внимание мнение В.Г. Адмони, который отмечает в этой связи следующее: „Dagegen bleibt bei den Bestandteilen der Zustandsform ihre Eigenbedeutung völlig erhalten: *sein* ist kopulativ, das Partizip II bezeichnet die Eigenschaft des Subjekts. Die Gesamtsemantik ist hier nur eine Summe dieser Eigenbedeutungen. Die Zustandsform ist also eine syntaktische Fügung“ [Адмони, 1986, S. 182]. Рассматривая функцию глагола *sein* в компаративных высказываниях второй группы с позиций В.Г. Адмони, считаем его связочным. Что касается значения связочного глагола *sein*, то оно определяется как очень отвлечённое, глагол называет «лишь факт присоединения признака, названного в предикативе, к понятию, которое обозначено подлежащим» [Акулова, с. 61]. Роль копулы *sein* в рассматриваемых компаративных высказываниях позволяет усомниться в том, что она занимает место обозначения модуля, как это утверждает И.З. Искандерова.

Позиция, которую занимает в компаративных высказываниях причастие второе с показателем сравнительных отношений *wie*, отводится В.Г. Адмони для заполнения обозначением признака грамматического субъекта, поэтому мы считаем, что именно группа с *wie*, а не копула, занимает позицию, предназначенную для обозначения модуля. Однако прямым обозначением модуля причастие второе после показателя сравнительных отношений *wie* не является. Г. Хельбиг и И. Буша отмечают, что статив называет состояние – результат предшествующего динамического процесса [Helbig, 1986, S. 175]. В.Г. Адмони уточняет, что речь идёт о состоянии, при-

обретённом субъектом в результате направленного на него действия или внутреннего процесса [Адмони, 1988, с. 123]. Другими словами, причастие второе, сохраняя глагольную семантику, указывает на предшествующее действие или состояние и обозначает лишь предполагаемую причину, вызывающую состояние. В силу того, что причастие второе указывает на причину состояния и является лишь опосредованным его обозначением, считать причастие второе прямым указанием на модуль не представляется возможным. То есть, как и в рассмотренных выше случаях, в позиции модуля обнаруживается только указание на эталон.

Таким образом, осуществлённый нами анализ языкового материала позволяет констатировать отсутствие языковой проекции модуля в компаративных высказываниях на немецком языке, содержащих группу с *wie*. Вместе с тем следовало бы обратить внимание на то, что позиция, занимаемая группой с *wie*, даёт адресату основания к выводу о характере модуля. Это качественная характеристика объекта-темы, определить которую адресат должен самостоятельно путём сравнения темы и эталона. Казалось бы, что исключением из данного утверждения являются компаративные единицы с семантикой интенсивности признака. Но, принимая во внимание, что любая степень признака образует новое качество [Бондарко, 1999, с. 21], мы констатируем, что и этот случай не является исключением: речь идёт о качественной характеристике объекта-темы.

Проверим достоверность утверждения об экспликации модуля в составе компаративной единицы на других типах компаративных единиц, относительно которых были сделаны подобные заявления в предшествующих исследованиях немецкого языка.

1.5.2. Указание на модуль с помощью компаративного сложного прилагательного

Рассматривая компаративные сложные прилагательные, называющие цвет, Д.Г. Сакаян отмечает, что на эталон указывается в первой части прилагательного, а на модуль – в его второй части, подтверждая правильность своих рассуждений с помощью развёртывания (трансформации) сложного слова в словосочетание *schnee-weiß – weiß wie Schnee* [Сакаян].

Принимая во внимание, что в немецком языке композиты-прилагательные, как и существительные, распределяются в две группы (определительные и копулятивные [Степанова, 1984, с. 135]), распознавая рассматриваемые композиты-прилагательные как определительные, мы можем выделить в их составе НС, которая детерминируется другой НС. В нашем случае представление, на которое указывает вторая НС, определяется первой НС. В результате «общее название понятия превращается в специальное» [Степанова, 1984, с. 115]. Мы считаем, что вторая НС, которую Д.Г. Сакаян интерпретирует как указание на модуль, является общим указанием на конкретизируемый признак.

Используя терминологию М.И. Черемисиной, вторую НС можно определить как указание на «аспект признака» [Черемисина, 1971, с. 74]. То, что в данном случае речь идёт именно об «аспекте признака», подтверждается размытыми очертаниями областей применения цветовых наименований, на что обращают внимание авторы грамматики Дудена: „Die Grenzen zwischen den einzelnen [Farb] wörtern sind sicher nicht mit dem Lineal zu ziehen, sie schwanken auch von Sprecher zu Sprecher“ [Duden ... , S. 547]. Кроме того, если вторая НС уже обозначает модуль, то с какой целью адресант обращается к модели сложного прилагательного с первой НС «определителем», выстраивая ряды сложных прилагательных с одной и той же второй НС (*backstein-, fuchs-, himbeer-, kirsch-, korallen-, krebs-, puter-, rosen-, tomaten-, feuer-, fleisch-, kupfer-, rost-, rubin-, wein-, karpfenblut-, johannisbeer-, ziegelrot*). Мы считаем, что выбор модели определительного сложного прилагательного свидетельствует о широкозначности второй НС, о стремлении адресанта уточнить представление, на которое указывает вторая НС.

Позиция, занимаемая первой НС, позволяет определить её как элемент, задающий спецификацию, конкретизацию: *Sie trug ein kornblumenblaues Tropical-Kostüm* [59, S. 102]. *Aus dem himmelblauen Hintergrund der Tapeten traten zwischen schlanken Säulen weiße Götterbilder plastisch hervor* [65, S. 18]. Прилагательное *kornblumenblau* называет насыщенный тёмный оттенок голубого, а прилагательное *himmelblau* – лёгкий прозрачный светлый оттенок голубого. И в том, и другом случае элемент *blau* лишь указывает на область поиска

определяемого оттенка. Направление на чёткую спецификацию задаёт первая НС сложного прилагательного. Спецификация, задаваемая первой НС (указание на предмет, оттенок которого соответствует искомому), позволяет адресанту преодолеть субъективность представления адресата о цветовой палитре, помочь ему реконструировать необходимый модуль, найти нужный оттенок в цветовом спектре, который воспринимается человеческим глазом.

В сложном прилагательном с указанием на основной цвет в позиции второй НС наблюдаем замещение первой позиции обозначением оттенка: *karmin-*, *orange-*, *purpur-*, *rosa-*, *scharlach-*, *zyklamrot*, что, по нашему мнению, также является свидетельством предназначения первой позиции для указания на некоторый оттенок в оптическом спектре.

Таким образом, в рассматриваемых сложных прилагательных, передающих оттенки цвета, позицию модуля представляет первая НС, и эта позиция занимается указанием на эталон.

Следует отметить, что в рассматриваемых сложных прилагательных вторая НС информативно необходима. Указывая на основной цвет спектра, адресант ориентирует адресата при определении направления в поиске модуля, что становится особенно очевидным при сопоставлении ряда сложных прилагательных с одной и той же первой НС, но разными вторыми НС: *tabakgrün*, *tabakgelb*, *tabakbraun*; *eierschalbraun*, *eierschalweiß*; *goldgelb*, *goldrot*, *goldgrün*, *goldviolett*; *grafitschwarz*, *grafitgrau*. Мы считаем, что в условиях изменчивости, структурной сложности и видового разнообразия эталона вторая НС является для адресата необходимой опорой, тем «ориентиром», который намечает направление поиска модуля. Данная функция второй НС позволяет определить её как указание на область поиска признака-модуля.

Тенденция замещения в компаративных сложных прилагательных позиции модуля указанием на эталон характерна и для сложных прилагательных других семантических групп, среди которых выявляются следующие тематические группы:

— **зрительные ощущения: цвет и его насыщенность:** *wachsbleich*; **форма:** *tellerrund*, *tellerflach*; **размер:** *walnussgroß*, *spatentief*; **прозрачность и освещённость:** *wasserklar*, *pechfinster*; **структура поверхности:** *spiegelglatt*, *messerscharf*;

- осязательные ощущения: *вес: papierleicht, bleischwer; реакция на давление или сжатие: watteweich, steinhart; тепловое состояние: zimterwarm, schattenkühl; насыщенность влагой: pudelnass, staubtrocken;*
- слуховые ощущения: *mäuschen-, stockstill;*
- вкусовые ощущения: *honigsüß, zitronensauer;*
- комплексные характеристики: *скорость: pfeilschnell, schneckenlangsam;*
- психолого-прагматические оценки: *поведенческие характеристики: lammfromm, pfauenittel; функциональные свойства: hundemüde, bullenstark; умственные способности: schlangenklug, fuchsschlau;*
- эмоционально-эстетические оценки состояний: *vogelfrei, morgenschön;*
- морально-этические оценки состояний: *splitter-, pudelnackt.*

Как и в примерах со сложными прилагательными-цветобозначениями, вторая НС указывает на аспект признака, является широкозначной единицей, что подтверждается возможностью сочетания данных словообразовательных элементов с разными корневыми морфемами: *kissen-, samt-, seiden-, wachs-, watteweich.*

Первая НС рассматриваемых сложных прилагательных уточняет спецификацию: *Eine Kinderschwester betreute ihn, während er mit pergamentfarbenen Händen das Glas vorsichtig zum pergamentenen Gesicht führte, behutsam die messerschnittschmalen Lippen mit dem milden Rahm netzte* [59, S. 120]. Словосочетание *schmale Lippen* понимается адресатом в противопоставлении «пухлые губы» — «тонкие губы», опыт адресата позволяет обозначить этим словосочетанием, к примеру, губы европейца в сравнении с губами человека негроидной расы. Адресанта такое положение дел не удовлетворяет, он подчёркивает, что у губ описываемого им человека почти нет очертаний, рот похож на ножевой разрез. Это уточнение даётся в первой НС, которую в силу её определительного характера следует считать позицией, предназначенной для указания на модуль.

Факт сохранения тенденции к замещению позиции первой НС, предназначенной для указания на модуль, языковой проекцией эталона, вероятно, связан с тем, что общепринятое обозначение аспекта признака, которое предполагает индивидуальность его интерпретации адресатом, не позволяет адресанту передать своё индивидуальное восприятие признака в его конкретном проявлении.

1.5.3. Указание на модуль с помощью прилагательных на *-artig*, *-farben* (*-farbig*), *-förmig* (*-formen*)

К рассмотренной выше группе прилагательных примыкают прилагательные на *-artig*, *-farben* (*-farbig*), *-förmig* (*-formen*). Данные элементы, как вторая НС в вышерассмотренных прилагательных, называют аспект признака, но продуктивность словообразовательных моделей с данными элементами позволяет говорить о том, что они функционируют подобно суффиксам. Эту особенность словообразовательного элемента *-artig* замечает В. Юнг, указывая, что есть источники, в которых зафиксировано 86 прилагательных с данным элементом [Jung, 1984, S. 293]. В грамматике Дудена словообразовательный элемент *-artig* относится к группе полуаффиксов [Duden ... , S. 498]. В толковом словаре Дудена элемент *-artig* уже определяется как суффикс прилагательного [18, S. 71]. Большая серийность, «употребление не в одном, а в нескольких (часто очень многих) словах» [Степанова, 1984, с. 153] данного словообразовательного элемента действительно впечатляет: в ходе нашего исследования было зафиксировано 122 компаративных прилагательных на *-artig*.

В толковом словаре находим следующее определение данного словообразовательного элемента: ‘in der Art wie das im Basiswort Genannte, damit vergleichbar; so wie das im Basiswort Genannte’ [18, S. 71]. Слишком обобщённое и отвлечённое значение словообразовательного элемента *-artig*, позволяющее идентифицировать его как суффикс, требует уточнения в целях активации в сознании адресата конкретного представления. Такое уточнение, по логике вещей, должно бы быть указанием на качественную характеристику предмета, вместо этого в первой позиции прилагательных на *-artig* указывается на некоторый объект: *Ihre Puppen atmen durch zwei hörnchenartige Kopfstigmen* [75, S. 79]. *Überschreiten einer bestimmten Spannung hat einen explosionsartigen Zerfall der betreffenden Strukturen zur Folge* [86, S. 52]. Первую позицию в прилагательных на *-artig*, в силу её предназначения для указания на качественную характеристику предмета, можно считать позицией, предназначенной для указания на модуль. Заполнение данной позиции морфемой, языковой проекцией представления об объекте, для которого характерен признак, рассматриваемый в данном случае как модуль, подтверждает ранее

выявленную тенденцию к замещению позиции, предназначенной для обозначения признака-модуля, указанием на эталон.

Как и в рассмотренных выше компаративных сложных прилагательных, называющих цвет, словообразовательный элемент *-farben* образует соединения с обозначениями оттенков цвета. Обсуждаемая первая позиция в прилагательном на *-farben* может быть занята языковой проекцией менее отвлечённого представления о цвете: *beige-*, *grau-*, *pastellfarben*. Данный факт подтверждает, что первая позиция предназначена для уточнения представления о цвете в палитре его восприятия. Следовательно, первая позиция в прилагательных на *-farben*, в основании которых лежит сравнение, предназначена для указания на модуль.

Для прилагательных на *-farben* подтверждается тенденция появления обозначения эталона в позиции, предназначенной для указания на модуль: *So, unter einem bleifarbenen Himmel saß der Feldherr, offenbar müde vom Siegen* [43, S. 528].

Значение словообразовательного элемента *-förmig* (*-formen*) определяется следующим образом: ‘eine bestimmte Form aufweisend’ [15], ‘in der Form von, gestaltet wie’ [16], ‘in der Form, äußeren Gestalt wie das im Basiswort Genannte, damit vergleichbar; von Gestalt wie...; die Form des im Basiswort Genannten habend’ [18]. Судя по определениям, словообразовательный элемент *-förmig* (*-formen*) соотносится с общим указанием на то, что речь идёт о форме, о силуэте, о контурах рассматриваемого объекта, но конкретизация данного признака осуществляется с опорой на первый элемент прилагательного: *Kurzstieliger, sternförmiger Enzian stand im feuchten Grase des Abhangs* [66, S. 52]. *Die Samenkapsel ist herzförmig* [60, S. 93]. Подтверждением предназначения первого элемента для определения формы объекта служит замещение данной позиции морфемами – языковыми проекциями представлений о геометрической форме предмета (*kreisförmig, ovalförmig*). Следовательно, и в прилагательных на *-förmig* (*-formen*) первая позиция предназначена для указания на модуль. Приведённые выше примеры позволяют проследить, что в данной позиции появляется указание на эталон.

В некоторых случаях для передачи сравнительных отношений могут быть использованы прилагательные на *-mäßig*. Словообразо-

вательный элемент *-mäßig* в компаративных прилагательных образует соединение с морфемами, указывающими: 1) на лицо, которое характеризуется определённым типом поведения, либо принадлежит к определённой этнической, социальной или профессиональной группе: *heiden-, herren-, liebhaber-, sklavenmäßig*; 2) на животное: *bären-, sau-, schweinemäßig*; 3) на предмет: *motorradmäßig, kasernenmäßig*.

Значение словообразовательного элемента *-mäßig* в компаративных прилагательных определяется как ‘nach Art, in der Art, in Form’ [16], ‘in der Art von’ [15], ‘in der Art von..., nach Art wie...’ [18]. Как и в рассмотренных выше случаях, значение словообразовательного элемента очень абстрактно, требует уточнения. Оно даётся первым элементом прилагательного, поэтому логично считать первую позицию позицией, предназначенной для указания на модуль. В данной позиции, как это отчётливо видно по примерам, даётся указание на эталон.

Необходимо отметить, что сам факт отнесения словообразовательных элементов *-artig, -farben (-farbig), -förmig (-formen), -mäßig* к полуаффиксам либо к суффиксам прилагательных свидетельствует об изменении в характеристике их значений: на базе лексического значения высокой степени обобщения развивается грамматическое значение. М.Д. Степанова определяет подобные случаи как «явление переосмысления одного из компонентов композита и превращение его в словообразовательное средство» [Степанова, 1984, с. 150]. И хотя компоненты рассматриваемой группы полуаффиксов сохраняют семантические связи с однокоренными существительными, они уже находятся «в состоянии перехода от одного качества к другому» [Степанова, 1984, с. 156]. Приближаясь по своим функциональным признакам к словообразовательным суффиксам, они служат средством перевода слова в разряд прилагательных, и, следовательно, вещественное значение слова извлекается в первую очередь с опорой на первый компонент слова. Смещение акцента при определении вещественного значения слова на первый компонент прилагательных на *-artig, -farben (-farbig), -förmig (-formen), -mäßig* подтверждает, что их первый компонент является позицией, в которой следует искать языковую проекцию представления о признаке. Вместе с тем мы констатируем появление в данной позиции указания на эталон.

Приведённые выше факты позволяют прийти к общему заключению о том, что в составе языковых единиц немецкого языка, относимых в состав компаративных, отсутствует обозначение модуля, однако в структуре компаративных единиц обнаруживается позиция, предназначенная для указания на него, которая позволяет составить наиболее общее представление о модуле как о качественной характеристике. Данная позиция занимается указанием на эталон. Отмеченный факт подводит к мысли о том, что терминальный узел «модуль» заполняется выводным знанием, которое адресат получает самостоятельно, опираясь на предшествующий жизненный опыт — информацию об эталоне, которая хранится в его памяти.

1.6. Языковые опоры, снимающие неопределённость модуля⁴

Выявленный нами факт отсутствия обозначения модуля в рамках немецких компаративных единиц определяет актуальность вопроса о языковых опорах, направляющих адресата в его поиске.

Следует отметить, что данный вопрос затрагивается и в рамках логико-рационалистической традиции в ходе анализа компаративных единиц в плане противопоставления эксплицитного и имплицитного модуля. М.И. Черемисина отмечает в этой связи, что в большинстве высказываний присутствуют разного рода «вехи», направляющие в определённую сторону внимание реципиента, его поиск «общего» [Черемисина, 1971, с. 57]. Исследуя окружение сравнительных конструкций немецкого языка, И.З. Искандерова приходит к заключению, что при раскрытии семантики сравнения важен учёт как контекста, предваряющего фразу, в которой содержится сравнение, так и контекста, следующего за ней. «Вехи» могут быть как контактными, так и дистантными по отношению к сравнению, подчёркивает И.З. Искандерова. Она устанавливает, что семантическую неопределённость сравнения помогают снимать следующие языковые единицы словесного контекста: отдельные

---

⁴ Денисова Г. Л. Языковые опоры, снимающие неопределённость основания сравнения (на материале немецкого языка // Наука и современность. 2010. № 1–2. С. 203–208.

лексемы (правый и левый макроконтекст), словосочетания (преимущественно правый контактный макроконтекст), самостоятельные предложения (правый макроконтекст).

И.З. Искандерова прослеживает также и неодинаковую зависимость сравнений различного семантического типа от словесного контекста. В её интерпретации конструкции нуждаются в помощи контекста, если в основу сравнения положен второстепенный признак эталона. Сравнения, основанные на сходстве физических характеристик сравниваемых объектов (звук, форма, цвет), воспринимаемых органами чувств, не нуждаются в поддержке словесным контекстом [Искандерова Семантико-структурная ... : дис.].

С нашей точки зрения, опорой при определении направления поиска признака-модуля служит в первую очередь позиция, занимаемая указанием на эталон, которая, как это было выяснено нами ранее, позволяет составить наиболее общее представление о модуле как о качественной характеристике.

В ходе исследования языкового материала нами были обнаружены также другие возможности уточнения области поиска признака-модуля.

В компаративных высказываниях, которые организуются глаголами с семантикой сходства / отличия, уточнение области поиска признака-модуля может быть дано: 1) предложной группой: *Er ähnelte in der Gesichtsform seinem Großvater* [65, S. 14]; 2) отдельным словом: *Eine davon glich äußerlich einem rohen Steinhafen* [54, S. 39]; 3) придаточным предложением: *Deshalb wurde in den letzten Jahren ein Spinnverfahren entwickelt, das sich von den klassischen grundsätzlich dadurch unterscheidet, dass das Erteilen der Drehungen und das Aufwinden des Garns getrennt voneinander erfolgen* [84, S. 679].

По нашим данным, процентное соотношение обращения к опорам (они определяются в нашей работе как указание на область поиска модуля) в компаративных высказываниях, организуемых глаголами с семантикой сходства / отличия, выглядит следующим образом: указание на область поиска модуля осуществляется преимущественно существительным с предлогом (82,1 %), реже — наречием (10,4 %). В составе 7,5 % компаративных высказываний был зафиксирован коррелят в форме местоименного наречия.

Указание на область поиска модуля может занимать в компаративных высказываниях на немецком языке, которые организуют глаголы с семантикой сходства / отличия, разные синтаксические позиции:

– Существительное, уточняющее область поиска модуля, замещает позицию дополнения: *Bei einigen Verben sind beide Varianten nahezu identisch in der Bedeutung* [Helbig, 1986, S. 212].

– Указание на область поиска модуля, называемое наречием, заполняет позицию обстоятельства: *Bedeutungsmäßig sind die Partizip I- und die Infinitiv-Konstruktion identisch* [Helbig, 1986, S. 589].

С семантической точки зрения указание на область поиска модуля называет аспект признака. Рассмотрим конкретный пример: *Spinnen* (указание на тему) *weichen in ihrem Körperbau sowohl von den Krebsen* (указание на эталон) *als auch von den Insekten* (указание на эталон) *ab, sie besitzen keine Antennen und auch keine (ursprünglich) kauenden Mundwerkzeuge* [75, S. 64]. В приведённом высказывании отмечается отличие, существующее между пауками, раками и насекомыми. Область поиска модуля уточняется словом *Körperbau*, которое определяется как «взаимное расположение частей, составляющих одно целое». Иными словами, представление, языковой проекцией которого является слово *Körperbau*, носит несколько отвлечённый, абстрактный характер и конкретизируется в каждом отдельном случае по-разному. Например, для насекомого в это представление входят голова, грудь, брюшко, глаза, пара осязательных усиков, три пары ног, иногда крылья. В строении паука различают головогрудь, брюшко, четыре пары ног, так называемые хелицеры, челюсти, расположенные на передней части головы. В строении рака тоже различают головогрудь и брюшко, три пары ног, но у него есть осязательные усики и клешни. Признак-модуль, по которому констатируется отличие пауков от насекомых и ракообразных, восстанавливается в результате поиска в указанной области и называется в позиции уточнения в заключительной части высказывания.

Языковые опоры, обозначающие область поиска признака-модуля в составе компаративных высказываний, организованных глаголами с семантикой сходства / отличия, являются факультативными актантами: только в 27,5 % предложений было зафиксировано такое обозначение (за 100 % было принято 1 718 примеров).

Кроме уже названных языковых опор в эндоконтексте компаративного высказывания на немецком языке (в терминологии Б.А. Абрамова [Абрамов, 1966, с. 42]) обнаруживаются и другие средства, позволяющие адресату правильно определить модуль:

1. Уточнение существительного – языковой проекции общего представления об эталоне – согласованным определением

В следующем компаративном высказывании, организованном глаголом сходства *ähneln*, языковой опорой, которая помогает определить модуль, служит прилагательное *rostig* в позиции согласованного определения при существительном – языковой проекции общего представления об эталоне: *Die Sonne leuchtet es [das Ohr] von hinten an, es ähnelt einem rostigen Schopflöffel* [79, S. 54]. Прилагательное указывает на состояние, связанное с определённой окраской. Цвет приобретает в этом случае первостепенное значение, поэтому адресат идентифицирует модуль «красновато-коричневый цвет».

В следующем компаративном высказывании функцию языковых ориентиров, которые помогают реконструировать ощущения Хольга, наблюдающего за работой инженера, играют прилагательные *seltsam* и *weltfern*, они уточняют существительные в группе с *wie*: *Und wie der Ingenieur nun über seinen Papieren und Tabellen hockte, erschien er Holt wie ein seltsamer Gnom in einer weltfernen Grotte voller Zahlentafeln, Fundamentberechnungen und Baupläne* [71, S. 96]. Идентифицируется модуль – «не от мира сего».

В компаративных высказываниях с глаголами сходства / отличия возможно появление причастия первого в группе существительного, обозначающего эталон: *Endlich bog er in einen breiten Waldweg und befand sich nach wenigen Minuten inmitten des Kiefernforstes, dessen Nadelnmassen einem wellenwerfenden Meere glichen* [53, S. 13]. Причастие первое актуализирует динамический признак эталона, а именно: волнообразное движение морской глади. Идентифицируется динамический модуль – «волнообразное движение».

Причастия *rotierend* и *weiß glühend* в функции согласованного определения перед существительным *Fontänen* в составе группы с *wie* позволяют восстановить динамический модуль «ослепительно сверкающие, осуществляющие вращательные движения» в следующем компаративном высказывании: *Wie rotierende weiß glühende*

Fontänen schossen die Strahlengarben in die Finsternis empor und hinaus, dreißig Seemeilen weit und mehr [56, S. 417].

Введение причастия второго *verzweigt* в следующее компаративное высказывание помогает конкретизировать форму молний, наблюдаемых субъектом сравнения: электрические разряды ассоциируются с тонким разветвлённым рисунком кровеносных сосудов: *Blitze irrten am Horizont wie fein verzweigte Geäder aus Feuer* [56, S. 457].

2. Введение придаточных определительных предложений в группу обозначения эталона

Языковой опорой, позволяющей определить направление поиска признака-модуля в эндоконтексте, может быть придаточное предложение: *Dieses Stück Land gleicht einem Leichnam, den man galvanisiert – so scheint sich einiges zu regen. Aber es sieht hoffnungslos aus* [79, S. 46]. На основании информации придаточного предложения восстанавливается модуль – движение «на уровне рефлексов».

Модуль, о котором идёт речь в компаративных высказываниях, приведённых ниже, также реконструируется с опорой на информацию, которую передаёт придаточное предложение: *Sie sah ihn dabei an wie ein Hündchen, das um Zucker bettelt* [71, S. 246]. Модуль – «настороженный вопросительно-умоляющий» взгляд. *Die Glocken begannen im Nebel zu bellen wie kleine Hunde, die im Schläfe gestört wurden* [56, S. 391]. Модуль – «беспорядочный» перезвон «на высоких нотах».

3. Уточнение в рамках языковой проекции эталона или темы

Языковой опорой, задающей направление поиска признака-модуля, может служить уточнение в рамках языковой проекции эталона: *Weißes Papier gleicht den unerforschten Flecken auf einer Landkarte, mit der Spitze meiner Feder breche ich wie mit einem Buschmesser in Niemandsland ein* [68, S. 35].

Языковые опоры, помогающие идентифицировать модуль, могут находиться и в экзоконтексте, в окружении компаративного высказывания. Следующему компаративному высказыванию предшествует описание действий, совершаемых братьями Потерами: *Die Poter-Bruder zankten sich bei der Arbeit; einer bevormundete den anderen, und das Seilspannen glich einer Clown-Nummer* [80, S. 114]. Дальнейший поиск признака-модуля осуществляется в области образа совершения действия.

Получение информации, необходимой для идентификации модуля, возможно и в опоре на последующий текст: *Otto war einmal – fast – ähnlich, aber er hatte etwas in sich, was der Vater nicht kaputt gekriegt hatte: Er konnte lieben, Eva hatte gar nichts in sich* [41, S. 292]. Анализируя утверждения, следующие за констатацией сходства Отто и Евы, приходим к выводу, что область поиска признака-модуля – это их способность к чувству.

Указание на область поиска признака-модуля обнаруживается и в семантической структуре ряда глаголов, которые организуют компаративные высказывания на немецком языке. Соответствующие смысловые элементы мы находим в семантической структуре перцептивных глаголов в их узком значении и в семантической структуре ряда глаголов соответствия, к которым относятся глаголы *harmonieren, korrespondieren, passen, disharmonieren, kontrastieren*. Вместе с тем нам бы хотелось ещё раз подчеркнуть, что это указание лишь на аспект признака, на некоторый диапазон признаков, который охватывает несколько качественных ступеней. Необходимая конкретизация представления осуществляется путём анализа эндо- и экзоконтекста компаративного высказывания. К примеру, в семантической структуре глагола *riechen* в его узком значении содержится смысловой элемент, указывающий на область поиска признака-модуля «обонятельное ощущение». Но в конкретном компаративном высказывании речь, естественно, идёт об определённом запахе: пряном, кислом, сладком, горьком. Так, в приведённом ниже компаративном высказывании речь идёт о резком запахе: *Es gibt noch mehrere kleine Schwindlinge, die dem Mousseron sehr ähnlich sehen, jedoch entweder schwächer oder stärker nach Knoblauch riechen als dieser* [29, S. 86]. Точно так же и в компаративных высказываниях с глаголами соответствия *harmonieren, korrespondieren, passen, disharmonieren, kontrastieren* конкретизация модуля возможна только с опорой на эндо- и экзоконтекст.

Таким образом, в связи с тем, что в компаративных высказываниях обозначение модуля не предполагается, в эндо- и экзоконтексте компаративного высказывания на немецком языке возможны языковые опоры, либо в семантической структуре глаголов, организующих компаративные высказывания, обнаруживаются смысловые элементы, которые указывают на область поиска

признака-модуля, сужают границы его поиска, позволяют адресату самостоятельно заполнить вершинный узел «модуль» путём набрасывания на текст фрейма-сетки и извлечения необходимой понятийной информации [Агеев, с. 212].

1.7. Метафорическая концептуализация отношения сравнения в семантике показателей сравнительных отношений⁵

Известно, что «представления о связях или отношениях между объектами формируются наряду с представлениями о самих объектах» [6, с. 137]. Это утверждение справедливо и относительно рассматриваемого явления. Проведённый нами анализ языкового материала позволяет говорить об особенностях осмысления немецкой языковой личностью отношения между темой и эталоном и об обозначении данного отношения на уровне поверхностной реализации. Последнее получает подтверждение в первую очередь в использовании на уровне поверхностной реализации показателей сравнительных отношений, которые объективируют представление о соответствующих отношениях между темой и эталоном, являются результатом «перехода мысли в фиксированные вербальные продукты языковой системы» [Фефилов, с. 163] и служат в речи стимулом к осуществлению сравнения.

К показателям сравнительных отношений в ряду прочих относят лексемы сравнительной семантики [Брандес, 2004, с. 369]. Именно анализ лексем со сравнительной семантикой даёт определённый материал, на основании которого можно судить о том, как осмысляется отношение сравнения. В первую очередь обращают на себя внимание многозначные глаголы сравнительной семантики, которые, по сути, представляют собой метафорическую концептуализацию отношения сравнения.

Сравнение представляет собой логический приём, то есть предметное действие. Как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон,

---

⁵ Денисова Г. Л. Концептуализация отношения сравнения в семантике показателей сравнительных отношений (на материале немецкого языка) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2009. № 2. С. 9–10.

те области опыта, которые не обладают собственной доконцептуальной структурой, осмысляются через метафору [Lakoff, 1993]. Метафора позволяет структурировать абстрактную сферу в терминах другой, конкретной, чувственно воспринимаемой сферы, а потому известной и понятной [Кибрик, с. 346–355, 380–382; Красавский, с. 143; Битокова, с. 3]. Концептуализация, основанная на механизме метафоры, помогает «осмыслять непредметные сущности в привычных и простых представлениях», «она “переводит” неочевидное в наглядное» [Рябцева, с. 58–59], удлинняя радиус действия мысли [Ортега-и-Гассет].

В связи с обсуждаемым вопросом хотелось бы привести обобщение Л.А. Панасенко, сделанное с опорой на работы Дж. Лакоффа, В.Н. Телия, В.В. Петрова и Э. Маккормак. Л.А. Панасенко отмечает, что в механизме метафорического переноса главную роль играет взаимодействие между старым и новым знаниями. «Логико-психологической базой метафорического переноса являются ассоциации, основанные на подобии компонентов, структурирующих область мишени (target) и область источника (source) метафоры. С точки зрения взаимодействия фреймов это означает, что активизированные для представления конкретного события фреймы связываются отношением наложения, которое базируется на установлении сходства между компонентами фреймов. В результате номинация концептуального пространства события будет осуществляться посредством использования языковой доминанты того фрейма, который выбирается говорящим в качестве источника для метафорического переноса» [Панасенко, 2004, с. 274].

В соответствии с последним замечанием, как представляется, сделанная нами подборка немецких многозначных глаголов, которые могут выступать в качестве организующих центров компаративных высказываний, в соотношении их прямого и переносного значения проливает свет на то, как отношение сравнения представляется немецкой языковой личностью:

grenzen

– Номинатив (сущ. неодуш.) + аккузатив (сущ. неодуш.) = ‘соприкасаться’.

Unser Grundstück grenzt an den Wald [16, Bd. 3, S. 1646].

– Номинатив (абстр., действие) + аккузатив (абстр.) = ‘соответствовать, походить’.

Seine Virtuosität grenzt an Hexerei [16, Bd. 3, S. 1646].

sich berühren

– Номинатив (сущ. неодуш.) = ‘соприкасаться’.

Ihre Hände berührten sich [18, S. 132].

– Номинатив (сущ. абстр.) = ‘походить’.

В форме номинатива выступают существительные *Begriffe, Gedanken, Vorschläge: Hierin berühren sich unsere Vorschläge* [9, S. 126].

sich decken

– Номинатив (сущ. неодуш.) = ‘налагаться, совмещаться’.

Die beiden Dreiecke decken sich [18, S. 174].

– Номинатив (сущ. абстр.) = ‘походить’. В позиции подлежащего в форме номинатива регистрируются существительные *Bedeutungen, Begriffe, Interessen, Ansichten, Aussagen, Fälle: Die einzelnen Begriffe sind keineswegs klar voneinander abgegrenzt; sie decken sich* [Sprache und Praxis, S. 311].

streifen

– Номинатив (сущ. одуш.) + аккузатив (сущ. неодуш.) = ‘задевать, касаться’.

Du hast an das gestrichene Geländer gestreift [16, Bd. 5, S. 3627].

– Номинатив (абстр., действие) + аккузатив (абстр.) = ‘соответствовать, походить’.

В форме аккузатива встречаются существительные *Wahnsinn, Lächerliche, Märchenhafte, Verrat, Phantastische, Pedanterie: Seine Ordnungsliebe streift schon an Pedanterie* [16, Bd. 5, S. 3627].

gegenüberstehen

– Номинатив (сущ. одуш.) + датив (сущ. одуш., сущ. неодуш.) = ‘стоять напротив кого-либо, чего-либо’.

Ich stand ihm Auge in Auge gegenüber [16, Bd. 2, S. 1491].

– Номинатив (сущ. абстр., действие) + датив (сущ. абстр., действие) = ‘отличаться’.

Данное значение реализуется только в условиях замещения обеих позиций, открываемых глаголом, существительными, которые называют элементы одного класса: *Der meistens logisch-systematisieren-*

den Gliederung der Beschreibung eines Gegenstandes (eines Dinges) steht die prinzipiell historisch-chronologische Gliederung der Beschreibung eines wiederholbaren Vorganges gegenüber [Sprache und Praxis, S. 211]. Если позиции замещаются существительными, обозначающими взаимоисключающие понятия, то глагол актуализирует значение ‘противодействовать’: Dem Vorteil des guten Seeverhaltens bei dieser Art steht der Nachteil der schlechten Ladefähigkeit gegenüber [84, S. 50].

sich absetzen

– Номинатив (сущ. одуш. или сущ. абстр. как одуш.) + датив (сущ. одуш. или сущ. абстр. как одуш.) = ‘удаляться’.

Die Kompanie setzte sich vom Gegner ab [9, S. 49].

– Номинатив (сущ. абстр.) + датив (сущ. абстр.) = ‘отличаться’.

Im gegebenen Text setzen sich charakterologische Ausdrücke deutlich gegen den Autorstil ab [17, S. 26].

auseinander gehen

– Номинатив (сущ. одуш.) = ‘расходиться’.

Um Mitternacht gingen wir auseinander [15, Bd. 1, S. 105].

– Номинатив (сущ. абстр.) = ‘отличаться’.

В позиции подлежащего в форме номинатива возможны существительные *Meinungen, Ansichten, Interessen: Die Meinungen gehen kaum auseinander* [9, S. 95].

abweichen

– Номинатив (сущ. одуш.) = ‘отклонение от курса, направления’.

Er ist vom Kurs abgewichen [15, Bd. 1, S. 25].

– Номинатив (сущ. абстр.) = ‘отличаться’.

Mein Ergebnis weicht stark von seinem ab [15, Bd. 1, S. 25].

Данная подборка позволяет наблюдать то общее, что объединяет прямые значения перечисленных глаголов. В своём прямом значении они организуют высказывания, в основании которых лежат пространственные представления, наш двигательный и зрительный опыт [Кибрик, с. 349].

Языковой проекцией представления о пространственном положении объектов относительно друг друга являются высказывания, организуемые глаголами *grenzen, sich berühren, sich decken, gegenüberstehen*. Представление о сближении объектов или их удалении друг

от друга находит отражение в высказываниях, организуемых глаголами *streifen*, *sich absetzen*, *auseinander gehen*.

Наблюдая толкования значений глаголов *grenzen*, *sich berühren*, *sich decken* и *streifen*, приходим к выводу, что речь идёт о некотором контакте между объектами. К примеру, глагол *grenzen* интерпретируется следующим образом: ‘etwas berührt sich mit etwas an der Grenze, stößt an etwas’ [16, Bd. 2, S. 1491]; ‘[mit seiner Grenze] an etwas, an einen anderen Bereich stoßen’ [18, S. 311]. Во всех определениях подчёркивается факт соприкосновения объектов, наличие общей границы.

Контакт между объектами акцентируется в толкованиях глагола *streifen*: ‘jemanden, etwas mit einer (schnellen) Bewegung leicht, flüchtig berühren’ [16, Bd. 5, S. 3627; 15, Bd. 2, S. 1118]; ‘im Verlauf einer [schnellen] Bewegung etwas leicht berühren, über die Oberfläche von etwas streichen’ [18, S. 620].

Аналогичные результаты даёт анализ толкований глагола *berühren*: ‘durch Fassen, Greifen oder Aneinandertreffen einen kurzen flüchtigen Kontakt zu etwas, jemandem herstellen’ [15, Bd. 1, S. 163]; ‘(zu jemandem / etwas [mit der Hand] eine Verbindung, einen Kontakt herstellen, ohne fest zuzufassen)’ [18, S. 132].

Рассматривая примеры, приведённые в качестве иллюстраций значения ‘übereinstimmen, zusammenfallen’ глагола *sich decken* [9, S. 163], отмечаем, что первый из приведённых примеров активизирует пространственное представление, связанное со знаниями в области геометрии: *Die beiden geometrischen Figuren müssen sich decken*. Глагол *sich decken* обозначает в данном случае физическое наложение, совмещение геометрических фигур, реализуя своё прямое значение. Значение глагола *decken* интерпретируется следующим образом: ‘(etwas) auf etwas legen’ [18, S. 174]; ‘etwas Flächiges über, auf etwas, über jemanden legen, breiten, so dass dessen gesamte Oberfläche geschützt, der Sicht entzogen ist’ [15, Bd. 1, S. 232]. То есть речь идёт о действии, в процессе которого объекты налагаются.

Представление о контактном положении объектов соответствует в семантической структуре глаголов *grenzen*, *sich berühren*, *sich decken*, *streifen* в их прямом значении определённому смысловому элементу, который мы определяем как сему «наложение». Использование глаголов с пространственными ассоциациями как средств обозначения сравнительного отношения позволяет предположить,

что последнее осмысляется как отношение пространственное. Соответственно, в семантической структуре глаголов *grenzen*, *sich berühren*, *sich decken*, *streifen* со значением 'походить' сохраняется смысловой элемент «наложение», который конкретизируется как сема «наложение признаков».

Глаголы *sich absetzen*, *auseinander gehen*, *abweichen* входят в группу лексем, называющих пространственные отношения. В своём прямом значении они используются для указания на движение объектов в несовпадающих направлениях, на удаление их друг от друга. Смысловой элемент «удаление» находит эксплицитное выражение в толкованиях глагола *sich absetzen*: '[heimlich, unauffällig] woanders begeben, entfernen' [18, S. 31]; 'in ein anderes Land fliehen' [15, Bd. 1, S. 19].

В интерпретациях словосочетания *auseinander gehen* эксплицируется смысловой элемент «удаление» и отмечается, что существует некоторая отправная точка, из которой осуществляется действие: 'von einer bestimmten Stelle an nach verschiedenen Seiten verlaufen' [18, S. 92]; 'nicht länger beieinander bleiben und in verschiedene Richtungen gehen' [15, Bd. 1, S. 105].

В толкованиях глагола *abweichen* речь идёт об отклонении от заданного направления: 'eine eingeschlagene Richtung, einen eingeschlagenen Weg verlassen' [15, Bd. 1, S. 25]; 'sich (von seinem Weg, seiner Richtung) entfernen'. Представление об отклонении находится по отношению к представлению об удалении в отношениях включения. Вместе с тем первое предполагает некоторую точку, начиная с которой фиксируется изменение направления.

Таким образом, глаголы *sich absetzen*, *auseinander gehen*, *abweichen* подводят пространственную интерпретацию под отношение сравнения, предполагающую, с одной стороны, несовпадение позиций объектов в пространстве, а с другой стороны, о чём свидетельствуют толкования глаголов *auseinander gehen* и *abweichen*, момент, когда они находились в контактном положении. Соответственно первому смысловому признаку и в оппозицию к смысловому элементу «наложение» в семантической структуре рассматриваемых глаголов мы предполагаем наличие семы «отсутствие наложения». Сема «отсутствие наложения» сохраняется в семантической структуре глаголов *sich absetzen*, *abweichen* и словосочетания *auseinander gehen* со значением 'отличаться', конкретизируясь как «отсутствие наложения признаков».

Принимая во внимание, что глаголы *grenzen, sich berühren, sich decken, streifen, sich absetzen, abweichen* и словосочетание *auseinander gehen* развивают сравнительную семантику на базе пространственных представлений и их ЛСВ представляют собой языковые проекции метафорической концептуализации отношения сравнения, мы приходим к выводу, что отношение сравнения осмысляется немецкой языковой личностью в пространственных представлениях как «наложение» или «отсутствие наложения» объектов по области их признаков.

Анализ семантической структуры других немецких лексем — показателей сравнительных отношений также позволяет обнаружить в их семантической структуре смысловые элементы «наложение признаков» и «отсутствие наложения признаков». К примеру, значение глагола *übereinstimmen*, часто используемого для определения значения других глаголов рассматриваемой группы, объясняется следующим образом: ‘*sich inhaltlich, im Wortlaut decken*’ [16], ‘*die gleichen (wesentlichen) Merkmale, bes. gleichen Wortlaut, Inhalt haben*’ [15].

В дефиниции, которая приводится в «Словаре современного немецкого языка», изданного под редакцией Р. Клаппенбах и В. Штейница [16], значение глагола *übereinstimmen* объясняется через глагол *sich decken*, о котором уже шла речь ранее. Последний, будучи концептуальной метафорой, эксплицирует смысловой элемент «наложение» в значении глагола *übereinstimmen*. В первой части определения уточняется, о наложении каких признаков идёт речь. В дефиниции, которая даётся в «Словаре современного немецкого языка» Г. Кемпке [15], указывается, что речь идёт об обладании одним и тем же признаком.

Анализ толкований других немецких глаголов выявил следующие возможности интерпретации:

1. Значения глаголов *entsprechen, gleichen, stimmen, harmonieren, korrespondieren, passen* и *anklingen* объясняются с использованием глагола *übereinstimmen*:

entsprechen – ‘*etw. stimmt mit etw., jmdm. überein, ist einer Sache, jmdm. gemäß*’ [16];

gleichen – ‘*mit jmdm., einer Sache, miteinander in vielen, den wesentlichen Merkmalen übereinstimmen*’ [15];

stimmen – ‘etw. passt auf jmdn., etw., etw. harmoniert mit jmdm., etw. stimmt mit jmdm., etw. überein’ [16];

harmonieren – ‘mit etw. übereinstimmen, zusammenpassen’ [16];

korrespondieren – ‘etw. stimmt mit etw. überein, entspricht einer Sache harmonisch’ [16];

passen – ‘in den Eigenschaften mit jmdm., etw. übereinstimmen’ [15];

anklingen – ‘einer Sache ähnlich sein, in gewisser Hinsicht mit etw. übereinstimmen’ [15].

2. Для интерпретации значения глаголов *ähneln*, *gleichkommen* и словосочетания *nahe kommen* используется глагол *gleich*:

ähneln – ‘in Gestalt, Aussehen, Wesen gleich’ [16];

gleichkommen – ‘einer Sache, jmdm. gleich’ [16];

nahe kommen – ‘einer Sache fast gleich, gleichkommen’ [16].

3. Значения глаголов *grenzen* и *streifen* объясняются с привлечением глагола *gleichkommen*:

grenzen – ‘(übertr.) etw. kommt einer Sache fast gleich’ [16];

streifen – ‘etwas grenzt an etw., kommt einer Sache fast gleich’ [16].

4. Значение глагола *erinnern* раскрывается через глагол *ähneln*:

erinnern – ‘etw. jmd. lässt sich mit etw., jmdm. vergleichen, ähnelt etw., jmdm.’ [16].

Анализ толкований немецких прилагательных *ähnlich*, *gleich*, *identisch*, *proportional*, *synonym* и *vergleichbar* позволяет проследить аналогичные закономерности:

1. Объяснение значений прилагательных *ähnlich*, *gleich* и *identisch* даётся с привлечением причастия первого от глагола *übereinstimmen*: *gleich* – ‘in (wesentlichen) Merkmalen mit etw., jmdm, miteinander übereinstimmend, von derselben Art, demselben Aussehen wie etw. anderes, jmd. anderer’ [15]; ‘in seinen Merkmalen völlig übereinstimmend; mit einem Vergleichsobjekt in bestimmten Merkmalen, in seiner Art übereinstimmend oder vergleichbar’ [18];

ähnlich – ‘in bestimmten Merkmalen übereinstimmend; mit jmdm., einer Sache im Aussehen, in bestimmten Merkmalen übereinstimmen’ [15]; ‘zum Teil übereinstimmend, annähernd gleich’ [18];

identisch – ‘gleich, völlig übereinstimmend’ [16]; ‘gleich, (in bestimmter Hinsicht) in allen Merkmalen übereinstimmend’ [15]; ‘völlig gleich, übereinstimmend’ [18].

2. Значение прилагательного *proportional* интерпретируется через прилагательное *gleich: proportional* – ‘in gleichem Verhältnis zueinander stehend, verhältnisgleich’ [16]; ‘sich im gleichen Verhältnis verändern’ [15].

3. Значение прилагательного *vergleichbar* раскрывается через прилагательное *ähnlich: vergleichbar* – ‘ähnlich’ [12].

Отмеченные возможности толкования значений рассматриваемой группы глаголов и прилагательных позволяют предположить в их семантике смысловой элемент «наложение признаков».

Значение глагола *sich unterscheiden* определяется следующим образом:

- ‘im Hinblick auf bestimmte Merkmale, Eigenschaften o. ä. anders sein (als jmd. / etw.)’ [18],
- ‘von jmdm., einer Sache abweichen, sich von jmdm., einer Sache abheben’ [16],
- ‘anders sein, als jmd., etw., von etw. abweichen’ [15].

В первой части дефиниции, которая даётся в толковом словаре Дудена, определяется, что речь идёт о некоторой области признаков. Во второй части дефиниции указывается, что отсутствие признаков даёт объекту качественную характеристику, которая выделяет его среди других объектов. Во втором и третьем толкованиях подчёркивается, что характеристики объекта устанавливаются относительно другого объекта. Таким образом, на основании приведённых дефиниций значение глагола *sich unterscheiden* может быть определено как отсутствие связи между объектами по некоторой области признаков или, другими словами, как отсутствие наложения представлений о данных предметах по области некоторых признаков.

Анализ толкований других немецких глаголов выявил следующие возможности интерпретации значений рассматриваемой группы глаголов:

1. Значение глаголов *abweichen, sich abheben, kontrastieren* объясняется их соотношением с глаголом *sich unterscheiden*:
abweichen – ‘sich in bestimmten Punkten voneinander unterscheiden’ [18];
sich abheben – ‘sich von anderen durch etw. deutlich unterscheiden’ [18];
kontrastieren – ‘sich deutlich unterscheiden’ [15].

2. Глагол *abweichen* используется при толковании глаголов *differieren*, *divergieren*:

differieren – ‘voneinander abweichen’ [15];

divergieren – ‘voneinander abweichen’ [16].

3. Значения глаголов *abstechen*, *sich auszeichnen* объясняются с помощью глагола *sich abheben*:

abstechen – ‘sich stark von etw., jmdm., gegen etw., jmdn. abheben’ [15];

sich auszeichnen – ‘sich positiv durch etw. gegenüber anderen Menschen, Dingen abheben’ [15].

4. Словосочетание *auseinander gehen* объясняется через глагол *differieren*: *auseinander gehen* – ‘nicht übereinstimmen, differieren’ [15].

Анализ толкований немецких прилагательных *ungleich*, *unterschiedlich* и *verschieden* позволяет проследить аналогичные закономерности:

1. Значение прилагательных *unterschiedlich* и *verschieden* объясняется их соотношением с причастием первым от глагола *sich unterscheiden*:

unterschiedlich – ‘sich von einer Sache, jmdm. unterscheidend, ungleich’ [16]; ‘sich von etw., jmdm. unterscheidend’ [15]; ‘einen Unterschied, Unterschiede aufweisend’ [18];

verschieden – ‘sich von etw., jmdm. unterscheidend, andersartig, unterschiedlich’ [16 / 15]; ‘nicht gleich, in wesentlichen oder allen Merkmalen voneinander abweichend, Unterschiede aufweisend’ [18].

2. Прилагательное *unterschiedlich* используется при толковании прилагательного *ungleich*: *ungleich* – ‘unterschiedlich, verschiedenartig, ohne Übereinstimmung’ [16]; ‘nicht übereinstimmend, verschiedenartig’ [15].

Отмеченные возможности толкования значений рассматриваемой группы глаголов и прилагательных являются, с нашей точки зрения, основанием для предположения о выделении немецкой языковой личностью в их семантике смыслового элемента «отсутствии наложения признаков».

Таким образом, на основании проведённого анализа семантической структуры немецких лексем – показателей сравнительных отношений можно утверждать, что сравнительные отношения осмысляются немецкой языковой личностью как представление о наложении или об отсутствии наложения темы и эталона по некоторой области их признаков.

К показателям сравнительных отношений, используемым в немецком языке, традиционно причисляют сравнительные союзы *als*, *wie*, *als ob* [Брандес, 2004, с. 369]. Предлагаемая в толковых словарях интерпретация значения сравнительных союзов *als*, *wie*, *als ob* позволяет судить об их функциональной задаче. Сравнительный союз *wie* определяется следующим образом: ‘steht im Vergleich’, ‘bezeichnet die Gleichheit’ [16]; ‘setzt Satzteile und Satzglieder bei einem Vergleich zueinander in Beziehung; gibt ein Verhältnis der Gleichheit an’ [15]. Значение союза *als* находит следующее объяснение: ‘setzt Glieder bei einem Vergleich nach einem Komparativ oder nach *ander*, *anders*, *auf andere Weise* zueinander in Beziehung; gibt ein Verhältnis der Ungleichheit an’ [15]; ‘drückt Ungleichheit aus’ [18], ‘drückt Gleichheit aus, in Vergleichssätzen’ [18]. Идея «наложения» в компаративных единицах со сравнительными союзами *als*, *wie*, *als ob*, как и в немаркированных компаративных конструкциях, с нашей точки зрения, находит отражение в семантике и структурных особенностях компаративных единиц в целом. Поэтому о присутствии в семантической структуре компаративных единиц данного типа смысловых элементов «наложение признаков / отсутствие наложения признаков» пойдёт речь во второй главе «Проекция механизма сравнения на систему немецкого языка».

Подводя итог, следует отметить, что выбор лексических единиц в процессе метафорической концептуализации и семантика лексем, используемых для обозначения сравнительных отношений, свидетельствуют об осмыслении сравнительных отношений немецкой языковой личностью как «пространственного наложения» или «отсутствия наложения» сравниваемых представлений по области их признаков.

Выводы к первой главе

Использование компаративных единиц как вербального стимула к активации механизма сравнения в сознании немецкой языковой личности предполагает присутствие в памяти коммуникантов некоторой модели данного ментального действия, к которой апеллирует адресант и которая задаёт схему ментальных действий для адресата.

Анализ компаративных высказываний, произведённый с учётом того факта, что, проецируясь на лингво-когнитивный (тезаурусный) уровень, они приводят в действие механизм сравнения, т. е. указывают на составляющие данного механизма, позволяет уточнить элементный состав механизма сравнения и структуру его фрейма, который функционирует в качестве необходимой концептуальной схемы, обеспечивающей когнитивную обработку информации. В структуре фрейма сравнения выявляются четыре вершинных узла: «тема», «модуль», «эталон» и «субъект сравнения».

Языковой материал показал, что в компаративных высказываниях обозначение модуля отсутствует. Вершинный узел «модуль» заполняется адресатом самостоятельно выводным знанием, получаемым в результате активации определённой области эталона. Если для определения модуля необходима активация дополнительных представлений в области темы или эталона, то в их языковые проекции вводятся языковые опоры в качестве уточнений области поиска признака-модуля, задающие для адресата необходимое направление поиска модуля. Уточнения области поиска признака-модуля обнаруживаются в эндоконтексте (в форме согласованных и несогласованных определений, придаточных определительных, уточнений при обозначениях темы и эталона, в форме отдельных лексем и словосочетаний в окружении лексем — показателей сравнительных отношений) и в экзоконтексте компаративного высказывания. Они могут присутствовать в семантической структуре лексемы, организующей компаративное высказывание.

Вариативность проекции механизма сравнения на высказывание — вариативность категориальной ситуации сравнения (КС) — предопределяется: 1) присутствием в рамках компаративного высказывания указания на субъект сравнения, 2) форматом единиц, используемых для обозначения темы и эталона, 3) присутствием в компаративном высказывании показателя сравнительных отношений.

По признаку наличия в составе компаративного высказывания указания на субъект сравнения различаются КС сравнения с указанным субъектом сравнения и КС сравнения, в составе которой указание на субъект сравнения отсутствует. В последнем случае

содержательная структура КС сравнения включает информацию о теме и эталоне и устанавливаемом между ними отношении.

Рассмотрение сравнения как когнитивного механизма позволяет определить единицы, которыми «манипулирует» индивид, как концепты, представляющие собой многомерные структуры, активируемые в одном из своих форматов с высвечиванием релевантных для конкретного текущего момента связей и характеристик. Принятая в работе интерпретация темы и эталона как активируемых областей концептов, доступ к которым обеспечивается языковыми единицами, объясняет структурное разнообразие их языковых проекций, ряд которых образуют морфема, слово, знаменательное словосочетание, предложение и неполная конструкция. Структурное разнообразие языковых проекций темы и эталона и отмеченная в работе соотносимость их форматов относятся к факторам, которые предопределяют вариативность КС сравнения и объясняют многообразие типов компаративных единиц, обнаруживаемых на вербально-семантическом уровне.

По критерию наличия показателей сравнительных отношений в ряду компаративных высказываний были выявлены немаркированные компаративные конструкции, в составе которых показатели сравнительных отношений отсутствуют. Немаркированные компаративные конструкции являются продуктами процессов синтаксических, они раздельно оформлены и являются конструкциями, в которых объединены языковые единицы, соотносимые с этапами механизма сравнения, в схеме которого выявляются два шага: 1) активирование области, отражающей характеристику темы через признак-модуль; 2) определение признака-модуля через его связь с эталоном.

Результаты анализа семантической структуры показателей сравнительных отношений, представленных многозначными глаголами, которые организуют компаративные высказывания и, по сути, представляют собой метафорическую концептуализацию отношения сравнения, свидетельствуют об осмыслении последнего как отношения пространственного, как «наложения» или «отсутствия наложения» представлений об объектах по области их признаков.

Оппозиция смысловых элементов «наложение / отсутствие наложения признаков» рассматривается во второй главе как противопоставление первого порядка, которое соотносится с семантической субкатегоризацией. Данное противопоставление обуславливает вариативность КС сравнения и позволяет в ряду прочих противопоставлений составить мнение о структуре компаративного поля в немецком языке.

Глава 2. ПРОЕКЦИЯ МЕХАНИЗМА СРАВНЕНИЯ НА СИСТЕМУ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

На вербально-семантическом уровне сравнение выступает как языковое значение. По замечанию Н.Ф. Алефиренко, «природа и сущность языкового значения могут быть раскрыты только путём осмысления механизма взаимодействия трёх главных составляющих речемыслительного космоса» [Алефиренко, 2005, с. 28], к которым он относит познаваемую действительность, мозг человека, обладающий способностью познавать, и язык (в его триединстве «система языка – речь – речевая деятельность»). Предмет нашего исследования в связи с вышесказанным определяет необходимость осмысления соотношения, несомненно, взаимодействующих понятий: «механизм сравнения», «семантическая категория сравнения», «категориальная ситуация сравнения» и «компаративная единица».

Н.Ф. Алефиренко отмечает, что «в процессе познания окружающего мира в нём выделяется предмет, в языке он получает знаковую репрезентацию, в мозгу человека он отражается в виде двух взаимосвязанных образов – мыслительного и языкового» [Алефиренко, 2005, с. 28]. Опираясь на вышеприведённые положения, мы соотносим фрейм сравнения с мыслительным образом, а семантическую категорию сравнения – с языковым образом сравнения.

Рассматривая когнитивные основания анализа сравнения, мы обращали внимание на то, что компаративные высказывания содержат в своём составе элементы, позволяющие заполнить слоты фрейма сравнения. Последнее даёт право предположить, что совокупность данных компонентов представляет собой проекцию механизма сравнения на высказывание и их объединение является той типовой содержательной структурой, которую можно было бы определить, используя термин А.В. Бондарко, как КС сравнения [Бондарко, 1999, с. 17–32].

Наблюдение проекции механизма сравнения в речь, на компаративное высказывание, проведённое в параграфе 1.2 настоящей работы, позволило нам выявить два варианта реализации КС сравнения в немецком языке: КС сравнения с указанным субъектом сравнения и КС сравнения, в составе которой указание на субъект сравнения отсутствует, в связи с чем мы констатировали, что вер-

шинный узел «субъект сравнения» объединяет во фрейме сравнения два слота: «указанный субъект сравнения» и «адресант».

Во втором случае содержательная структура КС сравнения как мыслительного содержания, непосредственно соотнесённого с его выражением, включает только информацию о теме и эталоне и устанавливаемом между ними отношении. Возможность подобного ограничения на уровне КС сравнения ставит вопрос об объёме информации, связанной с задачами, которые решаются с помощью сравнения в немецком языке. Анализ языкового материала, который был осуществлён в первой главе, определяет границы необходимой информации, которые совпадают с границами информации о теме и эталоне и устанавливаемом между ними отношении. Вербализацию указанной информации в компаративном высказывании мы определяем как компаративную единицу.

Таким образом, механизм соотношения КС сравнения с фреймом сравнения и семантической категорией сравнения становится ясным в результате осознания факта, что фрейм сравнения, семантическая категория сравнения, КС сравнения, материализация КС сравнения в форме конкретной компаративной единицы представляют собой моменты отражательного процесса, разные этапы и грани формирования мыслительного содержания и его вербализации средствами немецкого языка.

В связи с тем что информация, заключённая в границах компаративной единицы, достаточна для реализации задач адресата, мы рассматриваем компаративную единицу как часть КС сравнения (если в КС входит указание на субъект сравнения) или как вариант КС сравнения (если КС сравнения не включает указание на субъект сравнения). То есть мы не находим противоречия между интерпретацией КС сравнения как проекции механизма сравнения на высказывание и определением А.В. Бондарко КС как аспекта содержания высказывания («общей ситуации», передаваемой высказыванием), который базируется на семантической категории (в нашем случае семантической категории сравнения) и выступает как её репрезентация в высказывании [Бондарко, 1999, с. 17–32].

Перенос фокуса внимания с фрейма сравнения на семантическую категорию сравнения, который осуществляется во второй

главе нашего исследования, позволяет наблюдать, с одной стороны, проекцию механизма сравнения на систему немецкого языка и компаративное поле как системно-языковое представление семантической категории сравнения, а с другой стороны, проекцию механизма сравнения через КС в речь.

А.В. Бондарко отмечает, что «семантическая категория как универсальная семантическая константа представляет собой содержательное основание ФСП» [Бондарко, 1999, с. 28], и рассматривает понятие семантической категории, понятие ФСП и понятие КС как трёхчленную систему с взаимообусловленными компонентами.

Определяя понятие категориальной ситуации, А.В. Бондарко подчёркивает, что КС, «с одной стороны, базируются на определённых семантических категориях, т.е. имеют системно-языковую основу, а с другой – реализуются в различных вариантах в конкретных высказываниях, т.е. получают “выход в речь”» [Бондарко, 1999, с. 9]. То есть в конкретных высказываниях можно наблюдать лишь реализацию в различных вариантах КС сравнения. Но, наблюдая речевые реализации семантической категории, можно составить мнение об особенностях и других элементов триады.

Анализ способов материализации КС сравнения конкретными компаративными единицами позволяет пролить свет на те смысловые элементы в КС сравнения, которые связаны с дифференциацией её вариантов в немецком языке. В связи с установленными нами границами объёма информации, необходимой для осуществления сравнения, признаки, которые конституируют сравнение как семантическую категорию, соотносятся в нашем представлении с характеристиками модуля и с семантическим типом отношения между обозначениями темы и эталона.

Определить характер отношений между темой и эталоном позволяет анализ разноуровневых компаративных единиц немецкого языка. Обращение к анализу как простых, так и сложных компаративных единиц, связанных с взаимодействием разноуровневых элементов, позволяет избежать субъективности в определении характера отношений между обозначениями темы и эталона.

Анализ, с нашей точки зрения, должен проводиться в следующих направлениях: 1) уточнение границ компаративной единицы;

2) определение средств, называющих или указывающих на тему и эталон; 3) установление языковых средств, с помощью которых осуществляется объединение обозначений темы и эталона в семантико-синтаксическую целостность; 4) выявление языковых средств, определяющих тип связи между обозначениями темы и эталона.

2.1. Компаративные высказывания, организуемые лексемами с семантикой сходства / отличия

Финитные глаголы и прилагательные-предикативы с семантикой сходства / отличия, организующие компаративные высказывания на немецком языке, распределяются по трём семантическим группам: 1) глаголы и прилагательные, представляющие отношение темы и эталона как свойство; 2) глаголы, представляющие отношение темы и эталона как воспринимаемую данность; 3) промежуточная группа глаголов, к которой относятся глагол *erinnern* и перцептивные глаголы (*riechen, schmecken, aussehen*) в их широком значении.

2.1.1. Обозначение результатов сравнения как свойства темы

В группу глаголов и прилагательных с семантикой сходства / отличия, организующих компаративные высказывания на немецком языке, в которых отношение темы и эталона представляется как свойство, относятся следующие лексемы: *ähneln, gleichen, entsprechen, übereinstimmen, korrespondieren, harmonieren, sich unterscheiden, sich abheben, sich abstechen, abweichen; ähnlich, gleich, verschieden, unterschiedlich*.

В связи с тем что наблюдаются компаративные высказывания как с перечисленными прилагательными в функции предикатива, так и с названными глаголами, образующие пары, которые различаются только выбором типа организующего центра предложения (*Er ähnelt seinem Vater* и *Er ist seinem Vater ähnlich*), целесообразно проанализировать их в сопоставлении.

Вслед за И. Эрбеном организующим центром предложения мы считаем финитный глагол. Члены предложения рассматриваются как подчинённые финитному глаголу [Baum; Erben, 1972, S. 231–266]. В пользу данного положения свидетельствуют аргумен-

ты, сформулированные Б.А. Абрамовым [Abramow; Абрамов, 2003, с. 18–33], который отмечает, что финитный глагол монофункционален, изменяется независимо, для него характерна семантическая избирательность, при трансформациях он является доминирующим компонентом. Другими словами, финитный глагол способен иметь при себе открытые позиции, но не способен присоединяться к подчиняющему слову, заполнять открытые позиции. В связи с этим финитный глагол является своеобразной семантико-синтаксической «вершиной» предложения, конституирует его.

В компаративных высказываниях на немецком языке, организуемых лексемами с семантикой сходства / отличия, в функции сказуемого может выступать не только финитный глагол. Оно может быть образовано связкой и предикативом-прилагательным. Связка при этом является структурным центром предложения. Она выполняет «формальную функцию – выражение синтагматической связи (согласования) между подлежащим и сказуемым» [Арутюнова, 1988, с. 148]. Главную смысловую нагрузку несёт прилагательное-предикатив. Именно от валентных свойств прилагательного зависит, как будет происходить лексическое заполнение позиций в компаративном высказывании. В силу указанных обстоятельств носителем валентности в предложениях с составным именным сказуемым вслед за Л. Теньером мы считаем диссоциированное ядро, образуемое связкой и прилагательным-предикативом. Следует, однако, заметить, что в дальнейшем в нашей работе условно говорится о валентных свойствах прилагательного-предикатива. Возможность для такой условности, как представляется, предопределяется уже отмеченным выше обстоятельством, что основную смысловую нагрузку несёт именно предикатив и заполнение позиций в окружении диссоциированного ядра во многом обусловлено семантикой прилагательного-предикатива.

Другими словами, объединение составляющих компаративного высказывания с простым глагольным сказуемым в семантико-синтаксическую целостность осуществляется финитным глаголом. Объединение составляющих компаративного высказывания с прилагательным-предикативом осуществляется диссоциированным ядром, в состав которого входит связка и прилагательное-предикатив.

Рассматривая окружение носителей валентности в компаративных высказываниях *Er ähnelt seinem Vater* и *Er ist seinem Vater ähnlich*, мы отмечаем полное совпадение по количественному аспекту и по актуализированным синтаксическим отношениям. Актуализируются синтаксические отношения на грамматический субъект и на грамматический объект. Позиция грамматического субъекта замещается указанием на тему, в позиции грамматического объекта появляется указание на эталон. Отмеченное замещение позиций является типичным для компаративных высказываний, организуемых лексемами — показателями сравнительных отношений: *Er war dem Gänserich ähnlich, der bereit ist, sich watschelnd in einen schmutzigen Teich zu stürzen und gleich darauf zu gründeln* [79, S. 331].

Такое замещение наблюдается и в следующем компаративном высказывании, в котором в качестве эталона привлекается конкретно-чувственное представление об изображении объекта-темы: *Der Oberbefehlshaber gleicht den Fotografien, die die Zeitungen täglich von ihm veröffentlichen* [62, S. 154]. Отмеченная возможность предполагает, что с фотографиями субъект сравнения был знаком до момента встречи с человеком, конкретно-чувственное представление о котором является в данном случае темой сравнения.

Более естественным является, конечно, обратное направление, когда эталоном является изображаемый объект, а изображение объекта — темой. По нашим наблюдениям, на уровне поверхностной реализации в указанном случае эталон может быть не назван. Вероятно, это связано с тем, что речь идёт об объекте, изображение которого является топиком высказывания. В случае указанного соотношения темы и эталона указание на эталон достаточно часто опускается: 1) в разговорной речи: „*Er sitzt so unnatürlich*“, *äußerte Pepa*, „*aber sonst ist er sehr ähnlich*“ [43, S. 528]; 2) при передаче прямой речи — косвенной: *Doch die Wiener Majestät erklärte, das Bild sei nicht ähnlich genug* [42, S. 322].

Хотя обозначение эталона в приведённых выше компаративных высказываниях опускается, эталон подразумевается и легко восстанавливается по контексту. Как и в рассмотренных выше случаях, указание на тему замещает позицию грамматического субъекта. Другими словами, рассматриваемые компаративные высказывания

не являются исключениями по направленности устанавливаемой связи: тема конкретизируется с помощью эталона.

В компаративных высказываниях, которые организуются лексемами с семантикой сходства / отличия, возможна одновременная топикализация обозначений сравниваемых объектов. На уровне поверхностной реализации сравниваемые представления или понятия обозначаются: (1) существительными, образующими ряд однородных членов предложения: *Hobeln und Stoßen unterscheiden sich in der Zuordnung der Hauptbewegungen* [84, S. 274]; (2) композитами с общим элементом: *Wenn in dieser Stellung Demonstrativ- und Relativpronomen im Kasus übereinstimmen, kann an ihre Stelle eine entsprechende Form des Interrogativpronomens wer treten* [Helbig, 1986, S. 257]; (3) существительным во множественном числе, если имеются в виду разные элементы одного класса: *Unsere Begriffe von dramatischer Kunst divergieren in mancher Beziehung total* [16, Bd. 2, S. 832].

Обозначение сравниваемых объектов существительным во множественном числе влечёт за собой необходимость их смыслового разграничения. Разграничению сравниваемых объектов способствуют используемые адресантом языковые средства.

1. Существительное, которое называет сравниваемые объекты, входит в группу другого существительного со значением ‘множество’ или ‘совокупность’: *Die Vielzahl von Stahlorten unterscheidet sich durch ihre chemische Zusammensetzung und ihre Gebrauchseigenschaften* [84, S. 107].

2. Существительное, называющее сравниваемые объекты, замещается или сопровождается неопределёнными местоимениями *alle* и *beide*: *Alle Gräber gleichen einander; alle Toten gleichen einander* [41, S. 690].

3. Существительное, обозначающее сравниваемые объекты, уточняется существительными в родительном принадлежности: *Er bedachte, wie sehr die Schicksale der Franklins, des Großvaters, des Vaters und des Sohnes einander glichen* [42, s. 76].

4. Существительное, указывающее на сравниваемые объекты, уточняется рядом однородных определений (согласованных или несогласованных): *Selbst in offiziellen Kommunikationssituationen heben sich österreichische und schweizerische Sprecher häufig ab* [Deutsche Sprache, S. 40].

5. Существительное, которое называет сравниваемые объекты, сопровождается притяжательным или относительным местоимением во множественном числе: *In sauerstoffarmen Gewässern kommen einige weitere Cypriniden vor, deren Lebensansprüche einander recht ähnlich sind* [75, S. 86].

6. Существительное, обозначающее сравниваемые объекты, сопровождается числительным, указывающим на множественность объектов: *Wenn zwei Gegenstände in einigen wesentlichen Merkmalen übereinstimmen, so kann man daraus schließen, dass sie auch in einem weiteren Merkmal übereinstimmen* [Deutsche Sprache, S. 251].

7. Смысловое разграничение сравниваемых объектов осуществляется путём введения в компаративное высказывание придаточного определительного предложения: *Die Bedeutungen, die das Wort in den genannten Bereichen besitzt, weichen erheblich voneinander ab* [Deutsche Sprache, S. 75].

Мы считаем, что в компаративных высказываниях с одновременной топикализацией обозначений сравниваемых объектов не предполагается однозначного определения одного из них как темы, а другого как эталона. Скорее, сравниваемые представления взаимно являются друг для друга темой и эталоном. То есть одновременная топикализация обозначений сравниваемых объектов не снимает вопрос о направленности устанавливаемой связи: одно представление конкретизируется через связь с другим представлением.

Характер связи, устанавливаемой между указаниями на тему и эталон, отражается в семантике лексем – показателей сравнительных отношений. Анализ толкований лексем – показателей сравнительных отношений, организующих компаративные высказывания типа *Er ähnelt seinem Vater* и *Er ist seinem Vater ähnlich*, выявляет в их семантике общий для данной группы высказываний смысловой элемент «квалитативность». На то, что лексем рассматриваемой группы организуют высказывания о качественной характеристике объекта, который называется в позиции подлежащего, указывает использование в толкованиях данных лексем слов тематической группы «качество, свойство, признак»:

– *ähneln* ‘in Gestalt, Aussehen, Wesen gleichen’ [16],

– *ähnlich* ‘die Übereinstimmung mehrerer Merkmale’ [16],

- *gleichen* ‘вiele Merkmale oder Eigenschaften mit j-m, etw. gemeinsam haben’ [11],
- *übereinstimmen* ‘die gleichen (wesentlichen) Merkmale, bes. gleichen Wortlaut, Inhalt haben’ [15],
- *erinnern* ‘etw., jmd. lässt auf Grund bestimmter ähnlicher Merkmale in jmdm. die Erinnerung an Bekanntes, einen Bekannten aufkommen’ [15],
- *sich unterscheiden* ‘im Hinblick auf bestimmte Merkmale, Eigenschaften o. ä. anders sein (als jmd. / etw.)’ [18],
- *sich auszeichnen* ‘sich (durch etw.) hervortun, (wegen guter Eigenschaften) auffallen’ [18].

О присутствии в семантической структуре компаративно-го высказывания, которое организуется лексемами с семантикой сходства / отличия, смыслового элемента «квалитативность» свидетельствует также семантика слов и словосочетаний, позволяющих адресанту определить направление поиска признака-модуля.

В результате проведённого нами анализа языкового материала удалось выяснить, что в качестве указания на область поиска модуля в компаративных высказываниях рассматриваемого типа используются обозначения представлений о постоянных и переменных характеристиках объекта. Называются следующие постоянные внутренние признаки объекта: внутренние качества (*bedeutungsmäßig, semantisch, stofflich, begrifflich, inhaltlich, in Wärmeausdehnungskoeffizienten*), качества, определяющие его сущность (*wesentlich, prinzipiell, grundsätzlich, in den Interessen, in ihren Grundzügen, in wesentlichen Fragen*), признаки, связанные с его устройством (*in der Struktur, im Aufbau, im Bau*). Указанием на область поиска признака-модуля служат и обозначения внешних постоянных признаков объекта: вид (*im Aussehen, äußerlich*), форма (*in Form, in den Konturen, formenmäßig, in der Gesichtsform*), размер (*in Abmessungen, nach der Größe, an Wuchs, hinsichtlich der Korngrößenbereiche*), звучание (*lautlich, in lautlicher Hinsicht, perzeptiv, akustisch*), цвет (*farblich, in der Farbe*), выявляемые части объекта (*in den Augen, in der Frisur, mit Blattquirlen*), элементы одежды человека (*in Aufzug, in Kleid*).

Указание на область поиска модуля может быть связано и с обозначениями признаков, которые характеризуют объект в рамках определённого временного периода. К таковым можно отнести

языковую проекцию представления об условиях или обстоятельствах существования объекта (*in äußeren Verhalten, in Schreibgebrauch, in ökologischen Verhältnissen, in ihren Pflegeansprüchen*) или указание на образ действия (*in der Redeweise, in Wirkungsweise, in der Art ... zu ..., in Lebensweise*).

Таким образом, семантика указаний на область поиска признакомодуля в составе компаративных высказываний, которые организуются лексемами сходства / отличия, свидетельствует о том, что речь идёт о качественных характеристиках сравниваемых объектов.

Анализ семантической структуры немецких лексем — показателей сравнительных отношений позволяет также обнаружить в семантической структуре и глаголов, и прилагательных сравнительной семантики смысловые элементы «наложение признаков» и «отсутствие наложения признаков». Данный факт был подробно освещён нами ранее в параграфе 1.7 на материале лексем с семантикой сходства / отличия, поэтому здесь мы не будем повторяться. Собственно говоря, указанный факт служит основанием для отнесения рассматриваемых лексем в группу показателей сравнительных отношений. Впрочем, принадлежность немецких лексем — показателей сравнительных отношений к разным частям речи позволяет предположить, что смысловые отличия обусловлены категориальной семантикой лексем. Следовательно, необходимо принять во внимание именно категориальную семантику глаголов и прилагательных.

Прилагательное традиционно определяется как «лексико-семантический класс предикатных слов, обозначающих непроецессуальный признак (свойство) предмета, события или другого признака, обозначенного именем» [8, с. 397]. Глагол в противоположность прилагательному определяется как класс слов, указывающих на признак подвижный, реализующийся во времени [8, с. 397]. В соответствии с последним замечанием вполне правомерным будет предположение, что немецкие глаголы *ähneln, gleichen, entsprechen, übereinstimmen, korrespondieren, harmonieren, sich unterscheiden, sich abheben, sich abstechen, abweichen* обозначают сходство или отличие как отношение темы к эталону, обусловленное наличием или отсутствием у них общего признака. Немецкие прилагательные *ähnlich, gleich, verschieden, unterschiedlich* обозначают сходство и отличие как

свойство (качество) темы. Сходство / отличие понимается при этом как обнаружение связи между темой и эталоном, как соответствующее отношение. Прилагательные с аналогичной смысловой направленностью иногда даже выделяются в особую группу (Relations-Beziehungs-Prädikate см. Polenz 1985, с. 187). Значит, между прилагательными сходства / отличия и финитными глаголами того же значения обнаруживаются отличия. Выражая одно и то же значение, финитный глагол и прилагательное-предикатив по-разному расставляют акценты. Предикатив *ähnlich* обозначает сходство как качество, проявляющееся в наличии у темы признака или признаков эталона. Глагол *ähneln* обозначает сходство как связь (отношение) темы с эталоном, обусловленную наличием у темы признака или признаков эталона. Соответственно глагол *sich unterscheiden* указывает на то, что между темой и эталоном отсутствует отношение, которое основывается на наличии у них общего признака, а прилагательные *unterschiedlich*, *unterscheidbar*, *verschieden* обозначают, что у темы нет качества или качеств эталона.

Таким образом, в компаративных высказываниях, организуемых лексемами с семантикой сходства / отличия, речь всегда идёт о свойствах темы, которая является топиком высказывания. Косвенные доказательства того, что и широкозначные глаголы, и прилагательные-предикативы организуют высказывания о качествах, свойствах темы, находим, рассматривая возможность появления интенсификаторов в окружении немецких лексем — показателей сравнительных отношений, а также наблюдая реализацию категории времени в компаративных высказываниях, которые организуются лексемами с семантикой сходства / отличия.

2.1.1.1. Обозначение результатов сравнения как количественно охарактеризованного параметра

В компаративных высказываниях на немецком языке, организуемых лексемами с семантикой сходства и отличия, результат сравнения представляется как поляризованное значение. Сходство по всем, многим или некоторым признакам и отличие по всем, многим или некоторым признакам представляются как разные меры одного параметра. Если расположить языковые средства, указывающие на сходство и отличие, на одной прямой,

то лексемы, обладающие антонимичными значениями, будут указывать «направление уходящей в противоположные бесконечности шкалы» [Арутюнова, 1983, с. 232–233].

Относясь к одному параметру объекта, значения сходства и отличия образуют единый комплекс [Арутюнова, 1983, с. 231]. Значения, подобные значению сходства / отличия, как правило, осмысляются как скалярно-антонимический комплекс [Арутюнова, 1983, с. 231]. Вслед за Н.Д. Арутюновой под этим термином мы будем подразумевать «объединение поляризованных значений, относящихся к одному параметру объекта (класса объектов) и разделённых градационной шкалой, в середине которой проходит ось симметрии, соответствующая норме признака» [Арутюнова, 1983, с. 231]. Фиксация на градационной шкале отметин, соответствующих значению тех или иных языковых средств, приводит скалярные значения в контакт с точечными. «Согласно общей семантической закономерности, попадая на градуированную “линейку”, точечное значение “растягивается” и становится само измеримым... “Растяжение” значений составляет одну из важных тенденций пользования языком, обусловленную психологией говорящих: стремление к точечности измерения уводит от точечности» [Арутюнова, 1983, с. 233]. Значения сходства и отличия, которые указывают на определённые меры параметра сходства / отличия, в процессе их актуализации также «растягиваются» и характеризуются в количественном отношении.

Сравним: *Die Laufträder für Seilbahnen sind in der Laufkranzgestaltung dem runden Drahtseilquerschnitt angepasst und den Seilrollen sehr ähnlich* [84, S. 323]. *Die Geburt war dem Tod zu ähnlich; vielleicht war sie ein Tod* [59, S. 156]. В приведённых примерах сходство обозначается прилагательным *ähnlich*. Уже в силу своей категориальной семантики прилагательное обозначает некоторый признак, свойство или качество объекта. Прилагательное *ähnlich*, на что мы обращали внимание выше, является языковой проекцией представления о наложении темы и эталона по области общих признаков. Предлагаемая интерпретация подтверждается дефинициями значения данного прилагательного: ‘in bestimmten Merkmalen übereinstimmend’ [15], ‘zum Teil übereinstimmend, annähernd gleich’ [18]. Наложение представлений можно представить аналогично наложению понятий,

которое изображается в логике в виде пересекающихся кругов Эйлера [Кондаков].

Казалось бы, что называемый прилагательным *ähnlich* признак — пересечение объёмов представлений или понятий — статичен. Однако, как показывает уточняющее *sehr* и конкретизирующее *zu*, область пересечения или наложения в данном случае динамична, изменчива, непостоянна. В первом случае интенсификатор *sehr* в группе прилагательного указывает на то, что область общих признаков достаточно широка. Для характеристики отношений ещё не может быть употреблено прилагательное *gleich*, значение которого, как можно судить по дефиниции, предлагаемой в словаре Дудена [18], отличается от значения прилагательного *ähnlich* объёмом общих признаков. Число общих признаков, по которым в первом примере бегунковые колёса для подвесных канатных дорог сравниваются с канатными блоками, может быть определено как находящееся на градационной шкале признака сходства / отличия где-то между точками, обозначаемыми прилагательными *ähnlich* и *gleich*.

Если называемые прилагательными значения обозначать не как точки, а как области, то называемое представление располагается между центрами областей, при обозначении которых используются данные прилагательные. Приведённая выше дефиниция из словаря Дудена позволяет предположить взаимопроникновение областей наименования данных прилагательных. В рассматриваемой дефиниции минимизатор *annähernd* в сочетании с прилагательным *gleich* предлагается как интерпретация значения прилагательного *ähnlich*. То есть минимизатор *annähernd* модифицирует значение прилагательного *gleich* настолько, что в сочетании с минимизатором *annähernd* данное прилагательное может рассматриваться как эквивалентное по значению прилагательному *ähnlich*. Таким образом, минимизатор *annähernd* сужает охват признаков, который обычно ассоциируется со значением прилагательного *gleich*.

Во втором примере прилагательное *ähnlich* сопровождается усиливающим *zu*. Для субъекта сравнения рождение ассоциируется со смертью. Представления о данных явлениях в восприятии Зигфрида практически приравниваются, перекрывают друг друга, что подчёркивается во второй части предложения, которая строится по модели

«рождение есть смерть». Можно предположить, что между рассматриваемыми явлениями сохраняются понятийные, философские различия, но в восприятии героя они идентичны.

В немецком языке признаки «сходство» и «отличие» уточняются по количеству не только при условии обозначения их прилагательными, но также и в том случае, когда они называются глаголами сходства / отличия: *Die Bedingungen, unter denen schriftlich kommuniziert wird, unterscheiden sich teilweise wesentlich von denen der mündlichen Kommunikation* [Deutsche Sprache, S. 368]. *Das morphematische System der Pronomina unterscheidet sich erheblich von dem der germanischen Sprachen* [Deutsche Sprache, S. 536]. В первом высказывании указывается на незначительные различия условий коммуникации, осуществляемой устно или фиксируемой в форме письменных сообщений. Во втором высказывании подчёркивается значительность выявляемых отличий. В обоих примерах значение «отличие» передаётся с помощью глагола *sich unterscheiden*. Модификация значения, связанная с указанием на разную степень отличия, осуществляется усреднителем *teilweise* и усилителем *erheblich*, которые сопровождают глагол *sich unterscheiden*. Указанное свойство позволяет отнести слова, сопровождающие немецкие глаголы сходства / отличия, в класс так называемых *degree words*, «слов степени» по Д. Болинджеру [Bolinger]. А.Т. Кривонос отмечает, что интенсификаторы используются для усиления семантического значения прилагательных, качественных наречий и частично глаголов, т. е. слов «таких классов, которые имеют в своём семантическом значении “глубину”, “степень”, “объём” какого-то качества» [Кривонос, с. 474]. Замечание А.Т. Кривоносова, а также определение Г. Хельбигом функции интенсификаторов как модификаторов степени качества, выраженного в прилагательном или в наречии [Кривонос, с. 472], позволяют предположить в семантической структуре широкозначных глаголов — показателей сравнительных отношений сему «качественная характеристика».

При немецких глаголах и прилагательных, которые указывают на сходство / отличие объектов, появляются следующие «слова степени»: *kaum, ein wenig, leicht, entfernt, annähernd, beinahe, nahezu, fast, teils, weitgehend, merklich, auffallend, dahingehend, fast völlig*,

sehr, stark, sehr stark, ziemlich, ausgesprochen, treffend, sprechend, unverkennbar, überraschend, verblüffend, täuschend, unglaublich, verdammt, recht, zu, zum Verwechseln, auf wunderliche Weise, in beinahe lächerlicher Weise, aufs Haar, völlig, ganz, fatal, genau, vollkommen, gar, vollständig, bis auf wenige Einzelheiten.

Е.М. Вольф отмечает, что средства количественной характеристики признака «составляют длинные, слабо организованные ряды единиц, соотнесённых друг с другом неопределённым образом» [Вольф, с. 45]. Несмотря на слабую организацию средств количественной характеристики признаков, предпринимаются попытки их систематизации. Принимая во внимание результаты работы в этом направлении, а именно классы интенсификаторов, выявленные Д. Болинджером, приходим к выводу, что средства количественной характеристики сходства / отличия представляют в немецком языке четыре категории в зависимости от направления градуирования и отношения к пределу:

– усилители, указывающие на возрастание признака по направлению к максимуму: *Der gefundene Schiffsort, der Koppelort, kann aber vom wahren Schiffsort erheblich abweichen* [84, S. 610];

– усреднители, передвигающие значение по направлению к центру и допускающие иногда двоякую интерпретацию (в сторону усиления или уменьшения): *Mein Ergebnis weicht teilweise von seinem ab* [15];

– уменьшители, указывающие на убывание признака: *Blond, sehr dünn und zart saß sie da, ein wenig glich sie jener Genervive de Havre* [43, S. 433];

– минимизаторы, передвигающие значение к нижнему пределу и граничащие с отрицанием: *In ihren physikalischen Grundprinzipien unterscheiden sie sich jedoch kaum voneinander* [84, S. 13].

Наряду со средствами, уточняющими интенсивность сходства или отличия, существует ряд средств, указывающих на изменение меры (объёма) данного признака. Т.Н. Григоренко относит данную группу языковых средств к интенсификаторам, различая интенсификаторы шкалы степени, определяющие степень развития признака и связанные с его нарастанием и убыванием, и интенсификаторы степени признака, определяющие его статическое количество [Григоренко].

Учитывая мнение Т.Н. Григоренко, указанные четыре категории языковых средств, уточняющих количественную характеристику признака сходства / отличия, мы предлагаем дополнить категорией, связанной с нарастанием или убыванием степени сходства / отличия.

По нашим наблюдениям, на развитие признака сходства / отличия в направлении одного из намеченных пределов — сходства по всем или многим признакам и отличия по всем или многим признакам — указывает сказуемое, состоящее из глагола-связки *werden* и прилагательного, которое указывает на признак сходства или отличия: *Er ist, ohne es zu wollen, Vater sehr ähnlich geworden* [65, S. 72]. *Es liebt den elementaren Menschen, der ihm selber ähnlich wird, dem unfassbaren Element* [89, S. 90].

К.П. Акулова отмечает, что «значение глагола *werden*, употреблённого в качестве связки, несколько конкретнее значения глагола *sein*. *Werden* показывает, что признак понятия, называемого в позиции подлежащего, присущ данному понятию не постоянно, а лишь приобретает. Этим он отличается от глагола *sein*, который не дифференцирует постоянство или приобретённость свойства» [Акулова, с. 61]. Сохранение в определённой мере «вещественного значения» у глагола *werden* в роли связки отмечают и носители немецкого языка. В словаре Р. Клаппенбах и В. Штейница значение глагола *werden* в сочетании с прилагательными-предикативами определяется следующим образом: ‘*werden* bezeichnet das Übergehen, Hineingeraten in einen bestimmten (Zu)stand, eine neue Lage, bezeichnet eine Zustandsveränderung’ [16].

Именно глагол *werden* привносит в рассматриваемое словосочетание смысловой элемент, указывающий на изменение состояния. Прилагательное *ähnlich* в составе сказуемого задаёт направление, в котором происходит изменение. В первом примере отмечается, что мальчик, сам того не желая, становится всё более и более похожим на отца. С точки зрения субъекта сравнения мальчик приобретает всё большее количество признаков, которые ранее субъект сравнения наблюдал у его отца. На первый взгляд, кажется, что рассматриваемая модель несколько отличается по своему содержанию от высказываний, построенных по той же модели: *er wird alt, müde, krank, blind*. Опираясь на приведённое выше определение глагола-связки

werden (словарь Р. Клаппенбах и В. Штейница), мы констатируем, что глагол-связка выражает переход в иное качество. В компаративных высказываниях с предикативом *ähnlich* данный смысловой элемент не выражается. Однако как прилагательные *ähnlich – unterschiedlich*, прилагательные *alt – jung, müde – munter, krank – gesund* образуют скалярно-антонимические комплексы, их также можно рассматривать как разные меры одного параметра. По сути, данная конструкция не констатирует завершение перехода в иное качество: человека ещё нельзя назвать стариком, но он стареет, что проявляется в некоторых признаках, к примеру, он становится забывчивым, ослабляется зрение, хуже слышит. Проявляется всё больше и больше признаков старения. Принимая во внимание языковое значение рассматриваемой конструкции, адресант опирается именно на неё в своём стремлении подобрать соответствующее наименование для данного явления на уходящей в противоположные бесконечности шкале признака *jung – alt* [Арутюнова, 1983, с. 232–233]. Как нам представляется, именно конструкция «сказуемое, состоящее из глагола-связки *werden* + прилагательное» позволяет адресанту указать на движение по направлению к норме, обозначаемой прилагательным *alt*. Таким образом, в рассматриваемых примерах глагол *werden* указывает на развитие признака, а предикатив – в нашем случае прилагательное *ähnlich* – задаёт направление развития относительно шкалы скалярно-антонимического комплекса.

Ещё чётче значение ‘развитие признака сходства / отличия’ проявляется в высказываниях с глаголом-связкой *werden* + прилагательное-предикатив соответствующей семантики в сравнительной степени при условии появления в позиции свободного распространителя наречия *immer*: *Unser Gartenstück wird immer edenähnlicher* [80, S. 268]. Копула *werden*, как и в рассмотренном выше случае, указывает на изменение признака. Конструкция «*immer* + Komparativ» выделяется в ряде словарей как контекст актуализации особого ЛСВ наречия *immer*. В словаре Р. Клаппенбах значение данной конструкции определяется следующим образом: ‘*immer* + Komparativ dient der beständig zunehmenden Steigerung’ [16]. Другими словами, как появляющееся в позиции свободного распространителя наречие *immer*, так и прилагательное в сравнительной степени усиливают значение

‘изменение признака’. В словаре Г. Кемпке находим аналогичное определение: ‘*immer* gibt vor einem Komparativ die beständige Zunahme an’ [15]. Вышеприведённые толкования позволяют проследить связь значения наречия *immer* с акциональной характеристикой конструкции в целом, которую мы более склонны определить как «длительность» в отличие от интерпретации, предлагаемой Н.А. Васильевой, которая утверждает, что «семантическая структура кванторов с прогрессирующим значением состоит из семы интенсивности и семы процессуальности» [Васильева, 2003, с. 10].

Прилагательное-предикатив в сравнительной степени предполагает соположение с другим объектом, обладающим таким же признаком. Так как в анализируемых высказываниях называется только один объект в позиции подлежащего, можно предположить, что употребление сравнительной степени прилагательного связано с представлением о фиксированно-поступательном движении по шкале скалярно-антонимического комплекса. Сравниваются зафиксированные количественные характеристики признака у одного и того же объекта в разное время.

Значение ‘развитие признака сходства / отличия’ передаётся в немецком языке также с помощью словесного ряда *mehr und mehr* в позиции при глаголах сходства / отличия: *Die Redaktion glich mehr und mehr einer Versammlung von Schatten* [68, S. 67].

В значении словосочетания *mehr und mehr* отмечается сема «изменение в сторону увеличения»: ‘in steigendem, zunehmendem Maße’ [16]. Выступая в функции уточнения при глаголе *gleichen*, словосочетание *mehr und mehr* определённым образом модифицирует его значение, добавляет видовую характеристику по длительности, выражает нарастание качества.

Таким образом, можно констатировать употребление в окружении немецких широкозначных прилагательных-предикативов и финитных глаголов с семантикой сходства / отличия интенсификаторов, предполагающих в семантической структуре уточняемого слова сему «качественная характеристика». Последнее свидетельствует о том, что компаративные высказывания, которые организуются лексемами – показателями сравнительных отношений, активируют представление о качественной характеристике темы.

2.1.1.2. Временные формы глаголов – показателей сравнительных отношений¹

Следует отметить, что немецкие глаголы – показатели сравнительных отношений, которые организуют компаративные высказывания, употребляются только во временных формах индикатива.

Доминирующими формами немецких глаголов – показателей сравнительных отношений в художественной литературе являются претеритум и презенс индикатива, в научно-популярной, учебной и энциклопедической литературе – презенс индикатива. Другие временные формы индикатива встречаются в высказываниях, которые организуются немецкими глаголами – показателями сравнительных отношений, крайне редко.

По нашим подсчётам употребление презенса индикатива в компаративных высказываниях составляет в художественной литературе 45,7 %, в научно-популярной литературе – 98,7 %, в учебной – 100 %, в энциклопедической – 94,2 %. Употребление претеритума в художественной литературе составляет 50,5 %, в научно-популярной – 1 %, в энциклопедической – 5,5 %. Нам представляется, что преимущественное употребление в компаративных высказываниях презенса и претеритума индикатива обусловлено семантикой финитных глаголов.

Вероятно, в связи с тем, что значение немецких финитных глаголов с семантикой сходства / отличия, которые организуют компаративные высказывания, интерпретируется как свойство темы, они, как правило, выступают в форме качественного презенса: *Entsprechend ihrem Verwendungszweck werden unter Berücksichtigung der Holzarten Rohholz-Sortengruppen gebildet, die sich durch ihre Qualität und Abmessungen voneinander unterscheiden* [84, S. 240]. М. Регула называет этот вид презенса «Eigenschaftspräsens» [Regula]. Е.И. Шендельс считает, что качественный презенс можно охарактеризовать словами В.В. Виноградова, сказанными им по поводу сущности настоящего времени в русском языке. В.В. Виноградов отмечает, что глагол в форме настоящего времени обозначает некоторую данность, независимую от ограничений вида и времени, свойственность лицу или

---

¹ Денисова Г. Л. Временные формы немецких глаголов – показателей сравнительных отношений // Вестник Гуманитарного института ТГУ. 2010. № 1. С. 121–125.

предмету, сочетаемость с субъектом. Он обозначает отношение, осуществляющееся вне ограничений во времени при всяких условиях и вследствие этого как бы присущее, свойственное субъекту [Виноградов, с. 570–517].

Е.И. Шендельс выделяет в значении качественного презенса две семы: «а) качественная характеристика — презенс обозначает действие или состояние, приписываемое данному субъекту как его качество, свойство; б) постоянство глагольного признака — действие не мыслится как соотносённость с определённым моментом речи, а представляется неким постоянным признаком (если нет специальных указаний противоположного характера), независимым от момента речи. В этом значении глагол теряет свой динамический характер, мы не представляем себе данного действия как заключённого в какой-то хронологической рамке, мы не думаем о протекании действия вообще» [Шендельс, с. 55]. Предполагается, что глагол в форме качественного презенса передаёт существенный, с точки зрения говорящего, постоянный признак субъекта. «Качественный презенс обозначает признак, длящийся столько, сколько существует субъект» [Шендельс, с. 57].

Применительно к признаку, устанавливаемому путём сравнения, формулировка, предложенная Е.И. Шендельс, требует некоторого уточнения. Вероятно, следует принять во внимание то, что качество может быть присуще объекту и на всём протяжении его существования, и на каком-то этапе, качественно отличном от других этапов его существования. Так, в следующем высказывании речь идёт о качествах, свойственных лицу на вполне определённом этапе его развития: *Heute gleich er sich wieder. Ein Mann, der nie aufgibt* [68, S. 297]. Изменение качеств лица позволяет разграничить этапы его жизни, сравнить качества, характерные для него в разное время. Мы считаем, что качественный презенс обозначает признак, который имеет место на всём протяжении существования предмета или на каком-то из этапов его существования, который качественно отличается от предшествующих или последующих этапов.

Финитный глагол с семантикой сходства / отличия может употребляться в компаративных высказываниях в форме претерита: *Sie hob sich von anderen durch ihre ruhige Art ab* [18]. *Da wir zum Brotaus-*

fahren einen Planwagen benutzten, glich das Fuhrwerk, mit dem wir nun ins übernächste Dorf fahren, schon eher einem Zirkusgefährt [80, S. 120]. Такой претерит характеризуется Е.И. Шендельс как презентный претерит. Ему свойственно обозначение действий или состояний, которые совпадают с моментом речи.

В компаративных высказываниях возможно употребление финитного глагола с рассматриваемой семантикой в форме перфекта: *Seine Behauptungen haben nicht gestimmt* [15]. Е.И. Шендельс говорит в подобных случаях о дистантном перфекте. Она выделяет в его значении следующие семы: «прошедшее время или препозиция действия по отношению к моменту речи, дистантность по отношению к моменту речи» [Шендельс, с. 69]. Набор сем дистантного перфекта таков, что он может обозначать как законченное, так и длительное действие или состояние. «Отсутствие границы, отделяющей момент речи от предшествующего временного отрезка, делает возможным эффект длительности» [Натанзон, с. 69]. Употребление в данной форме финитных глаголов — показателей сравнительных отношений мы связываем с возможностью осмысления состояния как длительного. Такое смысловое содержание временной формы не противоречит лексическому значению глаголов, которые в компаративном высказывании представляют отношение между объектами как качество, свойство.

В компаративных высказываниях финитные глаголы сходства / отличия могут употребляться в форме плюсквамперфекта: *Früher hatte der Garten einem Schmuckkästchen geglichen* [16]. Мы определяем плюсквамперфект в компаративных высказываниях как дистантный, предшествующий плюсквамперфект. В его значении выделяются семы: «прошедшее время», «предшествование по отношению к другому действию», «дистантность». «Как и в дистантном перфекте, сема “пересечённость” не выражена, так как отсутствует временная граница между двумя сменяющимися друг друга действиями» [Шендельс, с. 74].

Очень редко финитный глагол в компаративных высказываниях употребляется в форме футурума: *Der Täter wird identisch sein mit dem Gesuchten* [Deutsche Sprache, S. 197]. В данном высказывании футурум обозначает факт, который будет иметь место в будущем.

Названные временные формы, в которых может быть употреблён глагол с семантикой сходства / отличия в компаративном высказывании, находятся во взаимодействии. Рассмотрим взаимодействие временных форм, свойственное финитным глаголам в компаративных высказываниях, которые организуются глаголами сходства / отличия.

Отношение презенса и претерита индикатива в компаративных высказываниях можно классифицировать как синонимию. Областью употребления претерита, как правило, является художественная литература: авторская речь, внутренние монологи персонажей. «Синонимия презенс – претерит ограничена внутренней речью, что объясняется особенностями этой импрессионистской формы, когда повествование переносится в сферу сознания персонажей со своими локально-временными координатами» [Шендельс, с. 83]. Претерит как бы «теряет свою сему “прошедшее время” и под давлением внешних лексических показателей и стилистических условий становится равнозначным презенсу» [Шендельс, с. 83].

В компаративных высказываниях финитные глаголы в формах перфекта, плюсквамперфекта и футурума индикатива в отличие от презенса и претерита индикатива, которые обладают семой «совпадение с моментом речи», обозначают состояние, не совпадающее с моментом речи. Они употребляются при описании факта сходства / отличия в прошлом и будущем. Вместе с тем у дистантного плюсквамперфекта и футурума обнаруживается общее свойство с качественным презенсом. В их семантической структуре отсутствует смысловой элемент, который бы указывал на границу, отделяющую момент речи от предшествующего или последующего временного отрезка, поэтому финитный глагол и в этих формах может представлять результат сравнения как качество или свойство объектов.

Иными словами, факт сходства / отличия в этих случаях может представляться как свойство или качество и носит вневременной характер. Однако, являясь качеством объектов, конечных во времени, факт сходства / отличия может относиться к настоящему, прошедшему или будущему отрезку времени. Поэтому относительно момента речи результат сравнения заключается во временные рамки. Если результат сравнения констатируется в момент речи,

то в компаративных высказываниях употребляется форма презенса: *Da er in eine Furche gefahren wurde und ganz schief nach rechts hängt, die Vorräder unnatürlich verdreht eingeschlagen, ähneln er den bewegungslosen, ausgebrannten Fahrzeugen ringsum* [79, S. 255]. Если результат сравнения будет констатирован после момента речи, то в компаративном высказывании употребляется футурум.

Таким образом, немецкие глаголы с семантикой сходства / отличия употребляются в компаративных высказываниях преимущественно в форме качественного презенса и презентного претерита. Глагол в форме качественного презенса передаёт существенный, с точки зрения говорящего, постоянный признак субъекта. Презентный претерит обозначает в рассматриваемом случае результат сравнения, совпадающий с моментом речи. Выбор временных форм перфекта, плюсквамперфекта и футурума индикатива определяется двумя факторами, а именно: моментом констатации результата сравнения и необходимостью согласования временной формы финитного глагола с временной формой, в которой осуществляется повествование. Набор сем перечисленных временных форм позволяет обозначать как законченное, так и длительное действие или состояние. Такое смысловое содержание временных форм не противоречит лексическому значению глаголов, представляющих отношение между объектами как качество, свойство.

2.1.2. Обозначение результатов сравнения как воспринимаемой данности²

Е.В. Падучева, исследуя перцептивные глаголы на материале русского языка, наблюдает семантические компоненты, которые повторяются в значении разных лексем семантического поля восприятия, тем самым структурируя его и объединяя слова в более или менее крупные группировки, к примеру, по типу восприятия [Падучева, 2004, с. 214]. Принимая позицию Е.В. Падучевой, мы выделяем немецкие глаголы *aussehen, riechen, duften, stinken, schmecken, klingen* в их узком значении, организующие компаративные высказывания,

---

² Денисова Г. Л. Объективация результатов сравнения как воспринимаемой данности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 7. С. 153–157.

в особую группу на том основании, что они не только указывают на отношение сходства, но и дают представление о способе восприятия признака-модуля. Перцептивные глаголы в узком значении обозначают восприятие с помощью органов чувств.

На вид ощущения, с помощью которого определяется признак-модуль, указывается в толкованиях перечисленных глаголов. Например, в толковании значения глагола *anklingen*, которое предлагается в словаре под редакцией Г. Варига, указывается на следующие области поиска признака-модуля ‘im Klang, Stil, Wortlaut erinnern an, ähnlich sein’. Другими словами, в семантической структуре глагола содержатся смысловые элементы, указывающие на область поиска признака-модуля.

Область поиска признака-модуля представляется как некоторый аспект признака: *Das Gedicht klingt an Heine an* [16]. Так, в приведённом компаративном высказывании областью поиска признака-модуля являются воспринимаемые на слух признаки: ритм, строфическая схема, чередование рифм, расположение ударений в рифмующихся словах. Глаголы *riechen*, *duften*, *stinken* обозначают сходство по запаху: *Verwechslungsmöglichkeit auch mit dem Weißen Gifterling, dessen knollige Verdickung am Stielende nach Tinte bzw. Karbol riecht* [29, S. 30]. Глагол *schmecken* указывает на сходство по вкусу: *Die Butter schmeckt nach Zwiebel* [9, S. 544]. В семантическую структуру глагола *aussehen* встроено указание на область поиска признака-модуля «внешний вид»: *Am runden Tisch neben der Theke nahmen dröhnende Biertrinker Platz, die nicht nach Biertrinkern aussahen: Alte Herren mit gebräunten Gesichtern, in Polohemden* [73, S. 70]. Можно сказать, что в семантическую структуру рассматриваемых перцептивных глаголов встроено указание на область поиска признака-модуля, определяющее конкретный способ его восприятия.

Включение в семантику лексем — показателей сравнительных отношений смысловых элементов, указывающих на определённый способ восприятия признака-модуля, позволяет в наиболее общих чертах определить область поиска уточняемого признака или признаков как зрительное (*aussehen nach*), обонятельное (*riechen*, *duften*, *stinken nach*), вкусовое (*schmecken nach*), слуховое ощущение (*anklingen an*). Область чувственных представлений, которая активизируется

данными глаголами, охватывает диапазон признаков, который объединяет отличные по качеству конкретные признаки. Какое именно качество, входящее в диапазон названной области, имеется в виду, устанавливается адресатом только в опоре на эталон.

Рассмотрим конкретные примеры с глаголом *riechen nach*, в семантической структуре которого в его узком значении содержится смысловой элемент, указывающий на область поиска признака-модуля «обонятельное ощущение».

В следующем компаративном высказывании субъект сравнения обращается к эталону *Knoblauch*: *Es gibt noch mehrere kleine Schwindlinge, die dem Mousseron sehr ähnlich sehen, jedoch entweder schwächer oder stärker nach Knoblauch riechen als dieser* [29, S. 86]. Обращение к эталону *Knoblauch* помогает конкретизировать обонятельное ощущение, активизировать определённую область в диапазоне признаков, который обозначается глаголом *riechen nach*, установить искомый признак-модуль. В приведённом примере речь идёт о запахе чеснока — растения, часто используемого в качестве приправы в кулинарии. Запах чеснока достаточно резкий, но приятный, «съедобный», способствующий возбуждению аппетита.

Следующее компаративное высказывание, организуемое тем же глаголом, активирует уже другую область в диапазоне обонятельных ощущений: *Auch die Lodenjoppe roch noch nach muffigem Brackwasser* [34, S. 10]. На эталон указывает словосочетание *muffiges Brackwasser*. Существительное *Brackwasser* активирует воспоминание об обонятельном ощущении, в котором присутствует запах йода, прилагательное *muffig* уточняет, что к этому запаху примешивается запах гнили, затхлости.

Таким образом, опора на эталон позволяет конкретизировать ощущение, общее представление о котором активируется с помощью перцептивного глагола, организующего компаративное высказывание. Характер конкретизируемых ощущений (запах, вкус, звучание) свидетельствует о том, что речь идёт о качественных признаках, что позволяет предположить в семантике компаративных высказываний, организованных перцептивными глаголами в узком значении, наличие смыслового элемента «квалитативность». Конкретизация представления через связь с другим представлением

свидетельствует о том, что речь идёт о «релятивной качественно-сти». Идея «наложения по признаку» в данных условиях реализуется в семантике перцептивных глаголов, в семантическую структуру которых входит указание на область поиска признака-модуля.

В каком-то смысле глагол *erinnern* и перцептивные глаголы в их широком значении, организующие компаративные высказывания, обозначают восприятие сходства как качества объекта с помощью «шестого чувства» (ассоциативно-интуитивное ощущение). На необходимость проведения ассоциативно-интуитивного анализа указывает, в первую очередь, компаративное высказывание, организованное глаголом *erinnern*. Хотелось бы обратить внимание на то, что значение 'походить', реализуемое глаголом *erinnern* в компаративном высказывании, сохраняет связь со значением 'напомнить, вызвать в памяти'. По нашим наблюдениям, именно на основе последнего значения происходит постепенное формирование нового значения данного немецкого глагола, процесс, который, вероятно, ещё нельзя считать завершённым. Об этом свидетельствует и неразграниченность значений 'походить' и 'вызвать в памяти' в толковых словарях, и вариативность замещения позиций, открываемых валентными свойствами глагола со значением 'походить': возможность указания в позиции актанта на субъект сравнения.

В толковых словарях значение 'походить' глагола *erinnern* взаимодействует со значением 'напомнить, вызвать в памяти'. В ряде словарей рассматриваемые значения глагола *erinnern* вообще не разграничиваются. Например, Э. Агрикола объединяет эти значения, приводя следующую дефиницию: 'eine Erinnerung, einen Vergleich wecken'. В словаре под редакцией Г. Варига компаративные высказывания с глаголом *erinnern* в значении 'походить' толкуются как 'jmdm. etw. ins Gedächtnis zurückrufen'. В словаре под редакцией Г. Дроздовского рассматриваемые значения глагола *erinnern* разграничиваются. Но взаимодействие значения 'походить' со значением 'вызвать в памяти' находит своё отражение в предлагаемой дефиниции: 'durch seine Ähnlichkeit ins Bewusstsein bringen'. Сходство интерпретируется в данном случае как качество, на основании которого в памяти вызывается образ, какое-то воспоминание.

Констатируя связь данных значений глагола *erinnern*, необходимо обратить внимание на особенности валентных свойств глагола

в значении ‘вызвать в памяти’. Глагол *erinnern* в значении ‘вызвать в памяти’ открывает позицию для замещения указанием на лицо, которое что-то вспоминает: имеется в виду позиция на прямое дополнение. Позицию подлежащего замещает обозначение своеобразного отправного момента, «толчка» к воспоминанию. Таким отправным моментом может быть как человек, высказывающийся по какому-либо поводу, например: *Josef zwar hätte die Schwester gerne durch einen seiner scharfen, ironischen Briefe an ihre Pflicht erinnert* [42, S. 743], так и предметы или ситуации, связанные с определёнными событиями или людьми: *Das Verlangen, hinzugehen und Holz nachzulegen, gibt Münch gleich wieder auf; es würde ihn nur an Jutta erinnern, das liebe dünne Mädchen, wie es daheim im Dunkeln vor dem geöffneten Ofenloch kauerte* [79, S. 470]. Подкладывание дров в печку ассоциируется для Мюнха с воспоминаниями о Юте, о том, как она сидела на корточках перед открытой дверцей печи.

При установлении сходства средствами компаративного высказывания, организованного глаголом *erinnern*, судя по толкованию, предложенному в словаре под редакцией Г. Дроздовского, «толчком» к воспоминанию служат сходные признаки объектов. Иначе говоря, основанием для воспоминаний в ситуациях, отражаемых высказываниями с глаголом *erinnern* в значении ‘вызвать в памяти’ и компаративными высказываниями с тем же глаголом в значении ‘походить’ являются разные факты. В компаративном высказывании это некоторое качество, свойство, что позволяет В. Мюллеру интерпретировать значение ‘походить’ глагола *erinnern* следующим образом: ‘durch seine Ähnlichkeit jmdm. eine bestimmte andere Person oder Sache ins Bewusstsein, Gedächtnis rufen’ [18, S. 231]. Если в высказывании опускается информация о субъекте сравнения, упомянутом в толковании, в фокусе внимания остаётся только свойство объекта: *Jetzt wirken sie überhaupt nicht mehr wie Insekten. Eher erinnern sie an mittelalterliche Ritter in leuchtenden Rüstungen* [45, S. 170].

Компаративные высказывания, представляющие связь между темой и эталоном как свойство, фиксируют результат отграничения значения ‘походить’ глагола *erinnern* от значения ‘вызвать в памяти’, так как глагол *erinnern* в значении ‘вызвать в памяти’ всегда предполагает указание на лицо или определённую группу лиц, что-либо

вспоминающих. К обстоятельствам, свидетельствующим о сформированности у глагола *erinnern* значения ‘походить’, можно отнести: 1) семантическую характеристику слов в позиции подлежащего; 2) появление в высказывании дополнительных указаний на область поиска признака-модуля; 3) появление в группе глагола средств, градуирующих признак.

В заключение следует сказать, что, приобретая значение ‘походить’, глагол *erinnern* приближается по некоторым свойствам к глаголам первой группы. Он становится в ряд с глаголами, представляющими отношение темы и эталона как свойство. Однако переход глагола *erinnern* в указанную группу ещё не завершён, что подтверждается нечётким разграничением значений ‘походить’ и ‘вызвать в памяти’ в толковых словарях.

На способность перцептивных глаголов к приобретению ментальных значений в лингвистике указывалось неоднократно [Беркли, с. 145; Вежбицкая, 1986, с. 336–369; Арутюнова, 1988, с. 110–120; Колесов, 2009, с. 5–6, 26; Филатова, 2009]. Н.В. Волкова обнаруживает в основе изменения значения глаголов видения, развивающих ментальные значения, концептуальную структурную метафору «ПОНИМАНИЕ – ЭТО ВИДЕНИЕ» [Волкова, с. 8–9]. Восприятие не отделено от ментальных операций, таких как отождествление, сравнение. Л. Витгенштейн писал: «Есть ли что-нибудь удивительное в сочетании зрения и мышления? – Нет. Многие наши концепты пересекаются в этом пункте» [Wittgenstein, p. 197]. Восприятие тесно связано с ментальными процессами. Вероятно, вследствие этой неразрывной связи перцептивные глаголы могут развивать ментальный смысл ‘походить / напоминать’ и, как следствие, выступают в качестве организующего ядра компаративных высказываний.

В немецком языке ментальное значение ‘походить / напоминать’ сформировалось у перцептивных глаголов *aussehen, klingen, riechen, stinken, schmecken*: *Die Sache schmeckt nach Rache* [9, S. 544]. *Das klingt nach Prahlerei* [9, S. 351]. *Seine Reise sah nach Flucht aus* [11]. Наличие у перцептивных глаголов ментального смысла ‘напоминать / походить’ и, как следствие, возможность организовывать компаративные высказывания регистрируется в толковых словарях. В толкованиях глагола *anklingen* значение ‘походить / напоминать’ выделяется

в словаре Р. Клаппенбах и В. Штейница, в словарях Г. Дроздовского, Г. Варига, Г. Кемпке [16; 11; 21; 15]. Примеры с глаголом *aussehen* интерпретируются в толковых словарях как ‘производить впечатление, казаться’: ‘einen bestimmten Eindruck machen’ [9; 11]. В словаре под редакцией Р. Клаппенбах и В. Штейница конструкция *etw. sieht nach etw. aus* интерпретируется как возможность предположения чего-либо по поводу чего-то: ‘j-d., etw. lässt etw. vermuten’. Пример *Das riecht nach Verrat* объясняется в словаре под редакцией Г. Варига как вероятность соответствия реальному положению дел: ‘das lässt auf Verrat schließen’. В словаре под редакцией Г. Дроздовского высказывание «..., dass alle Leute, die nach Flugzeugentführern riechen, Araber sind?» интерпретируется как вероятность соответствия реальному положению дел: ‘die Flugzeugentführer sein konnten’. Глагол *stinken* объясняется в словаре Г. Дроздовского как ‘предположение, подозрение’: ‘eine bestimmte Vermutung, einen Verdacht nahe legen’.

Едва ли в семантике перцептивных глаголов со значением ‘напоминать / походить’ сохраняется смысловой элемент, указывающий на вид ощущения. К такому предположению можно прийти, наблюдая семантическую избирательность глаголов. В позиции подлежащего появляются обозначения событий, фактов или действий. Данные явления оцениваются отнюдь не по запаху и вкусу. Семантическое заполнение позиций подлежащего и дополнения подобно семантическому соотношению обозначений темы и эталона в компаративных высказываниях при глаголах сходства: *Einsilbigkeit sieht nach Einverständnis aus* [11]. *Wilde war mit wütendem Eifer und wie ein Spürhund hinter allem her, was nach Hobbyforschung roch* [70, S. 40]. Последний факт позволяет толковать употребление данных глаголов как вербализацию представления о восприятии при помощи «шестого чувства» (ассоциативно-интуитивное ощущение). К обстоятельствам, которые свидетельствуют о сформированности значения ‘походить / напоминать’ у немецких перцептивных глаголов в их широком значении и, следовательно, о возможности организации с их помощью компаративных высказываний, можно отнести: 1) изменение семантической избирательности глаголов; 2) отсутствие в высказывании обозначения субъекта сравнения.

Приобретая значение ‘походить / напоминать’, перцептивные глаголы в их широком значении приближаются по ряду признаков к глаголам первой группы. В компаративном высказывании они представляют отношение темы и эталона как свойство. Однако у рассматриваемых глаголов отграничение значения ‘походить / напоминать’ от их узких значений не завершено, что находит выражение в возможности обозначения субъекта сравнения в компаративных высказываниях с перцептивными глаголами в их широком значении.

Глагол *erinnern* и перцептивные глаголы в их широком значении, организующие компаративные высказывания, занимают промежуточное положение между глаголами первой группы и глаголами восприятия в их узком значении. От глаголов восприятия в их узком значении они отличаются отвлечённостью семантики. Отвлечённость семантики сближает глагол *erinnern* и глаголы *aussehen*, *riechen*, *stinken*, *schmecken*, *klingen* в их широком значении с глаголами первой группы (*ähneln*, *gleichen*). Вместе с тем между ними существует разница. Глаголы первой группы представляют отношение темы и эталона как свойство. Валентные характеристики глагола *erinnern* и перцептивных глаголов в их широком значении, которые организуют компаративные высказывания, не исключают позицию, замещаемую обозначением субъекта сравнения. Другими словами, отношение темы и эталона в компаративных высказываниях, организуемых глаголом *erinnern* и перцептивными глаголами в их широком значении, представляется как воспринимаемая данность. Это свойство сближает глагол *erinnern* и перцептивные глаголы в их широком значении с перцептивными глаголами в их узком значении.

Таким образом, в немецком языке компаративные высказывания, организуемые лексемами — показателями сравнительных отношений, позволяют наблюдать два способа представления результатов сравнения в речи (реализацию КС сравнения в двух вариантах): как качества темы и как воспринимаемой данности. Отличие вариантов реализации КС сравнения в данном случае обусловлено семантикой лексем — показателей сравнительных отношений, организующих компаративное высказывание.

Наблюдение компаративных высказываний, организуемых глаголами и прилагательными-предикативами с семантикой сходства / отличия, позволяет отметить следующее:

– В компаративных высказываниях, которые организуются глаголами и прилагательными-предикативами со значением сходства / отличия, обозначаются тема и эталон. Модуль адресат должен установить самостоятельно путём сопоставительного анализа темы и эталона, опираясь на семантические особенности показателей сравнительных отношений и языковые опоры в эндо- и экзоконтексте, которые указывают на область поиска признака-модуля.

– В связи с тем, что обозначения сравниваемых объектов занимают в компаративном высказывании позиции подлежащего и дополнения, которые открываются лексемами – показателями отношений сравнения, в данном случае рамки компаративных единиц совпадают с границами организуемого ими высказывания.

– В компаративных высказываниях, которые организуются лексемами – показателями сравнительных отношений, даётся качественная характеристика одного объекта через указание на признаки другого объекта. Соответственно, в семантической структуре рассматриваемых высказываний обнаруживается совокупность смысловых элементов «квалитативность + релятивность».

– Наряду с общими смысловыми элементами в семантической структуре компаративных высказываний, которые организуются лексемами с семантикой сходства / отличия, обнаруживаются элементы, позволяющие разделить их на две подгруппы. Отличительные смысловые элементы входят в семантическую структуру лексем, организующих компаративные высказывания. В семантической структуре немецких глаголов *ähneln, anklingen, sich decken, entsprechen, erinnern, gleichen, gleichkommen, grenzen, harmonieren, korrespondieren, nahe kommen, passen, stimmen, streifen, übereinstimmen* и прилагательных *ähnlich, gleich, identisch, proportional, synonym, vergleichbar* отмечается смысловой элемент «наложение признаков». В семантической структуре немецких глаголов *sich abheben, abstecken, abweichen, auseinander gehen, sich auszeichnen, differieren, divergieren, kontrastieren, sich unterscheiden* и прилагательных *unterschiedlich, verschieden, ungleich* отмечается смысловой элемент «отсутствие наложения признаков».

2.2. Группа с *wie* в высказываниях с категориальным признаком сравнения

В пункте 1.5.1 мы обращали внимание на тот факт, что позиция, занимаемая в компаративном высказывании группой с *wie*, даёт адресату основания к выводу о характере модуля как о качественной характеристике темы. Указанный факт позволяет говорить о наличии в семантической структуре рассматриваемых компаративных единиц немецкого языка смыслового элемента «квалитативность».

В параграфе 1.4 мы выяснили, что в группе с *wie* указывается на эталон. Так как позицию, предназначенную для указания на качественную характеристику, в рассматриваемых компаративных высказываниях занимает указание на эталон, мы предполагаем в семантической структуре компаративных единиц присутствие смыслового элемента «релятивность».

Появление обозначения эталона в позиции, предназначенной для обозначения качественной характеристики темы, предполагает наличие в семантической структуре рассматриваемых компаративных единиц смыслового элемента «наложение признаков». Последний факт подтверждается результатами анализа синтаксического и семантического наполнения группы с *wie*.

Определение группы с *wie* как неполной конструкции, на что мы обращали внимание в параграфе 1.4, позволяет описывать её состав в терминах членов предложения. Анализ с данных позиций состава группы с *wie* выявил 15 вариантов её наполнения, которые объединяются в шесть описанных ниже типов.

1. В составе неполной конструкции – подлежащее её развёрнутого варианта

В этом случае рассматриваемая группа в компаративном высказывании довольно часто состоит из существительного в именительном падеже: *Irgendeine Vermutung schoss dem Beschauer bei diesem Anblick wie eine Erleuchtung durch die Seele* [54, S. 119].

Следует отметить возможность уточнения представления, называемого существительным в группе с *wie*. Такое уточнение может иметь форму придаточного определительного предложения: *Ich fühlte mich wie ein Artist, der den Tag lang im Stall gearbeitet hatte und*

der abends im Scheinwerferlicht einem hochverehrlichen Publikum die Tiere (in meinem Falle Frösche und Schwäne aus Buttercreme) vorzuführen hatte und der anschließend mit einem Teller umhergehen und sich sein Trinkgeld kassieren durfte [80, S. 78]. Хотя необходимое уточнение возможно и в форме распространённого определения, в особенности с причастием вторым: *Bei den Mehlsäcken stand der Großvater und döste vor sich hin wie ein im Nachdenken versunkener Maulesel* [80, S. 407]. Как придаточное определительное, так и распространённое определение позволяют уточнить признаки, обнаруживаемые у их носителя в момент совершения какого-то действия либо связанные с определённым состоянием носителя признака.

Представление о носителе признака уточняется существительным в родительном принадлежности в группе с *wie*, которая входит в состав группы существительного в именительном падеже: *Die Enden der Schleife standen oben am kahl geschorenen Kopf wie die Haubebänder der Witwe Bolte bei Busch* [80, S. 132]. Используется возможность передачи отношения принадлежности и существительным в дательном падеже с предлогом *von* (форма, конкурирующая с родительным принадлежности [Левковская, с. 17]): *Es ist übrigens aus roten Backsteinen gemauert wie die Wände von Häusern aus der Gründerzeit* [80, S. 323]. Дальнейшая детализация образа достигается путём уточнения существительного в именительном падеже или существительного в родительном принадлежности придаточным определительным предложением: *Er [der Monopteros] sah aus wie die Arbeit eines Zuckerbäckers, die nun im Regen elend zerweichen musste* [58, S. 169].

Следующий пример иллюстрирует возможность появления в группе с *wie* инфинитивной группы, которая в развёрнутом варианте заняла бы позицию подлежащего: *Die Magd wedelte mit einem schmutzigen Tuch die Fliegen vom Küchentisch, das war wie Wellen vom Teich scheuchen* [80, S. 147].

2. В составе неполной конструкции – дополнение её развёрнутого варианта

В связи с тем, что дополнение является членом, синтаксически подчинённым сказуемому, К.П. Акулова определяет значение дополнения следующим образом: «Значение его заключается в указании на всё то, что входит в разнообразные смысловые отношения со

значением сказуемого, причём характер этих отношений становится ясным только из сочетания дополнения со словом, которому оно синтаксически подчинено» [Акулова, с. 100].

Весьма неопределённым и расплывчатым является значение косвенных падежей существительных и местоимений, если они рассматриваются вне связи с господствующим над ними словом. В зависимости от характера действия существительное в винительном падеже может обозначать внешний (неизменный) объект и внутренний (результативный) [8, с. 138]. Первый случай иллюстрируется для компаративных высказываний, содержащих группу с *wie*, следующими примерами: *Die Woge trug mich in die Höhe wie einen Span* [56, S. 340]. *Ich sezierte mich wie eine defekte Maschine, Kopf Hände Augen Brust* [32, S. 134].

В группе с *wie* возможно указание на внутренний объект. Были зафиксированы случаи наполнения группы с *wie* существительным в винительном падеже, называющим объект речи, мысли, восприятия: *Sie sagt es wie eine Formel* [80, S. 311]. *Ich sah alles an wie eine fremde, unbekannte Gegend* [32, S. 7].

Существительное в винительном падеже в группе с *wie* может передавать и другие виды объектных значений. Возможно обозначение представления о том, на что нацелено действие: *Er erstrebt Charlotte nicht als Besitz wie einen materiellen Gegenstand, dafür hat er zuviel Hochachtung vor ihr* [70, S. 246]. Возможно обозначение объекта-адресата: *Er überhäufte jede einzelne Woge mit Flüchen wie einen persönlichen Feind* [56, S. 359]. Существительное в винительном падеже в группе с *wie* обозначает также отношения, близкие к обстоятельству направления: *Hennig und Stöffenhaus starrten Holt an wie einen Geisteskranken* [71, S. 259]. В следующем высказывании существительное в винительном падеже обозначает не только объект действия, но и инициатора действия: *Manchmal lieg ich wach und hör die Zeit wie eine Uhr ticken* [70, S. 76].

Также неопределёнными в группе с *wie* значения существительных в дательном падеже, если не конкретизируются их связи со сказуемым: *Er sprach den Gruß Francisci immer vor sich hin, während die heilige Agate neben ihm schritt, jene Märtyrerin, die dem Tode durch Henkershand wie einem fröhlichen Tanze entgegengegangen war* [54, S. 82]. *Der Chef*

schreibt ihm Briefe wie einem Kompagnon [80, S. 234]. *Ihm ist das Ideal keine Redensart wie gewissen Kollegen, die via Container auf und davon gehen, um den Hippokratischen Eid umzumünzen in Riesenprofite* [70, S. 193]. Характер отношений, передаваемых формой дательного падежа, проявляется только при анализе связи формы с господствующим над ним сказуемым, легко восстанавливаемым вследствие его совпадения со сказуемым высказывания, в состав которого входит группа с *wie*. Так, в первом примере существительное в дательном падеже обозначает объект, на который нацелено действие, во втором — объект-адресат, в последнем высказывании существительное в форме дательного падежа называет субъект восприятия.

Не в меньшей степени разнообразны и виды объектных значений, которые передаются дополнениями, выраженными формами косвенных падежей с предлогами. К примеру, в следующем компаративном высказывании существительное с предлогом *mit* обозначает объект, который непосредственно охвачен действием: *Mit dem besten Stoff gingen wir um wie mit einer überschüssigen Masse, die wir in eine Maschine stopfen* [32, S. 142]. Как показывают примеры, словосочетание с предлогом *mit* может использоваться также для указания на лицо, совместно с которым осуществляется действие: *Ein Arbeiter ist eben plump vertraulich, wenn er mit einem Werkleiter spricht wie mit einem normalen Menschen* [48, S. 280]. К.П. Акулова указывает, что дополнение при глаголах речи, само значение которых указывает на участие в действии какого-то второго лица, очень близко к значению обстоятельства. «Значение предложного сочетания с *mit* отличается в этих случаях от самостоятельного значения тем, что лицо, на которое указывает предложное сочетание, являясь партнёром действия субъекта, одновременно выступает и как его объект (оба лица что-то говорят друг другу, но говорят разное)» [Акулова, с. 93–94].

Словосочетание с предлогом *mit* в составе группы с *wie* используется и при указании на объект, на который нацелено действие: *Das ist das Ergebnis eines harten, komplizierten Kampfes, der mit der materiellen Not nach dem Sturz des Faschismus genauso fertig werden muss wie mit der aus dem Faschismus herüberreichenden Demoralisierung* [34, S. 375]. Вместе с тем в следующем компаративном высказывании существительное с предлогом *mit* называет объект, на который субъект не

в состоянии оказывать какого бы то ни было влияния, и с которым он лишь сосуществует: *Und damit hat Lankwitz sich abgefunden, schweren Herzens, wie mit all den Umstürzen hier zu Lande, zu denen es keine Alternative gibt* [70, S. 192].

Тесная связь со сказуемым, не упомянутым повторно, чётко прослеживается в случае заполнения группы с *wie* существительным с предлогом, употребление которого обусловлено управлением опущенного глагола-сказуемого: *Man gierte nach jedem Happen Liebe wie nach jedem Happen Brot* [80, S. 171].

Таким образом, определение значений составляющих группу с *wie* вследствие очевидной связи её элементов с опущенным сказуемым возможно лишь на основании знания об эквивалентности группы с *wie* придаточной части сложноподчинённого предложения, организующим центром которого является сказуемое, совпадающее со сказуемым главной части компаративного высказывания.

3. В составе неполной конструкции — подлежащее и дополнение её развёрнутого варианта

Данный вариант заполнения группы с *wie* иллюстрируется следующим примером: *Daran gewöhnt man sich, wie der Fisch an das Wasser* [48, S. 48]. Были зафиксированы также неполные конструкции, в которых эксплицируются подлежащее и два дополнения: *Ich werde Sorge tragen, Sie nicht sieben Jahre warten zu lassen, wie Sie mich mit Ihrem Porträt* [42, S. 411]. Связь элементов, наполняющих группу с *wie*, с опущенным сказуемым в этом случае ещё более очевидна.

4. В составе неполной конструкции — либо подлежащее и обстоятельство, либо дополнение и обстоятельство её развёрнутого варианта

В случае если в группу с *wie* наряду с существительным в форме именительного падежа входит наречие времени или места, последнее однозначно интерпретируется как обстоятельство соответствующей полной конструкции: „*Behauptungen der Art, dass heute Stalin unser Schicksal sei wie gestern Hitler; entsprechen nicht der geschichtlichen Wahrheit*“ [71, S. 309]. Как обстоятельство времени интерпретируется и придаточное предложение времени, входящее в группу с *wie*: *Wir sind so selbstsicher dabei wie die Kartenspieler; wenn sie behaupten, ein As zähle elf Augen* [80, S. 73].

Однако в силу того, что в немецком языке обстоятельство, выраженное предложным сочетанием, может быть омонимично с не-

согласованным определением [Анохина, 2003; Анохина, 2007, с. 34], возможны затруднения при определении функции составляющих группу с *wie* в эквивалентной ей полной конструкции. К примеру, неясно, определяет ли второй элемент в группе с *wie* в следующих компаративных высказываниях предшествующее существительное или данный элемент даёт общую темпоральную характеристику действия: *Wie immer, wenn er wegfuhr, schwoll ihre Liebe an wie ein Bächlein nach der Schneeschmelze* [32, S. 186]. *Sie machten Gesichter wie die Ungläubigen bei der Weihnachtspredigt* [28, S. 76].

Подобные сомнения возникают и при определении функции второго компонента в группе с *wie* в следующих компаративных высказываниях, в которых он либо определяет предшествующее существительное, либо даёт общую локальную характеристику действия: *Und ich fühlte, dass ich in der Hitze aufging wie das Brot im Ofen* [56, S. 442]. *Seine Stimme zischt wie ein Wassertropfen auf der heißen Herdplatte* [28, S. 5]. В приведённых компаративных высказываниях местоположение элементов не позволяет определить их синтаксическую функцию. Положение не проясняет и разворачивание неполной конструкции в связи с тем, что полный вариант рассматриваемых конструкций представляет собой придаточную часть сложноподчинённого предложения. Вместе с тем возможность двоякого понимания синтаксической функции предложных сочетаний в рассматриваемых группах с *wie* не связана с принципиально различным содержанием высказывания. Так как для общего смысла высказывания не имеет большого значения, определяется ли существительное или даётся общая характеристика действия, подобные высказывания признаются допустимыми.

Широкое распространение в немецком языке определений, близких по значению к обстоятельствам и морфологически совпадающих с ними, не исключает возможности однозначной интерпретации ряда предложных сочетаний в составе неполной конструкции как обстоятельств. Общеизвестно, что несогласованное определение, входящее в группу существительного, должно стоять непосредственно за определяемым существительным либо отделяться только теми словами, которые также составляют определение этого существительного. Поэтому в том случае, когда в группе с *wie* сначала

определяется, к примеру, время действия, а потом называется субъект действия, первый элемент группы с *wie* можно однозначно интерпретировать как обстоятельство времени: *Der Speck wird verlost, wie beim Pfänderspiel die Pfänder* [56, S. 369].

Возможно также однозначное определение второго компонента группы с *wie* как обстоятельства места. Имеются в виду случаи, когда обстоятельство необходимо для завершения структуры предложения. Это особенно типично для обстоятельств направления: *Kruses Eröffnung geht wie eine dunkle Wolke durch den Raum* [48, S. 185]. Обязательными для завершения структуры предложения могут быть и обстоятельства местонахождения: *Genau der Ton, auf den Hans reagiert wie Milch in der Sonne* [48, S. 267]. Обязательное употребление обстоятельств в данном случае обуславливается тем, что в качестве сказуемого в развёрнутом варианте неполной конструкции, представленной группой с *wie*, предполагается глагол, реализующий обязательную валентность на обстоятельство. Речь идёт о глаголах с обязательной валентностью на обстоятельство, которые определяются как глаголы неполной предикации, т. е. такие, которые не могут употребляться без слов, конкретизирующих их значение [8, с. 80].

Обстоятельство образа действия в структуре неполной конструкции иной интерпретации не предполагает: *Und doch noch mit verschlossenem Auge, wie Beethoven mit verschlossenem Ohr, schuf er weiter und weiter* [89, S. 73].

Если первым элементом в группе с *wie* является существительное, предложное словосочетание в позиции второго элемента допускает двоякую интерпретацию (либо как обстоятельство, либо как определение): *Aber meist behandelt man die eigenen [Eigenheiten] wie den viel zitierten Splitter im Auge aus dem Bibeltext* [80, S. 177]. Сомнения исчезают, и предложное словосочетание определяется как обстоятельство при условиях, на которые уже было указано выше: 1) если предложное словосочетание предшествует дополнению: *Ich vertauschte die Landschaft, in der man das Personalpronomen mich mied wie eine Kränzschwester ein Kraftwort, mit einer Landschaft, in der das Personalpronomen mir gemieden wurde wie unter Frömmern ein Fluch* [80, S. 74]; 2) если предложное словосочетание необходимо для завершения структуры предложения: *Die Männer unseres Bataillons wer-*

den ziemlich vereinzelt auf die Inseln verstreut, spärlich wie Salzkörnchen auf gekochte Kartoffeln [80, S. 275].

5. В составе неполной конструкции – три элемента её развёрнутого варианта

Неполная конструкция может включать подлежащее, дополнение и обстоятельство времени развёрнутого варианта: *Er hatte seinem Vater den verdienten Stich Herzeleid versetzt und sich mit der gleichen Entschiedenheit von ihm losgesagt wie der Verräter William seinerzeit von ihm* [42, S. 763]. Наречие времени в группе с *wie* однозначно определяется как обстоятельство времени. Дополнение, выраженное местоимением в дательном падеже, употребляется после предлога *von* в соответствии с управлением глагола *sich lossagen*. Другими словами, все три элемента определяются как составляющие неполной конструкции.

В следующем компаративном высказывании эксплицированы подлежащее, дополнение и обстоятельство места. Появление в составе неполной конструкции обстоятельства обусловлено его необходимостью для завершения структуры предложения, что типично для обстоятельств направления: *Dabei legt er die Röntgenbilder auf Bruchmüllers Schreibtisch, wie der Rokokokavalier sein Veilchenbukett in den Schoß der Schönen* [48, S. 178].

Встречаются также компаративные высказывания, иллюстрирующие возможность экспликации в неполной конструкции подлежащего, обстоятельства времени и обстоятельства места: *Das Wunder des Willens war vollbracht von der entzündeten Seele wie einst von dem gelähmten Leibe das Wunder der Auferstehung* [89, S. 67].

6. В составе неполной конструкции – обстоятельство её развёрнутого варианта

В случае совпадения всех остальных элементов в сравниваемых ситуациях неполная конструкция может быть представлена наречием времени или предложным сочетанием со значением времени, которое является в развёрнутом варианте обстоятельством времени: *Kruse ist, wie immer in solchen Situationen, in seinem Büro geblieben* [48, S. 366]. *Ich erreichte den Zustand der Schwebe wie in der Kindheit* [80, S. 178].

Неполная конструкция может быть представлена наречием места или предложным сочетанием, которые соотносятся с обстоятельством места развёрнутого варианта: *In Freiburg war der Warte-*

saal des Bahnhofs wie überall mit Menschen voll gepfercht [71, S. 188]. Und weil der alte Schröder zu Hause ebenso der Obermeister ist wie im Betrieb, gab es nichts mehr zu erwidern [48, S. 361]. Фрагмент-тема, названный в главной части компаративного высказывания, сравнивается с фрагментом-эталоном, на который указывает наречие места или предложное сочетание в группе с *wie*. В действие вовлекаются те же самые объекты, разница между сравниваемыми фрагментами касается только их пространственной отнесённости.

Предложное сочетание в группе с *wie*, занимающее в развёрнутом варианте позицию обстоятельства, используется для указания на орудие, при помощи которого совершается действие во фрагменте-эталоном: *War das Gesicht ernst und unbewegt, dann erschien es aus der Nähe trüb und undurchsichtig; das machten die überstarken Brillengläser; durch die man die wasserblauen Augen wie durch eine Lupe vergrößert sah* [71, S. 278]. Предложное сочетание обозначает объект, который оказывает влияние на результат действия: *Axel wird es hell vor den Augen wie von einem Blitz* [28, S. 69]. Вместе с тем в развёрнутой конструкции предложное сочетание в позиции обстоятельства может называть признак объекта, на который указывается в позиции подлежащего: *Ich stand wie mit abgehackten Armen, konnte sie nicht mehr umfassen* [32, S. 102]. Кроме того, предложное сочетание используется для обозначения цели совершения действия: *Beim Lesen glätteten sich die Falten, der streng geschlossene Mund öffnete sich wie zu einem Lächeln* [70, S. 206].

Наречие образа действия, представляющее неполную конструкцию в группе с *wie*, определяет в соответствующей развёрнутой конструкции активный (глагольный) признак фрагмента-эталоном: *Und wieder tat sie es wie unabsichtlich* [80, S. 170]. Прилагательное, представляющее неполную конструкцию, называет в соответствующем развёрнутом варианте в позиции обстоятельства пассивный (именной) признак субъекта действия: *Ich blätterte in Papsts Ordner, wie zerstreut, irritiert durch die plötzliche Empfindung, beobachtet zu werden* [70, S. 143].

Неполная конструкция может быть представлена причастием I: *Da hatte zwar Hadrian wie erwachend aufgehorcht* [70, S. 186]. Являясь нефинитной формой глагола, причастие I обозначает признак, связанный с действием. Причастие I носит активный характер и обозначает длительное незаконченное действие, субъект которого со-

впадает с субъектом действия, который называется в главной части высказывания. Как конститuent поля времени причастие I используется для обозначения действия, которое разворачивается одновременно с действием, названным в главной части высказывания. Вместе с тем действие представляется «как зависимое, подчинённое, сопутствующее» [Гулыга, Шендельс, с. 55]. Группа с *wie* может состоять из причастия I с зависимыми от него словами: *Wie im Traum wandelnd, stelzt Axel den Flur entlang* [28, S. 146].

Причастие второе, представляющее неполную конструкцию, может использоваться во фрагменте-эталоны для обозначения пассивного признака субъекта действия: *Meine ganzen berechnenden Gedanken waren wie weggeschwemmt in einem Gefühl von Zärtlichkeit für sie* [32, S. 69]. Привлечение в этом случае в качестве организующих центров высказывания глаголов *scheinen, erscheinen* акцентирует внимание на присутствии наблюдателя: *Mancher Mensch erscheint ihr wie zerbrochen* [70, S. 94]. При причастии II могут быть зависимые от него слова, которые образуют вместе с ним причастный оборот: *Die Stadt erschien wie aus einem klaren, duftenden Bade gestiegen* [58, S. 31].

Нам представляется, что использование группы с *wie* в позиции предикатива преследует цель указания на гипотетичность признака, называемого предикативом. Группа с *wie* в этом случае состоит из причастия второго с зависимыми от него словами и без них, из прилагательного либо предложного словосочетания: *Die Straßen waren wie frisch aufgeschlagen* [32, S. 51]. *Sie war wie taub* [34, S. 323]. *Es waren Striche wie vom Morse-Alphabet* [80, S. 215].

Причастие второе, занимающее в соответствующем полном варианте позицию обстоятельства, нередко указывает во фрагменте-эталоны на причину возникновения действия или признака: *Hotta steht wie festgefroren* [28, S. 136]. Возможно наполнение группы с *wie* причастием II с зависимыми от него словами: *Immer wieder erwachten Läuse auf unseren Köpfen, wie von der Sonne gezeugt* [80, S. 155].

Инфинитивный оборот *um ... zu*, представляющий неполную конструкцию, определяет во фрагменте-эталоны цель совершения действия: *Er tastete in die Luft, wie um jemand festzuhalten* [53, S. 30].

Таким образом, рассматривая синтаксическую функцию эксплицитивных элементов неполной конструкции в соответствующую

щем развёрнутом варианте, обнаруживаем в неполной конструкции как главные, так и второстепенные члены развёрнутого варианта: подлежащее, дополнение и обстоятельство. Эксплицированные элементы называют те элементы фрагмента-эталона, которые отличают его от фрагмента-темы. Совпадающие элементы повторно не называются, что предполагает знание адресата о «наложении» сравниваемых представлений.

Неполная конструкция противопоставляется в «Современном русском языке» сравнительному обороту. В качестве критерия, позволяющего различать сравнительный оборот и неполную конструкцию, называется зависимость членов сравнительной конструкции от сказуемого: «Если же в сравнительной конструкции нет членов предложения, зависящих от сказуемого, то она превращается в сравнительный оборот» [Современный русский язык, 1984, с. 632]. Вышесказанное созвучно с замечанием К.П. Акуловой об актуальности для немецкого языка разграничения зависимости от членов предложения и зависимости от частей речи [Акулова, с. 23].

Группа с *wie*, представляющая собой неполную конструкцию в составе компаративного высказывания, как и эквивалентная группе с *wie* придаточная часть сложноподчинённого сравнительного предложения, зависит от сказуемого, входит в компаративное высказывание как член предложения и выполняет синтаксическую функцию обстоятельства. По признаку зависимости от части речи группа с *wie*, входящая в компаративное высказывание в составе группы существительного, интерпретируется как сравнительный оборот: *Eine feine Stimme, wie die einer kleinen frierenden Seele, wimmerte oben an der Türe* [56, S. 342].

Наблюдение заполнения группы с *wie* в позиции несогласованного определения при существительном позволяет констатировать отсутствие грамматического параллелизма, о котором шла речь выше, и говорить о колебаниях в грамматическом оформлении соотносимых наименований: *Er war ein Mann mit einem Blick wie die blanke See* [48, S. 64]. К примеру, в приведённом выше высказывании определяемое существительное стоит в дательном падеже, а соотносимое с ним существительное в группе с *wie* имеет форму именительного падежа. Если определяемое существительное употребляется в соста-

ве предложного сочетания, то в группе с *wie*, представляющей собой сравнительный оборот, предлог отсутствует: *Ein schlechtes Vorbild bist du für einen jungen Genossen wie mich* [48, S. 342].

В ряде случаев можно говорить о неполноте сравнительного оборота. Так, если возможно обозначение сравниваемых объектов одним и тем же существительным, общее указание на эталон в группе с *wie* опускается, в группе с *wie* называются признаки, отличающие эталон от темы: *Durch das Haus fährt ein Brummen und Grummeln wie von einem leichten Erdbeben* [28, S. 30]. *Seine freundliche Stimme hatte einen Unterton wie von Metall* [70, S. 48]. В приведённых примерах в группе с *wie* – сочетания с предлогом *von*, которые дают представление об источниках ощущений (звуковых, осязательных) либо о предчувствиях, возникших на уровне интуиции. Группа с *wie* может быть образована предложным сочетанием с другим предлогом: *Hans zeigte mir eine nackte Dame, einen Leib wie aus kaltem Märbelstein* [80, S. 138]. В приведённом примере предложное сочетание даёт представление о материале, из которого состоит эталон.

Таким образом, наблюдение языкового материала подводит к следующим выводам:

– Группа с *wie* в составе компаративного высказывания представляет собой неполную сравнительную конструкцию или сравнительный оборот. Неполная сравнительная конструкция определяет сказуемое в подчинительно-определяющей иерархии предложения. Сравнительный оборот служит определителем предметного члена предложения и входит в предложение в составе последнего.

– Неполная сравнительная конструкция отображает пропозитивную ситуацию и конкурирует с придаточной частью сложноподчинённого сравнительного предложения, которое обладает следующими характеристиками: 1) повторяющимся сказуемым в обеих частях высказывания; 2) лексемами одного синонимического ряда в позиции сказуемых; 3) широкозначной лексемой в позиции сказуемого сравнительной части, что позволяет использовать её для обозначения действия, представление о котором даётся в главной части предложения.

– Неполнота состава сравнительной части компаративного высказывания объясняется тем, что повторяющиеся элементы уже

названы в главной части высказывания и могут быть без труда восстановлены, повторное употребление повторяющихся элементов рассматривается как избыточное.

– В неполных конструкциях эксплицируются элементы, отличающие обозначение эталона от обозначения темы. В составе неполной конструкции возможна экспликация как главных, так и второстепенных членов её развёрнутого варианта: только подлежащего; только дополнения; подлежащего и дополнения; подлежащего и обстоятельства; дополнения и обстоятельства; подлежащего, дополнения и обстоятельства времени; подлежащего, дополнения и обстоятельства места; подлежащего, обстоятельства времени и обстоятельства места; только обстоятельства.

– Группа с *wie*, входящая в компаративное высказывание в группе существительного, представляет собой сравнительный оборот. Наблюдается отсутствие грамматического параллелизма между составляющими оборот и обозначениями соотносимых элементов предшествующей части высказывания, обнаруживаются колебания в грамматическом оформлении соотносимых наименований.

Обобщая результаты исследования группы с *wie* в составе компаративного высказывания, следует обратить внимание на то, что в семантической структуре высказываний, включающих группу с *wie*, как и в ранее рассмотренных случаях, реализуется совокупность смысловых элементов «квалитативность + релятивность».

Группа с *wie*, представляющая собой неполную конструкцию, как и эквивалентная группе с *wie* придаточная часть сложноподчинённого сравнительного предложения, которая называет эталон, зависит от сказуемого, входит в компаративное высказывание как член предложения и выполняет синтаксическую функцию обстоятельства образа действия. Характеристика позиции, которую занимает группа с *wie*, представляющая собой неполную конструкцию, и эквивалентная группе с *wie* придаточная часть сложноподчинённого сравнительного предложения позволяет предположить в семантике компаративных единиц смысловой элемент «наложение признаков», который, в частности, находит отражение в возможности неполноты конструкции.

При обращении к сравнительному обороту смысловой элемент «наложение признаков» соотносится с заполнением позиции,

предназначенной для обозначения качественной характеристики темы, указанием на эталон и с возможной неполнотой сравнительного оборота.

Анализ толкований, которые даются немецким компаративным единицам, содержащим группу с *wie*, позволяет говорить о наличии в семантической структуре рассматриваемых компаративных единиц смыслового элемента «равенство признаков». Данная сема присутствует в смысловой структуре компаративных единиц в одном из своих вариантов: «равенство признаков» или «равенство признаков + экспрессивное выделение признака».

К выводу о присутствии в семантической структуре ряда рассматриваемых компаративных единиц немецкого языка совокупности смысловых элементов «равенство признаков + экспрессивное выделение признака» мы пришли в процессе анализа толкований компаративных единиц. Была осуществлена сплошная выборка компаративных единиц, содержащих группу с *wie*, из словаря Л.Э. Биновича, Н.Н. Гришина [10]. Опираясь на данные словарей, вышедших под общей редакцией Г. Кемпке [15], Р. Клаппенбах и В. Штейница [16], мы проследили, как интерпретируются обнаруженные нами 369 компаративных единиц. Выяснилось, что в 104 толкованиях присутствуют эксплицитные средства усиления: *hungrig sein wie ein Wolf* – ‘sehr hungrig’ [15]; *j-d ist wie zerschlagen* – ‘völlig erschöpft, sehr müde und kraftlos’ [15]; *essen (fressen) wie die neunköpfigen Raupen (Scheunendrescher)* – ‘übermäßig viel essen, schlingen’ [16]. Рассматривая приведённые примеры, нельзя не согласиться с мнением И.И. Туранского, который трактует интенсификацию как меру количества экспрессивности [Туранский, с. 15]. Следовало бы обратить внимание и на вывод О.П. Ермаковой, которая, исходя из результатов исследований Н.Д. Арутюновой и Е.М. Вольф, подчёркивает, что «интенсификация – это оценочная категория», и замечает, что «в некоторых случаях именно оценка вызывает к жизни интенсификацию» [Ермакова, с. 272–273].

В исследуемом случае необходимо обратить внимание на тот факт, что указание на высокую степень проявления признака даётся в условиях соблюдения равенства признаков темы и эталона. Как нам кажется, последнее является доказательством того, что интенсифи-

кация, находящая эксплицитное выражение в толкованиях немецких компаративных единиц, связана с эмоциональным подчёркиванием степени проявления признака (подробнее см. в пункте 3.3.2).

Если при интерпретации компаративных единиц не используются интенсификаторы, можно предположить, что речь идёт об актуализации только смыслового элемента «равенство признаков»: *sich wie ein (getretener) Wurm winden (krümmen)* – ‘versuchen, einer unangenehmen Situation geschickt zu entgehen’ [15]; *j-n wie ein Wundertier anstauen (bestaunen)* – ‘jmdn. staunend betrachten’ [15]; *wie auf einem Vulkan leben* – ‘in ständiger Gefahr’ [15]. Хотя отсутствие показателя высокой степени проявления признака в толковании не исключает интерпретации значения компаративной единицы как экспрессивного выделения признака: *wie in Abrahams Schoß ruhen (sitzen, schlafen)* – ‘geborgen, sicher, gut aufgehoben’ [15]; *(wie) vom wilden Affen gebissen* – ‘verrückt sein, den Verstand verloren haben’ [15]. Так, в приведённых примерах в группе с *wie* указывается на эталоны, для которых характерна высокая степень проявления признака, подобная оценка которой во многом обусловлена стереотипами национальной культуры. Отмеченное обстоятельство свидетельствует о текучести границ между рассматриваемыми вариантами семантической структуры компаративных единиц. Текучесть границ между рассматриваемыми вариантами наполнения семантической структуры немецких компаративных единиц объясняется, с нашей точки зрения, тем, что экспрессивное выделение признака в данном случае обусловлено аффективной оценкой субъекта сравнения и имеет характер дополнительной коннотации. Поэтому совокупность смысловых элементов «равенство признаков + экспрессивное выделение признака» мы рассматриваем как вариант реализации смыслового элемента «равенство признаков».

Подводя итог, следует отметить, что семантическая структура немецких компаративных единиц, в состав которых входит группа с *wie*, включает следующие элементы «квалитативность + релятивность + наложение признаков + равенство признаков». Вариантом рассматриваемой семантической структуры следует считать совокупность элементов «квалитативность + релятивность + наложение признаков + равенство признаков + экспрессивное выделение признака».

Иная совокупность смысловых элементов обнаруживается в конструкции «*nicht + so + Adj.(Adv.)* в положительной степени + *wie* группа», которую Е.В. Гулыга относит в предлагаемой ею схеме компаративного поля к конstituентам поля несходства. Анализируя пример *Paul ist nicht so klug wie Peter*, Е.В. Гулыга обращает внимание на то, что рассматриваемая структура выражает значение сравнительной степени [Гулыга, Шендельс, с. 119].

Значение рассматриваемой конструкции, как нам представляется, складывается следующим образом. В позиции подлежащего указывается на тему. Используемая конструкция предложения свидетельствует о том, что в высказывании даётся качественная характеристика темы. Качество определяется через обращение к эталону, т. е. релятивно. Группа с *wie* входит в компаративное высказывание в составе группы прилагательного, которое обозначает область поиска признака-модуля. Данный признак характеризует как тему, так и эталон, поэтому можно говорить о наличии в семантической структуре компаративных единиц смыслового элемента «наложение признаков». Вместе с тем прилагательное в положительной степени определяется наречием *so*. Значение рассматриваемого ЛСВ наречия *so* в сочетании с прилагательным или наречием и последующим *wie* определяется в словаре под редакцией Р. Клаппенбах и В. Штейница следующим образом: ‘in demselben Grad, Maße, ebenso’ [16, Bd. 5, S. 3442]. Следовательно, отрицание перед данной конструкцией следует интерпретировать как ‘nicht in demselben Grad, Maße’, что, по нашему мнению, достаточно определённо соотносится со смысловыми элементами «неравенство признаков + расхождение по степени признака». Следовательно, компаративные единицы с конструкцией «*nicht + so + Adj.(Adv.)* в положительной степени + *wie* группа» характеризуются совокупностью смысловых элементов «качественность + релятивность + наложение признаков + неравенство признаков + расхождение по степени признака».

2.3. Группа с *als* в высказываниях с категориальным признаком сравнения³

Союз *als* как показатель сравнительных отношений вводит в компаративное высказывание группу с *als* при прилагательном или наречии в сравнительной степени; придаточную часть сложноподчинённого предложения, выражающего реальное сравнение; придаточную часть сложноподчинённого предложения, выражающего ирреальное сравнение.

Рассматривая синтаксическое и семантическое наполнение группы с *als* при прилагательном (наречии) в сравнительной степени, отмечаем, что существительные, образующие группу с *als*, дублируют грамматическую форму членов предложения, находящихся в компаративном высказывании за рамками данной группы. Чаще группа с *als* образуется элементом, который соотносится с подлежащим главной части компаративного высказывания. Как правило, это существительное в именительном падеже: *Die Finger waren älter als ihr Gesicht* [32, S. 28].

Вместе с тем элемент, который соотносится с подлежащим главной части компаративного высказывания, может быть представлен лишь частично. В группу с *als*, к примеру, может входить только притяжательное местоимение, которое, по логике вещей, должно определять существительное: *Sie hörte, dass seine Schritte länger waren und ausladender als ihre* [76, S. 212]. В группе с *als* может быть представлено только определение, которое конкретизирует качество, позволяющее различать сравниваемые объекты: *Der Weg in die Südvorstadt war weniger weit als bis hinaus nach Mönkeberg* [71, S. 344]. Вероятно, повторение номинативного элемента, употреблённого в позиции подлежащего ранее, в рамках компаративного высказывания рассматривается как избыточное.

Особенно чётко грамматический параллелизм форм в группе с *als* при прилагательном (наречии) в сравнительной степени проявляется, как и для группы с *wie*, в том случае, когда группу с *als* образует существительное с предлогом или существительное

³ Денисова Г. Л. Компаративное высказывание с *als*: структура, семантика, информативная нагрузка // Вестник Волжского университета им. В.Н. Тагичева. 2010. № 6. С. 73–80.

в косвенном падеже: *Dabei liebten wir ihn anfangs fast noch mehr als den Erstgeborenen* [73, S. 73]. *Und sehr viel gespannter als auf die Prozession des Königspaares durch die Straßen von Paris wartete man auf die Aufführung des „Figaro“ im Théâtre Français* [42, S. 924]. Элементы, подчеркнутые в группе с *als*, соотносимы с дополнением главной части компаративного высказывания. Их грамматическая форма свидетельствует о том, что они реализуют свои сочетательные потенции, причём характер грамматических форм, составляющих группу с *als*, свидетельствует о том, что речь должна идти о реализации их центростремительных (пассивных) потенций на сказуемое, которое, однако, в рассматриваемой части компаративного высказывания не называется. Параллелизм грамматических форм существительных в группе с *als* и грамматических форм членов предложения, находящихся за рамками группы, может свидетельствовать, как и для группы с *wie*, о том, что в группе с *als* предполагается тот же организующий центр, что и в главной части компаративного высказывания. Другими словами, группа с *als*, как и группа с *wie*, отображает пропозитивную ситуацию, компонентами которой являются некоторое действие, его агент, его объект, условия и обстоятельства его реализации. Неполнота состава рассматриваемой части компаративного высказывания, пропуск сказуемого объясняется, скорее всего, тем фактом, что повторное употребление сказуемого рассматривается адресантом как избыточное.

Отмеченное выше позволяет рассматривать группу с *als* при прилагательном (наречии) в сравнительной степени как неполную конструкцию, эквивалентную придаточной части сложноподчинённого предложения с *als*, выражающего реальное сравнение. Сказуемое в таком придаточном предложении должно совпадать в его обеих частях. Обнаруживаются примеры, отвечающие данному требованию. Хотелось бы обратить внимание и на то, что применение трансформационного метода доказывает лёгкость сворачивания придаточной части сложноподчинённого предложения с *als* в неполную конструкцию:

William sieht ungewöhnlich gut aus, besser, als er in seiner besten Zeit ausgesehen hat [42, S. 769]. → *William sieht ungewöhnlich gut aus, besser als in seiner besten Zeit.*

Er betete inbrünstiger, als er in der Peterskirche gebetet hatte [59, S. 114]. → Er betete inbrünstiger als in der Peterskirche.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что предложенная трансформация оказывается возможной лишь в том случае, если лексический показатель времени указывает на разрыв во времени, как и сказуемое, организующее придаточную часть.

Получение неполной конструкции с *als* в результате применения трансформационного метода возможно и в том случае, когда о гипотетичности ситуации как некоторого обобщения, некоторой абстракции, свидетельствует не только употребление сказуемого в форме конъюнктива, но и сопровождающий существительное неопределённый артикль в генерализирующей функции: *Des Volkes Meinung, Brauch und Tradition, sie fesseln härter dich, als ein Tyrann es könnte* [42, S. 629]. → *Des Volkes Meinung, Brauch und Tradition, sie fesseln dich härter als ein Tyrann*. Если других показателей гипотетичности обозначаемой ситуации нет, то трансформация не представляется возможной, как в следующем случае: *Deutlicher, als Worte es hätten tun können, drückten seine braunen Augen unter den dicken, tief-schwarzen Brauen, drückte sein ganzes männliches, spöttisches Gesicht aus, was er dachte* [42, S. 383]. В рассматриваемом компаративном высказывании сказуемые главного предложения и придаточной части представлены глаголами, которые называют понятия, связанные родовидовыми отношениями. Эквивалентная замена гипонима на гипероним не исключает возможности его опущения в придаточной части предложения. Однако в связи с тем, что грамматическое оформление элемента *Worte*, отличающего обозначение эталона от обозначения темы, не несёт информации о гипотетичности ситуации, которая подчёркивается в придаточной части употреблением сказуемого в форме конъюнктива, трансформация в неполную конструкцию привела бы к потере данной информации.

Приведённые выше примеры, полученные в результате применения трансформационного метода, иллюстрируют эквивалентность сложноподчинённого предложения с *als* и неполной конструкции, в составе которой обнаруживаются лексические показатели времени и места. Лексические показатели времени могут быть представлены в неполной конструкции с *als* наречием времени или предложным

сочетанием со значением времени: *Vielleicht waren ihre Arme weniger mager und ihre Schultern weniger eckig als damals* [71, S. 12]. *Sie bemühte sich im Kino, um ein freundliches, aufgeschlossenes Gesicht. Manchmal gelang es ihr schon besser als zu Anfang* [76, S. 182].

Лексические показатели места могут быть представлены в неполной конструкции с *als* наречием места или предложным сочетанием со значением места: „*Ich glaube, es ist nirgendwo schöner als hier*“, *sagte Holt* [71, S. 213]. *Auch Holt, als halbes Kind noch, hatte einmal vieles zu erkennen versucht, zum Beispiel [...] warum die Liebe im Märchen schöner ist als in Wirklichkeit* [71, S. 109].

Подводя итоги, следует отметить, что наблюдение синтаксического и семантического наполнения группы с *als* позволяет считать группу с *als* неполной конструкцией. В неполной конструкции с *als*, как и в неполной конструкции с *wie*, допускается не только пропуск сказуемого, но и тех актантов и свободных распространителей, которые называются при определении темы в главной части высказывания. В составе неполной конструкции с *als* эксплицируются только элементы, отличающие обозначение эталона от обозначения темы.

Проведённый анализ языкового материала подводит к определённым выводам об элементном составе семантической структуры рассматриваемых немецких компаративных единиц:

– Группа с *als*, представляющая собой неполную конструкцию, как и эквивалентная группе с *als* придаточная часть сложноподчинённого сравнительного предложения, называющего эталон, зависит от сказуемого, входит в высказывание как член предложения и выполняет синтаксическую функцию обстоятельства образа действия, что предполагает присутствие в семантике рассматриваемых компаративных единиц смыслового элемента «квалитативность».

– Опора при определении качественной характеристики объекта или характеристики по интенсивности признака на представление о другом объекте свидетельствует, что в семантической структуре рассматриваемых компаративных единиц присутствует смысловой элемент «релятивность».

– Наличие в семантической структуре рассматриваемых языковых единиц смыслового элемента «наложение признаков» подтверждается: 1) характером позиции, занимаемой группой с *als*: это

позиция обстоятельства при одном из элементов, входящих в обозначение темы, что предполагает конкретизацию последней путём обращения к эталону, на который указывается в группе с *als*; 2) возможностью неполноты группы с *als*, которая обуславливается совпадением ряда элементов группы с элементами, ранее названными при обозначении темы.

Следует обратить внимание и на то, каким образом в рассматриваемых компаративных высказываниях указывается на область поиска признака-модуля, что, с нашей точки зрения, также даёт информацию об элементном составе семантической структуры рассматриваемых конструкций. Языковой проекцией представления об области поиска признака-модуля в рассматриваемых компаративных высказываниях являются прилагательные или наречия в сравнительной степени, которые непосредственно уточняются, конкретизируются группой с *als*. Значение сравнительной степени определяется в грамматике Дудена следующим образом: «Mit dem Komparativ, der Mehr- oder Höherstufe, wird ausgedrückt, dass zwei oder mehr Wesen, Dinge u.a. in Bezug auf ein Merkmal, eine Eigenschaft u.a. ungleich sind» [Duden ... , S. 305]. Другими словами, объекты обладают общим признаком, соответственно, речь идёт о наложении признаков, но не об их равенстве в силу отличия по количественной характеристике признака. По нашему мнению, последнее соотносимо со смысловым элементом «неравенство признаков» в семантической структуре компаративных единиц.

Принимая во внимание определение значения сравнительной степени в грамматике Дудена, приходим к выводу, что указание на эталон в группе с *als* задаёт «точку отсчёта на шкале» признака, относительно которой определяется его количество, являющееся искомым знанием. Так как в данном случае констатируется расхождение по степени проявления признака, то, как нам представляется, соответствующий смысловой компонент в семантической структуре компаративной единицы можно определить как сему «расхождение по степени признака». Таким образом, семантическая структура немецких компаративных единиц, в составе которых присутствует группа с *als* при прилагательном (наречии) в сравнительной степени, характеризуется совокупностью следующих элементов: «квали-

тативность + релятивность + наложение признаков + неравенство признаков + расхождение по степени проявления признака».

В том случае, если *als* вводит придаточную часть сложноподчинённого предложения, выражающего реальное сравнение, в придаточной части может даваться указание на предварительное или стереотипное представление о положении дел, обсуждаемом в главной части предложения. Организующим центром придаточной части компаративного высказывания являются языковые проекции представлений о ментальной деятельности человека (*erwarten, meinen, glauben, annehmen, vermuten, denken, sich vorstellen, sich erträumen, vorhaben, erhoffen, für jmdn. halten; in Erinnerung haben*) или глаголы говорения, например, глагол *schildern*: *Sie sprach ruhiger, als er erwartet hatte* [42, S. 314]. *Dieser Monsieur de Beaumarchais schien nicht der skrupellose Schieber zu sein, als er ihm geschildert worden war* [42, S. 53]. Как можно судить по приведённым примерам, сложноподчинённое предложение, выражающее реальное сравнение, как и в рассмотренных выше случаях, характеризуется совокупностью смысловых элементов «квалитативность + релятивность + наложение признаков + неравенство признаков + расхождение по степени проявления признака» в том случае, если придаточная часть определяет прилагательное (наречие) в сравнительной степени.

Возможность использования сложноподчинённого предложения, выражающего реальное сравнение, для экспрессивного выделения признака подтверждается анализом толкований, которые дают рассматриваемым компаративным единицам носители немецкого языка. Так, при интерпретации словосочетания *dümmer, als die Polizei erlaubt* в словаре, вышедшем под общей редакцией Р. Клаппенбах и В. Штейница, используется показатель высокой степени признака *sehr*: ‘sehr dumm’ [16]. То есть в рассматриваемом случае в семантической структуре компаративной единицы присутствует совокупность следующих элементов «квалитативность + релятивность + наложение признаков + неравенство признаков + расхождение по степени проявления признака + экспрессивное выделение признака». Указанная возможность демонстрирует разницу между такими способами количественной характеристики признака, как градуальность (обозначение объективной степени признака)

и интенсивность признака (выражение субъективного впечатления о степени проявления признака), иллюстрирует прагматический характер интенсификации, которая используется в целях повышения убедительности высказывания. Последнее позволяет рассматривать сложноподчинённые предложения, выражающие реальное сравнение, в семантической структуре которых присутствует смысловой элемент «экспрессивное выделение признака» как вариант компаративной единицы с семантической структурой «квалитативность + релятивность + наложение признаков + неравенство признаков + расхождение по степени проявления признака».

Союз *als* в составе компаративного высказывания вводит также придаточную часть ирреального сравнительного предложения (*der irreale Komparativsatz* [Москальская, 1983, с. 122–123], *der irreale Vergleichssatz* [Bütow, S. 76]), которое организуется глаголом в форме конъюнктива: *In diesen unveränderten Kulissen, in denen Menschen leben mit einer Miene, als gäbe es hier Wichtiges zu tun* [73, S. 110]. В интерпретации содержательной части ирреального сравнительного предложения в грамматике Дудена находим указание на присутствие в смысловой структуре элемента ‘релятивность’ и определение характера информации, передаваемой придаточной частью: «Oft wird die relativische Vergleichsbeziehung gleichsam erweitert um ein Bedingungselement» [Duden ... , S. 674]. Для пояснения смыслового содержания ирреального сравнительного предложения в грамматике Дудена предлагается следующая трансформация: *Er läuft, als wenn / wie wenn (oder: als ob) es um sein Leben geht (ginge)*. → *Er läuft, wie er laufen würde, wenn es um sein Leben ginge* [Duden ... , S. 674].

Предлагаемая трансформация свидетельствует о том, что в придаточной части называется гипотетическое условие, которое определяет с позиций адресанта образ действия, языковой проекцией которого является сказуемое главного предложения. Целью адресанта является спецификация образа действия. С этой целью адресант проецирует в реальную ситуацию предполагаемое условие. Иначе говоря, адресант сравнивает реальную ситуацию с гипотетической, в которой, с его точки зрения, гипотетически воссозданные условия разворачивания ситуации объясняют характер действия. Вышесказанное предполагает, что в семантической структуре сложноподчи-

нённого предложения, выражающего ирреальное сравнение, представлена совокупность смысловых элементов «квалитативность + релятивность + наложение признаков + равенство признаков + гипотетичность».

Признак ‘гипотетичность’ в смысловой структуре конъюктива, употребляемого в рассматриваемых предложениях, выделяет О.И. Москальская ‘in Wirklichkeit nicht statthabend, nur gedacht’ [Москальская, 1983, с. 123]. С его значимостью для рассматриваемых предложений согласуется обозначение данного вида придаточных предложений «hypothetischer Komparativsatz», которое используют Г. Хельбиг и И. Буша [Helbig, 1986, S. 200]. Вероятно, эту же мысль выражает Е.И. Шендельс, определяя значение конъюктива в данном виде придаточных предложений как ирреальное сравнение («der irreale Vergleich» [Schendels, S. 92]). Следует обратить внимание и на то, что И. Эрбен утверждает, что в компаративных предложениях, вводимых союзами *als wenn* и *als ob*, сообщается о положении дел, которое противоречит действительности [Erben, 1959, S. 133]. Таким образом, ирреальное сравнительное предложение используется для интерпретации сообщаемого события «как события, относящегося только к субъективной (ментальной, “ирреальной”) действительности, противопоставленной объективной действительности» [Шелякин, с. 222]. Указанное обстоятельство объясняет использование подобных компаративных единиц с целью интроспекции во внутренний мир персонажа (см. пункт 4.3.2).

Подводя итог, следует отметить, что наблюдение немецких компаративных единиц, в составе которых находится придаточная часть с союзом *als*, выявляет неоднородность их семантических структур. Сложноподчинённое предложение, выражающее реальное сравнение, характеризуется совокупностью смысловых элементов «квалитативность + релятивность + наложение признаков + неравенство признаков + расхождение по степени проявления признака» с возможностью дополнения ряда смысловым элементом «экспрессивное выделение признака». Последняя возможность связана с эмоциональной отмеченностью высказывания. Семантическая структура сложноподчинённого предложения, выражающего ирреальное сравнение, представлена в немецком языке совокупностью

смысловых элементов «квалитативность + релятивность + наложение признаков + равенство признаков + гипотетичность».

2.4. Опора на валентные свойства языковых единиц при передаче отношения сравнения

2.4.1. Передача отношения сравнения компаративными сложными существительными

Совпадение границ слова и границ компаративной единицы, которое наблюдается в немецких сложных существительных типа *Röhrenhose*, *Mühlsteinkragen*, *Schauffelhand*, о чём шла речь выше в параграфе 1.4 данной монографии, подводит к определённым выводам. Основное свойство слова – его цельнооформленность – свидетельствует о целостности вербализуемого представления, объединяет его смысловые элементы (тему и эталон) в единый комплекс, который функционирует как целостная номинация: *Weich erschien Annes Gesicht vor ihm, ein blasses Brötchengesicht, das nur aus Sauberkeit und Vorwurf bestand* [62, S. 52]. Объединённые в единый комплекс указания на тему и эталон представляют собой конкретизированное наименование представления, на которое указывает обозначение темы – второй компонент, определяемый М.Д. Степановой как «ядро», как наиболее постоянная часть слова, носитель его лексического значения. Первые основы «сателлиты» являются переменными, сопутствующими частями [Степанова, 1984]. Представление, активируемое первым компонентом компаративного сложного существительного, позволяет найти признак-модуль в области общего для темы и эталона.

К примеру, «ядро» сложного слова *Schneckenrad* является языковой проекцией наиболее общего представления о колесе. Первый компонент *Schnecke*, активируя представление об улитке, способствует идентификации признака-модуля: формы колеса, напоминающей улитку. В данном случае мы наблюдаем то, что А.В. Бондарко называет «полным слиянием признака с его носителем», поскольку «определение объединяется с определяемым в составе называемого» [Бондарко, 1999, с. 20]. Другими словами, первый компонент

сложного существительного позволяет уточнить некоторую качественную характеристику общего представления, активируемого «ядром» последнего, а в условиях полного слияния признака и его носителя формируется представление, которое относится к первому представлению как гипоним к гиперониму. В нашем случае – это соотношение представления о червячном колесе и общего представления о колесе.

Принимая во внимание определение А.В. Бондарко типов качественности и его интерпретацию случаев слияния определения с определяемым в составе называемого как случая отсутствия дискретности качественной характеристики [Бондарко, 1999, с. 20], мы полагаем, что в семантической структуре компаративного сложного существительного присутствует смысловой элемент «квалитативность».

Выясненный ранее факт определения качественной характеристики темы, активируемой «ядром» компаративного сложного существительного, путём обращения к эталону, на который указывает первая НС существительного, т. е. релятивно, предполагает присутствие в семантической структуре рассматриваемых компаративных единиц смыслового элемента «релятивность». Последнее свидетельствует также о том, что в представлении, активируемом «ядром» сложного существительного, обнаруживается область, на которую накладывается представление об эталоне. Таким образом, связь между указаниями на тему и эталон определяется для рассматриваемых сложных слов немецкого языка как «наложение». Мы считаем, что на уровне поверхностной реализации идея «наложения» находит выражение в обращении к сложному слову как к структуре, позволяющей объединить в цельнооформленной языковой единице морфемы, соотносимые с мыслительными образами сравниваемых объектов.

Для сложных существительных рассматриваемого типа актуальна характеристика модуля как признака, не возводимого в степень, и как градуируемого признака. Первый случай иллюстрируется примером: *Ein paar Panzer kurvten in Schlangenlinien über den Acker* [72, S. 503]. Иллюстрацией второго случая может служить пример: *Dein Kindsvater war wirklich wie der Wind* [80, S. 102]. Актуальность для сложных существительных рассматриваемого типа характеристики

модуля как признака, не возводимого в степень, и как градуируемого признака прослеживается в ходе анализа толкований композитов.

В толкованиях существительных первой группы, обнаруженных нами в ходе выборки языкового материала из словаря под общей редакцией Р. Клаппенбах и В. Штейница [16], уточняется область поиска признака, общего для темы и эталона: *Flachshaar* – ‘flachsblondes Haar’; *Korkenzieherlocke* – ‘lange, gedrehte Seitenlocke der Damenfrisur’; *Tellermine* – ‘flache, runde Mine, die in der Erde vergraben wird’. Способ определения рассматриваемых немецких компаративных единиц предполагает наличие в их семантической структуре смыслового элемента «равенство признаков». Таким образом, семантическую структуру существительных первой группы представляет совокупность смысловых элементов «квалитативность + релятивность + наложение признаков + равенство признаков».

Анализ толкований существительных второй группы обнаруживает в их семантической структуре смысловой элемент «экспрессивное выделение признака», о чём свидетельствует появление в толкованиях интенсификаторов (*Pulverschnee* – ‘sehr lockerer, trockener, pulvriger Schnee’) и использование в толкованиях лексем, в семантической структуре которых присутствует данный смысловой элемент. К примеру, существительное *Donnerstimme* определяется в словаре под общей редакцией Р. Клаппенбах и В. Штейница как ‘gewaltige Stimme’. В этом же словаре прилагательное *gewaltig* интерпретируется в отношении примера *Er rief mit gewaltiger Stimme* путём обращения к интенсификатору ‘sehr stark’. Существительное *Fieberhast* интерпретируется в словаре под общей редакцией Р. Клаппенбах и В. Штейница как ‘großer Eifer’. В этом же словаре словосочетание *mit großem Eifer* иллюстрирует ЛСВ прилагательного *groß* со значением ‘in hohem Grade, stark’. Соответственно, совокупность элементов, образующих семантическую структуру существительных второй группы, выглядит следующим образом: «квалитативность + релятивность + наложение признаков + равенство признаков + экспрессивное выделение признака».

Вышеизложенное позволяет утверждать, что в немецком языке семантическая структура компаративных существительных при реконструкции неградуируемого признака включает комплекс

элементов «квалитативность + релятивность + наложение признаков + равенство признаков». В семантической структуре компаративных существительных при реконструкции градуируемого признака в условиях обращения к эталону, характеризующемуся признаком с высокой степенью его проявления, обнаруживается также элемент «экспрессивное выделение признака».

2.4.2. Передача отношения сравнения с помощью компаративных сложных прилагательных и прилагательных на *-artig*, *-farben* (*-farbig*), *-förmig* (*-formen*), *-mäßig*

Немецкие компаративные сложные прилагательные и прилагательные на *-artig*, *-farben* (*-farbig*), *-förmig* (*-formen*), *-mäßig* были рассмотрены ранее в пунктах 1.5.2 и 1.5.3 данной монографии. Вместе с тем нам бы хотелось акцентировать внимание на характеристиках рассматриваемых компаративных единиц, проливающих свет на их семантическую структуру.

Как известно, семантической основой прилагательного как части речи традиционно считается понятие качества, признака или свойства предмета [Кривоносов, с. 418]. Кроме того, тематика компаративных сложных прилагательных, установленная нами в пункте 1.5.2, также как и анализ словарных толкований словообразовательных элементов *-artig*, *-farben* (*-farbig*), *-förmig* (*-formen*), *-mäßig*, проведённый в пункте 1.5.3, свидетельствуют о наличии в семантике рассматриваемых немецких прилагательных смыслового элемента «качество». С нашей точки зрения, следует обратить внимание и на позицию, занимаемую в высказывании компаративными сложными прилагательными и прилагательными на *-artig*, *-farben* (*-farbig*), *-förmig* (*-formen*), *-mäßig*, которая свидетельствует о том, что речь идёт об определении качественных характеристик объектов.

Главной синтаксической функцией прилагательных считается функция согласованного определения при существительном. А.В. Бондарко на материале русского языка интерпретирует подобный тип квалитативных отношений как атрибутивную ответственность. Он обращает внимание на то, что в рассматриваемом случае носитель признака и признак представлены дискретно, однако «дискретность в данном случае не столь явно выражена. Она

сохраняется лишь постольку, поскольку данный признак может сочетаться не только с данной субстанцией, но и с другими характеризуемыми объектами... В целом же функция номинации объединяет признак и его носителя в составе сложного комплекса — названия некоторого объекта вместе с приписываемым ему признаком» [Бондарко, 1999, с. 19].

Компаративные прилагательные и прилагательные на *-artig*, *-farben* (*-farbig*), *-förmig* (*-formen*), *-mäßig* наблюдаются в позиции согласованного определения при существительном, которое указывает на тему сравнения: *Sein Mund wurde zu einem fadendünnen Streifen* [76, S. 114]. *Er trug einen zimmetfarbenen Rock mit keulenförmigen Ärmeln* [65, S. 7]. В данном случае границы компаративной единицы совпадают со словосочетанием компаративного прилагательного с определяемым существительным. Границы компаративной единицы совпадают с границами словосочетания и в том случае, если рассматриваемые лексемы входят в состав распространённого определения при существительном — указании на тему в группе причастия или прилагательного: *Auch den Stock, dessen klauenartig gebogene Hornkrücke gut und gern anderthalb Fuß maß, hatte er mit ins Zimmer gebracht* [65, S. 331].

Позиция, занимаемая рассматриваемыми языковыми единицами в приведённых ниже высказываниях, служит критерием отнесения их к наречиям: *Die Sonne schwebte blutrot, wie vom Sandsturm getragen* [59, S. 25]. *In der lombardischen Ebene, schien es, zogen Gewitter umher, deren ferne Blitze fächerförmig hinter der Riesensilhouette der Berge aufstrahlten* [54, S. 108]. Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на то, что в рассматриваемой позиции в рамках компаративного высказывания появляются те же формы, что и в ранее рассмотренной позиции согласованного определения при существительном. Неразрывное переплетение одних и тех же форм и с прилагательным, и с наречием, как отмечает А.Т. Кривоносов, послужило основанием для формирования мнения об одновременной причастности ряда слов немецкого языка двум грамматическим разрядам: прилагательным и наречиям [Кривоносов, с. 520]. В.Н. Шмелёв считает, что и прилагательное, и качественное наречие имеют совершенно одинаковую семантику, так как называют одно и то же, т. е. признак

[Кривоносов, с. 519]. Решение о частиречной принадлежности рассматриваемых наречий в нашем случае не столь важно. Для нас имеет значение лишь присутствие в их семантической структуре смыслового элемента «квалитативность». Последнее позволяет рассматривать заполнение наречиями данной группы позиции обстоятельства при финитном глаголе как случай обстоятельственной качественности.

Компаративное прилагательное и прилагательное на *-artig*, *-farben (-farbig)*, *-förmig (-formen)*, *-mäßig* может определять не только существительное, активирующее общее представление о теме, но и существительное, активирующее представление об области поиска признака-модуля. Данный случай можно рассматривать как атрибутивную качественность. Однако относительно явления, рассматриваемого в данной работе, следует отметить две возможности прохождения границ компаративной единицы: совпадение с границами словосочетания и выход за его пределы.

Границы компаративной единицы совпадают с границами словосочетания, (1) если словосочетание с компаративным прилагательным и прилагательным на *-artig*, *-farben (-farbig)*, *-förmig (-formen)*, *-mäßig* замещает позицию несогласованного определения при существительном, активирующем общее представление о теме: *An der Nische vorbeigehend, in der der Herr mit seinem leichenblassen Gesicht saß, blickte sich Ginstermann um* [58, S. 49]; (2) если существительное, определяемое компаративным прилагательным и прилагательным на *-artig*, *-farben (-farbig)*, *-förmig (-formen)*, *-mäßig*, уточняется языковыми средствами, указывающими на тему: *Monsieur Buddenbrook schmunzelte spöttisch in sein Jabot über Idas fremdartige Aussprache* [65, S. 11].

Границы компаративной единицы выходят за границы словосочетания, (1) если словосочетание с компаративным прилагательным и прилагательным на *-artig*, *-farben (-farbig)*, *-förmig (-formen)*, *-mäßig* замещает позицию предикативного определения: *Er kam mit leichengelbem Gesicht und zitronenfarbenen Händen auf Wochenendbesuch* [80, S. 50]; (2) если словосочетание с компаративным прилагательным и прилагательным на *-artig*, *-farben (-farbig)*, *-förmig (-formen)*, *-mäßig* замещает позицию дополнения при глаголах принадлежности или проявления качества: *Regen bestätigt: ein ovales Gesicht mit*

weit voneinander entfernten Augen, die einen leicht mandelförmigen asiatischen Schnitt aufwiesen [61, S. 100].

Компаративные сложные прилагательные и прилагательные на *-artig, -farben (-farbig), -förmig (-formen), -mäßig* могут замещать позицию предикатива. Позиция подлежащего в этом случае замещается указанием на тему: *Leichen waren schneeweiß, dieser Park war blau* [59, S. 128]. А.В. Бондарко, рассматривая аналогичные конструкции с краткими и полными прилагательными в позиции предикатива на материале русского языка, определяет их как случай предикативной качественности. Он отмечает особенности предикативной качественности: «Предикативная качественность дискретна: обозначаемый признак приписывается его носителю, представляя собой основное содержание акта предикации. Связь между признаком и его носителем устанавливается лишь в результате этого акта. Раздельное приводится в связь, но никогда не сливается в единое целое: этому препятствует дискретное представление предиката по отношению к субъекту» [Бондарко, 1999, с. 20]. В данном случае границы компаративной единицы совпадают с границами предложения.

Границы компаративной единицы совпадают с границами предложения и в том случае, если компаративное прилагательное или прилагательное на *-artig, -farben (-farbig), -förmig (-formen), -mäßig* замещает в рамках компаративного высказывания позицию обстоятельства: *Welch nettes Besitztum, wenn das Gras gepflegt, die Bäume hübsch kegel- und würfelförmig beschnitten waren* [65, S. 29]. О том, что данный тип качественных отношений может рассматриваться как обстоятельственная качественность, уже шла речь выше. А.В. Бондарко отмечает также, что «непредикативный тип связи между качественной характеристикой и тем, что характеризуется, в некоторых отношениях сближает обстоятельственную качественность с атрибутивной. Речь идёт о сфере качественных отношений, являющихся непредикативными и в широком смысле определительными. Вместе с тем отнесённость обстоятельственной качественной характеристики к предикату обуславливает возможность её функционального взаимодействия с предикативной качественностью» [Бондарко, 1999, с. 20]: *Um den Kopf trug er ein buntes Seidentuch, die Zipfel hingen ihm zopfartig nach hinten* [43, S. 396].

Обобщая вышеизложенное, следует обратить внимание на то, что в семантической структуре немецких компаративных единиц, в состав которых входят компаративные сложные прилагательные или прилагательные на *-artig*, *-farben* (*-farbig*), *-förmig* (*-formen*), *-mäßig*, присутствует смысловой элемент «квалитативность».

Обращение в процессе определения качественной характеристики (модуль) к представлению об объекте (эталон), на который указывает первая НС компаративного прилагательного или прилагательного на *-artig*, *-farben* (*-farbig*), *-förmig* (*-formen*), *-mäßig*, т. е. относительность определения качественной характеристики, соотносится в семантической структуре рассматриваемых компаративных единиц немецкого языка со смысловым элементом «релятивность». Смысловой элемент «наложение признаков» соотносится с заполнением позиции, предназначенной для указания на качественную характеристику темы, указанием на эталон.

Следует обратить внимание на возможность экспрессивного выделения признака-модуля. В этом отношении необходимый материал для выводов представляет анализ толкований прилагательных. Мы использовали выборку, которую мы сделали по материалам словаря, составленного под редакцией Р. Клаппенбах и В. Штейница. Было выяснено, что в 73 случаях из 272 толкований компаративных сложных прилагательных дефиниция содержит интенсификатор: *käseweiß* – ‘sehr weiß’; *kerzengerade* – ‘ganz gerade’; *puppenlustig* – ‘sehr lustig’. Наблюдается использование интенсификаторов и в толкованиях прилагательных на *-artig*: *raketenartig* – ‘sehr schnell’; *saalarartig* – ‘sehr groß’; *schlagartig* – ‘sehr schnell’. Основываясь на способе толкования значения компаративных сложных прилагательных и прилагательных на *-artig*, приходим к выводу, что указанные языковые средства используются для экспрессивного выделения признака. Обращает на себя внимание ряд толкований компаративных сложных прилагательных и прилагательных на *-artig*, в которых интенсификаторы не используются, однако выбор эталона позволяет предположить, что речь идёт об экспрессивном выделении признака: *frostkalt* – ‘eiskalt’; *gertenschlank* – ‘schlank wie eine Gerte’; *schneckenartig* – ‘langsam wie eine Schnecke’.

Указание на равенство признаков как в первом, так и во втором случае предполагает также и совпадение степени их проявления,

которая рассматривается субъектом сравнения как достаточно высокая, позволяющая использовать рассматриваемые прилагательные для обозначения экспрессивно выделенного признака. Соответственно, в этом случае в семантической структуре компаративных единиц имеет место совокупность смысловых элементов «равенство признаков + экспрессивное выделение признака».

Вместе с тем в сделанной нами выборке в 199 толкованиях компаративных сложных прилагательных интенсификаторы не используются. В дефинициях не отражается также и ассоциация на эталон, который мог бы предполагать использование прилагательного для экспрессивного выделения признака: *fingerdick* – ‘von der Dicke eines Fingers’; *handbreit* – ‘in der Breite einer Hand’; *kastanienbraun* – ‘dunkelbraun mit rötlichem Schimmer’. Аналогичная картина наблюдается и в большей части толкований прилагательных на *-artig*: *krautartig* – ‘wie Kraut, mit vielen Blättern’; *schnabelartig* – ‘schnabelförmig’; *trillerartig* – ‘wie ein Triller’. Не были зафиксированы интенсификаторы и в определениях прилагательных на *-farben (-farbig)*, *-förmig (-formen)*, *-mäßig*: *rehfarben* – ‘rehbraun’; *schnabelförmig* – ‘wie ein Schnabel geformt’; *stromlinienförmig* – ‘in Stromlinienform gebaut’. Приведённые примеры объединяет то, что речь идёт о неградулируемом признаке или имеется в виду ассоциация на эталон, степень проявления признака в котором не рассматривается субъектом сравнения как высокая. Соответственно, использование рассматриваемых прилагательных для экспрессивного выделения признака не предполагается. Последнее свидетельствует, с нашей точки зрения, о том, что в семантической структуре таких прилагательных присутствует только смысловой элемент «равенство признаков».

Таким образом, можно утверждать, что в немецком языке семантическая структура компаративных прилагательных и прилагательных на *-farben (-farbig)*, *-förmig (-formen)*, *-mäßig* представлена совокупностью элементов: «квалитативность + релятивность + наложение признаков + равенство признаков». При конкретизации градулируемых признаков в условиях ассоциации с эталоном, который рассматривается субъектом сравнения как носитель признака в высокой степени его проявления, семантическая структура конструкций с компаративными сложными прилагательными и прила-

гательными на *-artig* дополняется смысловым элементом «экспрессивное выделение признака».

2.4.3. Отражение сравнительного отношения немаркированными компаративными конструкциями с общим номинативным компонентом обозначений темы и эталона – существительным

Если общий номинативный элемент обозначений темы и эталона, «узловой» компонент в составе немаркированной компаративной конструкции, не называет модуль, что было установлено в параграфе 1.2 настоящей работы, то встаёт вопрос о месте, предназначенном для обозначения модуля в составе таких конструкций немецкого языка, и о заполнении данной позиции. Ранее было указано на то, что общий номинативный элемент обозначений темы и эталона, «узловой» компонент, играет в немаркированных компаративных конструкциях рассматриваемого типа объединяющую роль. Именно благодаря реализации центробежных и центростремительных потенциалов общего номинативного элемента осуществляется связь между обозначениями темы и эталона. «Узловой» компонент открывает или замещает позицию либо в именном словосочетании, либо в предложении. Являясь элементом единицы, называющей тему, общий номинативный элемент находится в позиции определяемого, уточняемого элемента, который уточняется, определяется единицей, называющей эталон. Было выявлено три случая: 1) «узловой» компонент появляется в позиции второй НС определительного сложного существительного; 2) «узловой» компонент является опорным словом словосочетания; 3) «узловой» компонент является словом, уточняемым придаточной частью определительного придаточного предложения.

Прежде чем перейти к рассмотрению первого из перечисленных случаев, следует уточнить тип определительных сложных существительных, входящих в качестве составляющих в немаркированные компаративные конструкции немецкого языка. Необходимость такого уточнения вызвана тем, что в своем диссертационном исследовании А.В. Азатьян [Азатьян] рассматривает и композиты типа *Staubregen*, *Käsegesicht*, и сложные слова типа *Bismarksbart*, *Puppen-*

gesicht в одном ряду, определяя существительные обеих групп как компаративные. Соотнесение НС рассматриваемых сложных слов с элементами механизма сравнения, которые они вербализуют, позволяет обнаружить неоднородность рассматриваемых сложных существительных. Первая группа представляет модель «обозначение эталона + обозначение темы» (*Käsegesicht*), соответственно, в позиции первой НС появляется указание на эталон.

Относительно немецких существительных типа *Puppengesicht* предпринимаются попытки такой же интерпретации, как и в первом случае: ‘das Gesicht wie es eine Puppe hat’. Подобное толкование мы находим, к примеру, в диссертационном исследовании В.Е. Прищепы [Прищепа]. Однако проведённый нами анализ толкований сложных существительных данной группы, зафиксированных в интересующем нас значении в словарях, выявил очень интересную закономерность. При интерпретации значения данных слов группа с *wie* не используется, в описании называется предмет, и определяются его качественные характеристики: ‘hübsches, aber ausdrucksloses Gesicht einer weiblichen Person’ [16]. Отмеченная особенность свидетельствует о том, что новый ЛСВ слова фиксируется в словаре в том случае, когда регулярность и частотность его употребления в речи позволяет участникам коммуникации соотносить его с представлением о предмете, который обладает вполне определёнными качественными характеристиками.

В случае если речь идёт о констатации нового ЛСВ в словаре, можно согласиться с точкой зрения В.Е. Прищепы, в которой отмечается двуплановость семантики немецких существительных рассматриваемой группы. Однако замечание В.Е. Прищепы требует уточнения. Во-первых, данное утверждение верно лишь в условиях регулярного употребления сложных слов рассматриваемого типа в контексте сравнения. Во-вторых, В.Е. Прищепа при объяснении второго ЛСВ сложных слов рассматриваемого типа обращается к группе с *wie*. Так, слово *Froschauge* интерпретируется в диссертационном исследовании В.Е. Прищепы двояким образом: ‘das Auge des Frosches’ и ‘das Auge wie es ein Frosch hat’ [Прищепа].

Разница между интерпретацией, предлагаемой В.Е. Прищепой, и толкованиями в словаре под редакцией Р. Клаппенбах и В. Штей-

ница, на наш взгляд, заключается в следующем: интерпретация В.Е. Прищепы предполагает, что новый ЛСВ слова представляет собой информацию об отношении сравнения между двумя объектами. Толкования, используемые в словаре под редакцией Р. Клаппенбах, фиксируют рассматриваемый ЛСВ как название предмета вместе с приписываемым ему признаком. В.Е. Прищепка, используя интерпретацию с показателем сравнительных отношений *wie*, пытается доказать, что в основании рассматриваемых сложных существительных лежит логический конструкт сравнения.

Справедливости ради следует упомянуть, что показатель сравнительных отношений *wie* используется в словаре Р. Клаппенбах и В. Штейница при интерпретации в том случае, если объясняется значение компаративного высказывания, в состав которого входит слово в интересующем нас ЛСВ. К примеру, высказывание «*Sie hat einen Katzenblick*» в словаре под общей редакцией Р. Клаппенбах и В. Штейница интерпретируется следующим образом ‘blickt falsch wie eine Katze’. То есть сравнительный смысл действительно передаётся компаративными высказываниями с композитами рассматриваемого типа, но сравнительный смысл связывается не с отдельным сложным словом, а с высказыванием в целом: со структурой компаративного высказывания и лексическим наполнением данной структуры.

Нам представляется, что характер толкований интересующих нас ЛСВ сложных слов в словаре Р. Клаппенбах и В. Штейница противоречит предположению В.Е. Прищепы о том, что рассматриваемые сложные существительные выражают отношение сравнения. Речь идёт о типе семантических отношений между НС, который определяется В. Фляйшером как отношение «принадлежности», т. е. «А принадлежит В» [Степанова, 1984, с. 121]. Данное отношение характеризует связь между НС рассматриваемых сложных слов и в высказываниях, не связанных с передачей сравнительного смысла: *Er krempelt die Ärmel hoch, Rosekatrin kann sich an den haarigen Männerarmen nicht satt sehen* [81, S. 131]. Такое же отношение обнаруживается между НС рассматриваемых сложных слов в компаративных высказываниях: *Carolas Katzenaugen nähern sich* [28, S. 37]. *In dem Sessel aber saß ein Frauchen, so ein kleines Frauchen, nur noch eine Handvoll Mensch, mit Kinderhändchen* [41, S. 555].

Разница между примерами первой и второй группы обнаруживается в результате анализа среды функционирования рассматриваемых сложных существительных. Во втором случае в составе высказываний обнаруживаются обозначения элементов механизма сравнения: темы и эталона. Указание на эталон занимает позицию первой НС рассматриваемых сложных слов. Для второго компонента сложного слова актуальна смысловая связь как с первой НС, так и с компонентом высказывания, называющим тему: в одном из примеров — это существительное в родительном падеже *Carolus Katzenaugen*, в другом — существительное *Frauchen*, занимающее в предложении позицию подлежащего. Общий номинативный компонент обозначений темы и эталона — вторая НС сложного существительного — играет в компаративной единице объединяющую роль. Благодаря реализации центробежных и центростремительных потенциалов общего номинативного элемента осуществляется связь между указанием на тему и указанием на эталон.

Опираясь на анализ языкового материала, мы выявили несколько вариантов осуществления связи между указанием на тему и указанием на эталон, которое даётся первой НС сложного существительного.

Модель 1. Сложное существительное с «узловым» компонентом (вторая НС) сопровождается притяжательным местоимением, указывающим на тему: *Der Soldat starrt auf den Weg geradeaus; seine Bauernhände liegen fest auf dem Lenkrad* [79, S. 35]. Общее указание на тему даётся в предшествующем контексте существительным *Soldat*. На принадлежность теме признака, обозначенного второй НС сложного существительного, указывает притяжательное местоимение *seine*. Факт одновременного выделения общего элемента, на который указывает вторая НС сложного существительного *-hände*, в представлениях о двух разных объектах, теме и эталоне (эталон обозначен первой НС сложного существительного), позволяет адресату определить данную содержательную структуру как КС сравнения.

Модель 2. Сложное существительное с «узловым» компонентом (вторая НС) сопровождается относительным местоимением, которое указывает на тему (общее представление о теме даётся в предшествующем контексте): *Unwillkürlich schaut Großdorf Willi*

Biederbeck an, dessen schmales Diplomaten Gesicht alle Gedanken und Gefühle verriegelt [79, S. 263]. Относительное местоимение *dessen*, сохраняя тесные связи с определяемым *Willi Biederbeck* в главном предложении, устанавливает связь между ним и сложным существительным *Diplomatengesicht* с общим номинативным элементом темы и эталона *-gesicht* в его составе. Формируется смысловая структура одновременного обладания одним и тем же признаком разными лицами, которая определяется адресатом как КС сравнения.

Модель 3. Словом, сопровождающим сложное существительное с «узловым» компонентом (вторая НС), является определённый артикль или указательное местоимение. Общее указание на тему уже дано в предшествующем контексте: *Nun stehen sie beide dicht nebeneinander zwischen den zusammengepressten Leuten. Die Katzenaugen mustern ihn vergnügt* [28, S. 71]. Употребление сложного существительного *Katzenaugen* с определённым артиклем свидетельствует о том, что называемый объект упоминался в предыдущем изложении. Действительно, языковая проекция данного представления встречалась в тексте ранее. Определялся и тот факт, что признак, представление о котором даёт вторая НС, является характеристикой конкретного действующего лица. Рассматриваемое сложное существительное с «узловым» компонентом в позиции второй НС употреблялось в сочетании с именем собственным (*Wenn er doch, Herrgott, mehr Mut hätte, er würde nie mehr fliehen, von Troikas Schulbank und nicht vor Carolas Katzenaugen* [28, S. 68]) и с притяжательным местоимением: *Und Axel sieht sich wieder in Pulles Wohnung, wie Carola vor ihm stand, ihn ansah mit ihren Katzenaugen* [28, S. 226]. Адресат уже знает о том, что у Каролы кошачьи глаза, поэтому употребление сложного слова *Katzenaugen* в последующем изложении с определённым артиклем не оставляет сомнения в том, что речь идёт о глазах Каролы. Поэтому, по нашему мнению, сложные слова рассматриваемого типа, сопровождаемые определённым артиклем, можно отнести к одному из способов языкового отражения КС сравнения.

Указательное местоимение в атрибутивном употреблении выполняет ту же роль, что и определённый артикль в рассмотренном выше примере: *Also wirkt auch bei ihm diese Lautsprecherstimme* [28, S. 227]. Ранее по ходу развития сюжета романа юноши обсуж-

дают нового учителя, и Хупо замечает: „*Der hat 'ne Stimme wie 'n Lautsprecher. Ehrenwort!*“ [28, S. 62] При повторном употреблении автором сложного существительного с указательным местоимением у адресата не возникает сомнения в том, чей голос имеется в виду, полученные ранее сведения помогают ему определить элементы механизма сравнения.

Модель 4. На тему указывает существительное в родительном принадлежности в группе сложного существительного, которое образовано по семантической модели «А принадлежит В». На общее представление о теме в данном случае может указывать и нарицательное существительное: *Dem Hahnengekräh des Mannes folgt unterdrücktes Gemurmel* [79, S. 443], и имя собственное: *Dicht über dem Gesicht der Jutta ist das Adlergesicht Etzels* [79, S. 97]. Актуальность притяжательного значения, выражаемого родительным принадлежностью, на фоне аналогичного отношения между НС сложного существительного (*Hahnengekräh, Adlergesicht*) позволяет адресату восстановить отношение сравнения между темой, на которую указывает существительное в форме родительного принадлежности, и эталоном, указание на который обнаруживается в позиции первой НС сложного существительного.

Модель 5. На тему указывает существительное, при котором в функции несогласованного определения с предлогом *mit* появляется субстантивный композит рассматриваемой группы: *Das bleiche Fräulein aber mit dem dunklen Madonnenscheitel aß kein Roastbeef* [41, S. 384]. В словаре под редакцией Р. Клаппенбах и В. Штейница значение предлога *mit* в словосочетаниях типа *das Mädchen mit blondem Haar* определяется как значение принадлежности (‘bezeichnet das Zubehör’). Анализируемые примеры с предлогом *mit*, который фиксирует связь сложного существительного с указанием на тему, относятся именно к этому типу словосочетаний. Следовательно, и в этом случае констатируется принадлежность одного признака двум разным объектам, что позволяет определить отношение между ними как отношение сравнения.

Модель 6. Указание на тему замещает позицию подлежащего, которая открывается финитным глаголом семантической группы «обладание». Позицию прямого дополнения замещает сложное

существительное с «узловым» компонентом в позиции второй НС: *Und die Puppen, die hatten so hübsche Kindergesichter* [79, S. 325]. На принадлежность признака, названного второй НС сложного существительного, лицу или предмету, представление о котором даётся в позиции подлежащего, указывает финитный глагол. Принадлежность признака, названного второй НС сложного существительного, одновременно и лицу, на которое указывает первая НС, позволяет рассматривать отношение, устанавливаемое между данными лицами, как отношение сравнения.

Модель 7. Указание на тему замещает позицию подлежащего, открываемую финитным глаголом семантической группы «действие», позицию прямого дополнения занимает сложное существительное рассматриваемого типа: *Pulle schnalzt und stößt einen Cowboyschrei* [28, S. 215]. Отношение сравнения в данном случае устанавливается в связи с тем, что в пресуппозицию компаративного высказывания входит отношение принадлежности признака, представление о котором даётся «узловым» компонентом *-schrei*, лицу, названному в позиции подлежащего существительным *Pulle*. Только в случае истинности данного отношения высказывание не воспринимается как семантически аномальное.

Модель 8. Указание на тему замещает позицию подлежащего, которая открывается финитным глаголом семантической группы «действие». Позиция обстоятельства образа действия (предикативного определения) замещается сложным существительным с «узловым» компонентом в позиции второй НС: *Die Sekretärin Huhl war zurückgekommen; sie starrte ihn mit leeren Fischaugen an* [79, S. 339]. Как и в рассмотренном выше случае, отношение принадлежности признака, на который указывает «узловой» компонент *-augen*, лицу, которое называется существительным или замещающим его местоимением в позиции подлежащего, является пресуппозицией высказывания.

Модель 9. На тему указывает местоимение в позиции подлежащего, сложное существительное с «узловым» компонентом в позиции второй НС занимает позицию предикатива: „Fester!“, *ruft der Vater. „Du denkst wohl, der Gaul ist ein Mädchen?“ Es ist der alte Unteroffizierston* [41, S. 71]. Контекст компаративного высказывания одно-

значно свидетельствует о том, что речь идёт о тоне, в котором отец обратился к Отто. Адресату также известно, что отец Отто в настоящее время унтер-офицером не является, поэтому высказывание рассматривается как сообщение о совпадении манеры речи отца Отто с командным тоном унтер-офицера.

Обобщение способов синтаксической связи указаний на тему и эталон в том случае, когда последний представлен первой НС определительного сложного существительного с «узловым» компонентом (вторая НС), позволяет проследить роль «узлового» компонента: он является единственным или одним из элементов, опосредствующих связь указаний на тему и эталон. Наблюдение строчной схемы зависимостей позволяет проследить, что вхождение эталона в немаркированную компаративную конструкцию обусловлено его связью с «узловым» компонентом.

Ранее было установлено, что смысловая связь между «узловым» компонентом, второй НС сложного существительного и субстантивной основой в позиции первой НС, которая указывает на эталон, определяется как отношение «принадлежности». В результате проведённого нами анализа примеров отношение «принадлежности» было обнаружено и между сложным существительным с «узловым» компонентом (вторая НС) и указанием на тему. Так как первая НС подчинена второй, которая является «основным словом», дающим общее название представлению или понятию, можно говорить об установлении отношения принадлежности между указанием на тему и второй НС определительного субстантивного компарата. Иными словами, на уровне грамматических значений устанавливается общность некоторой характеристики для двух объектов. Указанный факт служит основанием для определения отношения, устанавливаемого между данными объектами, как отношения сравнения.

Модуль в высказываниях, в составе которых присутствуют сложные существительные с «узловым» компонентом в позиции второй НС, не называется, а восстанавливается адресатом самостоятельно. В процессе восстановления признака-модуля адресат опирается на имеющиеся в высказывании языковые опоры, уточнения области поиска признака-модуля. К таковым можно отнести семантическое наполнение общего номинативного элемента обозначений темы

и эталона, позицию, занимаемую указанием на эталон, семантическое наполнение первой НС.

В первую очередь следует обратить внимание на позицию, занимаемую указанием на эталон. Ранее уже говорилось о том, что речь идёт об определительных композитах. Первая НС подчинена второй НС. «Предмет, обозначенный “основным словом” (= второй НС), детерминируется, “определяется” “определителем” (= первой НС); общее название превращается в специальное» [Степанова, 1984, с. 115]. Следуя приведённому определению, данному В. Фляйшером, обозначение признака-модуля следует искать в позиции первой НС, так как именно обозначение, занимающее данную позицию, выполняет функцию «определителя» представления, названного «основным словом». Другими словами, позиция первой НС определительного субстантивного компарата предназначена для обозначения признака, превращающего общее название в специальное.

Однако в определительных сложных существительных с «узловым» компонентом в позиции второй НС первая НС не указывает на признак. В позиции первой НС появляется субстантивная основа, которая называет эталон. Признак, превращающий общее название понятия или представления, обозначенного второй НС, в специальное, адресату необходимо реконструировать самостоятельно. Указание на такой признак обнаруживается в толкованиях интересующих нас ЛСВ слов, зафиксированных в толковых словарях, например, в упомянутом выше словаре под общей редакцией Р. Клаппенбах и В. Штейница. К примеру, существительное *Krebsgang* в компаративном высказывании *Meine Geschäfte gehen den Krebsgang* интерпретируется как ‘der rückwärts gerichteter Gang’. Сравнивая структурный состав существительного и объяснение его значения, обнаруживаем сохранение в предлагаемой интерпретации «узлового» компонента *Gang*, который является языковой проекцией наиболее общего представления о признаке. Признак *rückwärts gerichtet* восстанавливается в результате анализа среды функционирования сложного слова *Krebsgang*.

Изображение синтагматических отношений компонентов в рассматриваемых конструкциях в схемах так называемых «непосредственно составляющих» позволяет представить структуру компарата с «узловым» компонентом в позиции второй НС и синтакси-

ческую структуру словосочетания или предложения в виде иерархии вложенных друг в друга элементов. Анализ схем непосредственно составляющих в рассматриваемых конструкциях показал, что отношение между указанием на эталон и «узловым» словом, с одной стороны, и отношение между указанием на тему и «узловым» словом, с другой стороны, выражаются синтагматическими объединениями разных рангов: последнее отношение представляет собой более широкое синтагматическое объединение.

В компаративных высказываниях с «узловым» словом, компонентом словосочетания, связь между обозначениями сравниваемых объектов может быть установлена как в рамках одного словосочетания, так и в рамках предложения. В рамках словосочетания связь обозначений темы и эталона устанавливается по следующим моделям:

Модель 1. Определяемое (стержневое) слово словосочетания (указание на тему) ← зависимый компонент в форме существительного в родительном принадлежности («узловое» существительное) ← притяжательное местоимение (указание на эталон): „*Wissen Sie, ob der Oberarzt dort vielleicht Berger heißt, ein Mann meines Alters?*“ [70, S. 135].

Модель 2. Определяемое (стержневое) слово словосочетания (указание на тему) ← несогласованное определение, выраженное существительным в дательном падеже («узловой» компонент) с предлогом *mit* ← определение, выраженное существительным в родительном принадлежности (указание на эталон): *Einer, ein dicker runder Bursche mit dem Gesicht eines Metzgerhundes, las es vor* [58, S. 112].

Модель 3. Определяемое (стержневое) слово словосочетания (указание на тему) ← несогласованное определение, выраженное существительным в дательном падеже («узловой» компонент) с предлогом *mit* ← несогласованное определение, выраженное существительным в дательном падеже (указание на эталон) с предлогом *von*: *Schon die bloße Erinnerung an die Krankenhausatmosphäre bedrückt ihn. Die hellen, stillen Korridore, die lautlos über dicke Teppiche eilenden Ärzte mit den selbstvergessenen Gesichtern von Magiern* [45, S. 251].

Модель 4. Определяемое (стержневое) слово словосочетания (указание на тему) ← несогласованное определение, выраженное существительным в дательном падеже с предлогом *in* («узловой» компонент) ← определение, выраженное существительным в роди-

тельном принадлежности (указание на эталон): *Das waren Weidenkörbe in der Form großer Fliegengläser* [56, S. 441].

Модель 5. «Узловое» существительное употребляется с определённым артиклем (общее представление о теме упоминалось в предшествующем контексте) ← определение, выраженное существительным в родительном принадлежности (указание на эталон): *An ihm war alles Leichtigkeit, Eleganz – der Spieltrieb eines Raubtiers* [73, S. 76].

Обобщение способов синтаксической связи обозначений темы и эталона в рамках словосочетания ясно показывает основное назначение «узлового» слова, общего номинативного элемента обозначений темы и эталона, в немаркированных компаративных конструкциях рассматриваемого типа: «узловое» слово является единственным элементом, опосредствующим связь обозначений темы и эталона. Строчная схема зависимостей демонстрирует модификационные связи, позволяет проследить, что вхождение обозначения эталона в немаркированную компаративную конструкцию, как и в случаях с определительными субстантивными композитами с общим номинативным элементом обозначений темы и эталона в позиции второй НС, обусловлено связью указания на эталон с «узловым» словом.

Принимая во внимание семантику слов, которые входят в словосочетание с опорным словом — языковой проекцией наиболее общего представления о теме, можно определить характер связи между «узловым» существительным и указанием на тему, с одной стороны, и между «узловым» существительным и указанием на эталон, с другой стороны. Используемый в анализируемых словосочетаниях родительный падеж является родительным принадлежности. Дательный с предлогом *von* конкурирует с родительным принадлежности и имеет то же значение. Притяжательное местоимение при существительном — общем номинативном элементе обозначений темы и эталона выражает значение принадлежности. В словаре под редакцией О.И. Москальской отмечается, что предлог *in*, управляющий существительным в дательном падеже в словосочетаниях типа *ein Hut in Braun*, указывает на цвет, материал, форму, величину, свойства, присущие доминирующему слову [3, т. 1, с. 660]. Пятая модель отличается от всех остальных тем, что в качестве опорного слова в модели словосочетания появляется «узловое» слово. «Узловое»

слово сопровождается определённым артиклем, который указывает на факт повторного употребления данного слова. В предшествующем контексте сообщается, что названная «узловым» словом характеристика связана с указанием на тему отношением принадлежности.

Таким образом, все синтаксические средства в рассматриваемых именных словосочетаниях, которые эксплицируют отношение как между указанием на тему и «узловым» словом, так и между указанием на эталон и «узловым» словом, служат выражению одного значения — отношения принадлежности.

При организации синтаксической связи обозначений темы и эталона в рамках предложения в роли элемента, опосредствующего связь, наряду с «узловым» словом — общим номинативным элементом обозначений темы и эталона — выступает сказуемое. Вариативность языкового отражения КС сравнения в немаркированных компаративных конструкциях рассматриваемого вида обуславливается валентностными свойствами глагола в позиции сказуемого.

Высказывания, одним из аспектов которых является КС сравнения, могут быть организованы глаголами обладания (**Модель 1**). В группу глаголов обладания Л.К. Латышев [Латышев] в своём диссертационном исследовании относит глаголы следующих групп:

- 1) geben;
- 2) bekommen, erben, antreten (= erreichen);
- 3) haben, an sich haben, tragen (=haben), zeigen (=haben);
- 4) übernehmen, annehmen;
- 5) behalten, aufrechterhalten, bewahren.

Первая группа, выделенная Л.К. Латышевым, иллюстрируется в нашем случае примером: *Die vorgeschobenen Lippen geben dem Mund das Aussehen eines Entenschnabels, der in schnatternder Bewegung ist* [79, S. 48]. Указание на тему даётся в позиции подлежащего, общий номинативный элемент обозначений темы и эталона существительное *Aussehen* в позиции прямого дополнения называет признак, которым, соответственно отмеченному выше значению финитного глагола *geben*, характеризуется тема. Другими словами, между указанием на тему и признаком, который назван «узловым» компонентом, отмечаются отношения принадлежности. В связи с тем, что указание на эталон входит в группу «узлового» слова в форме роди-

тельного принадлежности, отношение принадлежности характеризует и связь между указанием на эталон и признаком, обозначенным «узловым» словом. Констатируемая общность признака для темы и эталона позволяет рассматривать устанавливаемое отношение как отношение сравнения.

По модели «подлежащее (указание на тему) → глагол “обладания” ← прямое дополнение («узловое» существительное) ← определение, выраженное существительным в родительном принадлежности (указание на эталон)» строятся компаративные высказывания с глаголами второй группы: *Er hatte das empfindsame, lebensfrohe Gemüt seiner Mutter geerbt und den hochmütigen Verstand seines Vaters* [58, S. 29]. По нашим наблюдениям, по этой же модели строятся компаративные высказывания с глаголами третьей группы. Необходимо отметить, что чаще встречаются компаративные высказывания, организованные глаголом *haben*: *Er [der zweite Herr] hat die rosigen Wangen eines Kindes* [58, S. 41]. Реализация КС сравнения наблюдается и в высказываниях, организованных другими глаголами, отнесёнными Л.К. Латышевым к данной группе: *Er [Forster] bemerkte, dass heute das Schweinchen die Züge Dantons trug* [69, S. 25]. Выявленная выше модель наблюдается и в компаративных высказываниях с глаголами четвёртой группы: *Ohne es zu wollen, nimmt er den Ausdruck der Büste an* [42, S. 771]. Глаголы пятой группы также могут служить организующим центром высказываний, одним из аспектов которых является КС сравнения: *Für Außenstehende schien sie den unschuldigen Tierblick behalten zu haben, den Blick einer schönen Hündin* [80, S. 311].

Возможны варианты обсуждаемой модели (**Модель 2**). Указание на эталон может быть дано не только существительным в родительном принадлежности, но и существительным в дательном падеже с предлогом *von*: *Es [das Mädchen] hat der Mutter Augen und Haar; überhaupt vieles von ihr* [69, S. 105]. Наблюдается также усложнение цепочки зависимостей за счёт введения в компаративное высказывание дополнительного уточнения области поиска признака-модуля (**Модель 3**). К примеру, компаративное высказывание может быть построено по модели «подлежащее (указание на тему) → глагол “обладания” ← прямое дополнение (дополнительное указание на область поиска признака-модуля) ← несогласованное определе-

ние, выраженное существительным в дательном падеже с предлогом *mit* (“узловое” существительное) ← определение, выраженное существительным в родительном принадлежности (указание на эталон): *Ich bin Bergmann, und wer ist mehr? Ich hab mich geschunden, gequält. Ich hab noch zwei Hände. Wenn auch nur mit der Haut eines Mädchens* [68, S. 228].

Позиция на подлежащее, открываемая финитными глаголами обладания *eignen, gehören, anstehen*, замещается «узловым» существительным (**Модель 4**). В этом случае указание на эталон в форме существительного в родительном принадлежности входит в качестве определяющего компонента в группу «узлового» слова. Указание на тему замещает позицию дополнения. Дополнение выражается существительным в дательном падеже: *Freilich eigne Monsieur de Beaumarchais außer dem demokratischen Feuer des Brutus auch der helle, tödliche Witz des Aristophanes* [42, S. 368]. Если финитный глагол управляет определённым предлогом, то дополнение имеет форму предложного дополнения: *Es ist nicht so einfach, sich unter rasenden Zug zu werfen, dazu gehört die Gewandtheit eines Seiltänzers* [58, S. 180].

КС сравнения выявляется также в высказываниях, организуемых глаголами состояния (*lächeln, schlafen*) (**Модель 5**). Компаративные высказывания строятся в данном случае по модели, сходной с рассмотренной выше, которая выглядит следующим образом: «подлежащее (указание на тему) → финитный глагол семантической группы “состояние” ← прямое дополнение (“узловое” существительное) ← определение, выраженное существительным в родительном принадлежности (указание на эталон)». Иллюстрацией реализации последней модели служит компаративное высказывание: *Er lächelt. Nicht ironisch, nicht traurig, eher das Lächeln eines Weisen* [48, S. 175]. Общий номинативный компонент обозначений темы и эталона, «узловое» существительное, обнаруживается в приведённых компаративных высказываниях в позиции прямого дополнения.

В рамках компаративного высказывания большая группа глаголов семантической группы «действие» допускает замещение позиции обстоятельства общим номинативным элементом обозначений темы и эталона, а позиции подлежащего — указанием на тему (**Модель 6**). Компаративные высказывания, организуемые данными

глаголами, строятся по модели «подлежащее (указание на тему) → глагол, обозначающий действие ← обстоятельство образа действия или предикативное определение (“узловое” слово) ← определение, выраженное существительным в родительном принадлежности (указание на эталон)». Рассматриваемые глаголы не относятся в группу глаголов обладания. Однако предлоги, после которых следует «узловое» слово, общий номинативный элемент обозначений темы и эталона, указывают на принадлежность качества, называемого в позиции обстоятельства, предмету или лицу, указанному в позиции подлежащего.

Глаголы *kommen, arbeiten, verbringen, sagen, sprechen, zuhören, töten, blicken, gehen, graben, behandeln* употребляются в компаративных высказываниях с предлогом *mit*: *Mit dem Spürsinn des gewitzten Geschäftsmannes und des an Intrigen gewöhnten politischen Agenten hatte er von Anfang an gewittert, dass sachgemäßes Schüren des Freiheitskampfes nicht nur ideellen, sondern auch materiellen Nutzen bringen werde* [42, S. 13]. В толковых словарях отмечается, что предлог *mit* при глаголе может указывать на состояние, которым сопровождается действие, или на орудие, посредством которого совершается действие. Так как в компаративных высказываниях после предлога *mit* следует обозначение качества или части тела, предлог оформляет указание на качество, проявляемое предметом во время действия, или на часть тела, непосредственно вовлечённую в действие, что предполагает отношение принадлежности.

В рамках компаративного высказывания глаголы семантической группы говорения (*fragen, sagen, sprechen*) употребляются с предлогом *in*: *Sie hörte, dass er anders sprach als sonst, kühl und klirrend, in der Sprache der jungen Adler* [76, S. 21]. По нашим наблюдениям, после предлога *in* следуют только существительные семантической группы «звуки»: *Sprache, Ton*.

С предлогом *nach* в компаративных высказываниях употребляются «узловые» существительные семантической группы «образ действия» (*Art, Weise*): *Er hatte den Mantel nach abgekämpfter Krieger Art über die Schulter geworfen, er deckte seinen kleinen kahlen Schädel nach alter Professoren Weise mit einem schwarzen Schlafhut* [59, S. 62].

Модель 6 может быть реализована вариантом «подлежащее (указание на тему) → финитный глагол, обозначающий действие ←

обстоятельство образа действия или предикативное определение (“узловое” слово) ← относительное местоимение, присоединяющее придаточное определительное, в позиции подлежащего придаточной части → сказуемое с семантикой обладания ← косвенное дополнение, выраженное существительным в дательном падеже (указание на эталон)» (Модели 7, 8): *Er stand da in der Haltung, die oft Krummbeinigen eigen ist, ein wenig geknickt, ein wenig fragezeichenartig, Kopf, Bauch und Knie nach vorn geschoben* [65, S. 328].

Отмечаются случаи, в которых в рамках компаративного высказывания «узловое» существительное, общий номинативный элемент обозначений темы и эталона, является именной частью составного именного сказуемого или членом расширенного сказуемого. Данный случай представлен тремя моделями.

Модель 9. На тему указывает притяжательное местоимение в группе «узлового» существительного в функции подлежащего. Сказуемое образуется копулой и повторным наименованием «узлового» существительного. Указание на эталон даётся в позиции определения, выраженное существительным в родительном принадлежности, в группе общего номинативного элемента обозначений темы и эталона в функции предикатива. *Die Ähnlichkeit mit dem Großvater hatte sich bei Thomas so stark entwickelt wie bei Christian diejenige mit dem Vater; besonders sein rundes und festes Kinn und die fein geschnittene, gerade Nase waren die des Alten* [65, S. 74].

Модель 10. Подлежащее (местоимение, указывающее на тему) → копула + именная часть сказуемого («узловое» существительное) ← определение, выраженное существительным в родительном принадлежности (указание на эталон): „*Kleiner Villette*“, *dichtete er*, „*ja, jetzt bist du sehr berühmt; es ist der Ruhm eines Zwergs, der einen Riesen vorführt*“ [42, S. 633]. Рассматривая признаки темы, субъект сравнения упоминает в предшествующем контексте признак, повторное наименование которого используется в немаркированной компаративной конструкции в качестве указания на область поиска признака-модуля. В компаративном высказывании функцию указания на ранее названную тему выполняет местоимение *es*. Рассматриваемую модель мы обнаруживаем среди выявленных В.Г. Адмони логико-грамматических типов предложения в совре-

менном немецком языке. В.Г. Адмони определяет семантику данного логико-грамматического типа предложения как «отождествление предмета или понятия, выраженного подлежащим, с предметом или понятием, выраженным в предикативе» [Адмони, 1988, с. 124].

Модель 11. Подлежащее (указание на тему) → копула + обстоятельство («узловое» существительное в форме родительного падежа или предложной группы) – член расширенного сказуемого ← определение, выраженное существительным в родительном принадлежности (указание на эталон): *Ja, diese Tochter ist nun des Vaters Meinung* [41, S. 75]. Анализируя данный пример, мы придерживаемся позиции В.Г. Адмони, который считает существительное в родительном падеже в подобных примерах членом расширенного сказуемого с характеристиками обстоятельства. В.Г. Адмони отмечает, что в подобных случаях обстоятельство выражает качественный признак предмета, названного существительным в позиции подлежащего [Адмони, 1988, с. 124]. Данный признак характеризует и лицо, которое называется существительным в родительном принадлежности. Другими словами, как в рассмотренных выше случаях, отмечается, что у разных объектов наблюдается один и тот же признак. Последнее позволяет рассматривать отношение между данными объектами как отношение сравнения.

Синтаксическая связь обозначений элементов механизма сравнения наблюдается в рамках сложноподчинённого предложения с определительной придаточной частью (**Модель 12**): „*Wenn ich nicht Königin bin, so bin ich doch aus dem Holz, aus dem man Königinnen macht*“ [42, S. 665]. Синтаксические связи между указанием на тему и «узловым» существительным аналогичны отношениям, установленным в модели 11. Модель отличается от вышерассмотренной оформлением отношения между «узловым» существительным и указанием на эталон. «Узловое» существительное в позиции обстоятельства в главном предложении уточняется придаточным определительным. Определительная придаточная часть вводится относительным местоимением. Тесная связь относительного местоимения с определяемым существительным («узловым» словом) находит выражение в совпадении их грамматических характеристик: местоимение согласуется в числе и роде с определяемым существительным,

занимающим позицию обстоятельства в главном предложении. Относительное местоимение, замещая в придаточной части «узловое» слово, занимает одну из позиций, которые открываются финитным глаголом придаточной части. Другую позицию, позицию прямого дополнения, обусловленную валентностью финитного глагола, занимает указание на эталон.

В смысл компаративного высказывания в качестве пресуппозиции входит предположение, что речь идёт о складе характера, человеческой натуре, в противном случае высказывание воспринимается как семантически аномальное. Между представлением о группе лиц (языковая проекция *Königinnen*) и представлением об особенностях человеческого характера, которое в данном случае передаётся языковой проекцией в форме фразеологической единицы, предполагается отношение принадлежности. Иными словами, между обозначениями темы и эталона устанавливается отношение сравнения как следствие указания на общее свойство разных объектов.

В компаративных высказываниях, организуемых глаголами ментального анализа (**Модель 13**), в позиции подлежащего появляется обозначение субъекта сравнения: *Einen Moment glaubte ich meine eigene Blässe in seinem Gesicht zu erkennen* [59, S. 118]. «Узловое» слово занимает позицию прямого дополнения. В компаративном высказывании есть дополнительное указание на область поиска признака-модуля в функции обстоятельства. Одно из указаний на область поиска признака-модуля сопровождается притяжательным местоимением, которое указывает на тему или эталон, либо в группе указания на область поиска признака-модуля входит указание на один из элементов механизма сравнения в функции определения, которое выражено существительным в родительном принадлежности. Другое указание на область поиска признака-модуля включает в свою группу аналогичные языковые средства, помогающие адресату определить все элементы, необходимые для сравнения.

В рамках компаративного высказывания с немаркированной компаративной конструкцией возможно обозначение субъекта сравнения в позиции прямого дополнения (**Модель 14**): *Mutters Gesicht sah plötzlich aus Erichs Gesicht sie an, das hängende Gesicht der Mutter, aber nicht weinerlich, sondern böse* [41, S. 733]. Компаратив-

ное высказывание организуется глаголом, который можно отнести в семантическую группу «воздействие на ощущения». Позиция на подлежащее, которая открывается финитным глаголом, замещается «узловым» словом, общим номинативным элементом обозначений темы и эталона. То же самое «узловое» слово обнаруживается и в позиции обстоятельства. Таким образом, с одной стороны, в группу «узлового» слова входит указание на эталон в функции определения, которое выражается существительным в родительном принадлежности, с другой стороны, «узловое» слово определяется с помощью указания на тему в функции определения, которое выражается существительным в родительном принадлежности.

Обзор возможных схем синтагматических отношений между обозначениями темы и эталона в рамках предложения демонстрирует более сложные связи между обозначениями элементов механизма сравнения в рамках предложения, чем в рассмотренных ранее случаях. Наблюдается разветвлённая многоуровневая иерархия непосредственно составляющих. Однако выявленная нами ранее тенденция оформления отношения между «узловым» словом и указанием на тему синтагматическим объединением более широкого ранга по сравнению с оформлением отношения между «узловым» словом и указанием на эталон сохраняется.

Обобщение способов синтаксической связи обозначений темы и эталона акцентирует внимание на факте, что в качестве элементов, опосредствующих связь указаний на тему и эталон в рамках предложения, используются как «узловые» слова, так и финитные глаголы. Указание на тему, указание на эталон и «узловое» слово занимают позиции, которые открываются финитным глаголом. Последнее позволяет нам прийти к выводу, что вариативность вербализации КС сравнения в конкретных компаративных высказываниях обусловливается валентными свойствами немецких финитных глаголов. Однако основной опорой, которая позволяет адресату восстановить модуль, и в рассматриваемом случае остаётся представление, обозначенное «узловым» словом.

Обобщая вышесказанное, приходим к следующим выводам:

В структуре немаркированных компаративных конструкций немецкого языка обязательно присутствует общий номинативный эле-

мент обозначений темы и эталона — «узловой» компонент. Являясь частью как обозначения темы, так и обозначения эталона, «узловой» элемент играет в немаркированной компаративной конструкции особую роль: данный номинативный элемент объединяет обозначения темы и эталона в конструкцию со значением сравнения.

Смысловая связь между темой и эталоном устанавливается в результате реализации центростремительных и центробежных потенций «узлового» компонента. Связь, устанавливаемая между указанием на тему и «узловым» компонентом, указанием на эталон и «узловым» компонентом, представляет собой отношение принадлежности. Именно указание на принадлежность признака одновременно теме и эталону, т. е. на общность признака для темы и эталона, образует основание для передачи конструкцией в целом значения сходства по признаку.

Общий номинативный элемент обозначений темы и эталона не может быть обозначением признака-модуля, так как он занимает в компаративном высказывании позицию уточняемого, определяемого компонента. Искомым признаком-модулем является уточнение, спецификация «узлового» компонента немаркированной компаративной конструкции.

Позицию, предназначенную для элемента, уточняющего, специфицирующего значение «узлового» компонента, занимает указание на эталон. Таким образом, в компаративных высказываниях с немаркированной компаративной конструкцией прослеживается тенденция появления в позиции, предназначенной для обозначения модуля, указания на эталон.

Выясненные обстоятельства образуют основание для заключения об элементном составе семантической структуры компаративных конструкций с общим номинативным компонентом обозначений темы и эталона — существительным.

О наличии в семантической структуре рассматриваемых компаративных конструкций смыслового элемента «квалитативность» свидетельствует семантика «узлового» слова (подробнее в пункте 3.1.2) как «вехи», которая определяет для адресата область поиска признака-модуля. Опора при определении качественной характеристики объекта на представление о другом объекте свидетельствует

о том, что в семантической структуре компаративных конструкций присутствует смысловой элемент «релятивность». Наличие смыслового элемента «наложение признаков» в семантической структуре рассматриваемых компаративных единиц соотносится со способом объединения обозначений темы и эталона в компаративную конструкцию, а именно через общий для них номинативный элемент — «узловое» слово, которое является частью обозначения и темы, и эталона. Общий номинативный компонент обозначений темы и эталона — «узловое» слово — может указывать как на представление о неградулируемом (*das Mädchen hat der Mutter Augen und Haar*), так и на представление о градулируемом признаке (*der Mann mit einer Mähne, die einem Löwen alle Ehre gemacht hätte*). Соответственно, в первом случае в семантической структуре конструкции присутствует совокупность элементов «квалитативность + релятивность + наложение признаков + равенство признаков», а во втором — указанный ряд расширяется за счёт смыслового элемента «экспрессивное выделение признака».

2.4.4. Условия передачи сравнительного отношения немаркированными компаративными конструкциями с дериватами на *-ig, -isch, -haft, -lich*

В немецком языке с рассмотренными выше типами немаркированных компаративных конструкций коррелируют компаративные высказывания, в состав которых входят прилагательные на *-ig, -isch, -haft, -lich*, на что мы указывали ранее в параграфе 1.2. Корреляция словосочетаний с дериватами на *-ig, -isch, -haft, -lich* и рассмотренных ранее компаративных единиц свидетельствует о том, что словосочетания с данными дериватами используются для выражения сравнительного отношения. Констатируя указанную возможность, нельзя обойти вопрос о вероятной связи выражаемого отношения сравнения со значениями перечисленных суффиксов, поэтому представляется необходимым более обстоятельно остановиться на значениях последних.

В толковом словаре Дудена у суффикса *-haft* отмечается значение ‘wie ein... in der Art eines, einer / in Bezug auf bestimmte als charakteristisch angesehene Merkmale’ [18, S. 318]. В словаре Лангеншейдта

у суффикса *-haft* выявляются три значения: «1) drückt aus, dass etw. so ist wie das im ersten Wortteil genannte Substantiv; 2) nach Art des im ersten Wortteil genannten Substantivs; 3) mit einer Neigung zu etw.» [Duden ... , S. 434]. Как можно проследить по дефинициям, выделяемые значения соотносятся с определёнными структурно-морфологическими моделями прилагательных. В грамматике Дудена значения данного суффикса обсуждаются в разделе о синтаксической транспозиции существительных, глаголов (и наречий) в прилагательные [Duden ..., S. 494–496]. Внимание к адъективации как переходу слова в класс прилагательных является причиной того, что в грамматике Дудена исходным пунктом при рассмотрении дериватов является классовая принадлежность транспонируемого слова. В грамматике Дудена отмечается, что дериваты на *-haft* в 96 % образованы от существительных, обращается внимание на то, что 80 % прилагательных на *-haft*, образованных от существительных, передают отношения сравнения и отождествления. Вместе с тем 16 % отсубстантивных дериватов на *-haft* распределяется между прилагательными, которые определяются как указание на результат, и орнативными прилагательными. Отглагольными, по наблюдениям авторов грамматики Дудена, являются лишь 4 % прилагательных на *-haft*. Дериваты на *-haft*, имеющие отглагольную производящую основу, обладают активно-модальным значением [Duden ... , S. 494].

Вышеизложенное позволяет констатировать факт, что если глагольные дериваты на *-haft* с активно-модальным значением выделены из общей совокупности рассматриваемых дериватов, то относительно отсубстантивных прилагательных на *-haft* обнаруживается, что одна и та же структурно-морфологическая модель используется для передачи разных значений: ‘сравнение’, ‘отождествление’, ‘указание на результат’, ‘орнативность’. Следовательно, при выявлении сравнительного характера деривата на *-haft* адресат не может опираться на определённое значение суффикса в силу многозначности последнего и не получает исчерпывающей информации о значении прилагательного в процессе анализа его структурно-морфологической модели.

По сведениям Г. Пауля [Paul], суффикс *-isch* используется уже в древневерхненемецком (со значением ‘принадлежность’, ‘происхождение’ суффикс *-isk* употребляется в готском и относится к наи-

более продуктивным суффиксам [Гухман; Дубинин, с. 68]). В толковом словаре Дудена отмечается несколько современных значений суффикса *-isch* ('принадлежность', 'происхождение', 'сравнение', 'соответствие') и обращается внимание на то, что прилагательные на *-isch* образуются, как правило, от существительных и сложных слов [18, S. 358]. В грамматике Дудена устанавливаются процентные отношения структурно-морфологических моделей дериватов на *-isch*: 95 % прилагательных на *-isch* имеют субстантивную производящую основу и лишь 5 % прилагательных на *-isch* являются отглагольными. В грамматике Дудена выражение значения принадлежности отмечается как основная функция деривационного элемента *-isch* (*heidnische Sitten*). К аналогичному выводу приходит Е.В. Краснощёков [Краснощёков, с. 24]. В ряду важнейших второстепенных функций называется выражение сравнения (примерно 20 %; *bäurischer Kerl*) и отождествления (*diebische Person*); затем располагаются дериваты, указывающие на тематическую отнесенность (*studentische Fragen* – 'Fragen bezüglich der Studenten' / 'diese Fragen betreffen Studenten'); дериваты, называющие производителя действия (*fachmännisches Urteil*); инструмент, при помощи которого осуществляется действие (*mikroskopische Untersuchung*); пассивного участника (*kaufmännische Ausbildung*) [Duden ... , S. 495]. Даже беглый обзор примеров обнаруживает, что разнообразие выражаемых значений соотносится с дериватами, которые образованы по одной и той же структурно-морфологической модели «субстантивная основа + *isch*». От глагольной основы с помощью суффикса *-(er)isch* образуются прилагательные с активно-модальным значением (*ein mürrischer Alter*; *ein neckisches Lächeln*).

Таким образом, лишь относительно 5 % прилагательных на *-isch* анализ структурно-морфологической модели позволяет сделать однозначный вывод о значении деривата. При определении значения отсубстантивного деривата на *-isch* адресат не может опираться на определённое значение суффикса в силу его многозначности и не получает исчерпывающей информации о значении прилагательного в процессе анализа структурно-морфологической модели деривата.

С суффиксом *-lich* образуются отглагольные, отсубстантивные, отадективные прилагательные. От глаголов с помощью суффикса

-lich образуются прилагательные с пассивно-модальным и активно-модальным значением. М.Д. Степанова уточняет, что в этом случае следует говорить о соединении основы переходного или непереходного глагола с суффиксом *-lich* [Степанова, 1984, с. 175]. К значению модели «глагольная основа + *lich*» настолько близки значения некоторых отсубстантивных дериватов на *-lich*, что в словаре Лангеншейдта обе модели соотносятся с приведённым ранее толкованием. Э.Л. Брагина определяет данное значение как ‘имеющий последствия’ [Брагина]: *Er war schrecklich abgemagert* [72, s. 404]. Кстати, это не единственное значение отсубстантивных дериватов на *-lich*. Данную модель отличает разнообразие передаваемых значений. В грамматике Дудена отмечается, что основным значением дериватов на *-lich* с субстантивной производящей основой является передача отношения принадлежности: *ärztliche Praxis* – ‘die Praxis des Arztes’ / ‘der Arzt hat / besitzt diese Praxis’ [Duden ... , S. 496]. В качестве важнейших второстепенных функций отсубстантивных дериватов на *-lich* в грамматике Дудена называются следующие функции: ‘указание на агенс’, ‘сравнение’, ‘установление тождества’, ‘локализованность во времени’. В словаре Лангеншейдта у отсубстантивных дериватов отмечается также значение ‘проявление качества’. При помощи суффикса *-lich* образуются также и отадъективные дериваты. В этом случае прилагательное обозначает ‘более слабую степень качества, выраженного производящим прилагательным’. М.Д. Степанова пишет в этой связи, что при соединении суффикса *-lich* с прилагательным он реализует сему «уменьшительности» [Степанова, 1984, с. 175].

Таким образом, в связи с тем, что отадъективные прилагательные на *-lich* передают только ослабление качества, а выражение оттенков активности / пассивности отглагольных дериватов на *-lich* однозначно соотносится с характеристикой по переходности / непереходности, определение значений отглагольных и отадъективных прилагательных на *-lich* возможно уже в процессе анализа структурно-морфологической модели рассматриваемых дериватов. Вместе с тем многозначность суффикса *-lich* у отсубстантивных прилагательных, использование одной и той же деривативной модели для передачи разных значений, исключает однозначность подобных выводов относительно отсубстантивных дериватов на *-lich*.

Прилагательные на *-ig* образуются по следующим моделям: «субстантивная основа + *ig*», «глагольная основа + *ig*», «адъективная основа + *ig*». Образованные от субстантивной основы прилагательные на *-ig* могут выражать значение принадлежности: ‘das im substantivischen Basiswort Genannte habend, damit versehen’ [18, S. 348]. В грамматике Дудена предлагается трансформационная интерпретация данного значения: *haarige Finger – Finger mit Haaren / Finger haben Haare* [Duden ... , S. 494]. Э.Л. Брагина уточняет, что реализация значения ‘наличие того, что выражено основой’ (или ‘принадлежность’) наблюдается в том случае, когда субстантивная основа соотносится с существительным конкретным [Брагина]. В толковом словаре Дудена отмечается, что такое же значение характерно для прилагательных, образованных от сложных существительных с первой НС прилагательным: *Alles in diesem Gesicht zog sich in die Länge: die fleischige Nase, der breitlippige Mund* [72, S. 149]. В словаре Лангеншейдта как реализация одного значения ‘mit der im ersten Wortteil genannten Sache oder Eigenschaft’ толкуются отсубстантивные дериваты с производящей основой, соотносимой как с существительным конкретным, так и с существительным абстрактным [13]: *Susannes blondes Haar, heute Mittag noch sorgfältig frisiert, war strähnig geworden* [73, S. 161]. Производные от субстантивных основ со значением конкретности могут указывать на сходство с представлением о том, что называется основой: *Über die klumpigen, niedrigen Wolken hauchte Glut* [56, S. 316]. Данное значение дериватов на *-ig* определяется в толковом словаре Дудена как ‘in der Art des im substantivischen Basiswort Genannten, ihm ähnlich, gleichend’, предлагается трансформационная интерпретация: *erdbrockig – wie ein Erdbrocken* [18, S. 348]. В словаре Лангеншейдта наряду со значением ‘wie das im ersten Wortteil Genannte’ отдельно рассматривается значение ‘in der Form dessen, was im ersten Wortteil genannt ist’ [13]: *Aber ich hatte diesen gedrungenen älteren Mann mit dem buschigen Haar vor Augen* [32, S. 145]. Кроме того, в грамматике Дудена отмечается возможность образования дериватов на *-ig* от субстантивных основ, определяющих пространственные отношения (*außerhäusliche Tätigkeit*) либо указывающих на материал, вещество (*seidiger Stoff*) [Duden ... , S. 492]. У дериватов на *-ig* с субстантивными основами, соотносимыми с обозначени-

ями лиц, Э.Л. Брагина выявляет значение ‘качество как признак относительный’ [Брагина]. В грамматике Дудена рассматриваемое значение определяется как отождествление ‘*Gleichsetzung*’ и предлагается следующая трансформационная интерпретация значения: *trotteler Mensch – ein Trottel von Mensch / dieser Mensch ist ein Trottel* [Duden ... , S. 495]. В толковом словаре Дудена рассматривается одно значение отглагольных дериватов на *-ig*, которое определяется как ‘in der Art des im verbalen Basiswort Genannten’ [18, S. 348]. В грамматике Дудена у глагольных дериватов на *-ig* выявляется активно-модальное и пассивно-модальное значение [Duden ... , S. 491–492]. Э.Л. Брагина указывает на одно значение как типичное для отадъективных дериватов на *-ig*, которое она определяет как ‘проявление качества, выраженного основой’ [Брагина].

Обзор значений суффикса *-ig* и анализ соотношения структурно-морфологических моделей дериватов с выражаемыми значениями подводят к выводу: для получения исчерпывающей информации о значении отглагольного и отадъективного деривата на *-ig* адресату достаточно провести структурно-морфологический анализ модели прилагательного. Для определения значения отсубстантивных дериватов на *-ig* такого анализа недостаточно.

Обобщая возможность соотнесения структурно-морфологических моделей дериватов на *-ig*, *-isch*, *-haft*, *-lich* со значениями, которые выражаются данными прилагательными, следует обратить внимание на две возможности. Первая позволяет с достаточной степенью определённости говорить о соответствии структурно-морфологической модели конкретным значениям. Так, дериваты на *-ig*, образованные от адъективной основы, выражают проявление качества, названного основой; отадъективные прилагательные на *-lich* передают ослабление качества. В условиях уточнения характеристики глагольной основы по признаку «переходность / непереходность» достаточно отчётливо отграничиваются друг от друга активно-модальное и пассивно-модальное значения отглагольных дериватов на *-ig* и *-lich*. В связи с тем, что отглагольные прилагательные на *-haft* и *-isch* имеют только активно-модальное значение, проблемы отграничения оттенков активности / пассивности для данных дериватов не существует. Иными словами, анализ структурно-морфологических моде-

лей рассматриваемых дериватов позволяет с лёгкостью определить значения отглагольных и отадективных прилагательных на *-ig*, *-isch*, *-haft*, *-lich*.

Анализ структурно-морфологической модели отсубстантивных дериватов на *-ig*, *-isch*, *-haft*, *-lich* не даёт такой определённости. Фиксируется 14 значений, передаваемых отсубстантивными прилагательными рассматриваемой группы: ‘принадлежность’, ‘тематическая отнесённость’, ‘орнативность’, ‘указание на агенс’, ‘указание на инструмент’, ‘указание на пациенс’, ‘проявление качества’, ‘сравнение’, ‘пространственная отнесённость’, ‘состоящий из чего-то’, ‘наличие примеси чего-то’, ‘тождество’, ‘локализованность во времени’, ‘следствие’. Присутствие в данном списке значения ‘сравнение’, выражение которого является предметом настоящего исследования, побуждает обратить внимание на отсубстантивные прилагательные на *-ig*, *-isch*, *-haft*, *-lich*. Имеющиеся замечания о семантической принадлежности существительных, от которых образуются соответствующие прилагательные на *-ig*, *-isch*, *-haft*, *-lich*, а именно: вхождение в группу конкретных, абстрактных, вещественных существительных, в группу обозначений лиц — не определяют границ выбора производящих основ достаточно чётко, так как области называемых групп существительных находятся в отношениях включения, наложения, пересечения. Последнее иллюстрируется, к примеру, высказываниями, в которых одни и те же дериваты используются как в компаративном, так и в некомпаративном контекстах.

В высказывании *Ein lautloser, spukhafter Zug wälzte sich langsam vorbei* [72, S. 462] дериват *spukhaft* употреблён в компаративном контексте и имеет значение ‘wie ein Spuk wirkend, unheimlich, gespenstisch’. Однако возможно употребление прилагательного *spukhaft* и в некомпаративном контексте: *Franz hatte den Kopf voll von all den spukhaften Jägerlegenden* [16, Bd. 5, S. 3522]. Во втором случае реализуется значение ‘тематическая отнесённость’, а именно ‘einen Spuk, eine Geistererscheinung betreffend’.

В следующем примере дериват *väterlich* употребляется в контексте сравнения: *Er konnte nun kritisch, väterlich, abgeklärt, weise den Finger des deutschen Oberlehrers heben* [71, S. 373]. Дериват реализует значение ‘fürsorglich und liebevoll wie ein leiblicher Vater’. Но прила-

гательное *väterlich* может передавать и отношение принадлежности: *Die Überbringung einer Speckseite aus Rückmarsdorf durch einen ehemaligen Schüler, dem die Erträge der väterlichen Scholle verlegene Großmut gestatteteten, wurde zum Fest* [73, S. 141]. В последнем из приведённых высказываний прилагательное *väterlich* передаёт отношение принадлежности и имеет значение ‘dem leiblichen Vater gehörend’.

Таким образом, вероятность однозначного определения значения отсубстантивных дериватов только лишь по результатам анализа их структурно-морфологической модели представляется достаточно сомнительной. Адресат, безусловно, опирается на дополнительную информацию, позволяющую правильно идентифицировать значение деривата. Дополнительную информацию можно получить, наблюдая среду функционирования рассматриваемых дериватов, которую вслед за А.В. Бондарко мы трактуем «как множество языковых (в части случаев также и внеязыковых) элементов (в рамках более широкой системы, вмещающей исходную, а также в различных смежных сферах), играющих по отношению к исходной системе роль окружения, во взаимодействии с которыми она выполняет свою функцию» [Бондарко, 1999, с. 11]. Кстати, роль среды при определении значений прилагательных на *-ig*, *-isch*, *-haft*, *-lich* имплицитно признаётся и в грамматике Дудена [Duden ... , S. 489–496], и в словаре Лангеншейдта [13, S. 434, 514, 613]. Значения, выявляемые у прилагательных, построенных по определённым структурно-морфологическим моделям, иллюстрируются не отдельными, изолированными, взятыми вне контекста их употребления дериватами, а словосочетаниями.

Поэтому, рассматривая компаративные высказывания с дериватами на *-ig*, *-isch*, *-haft*, *-lich*, мы выявляем модели конструкций, в которых дериват на *-ig*, *-isch*, *-haft*, *-lich* принимает участие в выражении отношения сравнения, и определяем лексическое наполнение данных конструкций. Анализ языкового материала позволил разграничить две возможности выражения отношения сравнения с использованием дериватов на *-ig*, *-isch*, *-haft*, *-lich*: передача компаративных отношений в рамках словосочетания и на уровне предложения. На уровне словосочетания было выявлено семь моделей.

Модель 1. Дериват в позиции согласованного определения (указание на эталон) → опорное слово словосочетания (указание на тему).

В первой модели дериват на *-ig, -isch, -haft, -lich* занимает позицию согласованного определения в группе существительного, указывающего на тему: *Zwischen den Sätzen schimmerten sie hindurch, die Lügen des kindischen Alten* [73, S. 59]. *Elegant saß er dem bäurischen, schlaff da hockenden Louis gegenüber* [42, S. 195]. Как правило, в данной модели используются отсубстантивные дериваты, образованные от существительных — наименований лиц. Однако возможно обращение к группе вещественных существительных либо к существительным, обозначающим природные или физиологические явления: *Die Ähnlichkeit zwischen ihm und seiner Schwester war augenfällig. Dieselben flaumigen, hellbraunen Haare, dieselben goldbraunen, warmen Augen* [58, S. 190]. *Die Streitschrift hatte stürmischen Erfolg* [42, S. 723]. *Die Aufregung entlud sich in krampfhaftem Lachen* [72, S. 92]. Пожалуй, следует обратить внимание на то, что производящая основа и стержневое слово словосочетания соотносятся с представлениями, характеризующимися как общими, так и отличными признаками. В вышеприведённых примерах прослеживаются следующие отношения:

– Существительные *Kind* и *der Alte*, как правило, используются для обозначения лиц разного возраста, поэтому дериват в позиции согласованного определения с производящей основой — существительным, которое называет лицо другого возраста, подчеркнёт характерность для первого лица признаков, типичных для человека другой возрастной группы.

– Существительные *Bauer* и имя собственное *Louis* являются языковыми проекциями представлений о лицах разных социальных слоёв общества. Дериват, образованный от существительного *Bauer*, в функции согласованного определения при имени собственном Луис обратит внимание на несвойственную для королевской особы манеру сидеть.

– Наричательное существительное *Haar* обозначает естественный волосяной покров человека. Слово *Flaum* используется при обозначении самых нежных, мягких и пушистых перьев, покрывающих тело птицы. Использование в качестве производящей основы

деривата существительного *Flaum* акцентирует мягкость и пушистость волос юноши.

– Наричательное существительное *Sturm*, являющееся производящей основой деривата в функции согласованного определения при существительном *Erfolg*, обозначает природное явление. Существительное *Erfolg* называет социальное явление. У данных явлений могут быть выявлены общие признаки: мгновенность начала и интенсивность развития явления, что позволяет выделить эти признаки у явления, представление о котором активируется стержневым словом словосочетания, путём включения в его группу деривата с производящей основой – существительным *Sturm*.

– Существительное *Krampf* и субстантивированный инфинитив *Lachen* активируют представления о физиологических явлениях, которые связаны с сокращениями мышц. Общность физиологии процессов и расхождение в проявлении и восприятии их человеком образуют основу для сравнения. Соотнесение двух представлений позволяет подчеркнуть судорожность смеха мальчишек.

Во всех приведённых примерах речь идёт о сравнимых представлениях. Наполнение рассматриваемой модели обозначениями понятий или представлений, находящихся в других отношениях, используется для передачи отношений тождества, принадлежности, тематической отнесённости, для указания на агенс, инструмент, пациенс, пространственные отношения.

Модель 2. Притяжательное местоимение или существительное в родительном принадлежности (указание на тему) → стержневое слово словосочетания (обозначение области поиска признака-модуля – «узловое» слово) ← дериват в роли согласованного определения (указание на эталон).

В рассматриваемой модели дериваты на *-isch*, *-haft*, *-lich* появляются в позиции согласованного определения в группе существительного. Суффиксы с учётом устанавливаемого отношения между представлением, с которым соотносится субстантивная производящая основа деривата, и представлением, называемым стержневым словом словосочетания, сигнализируют: 1) что в деривате указывается на деятеля: *Sie [die Welt] sollte nur kommen mit all ihren raubtierhaften Gelüsten* [59, S. 42]; 2) что в деривате определяется носитель

признака: *Ich ging hinunter, denn ich musste mitten im mütterlichen Geruch des Meeres stehen* [56, S. 404]. Стержневое слово словосочетания сопровождается также притяжательным местоимением, либо в его группу входит существительное в родительном принадлежности. Перечисленные языковые средства указывают на связь представления, которое активируется стержневым словом словосочетания, с другим агенсом или с другим носителем признака. Иначе говоря, стержневое слово словосочетания, реализуя свои валентностные потенции, вступая в синтаксические связи с обозначениями разных агенсов или разных носителей одного и того же признака, способствует активации представления о ситуации одновременной констатации признака у разных носителей, т. е. ситуации сравнения. В связи с тем, что именно реализация синтаксических потенций стержневого слова объединяет используемые номинативные элементы в компаративную конструкцию, можно говорить о центральной позиции стержневого слова словосочетания в рассматриваемой конструкции, определяя его как «узловое» слово. Называя область, выявляемую как у темы, так и у эталона, «узловое» слово определяет область поиска признака-модуля. Дериват, занимая позицию согласованного определения при «узловом» слове, сужает область поиска модуля до признака, детерминирующего представление, которое называется стержневым словом словосочетания. Производящая основа деривата, указывая на эталон, служит опорой, которая помогает адресату определить модуль.

В рамках рассматриваемой модели был зафиксирован случай уточнения дериватом пространственных отношений: *Im Westen, wo der märchenhafte Glanz der Leuchtzeichen am Himmel gegangen hatte, schlugen nun blutigrot die Brände zur Wolkendecke empor* [72, S. 168]. В приведённом высказывании для деривата актуально значение ‘zauberhaft, wunderbar’. Именно это значение деривата соотносится с признаком-модулем. Темой сравнения является конкретно-чувственный образ свечения звёзд на небе, эталоном – представление о сиянии звёзд в фантастическом мире иллюзии. Сравниваются аналогичные явления материального мира и сказочного пространства, вероятно, поэтому для выражения отношения сравнения адресант ограничивается лишь пространственными

«вехами», которые даются адресату в производной основе деривата и в словосочетании *am Himmel*.

С определёнными оговорками вариантом рассматриваемой модели можно считать компаративную конструкцию, в составе которой употребляется прилагательное на *-ig* с производящей основой — сложным словом: *Noch glaubte er manchmal die polternde, immer schimpfende Stimme des stiernackigen Mannes zu hören* [59, S. 18]. В сложном слове, которое служит производящей основой деривата, указывается на область поиска признака модуля (*Nacken*) и на эталон (*Stier*). Эти опоры позволяют адресату восстановить признак-модуль «mit starkem Nacken».

Модель 3. Третья модель отличается от второй только способом указания на тему. Обозначение области поиска признака-модуля сопровождается определённым артиклем, который соотносит «узловое» слово с названным ранее носителем признака или агенсом. Производящая основа деривата указывает на эталон: *Er [der König] lächelte verlegen über das ganze, fette, knabenhafte Gesicht* [42, S. 163]. Как и во второй модели, обнаруживаются примеры уточнения дериватом пространственных отношений при условии упоминания обеих пространственных опор: *Der Wald der Einschläge, die Gestalten in den Löchern, die hier in höllischem Feuer lagen, er wollte es nicht mehr sehen* [72, S. 502]. В анализируемом высказывании роль пространственных «вех» играют производящая основа деривата и наречие *hier*.

Модель 4. Стержневое слово словосочетания (указание на тему) ← несогласованное определение, выраженное дательным падежом с предлогом *mit* (указание на область поиска признака-модуля) ← дериват в позиции согласованного определения (указание на эталон): *Er hieß Günter Ziesche und war ein gedrungener blonder Junge von siebzehn Jahren, etwas dicklich, mit weibischen Zügen* [72, S. 150]. Суффиксы *-lich* и *-isch* сигнализируют об отношении принадлежности признака, языковой проекцией которого является «узловое» слово, носителю, на которого указывает производящая основа прилагательного. Вместе с тем предлог *mit*, значение которого мы рассматривали ранее при обсуждении компаративных сложных существительных (модель 5), фиксирует отношение принадлежности признака, названного «узловым» словом, носителю, на который

указывает стержневое слово словосочетания. Таким образом, ситуация сравнения формируется в данной модели через констатацию одного и того же признака у двух носителей.

Модель 5. Стержневое слово словосочетания (указание на тему) ← причастие или прилагательное в функции согласованного определения («узловое» слово) ← дериват в позиции обстоятельства (указание на эталон).

В рассматриваемой модели объединяющую функцию «узлового» слова выполняют прилагательные и причастия. Прилагательное *klein* в следующем примере указывает на область поиска признака-модуля: *Wenn Pierre von „winzigen Wanzen“ sprach, so dachte er an den zwerghaft kleinen Abbé Suard* [42, S. 840]. Речь идёт о социальной значимости конкретной личности в индивидуальной оценке Пьера, которая в данном случае предполагает перлокутивный эффект со знаком «—», что соответствует результатам наблюдений Е.М. Вольф [Вольф, с. 166]. Прилагательное *klein* свидетельствует о низкой социальной значимости оцениваемой личности, дериват *zwerghaft* определяет степень интенсивности названного признака, предельно минимизируя её.

Причастие является языковой проекцией представления о некотором состоянии, которое приписывается лицу или предмету как их признак. В следующем примере причастие акцентирует внимание на вкусовых качествах пива: *Die Männer hoben die frostbeschlagnen Gläser mit dem giftig schmeckenden Bier gegen Judejahn* [59, S. 67]. Дериват входит в группу причастия в роли детерминатора. Позиция, которую он занимает в группе причастия, определяет характеристики искомого модуля: это признак признака, представление о котором активируется причастием.

Причастие может просто акцентировать внимание на переходе в другое состояние: *Es schien ihm lächerlich, historische Ereignisse auflösen zu wollen durch so läppische Manöver, wie sie sich die ausschweifende Phantasie seines im Greisenalter kindisch gewordenen Dubourg ausgedacht hatte* [42, S. 376]. В этом случае уточнение характеристик состояния даёт дериват.

Необходимо обратить внимание на возможность усложнения рассматриваемой модели за счёт введения в высказывание допол-

нительных уточнений области поиска признака-модуля: *Abrupt be-
fahl er dem soldatisch aufrecht sitzenden, sich kaum bewegendem Chauffeur
zurück zur Via Veneto zu fahren* [59, S. 128]. В приведённом высказыва-
нии дериват входит в группу обстоятельства, выраженного наречи-
ем *aufrecht*, которое в свою очередь детерминирует причастие *sitzend*.
В результате такого пошагового уточнения области поиска признака
восстанавливается модуль ‘*sehr aufrecht*’.

Модель 6. Притяжательное местоимение или существительное
в родительном принадлежности (указание на тему) → стержневое
слово словосочетания («узловое» слово) ← согласованное определе-
ние (дополнительное уточнение области поиска признака-модуля) ←
дериват в позиции обстоятельства (указание на эталон): *Sie legte ihre
kindlich kleine Hand auf seine* [72, S. 195]. Модулем является интенсив-
ность признака, который обозначен в группе «узлового» существи-
тельного прилагательным в позиции согласованного определения.
Маленькие размеры при определении размеров руки женщины спец-
ифицируются обращением к представлению о руке ребёнка.

Модель 7. Финитный глагол (указание на тему) ← дериват в по-
зиции обстоятельства (указание на эталон).

Модель 7 отличается от вышерассмотренных тем, что в данном
случае речь идёт о процессах. Тема называется финитным глаголом.
На эталон указывает глагольная производящая основа деривата
с активно-модальным значением: „*Aber Sie müssen es auf sich neh-
men*“, *sagt die Heinemann fast flehentlich* [48, S. 336]. *Seine Stimme klingt
ein bisschen kratzig* [48, S. 264]. То, как говорит Хейнеманн, больше
напоминает мольбу. В звуках голоса адресант слышит поскрипыва-
ющие тона, неприятный звуковой эффект, вызываемый в процессе
царапанья, поскрёбыванья.

Обобщение способов синтаксической связи обозначений темы
и эталона в рамках словосочетаний с дериватами на *-ig*, *-lich*, *-isch*
и *-haft* позволяет говорить о непосредственной и опосредованной
связи обозначений элементов механизма сравнения. В первом слу-
чае дериват, производящая основа которого указывает на эталон,
непосредственно определяет слово, которое называет тему: прила-
гательное на *-ig*, *-lich*, *-isch*, *-haft* находится в позиции согласован-
ного определения при существительном, указывающем на тему (мо-

дель 1); дериват появляется в позиции обстоятельства при финитном глаголе, называющем тему (модель 7). Во втором случае связь обозначений элементов механизма сравнения опосредуется словом, которое называет область поиска признака-модуля (модели 2, 3, 4, 5), либо цепочкой иерархически соотнесённых членов предложения, которые последовательно уточняют область поиска признака-модуля (модель 6). Проследить цепочку позволяет строчная схема зависимостей. В условиях опосредованной связи указаний на тему и эталон вхождение деривата в компаративную конструкцию обусловлено его синтаксической связью с «узловым» словом.

На основании проведённого анализа мы пришли к определённым выводам относительно реализации семы «сравнение» в рамках компаративного высказывания с дериватами на *-ig, -lich, -isch, -haft*:

1) в условиях непосредственной синтаксической связи между указаниями на тему и эталон можно говорить об актуализации у дериватов значения компаративности;

2) в условиях опосредованной синтаксической связи указаний на тему и эталон дериваты актуализируют значение принадлежности, указывают на агенс, на пространственную отнесённость;

3) параллельное указание на аналогичные отношения, связывающие «узловое» слово — обозначение области поиска признака-модуля с указанием на тему, создаёт условия для передачи отношения сравнения словосочетанием с дериватами на *-ig, -lich, -isch, -haft* со значением принадлежности и пространственной отнесённости.

По нашим наблюдениям, прямое обозначение модуля в рассматриваемых конструкциях отсутствует. Модуль восстанавливается адресатом речи в результате сравнительного анализа темы и эталона. Однако в тексте находятся «вехи», позволяющие ему определить признак-модуль. Такими «вехами» в немецком языке являются позиция деривата в линейно-иерархической структуре высказывания, которая позволяет определить характер признака-модуля и найти обозначение элемента, непосредственно характеризующегося признаком-модулем, и смысловое содержание производящей основы деривата.

На уровне предложения мы выявили 17 моделей с дериватами на *-ig, -lich, -isch, -haft*, которые используются в немецком языке для передачи отношения сравнения.

Модель 1. Подлежащее (указание на тему) → копула + именная часть сказуемого (дериват, производящая основа которого указывает на эталон).

„*Du bist faustisch*“, sagte Karola [71, S. 403]. *Ihre Sprache ist melodisch* [58, S. 152]. В приведённых компаративных высказываниях рассматриваемые дериваты выступают в функции предикативного члена составного именного сказуемого. Глагол *sein* является чистой (отвлечённой) связкой, выполняет только грамматическую функцию, в силу чего дериват непосредственно соотносится с подлежащим, которое указывает на тему сравнения. Прилагательные на *-ig*, *-lich*, *-isch*, *-haft*, будучи относительными прилагательными, указывают на признак не прямо, а через отношение к представлению о другом предмете, на которое указывает производящая основа. Поэтому для определения признака адресату необходимо сравнить представление, которое называется в позиции подлежащего, с представлением, которое соотносится с производящей основой прилагательного на *-ig*, *-lich*, *-isch*, *-haft*.

Модель 2. Подлежащее (местоимение, указывающее на тему) → копула + именная часть сказуемого (дериват, производящая основа которого указывает на эталон).

Во второй модели в позиции подлежащего появляется местоимение, которое, насколько можно судить по зафиксированным примерам, указывает на некоторое событие: „*Du verstehst mich*“, sagte Uta. „*Du denkst und empfindest wie ich: du hast dich nirgendwo wirklich zu Hause gefühlt, dein Herkunft war dir immer zuwider. Darum bist du schon frühzeitig davongelaufen.*“ „*Das war kindisch*“, sagte Holt [71, S. 204]. В приведённом примере речь идёт о поступке Хольта, который не захотел жить вместе со своими родителями. В предшествующем контексте сообщается о данном факте, из контекста также ясно, что речь идёт о Вернере Хольте. Другими словами, местоимение указывает на действие в соотнесённости с его производителем. Дериват *kindisch* актуализирует значение ‘указание на агенс’. Хольт сравнивает свой поступок с поступком ребёнка. Восстанавливается модуль «наивное, не решающее проблемы» действие.

Модель 3. Подлежащее (местоимение, указывающее на тему) → финитный глагол семантической группы «производить впе-

чатление» (*vorkommen, erscheinen*) ← дериват в функции предикативного определения (указание на эталон).

Похожая ситуация наблюдается в компаративных высказываниях, которые организуются глаголами *vorkommen, erscheinen*: *Eine Weile kämpfte er mit der Versuchung, den beiden zu folgen und ihnen nach geraumer Zeit wie zufällig wieder zu begegnen. Allein es kam ihm schülerhaft vor, und er setzte seinen Weg fort* [58, S. 34]. В предшествующем контексте описывается намерение Гинстерманна. Анализируя своё намерение, он находит, что поступок достоин не взрослого человека, а школяра, и отказывается от исполнения плана действий, созревшего в его воображении. То есть местоимение *es* относит к представлению о действии, которое собирается осуществить конкретное лицо. И это же действие признаётся характерным для другого исполнителя, указанного в производящей основе деривата *schülerhaft*. Прилагательное *schülerhaft* актуализирует значение ‘указание на агенс’. Ситуация сравнения, как и в рассмотренной выше модели 2, обуславливается соотношением одного и того же поступка с разными агенсами.

Модель 4. Подлежащее (указание на тему) → копула + именная часть сказуемого (уточнение области поиска признака-модуля) ← дериват в группе прилагательного-предикатива (указание на эталон).

Синтаксические связи обозначений элементов механизма сравнения могут опосредоваться их связью с уточнением области поиска признака-модуля. Как было выяснено ранее, подобные уточнения могут выполнять в компаративном высказывании роль «узлого» слова. К примеру, в следующем компаративном высказывании «узловым» словом является прилагательное *heiß* в позиции предикатива: *Der Tag war tropisch heiß* [72, S. 254]. С одной стороны, прилагательное *heiß* в роли именной части сложного сказуемого тесно связано с указанием на тему в позиции подлежащего. С другой стороны, в группу этого прилагательного входит дериват *tropisch*, производящая основа которого указывает на эталон. Прилагательное *heiß* определяет область поиска признака-модуля, позиция деривата сигнализирует о том, что модулем является признак признака. Дериват *tropisch* актуализирует значение ‘пространственная отнесённость’, в качестве эталона в рассматриваемой ситуации, собственно говоря, выбирается представление о типичном дне

в тропиках. Время суток, названное в позиции подлежащего, характеризуется конкретной пространственной отнесённостью, обусловленной именуемой ситуацией. Таким образом, определённый июльский день в Германии сравнивается с днём в тропиках. Прилагательное *heiß* уточняет, что сравнение должно идти по температурным характеристикам. Соотнесение темы и эталона позволяет восстановить модуль, который ассоциируется с критически высокими температурными отметками.

Модель 5. Подлежащее (указание на тему) → финитный глагол *vorkommen, erscheinen* ← предикативное определение («узловое» слово) ← дериват в группе «узлового» слова (указание на эталон).

В следующем примере обозначения темы и эталона объединяют в компаративную конструкцию синтаксические потенции «узлового» слова — прилагательного *hoch*: *Das Rettungsboot erschien gespensterhaft hoch* [56, S. 391]. Но в рассматриваемой модели есть ещё один элемент, который опосредует связь обозначений элементов механизма сравнения: финитный глагол *erscheinen*. Он не даёт дополнительного уточнения относительно области поиска признака-модуля, но, являясь организующим центром предложения, глагол открывает те позиции, которые занимают указание на тему и прилагательное *hoch*, в группе которого в предложение входит дериват *gespensterhaft*. Представление, называемое в позиции подлежащего, и представление, языковой проекцией которого является производящая основа деривата, соотносятся как сравниваемые величины.

Модель 6. Притяжательное местоимение (указание на тему) → подлежащее («узловое» слово) → копула + дериват в функции именной части сказуемого (указание на эталон).

В модели 6 «узловое» слово занимает позицию подлежащего: *Selbst sein Schmiss war weibisch* [58, S. 190]. Связь «узлового» слова с указанием на тему оформляется притяжательным местоимением, основной функцией которого является передача отношения принадлежности. Дериват в позиции именной части сложного сказуемого актуализирует такое же значение. Акцентирование общности некоторого признака для разных носителей служит основой для установления отношения сравнения.

Модель 7. Подлежащее (указание на тему) → глагол обладания или приобретения ← прямое дополнение («узловое» слово) ← дериват в функции согласованного определения (указание на эталон).

Компаративные высказывания, в которых реализуется данная модель, организуются глаголами обладания или глаголами семантической группы «приобретение качества». Указание на тему замещает позицию подлежащего. Уточнение области поиска признака-модуля замещает позицию прямого дополнения, в группу которого в качестве согласованного определения входит дериват, актуализирующий значение принадлежности или указания на агенс: *Nehmen Sie sich ein Beispiel an Wolzow, der hat eine geradezu napoleonische Gelassenheit* [72, S. 252]. Следовательно, сравнительные отношения между объектами, как и в модели 6, обуславливаются представлением об общности одного признака для разных носителей.

Модель 8. Подлежащее (указание на тему) → глагол семантической группы «действие» ← прямое дополнение («узловое» слово) ← дериват в функции согласованного определения (указание на эталон).

Указание на тему замещает позицию подлежащего, которая открывается финитным глаголом семантической группы «действие», позицию прямого дополнения занимает уточнение области поиска признака-модуля, в группу которого в качестве согласованного определения входит дериват, актуализирующий значение принадлежности: *Es war kein Mädchen, was der blonde, etwas gedunsene Ziesche am Arm führte, es war eine dunkelhaarige Frau von vielleicht fünfundzwanzig Jahren. Sie wandte Holt ein schmales, mädchenhaftes Gesicht zu und sah ihn aus dunklen Augen fragend an* [72, S. 179]. Отношение сравнения между лицом, которое называется в позиции подлежащего, и лицом, представление о котором даёт производящая основа деривата, устанавливается в опоре на пресуппозицию высказывания. В пресуппозицию высказывания входит отношение принадлежности признака, обозначенного «узловым» компонентом, лицу, языковая проекция которого обнаруживается в позиции подлежащего. Только в случае истинности данного отношения между указанными компонентами высказывания оно не воспринимается как семантически аномальное.

Модель 9. Подлежащее (указание на тему) → глагол семантической группы «действие» ← прямое дополнение (указание на область поиска признака-модуля) ← согласованное определение (допол-

нительное уточнение области поиска признака-модуля) ← дериват в составе распространённого определения (указание на эталон).

Цепочка элементов, опосредствующих синтаксическую связь указаний на тему и эталон, может усложняться за счёт введения в компаративное высказывание дополнительных уточнений области поиска признака-модуля: *So bemüht er sich um ein diplomatisch-soigiertes Gesicht und flötet: „So, so!“* [48, S. 331]. Дериват актуализирует значение принадлежности.

Модель 10. Подлежащее (указание на тему) → финитный глагол семантической группы «действие» (уточнение области поиска признака-модуля) ← дериват в позиции обстоятельства (указание на эталон).

Финитные глаголы, которые организуют компаративное высказывание, тоже могут уточнять область поиска признака-модуля. В приведённых ниже примерах финитные глаголы указывают на действие, в момент разворачивания которого проявляется признак: *Die Bohnen glitschten glatt in Öl und überdies schmeckten sie fischig* [59, S. 56]. *Vetter gehorchte ihm sklavisch* [72, S. 81]. Позиции, открываемые глаголами, замещаются следующим образом. В позиции подлежащего появляется указание на тему, дериват занимает позицию обстоятельства. Дериват актуализирует значение ‘указание на агенс’. Соотнесение производимого действия с разными агенсами (один из агенсов называется в позиции подлежащего, а на другой указывает производящая основа деривата) способствует установлению сравнительных отношений. Позиция деривата определяет модуль как признак действия, обозначенного финитным глаголом.

Модель 11. Подлежащее (указание на тему) → финитный глагол семантической группы «действие» (уточнение области поиска признака-модуля) ← обстоятельство («узловое» слово — дополнительное уточнение области поиска признака-модуля) ← дериват в группе узлового слова (указание на эталон).

Десятая модель допускает усложнение за счёт введения в компаративное высказывание дополнительных указаний на область поиска признака-модуля: *Gleich Judejahn trug auch Austerlitz eine blaue Brille, so dass sie sich beide albern geheimnisvoll und lemurenhaft blau anfunkeln konnten* [59, S. 120].

Модель 12. Притяжательное местоимение или существительное в родительном принадлежности (указание на тему) → подлежащее (уточнение области поиска признака-модуля) → глагол семантической группы «действие» ← дериват в позиции обстоятельства (указание на эталон).

Dubourgs *altes Gesicht mit der verfäلتelten, sackigen Haut lächelte verschmitzt, lausbüбisch* [42, S. 375]. В позиции подлежащего появляется обозначение области поиска признака-модуля, «узловое» слово, в группу которого входит имя собственное в родительном принадлежности. Имя собственное указывает на человека, часть тела которого называется существительным в позиции подлежащего. Необходимо обратить внимание на то, что в рассматриваемом случае «узловое» слово, с одной стороны, используется для уточнения области поиска признака-модуля, с другой стороны, с его помощью указывается на тему сравнения. В примере «узловое» слово представляет собой случай метонимического переноса имени с части на целое, когда при назывании части подразумевается целое. Акцентируя внимание на лице Дюборга, мы не забываем о том, что именно Дюборг совершает действие, обозначенное финитным глаголом *lächeln*. Последний факт объясняет возможность появления в данном высказывании в позиции обстоятельства деривата *lausbüбisch*, актуализирующего значение ‘указание на агенс’, и установление отношения сравнения между представлением об агенсе, которое вербализуется синекдохой, и представлением об агенсе, на который указывает производящая основа деривата *lausbüбisch*.

Модель 13. Притяжательное местоимение (указание на тему) → подлежащее (уточнение области поиска признака-модуля) → глагол семантической группы «проявление качества» ← обстоятельство (дополнительное уточнение области поиска признака-модуля) ← дериват в группе обстоятельства (указание на эталон).

Данная модель представляет собой вариант модели 12, которая усложняется за счёт введения в компаративное высказывание дополнительного уточнения области поиска признака-модуля в функции обстоятельства при финитном глаголе: *Ihr [Toinettes] Gesicht zeigte kindlich unbeküммert jede Regung* [42, S. 169]. В позиции подлежащего, как и в модели 12, – синекдоха (имя части вместо имени целого).

Модель 14. Подлежащее (указание на тему) → глагол семантической группы «действие» ← обстоятельство или предикативное определение, выраженное существительным с предлогом *mit / in* (область поиска признака-модуля) ← дериват в функции согласованного определения (указание на эталон).

Der Sturm empfing uns mit einem pöbelhaften Triumphgeheul [56, S. 358].
Der Chauffeur stand in militärischer Haltung neben seinem Fahrzeug [59, S. 112].
Позиция на подлежащее, которая открывается глаголом семантической группы «действие», замещается указанием на тему сравнения. Действию, которое называется финитным глаголом, даётся обстоятельственная характеристика, выраженная существительным с предлогами *mit* и *in*.

В анализируемых компаративных высказываниях словосочетания с предлогами *mit* и *in* семантически соотносятся как с процессом, названным финитным глаголом, так и с субъектом процесса, который обозначен в позиции подлежащего. В словаре под редакцией Р. Клаппенбах и В. Штейница значение предлога *mit* в словосочетаниях типа *das Mädchen mit blondem Haar* определяется как значение принадлежности (‘bezeichnet das Zubehör’). Анализируемые примеры с предлогом *mit*, в которых предлог *mit* маркирует связь указания на тему в позиции подлежащего с указанием на область поиска признака-модуля, относятся именно к этому типу словосочетаний. Дериват в позиции согласованного определения в группе уточнения области поиска признака-модуля также реализует значение принадлежности. Другими словами, в анализируемых компаративных высказываниях речь идёт о принадлежности одного признака двум разным носителям, что позволяет определить отношение между ними как отношение сравнения.

Модель 15. Подлежащее (указание на тему) → глагол семантической группы «действие» ← обстоятельство или предикативное определение, выраженное существительным с предлогом *mit / in* (область поиска признака-модуля) ← согласованное определение (дополнительное уточнение области поиска признака-модуля) ← дериват в составе распространённого определения (указание на эталон).

Модель 15 представляет собой усложнение рассмотренной ранее модели 14 за счёт введения в компаративное высказывание допол-

нительного уточнения области поиска признака-модуля в функции согласованного определения при «узлом» слове: *Die Mutter eilte mit mädchenhaft flüchtigen Schritten herbei* [58, S. 94].

Модель 16. Притяжательное местоимение (указание на тему) → подлежащее (указание на область поиска признака-модуля) → глагол в форме статива ← дополнение с предлогом *von*, выраженное существительным в дательном падеже (дополнительное указание на область поиска признака-модуля) ← дериват в функции согласованного определения (указание на эталон).

Сложная структура рассматриваемой модели обусловлена тем, что в неё входит несколько уточнений области поиска признака-модуля, опосредствующих синтаксическую связь указаний на тему и эталон: *Ihr Gesicht war verklärt von mädchenhafter Schamhaftigkeit* [58, S. 118]. Как можно проследить по приведённому примеру, на тему указывает притяжательное местоимение, сопровождающее существительное *Gesicht* (одно из уточнений области поиска признака-модуля) в позиции подлежащего. Дериват, производящая основа которого указывает на эталон, входит в функции согласованного определения в группу существительного *Schamhaftigkeit* – дополнительное уточнение области поиска признака-модуля. Связь существительных *Gesicht* и *Schamhaftigkeit*, которые называют представления, последовательно подводящие адресата к определению признака-модуля, опосредствуется финитным глаголом *verklären*: оба существительных замещают позиции, открываемые данным глаголом в своём окружении.

Семантически указания на область поиска признака-модуля соотносятся как признак и его носитель, отношение между ними определяется как отношение принадлежности. Притяжательное местоимение указывает на принадлежность части тела, на которую указывает существительное *Gesicht*, теме сравнения. Дериват *mädchenhaft* актуализирует значение принадлежности, акцентируя внимание на соотнесённости качества, обозначаемого существительным *Schamhaftigkeit*, с носителем признака, представление о котором активируется производящей основой прилагательного на *-haft*. Таким образом, цепочка элементов, опосредствующих связь указаний на тему и эталон, формирует смысловую структуру соот-

несённости одного признака с разными носителями, что характерно для оформления отношения сравнения.

Модель 17. Подлежащее (дополнительное указание на область поиска признака-модуля) → финитный глагол семантической группы «наделение качеством» ← дополнение («узловое» слово) ← дериват в функции согласованного определения (указание на эталон).

Модель иллюстрируется примером: *Der Mann trug eine große dunkle Sonnenbrille, die ihm ein allerdings gar nicht bäurisches, viel eher ein geheimnisvolles, listiges, weithergereistes, corpsdiplomatisches Aussehen verlieh [59, S. 17].*

Представляется, что в рассматриваемой модели следует обратить внимание на семантику глагола, который организует компаративное высказывание. Им является глагол *verleihen*, выступающий в одном из своих ЛСВ. Данный ЛСВ глагола *verleihen* определяется в толковых словарях следующим образом: ‘j-m, einer Sache etw. geben, verschaffen’ [16, Bd. 6, S. 4080], ‘zuteil werden lassen’ [18, S. 709], ‘etw. ist die Ursache dafür, dass etw. für jmdn., etw. zur Eigenschaft wird’ [15, Bd. 2, S. 1253]. Если в толкованиях, предложенных в словаре Р. Клаппенбах и В. Штейница и толковом словаре Дудена, обращается внимание только на процесс наделения чем-то, то в словаре под редакцией Г. Кемпке ясно определяется, что речь идёт о приобретении качества объектом, который называется в позиции дополнения, выраженного дательным падежом. То есть лицо, на которое указывается в позиции косвенного дополнения, приобретает качество, общее представление о котором даётся существительным *Aussehen* в позиции прямого дополнения. В группу существительного *Aussehen* в качестве согласованного определения входит дериват, производящая основа которого указывает на другого носителя данного признака. Ситуация регистрации одного признака у разных носителей является ситуацией сравнения.

Обобщение способов синтаксической связи между указаниями на тему и эталон в рамках компаративных высказываний, в состав которых входят прилагательные на *-ig*, *-lich*, *-isch* и *-haft*, позволяет наблюдать непосредственную и опосредованную связь обозначений элементов механизма сравнения. В первом случае дериват, производящая основа которого указывает на эталон, непосредственно

определяет подлежащее, указывающее на тему (модель 1). Данная возможность реализуется в первой модели, которая по форме соответствует одному из выявленных В.Г. Адмони лексико-грамматических типов предложения, а именно: номинативное подлежащее + связочный глагол + предикативная краткая форма прилагательного. Семантика подобных предложений описывается В.Г. Адмони как «предмет + качественный признак» [Адмони, 1988, с. 123]. В компаративных высказываниях с дериватами на *-ig*, *-lich*, *-isch*, *-haft* качественный признак обозначается относительным прилагательным, в силу чего для определения признака адресату необходимо сравнить представление, названное в позиции подлежащего, с представлением, соотносимым с производящей основой прилагательного на *-ig*, *-lich*, *-isch*, *-haft*. Следует отметить, что в первой модели дериват актуализирует только значение ‘сравнение’.

В области перехода между первой и второй возможностью осуществления связи обозначений темы и эталона находятся модели 2 и 3. При построении компаративного высказывания по модели 2 адресант не вводит в него эксплицитных указаний на область поиска признака-модуля в виде «узловых» слов. Однако актуализируемое дериватом значение — указание на производителя действия — имплицитно в высказывание такую область: совершаемое агенсом действие. Глаголы семантической группы «производить впечатление» (модель 3), образуя сочетания с дериватами на *-ig*, *-lich*, *-isch*, *-haft*, приобретают значения, близкие значению сочетаний кратких прилагательных с глаголом *sein*. Вероятно, последнее обстоятельство объясняет возможность актуализации дериватами на *-ig*, *-lich*, *-isch*, *-haft* значения ‘сравнение’ в высказываниях, построенных по данной модели. Вместе с тем семантика глаголов в какой-то мере уже уточняет область поиска признака-модуля, которая может принимать более ясные очертания в результате актуализации дериватом значения ‘указание на агенс’.

Разнообразие остальных моделей иллюстрирует возможность опосредованной связи между указаниями на тему и эталон в рамках компаративных высказываний, в составе которых употребляются дериваты на *-ig*, *-lich*, *-isch*, *-haft*. К элементам, опосредствующим синтаксическую связь указаний на тему и эталон, наряду

с «узловыми» словами следует отнести финитные глаголы, семантика которых позволяет адресанту последовательно подвести адресата к определению признака-модуля.

Сравнивая схемы синтагматических отношений между указаниями на тему и эталон в рамках компаративных высказываний с дериватами на *-ig*, *-lich*, *-isch*, *-haft* с соответствующими схемами оформления подобных отношений в рамках словосочетаний с теми же дериватами, нельзя не отметить усложнение цепочки элементов, опосредствующих связь между указаниями на тему и эталон. В компаративных высказываниях, построенных по рассмотренным моделям, дериваты актуализируют значение принадлежности, указывают на агенс, на пространственную отнесённость. Параллельное указание на аналогичные отношения, связывающие «узловое» слово — обозначение области поиска признака-модуля — с указанием на тему, создаёт условия для передачи отношений сравнения высказываниями, в состав которых входят дериваты на *-ig*, *-lich*, *-isch*, *-haft* со значением принадлежности, указания на агенс, на пространственную отнесённость.

Возможность использования для передачи отношений сравнения дериватов на *-ig*, *-lich*, *-isch* и *-haft*, которые актуализируют значение принадлежности либо указывают на агенс или пространственную отнесённость, подводит к выводу, что в немецком языке область применения перечисленных дериватов не ограничивается случаями актуализации данными дериватами значения сравнения.

Мы определили также интенсивность использования дериватов на *-ig*, *-lich*, *-isch*, *-haft* для передачи отношений сравнения. С этой целью было проанализировано 3495 страниц художественного текста. В результате выяснилось, что среди 1844 примеров употреблений рассматриваемых дериватов только в 578 случаях речь шла о передаче отношения сравнения, а это составляет только 31 %. Была определена также встречаемость в компаративном контексте дериватов с конкретными суффиксами. Данные о встречаемости в компаративном контексте распределились следующим образом: дериваты на *-haft* — 44 %; дериваты на *-isch* — 36 %; дериваты на *-lich* — 28 %; дериваты на *-ig* — 21 %.

Интересным показалось также выяснение вопроса о предпочтении в выборе типа синтаксической связи (непосредственная или

опосредованная синтаксическая связь) между указаниями на тему и эталон. Непосредственная синтаксическая связь между указанием на элементы механизма сравнения была зафиксирована для 38 % случаев употребления дериватов на *-haft*, для 17 % случаев с дериватами на *-isch*, для 19 % случаев с дериватами на *-lich* и для 79 % случаев с дериватами на *-ig*. При отмеченном многообразии моделей опосредованной организации связи между указаниями на тему и эталон можно говорить о весомой употребительности четырёх моделей непосредственной синтаксической связи между обозначениями элементов механизма сравнения.

В компаративных высказываниях с дериватами на *-ig*, *-lich*, *-isch*, *-haft* сохраняется отмеченная ранее тенденция появления в позиции, предназначенной для обозначения модуля, указания на эталон, то есть обозначение модуля в рассматриваемых компаративных высказываниях отсутствует. Однако компаративные высказывания содержат «вехи», позволяющие определить признак-модуль. К таким «вехам» следует отнести позицию деривата в линейно-иерархической структуре высказывания, которая позволяет определить характер признака-модуля, и смысловое содержание производящей основы деривата.

Подводя общий итог, следует отметить следующее.

Вероятность однозначного определения значения немецких дериватов на *-ig*, *-isch*, *-haft*, *-lich* только лишь в результате анализа их структурно-морфологической модели представляется достаточно сомнительной. Адресат, безусловно, опирается на дополнительную информацию, которая позволяет правильно идентифицировать значение деривата. Такую дополнительную информацию адресат получает, наблюдая среду функционирования рассматриваемых дериватов. При определении возможности передачи сравнительных отношений высказываниями с дериватами на *-ig*, *-isch*, *-haft*, *-lich* приобретает значение знание о модели конструкции с перечисленными дериватами и о лексическом наполнении конструкции.

Анализ языкового материала позволяет разграничить две возможности отражения отношения сравнения в высказываниях с дериватами на *-ig*, *-isch*, *-haft*, *-lich*: передача компаративного отношения в рамках словосочетания и на уровне предложения.

Обобщение способов синтаксической связи обозначений темы и эталона в рамках словосочетаний и предложений с дериватами на *-ig*, *-lich*, *-isch*, *-haft* выявило возможность непосредственной и опосредованной связи указаний на тему и эталон. В первом случае дериват, производящая основа которого указывает на эталон, непосредственно определяет слово, которое указывает на тему. Во втором случае связь указаний на элементы механизма сравнения опосредуется словом, называющим область поиска признака-модуля, либо цепочкой иерархически соотнесённых членов предложения, последовательно уточняющих область поиска признака-модуля.

В условиях непосредственной синтаксической связи между обозначениями темы и эталона можно говорить о реализации анализируемыми дериватами семы «сравнение». В условиях опосредованной синтаксической связи между указаниями на тему и эталон дериваты актуализируют значение принадлежности, указывают на агенс либо на пространственную отнесённость. В последнем случае условия для передачи отношения сравнения создаются параллельным указанием на аналогичные отношения, связывающие «узловое» слово — обозначение области поиска признака-модуля с указанием на тему.

Прямое обозначение модуля в рассматриваемых компаративных высказываниях на немецком языке отсутствует. Однако в тексте находятся «вехи», которые позволяют определить признак-модуль. Такими «вехами» являются позиция деривата в линейно-иерархической структуре высказывания, позволяющая определить характер признака-модуля и найти обозначение элемента, непосредственно характеризующегося признаком-модулем, и смысловое содержание производящей основы деривата. В компаративных высказываниях, в состав которых входят дериваты на *-ig*, *-lich*, *-isch* и *-haft*, сохраняется отмеченная ранее тенденция появления в позиции, предназначенной для обозначения модуля, указания на эталон.

Указанные обстоятельства подводят к выводам по составу семантической структуры рассматриваемых компаративных единиц. О наличии в их семантической структуре смыслового элемента «квалитативность» свидетельствует позиция, которую занимает дериват. Это позиция согласованного определения или обстоятель-

ства. Так как в компаративных высказываниях, в состав которых входят дериваты на *-ig*, *-lich*, *-isch* и *-haft*, сохраняется отмеченная ранее тенденция появления в позиции, предназначенной для обозначения модуля, указания на эталон, можно утверждать, что в семантической структуре рассматриваемых конструкций немецкого языка присутствует и смысловой элемент «релятивность». Наличие смыслового элемента «наложение признаков» соотносится со способом объединения обозначений темы и эталона в компаративную конструкцию: обозначение эталона находится в рамках обозначения темы.

Анализ словарных толкований немецких прилагательных на *-ig*, *-isch*, *-haft*, *-lich* позволяет наблюдать две возможности: 1) с помощью рассматриваемых прилагательных уточняется представление о признаке, 2) с помощью рассматриваемых прилагательных осуществляется экспрессивное выделение признака.

Первый случай имеет место, как правило, если речь идёт о неградуированном признаке: *glockig* – ‘in der Form einer Glocke’; *fraulich* – ‘in der Art einer (gereiften) Frau’; *eulenhaft* – ‘wie eine Eule’. Второй случай предполагает количественно характеризуемый признак, ассоциированный с эталоном, в котором степень проявления признака рассматривается субъектом сравнения как достаточно высокая. Указанное обстоятельство позволяет субъекту сравнения использовать рассматриваемые прилагательные для экспрессивного выделения признака: *kalkig* – ‘sehr bleich, fahl’; *fürstlich* – ‘sehr reich’; *mimosenhaft* – ‘sehr sensibel, überempfindlich’; *drakonisch* – ‘sehr streng, hart’. Соответственно, в семантической структуре конструкций, которые реализуют первую возможность, присутствует совокупность смысловых элементов «квалитативность + релятивность + наложение признаков + равенство признаков». Семантическая структура конструкций, реализующих вторую возможность, отличается от первой наличием смыслового элемента «экспрессивное выделение признака».

2.5. Компаративные высказывания с суперлативом

Обязательной составляющей компаративных высказываний на немецком языке, которые рассматриваются в данном параграфе, является суперлатив прилагательного (наречия): *Die wichtigsten Mitglieder des Fliederblauen Klüngels sollten kommen* [42, S. 222]. *Julie war die verrückteste von allen* [42, S. 311]. Значение данной формы определяется в грамматике Дудена следующим образом: «Mit dem Superlativ, der Meist- oder Höchststufe, wird ausgedrückt, dass von mindestens drei Wesen, Dingen u.a. einem der höchste Grad einer Eigenschaft, eines Merkmals zukommt» [Duden ... , S. 307]. В приведённой дефиниции речь идёт о качественной характеристике, к данному выводу мы приходим на том основании, что «количественный элемент меры (степени) по отношению к определённом (“исходному”) качеству порождает новое качество» [Бондарко, 1999, с. 21]. Указанный факт предполагает присутствие в семантической структуре рассматриваемых компаративных единиц смыслового элемента «квалитативность». Определение суперлатива, данное в грамматике Дудена, показывает, что речь идёт о превосходстве, максимальной мере признака у одного объекта по сравнению с группой однородных объектов, что, по нашему мнению, соотносится в семантической структуре рассматриваемых компаративных единиц со смысловым элементом «максимальная степень признака». Кроме того, приведённое определение предполагает, что имеются в виду результаты сравнения в ряду однородных объектов.

Вместе с тем наблюдения, проведённые К.Т. Рсалдиновым на материале немецкого языка, позволили ему прийти к выводу, что суперлатив может указывать на максимальную степень проявления признака как релятивно, так и абсолютивно. В последнем случае максимальная степень проявления признака устанавливается относительно абстрактно существующей нормы, т. е. вне сравнения со степенью проявления признака у некоторого объекта или объектов [Рсалдинов Категория интенсивности ... : дис.]. Установленную таким образом степень признака К.Т. Рсалдинов определяет как безотносительную (абсолютивную): *Wetzel verlässt das Parteizimmer, in tiefster Seele gekränkt* [48, S. 43].

При установлении с помощью суперлатива максимальной степени признака через сравнение со степенью его проявления у других объектов К.Т. Рсалдинов говорит об относительно, релятивно установленной степени признака. В этой связи определённый интерес представляют рассуждения К.Т. Рсалдинова об уровнях суперлативности в области относительного определения степени признака. Им было выявлено три таких уровня. Первым уровнем суперлативности он считает выделение одного из объектов среди трёх: (1) *Unter den drei Rebellen, deren Köpfe er hatte beschauen müssen, ohne sie in Trümmer schlagen zu können, war dieser Caron der schlimmste* [42, S. 837]. Вторым уровнем суперлативности он называет определение максимальной степени признака объекта в ряду ограниченного множества: (2) *Die Sage berichtet, einst hätten viele deutsche Fürsten zu Worms im Kaisersaale gesessen und plötzlich entdeckt, dass der unscheinbarste unter ihnen, der Graf im Bart, der Reichste sei* [48, S. 52]. Третьим уровнем суперлативности К.Т. Рсалдинов называет определение максимальной степени признака объекта в ряду неограниченного множества однородных объектов [Рсалдинов Категория интенсивности ... : автореф., с. 15]: (3) *Ja, er fuhr hinaus nach Luviciennes, um die Frau zu besuchen, die unter allen Frauen von Toinette am meisten gehasst wurde, die Gräfin Dubarry* [42, S. 235]. *Du, die Süßeste von allen, bist mir geblieben* [58, S. 155].

Мы установили, что в рамках рассматриваемой группы компаративных единиц возможно также выделение одного объекта из двух: (4) *Stehlen ist verboten und unmoralisch, und am unmoralischsten ist es, Volkseigentum zu stehlen* [48, S. 270]. Вышесказанное позволило нам говорить о возможности установления максимальной степени проявления признака относительно двух, трёх, ограниченного множества и неограниченного множества объектов.

По результатам проведённого нами анализа языкового материала выбор из двух объектов задаётся в рамках сложного предложения. Иллюстрацией такого способа указания на максимальную степень признака, характеризующего тему, служит приведённый пример компаративного высказывания (4). В первой части анализируемого сложносочинённого предложения устанавливается связь признака с эталоном, определяется точка отсчёта на шкале степени проявления признака. Во второй части компаративного высказывания называ-

ется тема, определяется направление движения по шкале степени проявления признака.

Выбор из трёх объектов задаётся в рамках простого предложения. Примером может служить компаративное высказывание (1). На необходимость сопоставления трёх объектов с целью выяснения максимальной степени проявления признака указывается предложным словосочетанием. В компаративном высказывании (1) это словосочетание с предлогом *unter*. Актуальное в данном случае значение предлога *unter* описывается И. Шрёдером следующим образом: «Mit *unter* lässt sich ein lokalisierter Gegenstand / eine Person in eine Menge von mehr als zwei Gegenständen / Personen einordnen, wenn sie gleicher Art wie der lokalisierte Gegenstand / Person sind» [19, S. 186]. К.Т. Рсалдинов приводит пример, в котором используется словосочетание с предлогом *von*: *Löwenstein war der schwächste von den dreien*.

Словосочетание с предлогом *unter* используется и при выделении одного объекта из ограниченного множества в рамках простого предложения: *Unter allen Ariern stehen die Germanen weitaus am höchsten, weil sie die nordische Rasse am reinsten verkörpern* [72, S. 236]. Возможно также использование словосочетания с предлогом *von*, который реализует значение ‘Teil einer Menge’ [19, s. 204]: *Er ist von allen Verleumdern und Verkleinerern der schwärzeste* [42, S. 625].

Круг объектов, относительно качественной характеристики которых устанавливается максимальная степень проявления признака у одного из них, очерчивается в немецком языке в рамках простого предложения и с помощью определения при номинации с суперлативом, которое может быть выражено:

– существительным в родительном падеже во множественном числе, которое очерчивает круг сравниваемых объектов: *Doch der übelste der Burschen trat in die Zelle* [59, S. 116];

– существительным в родительном падеже – локальным ограничителем, определяющим пространство, в котором находятся сравниваемые объекты: *Es war ein kleines Zimmer, in dem sie sich aufhielten, das billigste des Hauses* [59, S. 30];

– существительным в дательном падеже с предлогом *aus* со значением ‘Herkunft aus einer Gruppe von Menschen’ [19, S. 78] – локальным ограничителем: *Dann, ich weiß nicht, wie es kam, lagen Lübben und*

Klopsch, der Stärkste aus J.s Truppe, am Boden zwischen den Stühlen und schlugen mit den Fäusten aufeinander ein [32, S. 44];

– существительным в дательном падеже с предлогом *von* – локальным ограничителем: *Da war vor allem der Marquis de Caraman, ein Dilettant, der in seiner Beszung an der Rue Saint-Dominique den schönsten Garten von Paris angelegt hatte* [42, S. 414];

– существительным в родительном падеже – темпоральным ограничителем, задающим временные рамки, в которых существуют сравниваемые объекты: „*Im Théâtre Français hält man das Stück für die beste Komödie Ihres Zeitalters, Sire*“ [42, S. 726].

В рамках простого предложения указание на выделение объекта из ограниченного множества реализуется в немецком языке с помощью локальных и темпоральных ограничителей. В следующем компаративном высказывании присутствует локальный ограничитель: „*Ich muss Ihnen doch*“, *sagte er*, „*den Raum zeigen, der mir in diesem Haus der liebste ist*“ [42, S. 151]. В компаративном высказывании, приведённом ниже, есть темпоральный ограничитель: „*Ich wäre der größte Feldherr des Altertums geworden*“, *prahlte er* [72, S. 329].

Были обнаружены примеры указания на максимальную степень проявления признака в границах сложноподчинённого предложения с определительной придаточной частью. Выделение одного из объектов по максимальной степени проявления признака может быть осуществлено на основании опыта субъекта сравнения: *Er ist tatsächlich der hassenswürdigste Mensch, den ich mir vorstellen kann* [72, S. 196].

Выделение одного из объектов по максимальной степени проявления признака может быть осуществлено в ряду, который имеет локальные или темпоральные границы. Представление о локальных или темпоральных ограничениях области однородных объектов, в ряду которых осуществляется выделение одного из них по максимальной степени проявления признака, может быть дано в определительной части сложноподчинённого предложения: *Paris ließ es sich nicht nehmen, des stärksten Genius zu gedenken, den das Frankreich dieses Jahrhunderts hervorgebracht hatte* [42, S. 694]. „*Der Anführer der blödesten, geistlosesten, dümmsten und stupidesten Partei, die Deutschland jemals gesehen hat*“ [73, S. 77].

Указание на выделение из ограниченного множества может быть дано в немецком языке в границах сложносочинённого предложения: *Die Klasse schrie und trampelte, und Pulle war am lautesten* [28, S. 55]. В первой части сложного предложения очерчивается круг объектов, определяется точка отсчёта на шкале признака. Во второй части предложения называется тема и указывается направление поиска силы проявления признака.

Информация об объектах, которая определяет точку отсчёта на шкале признака, может быть дана в рамках сверхфразового единства. Далее отмечается максимальная степень проявления признака у одного из объектов: *Noel zeigte ihr sein Wohlwollen. Er legte den Laib, den sie gewählt hatte, zurück und suchte ihr einen andern aus. „Nimm diesen, Yvonne, das ist der beste!“* [56, S. 412].

На выбор из неограниченного множества объектов возможно указание в границах простого предложения:

– словосочетанием с предлогом *unter*, после которого следует словосочетание, называющее группу однородных объектов в мыслимых пределах: *Ihr Herz schlug höher bei dem Gedanken, dass sie diesen Mann, den Ihre Freunde unter den heute Lebenden am höchsten schätzten, so tief hatte bezaubern können* [42, S. 818];

– существительным во множественном числе в родительном падеже, которое сопровождается неопределённым местоимением *alle*: *Sie ergingen sich in Betrachtungen darüber, dass Voltaire zwar der klügste aller Menschen, dass aber Jean-Jacques Rousseau gleichwohl noch größer sei* [42, S. 481];

– словосочетанием с предлогом *von*: *Nun ja, meinte der Doktor, die fleischliche Begier sei von allen Trieben der stärkste* [42, S. 761];

– существительными *die Welt* и *die Erde* в родительном падеже или в дательном падеже после предлога *auf*, которые определяют мир в целом как место локализации объектов сравнения: *„Ist unser Frankreich nicht das toleranteste Land der Welt?“* [42, S. 783]. *Im Schlafrock schleifte er über die Korridore des riesigen Schlosses, des umfangreichsten Bauwerkes der Erde* [42, S. 351].

В любом случае в структуре рассматриваемых немецких компаративных единиц присутствует указание на объект или совокупность объектов, в ряду которых осуществляется сравнение, что,

по нашему мнению, свидетельствует о присутствии в семантической структуре компаративных единиц с суперлативом смыслового элемента «релятивность».

В условиях релятивного определения максимально высокой степени признака, т. е. путём сравнения со степенью проявления признака в группе однородных объектов, сравнение осуществляется в границах одного признака. Указанный факт позволяет предположить в семантической структуре компаративных единиц смысловой элемент «наложение признаков». Вместе с тем один из объектов в силу проявления признака в максимальной степени выделяется из группы однородных объектов, что позволяет говорить о неравенстве признаков по степени их проявления, что, как мы считаем, соотносится со смысловым элементом «неравенство признаков».

Обобщая вышесказанное, мы можем констатировать присутствие в семантической структуре немецких компаративных единиц с суперлативом, к которым относятся рассмотренные выше словосочетания, сложные предложения, сложноподчинённые предложения и СФЕ, в состав которых входит суперлатив, совокупности смысловых элементов «квалитативность + релятивность + наложение признаков + неравенство признаков + максимальная степень проявления признака».

2.6. Организация пространства компаративного поля в немецком языке⁴

Первый опыт описания компаративного поля немецкого языка как грамматико-лексического поля представлял собой попытку преодоления изоляции изучения грамматических форм от их употребления в естественной речи [Гульга, Шендельс, с. 5]. Предпринятая попытка имела основание в признании факта, что грамматическое значение, для выражения которого в системе языка существует специальная грамматическая форма (степени сравнения прилагательных), может «повторяться» на других уровнях [Гульга, Шендельс, с. 6]. Характеристика компаративного поля как грамматико-лексического

---

⁴ Денисова Г. Л. Поле сравнения: структура и место в системе языка (на материале немецкого языка) // Казанская наука. 2010. № 7. С. 114–121.

поля имела следующие последствия: 1) стимулирование работы в направлении поиска равноуровневых языковых средств со значением сравнения; 2) закрепление за грамматическим языковым средством статуса формы, которая выражает отношения между явлениями объективной действительности в наиболее общем виде.

Первый фактор выразился в плодотворной работе, которая была направлена на поиск средств со значением сравнения. В системе немецкого языка к языковым средствам со значением сравнения были отнесены:

- степени сравнения прилагательных [Гулыга, Шендельс; Рсалдинов];
- сложные прилагательные [Сакаян; Макушева; Прищепа; Молчанова; Никитина; Зоммерфельдт; Ивашкевич; Куслик, 1973];
- сложные существительные [Азатьян; Аракелян; Колпакова; Прищепа; Büttger; Pavlov];
- прилагательные с суффиксами: *-ig*, *-lich*, *-heit*, *-isch* [Брагина; Куленко; Прищепа; Судиловская];
- прилагательные с элементами: *-förmig*, *-artig*, *-lang*, *-hoch*, *-groß* и т. д. [Fleischer, 1983; Kempfer];
- группы сравнения с *wie* и *als* [Арынов, 1965; Арынов, 1967; Искандерова; Куленко; Олешко; Постникова, 1972];
- компаративные фразеологические единицы [Божеева; Бурдина; Глазырин; Михайлов, 1970; Михайлов, 1972; Неведомская];
- сложноподчинённые предложения:
  - а) реального сравнения с союзами: *als*, *als dass* [Салькова],
  - б) пропорционального сравнения с двойными союзами: *je ... desto*, *je ... um so*, *je ... je* [Гулыга, Шендельс; Сокольская],
  - в) реального сравнения с союзом *wie* [Жилин, 1961; Жилин, 1963; Салькова],
  - г) ирреального сравнения с союзами: *als*, *als ob*, *als wenn*, *wie wenn* [Бубнова, 1977; Бубнова, 1978; Марк; Салькова] и т. д.

Второй фактор выразился в признании степеней сравнения прилагательных доминирующей специальной грамматической формой, используемой для выражения сравнения. Указанное обстоятельство затушевало структурные особенности компаративных единиц и послужило в ряде работ основанием для подмены понятия о «компара-

тивности» понятием «градуальности» или «интенсивности» [Слюсарева, с. 180; Карапетова, с. 9; Иванова, 2001, с. 109–110].

Работа по определению организации пространства компаративного поля на материале разных языков осуществляется в рамках теории функционально-семантических полей.

О.Р. Жерновая [Жерновая] и А.В. Николаева [Николаева, 2002], исследуя функционально-семантическое поле компаративности в современном английском языке, определяют его как моноцентрическое, имеющее квалитативно-квантитативное ядро (общие признаки: «компаративность», «качественность», «количественность») и характеризуемое широким кругом связей с полями, относящимися к другим группировкам. Н.Н. Ледовская, рассматривая категорию суперлативности в английском и русском языках, относит рассматриваемые языковые средства к средствам градации качественных признаков и считает многообразие языковых воплощений градации качественных признаков следствием стремления с максимальной точностью отобразить тончайшие нюансы проявления качественных признаков. Н.Н. Ледовская подчёркивает связь языковых воплощений градации качественных признаков с мыслительной операцией сравнения [Ледовская]. Н.О. Федеряева определяет категории интенсивности, градуальности, меры признака и собственно компаративность (сравнение) как субкатегории (подвиды) категории компаративности [Федеряева, 2006; Федеряева, 2009].

Описанию функционально-семантического поля компаративности в современном русском языке посвящено диссертационное исследование О.В. Кравец [Кравец, 2003]. Компаративное поле, доминантой которого автор считает морфологическую категорию степеней сравнения, рассматривается как поле смешанного типа, на первом и втором уровнях которого разделение на микрополя сходства и различия ориентировано на объективные (онтологические) отличия между реальными фактами (МП сходства → МП реального сходства, МП ирреального сходства; МП различия → МП превосходства, МП сниженности, МП общего различия), а на последующих ступенях разделение ориентировано на особенности грамматического строя русского языка.

Описанию функционально-семантического поля компаративности в марийском литературном языке посвящено диссертаци-

онное исследование И.В. Казанцевой. Автор использует термин «компаративность» как покрывающий обширный арсенал разноразрядных средств языка для выражения понятий равенства / неравенства, градации признака и выражения разной степени качества, к которым она относит падежные форманты, суффиксы, послелого, частицы, союзы. Выделяет в пространстве поля микрополя равенства и неравенства. Отношение «центр ↔ периферия» автор определяет по частотности употребления: к ядру относит единицы морфологического уровня, к околоядерной части — конструкции с показателем сравнительных отношений, немаркированные сравнительные конструкции, единицы синтаксического уровня, к ближайшей периферии — единицы лексического уровня, послелого [Казанцева].

Рассматривая функционально-семантическое поле категории градуальности (на материале имени прилагательного) в мордовских языках, Е.М. Девяткина включает компаративные единицы в ряд средств, выражающих градацию признака [Девяткина, с. 10].

Исследуя концепт «сравнение» и его репрезентацию в немецком и русском языках, Т.В. Захарова относит к прототипическому ядру концепта в немецком и русском языках степени сравнения прилагательных, которые «выражают значения полного и неполного неравенства / различия, полного и неполного сходства / равенства, значение высокой степени качества, значение супервысокой степени качества». Синтаксические, лексические, словообразовательные средства, сравнительные (компаративные) фразеологизмы автор относит к периферийным средствам, выражающим инвариантную функцию сходства / различия [Захарова]. Н.А. Васильева считает, что наряду с формами степеней сравнения ядро ФСП компаративности в современном немецком языке конституируют кванторы [Васильева].

Предлагаемая нами схема компаративного поля в немецком языке отличается от традиционной интерпретации следующими моментами:

1) разграничиваются понятия «компаративности» и «градуированности признака» (на то, что понятие сравнение (*comparaison*) покрывает два механизма: установление подобия (*similitude*) и количественную оценку (*comparatio*), указывает М. Ле Гуэр [Le Guern, p. 52–64]): в пределах компаративного поля выявляется область

релятивной качественности (подобия) и область релятивной степени признака, т. е. учитывается факт частичного наложения функционально-семантического поля интенсивности признака на область компаративного поля по области поля релятивной степени признака;

2) в пределах релятивной качественности выделяется поле отличия;

3) принимается во внимание, что в системе немецкого языка компаративное поле является сегментом макрополя качественности;

4) определяется место компаративных единиц, в семантической структуре которых обнаруживается смысловой элемент «экспрессивное выделение признака»;

5) принимается во внимание, что конститuentы компаративного поля (компаративные единицы, которые используются для запуска когнитивного механизма сравнения) имеют сложную многочленную структуру;

6) при решении вопроса о доминанте и отношении «центр ↔ периферия» в компаративном поле мы встаём на позиции когнитивного подхода к языковым явлениям.

При выделении доминанты компаративного поля с позиций когнитивного подхода общие критерии выделения доминант полей (специализированность, однозначность, систематическое использование [Гулыга, Шендельс, с. 10]) требуют уточнения и дополнения.

Критерий «систематическое использование» традиционно ориентирует на применение статистических процедур с подсчётом употреблений компаративных единиц в текстах. Однако проведённое статистическое обследование и анализ обращения к сравнению в справочных, рекламных и художественных текстах на немецком языке, результаты которого излагаются в четвёртой главе данной работы, обнаруживают достаточно неоднородную картину в предпочтении компаративных единиц того или иного вида в текстах определённого типа. Вместе с тем мы считаем, что ориентация критерия «систематическое использование» на позицию адресата, на предпочтительное использование определённой компаративной единицы для экспликации смысла «качественность + релятивность» (к примеру, в словарных толкованиях) способствует выявлению доминанты.

Критерии «специализированность» и «однозначность» в отношении компаративных единиц, отличающихся сложной структурной организацией, скорее всего, принимают форму представления о простоте / сложности извлечения смысла «качественность + релятивность», которое может основываться на представлении носителей немецкого языка о простоте некоторых фигур сравнения. Такие выделяются носителями немецкого языка: «Einfachste Figur des Vergleichens ist der Vergleich mit festen Vergleichspartikel (*wie, als*) oder semantisch entsprechenden Verben (*gleich*, [*sich*] *ähn*eln, *sich unterscheid*en)» [17, S. 136]. Другими словами, «простота» извлечения смысла «релятивность» предполагает маркированность единицы как компаративной, т. е. присутствие в её составе показателя сравнительных отношений. «Простота» извлечения смысла «качественность» обеспечивается, с нашей точки зрения, указанием на область поиска признака-модуля прилагательным, основное категориальное значение которого определяется как 'качество', 'свойство'. Ориентация на критерий «простоты / сложности извлечения смысла 'релятивная качественность'» позволяет составить представление об отношении «центр ↔ периферия» в структуре компаративного поля.

К факторам, которые свидетельствуют о тяготении конституента к центру, в этом случае относятся непосредственная связь указаний на тему и эталон, присутствие показателей сравнительных отношений и наличие уточнения области поиска признака-модуля в форме прилагательного в составе компаративной единицы. К факторам, которые свидетельствуют об отдалении конституента от центра, относятся опосредованная связь указаний на тему и эталон, отсутствие показателя сравнительных отношений, отсутствие уточнения области поиска признака-модуля в форме прилагательного в составе компаративной единицы, выявление в семантической структуре компаративной единицы признаков, которые свидетельствуют о тяготении конституента к другому функционально-семантическому полю.

Наше представление о компаративном поле немецкого языка изложено ниже.

2.6.1. Место компаративного поля в системе немецкого языка

Анализируя высказывания, организуемые лексемами — показателями сравнительных отношений, высказывания, в состав которых входят группы с *wie* или *als*, компаративные конструкции с существительным в позиции «узлового» компонента, сложноподчинённые предложения, в основании которых лежит логический конструкт сравнения, мы выделяем в «общей ситуации», называемой конкретным высказыванием, аспект, связанный с передачей сравнительных отношений. Подобные аспекты «общей ситуации» высказывания А.В. Бондарко называет категориальными ситуациями [Бондарко, 1999, с. 23], в рассматриваемом случае речь идёт о категориальной ситуации сравнения.

Категориальная ситуация является элементом триады «семантическая категория — функционально-семантическое поле — категориальная ситуация» [Бондарко, 1999, с. 28] и представляет собой проекцию семантической категории и функционально-семантического поля на высказывание. Возможность выявления в «общей ситуации» высказываний одного и того же аспекта — категориальной ситуации сравнения — позволяет предположить, что в составе рассматриваемых высказываний используются языковые средства, которые представляют семантическую категорию сравнения, и что рассматриваемые языковые средства являются конститuentами одного функционально-семантического поля. Определяя характер связи элементов триады, А.В. Бондарко отмечает, что от конкретных вариантов категориальных ситуаций, представляющих собой определённый аспект содержания данного высказывания, идут линии связи к функционально-семантическим полям как системе языковых средств, которые служат для выражения определённых смысловых элементов. Отсюда идёт линия связей к семантическим категориям как наиболее абстрактным смысловым константам, представляющим собой результат обобщения тех конкретные содержательных элементов, которые реализуются в различных высказываниях [Бондарко, 1999, с. 28–29]. Кстати, А.В. Бондарко указывает на возможность рассмотрения компаративных единиц как конститuentов одного функционально-семантического поля: «При определённых целях исследования, особенно в тех случаях, когда компаративность

является специальным и единственным предметом анализа, рассмотрение этого предмета как особого функционально-семантического поля может быть наиболее целесообразным» [Бондарко, 1999, с. 21–22]. Так как сравнение является специальным предметом анализа нашего исследования, категория сравнения рассматривается в качестве понятийной категории, представляющей универсальную константу смысла, последняя получает в немецком языке определённую системно-языковую и речевую интерпретацию.

Как нам представляется, при рассмотрении вопроса о компаративности как особом функционально-семантическом поле следует обратить внимание на вопрос о положении компаративного поля относительно поля качественности. А.В. Бондарко указывает на возможность включения компаративности в сферу качественности: «Семантика компаративности представляет собой синтез категорий качественности и количественности. Учитывая пересечение этих категорий, мы всё же относим компаративность к сфере качественности, поскольку квантитативный элемент меры (степени) накладывается на качественную основу, причём результат взаимодействия указанных признаков – это именно качество: количественный элемент меры (степени) по отношению к определённому (“исходному”) качеству порождает новое качество (ср. *более сильный, самый сильный* – по отношению к *сильный*)» [Бондарко, 1999, с. 21]. А.В. Бондарко предлагает интерпретировать качественность не как «простое» поле, а как поле сложное, объединяющее две функционально-семантические сферы: «собственно качественность», или «основную качественность», и «компаративность».

Анализируя точку зрения А.В. Бондарко относительно характеристик компаративного поля в русском языке, мы обратили внимание на то, что признак «компаративность» в изложении А.В. Бондарко постоянно соотносится с «квантитативным элементом меры (степени)». Указанное наблюдение подводит к выводу, что А.В. Бондарко, используя термин «компаративность», ведёт речь об интенсивности признака, обращая внимание на наложение области функционирования языковых единиц с семантикой интенсивности признака на область поля качественности.

На материале немецкого языка категория интенсивности признака подробно описывается К.Т. Рсалдиновым. В ходе проведён-

ного исследования К.Т. Рсалдинов выясняет, что в гносеологическом аспекте категория интенсивности признака обнаруживает две разновидности, первая из которых связана с определением степени признака через сравнение степени признака двух или более предметов (релятивно), а вторая связана с установлением степени признака относительно абстрактно принятой нормы (абсолютивно). Факт определения степени признака путём соотношения со степенью признака конкретного предмета или абстрактно принятой нормой позволяет К.Т. Рсалдинову рассматривать функционально-семантическое поле интенсивности признака как реляционное макрополе, которое соответственно членится на два поля: поле релятивной степени признака и поле абсолютивной степени признака [Рсалдинов Категория интенсивности ... : автореф., с. 7].

Мы считаем, что концепция реляционного поля может быть принята и для поля качественности, так как качество устанавливается путём соотнесения с качеством конкретного предмета или с абстрактно принятой нормой. То есть в гносеологическом аспекте качественность подобно категории интенсивности признака обнаруживает две разновидности: качественная характеристика может быть установлена либо путём сравнения объектов (релятивно), либо определяется по отношению к абстрактно принятой норме, то есть вне сравнения с признаками конкретного предмета (абсолютивно).

Первая разновидность качественности, которую можно определить как релятивную качественность, иллюстрируется следующими примерами: *Wie ein fliegendes schwarzgrünes Gebirge waren sie [die Wogen], in dessen Rinnen und Rillen der Schnee schmolz* [56, S. 357]. *Ich sehe sie in diesem Augenblick mit ihrem straff nach hinten gekämmten Haar, mit dem Mittelscheitel und dem Knoten im Nacken, der dort liegt wie eine etwas zu breit gelaufene Bäckerschnecke* [80, S. 232]. В первом примере с помощью сравнения даётся визуальная характеристика поднимающихся в море волн, во втором примере определяется форма женской причёски.

Вторая разновидность качественности, которую можно определить как абсолютивную качественность, иллюстрируется следующими примерами: *Die Zeit vergeht schnell, wenn man sie nicht stündig belauert* [34, S. 173]. *Dabei handelte sie vielleicht in guter pädagogischer*

Absicht [76, S. 66]. *Die Geburt war schwer* [76, S. 24]. Выделенные прилагательные и наречия характеризуют предметы абсолютивно, соотнося определяемые качества с абстрактно принятыми нормами.

Соответственно выявленным разновидностям качественности сегмент в системе языка, который А.В. Бондарко определяет как «собственно качественность», или «основную качественность», можно разделить на два пространственных образования: область релятивной качественности и поле абсолютивной качественности.

Конституенты поля абсолютивной качественности, естественно, находятся за рамками компаративного поля: их семантическая структура включает элементы «квалитативность» и «абсолютивность». По признаку отсутствия в семантической структуре смыслового элемента «релятивность» за рамками компаративного поля остаются и конституенты поля абсолютивной степени признака, которое было описано К.Т. Рсалдиновым в работе, посвящённой категории интенсивности признака в современном немецком языке [Рсалдинов Категория интенсивности ... : дис.]. К конституентам данного поля К.Т. Рсалдинов относит синтетическую форму прилагательных и наречий на *-er*, конструкции с лексемами-интенсификаторами (*zu, sehr, ganz, völlig, durchaus, auffallend, hochgradig, unergründlich*), элативную конструкцию, префиксальные образования с префиксами *all-, über-, ur-, hoch-, erz-, extra-, hyper-, super-, ultra-*, восклицательные предложения, образования с фразеологизмами-интенсификаторами (*zum Umfallen, zum Fürchten, bis auf die Knochen, auf den Tod, über alle Erwartungen, über alle Maßen*). Возможность рассмотрения названных языковых средств с семантикой интенсивности признака в рамках реляционного макрополя интенсивности признака как особого пространственного образования обусловлена выявлением в их семантической структуре смыслового элемента «абсолютивность». Принимая во внимание, что любая степень признака, по замечанию А. В. Бондарко, образует новое качество, в семантической структуре конституентов абсолютивной степени признака необходимо отметить смысловой элемент «квалитативность».

Компаративные единицы группируются в пространстве релятивной качественности: проведённый нами во второй главе анализ компаративных единиц немецкого языка обнаружил обязательное

сочетание в их смысловой структуре двух элементов «компаративность + релятивность».

К свидетельствам наличия смыслового элемента «квалитативность» в семантической структуре немецких компаративных единиц мы относим следующее: 1) употребление при толковании значений лексем — показателей сравнительных отношений слов тематической группы «качество, свойство, признак»; 2) употребление интенсификаторов в окружении лексем — показателей сравнительных отношений; 3) характер позиции, которая занимается указанием на эталон; 4) семантику уточнений области поиска признака-модуля; 5) употребление глаголов — показателей сравнительных отношений во временных формах, набор сем которых не противоречит лексическому значению глаголов, представляющих отношение между объектами как качество, свойство; 6) реализацию компаративных единиц в условиях демотивации как номинаций объектов в их качественной определённости и как составляющих поля качественности.

Наличие смыслового элемента «релятивность» в семантической структуре всех компаративных единиц в немецком языке выявил анализ заполнения позиции, предназначенной для указания на признак-модуль: в составе компаративных единиц позицию, предназначенную для указания на модуль, занимает обозначение эталона.

Совокупность смысловых элементов «квалитативность + релятивность» в семантической структуре языковых единиц позволяет очертировать в языковой системе границы области, которую можно назвать компаративным полем. Данное пространственное образование представляет собой сегмент поля качественности, в котором, в свою очередь, выявляется сегмент функционально-семантического поля интенсивности признака, которое было описано К.Т. Рсалдиновым. Область макрополя интенсивности признака К.Т. Рсалдинов членит на два поля: уже упомянутое выше поле абсолютной степени признака и поле релятивной степени признака. Предложенное членение мотивируется противопоставлением смысловых элементов «абсолютивность» и «релятивность» в семантической структуре конститuentов макрополя интенсивности признака. Таким образом, область функционально-семантического поля сравнения определяется, с одной стороны, границами поля релятивной

качественности в области «собственно качественности», или «основной качественности», в терминах, предложенных А.В. Бондарко [Бондарко, 1999, с. 21], с другой стороны, границами поля релятивной степени признака.

Границы поля релятивной степени признака имеют, по нашему мнению, несколько иные очертания, чем в работе К.Т. Рсалдинова. Данный вопрос мы собираемся обсудить ниже в процессе уточнения структуры компаративного поля.

2.6.2. Полицентричность компаративного поля в немецком языке

Уточнение структуры компаративного поля мы проводим путём определения существующих между конституентами оппозиций, которые обусловлены различием в семантической структуре языковых единиц, образующих данное пространственное образование.

Анализ, осуществлённый в первых двух главах, выявил в семантической структуре компаративных единиц немецкого языка кроме элементов «квалитативность + релятивность», которые конституируют область компаративного поля, следующие смысловые элементы: «наложение признаков / отсутствие наложения признаков», «равенство признаков / неравенство признаков», «расхождение по степени проявления признака», «максимальная степень проявления признака». Были определены возможные их соединения и оппозиции, обусловленные присутствием или отсутствием смыслового элемента в семантической структуре языковой единицы.

Противопоставление первого порядка заложено уже в языковом значении сравнения, которое определяется как представление о наложении или отсутствии наложения мыслительных образов предметов или фрагментов действительности по области их признаков, другими словами, противопоставление первого порядка определяется отсутствием или наличием в семантике немецких компаративных единиц смыслового элемента «наложение признаков».

Анализ языкового материала, проведённый в предшествующих двух главах, показал, что наличие смыслового элемента «наложение признаков» в семантике немецких компаративных единиц находит выражение: 1) в способе объединения обозначений темы и эталона

в компаративную конструкцию: обозначение эталона находится в рамках обозначения темы; 2) в неполноте состава групп с *wie* и с *als*; 3) в способе объединения указаний на тему и эталон в рамках немаркированной компаративной конструкции – через актуализацию центростремительных и центробежных потенциалов общего для них номинативного элемента; 4) в отсутствии дискретности, или в слиянии в целостной номинативной единице качественной характеристики, на которую указывает первая непосредственно составляющая, активирующая эталон, и общего представления о теме, которое активируется «ядром» компаративного существительного.

Совокупность смысловых элементов «квалитативность + релятивность + отсутствие наложения признаков» в семантической структуре языковых единиц позволяет определить область поля отличия. Ядро поля отличия образуют предложения, организуемые прилагательными-предикативами с семантикой отличия. Отношение сравнения объектов по качественной характеристике в подобных предложениях маркируют прилагательные в позиции предикатива. Предложения, которые организуются глаголами с семантикой отличия (к примеру, глаголом *sich unterscheiden*), относятся носителями немецкого языка к простейшим фигурам сравнения [17, S. 136], что позволяет предположить их расположение в околядерной зоне поля отличия. На область поля отличия проецируются конститuentы поля сходства, содержащие отрицание: предложения с отрицанием, которые организуются лексемами с семантикой сходства; сложноподчинённые предложения, выражающие реальное сравнение, с отрицанием в главном предложении.

Отношение, устанавливаемое конститuentами поля отличия, можно для наглядности выразить формулой $aR \neq bR$, где a – то, что сравнивается, R – признак, по которому осуществляется сравнение, b – то, с чем сравнивают.

Отношение, устанавливаемое конститuentами компаративного поля, в семантической структуре которых обнаруживаются смысловые элементы «квалитативность + релятивность + наложение признаков», можно представить формулой $aR \geq bR$, так как сема «наложение признаков» не обязательно предполагает их равенство. Возможность обозначения с помощью конститuentов компаратив-

ного поля как равенства, так и неравенства сходных признаков отмечается уже в очерке Е.В. Гулыги, которая членит компаративное поле на два микрополя: микрополе неравенства и микрополе равенства [Гулыга, Шендельс, с. 115]. В нашем случае важен семантический признак, с которым связана оппозиция выявляемых областей поля: «равенство — неравенство признаков». Данная оппозиция, которая в предлагаемой нами схеме рассматривается как противопоставление второго порядка, позволяет разграничить область единиц с семантической структурой «квалитативность + релятивность + наложение признаков + равенство признаков» ($aR = bR$) и сегмент компаративного поля, который образуется языковыми единицами с семантической структурой «квалитативность + релятивность + наложение признаков + неравенство признаков» ($aR > bR$). Первую область мы определяем как поле сходства, вторую — как поле релятивной степени признака.

В поле сходства группируются немецкие компаративные единицы, в семантической структуре которых представлена совокупность смысловых элементов «квалитативность + релятивность + наложение признаков + равенство признаков» ($aR = bR$). Сечение поля сходства даёт список его конститuentов, а учёт критериев выделения доминанты поля позволяет выявить его центральную и периферийную часть.

Ядром поля сходства мы считаем компаративные единицы, включающие группу с *wie* при прилагательном. Они часто используются при интерпретации значения других компаративных единиц, отличаются простотой, непосредственностью связи между указанием на тему и эталон, маркированностью отношения сравнения, акцентом на качестве как ведущей характеристике. Дополнительных усилий со стороны адресата в процессе когниции требуют отсутствие уточнений области поиска признака-модуля („*Du gefälltst mir, du bist wie eine Elfe*“ [71, S. 292]) и обращение к более сложным формам при обозначении сравниваемых объектов (*Seine über die Ohren fallenden Haare spreizen sich wie die Flügel einer erschrocken auffliegenden Ente* [28, S. 143]), поэтому мы считаем, что данные обстоятельства способствуют отдалению компаративной единицы, включающей группу с *wie*, от центра поля.

В приядерную зону по признакам простоты, ясности качественной характеристики, включению сравнительной семантики в значение лексемы следует отнести компаративные единицы, в состав которых входят лексемы с семантикой сходства. Компаративные единицы с широкозначными прилагательными (*ähnlich, gleich*) расположены к центру ближе, чем компаративные единицы, организуемые глаголами сходства, которые акцентируют внимание на отношении сходства, вывод о качественной характеристике темы сравнения адресат должен сделать самостоятельно.

На границе приядерной и средней части поля находятся компаративные единицы с прилагательными на *-artig, -farben (-farbig), -förmig (-formen), -mäßig*, с компаративными сложными прилагательными и компаративные сложные существительные. Они обладают ярко выраженной направленностью на качественную характеристику объекта, связь указаний на тему и эталон является, как правило, непосредственной, но в их составе отсутствуют маркеры сравнительных отношений.

Сложноподчинённые предложения с семантикой сходства, выражающие реальное сравнение, и конкурирующие с ними компаративные единицы, включающие группу с *wie*, в нашей интерпретации, находятся в средней части поля сходства. Хотя в их составе обнаруживаются показатели сравнительных отношений, сложность сравниваемых объектов (ситуация, положение дел) и, как правило, опосредованная связь указаний на тему и эталон требуют от адресата дополнительных усилий для извлечения смысла.

Анализа контекста употребления и наполнения составляющих компаративных единиц требуют немаркированные компаративные конструкции с дериватами на *-ig, -isch, -haft, -lich*, а также с существительным в позиции «узлового» компонента, что свидетельствует об их удалённости от центра поля сходства.

На периферии поля сходства располагаются компаративные единицы, в состав которых входит сложноподчинённое предложение ирреального сравнения. Указанные компаративные единицы характеризуются сложностью сравниваемых объектов (ситуация, положение дел), опосредованной связью указаний на тему и эталон, возможной связью с предшествующими высказываниями [Гулы-

га, Шендельс, с. 130], часто непростыми ассоциативными связями темы и эталона, что позволило Б. Дельбрюку назвать эти предложения *Phantasievergleiche* [Delbrück, S. 280]. Присутствие в семантической структуре рассматриваемых компаративных единиц смыслового элемента «гипотетичность» свидетельствует об их нахождении в области пересечения поля сходства с полем модальности.

Компаративные единицы с семантической структурой «квалитативность + релятивность + наложение признаков + неравенство признаков» группируются в предлагаемой нами схеме в области поля релятивной степени признака. Сразу необходимо указать на причины, сообразуясь с которыми границы и членение поля релятивной степени признака, предложенные К.Т. Рсалдиновым, мы принимаем лишь отчасти. Принимается выделение в поле релятивной степени признака микрополей релятивного компаратива и суперлатива, в то время как возможность выделения в области поля релятивной степени признака области, которая определяется К.Т. Рсалдиновым как микрополе экватива (поле релятивной положительной степени), предлагается к обсуждению.

В схеме К.Т. Рсалдинова микрополе экватива представляется следующими конститuentами: эквативная конструкция (*Adj. + wie + S*), придаточные предложения реального и ирреального сравнения со значением экватива с союзами *wie, als, als ob, als wenn*, композиты вида *steinschwer* [Рсалдинов Категория интенсивности ... : дис., с. 86]. Насколько можно судить по списку конститuentов, в названных конструкциях в качестве обязательного элемента присутствуют прилагательное или наречие, которые называют градуируемые признаки. Вместе с тем группа с *wie* может занимать позицию обстоятельства образа действия, уточняя и конкретизируя значение глагола. Следуя логике рассуждений К.Т. Рсалдинова, последние конструкции располагаются за пределами описываемого им микрополя.

К.Т. Рсалдинов противопоставляет микрополе экватива двум микрополям — микрополю релятивного компаратива и микрополю суперлатива — на основе различия сем «равенство степени признака» — «неравенство степени признака», то есть признак «неравенство степени признака» характеризует конститuentы двух микрополей, а признак «равенство степени признака» — только конститuentы

одного микрополя. Логично предположить, что микрополе экватива в схеме К.Т. Рсалдинова должно бы быть противопоставлено образованию, объединяющему микрополе релятивной степени признака и микрополе суперлатива. Другими словами, рассматриваемые образования не являются одноуровневыми, как это отражается в схеме К.Т. Рсалдинова.

Следует также обратить внимание на семантический признак, который К.Т. Рсалдиновым используется в качестве основы для противопоставления микрополя экватива микрополям релятивного компаратива и суперлатива. К.Т. Рсалдинов определяет его как «равенство степени признака — неравенство степени признака» и интерпретирует пример «*Sein Gesicht war jetzt so blau wie seine Uniform*» следующим образом: «Конструкцией *so blau wie* устанавливается равенство степени признака (*blau*) предмета сравнения с тем же признаком объекта сравнения» [Рсалдинов Категория интенсивности ... : автореф., с. 8]. Но если принять во внимание, что «лексическое значение качественного прилагательного выражает самую общую идею поименованного свойства», в силу чего «обозначаемый прилагательным виртуальный, как правило, чрезвычайно обобщённый признак актуализируется, конкретизируется, семантически расчленивается лишь путём сочетаемости его с семантически или узуально совместимыми предметными именами» [Уфимцева, 2002, с. 203], то словосочетание *blau wie seine Uniform* следовало бы считать той минимальной определительной синтагмой, которая позволяет конкретизировать обозначаемое прилагательным *blau* виртуальное понятие. Другими словами, в приведённом высказывании словосочетание *blau wie seine Uniform* позволяет определить признак *blau* в его качественной определённости. Можно также говорить о том, что предиктивное прилагательное, конкретизированное группой с *wie*, предмету, который называется в позиции подлежащего, позволяет определить качественную характеристику данного предмета.

Аналогично объясняются и примеры с компаративом и суперлативом: прежде чем констатировать степень качества, необходимо установить расхождение конкретных представлений о виртуальном качестве относительно сравниваемых предметов. Поэтому в нашей работе признаком, который позволяет разграничить область

языковых единиц с семантической структурой «квалитативность + релятивность + наложение признаков + равенство признаков» и область, которая охватывает микрополя релятивного компаратива и суперлатива, считается семантический признак «равенство признаков – неравенство признаков».

Мы считаем, что элементы «равенство признаков / неравенство признаков» предполагают соотнесение признака темы с «точкой отсчёта» на «шкале признака», эта точка даёт представление о признаке, типичном для эталона. Отнесение к данной точке свидетельствует о «равенстве признаков». Указание на отклонение от данной точки, передаваемое прилагательным (наречием) в сравнительной или превосходной степени, констатирует «неравенство признаков». Смысловой элемент «максимальная степень проявления признака» предполагает выделение темы по интенсивности проявления признака в ряду указанных эталонов.

Языковые единицы с семантической структурой «квалитативность + релятивность + наложение признаков + неравенство признаков» ($aR > bR$) образуют поле релятивной степени признака. Дальнейшее разграничение языковых единиц осуществляется по семантическому признаку «расхождение по степени признака – максимальная степень признака». Семантическая структура «квалитативность + релятивность + наложение признаков + неравенство признаков + расхождение по степени признака» характеризует конститuentы микрополя релятивного компаратива. Ядром микрополя релятивного компаратива мы считаем компаративные единицы, включающие группу с *als* при прилагательном в сравнительной степени. Они отличаются простотой, непосредственностью связи между указанием на тему и эталон, маркированностью отношения сравнения, акцентом на качестве как ведущей характеристике. Дополнительных усилий со стороны адресата в процессе когниции и, следовательно, отдалению компаративной единицы, включающей группу с *als*, от центра способствует обращение к более сложным формам при обозначении сравниваемых объектов. По критерию сложности обозначения сравниваемых объектов компаративные единицы, включающие группу с *als* при наречии в компаративе, и компаративные единицы, в состав которых входит сложноподчи-

нённое предложение реального сравнения с союзом *als* при компаративе, занимают позицию, более удалённую от центра. Ближе к периферии располагается синтаксическое целое, в составе которого употребляется компаратив.

Семантическая структура «квалитативность + релятивность + наложение признаков + неравенство признаков + максимальная степень проявления признака» характеризует конститuentы микрополя суперлатива, в список которых вслед за К.Т. Рсалдиновым [Рсалдинов Категория интенсивности ... : дис., с. 131] мы включаем в первую очередь доминанту микрополя — компаративные единицы с суперлативом. Более удалённую позицию от ядра микрополя занимают сложноподчинённое предложение с определительным придаточным предложением к существительному, уточнённое прилагательным в форме суперлатива, и сложносочинённое предложение, во второй части которого употребляется суперлатив, как сложные формы сравнения. Ближе к периферии располагается синтаксическое целое, в составе которого употребляется суперлатив, так как для определения сравниваемых объектов в этом случае необходим анализ контекста.

Таким образом, объединение языковых единиц в компаративное поле осуществляется на основе инвариантного элемента «релятивность» в их семантической структуре, который выступает в совокупности со смысловым элементом «квалитативность». Совокупность сем «квалитативность + релятивность» в семантической структуре языковых единиц позволяет очертить в языковой системе границы области, которую можно назвать компаративным полем. Данное пространственное образование представляет собой сегмент поля качества, за пределами которого остаются языковые единицы, в семантической структуре которых обнаруживается смысловой элемент «абсолютивность». Границы функционально-семантического поля сравнения определяются пространством релятивной качества. На пространство релятивной качества частично накладывается функционально-семантическое поле интенсивности признака, т. е. в пространстве релятивной степени признака определяется область поля релятивной степени признака и область релятивной качества. В области релятивной качества, входящей в пространство «собственно качества», или «ос-

новой качественности», в терминологии А.В. Бондарко [Бондарко, 1999, с. 21], находятся поля сходства и отличия. Семантическая структура языковых единиц, образующих поле отличия, отличается от семантической структуры языковых единиц, образующих поля сходства и интенсивности признака, семей «отсутствие наложения признака». Семантическая структура конstituентов поля сходства отличается от семантической структуры конstituентов поля интенсивности признака смысловым элементом «равенство признаков». В семантической структуре конstituентов поля интенсивности признака присутствует смысловой элемент «неравенство признаков». В пределах поля интенсивности признака наблюдается дальнейшее деление на микрополе релятивного компаратива и микрополе суперлатива. Членение ориентируется на семы, которые констатируют степень (меру) признака: «расхождение по степени проявления признака», «максимальная степень проявления признака».

Таким образом, компаративное поле можно определить как макрополе, в структуре которого обнаруживается четыре центра. «Поле отличия» и «Поле сходства» – в пределах области релятивной качественности, «Микрополе релятивного компаратива» и «Микрополе суперлатива» – в границах поля релятивной степени признака.

2.6.3. Связи языковых единиц, пронизывающие компаративное поле

Определение в семантической структуре компаративных единиц возможных соединений и оппозиций смысловых элементов «наложение признаков / отсутствие наложения признаков», «равенство признаков / неравенство признаков», «расхождение по степени признака», «максимум признака» позволяет констатировать в пространстве компаративного поля четыре основных центра («Поле отличия», «Поле сходства», «Микрополе релятивного компаратива» и «Микрополе суперлатива»), к которым тяготеют конstituенты компаративного поля. Вместе с тем ряд конstituентов компаративного поля характеризуется общностью семантических признаков, которые нерелевантны для определения структуры компаративного поля, но обнаруживают существование семантических связей, которые пронизывают компаративное поле и могут выходить за его пределы.

К примеру, общие семы в семантической структуре языковых единиц поля абсолютной степени признака и поля релятивной степени признака позволяют объединить их в функционально-семантическое поле интенсивности признака, что отмечается и осуществляется рядом авторов [Рсалдинов].

Анализ конститuentов компаративного поля, проведённый во второй главе, показал, что у компаративных единиц с разной конфигурацией смысловой структуры как в условиях равенства признаков, так и в условиях неравенства степени проявления признака обнаруживается элемент «экспрессивное выделение признака».

Возможность сочетания в семантической структуре компаративных единиц немецкого языка совокупности смысловых элементов «равенство признаков + экспрессивное выделение признака» мы обнаружили в процессе анализа толкований компаративных прилагательных, существительных, компаративных единиц, содержащих группу с *wie*. В толкованиях присутствуют эксплицитные средства усиления: *käseweiß* – ‘sehr weiß’; *kerzengerade* – ‘ganz gerade’; *puppenlustig* – ‘sehr lustig’; *Pulverschnee* – ‘sehr lockerer, trockener, pulvriger Schnee’; *hungrig sein wie ein Wolf* – ‘sehr hungrig’; *j-d ist wie zerschlagen* – ‘völlig erschöpft, sehr müde und kraftlos’; *essen (fressen) wie die neunköpfigen Raupen (Scheunendrescher)* – ‘übermäßig viel essen, schlingen’. Рассматривая приведённые примеры, нельзя не согласиться с мнением И.И. Туранского, который трактует интенсификацию как меру количества экспрессивности [Туранский, с. 15]. Следовало бы обратить внимание и на вывод О.П. Ермаковой, которая, исходя из результатов исследований Н.Д. Арутюновой и Е.М. Вольф, подчёркивает, что «интенсификация – это оценочная категория», и замечает, что «в некоторых случаях именно оценка вызывает к жизни интенсификацию» [Ермакова, с. 272–273].

Необходимо обратить внимание на тот факт, что подчёркивание высокой степени проявления признака осуществляется в условиях соблюдения равенства признаков темы и эталона, что является доказательством того, что интенсификация, которая находит эксплицитное выражение в толкованиях немецких компаративных единиц, связана с экспрессивным выделением признака. Структура вышерассмотренных компаративных единиц представлена совокупностью

элементов «квалитативность + релятивность + наложение признаков + равенство признаков + экспрессивное выделение признака».

Возможность сочетания смысловых элементов «неравенство признаков + экспрессивное выделение признака» подтверждается обнаруженным нами толкованием словосочетания *dümmer, als die Polizei erlaubt* в словаре, вышедшем под общей редакцией Р. Клаппенбах и В. Штейница, в нём используется показатель высокой степени признака *sehr*: ‘sehr dumm’ [16, Bd. 2, S. 866]. В семантической структуре данной компаративной единицы присутствует совокупность элементов «квалитативность + релятивность + наложение признаков + неравенство признаков + расхождение по степени проявления признака + экспрессивное выделение признака».

Указанная возможность демонстрирует разницу между такими способами количественной характеристики признака, как градуальность (обозначение объективной степени признака) и интенсивность признака (выражение субъективного впечатления о степени признака), иллюстрирует прагматический характер интенсификации, используемой в целях повышения убедительности высказывания. Последнее позволяет рассматривать сложноподчинённые предложения, выражающие реальное сравнение, в семантической структуре которых присутствует смысловой элемент «экспрессивное выделение признака», как вариант компаративной единицы с семантической структурой «квалитативность + релятивность + наложение признаков + неравенство признаков + расхождение по степени проявления признака».

Констатация семантического признака «экспрессивное выделение признака» у компаративных единиц с разной конфигурацией смысловой структуры (в том числе на фоне равенства признаков) свидетельствует о том, что он не играет определяющей роли в структурировании области компаративного поля, а является элементом, который свидетельствует о пересечении области компаративного поля с областью иного поля. Причём имеется опыт объединения подобных языковых единиц в функционально-семантическое поле [Крылов, 2010].

Анализ конститuentов компаративного поля обнаруживает их тяготение к образованиям, характерным для поля качественности.

Анализируя поле качественности на материале русского языка, А.В. Бондарко отмечает расщепление данного поля на два центра — атрибутивный и предикативный, не исключая рассмотрения обстоятельственной качественности как особого типа качественных отношений [Бондарко, 1999, с. 19–20]. На материале немецкого языка мы обнаруживаем тяготение к указанным центрам как конstituентов компаративного поля, так и конstituентов поля качественности, группирующихся в пространстве абсолютивной качественности.

К атрибутивному центру тяготеют конstituенты поля качественности, группирующиеся в пространстве абсолютивной качественности, в состав которых входят прилагательное или причастие в роли согласованного определения или придаточное определительное. В область его притяжения вовлекаются компаративные единицы, в которых позицию согласованного определения занимает компаративное сложное прилагательное (*das glasklare Wasser*), прилагательное на *-artig*, *-farben* (*-farbig*), *-förmig* (*-formen*), *-ig*, *-isch*, *-haft*, *-lich* (*der explosionsartige Zerfall*, *mädchenhafte Frau*) или прилагательное в превосходной степени (*der schönste Garten von Paris*). В эту группу компаративных единиц входят словосочетания, включающие группу с *wie* (*Blick wie die blanke See*) или сложное существительное со второй непосредственно составляющей — «узловым» словом в функции несогласованного определения (*Augen von Mantelknopfgröße*; *das Mädchen mit dem Harlekinsgesicht*).

К предикативному центру качественности тяготеют конstituенты как пространства абсолютивной, так и релятивной качественности. В пространстве абсолютивной качественности к предикативному центру тяготеют конструкции с прилагательным или существительным в позиции предикатива, конструкции с глаголом в форме статива. В пространстве релятивной качественности к предикативному центру тяготеют компаративные высказывания, в которых в качестве предикатива используются прилагательное с семантикой сравнения (*Er ist seinem Vater ähnlich*), группа с *wie* (*Sie war wie taub*), компаративное сложное прилагательное, прилагательное на *-artig*, *-farben* (*-farbig*), *-förmig* (*-formen*), *-ig*, *-isch*, *-haft*, *-lich* (*Ihre Sprache ist melodisch*. *Leichen waren schneeweiß*) или суперлатив (*Er ist von allen Verleumdern und Verkleinerern der schwärzeste*).

А.В. Бондарко указывает на особое место, которое относительно атрибутивной и предикативной качественности занимает обстоятельственная качественность. Он обращает внимание на то, что предикативный тип связи между качественной характеристикой и тем, что характеризуется, в некоторых отношениях сближает обстоятельственную качественность с атрибутивной. Причём А.В. Бондарко отмечает отнесённость обстоятельственной качественной характеристики к предикату, что обуславливает возможность её функционального взаимодействия с предикативной качественностью [Бондарко, 1999, с. 20]. Действительно, в области абсолютивной обстоятельственной качественности наблюдаются конструкции, сближающиеся с атрибутивной качественностью, к которым можно было бы отнести, к примеру, так называемое предикативное определение (*Die Sonne schwebte blutrot*). Значение предикативного определения заключается в том, что оно называет признак предметного понятия, выраженного в подлежащем или дополнении, таким образом, что этот признак представляется как особенно актуальный во время действия, которое называется сказуемым. Поэтому предикативное определение по смыслу связано одновременно с двумя членами предложения: с подлежащим и сказуемым или дополнением и сказуемым. Характеристика предметного понятия, которую даёт предикативное определение, сближает его со значением обычного определения. Однако, по верному замечанию К.П. Акуловой, функция предикативного определения заключается не в подчёркивании связи признака с предметом, а в указании на особую актуальность этого признака в момент действия [Акулова, с. 83], поэтому обстоятельственная качественность может рассматриваться как один из основных типов качественности. К центру обстоятельственной качественности в области релятивной качественности тяготеют следующие языковые единицы: (1) компаративные единицы, содержащие группу с *wie* или с *als* (*Er brach im Schlaf ein wie im dünnen Eis. Du bist trotzig und dumm wie ein kleiner Junge*); (2) дериваты на *-artig*, *-förmig*, *-ig*, *-isch*, *-haft*, *-lich*; (3) придаточные предложения реального и ирреального сравнения (*Die Alte reckt den Kopf, wie wenn sie süße Gerüche einsöge*), которые занимают позицию, открываемую глаголом в функции сказуемого; (4) компаративные единицы с дериватами

на *-artig, -förmig, -ig, -isch, -haft, -lich* при причастиях в функции согласованного определения (*klauenartig gebogene Hornkrücke*).

Тяготение к образованиям, характерным для поля качественно-сти (атрибутивный, предикативный и обстоятельственный центры), объясняется сгруппированностью конstituентов компаративного поля в области поля качественности.

2.7. Демотивация компаративных единиц при закреплении в словарном фонде⁵

Вышеизложенное позволяет утверждать, что в немецком языке компаративные единицы используются с целью конкретизации представлений о признаках объектов. Вместе с тем факт толкования значения компаративных единиц без обращения к сравнению путём прямого указания на признак-модуль может свидетельствовать о закреплении в сознании языковой личности связи компаративных единиц (или их элементов) с конкретными представлениями о признаках. Отмеченный факт констатируется для компаративных единиц (или их элементов), закреплённых в словарном фонде немецкого языка для:

- 97 % существительных модели «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)» (из 75 единиц): *Sichelmond* – ‘von der Erde aus gesehener Mond in seiner ersten oder letzten Phase’;
- 92 % существительных модели «указание на эталон (первая НС) + уточнение области поиска признака-модуля (вторая НС)» (из 39 единиц): *Evaskostüm* – ‘nackt’, *Tituskopf* – ‘Frisur mit kurzem, gelocktem Haar’;
- 32 % компаративных сложных прилагательных (из 271 единицы): *aschgrau* – ‘glanzlos’, *grasgrün* – ‘leuchtend grün’;
- 60 % прилагательных на *-ig* (из 123 единиц): *affig* – ‘geziert, eitel’;
- 13 % прилагательных на *-artig* (из 70 единиц): *pestilenzartig* – ‘übel riechend’, *schneckenartig* – ‘schneckenförmig’;

---

⁵ Денисова Г. Л. Статус узусных языковых единиц со сравнением во внутренней форме (на материале немецкого языка) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2016. Т. 1, № 1. С. 28–35.

- 41 % прилагательных на *-haft* (из 125 единиц): *feenhaft* – ‘zauberhaft schön, prächtig’, *nebelhaft* – ‘undeutlich, verschwommen’;
- 46 % прилагательных на *-isch* (из 235 единиц): *asketisch* – ‘streng enthaltsam lebend’, *athletisch* – ‘kräftig gebaut und muskulös’;
- 28 % прилагательных на *-lich* (из 39 единиц): *mütterlich* – ‘liebevoll, besorgt’, *ritterlich* – ‘edelgesinnt, von vornehmer Gesinnung, nobel’;
- 3 % прилагательных на *-förmig* (из 65 единиц): *stromlinienförmig* – ‘in Stromlinienform gebaut’, *spiralförmig* – ‘in der Form einer Spirale’;
- 28 % прилагательных на *-farben* (из 50 единиц): *muschelfarben* – ‘elfenbein bis weiß schimmernd’, *rauchfarben* – ‘dunkelgrau getönt’.

Для фразеологизмов с показателями сравнительных отношений этот процент приближается к максимальному показателю: *wie angewurzelt dastehen* – ‘regungslos stehen’, *etw. wie den eigenen (seinen) Augapfel behüten (hüten)* – ‘etw. als das Liebste besonders sorgsam hüten’.

Таким образом, прослеживается тенденция демотивации компаративных единиц (или их элементов) при закреплении в словарном фонде: сравнение остаётся лишь в их «внутренней форме» как образ, «который лежал некогда в основе наименования» [Так, 2008, с. 20]. В связи с сохранением сравнения лишь во «внутренней форме» ряда языковых единиц возникает вопрос об их отношении к компаративным единицам.

Рассмотрим решение поставленного вопроса, к примеру, относительно фразеологических единиц. С одной стороны, однозначное соответствие составляющих фразеологического единства элементам механизма сравнения позволяет считать их компаративными единицами. С другой стороны, в языке наблюдается быстрое угасание образа [Харченко, с. 12], «образная мотивированность фразеологического единства может с течением времени побледнеть и ослабеть до полной демотивации» [10, S. 653]. Как следствие, звуковой состав демотивированных фразеологических единиц воспринимается субъектом «как определённый словесный комплекс, который имеет традиционно закреплённое значение» [10, S. 653]. Последний факт как будто позволяет подвергнуть сомнению принадлежность рассматриваемых устойчивых словесных комплексов с традиционно закреплённым значением, в основе которых лежит сравнение, к компаративным единицам.

Нам представляется, что вопрос об отношении вышеназванных фразеологизмов к компаративным единицам решается путём анализа потенциального и результативного аспектов функции данных языковых единиц. Выделение и описание функции потенции и функции реализации языковой единицы находим у А.В. Бондарко. Функции языковых единиц рассматриваются А.В. Бондарко как «их назначения, выступающие, с одной стороны, как потенции (функции-потенции), обуславливающие определённые типы функционирования (“способы поведения”) данной единицы, а с другой – как речевые реализации, результаты (функции-реализации)» [Бондарко, 1999, с. 42–43]. Отношение «функция-потенция – функция-реализация» связывается А.В. Бондарко с соотношением языка и речи, с соотношением компетенции и исполнения. «Компетенция в данном случае – это потенциал рассматриваемой единицы в языковой системе, а исполнение – процессы и результаты взаимодействия этой единицы с элементами среды, выступающими в высказывании и в целостном тексте» [Бондарко, 1999, с. 47]. Там же А.В. Бондарко отмечает: «Анализируя ФСП как группировку разноуровневых языковых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций, мы имеем дело, прежде всего, с функциями-потенциями (разумеется, в их отношении к возможным реализациям) [...] Когда же анализируются категориальные ситуации [...] в тех конкретных вариантах, которые представлены в рассматриваемых высказываниях, на передний план выдвигается аспект функция-реализация» [Бондарко, 1999, с. 44].

Соответствие составляющих фразеологического единства элементам механизма сравнения, возможность восстановления «образного стержня фразы», позволяет рассматривать сравнение как функцию-потенцию компаративных фразеологических единств и считать их конституентами ФСП сравнения. Но так как рассматриваемые фразеологические единицы имеют закреплённое значение, в котором отсутствуют компаративные смысловые элементы, в создании КС сравнения как типовой семантической структуры они участия не принимают.

Как было отмечено ранее, в немецком языке процесс демотивации охватывает не только компаративные фразеологические

единицы, но и компаративные сложные существительные, словообразовательную модель которых можно представить как «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)».

Рассматривая семантические отношения между НС сложных существительных с субстантивной основой в роли первой НС, М.Д. Степанова и В. Фляйшер среди важнейших типов семантических отношений НС называют отношение «сравнения» («А сходно с В»), где А – основное слово (вторая НС), В – определитель (первая НС) [Степанова, 1984, с. 121]. А.В. Азатьян, определяя в своём диссертационном исследовании структурно-семантические особенности образных слов существительных, утверждает, что в их основе лежит «экспрессивно-наглядный перенос – результат сопоставления двух явлений» [Азатьян]. Таким образом, во внутренней форме сложных существительных, словообразовательную модель которых можно представить как «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)», фиксируется сравнение.

По данной модели образован широкий пласт узуальных сложных существительных современного немецкого языка. Их употребление наблюдается в различных сферах. Нередко подобные сложные существительные встречаются среди народных названий трав: *Schlüsselblume*, *Pfennigkraut*, *Glockenblume*. Существительные, образованные по данной модели, могут быть названиями рыб, животных, насекомых: *Biberratte*, *Sonnentierchen*, *Schirmqualle*. Обнаруживаются сложные существительные, иллюстрирующие данную модель, и среди обозначений элементов одежды, причёсок: *Tunnelgürtel*, *Topfshut*, *Kranzfrisur*.

В грамматике Дудена проводятся параллели между сложными существительными, построенными по модели «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)», и словосочетанием с *wie*. Сложное слово *Puderzucker* соотносится со словосочетанием *Zucker wie Puder* [Duden ... , S. 442], является выражением «определённого видения мира» [Враймуд, с. 65] через сравнение. Подчёркивая, что не следует преувеличивать возможности трансформационного метода в словообразовании, М.Д. Степанова и В. Фляйшер отмечают, что «отношения между элементами некорневых слов могут в ряде случаев точно соответствовать отношениям элементов

в синтаксической конструкции», что «особенно характерно для немецких композитов» [Степанова, 1984, с. 102]. В связи с этим соотношение, предложенное в грамматике Дудена, можно принять как верное, тем более что оно позволяет авторам грамматики Дудена определить значение устанавливаемого между НС отношения – вид, разновидность, качественная характеристика [Duden ... , S. 442].

Вывод о характере отношения между НС рассматриваемой группы существительных, сделанный в грамматике Дудена, особенно очевиден при рассмотрении рядов сложных существительных с одной и той же второй НС, построенных по модели «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)». Сложные существительные образуют целые ряды, дающие возможность наименования того или иного явления в его качественной определённости. К примеру, со второй НС *-regen* образуются такие компаративные сложные существительные, как *Fadenregen*, *Nebelregen*, *Schleierregen*, *Staubregen*, *Strichregen*, *Sturzregen*. Перечисленные существительные обозначают одно природное явление *Regen*. Изменение первой НС позволяет адресанту не только назвать вид атмосферных осадков, но и одновременно определить качественную характеристику называемого явления: имеются ли в виду атмосферные осадки в виде нитевидных струй, дождь морозящий, обложной, в виде мельчайших частичек, проходящий полосой или ливень. То, что сравнение является основой рассматриваемых сложных существительных, более чем очевидно. В данном случае сравнение позволяет разграничить сходные явления, выявить тот признак, который отличает актуальное явление от остальных. Указание на признак, выделяющий явление среди ему подобных, осуществляется путём указания на предмет или явление, которые являются носителями отличительного признака. Поэтому перечисленные сложные существительные можно рассматривать как единицы с незатемнённой сравнительной характеристикой внутренней формы.

Однако не следует забывать, что внутренняя форма слова и его значение – не одно и то же: «если значение – это то, что отражается в лексической единице, то внутренняя форма – показатель того, как отражается в значении этой единицы тот или иной предмет действительности» [Современный русский язык, 2003, с. 195].

В нашем случае речь идёт об узуальных лексемах: внутренняя форма знакомых слов в процессе речевого акта едва ли подвергается анализу, адресат просто соотносит слово с традиционно закреплённым за ним значением: *Denn der Sonnenfisch ist ungeheuer dumm und halb blind* [56, S. 368]. *In der Deckung eines Gebüsches händigte Revetcki Holt eine Stiel – und eine Eierhandgranate aus* [72, S. 435]. Компаративные характеристики слова перестают играть какую бы то ни было роль, на первый план выдвигается возможность наименования предмета в его качественной определённости. Таким образом, мыслительный образ-фрагмент, представляющий внутреннюю форму компаративных сложных существительных, заменяется представлением-элементом. Яркость сравнения, образность внутренней формы ослабевает, звуковой состав сложного слова воспринимается как форма, имеющая традиционно закреплённое значение. Демотивированная компаративная единица начинает функционировать как элемент поля «сущность».

Иными словами, словообразовательная модель «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)» потенциально выражает сравнительные отношения между НС, но закрепление композита в словарном составе немецкого языка приводит к тому, что сложное слово становится наименованием предмета или явления в его качественной определённости. Первое даёт основание отнести узуальные сложные существительные, построенные по модели «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)», к конститuentам ФСП сравнения в немецком языке. Второе позволяет объяснить, почему в речи компаративные единицы рассматриваемого ряда не принимают участия в создании КС сравнения.

Вместе с тем следует отметить, что немецкие окказиональные сложные существительные, построенные по той же модели, принимают участие в создании КС сравнения: *Ihre Fittiche schwirrten, und ihre spitzen Hakenschnäbel rissen die Luft auf* [56, S. 321]. Сравнение клювов птиц с крюками помогает автору создать картину охоты чаек за рыбой. Клюв чайки ассоциируется с оружием: крюк определяется как *острый*, им можно *разрывать* воздух. Компаративность как функция-потенция сложного слова, построенного по модели «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)»,

переходит в функцию-реализацию. Отношения между представлением-фрагментом, с одной стороны, и способом его закрепления, с другой стороны, можно рассматривать как симметричные.

Что касается группы с *wie* и лексем на *-ig*, *-artig*, *-haft*, *-isch*, *-lich*, *-förmig*, *-farben*, то нам бы хотелось акцентировать внимание на результатах наблюдений, осуществлённых нами в данной главе.

Нам представляется необходимым обратить внимание на позицию, которую занимают в высказывании элементы компаративной единицы, закреплённые в словарном составе немецкого языка. В данной главе было выяснено, что позиция определения при существительном, занимаемая группой с *wie*, компаративным сложным прилагательным и прилагательным на *-ig*, *-artig*, *-haft*, *-isch*, *-lich*, *-förmig*, *-farben*; позиция предикатива, замещаемая группой с *wie* и дериватом на *-ig*, *-isch*, *-haft*, *-lich*; позиция обстоятельства, в которой обнаруживаются группа с *wie* и дериваты на *-ig*, *-isch*, *-haft*, *-lich*, предназначены для замещения обозначением признака-модуля.

Установленный факт замещения позиции, предназначенной для указания на признак-модуль, перечисленными элементами компаративных единиц объясняет, с нашей точки зрения, почему при закреплении в словарном фонде (т. е. при установлении в сознании языковой личности прямых связей между сложившимся представлением о признаке-модуле и данными элементами) они перестают принимать участие в создании КС сравнения. Сравнение остаётся лишь во внутренней форме единицы, в состав которой входят группа с *wie* и лексемы на *-ig*, *-artig*, *-haft*, *-isch*, *-lich*, *-förmig*, *-farben*. Как следствие, в словарных толкованиях отсутствует указание на необходимость осуществления сравнения, даётся прямое указание на признак-модуль: *stocksteif* – ‘übertrieben aufrecht und unbeweglich’, *gallig* – ‘voll Bitterkeit und dadurch unfreundlich’, *hündisch* – ‘kriechend, unterwürfig, würdelos’, *zimtfarben* – ‘gelblich rotbraun’. Группа с *wie* и лексемы на *-ig*, *-artig*, *-haft*, *-isch*, *-lich*, *-förmig*, *-farben* начинают функционировать как элементы поля «качество».

Таким образом, регулярное обращение к представлению о качественной характеристике, экспрессивно выделенном признаке, оценке, которые активируются с помощью компаративной единицы, или к представлению о перечисленных признаках в их связи

с некоторым объектом выделяет данное представление как сложившееся. Установление в сознании немецкой языковой личности прямых связей между сложившимся представлением и компаративной единицей или её элементом приводит к тому, что сравнение остаётся лишь во внутренней форме языковой единицы. Закреплённые таким образом в словарном составе немецкого языка компаративные единицы или их элементы не принимают участия в создании КС сравнения в речи. В случае «слияния определения с определяемым в составе называемого как случая отсутствия дискретности качественной характеристики» [Бондарко, 1999, с. 20] рассматриваемые языковые единицы, закреплённые в словарном фонде немецкого языка, реализуются как номинации объектов в их качественной определённости. В условиях дискретного обозначения объекта и его качества узуальные компаративные единицы реализуются как номинации признаков. Подводя итог, необходимо отметить, что функции-реализации немецких компаративных единиц в условиях их демотивации подтверждают нахождение последних в границах поля качественности.

Выводы ко второй главе

В семантической структуре компаративных единиц немецкого языка выявляются следующие смысловые элементы: «квалитативность», «релятивность», «наложение признаков / отсутствие наложения признаков», «равенство признаков / неравенство признаков», «расхождение по степени признака», «максимальная степень проявления признака», «экспрессивное выделение признака».

К свидетельствам наличия смыслового элемента «квалитативность» в семантической структуре немецких компаративных единиц относятся: 1) употребление слов тематической группы «качество, свойство, признак» при толковании значений лексем — показателей сравнительных отношений; 2) употребление интенсификаторов в окружении лексем — показателей сравнительных отношений; 3) позиция, занимаемая указанием на эталон; 4) семантика уточнений области поиска признака-модуля; 5) употребление глаголов — показателей сравнительных отношений во временных формах,

набор сем которых не противоречит лексическому значению глаголов, представляющих отношение между объектами как качество, свойство; б) реализация компаративных единиц в условиях демотивации как номинаций объектов в их качественной определённости и как составляющих поля качественности.

Анализ заполнения позиции, предназначенной для указания на признак-модуль, выявил в семантической структуре всех компаративных единиц в немецком языке наличие смыслового элемента «релятивность»: в составе компаративных единиц позицию, предназначенную для указания на модуль, занимает обозначение эталона.

Обязательность присутствия в семантической структуре всех компаративных единиц совокупности элементов «квалитативность + релятивность» свидетельствует о том, что совокупность данных элементов конституирует область компаративного поля и определяет его положение в рамках макрополя качественности.

В области компаративного поля обнаруживаются четыре центра: поле сходства и поле отличия, которые локализируются в пределах области релятивной качественности, микрополе релятивного компаратива и микрополе суперлатива, которые находятся в границах поля релятивной степени признака. Указанное обстоятельство свидетельствует о полицентричности компаративного поля. Дифференциальными признаками, определяющими тяготение компаративной единицы к одному из четырёх центров в области компаративного поля, являются смысловые элементы «наложение признаков / отсутствие наложения признаков», «равенство признаков / неравенство признаков», «расхождение по степени признака», «максимальная степень проявления признака».

Наличие смыслового элемента «наложение признаков» в семантике немецких компаративных единиц находит выражение в следующем: 1) в способе объединения обозначений темы и эталона в компаративную конструкцию: обозначение эталона находится в рамках обозначения темы; 2) в неполноте состава групп с *wie* и с *als*; 3) в способе объединения указаний на тему и эталон в рамках немаркированной компаративной конструкции – через актуализацию центростремительных и центробежных потенциалов общего для них номинативного элемента; 4) в отсутствии дискретности, или

в слиянии в целостной номинативной единице качественной характеристики, на которую указывает первая НС, активирующая представление об эталоне, и общего представления о теме, активируемого «ядром» компаративного существительного.

Смысловые элементы «равенство признаков / неравенство признаков» предполагают соотнесение на «шкале признака» признака темы с «точкой отсчёта», которая определяется представлением о признаке, типичном для эталона. Отнесение к данной точке свидетельствует о «равенстве признаков». Указание на отклонение от данной точки, передаваемое прилагательным (наречием) в сравнительной или превосходной степени, констатирует «неравенство признаков». Смысловой элемент «максимальная степень проявления признака» предполагает выделение темы по степени проявления признака в ряду указанных эталонов.

В немецком языке обнаруживаются компаративные единицы, в семантическую структуру которых входит смысловой элемент «экспрессивное выделение признака», который эксплицируется в словарных толкованиях интенсификаторами. Констатация указанного смыслового элемента у компаративных единиц с разной конфигурацией смысловой структуры свидетельствует о том, что он является лишь дополнительной коннотацией и не играет определяющей роли в структурировании области компаративного поля.

Тяготение к образованиям, характерным для поля качественности (атрибутивному, предикативному и обстоятельственному центрам), объясняется сгруппированностью конstituентов компаративного поля в области поля качественности.

Следует обратить внимание на разнообразие возможностей, которые даёт использование конstituентов компаративного поля при передаче отношения сравнения. При использовании лексем — показателей сравнительных отношений в качестве организующего центра высказывания возможна одновременная топикализация обозначений темы и эталона. Компаративное сложное существительное позволяет активировать представление об объекте в совокупности с его свойствами. Обращение к группам с *wie* и *als* даёт возможность отражения представления о пропозитивной ситуации, не упоминая повторно элементы, которые были названы в высказы-

вании ранее. Структурные особенности сложных существительных, вторая НС которых представляет собой «узловое» слово, компаративных сложных прилагательных и прилагательных с элементами *-artig*, *-farben* (*-farbig*), *-förmig*, *-mäßig* позволяют конкретизировать область поиска признака модуля, направить внимание адресата.

Передача сравнительных отношений компаративными конструкциями с существительным в роли «узлового» компонента расширяет область представлений, которые служат опорами в процессе конкретизации области поиска признака-модуля. Ряд номинативных единиц, которые могут быть использованы для указания на область поиска признака-модуля в немаркированных компаративных конструкциях, отнюдь не симметричен ряду элементов с той же функцией, используемых в высказываниях с компаративными сложными прилагательными и прилагательными на *-artig*, *-farben* (*-farbig*), *-förmig*, *-mäßig*. Возможность уточнения «узлового» существительного в компаративной конструкции образует основу для создания ярких многогранных образов, что подтверждается преимущественным использованием немаркированных компаративных конструкций в художественной литературе.

Обращение к сложноподчинённым предложениям реального сравнения позволяет акцентировать внимание на временных характеристиках темы и эталона, являющихся в данном случае представлениями о пропозитивных ситуациях. Использование сложноподчинённых предложений ирреального сравнения акцентирует внимание на гипотетичности эталона.

Указанные факторы объясняют сосуществование в немецком языке столь разнообразных языковых средств, используемых для передачи отношений сравнения, обнаруживают основание для объяснения использования компаративных единиц в речи, намечают общие очертания текстового потенциала механизма сравнения и ответа на вопрос о характере информации, получаемой адресатом в результате когнитивной обработки сравнения в его языковом отражении. Детализацию ответа на данный вопрос даёт исследование сравнения в прагматиконе немецкой языковой личности.

Глава 3. ТЕКСТОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕХАНИЗМА СРАВНЕНИЯ

3.1. Сравнение как механизм конкретизации

Дальнейшая детализация текстового потенциала механизма сравнения в немецком языке возможна, с нашей точки зрения, в ходе выяснения, какую именно информацию получает адресат в результате когнитивной обработки сравнения в его языковом отражении, в форме компаративных единиц.

Е.С. Кубрякова отмечает, что вся познавательная деятельность человека (когниция) направлена на освоение окружающего мира, на формирование и развитие умения ориентироваться в этом мире на основе полученных знаний. Осмысление поступающей информации приводит к образованию определённых представлений о мире в виде концептов (т. е. фиксированных в сознании человека смыслов) [Кубрякова Размышления о судьбах ... , с. 11], основная часть которых закрепляется в языке значением конкретных слов, что обеспечивает хранение полученных знаний и их передачу. Известно, что наши знания о мире хранятся в обобщённой категориальной форме, поэтому и слово обозначает не конкретный объект, а целую категорию объектов [Кубрякова Размышления о судьбах ... , с. 11–15]. Об антиномии конкретного и отвлечённого в языке А.А. Потебня писал следующее: «Если представить себе, что кто-нибудь ограничивается только математической формой человеческой мысли, наиболее отвлечённой, каково будет состояние этого человека и отношение его ко всему, что вокруг него? Это трудно себе представить» [Потебня, 1976, с. 512–513]. Обобщение, по замечанию А.А. Потебни, есть познание слишком отдалённое.

Для подтверждения этой мысли А.А. Потебни приведём выводы У.Л. Чейфа, сделанные им на основании опыта с информантами по определению манифестаций представлений о различных цветах. У.Л. Чейф отмечает, что представление о цвете, называемое словами *red, orange, yellow, green, blue, purple, brown* и *pink*, имеет некоторый фокус и область постепенного неравномерного побледнения по мере удаления от этого фокуса. Причём периферийные мани-

фестации представлений о различных цветах могут накладываться друг на друга — «так что, например, тот же самый цвет один человек назовёт *blue*, а другой — *purple*, а иногда даже один и тот же человек назовёт этот цвет *blue* и *purple* в разных случаях» [Чейф, с. 97].

У.Л. Чейф констатирует, что представления, для активизации которых носители английского языка используют слова *red, orange, yellow, green, blue, purple, brown* и *pink*, покрывают меньшую область физического спектра. «Даже поверхностное наблюдение подтверждает тот факт, что нас окружает множество цветов, для которых у нас нет готовых названий» [Чейф, с. 97]. У.Л. Чейф прибегает к метафорическому осмыслению полученных им результатов, отмечая, что представления «манифестируются в виде “мишеней” и что большая часть воспринимаемого нами мира не покрывается даже периферийными участками этих “мишеней”» [Чейф, с. 98]. Таким образом, указывая, что нечто красного или синего цвета, адресант активирует в сознании адресата представление, которое может не совпадать с его собственным представлением. Другими словами, при таком способе передачи информации не исключено, что знание, которое хотел бы передать адресант, будет отличаться от знания, которое получит адресат. Производя «выстрел по мишени», адресант не может быть уверен, что он попадёт в цель.

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что при определении фокусов рассматриваемых представлений, выясненных экспериментальным путём, У.Л. Чейф прибегает к сравнению («красный» определяется как близкий к цвету артериальной крови, «зелёный» — к цвету обычной листвы, «голубой» — к цвету неба в ясный день и т. д.), делая предположение, что рассматриваемые представления «могут просто восходить к факторам окружающей человека среды» [Чейф, с. 99]. Обращаясь к сравнению при идентификации фокусов цветовых представлений, У.Л. Чейф (осознанно или неосознанно) реализует принцип, названный Н.К. Рябцевой «принципом наглядности» в языке [Рябцева, с. 125], руководство которым обусловлено предметностью практического сознания.

В этом отношении несомненный интерес представляют сведения, приведённые в книге «Цвет и названия цвета в русском языке» А.П. Василевича, С.Н. Кузнецова и С.С. Мищенко, которые

свидетельствуют о предметности практического сознания. Авторы упомянутой книги приводят примеры как распространённых, так и локальных идентификаций красного цвета. Достаточно хорошо известно о наличии ассоциации красного цвета с кровью в первобытную эпоху (как и в позднейших культурах, например, в православной символике). В мире существуют и менее распространённые локальные идентификации красного цвета, обусловленные спецификой жизнедеятельности и среды обитания. Так, у островитян островов Тробриан обнаружена ассоциация красного с одной из пород красной рыбы и с местной красной землёй, которая в окраске лица символизировала кровь. По свидетельству Ф.Н. Шемякина, в чукотском языке подавляющее большинство терминов цвета имеет «предметное» происхождение [Василевич, с. 18]. В связи с обсуждаемой проблемой следует вспомнить о результатах исследований Н.И. Лепской, которая выяснила, что ребёнок первоначально выражает признак (свойство) через отношение к предмету [Левицкий Основы теории синтаксиса, с. 35], что, как нам кажется, свидетельствует о естественности для человеческого сознания при определении качественной характеристики искать опору в ментальном пространстве определённого концепта.

В процессе коммуникации обращение адресанта к вербальным стимулам, позволяющим активировать подобные ментальные опоры, делает, используя метафору У.Л. Чейфа, «выстрел по мишени» более точным, стимулируя адресата к привлечению в процессе получения информации данных из его собственного жизненного опыта. Опора на жизненный опыт адресата позволяет максимально конкретизировать активируемое представление, среди прочего и представление о признаке. На значимость конкретизации в объективном познании действительности и в общении со ссылкой на А.А. Потебню указывает В.А. Гречко: «Два противопологающие друг друга процесса – конкретизация и отвлечение – равно необходимы для объективного познания действительности и общения» [Гречко, с. 136]. «Постоянная смена их так же необходима, неизбежна, как вдыхание и выдыхание» [Потебня, 1990, с. 18]. Именно стремлением к конкретизации представлений, к точности при передаче информации и возможностью реализации «принципа наглядности»,

которая заложена в механизм сравнения, мы склонны объяснять регулярность обращения к компаративным единицам в речи.

3.1.1. Информативная нагрузка указания на эталон в словообразовательных моделях, используемых при передаче отношения сравнения

При передаче отношения сравнения обращает на себя внимание интенсивное использование немецкой языковой личностью словообразовательных моделей. Мы зафиксировали 100 случаев обращения к словообразовательным моделям при передаче отношения сравнения на 37 страницах травника *Wildwachsende Pflanzen in unserer Ernährung*, на 35 страницах определителя грибов, на 31 странице романа Б. Келлермана *Yester und Li*, на 30 страницах романа В. Кёппена *Der Tod in Rom*, на 63 страницах научно-популярного издания Р. Вейнера *Bewegungen der Pflanzen* и на 125 страницах технической энциклопедии *Technik*.

К словообразовательным моделям, которые используются при передаче отношения сравнения, мы относим компоненты немаркированных компаративных конструкций: сложные прилагательные со второй НС, которая представляет собой языковую проекцию обобщённого представления о цвете и его насыщенности (*schneeweiß*), о форме (*tellerrund*), о размерах (*daumendick*), о прозрачности и освещённости (*wasserklar*); компаративные прилагательные на *-artig*, *-farben (-farbig)*, *-förmig (-formen)*, разнообразие которых было проиллюстрировано в пунктах 1.5.2 и 1.5.3; сложные существительные типа «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)» и композиты типа «указание на эталон (первая НС) + уточнение области поиска признака-модуля (вторая НС)».

Конкретизирующая направленность указания на эталон в позиции первой НС компаративных сложных существительных, как нам кажется, хорошо прослеживается в рядах композитов с совпадающей второй НС:

Froschaugen разг. — ‘hervorquellende Augen’ [16], ‘глаза навывкате’ [3]. *Habicht(s)auge* — ‘scharf blickendes Auge’ [16], ‘ястребиный взгляд, острый глаз’ [3]. *Katzenaugen* — ‘зелёные, лукавые’. *Kennerauge* — ‘sachkundiger Blick’ [16], ‘глаз знатока’ [3]. *Kirschenaugen* — ‘große und

dunkle Augen' [16], 'широко открытые, тёмные'. *Knopfaugen* – 'Auge, das an einen Knopf erinnert' [16], 'маленькие, похожие на пуговики'. *Mandelaugen* *высок.* – 'mandelförmige Augen' [16], 'миндалевидные, продолговатые глаза, похожие по форме на миндальный орех'. *Schalksaugen* – 'schelmische Augen' [16], 'лукавые, шельмовские глаза, отличающие плута, шельму'. *Schweinsaugen* – 'Auge, das besonders klein ist' [16], 'маленькие, невыразительные, пороссячьи глазки'. *Vogelaugen* – 'rundes, starr, stechend blickendes Auge' [16], 'круглые глаза, с застывшим и колющим взглядом'.

Рассматривая данные ряды лексем, задаёшься вопросом о том, в каких отношениях находится представление, на которое указывает повторяющаяся НС рядов сложных существительных, и те представления, которые отражаются композитами ряда. Непосредственно наблюдать связи представлений на уровне сознания мы, естественно, не можем, но пролить какой-то свет на эти отношения позволяет анализ ассоциативно-семантических полей, в состав которых входят языковые единицы, называющие представления. Отношения, в которых находятся составляющие ассоциативно-семантического поля, не могут не отражать те связи, в которых находятся называемые ими представления.

Наверное, не нужно доказывать, что объединённые в ряды сложные существительные являются языковыми проекциями составляющих концепта *Auge*, на основании чего данные языковые единицы входят в соответствующее ассоциативно-семантическое поле. Так как в поставленную задачу на данном этапе входит лишь определение отношения между исходным словом и приведёнными рядами композитов, за основу вполне можно взять модель организации ассоциативного поля А.А. Залевской, которая при построении своей схемы исходит из модели логической структуры поля Ю.Н. Караулова [Залевская, 2005, с. 31–85].

Если представить положение рассматриваемых лексем в схеме А.А. Залевской [Залевская, 2005, с. 75], то слово *Auge* будет именем поля, а перечисленные лексеммы, образующие ряд, будут гипонимами к имени поля. Иначе говоря, лексема *Auge* находится с лексемами ряда в отношениях субординации, а лексеммы, входящие в этот ряд, соответственно, находятся в отношениях суперорди-

нации к слову *Auge*. Они координируются в рамках более общего представления «*Auge*». [Залевская, 2005, с. 75–76]. Таким образом, лексема *Auge* является языковой проекцией ментальной единицы более высокой степени обобщения, чем композиты, перечисленные в группе. Другими словами, композиты позволяют конкретизировать определённые признаки представления, которое в наиболее общем виде активизируется лексемой *Auge*.

С целью проверки вывода, сделанного по схеме А.А. Залевской, были проанализированы толкования тех композитов, которым составители словаря, вышедшего под общей редакцией Р. Клаппенбах и В. Штейница [16], посчитали нужным дать определение. В результате было выяснено, что в 98 % дефиниций используется тот же гипероним, к примеру: *Madonnengesicht* ‘sanftes, ovales, weiches Gesicht’, *Medusenblick* ‘schreckenerregendes Blick’, *Ballonmütze* ‘weite, hohe, runde (Schirm-)mütze’. Повторение одного и того же элемента в форме второй НС в композите и в форме существительного в дефиниции композита позволяет проследить распределение информативной нагрузки в самом определении и отграничить ту его часть, в которой интерпретируется смысл первой НС композита.

Но прежде чем говорить о результатах, нам бы хотелось обратить внимание на неоднородность немецких сложных существительных, образующих ряд со второй НС *-auge*. Перечисленные композиты иллюстрируют две модели: 1) модель «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)»: *Kirschenaugen*, *Knopfaugen*, *Mandelaugen*; 2) модель «указание на эталон (первая НС) + уточнение области поиска признака-модуля (вторая НС)»: *Froschaugen*, *Habicht(s)auge*, *Katzenaugen*, *Kennerauge*, *Schalksaugen*, *Schweinsaugen*, *Vogelaugen*. Границы компаративных единиц в первом случае совпадают с границами сложного слова, а во втором – с границами немаркированных компаративных конструкций, в составе которых рассматриваемые сложные существительные используются для передачи сравнительных отношений.

В результате анализа 75 толкований из словаря Р. Клаппенбах и В. Штейница, проведённого нами с целью определения смысловой нагрузки первой НС, было выяснено, что с помощью первой НС композита, построенного по модели «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)», конкретизируются:

– **зрительное ощущение:** 1) *цвет:* *Kirschenmund* ‘der leuchtend rote Mund’; *Silberbart* ‘*Silbergrauer, silbrig glänzender* Bart’; 2) *форма:* *Kelchglas* ‘das Glas in Form eines Kelches’; *Eierhandgranate* ‘eiförmige Handgranate’; 3) *структурная характеристика:* *Blätterteig* ‘mehrfach ausgerollter und wieder zusammengeschlagerer fettreicher Teig, der nach dem Backen dünne, lockere Schichten aufweist’; *Schaumbeton* ‘Beton mit kleinen, durch Aufblähung entstandenen Hohlräumen’; 4) *размер:* *Zwergmaus* ‘Maus, die einer besonders kleinwüchsigen Gattung angehört’;

– **вкусовое ощущение:** *Zuckererbse* ‘süß schmeckende Erbse’;

– **слуховое ощущение:** *Donnerstimme* ‘gewaltige Stimme’;

– **оценки:** *эмоциональная психолого-прагматическая оценка:* *Engelskind* ‘wunderbares Kind’; *эмоционально-прагматическая оценка:* *Goldsohn* ‘liebster Sohn’, ‘Lieblingssohn’.

Спектр уточняемых характеристик, которые соотносятся с первой НС сложных существительных, представляющих модель «указание на эталон (первая НС) + уточнение области поиска признака-модуля (вторая НС)», в проанализированных нами 39 толкованиях из словаря Р. Клаппенбах и В. Штейница, несколько отличается от описанного выше случая. Конкретизируемые ощущения, как правило, получают и ценностную оценку (прагматическую, эстетическую, эмоциональную), кроме того, спектр уточняемых характеристик расширяется за счёт исключительно оценочных композитов. Первой НС композита, построенного по модели «указание на эталон (первая НС) + уточнение области поиска признака-модуля (вторая НС)», конкретизируются:

– **зрительное ощущение:** *цвет, форма, размер:* *Negerhaar* ‘sehr krauses schwarzes Haar’; *Pagenfrisur* ‘glattes, kurz geschnittenes Haar, das Stirn und Ohren bedeckt’; *зрительное ощущение + эстетико-прагматическая оценка:* *Pferdegebiss* ‘menschliches Gebiss aus auffallend großen Zähnen’;

– **вкусовое ощущение:** *Himbeergeschmack* ‘Geschmack nach Himbeeren’;

– **комплексные характеристики:** а именно, *скоростная характеристика + прагматическая оценка:* *Schneckengang* ‘sehr langsamer Gang’;

– **оценки:** *эмоционально-прагматическая оценка:* *Engelsmusik* ‘sehr schöne Musik’; *Telegrammstil* ‘sehr knapper, durch Stichworte gekennzeichnete Stil’; *эмоционально-нравственная оценка:* *Eseltritt* ‘nachträglicher

Angriff gegen jmdn., der bereits offiziell verurteilt oder abgesetzt worden ist’; **эмоционально-прагматическая оценка:** *Schlaraffenleben* ‘ein Leben wie im Schlaraffenland’; **психолого-прагматическая оценка:** *Froschperspektive* ‘beschränkter, enger Horizont’.

Анализ 272 толкований сложных прилагательных с языковой проекцией обобщённого представления о качестве в позиции второй НС подтверждает конкретизирующую направленность их первого компонента, указывающего на эталон. Речь идёт о конкретизации:

– **зрительного ощущения:** 1) **цвета:** *dottergelb* ‘kräftig gelb’; 2) **формы:** *fadengerade* ‘genau nach dem Fadenlauf’; 3) **структурной характеристики:** *hageldicht* ‘sehr dicht’; 4) **размера:** *kindskopfgroß* ‘so groß wie der Kopf eines kleinen Kindes’; 5) **чёткости зрительного ощущения:** *frostklar* ‘winterlich klar’; 6) **удалённости:** *himmelweit* ‘sehr weit, unendlich weit’; 7) **прозрачности:** *quellklar* ‘klar wie eine Quelle’, ‘sehr klar’;

– **вкусового ощущения:** *gallenbitter* ‘bitter wie Galle’;

– **слухового ощущения:** **чистоты звучания:** *glockenrein* ‘rein tönend’; **беззвучности:** *mäuschenstill* ‘ganz, sehr still’;

– **осязательного ощущения:** **температуры:** *handwarm* ‘mäßig warm’; **мягкости, податливости:** *flaumweich* ‘weich wie Flaum’; **влажности:** *puделnass* ‘sehr, völlig nass’; **остроты:** *messerscharf* ‘scharf wie ein Messer’;

– **оценок: эмоционально-эстетических оценок:** *engelschön* ‘schön wie Engel’; **эмоциональных психолого-прагматических оценок:** *mopsfidel* ‘sehr munter, vergnügt’; **эмоционально-прагматических оценок:** *gold-eicht* ‘durch und durch aufrichtig’, *hundeelend* ‘sehr elend’, ‘jämmerlich’; **эмоциональных эстетико-прагматических оценок:** *nagelneu* ‘noch ganz neu’; **эмоциональных морально-нравственных оценок:** *lammfromm* ‘sanft, ruhig, geduldig wie ein Lamm’; **эмоциональных эстетико-прагматических оценок:** *spindeldürr* ‘sehr mager und schmal’.

Конкретизирующая направленность указания на эталон в позиции первой НС подтверждается результатами анализа толкований компаративных прилагательных на *-artig*, *-farben* (*-farbig*), *-förmig* (*-formen*).

Следует обратить внимание на тот факт, что в 66 % случаев в толковых словарях не объясняются значения прилагательных на *-farben* (*-farbig*), в 78 % случаев – значения прилагательных на *-förmig*

(-formen) и в 68,5 % случаев — значения прилагательных на -artig. Прилагательное просто помещается в словарную статью существительного, соотносимого с первой НС прилагательного. Данный факт, с нашей точки зрения, свидетельствует о существовании ассоциативной связи ментальной единицы, языковой проекцией которой является прилагательное на -artig, -farben (-farbig), -förmig (-formen), с представлением об объекте, на которое указывает его первая НС. Другими словами, речь идёт о конкретном качестве (цвете, форме), отличающем объект, представление о котором активируется первой НС прилагательного на -artig, -farben (-farbig), -förmig (-formen).

Относительно прилагательных на -artig, -farben (-farbig), -förmig (-formen) указанный факт принимает эксплицитную форму в двух случаях: а) при использовании в толкованиях прилагательных с указанными словообразовательными элементами слов *Art*, *Farbe*, *Form*; б) при обнаружении в предлагаемой интерпретации существительного, соответствующего первой НС прилагательного, на фоне экспликации отношений принадлежности или сравнения.

Нужно отметить, что в 8 % интерпретаций прилагательные на -farben (-farbig) объясняются путём обращения к слову *Farbe*: *regenbogenfarbig* ‘in den Farben des Sonnenspektrums’, *goldfarben* ‘von goldener Farbe’. Значения прилагательных на -förmig (-formen) интерпретируются с использованием слова *Form* в 13,8 % толкований: *gabelförmig* ‘in der Form einer Gabel’, *schraubenförmig* ‘in der Form einer Schraube’. Были зафиксированы и случаи определения прилагательного на -artig с использованием существительного *Art*: *affenartig* ‘in der Art eines Affen’, *romanartig* ‘in der Art eines Romans’.

Обращение к существительному, которое соотносится с первым компонентом прилагательного, наблюдается в 4 % толкований прилагательных на -farben (-farbig) (*purpurfarben* ‘von, in der Farbe des Purpurs’), в 15 % толкований прилагательных на -förmig (-formen) (*schnabelförmig* ‘wie ein Schnabel geformt’), в 16 % толкований прилагательных на -artig (*sargartig* ‘wie ein Sarg’).

В 26 % случаев при толковании значения прилагательных на -farben (-farbig) используются сложные прилагательные со второй НС — языковой проекцией представления об определённом фокусе на шкале цветового спектра: *korallenfarbig* ‘korallenrot’, *rauchfarben*

‘dunkelgrau getönt’, *senffarben* ‘gelbbraun’. В этой связи следует отметить, что представления о цветах, языковыми проекциями которых являются прилагательные *rot*, *grau* и *braun*, координируются в рамках общего понятия «Farbe», отражая, таким образом, движение мысли в направлении конкретизации «высвечиваемого» (в терминах А.А. Залевской) представления о цвете.

Реализация направления на конкретизацию признака просматривается и при анализе толкований прилагательных на *-förmig* (8 % случаев). Так, в определении прилагательного *gasförmig* ‘dritter Aggregatzustand nach fest und flüssig’ подчёркивается, что имеется в виду определённое агрегатное состояние, при интерпретации прилагательного *schneckenförmig* ‘spiralig gewunden wie ein Schneckengehäuse’ находит эксплицитное выражение актуальность представления об определённой геометрической форме.

Элементы, позволяющие говорить об актуализации направления на конкретизацию признака, обнаруживаются и в толкованиях прилагательных на *-artig* (15 % случаев). Выделенные в определениях элементы подчёркивают, что речь идёт о конкретизации зрительного ощущения (*saalartig* ‘sehr groß’), обонятельного ощущения (*pestilenzartig* ‘übel riechend’), осязательного ощущения (*ruckartig* ‘mit einem Ruck, stoßartig, in Rucken’), оценок, а именно: эмоционально-прагматической оценки (*schneckenartig* ‘langsam wie eine Schnecke’), психолого-прагматической оценки (*tumultartig* ‘wie ein lärmender Durcheinander’).

Подводя итог, следует отметить целенаправленное использование компаративных сложных прилагательных, дериватов на *-artig*, *-farben* (*-farbig*) и *-förmig* (*-formen*), сложных существительных типа «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)» и «указание на эталон (первая НС) + уточнение области поиска признака-модуля (вторая НС)» с целью конкретизации представления о признаке.

3.1.2. Направление поиска признака-модуля в немаркированных компаративных конструкциях с «узловым» существительным

Сделанная нами подборка образцов немаркированных компаративных конструкций позволяет выявить наряду с конструкциями, которые мы рассмотрели в пункте 3.1.1, также конструкции с общим номинативным элементом обозначений темы и эталона – «узловым» существительным, которое указывает на область поиска признака-модуля. К этой группе примыкают сложные существительные типа «указание на эталон (первая НС) + указание на область поиска признака-модуля (вторая НС)».

Как и в случаях, рассмотренных в пункте 3.1.1, наименование области поиска признака-модуля в немаркированных компаративных конструкциях анализируемого типа может активировать область знаний, связанную с разнообразными ощущениями (зрительными, обонятельными, осязательными, слуховыми, комплексными ощущениями) и оценками. Причём представления о соответствующих ощущениях и оценках активируются как «узловыми» компонентами, однокоренными с прилагательными, которые были рассмотрены в пункте 3.1.1, так и компонентами, для которых подобные соответствия не обнаруживаются.

Представление о цвете и других визуальных характеристиках, общих для темы и эталона, могут активироваться существительными, однокоренными с прилагательными, которые были рассмотрены в пункте 3.1.1: *Helle war eingebrochen und die kristallische Reinheit des tönenden Lichtes* [89, S. 64]. Отмечаются случаи указания на цвет широкозначным существительным *Farbe*, которое соотносится со словообразовательным элементом *-farben (-farbig)* вышерассмотренных прилагательных: *Dr. Scholl hatte die Farben der Apfelblüte im Antlitz* [58, S. 190].

Однако и в следующем компаративном высказывании имеется в виду цветовая характеристика, хотя соответствующего зафиксированного в словаре значения у существительного *Glut* не отмечается: *Die etwas starke Röte der Wangen ruhte auf einer weißen, nicht braunen Haut, aus der die feuchte Röte der Lippen mit der Glut des Granatapfels leuchtete* [54, S. 84]. Употребление существительного *Glut* в одном

ряду со словом *Röte* и факт замещения в словосочетании с опорным словом *Glut* позиции подчинённого компонента существительным *Granatapfel* свидетельствуют о переосмыслении слова *Glut*: речь идёт о переосмыслении его ЛСВ ‘glühende Masse’ [16, Bd. 3, S. 1617]. В результате данного процесса существительное *Glut* используется не как наименование пылающей массы, а для обозначения оттенка красного цвета. Метонимический перенос образует основание для акцента на определённых характеристиках того, что обозначается [Лакофф, с. 62]. Наблюдаемый перенос имени с обозначения представления о целом на обозначение только одного из его признаков — определённый оттенок красного цвета — позволяет в рассматриваемом высказывании считать слово *Glut* контекстуальным синонимом слова *Röte*.

Среди компаративных высказываний с «узловыми» существительными, которые активизируют область знаний о зрительных ощущениях, связанных с представлениями о **размерах и форме**, также обнаруживаются конструкции, коррелирующие с компаративными единицами, в составе которых присутствуют компаративные сложные прилагательные: *Gern gewusst hätte ich, ob Frau Herma das Hitlerbild wirklich als Karikatur angelegt hatte oder ob sie ihr beim Abmalen der Postkarte unterlaufen waren, diese Augen von Mantelknopfgröße, überhaupt dieses Gesicht von der Farbe einer weißen Wand?* [80, S. 198] ↔ *die mantelknopfgroßen Augen*.

Соотносимость «узловых» существительных с элементами сложных прилагательных, рассмотренных в пункте 3.1.1, определяет ход наших рассуждений при определении задачи, выполняемой той частью конструкции, в которой даётся указание на эталон. По аналогии с нашими рассуждениями, изложенными в пункте 3.1.1, определяем её как реализацию направления на конкретизацию активизируемого представления о признаке, на которое указывает «узловое» существительное.

Немаркированные компаративные конструкции используются для конкретизации **осязательного ощущения**: *Vor ein paar Minuten hatte ich einen Peitschenhieb von Spritzwasser übers Gesicht erhalten* [56, S. 322]. Данное компаративное высказывание иллюстрирует перенос имени с обозначения действия на связанное с ним осязатель-

ное ощущение. Актуализация данного значения у номинативного элемента *-hieb* подтверждается фактом замещения сложным существительным *Peitschenhieb* позиции, открываемой глаголом *bekommen*, который выступает в данном высказывании в одном из своих ЛСВ, получившем в толковом словаре Дудена следующее определение ‘drückt aus, dass jmd. etwas erleiden muss’ [18, S. 127]. Таким образом, в немаркированных компаративных конструкциях в качестве указания на область поиска модуля наряду с номинативными элементами, которые входят в морфосемантическое поле однокоренных прилагательных, используются также и такие слова, обращение к которым базируется на физических или причинных ассоциациях сущностей. Обыденное мышление позволяет в процессе коммуникации использовать представление об одной сущности для ссылки на другую [Лакофф, с. 61–67].

Ряд существительных с ограниченной семантической сочетаемостью сужает область поиска признака-модуля на **слуховых ощущениях**: *Ihm war damals gewesen, als spräche der hochselige Großvater mit der Stimme Vaudreuils* [42, S. 655]. *Er [der König] lachte seine grobe Fuhrmannslache* [42, S. 436]. Значение рассматриваемого ЛСВ существительного *Stimme* определяется в словаре Э. Агриколы как ‘im Kehlkopf erzeugter Klang’ [9, S. 611]. Последнее предполагает, что речь может идти о звуках, издаваемых человеком или зверем, поэтому в толковом словаре Дудена указывается на это ограничение ‘das, was (von Menschen, Tieren) mit einer bestimmten [charakteristischen] Klangfarbe an Lauten, Tönen erzeugt wird’ [18, S. 615]. Существительное *Lache* сочетается только с обозначениями лиц.

В толковых словарях, как правило, отмечается и семантическая избирательность существительного *Schrei*: ‘von einem Menschen oder Tier ausgestoßener, unartikulierter, schriller Laut’ [16], ‘von einem Lebewesen ausgestoßener unartikulierter schriller Laut’ [15], ‘meist aus Angst ausgestoßener, unartikulierter, oft schriller Laut eines Lebewesens’ [11]. Рассматривая толкования существительного *Schrei*, обнаруживаем смысловой элемент, повторяющийся из дефиниции в дефиницию: подчёркивается, что определяемый звук нечленоразделен и резок. Отмечаемый факт свидетельствует о спецификации обозначения в следующем примере: *Sie weiß, er erinnert sich der schrecklichen Tierschreie der*

Sirenen [79, S. 264]. Кстати, в приведённом примере наблюдается отход от общепринятого представления о семантической избирательности существительного *Schrei*: позиция подчинённого компонента словосочетания со стержневым словом *Tierschreie* замещается словом *Sirenen*. Последний факт приводит к персонификации неодушевлённых объектов, которые называются в конструкции словом *Sirenen*. В восприятии субъекта сравнения сирены не просто подают сигнал воздушной тревоги, они кричат, как живые существа, как звери.

Семантическая сочетаемость существительного *Tremolo*, которое используется в приведённом ниже компаративном высказывании, также ограничена: *Der Truppenchef sagte im Tremolo eines Begräbnisredners*: „*Was ein' Anfang hat, muss ein Ende haben*“ [80, S. 100]. К выводу об ограниченности семантической сочетаемости существительного *Tremolo* можно прийти, анализируя дефиниции слова: ‘durch schnelle Wiederholung desselben Tones bes. bei Streichinstrumenten und beim Klavier hervorgerufenes Beben, Zittern des Tones’ [16], ‘(fehlerhaftes) Beben der Stimme beim Gesang’ [16].

Оба ЛСВ существительного *Tremolo* обладают ограниченной семантической сочетаемостью. Первый ЛСВ слова используется для обозначения звуков, которые воспроизводятся струнными инструментами, второй ЛСВ характеризует звуки, издаваемые человеком. Кроме того, в объяснениях значений слова *Tremolo* отражается и спецификация обозначения: в определениях указывается на частую повторяемость, дрожание звука.

В анализируемых конструкциях наряду со словами с ограниченной семантической сочетаемостью, представляющих тематический ряд «звуки», используются и обозначения, которые обладают широкими сочетательными потенциями. Так, существительное *Ton* представляет собой языковую проекцию общего представления о звуке, который воспринимается человеческим ухом: *Die Schleifmaschine arbeitete mit einem durchdringenden Pfeifton weiter* [62, S. 75].

Ранее уже упоминалась возможность метонимического переноса, базирующегося на физических или причинных ассоциациях. В следующем примере реализуется возможность такого переноса имени (действие → ощущение, которое связано с данным действием): *Als die Galerie zu pfeifen begann, da fand er dies ein ungehöriges*

Benehmen gegen die Herrschaften im Parkett, gegen die Reichen, gegen die im Licht Sitzenden, die er verachtete und von alters her beneidete und deren empörende Kunstansicht und Lebensauffassung er nun mit dem Dampfhammerschlag seiner Handflächen unterstützte [59, S. 145]. Кстати, подобный метонимический перенос для слова *Schlag* фиксируется в словарях как его ЛСВ с ограниченной семантической избирательностью ‘die akustische Angabe der Zeit im Uhrwerk’. В анализируемом компаративном высказывании морфема *-schlag* также указывает на акустические ощущения субъекта сравнения. На распространение активации в направлении концепта «паровой молот» указывает первая НС сложного слова, что позволяет максимально конкретизировать представление о звуковом ощущении и сделать вывод о том, что с точки зрения субъекта сравнения звуки, которые воспроизводил аплодирующий Юдеян, были похожи на звуки работающего парового молота.

Высказывания с немаркированными компаративными конструкциями позволяют конкретизировать **обонятельное ощущение**: *Burow roch den strengen Geruch des Alten, einen Geruch nach Fischen und Kautabak* [62, S. 68]. «Узловое» существительное задаёт направление конкретизации признака, который приобретает более чёткие очертания в результате актуализации ассоциативной связи с эталоном.

Аналогичная картина наблюдается относительно **комплексных характеристик**, к которым можно отнести **представление о скорости**. Среди существительных, которые указывают на область поиска признака-модуля, можно найти как обозначения, коррелирующие с компаративными сложными прилагательными, так и элементы, не входящие в одно морфосемантическое поле с данными прилагательными: *Er warf zunächst ohne Überlegung das schamlose kleine Alräunchen ins Feuer hinein, von wo es aber mit der Schnelligkeit eines Hundezufahrens der Hirt im selben Augenblick wieder herasholte* [54, S. 63]. *Im Schneckentempo kroch der Zug durch die Berge* [72, S. 109].

Существительное *Schnelligkeit*, сохраняя морфосемантические связи с прилагательным *schnell*, вступает в антонимические отношения с существительным *Langsamkeit* по аналогии с соответствующей парой антонимов-прилагательных – *schnell* ↔ *langsam*. Объём представления, выражаемого существительным *Tempo*, накладывается на области объёмов представлений, которые передаются

существительными *Schnelligkeit* и *Langsamkeit*. Широкий диапазон скоростных характеристик, языковой проекцией которого является номинативный элемент *-tempo*, отражается в сочетательных потенциях морфемы *-tempo* в сложных словах (*Blitz-, Eilzugs-, Schnecken-, Zeitlupentempo*), которые используются в компаративных высказываниях с немаркированными компаративными конструкциями. Дальнейшая ориентация адресата в актуальном пространстве знаний определяется активируемой областью эталона, что позволяет сформировать представление, основание которого образуют знания о реально воспринимаемых и ощущаемых признаках, полученных человеком опытным путём.

В том случае, когда речь идёт об **общем впечатлении**, которое складывается в результате восприятия объекта сложной формы, в качестве «узлового» компонента в компаративных высказываниях с немаркированными компаративными конструкциями немецкая языковая личность часто использует существительное, лексическое значение которого совпадает с грамматическим значением предметности. Здесь следовало бы упомянуть: 1) существительные — языковые проекции представлений об элементах одежды (*Kostüm, Rock, Handschuhe, Kleid, Anzug*): *Aber der Sohn? Der Sohn im Lager der Verräter; der Sohn im weibischen Rock reichsfeindlicher römischer Pfaffen?* [59, S. 129]; 2) существительные — языковые проекции представлений о предметах, конкретные разновидности которых предпочитают людьми определённых профессий: *Der Kellner war nun doch wieder zu seinem Kulitabrett mit Henkelgläsern zurückgekehrt* [34, S. 152].

Особое место в данной группе отводится существительному *Handschrift*, которое, с одной стороны, можно рассматривать как языковую проекцию предметно представленного действия, а с другой стороны, его можно отнести к обозначениям представлений о результате действия: *Ihre Handschrift war freundlich* [72, S. 368].

Нам представляется, что приведённые примеры не позволяют сомневаться в конкретизирующей направленности немаркированных конструкций с «узловым» существительным в составе компаративного высказывания на немецком языке.

Ранее уже было отмечено, что немаркированные компаративные конструкции в составе компаративного высказывания позволяют также конкретизировать **оценки**.

В немецком языке список «узловых» существительных, представляющих языковые проекции **психолого-прагматических и прагматических оценок**, составляют разные по характеру элементы. Среди наименований, указывающих на поведенческие и функциональные характеристики, отмечаются существительные, образованные от производящей основы (прилагательного или причастия) при помощи суффиксов *-heit, -keit, -igkeit*: *Er zeigte überhaupt eine Schreckhaftigkeit, wie sie meist nur Irrsinnigen oder Verbrechern eignet* [54, S. 48]. Вместе с тем среди наименований данной тематической группы обнаруживаются случаи метафорического и метонимического переноса: *Freilich eigne Monsieur de Beaumarchais außer dem demokratischen Feuer des Brutus auch der helle, tödliche Witz des Aristophanes* [42, S. 368]. Возможно использование слов с ограниченной семантической избирательностью: *“Ich hab eine Schafsgeduld, weil ich weiß, wie höllisch kompliziert das ist mit den Menschen”* [70, S. 129].

В рассматриваемой группе существительных в составе компаративных высказываний выявляются следующие подгруппы:

1) подгруппа существительных, которые являются языковыми проекциями представлений об особенностях образа действия: *Eine aus Flicken bestehende, vom Regen durchnässte Jacke hatte der Mensch nach Hirtenart über die linke Schulter gehängt* [54, S. 47]. Необходимо отметить, что от рассмотренных выше случаев примеры, иллюстрирующие подгруппу «особенность образа действия», отличаются не тематикой «узловых» существительных, а фактом проявления признака в момент совершения действия;

2) подгруппа существительных, которые являются языковыми проекциями представлений о состояниях человека: *Er verbrachte die Tage hinter verschlossener Türe, mit dem Egoismus des Glücklichen, der Scheu des Verbrechers, der Scham des Liebenden* [58, S. 123];

3) существительное *Alter*, являющееся языковой проекцией общего представления о возрастных признаках: *Und hätte es nicht werden können, weil da Leute gewesen wären, in des Alten Alter etwa, die hätten die Welt kaputt gemacht* [34, S. 38];

4) подгруппа существительных, которые являются языковыми проекциями общих представлений о социальной значимости человека: *Leute Ihres Schlages haben wir schon einige zu viel in der Partei* [70, S. 356].

К обозначениям **психолого-прагматических оценок** следует отнести ряд существительных, которые иллюстрируют перенос именованного с представления о жизненно важном элементе человеческого тела на представление об общей сущностной характеристике лица: *Mit Fischblut in den Adern hat man es leicht, sich rein zu halten* [58, S. 153]. *Yann mit dem Kinderherzen – ein Dieb! Oh, wie lächerlich, wie absurd!* [56, S. 374] Приведённые примеры иллюстрируют подобный перенос относительно значимых элементов *-blut* и *-herz*, что, вероятно, определяется представлением о человеческой душе как сущности, лишь относительно связанной с телесной оболочкой [Саньярова, с. 1013–1015; Шмелев, с. 138]. Потеря крови, остановка сердца ведут к смерти: к разрыву связи между душой и телом. Не исключено, что подобные представления легли в основу отмеченного выше метонимического переноса именованных.

В эту же тематическую группу мы отнесли существительное *Seele*, которое является языковой проекцией представления о человеческой сущности: *Es gibt überhaupt so wenig Menschen mit Charakter, finde ich, Frauen wie Männer. Die meisten haben die Seele einer Dirne, die jede Stunde wechselt* [58, S. 104]. То, что существительное *Seele* связано с передачей оценочно-чувственных ощущений субъекта сравнения, подчёркивается употреблением в предшествующем контексте относительно рассматриваемой конструкции глагола *finden* в значении ‘eine Meinung über jmdn. haben’ [16] и той информацией о модуле, которую адресант вкладывает в придаточное определительное предложение при существительном *Seele*.

Для уточнения психолого-прагматических оценок немецкая языковая личность использует конструкции с «узловыми» существительными – языковыми проекциями общих представлений о составляющих чувственно-ментальной деятельности человека: *Er hatte das empfindsame, lebensfrohe Gemüt seiner Mutter geerbt und den hochmütigen Verstand seines Vaters* [58, S. 29].

Для уточнения психолого-прагматических, эстетико-прагматических и прагматических оценок немецкая языковая личность использует конструкции с «узловым» существительным, обозначающим некоторую часть тела: *Der Greis wird ihn aus seinen treuherzigen Hundeaugen anschauen* [42, S. 199]. *Der Marinerichter hatte die Haut eines*

Malariakranken [62, S. 234]. Все составляющие данной группы являются существительными конкретными. С одной стороны, можно утверждать, что существительные дают представления о частях тела как целого. С другой стороны, части тела человека или животного рассматриваются как отдельные элементы, представления о которых называются конкретными существительными с лексическим значением предметности.

Представления, которые активируются существительными *Augen* и *Haut*, не только конкретизируются через актуализацию связи с эталоном, но и получают определённый оценочный знак. В первом случае направление «высвечивания» области в ментальном пространстве адресата определяется второй НС сложного слова *Hundeaugen*, первая НС компарата позволяет сузить область поиска модуля, а прилагательное *treuherzig* служит опорой, позволяющей уточнить актуальное представление. Совокупность названных языковых средств позволяет дать человеку, о котором идёт речь в компаративном высказывании, положительную психолого-прагматическую оценку, подчеркнуть его преданность.

Во втором компаративном высказывании представление, активируемое существительным *Haut*, конкретизируется через актуализацию ассоциативной связи с представлением о человеке, страдающем малярией. Общеизвестно, что малярия – тяжело переносимая инфекционная болезнь, которая сопровождается лихорадкой и малокровием. Последнее позволяет адресату конкретизировать актуальное представление, подчеркнуть, что речь идёт об очень бледной, синюшной коже человека. Выбор эталона, характеристика кожного покрова путём обращения к представлению о больном человеке, свидетельствует об отрицательном знаке оценки со стороны адресанта.

Среди рассматриваемых примеров мы обнаружили немаркированную компаративную конструкцию с «узловым» существительным из тематической группы компенсирующих инструментов: *Du darfst die Welt nicht durch die Brille einer barmherzigen Schwester sehen* [73, S. 46]. Конструкция была использована для конкретизации психолого-прагматической оценки.

Для конкретизации прагматических и психолого-прагматических оценок немецкая языковая личность использует также

немаркированные компаративные конструкции: 1) с «узловым» существительным из тематической группы «предметно представленные действия»: *An alles hat Mahomet gedacht, nur nicht an dies Unvorstellbare, dass ein einzelnes Schiff mit zwölf Helden eine solche Argonautenfahrt durch seine Flotte wagen würde* [89, S. 45]; 2) с «узловым» существительным из тематической группы «мимика, жесты, манера держаться»: *Sein betrunkenes Gesicht mit dem Ausdruck eines Metzgerhundes schwillt an vor Wut* [58, S. 181].

В составе компаративного высказывания «узловое» существительное, указывая на область поиска признака-модуля, может «высвечивать» эстетическую или эстетико-прагматическую оценку в её наиболее общем виде. Указание на область поиска признака-модуля представляется в данном случае: 1) производными существительными, образованными от прилагательных той же тематической группы: *Er erkannte, was diesem von Gott mit aphroditischer Schönheit begabten Geschöpf in seinem ferneren Leben und in der Welt ohne Beschützer bevorstehen musste* [54, S. 107]; 2) существительными — языковыми проекциями общего впечатления: *Er hat eine gute Läuferfigur* [62, S. 26]. *Doktor Zickel war ein verkümmertes Männlein mit dem Habitus eines zwölfjährigen Jungen* [72, S. 15]. Основываясь на результатах проведённого нами анализа, мы можем с достаточной степенью уверенности утверждать, что и в этом случае запускается механизм конкретизации.

Следует отметить, что «узловое» существительное может определять положительный или отрицательный знак оценки. Так, слово *Schönheit* уже несёт положительную оценку. Указание на эталон активизирует представление о греческом эталоне женской красоты, позволяет наполнить это довольно отвлечённое представление конкретным содержанием и подтвердить положительную оценку. В отличие от существительного *Schönheit* существительные *Figur* и *Habitus* знака оценки не определяют, но так же, как и существительное *Schönheit*, они являются языковыми проекциями отвлечённых представлений. Интересующий нас ЛСВ существительного *Habitus* определяет только общее впечатление о внешних признаках в облике человека, которое формируется в опоре на зрительные ощущения: ‘Gesamtheit der äußerlich erkennbaren Merkmale im Erscheinungsbild eines Menschen’ [15]. Слово *Figur* интерпретируется в толковом словаре Дудена как ‘äußere

Erscheinung eines Menschen im Hinblick auf ihre Proportioniertheit'. Обращаясь к слову *Figur*, адресант имеет в виду не только внешний облик человека, но ведёт речь и о пропорциональности форм его тела. Конкретизация представления в этих случаях осуществляется в опоре на ту часть немаркированной компаративной конструкции, в которой дана языковая проекция эталона.

Список «узловых» существительных, которые используются в немаркированных компаративных конструкциях для активации области оценок, расширяется в немецком языке за счёт отглагольных существительных тематической группы «впечатление». В эту группу мы отнесли отглагольные существительные, образованные способом имплицитной деривации: *Vielmehr machte er in der grauen Februar-Dämmerung den Eindruck eines verzweifelten und verdrossenen Mannes, dem die Spur, in der er zu fahren gezwungen war, bereits mehr abverlangt hatte, als er an Aufmerksamkeit, an Kraft und Geschicklichkeit aufbringen konnte* [62, S. 79]. *Kurz, der Ruf des jungen Pfarrers Francesco Vela erscholl auch in der Umgegend weit und breit, und er kam sehr bald in den Ruf eines Heiligen* [54, S. 46]. Как видно по приведённым примерам, данные существительные обозначают результат анализа чувственных впечатлений. В первом случае это общее впечатление о человеке, сложившееся в результате простого наблюдения за его поведением, во втором — молва о молодом священнике, которая распространилась в пределах его прихода.

В процессе поиска признака-модуля адресат должен принимать во внимание как значение «узлового» существительного, так и соотношение значений указаний на тему и эталон. В результате проведённых нами подсчётов удалось определить, что в немецком языке немаркированные компаративные конструкции рассматриваемого типа довольно часто (50 %) отражают ситуацию сравнения конкретного человека с обобщённым представлением о типичном носителе признака, на основании которого люди объединяются в возрастные, профессиональные и социальные группы: *Viktor hörte ihm zu mit der Miene eines Generals, der eine Schlacht verfolgt und dabei mit halbem Ohr die Berichte des Adjutanten entgegennimmt* [73, S. 31]. Несколько реже (28 %) характеристика конкретного человека выясняется путём сравнения его с другим конкретным человеком: *Er hatte die ein wenig tief liegenden, blauen und aufmerksamen Augen seines Vaters* [65, S. 7]. Эталоном может

быть представление о каком-нибудь животном (12 %) или неодушевлённом предмете: *An einem guten Tag unter diesen schlimmen Tagen hatte Vater Hackendahl am Bahnhof Zoo einen langbeinigen Mann mit Pferdezähnen als Fahrgast gefunden* [41, S. 431]. *Agata hatte bis auf diesen Tag den Unschuldstand einer Blume bewahrt* [54, S. 98]. И только в 5 % конструкций имеется в виду сходство неодушевлённых предметов: *Der Buchenhof bekam das Aussehen einer belagerten Zitadelle* [80, S. 189].

Подводя общий итог, можно отметить обширность диапазона признаков, называемых «узловыми» существительными в составе немаркированных компаративных высказываний на немецком языке. Что касается частотности рассматриваемых тематических групп «узловых» существительных, то почти с одинаковой частотностью тема и эталон сравниваются по внутренним качествам, по образу действия или по сходству частей тела (22–23 %). В общей сложности данные «узловые» элементы были обнаружены в 78 % рассмотренных компаративных высказываний. В 22 % компаративных высказываний присутствуют «узловые» элементы следующих тематических групп: «цвет», «звучание», «общий вид», «социальная значимость», «возраст», «форма» и «компенсирующий инструмент».

Отмечая обширность диапазона признаков, называемых «узловыми» существительными в рамках немаркированных компаративных конструкций немецкого языка, выход тематики данных существительных за рамки обозначений качественных характеристик сравниваемых предметов (возможность обозначения «узловыми» элементами представлений о частях тела, деталях одежды, предметов, предметно представляемых действий и состояний), можно достаточно определённо констатировать использование немаркированных конструкций в целях конкретизации признака.

3.1.3. Группа с *wie*: причина отсутствия однозначного решения вопроса о компонентном составе сравнительной конструкции

В пункте 1.5.1 были рассмотрены компаративные высказывания на немецком языке, содержащие группу с *wie*. В результате мы установили, что модуль в данных компаративных высказываниях является выводным знанием. Нам удалось также выяснить, что финитные глаголы, прилагательные и наречия, к которым примыкает

группа с *wie*, намечают для адресата границы общего в представлениях о теме и эталоне, сужают область поиска признака-модуля в целях результативности осуществления логической операции сравнения. Иначе говоря, финитные глаголы, прилагательные и наречия, которые определяются, уточняются при помощи группы с *wie*, являются языковыми проекциями конкретизируемых представлений. По нашему мнению, именно данный факт и то, что он не был до настоящего момента чётко сформулирован в теории сравнения на фоне отсутствия единого мнения по поводу границ сравнения как конкретного языкового явления, служит причиной отсутствия однозначного решения вопроса о компонентном составе сравнения в плане выражения.

Ряд авторов настаивает на двучленной структуре сравнения в плане выражения [Михайлов, 1970; Глазырин; 5; 7; Малькова, 2015]. Проведённый нами анализ границ единиц, определяемых перечисленными авторами как сравнение, обнаруживает, что в состав сравнительного оборота относится существительное, финитный глагол, прилагательное и наречие, непосредственно уточняемые при помощи группы с *wie*. Языковая проекция конкретизируемого представления рассматривается как первый элемент двучлена. Группа с *wie* определяется как второй элемент двучлена.

Нам бы хотелось обратить внимание на то, что в позиции определяемого элемента может быть не только языковая проекция темы, но и языковая проекция области поиска признака-модуля. Соответственно, в том случае, если конкретизируемым представлением является промежуточное звено — область поиска признака-модуля — в поле зрения исследователя оказывается лишь часть языковой проекции темы.

Последнее подтверждается анализом языкового материала, собранного нами в «Словаре сравнений и сравнительных оборотов в русском языке» К.С. Горбачевича [5]. К.С. Горбачевич строит свой словарь, как это он определяет во введении к словарю, по алфавиту «объектов сравнения». В процессе осуществлённого нами анализа предложенной в словаре выборки выяснилось, что под понятие «объект сравнения» может подводиться: 1) языковая проекция темы сравнения «АНКЕТА как стёклышко»; 2) языковая проекция обла-

сти поиска признака-модуля в форме прилагательного или наречия: «БЕСПЕЧНЫЙ, БЕСПЕЧНО как дитя, дети как птица небесная, как святой»; 3) языковая проекция области поиска признака-модуля в форме глагола: «БЕЖАТЬ как на пожар, как чёрт от ладана, как крысы с тонущего корабля»; 4) языковая проекция области поиска признака-модуля в форме существительного: «ВЗГЛЯД как у газели, как у змеи, как у барана, как у дворняги, похожий на взгляд Христа».

Следует отметить, что в первом случае языковые единицы, рассматриваемые в словарной статье, даются в границах компаративной единицы. К примеру, в словарной статье ДЫМ рассматривается индивидуально-авторское сравнение «дым как хвост сибирского кота», которое, как показывает пример, чётко очерчивает границы компаративной единицы: *«Ах, сани лёгкие, крылатые! Куда летите вы, куда? Туда, где белый дым над хатою, как хвост сибирского кота»* (А. Жигулин «Сани»).

В отличие от рассмотренных выше примеров языковые единицы второго, третьего и четвёртого типа являются лишь частью компаративной единицы, о чём свидетельствуют иллюстрации их употреблений:

«ЖИВУЧИЙ как кошка, как дворовая собака» [*Марина*] *была живуча, как кошка, и быстро оправлялась от побоев* (И. Гончаров «Обрыв»).

«ЖИТЬ как отшельник, как Робинзон» *Любуясь ходом весны, мы жили на реке Чуне, как отшельники и Робинзоны* (И. Соколов-Микитов «Весна в Чуне»).

«ЗУБЫ как у хорька, как у крокодила» *Зубы у неё, как у крокодила* (Л. Андреев «Жизнь человека»).

Другими словами, языковые единицы второго, третьего и четвёртого типа в том виде, в котором они приводятся в словаре К.С. Горбачевича, оставляют за рамками рассмотрения часть языковой проекции темы сравнения, фокус внимания смещается на языковую проекцию области поиска признака-модуля, уточняемое, конкретизируемое представление.

В аналогичных границах даются компаративные фразеологические единицы в «Немецко-русском фразеологическом словаре» Л.Э. Биновича и Н.Н. Гришина [10]:

1) компаративная фразеологическая единица включает языковую проекцию темы и эталона, её границы совпадают с границами компаративной единицы (*der Kopf ist j-m wie Blei*);

2) компаративная фразеологическая единица включает определяемое прилагательное (наречие) и группу с *wie*, то есть вне поля зрения оказывается часть языковой проекции темы (*glatt wie ein Aal*);

3) компаративная фразеологическая единица включает определяемый финитный глагол и группу с *wie*, таким образом, вне поля зрения оказывается часть языковой проекции темы (*dastehen wie der Ochse am (vorm) Berge*).

Вместе с тем, рассматривая сравнение как единицу речи, авторы, настаивающие на двучленной структуре сравнения в плане выражения, расширяют рамки анализируемого явления. К примеру, Р.А. Глазырин вводит в свою модель ещё один элемент, который представляет собой часть языковой проекции темы, вынесенную за рамки сравнительного оборота (внешний член, детерминирующий член), что видно на схеме, заимствованной из его работы:

ОН (внешний член / детерминирующий член) {КФЕ: **ПОКРАСНЕЛ КАК РАК** (*квантификатор*)}

На схеме отчётливо видно, что «детерминирующий член», в терминологии Р.А. Глазырина, является необходимым компонентом сравнения, ибо данная компаративная фразеологическая единица требует определённого уточнения темы сравнения. Подобные уточнения находим также и в словарных статьях, предлагаемых в словаре К.С. Горбачевича: *ВЗДЫХАТЬ*, *ВЗДОХНУТЬ*, как человек (*о животном*); *РАБОТАТЬ*, как (*точно, словно, будто*) бешеный, одержимый, как заведённый — *о человеке* [5].

Таким образом, утверждение о том, что сравнение в плане выражения двучленно, в той интерпретации, которая предлагается Р.А. Глазыриным и К.С. Горбачевичем, на практике опровергается уже носителями данной идеи. В этой связи возникает вопрос о реальных основаниях, обуславливающих вынесение в название словарной статьи языковых единиц в том виде, в каком они приводятся в словарях сравнений и сравнительных оборотов [5] либо во фразеологических словарях [10].

В этом отношении, по нашему мнению, следует обратить внимание на организацию словарной статьи в словаре К.С. Горбачевича

ча. Анализ организации словарной статьи позволяет констатировать следующие тенденции:

- при отсутствии дополнительных смысловых опор, направляющих поиск признака-модуля, в название словарной статьи выносятся языковая проекция темы сравнения;
- при обращении к дополнительным смысловым опорам, направляющим поиск признака-модуля, в название словарной статьи выносятся языковая проекция области поиска признака-модуля.

Обозначившиеся тенденции подводят к выводу, что систематизация материала в «Словаре сравнений и сравнительных оборотов в русском языке» осуществляется не по «объекту сравнения», как утверждает автор [5, с. 6], а по алфавиту языковых проекций конкретизируемых представлений. Что с достаточной степенью очевидности подтверждает нашу мысль о том, что к сравнению обращаются как к механизму конкретизации.

Сделанная нами выборка из произведений Б. Келлермана подтверждает, что группы с *wie* используются немецкой языковой личностью для конкретизации: **зрительного ощущения**: *Die Lampe sah aus wie ein Stern, der im entstehen begriffen ist* [58, S. 125]; **обонятельного ощущения**: *Das ganze Schiff stinkt von oben bis unten wie faule Fische* [56, S. 368]; **осязательного ощущения**: *Der Stoff dieses Mantels hatte sich so sanft angefühlt wie Schnee* [58, S. 10]; **слухового ощущения**: *Auf den Blechgesimsen pochte es, dumpf, in unregelmäßigen Zwischenräumen, wie ein Finger* [58, S. 7]; **оценок**, а именно: **эмоционально-прагматической оценки**: *Auf dem Lande bewegte er sich unbeholfen wie ein Krebs* [56, S. 332]; **психолого-прагматической оценки**: *Alle sind wild vor Hunger wie Wölfe* [56, S. 369]; **эмоционально-эстетической оценки**: *Im Englischen Garten war es schön wie im Paradies* [58, S. 148]; **морально-этической оценки**: *Die anderen stießen mich herum wie einen Fußball* [58, S. 112].

Подводя итог, можно уверенно утверждать, что группа с *wie* используется в немецком языке для конкретизации представления о признаке темы через активацию её непосредственных ассоциативных связей с эталоном или через активацию её опосредованной связи с эталоном, которая осуществляется «узловыми» элементами, уточняющими область поиска признака-модуля.

В параграфе 1.4 настоящей работы обращается внимание на близость групп с *wie* и сложных предложений с союзом *wie*, прида-

точная часть которых организуется тем же сказуемым, что и главная часть предложения. Логично предположить, и это подтверждается языковым материалом, что подобные придаточные предложения используются в немецком языке, как и группы с *wie*. Как показывает анализ компаративных высказываний, придаточные предложения, организуемые тем же сказуемым, что и главное предложение, его симиляром, оппозитом и языковой проекцией представления, которое находится в отношении включения относительно представления, вербализуемого сказуемым главной части, привлекаются немецкой языковой личностью, как правило, для конкретизации **оценок**, а именно: **эмоционально-прагматической оценки**: *Die Welt ist bei uns überhaupt nicht so, wie sie sein sollte* [71, S. 397]; **психолого-прагматической оценки**: *Holts Wut erlosch so plötzlich, wie sie aufgeflammt war* [71, S. 230]; **эмоционально-эстетической оценки**: *Ein Dampfer tutete, mächtig und ruhig, wie nur ein großes Postschiff tutet, das keine Angst hat und um freie Fahrt ersucht* [56, S. 443]; **морально-этической оценки**: *Bianka war so rein, so keusch, wie ein Weib nur sein kann, das Erziehung und Selbstüberwachung vor unreinen Dingen bewahrte* [58, S. 149].

Отдельно следует рассмотреть придаточные предложения реального сравнения с союзом *wie*, смысловое содержание сказуемого главной и придаточной части которых не позволяет обнаружить между ними отношений, упомянутых выше. Анализ состава придаточной части предложений позволяет констатировать обязательное присутствие в придаточной части указательного местоимения, относящего к событию или элементу, представление о котором активизируется языковыми средствами главного предложения. Соответственно, придаточная часть замещает позицию обстоятельства или определения.

Речь может идти о событии, которое повторяется с такой регулярностью, или о настолько очевидных предпочтениях, что у субъекта сравнения формируется представление, приобретающее свойства стереотипа в отношении к характеризуемому объекту: *Nachlässig schlenderte er neben ihr her, den Hut in den Nacken gerückt, die Hände in den Hosentaschen, wie er es bei guter Laune zu tun pflegte* [58, S. 99]. В этом случае может быть использовано устойчивое словосочетание *wie es sich gehört* со значением ‘как следует, как подобает’. Следует упомянуть, что, рассматривая аналогичные придаточные предложе-

ния в русском языке, к примеру «Он делает всё, как надо (как надо делать)», Н.М. Девятова отмечает их сравнительный характер. Разделяя сравнение на три типа (образное, логическое и эталонное), Н.М. Девятова иллюстрирует последний тип приведённым примером, считая, что в нём «объект сравнения сравнивается с нормой его проявления» [Девятова, с. 11]. Мы считаем, что придаточная часть в рассматриваемых случаях активизирует представление о стандартных действиях в определённой ситуации: *Ich grub ein kleines Loch, bettete den Fisch hinein, wie es sich gehört, und schüttete Sand darüber* [56, S. 292].

В придаточных предложениях реального сравнения используются лексические средства, указывающие на область когнитивного пространства, в котором следует искать эталон (желаемое, планируемое, существующее в виде субъективной оценки или мнения, предполагаемое): *Hier kann man natürlich auch in der Idylle versauern oder sich in Illusionen einwiegen, wie man will* [71, S. 225]. *Ich muss dich vor einem so folgenschweren Schritt, wie du ihn vorhast, nachdrücklich warnen* [71, S. 264]. *Der Schicksalsbegriff, wie wir ihn in literarischen Denkmälern vorgefunden haben, wurde durchweg aus aktueller Sicht kritisch behandelt* [71, S. 308]. Возможна организация придаточной части глаголами обладания или глаголами, указывающими на факт проявления или восприятия некоторого качества: *Petitjean war ein dumm und treuherzig aussehender Bursche, so wie die oft aussehen, die plötzlich zum Tod verurteilt werden* [56, S. 445]. Адресант пытается конкретизировать признак путём обращения к некоторому прототипу. И в этом отношении, если, следуя логике Н.М. Девятовой, выделять рассматриваемые примеры в особый тип сравнения, то имеет смысл называть его не эталонным, а прототипическим сравнением.

В качестве эталона используется также общее представление об объекте, составленное субъектом сравнения в процессе предшествующего общения с ним: *Es waren Yanns alte Augen, so wie sie früher waren, und sie entwoffneten mich augenblicklich* [56, S. 479].

Как показывает языковой материал, и в этом случае придаточные предложения с *wie* используются немецкой языковой личностью для конкретизации **оценок**, а именно: **эмоционально-прагматической оценки**: *Aber; siehe da, es war nicht so leicht, wie es aussah* [56, S. 446]; **психолого-прагматической оценки**: *Es war ein Blick, wie ihn*

Wahnsinnige haben [56, s. 256]. *Er unterrichtete, wie es ihm gerade einfiel* [71, S. 350]; **эмоционально-эстетической оценки:** *Die Sterne blitzten und flimmerten. Wie ein Regen fällt – dachte ich* [56, S. 454]; **морально-этической оценки:** *Gleichnis vom Heros Antäus, wie es bei Stalin steht* [71, S. 330].

Подводя итог, следует отметить, что компаративные единицы, содержащие группу с *wie* или придаточное предложение с тем же союзом, используются немецкой языковой личностью в целях конкретизации признака.

3.1.4. Информативная нагрузка группы с *als* в составе компаративного высказывания

В результате анализа компаративных высказываний на немецком языке, в состав которых входит группа с *als*, было установлено, что группа с *als* примыкает к прилагательному или наречию в сравнительной степени и конкретизирует **ощущения:** **зрительное ощущение:** *Die Straße kam ihr breiter vor als früher* [76, S. 212]; **слуховое ощущение:** *Ihre Stimme klang etwas weniger hell als früher* [71, S. 368]; **вкусовое ощущение:** *Das Getränk war stärker gemischt als das erste* [71, S. 190]; **комплексную характеристику:** а именно, **ощущение времени:** *Die Detail-Untersuchungen waren nicht sehr viel weiter als bis zur zweiten Ehe der Patientin gediehen* [76, S. 142]; и **оценки,** а именно: **прагматическую оценку:** *Die Karte war wesentlich klarer als der Brief* [76, S. 206]. *Er wohnt in einem viel besseren Hotel als wir* [59, S. 96]; **психолого-прагматическую оценку:** *Diesmal war Holt schlauer als das Leben* [71, S. 12]. *Ich lebte mit den Freunden, heitrer als sonst* [32, S. 95]; **эстетическую оценку:** *Der kleine Raum sah jetzt noch schöner aus als damals bei der Einweihung mit dem „Barbier“* [42, S. 669]; **морально-этическую оценку:** *„Sie sind noch frecher als die Menschen Ihrer Komödien“, sagte er und unterschrieb* [42, S. 70].

Придаточные предложения реального сравнения, которые вводятся союзом – показателем сравнительных отношений, используются немецкой языковой личностью, как правило, для конкретизации оценок: **эмоционально-прагматической оценки:** *Es [das Urteil des Gerichtes] war in den Einzelheiten noch günstiger, als er sich's erhofft hatte* [42, S. 312]; **психолого-прагматической оценки:** *Vielleicht ist sie freundlich, ist gütiger als wir meinen* [59, S. 125]. *Holt war viel schlauer,*

als Schneiderei dachte [71, S. 472]; **эмоционально-эстетической оценки:** *Lothar war ein Sonntagskind. Überaus charmant. Viel charmanter, als Wolfgang jemals sein könnte* [73, S. 11]; **морально-этической оценки:** *Sie war weniger betrunken, als er erst annehmen wollte* [71, S. 253].

В придаточных предложениях реального сравнения с союзом *als* в качестве эталона возможно использование представления об объекте или ситуации, которое было составлено субъектом сравнения предварительно, о чём свидетельствует организация придаточной части глаголами *erwarten, sich erhoffen, meinen, denken, annehmen*. В составе компаративного высказывания позиция на подлежащее при перечисленных глаголах занимается указанием на субъект сравнения. В качестве эталона привлекается прототипическое представление, которое формируется на основании знаний о человеческих возможностях или знаний о чём-то общепринятом в данной культуре: *Ihre verschwimmenden blauen Augen sahen mehr als sie sehen konnten* [59, S. 132]. *Gabriele Polignac bezeigte mehr Schmerz, als die gute Sitte zuließ* [42, S. 829].

Роль эталона может выполнять знание о собственных возможностях: *An diesem Abend trank Franklin mehr als sonst, mehr; als ihm gut tat* [42, S. 769].

Возможно привлечение в качестве эталона представления, которое сформировалось у субъекта сравнения в процессе предшествовавшего общения с объектом сравнения: *Aber die ist ein bisschen wilder; als sie zu Hause zeigt, da wette ich!* [71, S. 248].

Прилагательное или наречие в сравнительной степени как в словосочетаниях с союзом *als*, так и в придаточных предложениях реального сравнения с тем же союзом очерчивают область поиска признака-модуля. В определённой таким образом области адресат самостоятельно осуществляет поиск признака-модуля с опорой на эталон.

Категориальное значение прилагательного и наречия предопределяет возможность закладывания положительного или отрицательного знака конкретизируемого ощущения или оценки в значение прилагательного или наречия в сравнительной степени: *Es lief alles besser ab, als beide erwartet hatten* [42, S. 210–211]. Положительный знак эмоционально-прагматической оценки положения дел,

о котором идёт речь в приведённом выше компаративном высказывании, несомненно, определяется уже значением наречия *gut*.

В компаративных высказываниях, содержащих словосочетания, в состав которых входит наречие в сравнительной степени вместе с уточняемым им словом, оценочная коннотация может содержаться в значении слова, определяемого наречием в сравнительной степени. Так, в следующем высказывании отрицательный знак определяемой психолого-прагматической оценки связан со значением причастия *niedergeschlagen*, указывающего на подавленное, угнетённое состояние человека: *Louis hockte da, tiefer niedergeschlagen, als Maurepas erwartet hatte* [42, S. 406]. Положительный знак значимости труда в следующем примере определяется прилагательным *wert*: *Die Arbeit mache hier Spaß, das sei mehr wert als Geld* [32, S. 156].

Придаточные ирреального сравнения с союзом *als* замещают в предложении позицию обстоятельства, предикатива или определения и конкретизируют переживаемые субъектом сравнения **ощущения**: **зрительное ощущение**: *Es war, als flöge die Rakete ruckweise in einen Tunnel hinein* [45, S. 52]; **слуховое ощущение**: *Und ihm war, als mischte sich in das Rauschen des Regens das Wispern der Birken im Wind, als schwirrten verspätete Vögel ihrem Unterschlupf zu, als surrten hungrige Taigamücken* [61, S. 21].

Вместе с тем в придаточных ирреального сравнения с союзом *als* может даваться и некоторая **оценка**: **эмоционально-прагматическая оценка**: *Ihm schien, als sei ihm eine riesige Last von den Schultern genommen* [61, S. 35]; **психолого-прагматическая оценка**: *Wolfgang und Victor schauten sich an, als wollte der eine dem anderen die Last des Erzählens zuschieben* [73, S. 14].

Конъюнктив маркирует локализацию ситуации, которая обозначается в придаточной части, в мире субъекта сравнения. Ситуация, вербализуемая в придаточной части предложения, существует в момент разворачивания событий лишь в воображении последнего.

Подводя итог, необходимо отметить, что, как и в вышерассмотренных случаях, компаративные единицы, в состав которых входит группа или придаточное предложение с *als*, используются немецкой языковой личностью для конкретизации признака.

3.1.5. Конкретизирующая направленность компаративных высказываний, организуемых лексемами с семантикой сходства / отличия

Отвлечённая семантика широкозначных лексем — показателей сравнительных отношений позволяет активировать достаточно широкую область представлений о признаках сравниваемых объектов. То, что речь в компаративных высказываниях, организуемых лексемами с семантикой сходства / отличия, идёт именно о признаках, чётко эксплицируется в условиях указания на область поиска модуля широкозначными существительными, которые обозначают любые признаки (*Erkennungsmerkmale, Merkmale, Eigenschaften*). Подобные существительные замещают одну из позиций в окружении лексем с семантикой сходства / отличия.

Указание на сходство / отличие по многим или почти всем признакам реализуется сочетанием таких существительных с местоимениями *alle, jede*: *Kräftiger mittelgroßer grauer Pilz mit grauweißen Hüllresten auf dem Hut und ungerieftem Rand. Bis auf die Farbe in allen Erkennungsmerkmalen dem Perlpilz gleich* [29, S. 28].

Указание на область сходства / отличия по некоторым признакам осуществляется: 1) сочетанием широкозначных существительных, обозначающих любые признаки, с неопределёнными местоимениями *manche, einige, irgendwelche, mehrfache, viele, mehrere* (*in vielen Punkten, in mancher Hinsicht, in mehrfacher Hinsicht, in einigen Eigenschaften*): *Goethes Deutsch unterscheidet sich in mancher Hinsicht vom heutigen Deutsch* [Helbig, 1986]; 2) введением в группу глаголов сходства / отличия наречия *irgendwie*: *Irgendwie glich sein Gesicht einer gesprungenen Fensterscheibe* [11].

Вместе с тем содержательная сторона рассматриваемых компаративных высказываний на немецком языке позволяет утверждать, что независимо от того, идёт ли речь о сходстве по многим или почти всем признакам, о сходстве лишь некоторых из них, признаки темы конкретизируются именно в опоре на эталон.

В параграфе 1.6 на примере компаративных высказываний, организуемых широкозначными лексемами — показателями сравнительных отношений, обсуждался вопрос о языковых опорах («вехах»), направляющих поиск признака-модуля, к которым были

отнесены указания на область поиска признака-модуля. Как было выяснено, в качестве указания на область поиска модуля в компаративных высказываниях, организуемых широкозначными лексемами — показателями сравнительных отношений, используются указания на постоянные и переменные характеристики объекта. Имеются в виду постоянные внутренние признаки объекта, такие как внутренние качества (*bedeutungsmäßig, semantisch, stofflich, begrifflich, inhaltlich, in Wärmeausdehnungskoeffizienten*), качества, определяющие его сущность (*wesentlich, prinzipiell, grundsätzlich, in den Interessen, in ihren Grundzügen, in wesentlichen Fragen*), признаки, связанные с его устройством (*in der Struktur, im Aufbau, im Bau*). В компаративных высказываниях, организуемых широкозначными лексемами — показателями сравнительных отношений, в качестве области поиска признака-модуля может быть названа также область представлений о внешних постоянных признаках объекта. К такому следует отнести: вид (*im Aussehen, äußerlich*), форму (*in Form, in den Konturen, formenmäßig, in der Gesichtsform*), размеры (*in Abmessungen, nach der Größe, an Wuchs, hinsichtlich der Korngrößenbereiche*), звучание (*lautlich, in lautlicher Hinsicht, perzeptiv, akustisch*), цвет (*farblich, in der Farbe*), выявляемые части объекта (*in den Augen, in der Frisur, mit Blattquirlen*) и элементы одежды человека (*in Aufzug, in Kleid*). Указание на область поиска признака-модуля может быть связано и с обозначением признаков, которые характеризуют объект в рамках определённого временного периода. К ним можно отнести указание на условия или обстоятельства существования объекта (*in äußeren Verhalten, in Schreibgebrauch, in ökologischen Verhältnissen, in ihren Pflegeansprüchen*) и указание на образ действия (*in der Redeweise, in Wirkungsweise, in der Art ... zu ..., in Lebensweise*).

Семантика обозначений области поиска признака-модуля свидетельствует о том, что речь идёт о качественной характеристике сравниваемых объектов. Вместе с тем приведённые примеры лексем — указаний на область поиска признака-модуля позволяют наблюдать высокую степень отвлечённости их значений. Они называют непомерно обобщённые признаки (длина, размер, форма, цвет), которые могут быть определены как основные, категориально обобщённые свойства классов, серий, разрядов различных вещей. Они

выражают самую общую идею поименованного качества, которое уточняется, конкретизируется за счёт знания адресата о проявлении признака в его отнесённости к эталону: *Der Ziegelrote Risspilz ist in der Farbe dem Reispilz ähnlich, verfärbt sich aber beim Liegen und an Druckstellen ziegelrot* [29, S. 98].

В условиях отсутствия языковых опор, направляющих поиск признака-модуля, в компаративных высказываниях, организуемых широкозначными лексемами — показателями сравнительных отношений, речь идёт, как нам представляется, об общем впечатлении, которое субъект сравнения получает в процессе наблюдения объекта сравнения либо о ближайшем общем признаке сравниваемых объектов. Конкретизация общего впечатления имеется в виду в следующем компаративном высказывании: *Es war ein Bürschlein von sieben Jahren, das schon jetzt in beinahe lächerlicher Weise seinem Vater ähnlich war* [65, S. 13]. Общее впечатление — это комплексное ощущение, результат восприятия объекта в его целостности. В данном случае речь идёт о внешнем сходстве мальчика с отцом. Диапазон вероятных общих признаков достаточно широк, это может быть цвет волос, причёска, форма лица, лба, носа, губ, подбородка, манера держаться.

Конкретизация общего впечатления имеется в виду и в компаративном высказывании *Sie gleicht ihrer Mutter*. Возможная область поиска признаков или признака-модуля достаточно широка и может охватывать ведущее сущностное качество (*im Wesen*), телосложение (*an Gestalt*), особенности строения каких-то частей тела (*in der Gesichtform, in den Augen*), рост (*an Größe, an Wuchs*), цвет кожного покрова, радужной оболочки (*in der Hautfarbe, in den Augen*), одежду (*in Kleid*), особенности речи, способов убеждения или действия (*in der Redeweise, in der Art zu*). В подобных случаях только введение в компаративное высказывание указания на область поиска признака-модуля уточняет направление его поиска, как в примере *Sie gleicht in nichts als den dunklen Augen ihrer Mutter*, в котором на область поиска признака-модуля указывает словосочетание *in den Augen*. Возможно и дальнейшее уточнение области поиска признака-модуля, как в приведённом выше компаративном высказывании, в котором дальнейшее уточнение осуществляется за счёт введения в группу существительного *Augen* прилагательного *dunkel*.

Названное прилагательное служит «вехой», которая определяет направление поиска признака-модуля, подводит к выводу, что речь идёт о конкретизации цвета радужной оболочки.

В условиях отсутствия языковых опор, уточняющих область поиска признака-модуля, искомым признаком или признаками, скорее всего, являются ближайшие общие признаки, обнаруживаемые в представлениях о сравниваемых объектах. Ближайшие общие признаки устанавливаются путём сопоставительного анализа темы и эталона. В этой связи имеет смысл выявить типы смысловых отношений между темой и эталоном.

Необходимо обратить внимание на то, что в качестве темы и эталона выступают как представления, которые объединяются в один класс, так и представления, в один класс не объединяемые. К примеру, в следующем компаративном высказывании отмечается отличие пауков от раков и насекомых, образующих одну группу – членистоногих: *Spinnen weichen in ihrem Körperbau sowohl von den Krebsen als auch von den Insekten ab, sie besitzen keine Antennen und auch keine (ursprünglich) kauenden Mundwerkzeuge* [75, S. 64].

В компаративных высказываниях, организуемых лексемами с семантикой сходства / отличия, сравниваемые объекты одного класса выступают в двух разновидностях. Сравняются либо разные объекты одного класса, либо представления об одном и том же объекте или явлении в разное время или при разных обстоятельствах.

В том случае, когда сравниваются разные объекты одного класса, область поиска признака-модуля определяется признаками класса: *Die frisch geschlüpften Jungkrebse gleichen bis auf wenige Einzelheiten bereits weitgehend ihren Eltern* [75, S. 64]. Многообразие типов сравниваемых представлений отражается на уровне поверхностной реализации в использовании существительных разных семантических групп. Сравнимые объекты обозначают: 1) существительные одушевлённые, языковые проекции представлений о живых существах: *Er unterscheidet sich von seinem Bruder durch größere Lebhaftigkeit* [16]. *Der Dackel unterscheidet sich von den anderen Hunden* [14]; 2) существительные неодушевлённые, языковые проекции представлений о предметах и явлениях реальной действительности, а именно: обозначения предметов и их частей: *Ein Schneidbrenner*

unterscheidet sich von einem Schweißbrenner durch zusätzliche Zuführung von Sauerstoff [84, s. 270]; обозначения однородных масс, веществ: *Leder unterscheidet sich von Rauchware im Wesentlichen durch die Entfernung des Haarkleides* [84, S. 702]; 3) существительные отвлечённые, а именно: обозначения областей науки и производства: *Die Chemie unterscheidet sich von der Physik* [14]; обозначения действий: *Obwohl sich die pflanzlichen Bewegungen von denen der Tiere weitgehend unterscheiden, kommt ihnen jedoch ebenso eine wesentliche Bedeutung zu* [86, S. 131]; обозначения процессов: *Der Verfahrensablauf unterscheidet sich von der Thermoplastverarbeitung im Wesentlichen dadurch, dass die Formteilbildung in einem beheizten Werkzeug abläuft* [84, S. 194].

В том случае, когда сравниваются представления об одном и том же объекте в разное время или при разных обстоятельствах, поиск модуля идёт в области признаков, формируемых под воздействием обстоятельств: *Seine Stimmung ähnelt jener an drückenden Hochsommertagen, wenn es sich über den Köpfen unversehens zusammenzieht und keiner auf ein Gewitter gefasst ist* [70, S. 314–315]. Настроение определяется как общее эмоциональное состояние человека, на которое оказывают влияние внешние и внутренние обстоятельства и которое соответственно данным обстоятельствам определяется как хорошее, приподнятое, радостное, бодрое, плохое, скверное, мрачное, унылое, подавленное. Указание на обстоятельства позволяет конкретизировать искомый признак-модуль.

Для разграничения темы и эталона указывается также на конкретное время, в которое представление о данном объекте рассматривается в качестве темы и в качестве эталона. Такое указание в рамках компаративного высказывания осуществляется разнообразными языковыми средствами. Эту функцию выполняют согласованное и несогласованное определение, придаточное определительное предложение, первая часть композита, вторая часть которого указывает на сравниваемый объект: *Aber glich die wieder gefundene Gundel, hier auf der Bank neben ihm, wirklich jener anderen, die in seiner Erinnerung gelebt hatte?* [71, S. 12]. *Wie schon erwähnt, gleicht also die Nachtstellung der Blätter der Stellung nach der seismischen Reizung* [86, S. 117]. Для разграничения сравниваемых объектов может быть использовано обстоятельство: *Die Stellung der Blattstiele, Fiederstrah-*

len und Fiederblätter ist bei Dunkelheit ähnlich wie nach seimonastischer Reizung [86, S. 94].

Встречаются компаративные высказывания, в которых речь идёт о сравнении представлений, которые не объединяются в один род, вид, класс. Сравняются объект и его изображение, объект и предварительно созданный образ объекта, объекты, не объединяемые в один класс.

1. Тема и эталон – объект и его изображение

Говоря об изображении объекта, мы имеем в виду его художественное изображение (картина, скульптура) и изображение, полученное с помощью технических средств (фотография). Область поиска признака-модуля определяется в данном случае знаниями о возможностях соответствующего изображения и ограниченностью характеристик изображения объекта внешними признаками изображаемого: *Die Zeichnung ist ihm sehr ähnlich* [9]. Конкретизация признака-модуля идёт в области возможных визуально воспринимаемых признаков. В эту группу мы отнесли также случаи сравнения с бытовым или философским представлением об объекте: *Die Erkenntnisse, die verallgemeinerten ideellen Abbilder, sollen möglichst den Erkenntnisgegenständen gleichen – darin besteht schließlich das Ziel jedes Erkenntnisprozesses* [Schippan, S. 124].

2. Тема и эталон – объект и предварительно созданный образ объекта как совокупность предъявляемых к нему требований

Совокупность требований, предъявляемых к объекту, существует как индивидуальный предварительный образ объекта, социальный стереотип, сформировавшийся в групповом сознании, и идеальный образ, складывающийся из характеристик, обладание которыми рассматривается как оптимальный вариант при данных условиях.

В приведённом ниже компаративном высказывании субъект сравнения сравнивает конкретную девушку со сложившимся в его воображении образом идеальной подружки: *So sah ich sie zum ersten Mal und bis auf die Körpergröße – ein Meter zweiundfünfzig – entsprach sie meinem Entwurf* [62, S. 123]. В рамках компаративного высказывания указание на идеальный образ даётся, как правило, существительными, обозначающими область, в которой формируется соответствующее представление: *die Vorstellung, die Erwartung, der*

Entwurf, die Hoffnung, die gedankliche Konzeption, der Wunsch: Ich hatte ein Bild von ihr; und das Bild entsprach meinem Entwurf [62, S. 126]. Конкретизация идёт в направлении признака «соответствие индивидуальному представлению».

Групповое сознание формирует стереотипные представления, включая в них определённые качества. К примеру, в пространстве социальной ментальности врач — человек, самоотверженно, бескорыстно служащий благу человека, верный клятве Гиппократата; учитель — личность, соединяющая профессиональные качества с любовью к детям. Своеобразным прогнозом качеств выступило в следующем высказывании представление о норме поведения руководителя, соответственно которому он должен быть знаком с коллективом предприятия. Эта норма, стереотипное представление о руководителе, которое сложилось в социальном сознании, используется как эталон: *Er war Personalleiter geworden, aber das „Personal“, die Arbeiter, Ingenieure, die kaufmännischen Angestellten und die Funktionäre hatte er nicht kennen gelernt, jedenfalls noch nicht in dem umfassenden Sinne, der seiner Stellung entsprochen hätte* [34, S. 127].

На эталон в подобных высказываниях указывают существительные следующих тематических групп: социальная роль лица: *Er ist seiner Aufgabe gerecht geworden* [16]; профессиональное сущностное качество: *Das war nicht originell, nein, das entsprach der Mentalität eines Grobschmieds* [70, S. 145]; социальное явление: *Nun leider glich Spiegelbergs Freiheit der Anarchie* [70, S. 361]. В качестве указания на эталон используется также существительное, находящееся в родовидовых отношениях с указанием на тему: *Der Hund erinnerte an einen Pudel* [14]. Тема конкретизируется относительно признаков, объединённых в пространстве группового сознания в некоторое представление.

В качестве эталона может привлекаться также представление об объекте, который идеально отвечает требованиям ситуации: *Das Ziel der Aufbereitung besteht im Wesentlichen darin, ein Absatzprodukt, das Konzentrat zu erzeugen, dessen Zusammensetzung den Erfordernissen der nachgeschalteten Verarbeitung entspricht* [84, S. 58].

Эталон обозначается широкозначными существительными, актуализирующими некоторую совокупность признаков (критериев) (*die Auswahlkriterien, die angedeuteten Kriterien, die heutigen Forde-*

rungen, die vielfältigen Anforderungen, die besonderen Anforderungen, die gestellten Anforderungen, das Bedürfnis, die Maßstäbe, die Normen, die Qualitätsmerkmalswerte), которая восстанавливается в опоре на контекст или представляет собой фоновые знания: *Es fällt im Allgemeinen schwer, Texte zu finden, die allen Auswahlkriterien entsprechen* [64, S. 35].

В этом случае конкретизация признака-модуля осуществляется по области признаков, представляющих собой требования к объекту.

3. Тема и эталон — объекты, не объединяемые в один класс

В условиях сравнения объектов, которые не объединяются в один класс, соотношение между семантическими группами существительных, которые используются адресантом для обозначения сравниваемых представлений, может быть неожиданным и непредсказуемым для адресата сообщения. Конкретизация признака-модуля возможна в опоре на ассоциативные связи эталона. Так, в следующем примере конкретизация признака-модуля производится в области визуально воспринимаемых особенностей поверхности: *Die ganze rechte Seite [der Lunge] glich einer Kraterlandschaft vom Mond* [68, S. 102]. В компаративном высказывании речь идёт об ассоциациях человека (субъекта сравнения), который рассматривает рентгеновский снимок своих лёгких.

Следует оговорить, что активация ассоциативных связей, не лежащих на поверхности, требует введения в компаративное высказывание языковых опор, направляющих адресата в поиске признака-модуля. К примеру, в качестве эталона в следующем компаративном высказывании привлекается сложный расчленённый образ, в который входит не только представление о беспорядочном множестве (*Haufen*), но и отрицательная, уничижительная оценка со стороны субъекта сравнения, на которую указывает лексема *verrückt*: *Vor einer Bar standen äußerst zerbrechlich wirkende Stühle, sie waren lächerlich, nicht wie zum Sitzen gebaut, sie glichen einem Haufen verrückter Kanarienvögel, die man piepsen zu hören meinte* [59, S. 37]. Подобные языковые опоры позволяют составить адресату представление об индивидуальных ассоциациях субъекта сравнения и, несомненно, облегчают для него поиск признака-модуля. В следующем компаративном высказывании поиск признака-модуля облегчается информацией, содержащейся во второй части сложносочинённого предложения:

Weißes Papier gleicht den unerforschten Flecken auf einer Landkarte, mit der Spitze meiner Feder breche ich wie mit einem Buschmesser in Niemandland ein [68, S. 77].

Анализ компаративных высказываний, организуемых глаголом *erinnern* и перцептивными глаголами в их широком значении, позволяет прийти к выводу, что в подобных компаративных высказываниях возможно отражение ассоциативно-интуитивных ощущений: *Schließlich sagte sie: Seine Reise sah nach Flucht aus* [11, S. 273]. Конкретизация ассоциативно-интуитивного ощущения осуществляется путём обращения к эталону. К примеру, в следующем компаративном высказывании опора на эталон позволяет конкретизировать представление о существующей связи между непосредственно составляющими сложного слова: *Gelegentlich treten auch kompliziertere Beziehungen zwischen den UK auf, die an die Klammerformen erinnern: Feuerfest-Industrie 'Industrie, die feuerfeste Stoffe herstellt'* [Deutsche Sprache, S. 255]. Основанием сравнения служит отсутствие «среднего звена», позволяющего эксплицировать семантические отношения между непосредственно составляющими.

В следующих случаях конкретизируются отдельные признаки или общее впечатление, которые формируются в результате анализа зрительных ощущений: *Die Frucht hat die Form einer umgedrehten Birne und erinnert an einen Krug* [60, S. 28]. *Das Gebäude selbst erinnert an eine moderne Post des Padischahs* [40]. *Dieses Stadtviertel erinnert an Paris* [14]. В первом компаративном высказывании идёт речь о форме плода. Выбор в качестве эталона представления о кувшине помогает адресату мысленно воссоздать образ плода, акцентируя внимание на его форме. Во втором и третьем компаративных высказываниях имеются в виду архитектурные особенности отдельного строения и целого района города. Адресант не останавливается на подробном и детальном описании рассматриваемых объектов, он опирается на образы, позволяющие эффективно активизировать необходимые общие представления в сознании адресата.

Вместе с тем в компаративное высказывание могут быть введены языковые опоры, которые определяют направление конкретизации. В следующем высказывании такой вехой является выделенный словесный ряд: *Sie erinnerte ihn in allem, in Gang und Haltung und in der*

Art, wie sie den Kopf trug an Uta [72, S. 377]. Воспоминания об Уте, её походке, манере держать голову, нести себя, позволяют субъекту сравнения составить общее впечатление о незнакомой девушке.

Направление конкретизации может быть задано лексемами, которые замещают позиции, открываемые глаголом *erinnern*, как в следующем компаративном высказывании: *Die Flanken der Maschine öffnen sich in einer Weise, die schockierend an das Aufklappen des Unterkiefers eines Partrouillators erinnert* [45, S. 165]. Смещение частей машины ассоциируется у субъекта сравнения с движением нижней челюсти хищного доисторического животного. Обращение к эталону, вызывающему животный страх перед опасным и беспощадным хищником, формирует эмоционально-прагматическую оценку. Уточнение области поиска признака-модуля в приведённом ниже компаративном высказывании осуществляется в опоре на информацию, содержащуюся во второй части сложносочинённого предложения и в последующем высказывании: *Auch die Zentralkammer erinnert an ein Gespinst, aber hier sind die einzelnen Fäden von stärkerem Durchmesser. Seilartige Leitungen durchziehen den Raum* [45, S. 216].

Как показывает языковой материал, компаративные высказывания, организуемые глаголом *erinnern* и перцептивными глаголами (*riechen, stinken, schmecken, aussehen*) в их широком значении, используются немецкой языковой личностью для конкретизации зрительных ощущений, общего представления об объекте и в целях уточнения знака оценочной характеристики.

О том, что перцептивные глаголы *aussehen, riechen, duften, stinken, schmecken* и *klingen* в их узком значении не только указывают на отношение сходства, но и на способ восприятия признака-модуля, шла речь ранее в пункте 2.1.2. В семантическую структуру перцептивных глаголов в узком значении встроено указание на область поиска признака-модуля, которое определяет конкретный способ восприятия признака-модуля. Глагол *aussehen* в его узком значении определяет область зрительно воспринимаемых признаков. Глаголы *riechen, duften* и *stinken* очерчивают в самом общем виде область признаков, воспринимаемых с помощью обоняния. Глагол *klingen* указывает на диапазон признаков, воспринимаемых с помощью слухового анализатора.

Область чувственных представлений, активизируемая данными глаголами, охватывает диапазон признаков, который объединяет отличные по качеству конкретные признаки. Качество, называемое перцептивным глаголом в его узком значении, конкретизируется с помощью эталона, что чётко прослеживается в примерах с одним и тем же глаголом в сочетании с указаниями на разные эталоны: *Die einzeln oder zu zweit bis zu dritt zusammenstehenden, der Pflaume ähnlichen Blüten riechen nach Bittermandeln* [60, S. 46]. *Der Gelbliche Knollenblätterpilz (Amanita citrina) riecht nach Kartoffelkeimen* [29, S. 6]. Кстати, в определителе грибов автор достаточно часто прибегает к конкретизации запахов грибов, употребляя компаративную единицу с перцептивным глаголом *riechen*, что, как нам представляется, служит убедительной иллюстрацией использования рассматриваемых компаративных высказываний в целях конкретизации запаха. Подобным образом автор определителя грибов создаёт у адресата представление о разных запахах, отличающих один гриб от другого: *[Der Pilz] riecht nach Anis / nach Tinte / nach Karbol / nach Salzheringen oder Heringslake / nach Mehl oder nach Gurken / nach Hummer / nach Liebstöckel und Maggiwürze / nach Drogen / nach ranzigem Öl / nach gesägtem Holz / nach Kuchengewürz oder Bittermandel / nach Zimt.*

Таким образом, высказывания, организованные лексемами с семантикой сходства / отличия, используются немецкой языковой личностью в целях конкретизации признака.

3.2. Конкретизация ощущений

Итог проведённого нами исследования текстового потенциала сравнения в немецком языке позволяет интерпретировать сравнение как механизм конкретизации признака, как спецификацию через сравнение ощущений и оценок, и констатировать некоторые тенденции использования компаративных единиц в механизме конкретизации признака.

3.2.1. Конкретизация признака, воспринимаемого одним из органов чувств человека

Как показывает проведённый анализ языкового материала, сравнение позволяет конкретизировать представление о признаке, связанном с восприятием объекта сравнения одним из органов чувств человека.

Рассмотрим способы отражения с помощью компаративных единиц **зрительных ощущений**, выделение и группировка которых продиктованы возможностями зрительного анализатора человека (цвет, форма, размеры, прозрачность).

Представление о **цвете** конкретизируют прилагательные на *-farben (-farbig)*, компаративные сложные прилагательные, сложные существительные модели «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)» и «указание на эталон (первая НС) + уточнение области поиска признака-модуля (вторая НС)», группа с *wie* и *als*, придаточное предложение ирреального сравнения, немаркированные компаративные конструкции с «узловым» существительным и с прилагательным на *-ig*, предикативные единицы с широкозначными лексемами — показателями сравнительных отношений, в том числе и с глаголом *erinnern*.

Нами были выявлены также обстоятельства, при которых перечисленные языковые средства используются немецкой языковой личностью в целях конкретизации цвета.

В составе немаркированной компаративной конструкции прилагательное на *-farben (-farbig)* в силу достаточно узкого значения указанного словообразовательного элемента обозначает исключительно цвет: *fleischfarben*, *honigfarben*, *olivenfarben*, *veilchenfarben*.

О том, что компаративное сложное прилагательное и сложное существительное модели «указание на эталон (первая НС) + уточнение области поиска признака-модуля (вторая НС)» называют цвет, свидетельствует вхождение второй НС сложного слова в тематическую группу «цвет» (*kreideweiß*, *lederbraun*; *Elfenbeinfarbe*). Кстати, в сделанной нами выборке компаративных сложных прилагательных из словаря Р. Клаппенбах и В. Штейница [16] 47 % прилагательных называют цвет (за 100 % было принято 272 прилагательных), что свидетельствует об интенсивном использовании компаративных сложных прилагательных для конкретизации представления о цвете.

Признаком конкретизации представления о цвете синтаксической структурой, которая включает в свой состав прилагательное, уточняемое группой с *wie*, группой с *als* или придаточным предложением ирреального сравнения, служит тематическая принадлежность прилагательного к обозначениям цвета: *Sie sieht nicht, dass er bleich ist wie eine Wand* [58, S. 164]. „Aber“, sagte Mallroth, noch röter als vorher; „wofür denn, wofür denn“ [76, S. 224]. Принадлежность «узлового» существительного немаркированной компаративной конструкции к тематической группе «цвет» также свидетельствует о том, что конкретизируется представление о цвете: *An diesem Tage hat das Meer die Farbe der Blüten von Usambara-Veilchen* [80, S. 284]. Высказывания, организуемые широкозначными лексемами — показателями сравнительных отношений, в том числе и глаголом *erinnern*, передают информацию о цвете в том случае, если в их составе в качестве уточнений области поиска признака-модуля присутствуют лексемы соответствующей тематической принадлежности: *Dieser Pilz [Samtfußkrempling] ist in Farbe dem Kahlen Krempling ähnlich* [29, S. 84].

Критерий тематической принадлежности составляющей компаративной единицы не применим к сложным существительным модели «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)». То, что речь идёт о конкретизации цвета, устанавливается на уровне ассоциативных связей представлений о сравниваемых объектах. Сам факт конкретизации цвета сложным существительным модели «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)» нашёл своё подтверждение в ходе проведённого нами анализа толкований композитов в одноязычных словарях немецкого языка. В сделанной нами выборке сложных существительных модели «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)» из словаря Р. Клаппенбах и В. Штейница в 21 % определений речь идёт о цвете: *Korallenmund* – ‘korallenfarbiger Mund’, *Flachshaar* – ‘flachshblonder Mensch’.

Мы считаем, что установление ассоциативных связей по оттенку цвета между представлениями об объектах возможно также с помощью компаративных единиц с прилагательными на *-ig*: *Zerflederte Girlanden unter der Decke, kreibige, mit Schminke bemalte Gesichter* [71, S. 75]. Анализ определений прилагательных на *-ig* подтверждает наше предположение. 10 % единиц в выборке, охватывающей

123 единицы из словаря Р. Клаппенбах и В. Штейница, интерпретируется как обозначение цвета: *tintig* – ‘tiefblau oder -schwarz wie Tinte’, *rauchig* – ‘grau, rauchfarben’, *pechig* – ‘schwarz wie Pech’, *kalkig* – ‘weiß wie Kalk, kalkweiß’.

Помимо цветового тона, с помощью сравнения конкретизируется характер излучения. Эта характеристика обозначается компаративными единицами, в состав которых в качестве уточнения области поиска признака-модуля входят глаголы соответствующей тематической принадлежности (*glühen, sprühen, erbleichen, brennen, schimmern, blenden*): *Die wirbelnden Gischtkämme leuchteten wie Schnee* [56, S. 359].

С целью определения областей – доноров эталонов, к которым немецкая языковая личность обращается для конкретизации представлений о цвете, мы провели номинативный и концептуальный анализ перечисленных компаративных единиц. Для компаративных единиц, конкретизирующих представление о цвете, выявляются четыре фрагмента картины мира, из которых заимствуются эталоны: мир человека, мир ботаники, мир животных, мир природных явлений.

В качестве эталона чаще привлекаются следующие представления из области «мира человека», приведённые в порядке убывания их количества и разнообразия: **материалы и вещества, используемые в быту**: *porzellanweiß, samtbraun, schwefelgelb, stahlblau, tintenschwarz, wachweiß, zementgrau, ziegelrot, hennarot, graphitfarben, kupferfarben, schieferfarben; Kohlmeise; blau wie Samt, grün wie Flaschenglas, Meer – schwarz wie Pech*; **материалы, используемые в ювелирных изделиях**: *jadegrün, jettschwarz, karfunkelrot, malachitgrün, platinblond, rubinrot, saphirblau, smaragdgrün, korallenrot, perlgrau; türkisfarben; goldig, Goldbarsch, Silberbart*; **продукты питания**: *honiggelb, käseweiß, semmelblond, senfgelb; teefarben; sektfarben, zimtfarben; käsig; Brötchengesicht; rot wie Wein*; **явления, наблюдаемые в быту**: *aschgrau, glutrot; feuerfarben, rauchfarben, rostfarbig; Neonfisch; schwarz wie Ruß*; **представления, связанные с культурой**: *königsblau, tizianblond, tizianrot; khakifarben, pastellfarben*; **явления, связанные с жизнедеятельностью человека**: *kackbraun, kackgelb; rot wie Blut*. Как можно проследить по примерам, в качестве эталона привлекается, как правило, представление, входящее в сферу бытовых знаний. Вероятно, критерием выбора эталона является уверенность субъекта сравнения в том, что предмет, на представле-

ние о котором он опирается, хорошо знаком адресату. Поэтому значительная группа эталонов концентрируется в сфере быта и соотносится с предметами и явлениями, с которыми человек сталкивается в повседневной жизни.

К естественному окружению человека мы относим и природные явления, которые он наблюдает постоянно. Они отражены в ряду эталонов, которые мы относим к «миру природных явлений»: *himmelblau, nachtblau, nachtschwarz, nebelgrau, seegrün; sandfarben; Regenbogenhaut; blassgrün wie Wasser; grün wie das Meer; braun wie die Erde, weiß wie Schnee.*

Наблюдение языковых проекций представлений из «мира ботаники» и «мира животных», которые немецкая языковая личность использует для конкретизации цвета, подводит к определённым выводам о критериях их выбора. Наиболее многочисленную группу образуют представления о растениях и животных, которые используются в питании человека: *dottergelb, kaffeebraun, kastanienbraun, kirschrot, korngelb, maisgelb, nussbraun, pflaumenblau, quittengelb, tomatenrot, zimtbraun; himbeerfarben, olivenfarben, orange(n)farben; Kirschenaugen, Kirschenmund; Zitronenfarbe; hechtgrau, lachsrot.* Причиной, побудившей нас отнести группу фруктов, овощей, зерновых и приправ в ряд продуктов питания, стал характер объединения со второй НС, которая определяет основной цветовой тон. Приведённые примеры иллюстрируют, что имеются в виду спелые фрукты, овощи, зерновые и готовые к употреблению специи. То, что представления из «мира животных» отражены как продукты питания человека, явствует также из отношения к основному цветовому тону: красным рак бывает только в приготовленном виде (*krebsrot*), то, что мясо сёмги розового цвета, обнаруживается на срезе засоленной рыбы (*lachsfarben*). Последнее может свидетельствовать о том, что человек видит растительный и животный мир через призму своих потребностей.

В целях конкретизации цвета в качестве эталона привлекаются представления о культивируемых и декоративных растениях: *flachsblau, lilienweiß, mohnrot, rosenrot, vergissmeinnichtblau, weizengelb; fliederfarben, resedafarben, veilchenfarben, tabakfarben; weißblond wie Stroh.* Уточнение цвета возможно также путём обращения к представлениям о растениях из сферы естественного окружения челове-

ка: *moosgrün, grasgrün, kornblumenblau; grün wie die Blätter der Birken, gelb wie die Heideblumen.*

В качестве эталонов, которые привлекаются в компаративных единицах, конкретизирующих цвет, выступают также представления о животных, а именно: о прирученных животных, тех, что селятся рядом с человеком, и промысловых: *kanariengelb, schwanenweiß, puterrot, kohlrabenschwarz, mausgrau, rabenschwarz, rehfarben; Haar – schwarz glänzend wie das eines Rappen, ihre Augen – gelb wie die einer Katze.*

Знания, которые рассматриваются как необходимые для удовлетворения потребностей, образуют область хорошо знакомых представлений, что, как нам кажется, объясняет, почему именно из этой сферы черпаются эталоны.

Для конкретизации представления о **форме**¹ объекта немецкая языковая личность в первую очередь использует прилагательные на *-formen (-förmig)*. Специализация лексем со словообразовательным элементом *-formen (-förmig)* на конкретизации формы объекта обуславливается значением указанного словообразовательного элемента, которое было установлено в пункте 1.5.3. Вместе с тем анализ прилагательных на *-formen (-förmig)* позволяет судить об особенностях интерпретации формы объекта немецкой языковой личностью. Представление о форме интерпретируется как внешние очертания двухмерного и многомерного объекта в целом (*zweibelförmig, hufeisenförmig*), как изменчивость внешних очертаний объекта (*gasförmig*), как структурная характеристика объекта (*pulverförmig, staubförmig*) и как структурная характеристика поверхности (*schuppenförmig*). Причём фиксируемое перемещение объекта рассматривается как форма движения (*pendelförmig, kreisförmig*), а некоторая упорядоченность объектов – как форма их целостности (*tabellenförmig, reihenförmig*).

В немецком языке в целях конкретизации представления о форме кроме прилагательных на *-formen (-förmig)* используются компаративные сложные прилагательные, группа с *wie*, сложные существительные модели «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)» и «указание на эталон (первая НС) + уточнение

---

¹ Денисова Г. Л. Спецификация формы средствами сравнения (на материале немецкого языка) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2010. № 11. С. 44–45.

области поиска признака (вторая НС)», синтаксические конструкции, которые организуются широкозначными лексемами – показателями сравнительных отношений (глаголы *erinnern*, *gleichsehen*, словосочетание *ähnlich sehen* и прилагательные на *-ähnlich*), немаркированные компаративные конструкции с «узловым» существительным, немаркированные компаративные конструкции с прилагательными на *-ig*, *-isch*, *-artig* и придаточные ирреального сравнения.

Нами были выявлены обстоятельства, при которых перечисленные языковые средства используются в целях конкретизации формы объекта.

Прилагательные на *-formen* (*-förmig*) в силу значения названного словообразовательного элемента являются специализированным средством конкретизации формы объекта (*ringförmig*, *schlauchförmig*).

О том, что компаративное сложное прилагательное и существительное модели «указание на эталон (первая НС) + уточнение области поиска признака-модуля (вторая НС)» определяют форму, свидетельствует вхождение второй НС сложного слова в тематическую группу «форма»: *tellerflach*, *münzrund*, *schnurgerade*; *Eiform*, *Hufeisenform*, *Kastenform*, *Läuferfigur*.

На основании тематической принадлежности прилагательного, которое уточняется группой с *wie*, к обозначениям формы объекта можно однозначно утверждать, что компаративная единица используется для конкретизации некоторой формы: *Das Meer war glatt wie Öl* [56, S. 385]. *Sein Mund war rund wie ein Taler* [58, S. 48]. Подобным свидетельством являются также глаголы, в семантическую структуру которых входит смысловой компонент «изменение формы» (*flattern*, *sich runzeln*, *sich kräuseln*, *sich wölben*). Глаголы данной группы обнаруживаются как в компаративных высказываниях, в состав которых входит группа с *wie*, так и в сложноподчинённых предложениях ирреального сравнения: *Zuweilen kräuselte es [das Meer] sich wie Hautfalten* [56, S. 442]. *Zuweilen wölbte es [das Meer] sich lautlos, als atme es* [56, S. 298].

Принадлежность «узлового» существительного немаркированной компаративной конструкции к тематической группе «форма» также свидетельствует о том, что конкретизируется форма объекта: *Das waren Weidenkörbe in der Form großer Fliegengläser* [56, S. 441]. *Ihre Form ist keulenartig* [60, S. 25].

Компаративные высказывания, организуемые широкозначными лексемами — показателями сравнительных отношений, передают информацию о форме в том случае, если в их составе в качестве указания на область поиска признака-модуля присутствует лексема соответствующей тематической принадлежности: *Er ähnelte in der Gesichtsform stark seinem Großvater* [65, S. 14]. Вторая НС глагола *gleichsehen* и семантика глагола в словосочетании *ähnlich sehen* позволяют предположить, что речь идёт о наиболее общем впечатлении (о форме или размере объекта): *Die Erde ist ein Ball, welcher, weil ja der Beschreiber auf ihm wohnt, einem Brett gleichsieht* [11, S. 1049].

Как правило, языковые опоры, позволяющие определить область поиска признака-модуля, отсутствуют в составе компаративных высказываний, которые организуются глаголом *erinnern*. То, что имеется в виду конкретизация представления о форме, выясняется лишь на уровне ассоциативных связей темы и эталона: *Noch einmal sah er das angedunkelte Bild seines Schiffes, den gekappten Bugsprriet, der ihn immer an das abgeschnittene Horn eines Hornfisches erinnerte* [62, S. 63]. Часто не обнаруживаются языковые опоры, которые позволяют уточнить область поиска признака-модуля, и в окружении прилагательных на *-ähnlich*: *Seine korallenstockähnlichen Verzweigungen sind dicht gedrängt, rund und glatt* [29, S. 128].

Критерий тематической принадлежности составляющих компаративной единицы как возможных языковых опор, которые позволяют уточнить область поиска признака-модуля, не применим в отношении сложных существительных модели «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)» (*Schneckenfrisur, Stoppelbart, Trichtergrammofon*). Последнее верно также относительно сложных существительных модели «указание на эталон (первая НС) + уточнение области поиска признака-модуля (вторая НС)» и относительно немаркированных компаративных конструкций с «узловым» существительным, если второй элемент модели или «узловое» существительное указывают на часть или элемент объекта (*Adlernase, Ponyfransen, Schafsnase*). То, что в высказывании конкретизируется форма, устанавливается лишь на уровне ассоциативных связей представлений о сравниваемых объектах. Вместе с тем в толкованиях значения композитов мы обнаруживаем свидетельства,

которые не позволяют сомневаться в том, что сравнение осуществляется по сходству формы. В сделанной нами выборке указание на форму как основание сравнения присутствует в 45 % толкований существительных модели «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)» и в 12 % толкований существительных, построенных по модели «указание на эталон (первая НС) + уточнение области поиска признака-модуля (вторая НС)»: *Sternchennudeln* – ‘Nudeln in Form von Sternchen’, *Tellereisen* – ‘flaches, rundes Fangeisen, das auf den Erdboden gelegt wird’.

Отражение сходства по форме на уровне ассоциативных связей темы и эталона возможно средствами немаркированной компаративной конструкции, содержащей прилагательное на *-ig* и *-artig*: *Dubourgs altes Gesicht mit der verfältelten, sackigen Haut lächelte verschmitzt, lausbübisich* [42, S. 375]. *Sie bewegten sich durch einen schlauchartigen Tunnel* [45, S. 216]. Данный факт подтверждается анализом толкований прилагательных на *-ig* и *-artig*, выборка которых была сделана нами по материалам словаря Р. Клаппенбах и В. Штейница. В 20 % интерпретаций прилагательного на *-ig* даётся указание на форму как признак сходства, для прилагательных на *-artig* доля дефиниций, в которых указывается на форму как признак сходства, составляет 46 %: *kugelig* – ‘kugelförmig’, *strahlig* – ‘strahlenförmig angeordnet, radiär’, *schnabelartig* – ‘schnabelförmig’.

С целью определения областей – доноров эталонов, к которым немецкая языковая личность обращается для конкретизации формы объекта, мы провели номинативный и концептуальный анализ перечисленных компаративных единиц. Для компаративных единиц, конкретизирующих форму, выявляются пять фрагментов картины мира, из которых заимствуются эталоны: мир человека, мир геометрии, мир ботаники, мир животных, мир природных явлений.

При определении формы с помощью компаративных единиц наблюдается регулярное обращение к представлениям из «мира человека». Наиболее обширной группой в рассматриваемой области является сфера представлений о предметах домашнего обихода, к которым мы отнесли **предметы, окружающие человека в повседневной жизни**: *kastenförmig*, *kofferförmig*, *glockenförmig*; *kerzengerade*, *seidenglatt*, *sackartig*, *spindelartig*, *Ringform*, *schnurgerade wie ein Lineal*.

flach wie Tisch, wie gedrehte Wachskerzen, кухонную утварь: kelchförmig, löffelförmig, topfförmig, kesselförmig, trichterförmig, gabelartig, tellerrund, инструменты и приспособления: keilförmig, nadelförmig, knotenförmig, netzförmig, schraubenförmig, sichelförmig, zangenförmig, zahnradähnlich, lanzettähnlich, leiterartig, fadengerade, Stabform, scharf wie eine Sense.

Не столь интенсивно привлекаются представления о постройках и их элементах: *röhrenförmig, säulenförmig, stufig, terrassenartig, turmartig*. Приведённые примеры свидетельствуют о том, что в качестве эталона используются представления, которые формируются в быту в результате контакта с предметами, окружающими человека. Среди эталонов была выделена группа инструментов и приспособлений. Но, как можно проследить, речь идёт об инструментах, присутствующих в любом хозяйстве или широко известных. Малочисленна группа «оружие», но всё же она имеет место среди эталонов, которые заимствуются из «мира человека»: *schildförmig, schwertförmig, pfeilgerade, stilettförmig*.

В сфере представлений из «мира человека», которые используются немецкой языковой личностью для конкретизации формы объекта, были обнаружены представления, которые формируются в ходе образовательной деятельности человека. В этой связи следует отметить привлечение представлений о графических изображениях: *o-förmig, streifenförmig, tabellenförmig, u-förmig*. При определении формы объекта довольно интенсивно используются общие геометрические представления, которые формируются в ходе изучения соответствующей дисциплины в рамках школьной программы: *bogenförmig, kegelförmig, kurvenförmig, linienförmig, ovalförmig, sinusförmig, sternförmig, trapezförmig, walzenförmig, rechteckig, pyramidenartig, winkelartig, Kreisform, Spiralform, Würfelform, Zylinderform, wie eine Kugel*. От существительных, которые активизируют общие геометрические представления, образуются прилагательные на *-isch*, используемые в компаративных высказываниях для конкретизации формы объекта: *kubisch, quadratisch, sphärisch, zylindrisch, tabellarisch*.

Интенсивность использования геометрических представлений в литературе, предназначенной для лиц, которые интересуются техникой, и значимость раздела математики, в котором рассматриваются пространственные отношения и формы, побудили нас выделить

данную группу как самостоятельный сегмент в картине мира — «мир геометрии». Вместе с тем нам бы хотелось обратить внимание на то, что приведённые в качестве примера лексемы и подобные им были обнаружены в технической энциклопедии Technik [84], которая рассчитана на адресата с определёнными знаниями в области геометрии. В литературе, предназначенной для широкой публики, предпочитается выбор эталонов из других «миров» — «мира человека», «мира ботаники», «мира животных», «мира природных явлений».

Из «мира ботаники» при определении формы объекта в сферу внимания адресанта попадают, прежде всего, растения, которые используются как продукты питания: *knollenförmig*, *linsenförmig*, *mandelförmig*, *olivenförmig*, *pilzförmig*, *schotenförmig*, *wurzelähnlich*, *knollenähnlich*, *traubenähnlich*, *rund wie Kürbis*. Из «мира животных» в качестве эталонов привлекаются представления о животных со специфической формой (*aalförmig*, *schlangenförmig*, *schneckenförmig*, *spinnenförmig*, *muschelförmig*, *wurmartig*) и представления об отдельных частях тела животного и человека: *höckerförmig*, *lippenförmig*, *rippenförmig*, *schneibelförmig*, *schuppenförmig*, *zungenförmig*, *rüsselartig*, *herzähnlich*.

Достаточно немногочисленна группа представлений-эталонов из «мира природных явлений», которые привлекаются при конкретизации формы объекта: *strahlenförmig*, *stromlinienförmig*, *wellenförmig*, *eisglatt*.

Конкретизации требуют и **размеры** (величина)² объекта, а именно: высота как протяжённость от нижней до верхней точки объекта, которая осмысливается по отношению к человеку или животному как рост; длина как протяжённость объекта в том направлении, в котором две крайние точки плоскости объекта лежат на наибольшем расстоянии друг от друга; ширина как протяжённость объекта в том направлении, в котором две крайние точки плоскости объекта лежат на наименьшем расстоянии друг от друга, она осмысливается в ряде случаев как толщина (протяжённость объекта в поперечнике); объём как величина объекта в длину, высоту и ширину, объём соотносится в наивной картине мира с общим впечатлением о размерах объекта.

---

² Денисова Г. Л. Констатация величины объекта с помощью сравнения (на материале немецкого языка) // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2. С. 105–111.

По нашим наблюдениям, размеры объекта достаточно регулярно конкретизируются немецкой языковой личностью с помощью компаративных сложных прилагательных, вторая НС которых активизирует представление о высоте, длине, ширине, объёме объекта: *Ein Goldschmied hatte in diesen rauen Stern einen stecknadelkopf-großen Stein eingelassen* [80, S. 300]. Конкретизация размеров объекта возможна с помощью компаративных единиц, которые включают в свой состав группу с *wie* или с *als*, придаточные реального сравнения с *wie* или с *als*, дериват на *-artig*, *-ig*, *-haft* и *-isch*, сложное существительное модели «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)» или «указание на эталон (первая НС) + уточнение области поиска признака-модуля (вторая НС)», суперлатив. Конкретизация размеров объекта возможна также с помощью компаративных единиц, организованных широкозначными лексемами — показателями сравнительных отношений (в том числе глаголами *erinnern*, *gleichsehen* и словосочетанием *ähnlich sehen*), или с помощью компаративных единиц с «узловым» существительным.

О том, что компаративная единица привлекается для конкретизации представления о размерах объекта, свидетельствует вхождение в её состав лексем тематической группы «размеры», в которую, по нашим наблюдениям, могут входить:

— прилагательные, уточняемые группой с *wie* или с *als*: *Sie [Rosen] waren klein wie ein Taubenei* [58, S. 125]. *Die Kuh war nicht größer als ein Kalb* [56, S. 301];

— прилагательные и наречия, уточняемые придаточными с *wie* и с *als*: *Sie streckte ihm die Hand entgegen, viel höher, als es nötig gewesen wäre* [58, S. 77];

— прилагательные в функции согласованного определения перед существительными, уточняемыми придаточными с *wie* и с *als*: *Sie hatten alle dicke Bäume, als ob sie guter Hoffnung wären* [56, S. 286];

— «узловые» существительные и вторые НС существительных модели «указание на эталон (первая НС) + указание на область поиска признака-модуля (вторая НС)» в немаркированных компаративных конструкциях: *Sein stämmiger, breitschultriger Körper, die Gestalt eines Bären, magerte ab zum Skelett* [69, S. 116]. *Judejahn füllte mit seiner gedrungenen Bullengestalt das Zimmer aus* [59, S. 131];

– лексемы, уточняющие область поиска признака-модуля, в компаративных высказываниях, которые организуются широкозначными лексемами – показателями сравнительных отношений: *Kalksandsteine sind in den Abmessungen dem Mauervollziegel angeglichen* [84, S. 520];

– прилагательное в суперлативе в составе компаративной единицы: *Diese Woge war die größte und schönste, die ich hier außen sah* [56, S. 326].

То, что высказывания, в состав которых входят сложные существительные модели «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)» и дериваты на *-artig*, *-ig*, *-haft* и *-isch*, могут использоваться для конкретизации представления о размерах, устанавливается только на уровне анализа ассоциативных связей темы и эталона: *Der riesige, mehrere Hektar große Kasernenhof war gesprengt* [72, S. 425]. *Der, ein bärenhafter Kerl, stieg über eine Kiste und schlug mich auf den Kopf, dass ich umfiel* [58, S. 112]. Факт обозначения размеров объекта с помощью перечисленных языковых средств находит своё эксплицитное выражение в толкованиях, предлагаемых в словаре Р. Клаппенбах и В. Штейница: *Stummelschwanz* – ‘kurzer (gestutzter) Schwanz eines Tieres, bes. eines Hundes’, *zwerghaft* – ‘winzig klein, zwerbig’; *riesig* – ‘außergewöhnlich groß, von gewaltiger, imponierender Größe oder Ausdehnung’. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что, судя по нашей выборке из словаря Р. Клаппенбах и В. Штейница, информация о размерах находит своё эксплицитное выражение однозначно лишь в 2 % толкований существительных модели «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)» и в 15 % толкований существительных модели «указание на эталон (первая НС) + уточнение области поиска признака-модуля (вторая НС)». Количество лексем на *-ig*, *-haft*, *-isch* и *-artig*, которые используются для конкретизации размеров объекта, по нашим наблюдениям, исчисляется единицами: *knirpsig*, *zwerbig*, *gnomenhaft*, *hünenhaft*, *titanenhaft*, *gigantisch*, *saalartig*, *sargartig*. Кроме того, размер редко является единственным признаком, который устанавливается путём сравнения, как правило, он входит в комплексную характеристику объекта, сочетаясь с конкретизацией его формы и цвета.

При конкретизации размеров объекта немецкая языковая личность обращается к эталонам из «мира человека», «мира животных», «мира ботаники», «мира природных явлений» и «мира мифов и фантазий».

С целью конкретизации размеров объекта прибегают к представлениям из «мира человека», а именно: к представлениям о принадлежностях обихода (*fadendiinn*, *nadelfein*, *schaufelgroß*, *spindeldürr*; *stockdürr*; *tellergroß*, *stecknadelkopfgroß*) и к представлениям о постройках и их элементах (*haushoch*, *raumwandgroß*, *turmhoch*). Следует отметить, что в качестве меры часто используются представления о росте человека и о размерах частей его тела (*mannshoch*, *handtellergroß*, *hüfthoch*, *kindskopfgroß*, *knöcheldürr*; *haarscharf*, *schulterhoch*, *fußhoch*). Лексемы, которые соотносятся с представлениями о размерах человеческого тела, образуют ряды, позволяя в обыденном сознании достаточно точно определять высоту, длину и ширину объекта: *handbreit*, *handgroß*, *handhoch*, *handlang*; *fingerbreit*, *fingerhoch*, *fingerlang*, *fingerdick*; *daumendick*, *daumenbreit*; *faustdick*, *faustgroß*; *ellengroß*, *ellenhoch*, *ellenlang*; *kniehoch*, *knielang*, *knietief*; *knöchellang*, *knöcheltief*. Приведённые примеры свидетельствуют об активном привлечении при определении размеров объекта представлений о длине кисти руки, о длине и толщине пальца руки, о размерах человеческого кулака, о длине руки до локтя, о длине ноги до колена и лодыжки. Интересно, что аналогичное явление — совмещение телесной и функциональной семантики для концепта «рука» — наблюдает Н.В. Мыльникова на материале русского языка [Мыльникова, с. 158].

Размер объекта может конкретизироваться в опоре на представления о животных и мифических существах, созданных человеческой фантазией: *bärenhaft*, *gnomenhaft*, *titanenhaft*, *hünenhaft*.

Из «мира ботаники» при уточнении размеров, как правило, привлекаются представления о плодах, которые используются человеком в пищу (*haselnussgroß*, *kirschengroß*, *erbsengroß*). Невообразимая высота и безбрежная ширина так же, как и значительная удалённость, ассоциируются с представлением об удалённости небосвода: *himmelhoch*, *himmelweit*.

К сравнению обращаются при конкретизации характеристик, связанных со способностью объекта пропускать через себя свет,

с его прозрачностью и чёткостью его очертаний. Для конкретизации представления о **прозрачности** объекта в немецком языке используются:

– группа с *wie* или придаточное предложение с *wie*, уточняющие прилагательные *durchsichtig*, *klar*: *Sie stand durchsichtig wie Marmor* [68, S. 222];

– компаративные сложные прилагательные с морфемой *-klar* или *-hell* в позиции второй НС (*glashell*; *glasklar*; *wasserklar*; *wasserhell*): *Viele Leute hatte das Verlangen herausgetrieben, noch einen Schluck dieser kristallklaren, kräftigen Luft zu erhaschen* [58, S. 74];

– прилагательные на *-ig* и *-artig*: *gebratener Speck sieht glasig aus* [16, Bd. 2, S. 1598], *molkiges Wasser, der Himmel war ein molkiges Weißgrau* [16, Bd. 4, S. 2544].

Факт конкретизации свойства объекта пропускать через себя свет с помощью перечисленных языковых средств находит эксплицитное выражение в их толкованиях: *quellklar* – ‘klar wie eine Quelle, sehr klar’, *milchig* – ‘weißlich-trüb’, *molkig* – ‘weißlich trübe’, *schleierig* – ‘durchscheinend’ [16].

Анализ языкового материала свидетельствует, что свойство объекта пропускать сквозь себя свет конкретизируется немецкой языковой личностью с опорой на представления из «мира природных явлений»: активируются ассоциации с прозрачностью воздуха в мороз и с ключевой водой. Возможна опора на представления из «мира человека»: используются представления о жидкостях, с которыми человек знакомится в процессе питания (молоко, молочная сыворотка), возможно обращение к представлению о стекле как материале, который широко используется в быту.

Чёткость очертаний объекта обозначается в немецком языке:

– группой с *wie* при глаголах зрительного восприятия: *Dahinter gab es einen silbergrauen, durchsichtigen Zwischenvorhang, durch den man die Bühne wie im Nebel sah* [71, S. 58];

– компаративным сложным прилагательным с морфемой *-scharf* в позиции второй НС: *Die Taue warfen haarscharfe Schatten über das Deck* [56, S. 454];

– дериватами на *-ig* и *-haft*: *Weit hinter Kellers Gesicht hatte das Gesicht ihres Vaters geschimmert, schemenhaft* [76, S. 219].

Подтверждение установленного нами факта привлечения перчисленных дериватов для характеристики объекта по чёткости зрительного восприятия находим в словарных толкованиях лексем: *nebelig* – ‘unklar, verschwommen, nebelhaft’, *schattenhaft* – ‘dunkel und undeutlich wie ein Schatten, umrisshaft’ [16].

По нашим наблюдениям, немецкая языковая личность определяет размытость очертаний предмета, опираясь на представления об объектах из «мира природных явлений» (*Nebel, Wolke, Schatten*) и на представления о бестелесных объектах из «мира мифов и фантазий» (*Geist*).

Собранный нами языковой материал позволяет констатировать, что в немецком языке с помощью сравнения конкретизируются **осязательные ощущения**: температурные характеристики объекта, его упругость и влажность. При конкретизации **температурных** характеристик объекта используются компаративные единицы, в составе которых обнаруживаются прилагательные *kalt, warm* и *heiß*:

– группа с *wie*, группа с *als*, или придаточное предложение ирреального сравнения, которое уточняет перечисленные прилагательные: *Draußen war es noch heißer als im Zimmer* [73, S. 123]. *Aber mein Rücken war eisig kalt, als sei mein Rock hinten aufgeschlitzt* [56, S. 465];

– компаративные сложные прилагательные с морфемами *-kalt, -warm* или *-heiß* в позиции второй НС (*körperwarm, fieberheiß*): *Rosseherre zuckte nicht einmal mit der Wimper, wenn ihr die eiskalten Regentropfen ins Gesicht schlugen* [56, S. 300].

Кроме того, температурные характеристики объекта уточняются с помощью прилагательного *eisig*: *Der frisch gefallene Schnee war an der Straße zu weißen Dünen verweht, über die noch immer ein eisiger Wind pffiff* [72, S. 480].

Присутствие в толкованиях прилагательных со второй НС *-kalt* и прилагательного *eisig* интенсификатора *sehr* (*eiskalt* – ‘kalt wie Eis, sehr kalt’, *frostkalt* – ‘eiskalt’, *eisig* – ‘kalt wie Eis, sehr kalt’) подводит к выводу, что речь идёт об эмоционально выделенной характеристике.

В ряду компаративных сложных прилагательных со второй НС *-warm* в качестве первой НС используются морфемы, которые относятся с представлениями о нагретых, дающих или содержащих тепло объектах. Активируются ассоциации на тепло человеческо-

го тела (*handwarm, körperwarm*), на температуру парного молока (*kuhwarm*), на тепло деревенской печки (*ofenwarm*) и солнечных лучей (*sonnenwarm*). Перечисленные лексемы можно расположить на шкале нарастания признака (*kuhwarm – körperwarm – handwarm – sonnenwarm – ofenwarm*), что позволяет говорить о дифференцированном представлении температурных характеристик.

Морфема *-heiß* в качестве второй НС была зафиксирована нами только в одном компаративном сложном прилагательном – *feiberheiß*. Представление о горячем создаётся в данном случае в опоре на представление о жаре, который проявляется у больного человека, находящегося в лихорадочном состоянии.

Представления о характеристиках **мягкий / твёрдый**, которые определяются при прикосновении, давлении и сжатии, конкретизируются немецкой языковой личностью группой с *wie* при прилагательных *weich* и *hart*: *Die Lippe, die so weich ist wie Mutterlippen, die heilte* [58, S. 124]. *Da drunten bei Kap Hoorn waren die vereisten Segel hart wie Glas* [56, S. 273]. Указанные прилагательные очерчивают область поиска признака-модуля.

Общие очертания области поиска признака-модуля задают морфемы, соотносимые с прилагательными *weich* и *hart*, а также морфема *-fest* в позиции второй НС компаративного сложного прилагательного: *Zwischen den Bäumen war aller Boden kissenweich von Schnee* [66, S. 621]. *Der kleine Hans Castorp betrachtete den wachsgelben, glatten und käsigfesten Stoff, aus dem die lebensgroße Todesfigur bestand, das Gesicht und die Hände des ehemaligen Großvaters* [66, S. 38].

Факт конкретизации признака «мягкий» в опоре на представление, активируемое первой НС, можно констатировать, рассматривая словарные толкования прилагательных. В толковании, как правило, присутствует прилагательное *weich*: *pflaumenweich* – ‘*weich wie eine Pflaume*’, *samtweich* – ‘*weich wie Samt*’ [16]. Другими словами, прилагательное *weich* активирует область, в которой обнаруживаются различающиеся для человека представления об ощущениях, возникающих при прикосновении к нежным тонким волоскам, к легко продавливаемой коже сливы, к гладкому и густому ворсу бархата, к тонкому шёлку, к волокнистой распушённой вате. Конкретизация в данном случае носит предметный характер, предполагает опыт и знания адресата.

В словарных толкованиях компаративных сложных прилагательных с морфемой *-hart* в позиции второй НС также присутствует прилагательное *hart* (*knöchelhart* – ‘sehr hart’; *stahlhart* – ‘hart wie Stahl, sehr hart’), что соотносится с некоторой областью опыта осязательного контакта с разными объектами. И в этом случае можно говорить о «предметном» характере конкретизации признака «твёрдый». Вместе с тем присутствие в определениях прилагательных интенсификатора *sehr* свидетельствует об экспрессивном выделении признака с помощью активируемой ассоциации на эталон.

Признак «мягкий / твёрдый» конкретизируется также рядом прилагательных на *-ig*, *-artig* и прилагательным *kernhaft*: *Ihre Behaarung ist ziemlich lang, dicht und samtig* [46, S. 38]. Прилагательные на *-ig* используются для конкретизации признака «мягкий». Подтверждение тому, что речь идёт именно о данной характеристике, находим в словарных толкованиях: *flauschig* – ‘weich und wollig wie Flausch’, *pelzig* – ‘wie Pelz, pelzartig’, *teigig* – ‘weichlich wie Teig’ [16]. Прилагательные на *-artig* используются для конкретизации как признака «мягкий», так и признака «твёрдый»: *granitartig* – ‘wie Granit’, *hörnerartig* – ‘wie ein Horn’, *samtartig* – ‘wie Samt’.

Эталоны, ассоциации с которыми позволяют конкретизировать характеристику «мягкий / твёрдый», черпаются немецкой языковой личностью из «мира человека» и пограничных с ним миров. Среди эталонов выделяется группа производимых и используемых материалов: *Glas, Holz, Samt, Seide, Stahl, Stein, Wachs, Watte, Granit, Metall*. Конкретизация осязательных ощущений возможна также в опоре на представления из области знаний о человеческом теле: *Flaum, Knöchel, Mutterlippen*.

Буквально отдельные единицы образуют группу компаративных единиц, используемых немецкой языковой личностью при конкретизации представлений о **содержании объектом влаги** и его **весе**. В группу компаративных единиц, которые используются немецкой языковой личностью для конкретизации представлений о **содержании объектом влаги**, вошли: 1) группа с *wie* при прилагательных *nass, trocken, saftig, wässrig* (*nass wie ein Pudel, nass wie eine gebadete Katze*); 2) компаративные сложные прилагательные со второй НС – морфемами *-trocken* и *-nass* (*knöcheltrocken, staubtrocken, zundertrocken, pudelnass*); 3) отдельные дериваты на *-haft* (*mumienhaft*).

Более дифференцированные представления о содержании объектом влаги, как правило, активируются лексемами, которые обозначают консистенцию: *breiig, gischtig, matschig, modderig, moorig, morastig, mulmig, pampig, sumpfig, schlammig, suppig*. Данный признак мы считаем структурной характеристикой и рассматриваем как форму объекта.

Для конкретизации **веса** объекта немецкая языковая личность использует группу с *wie* при прилагательных *schwer, leicht* и глаголах, в семантическую структуру которых входит семантический компонент «вес» (*lasten, wiegen*): *Und in den Molukken gab es ein Meer, das schwer wie Blei war; fuhr ein Schiff hindurch, so blieb das Kielwasser eine ganze Woche lang stehen* [56, S. 428]; компаративные сложные прилагательные с морфемами *-schwer, -leicht* в позиции второй НС: *Die Müdigkeit war weg, der gebeugte Rücken, die bleischweren Füße* [58, S. 86].

Языковые примеры позволяют утверждать, что в обоих случаях компаративные единицы используются для экспрессивного выделения признака. Причину указанного обстоятельства мы усматриваем в существовании представлений о мерах веса как общепринятых нормах. Последние позволяют конкретизировать необходимые представления о весе абсолютивно, т. е. относительно общепринятых норм.

Компаративные единицы используются достаточно редко также для конкретизации **болевых** ощущений. Ранее в пункте 3.1.2 мы уже обсуждали возможность конкретизации болевых ощущений средствами немаркированной компаративной конструкции, в состав которой входит сложное существительное типа «указание на эталон (первая НС) + указание на область поиска признака-модуля (вторая НС)»: *Vor ein paar Minuten hatte ich einen Peitschenhieb von Spritzwasser übers Gesicht erhalten* [56, S. 322]. Конкретизация представления о болевом ощущении возможна также с помощью компаративных высказываний с придаточным предложением ирреального сравнения при существительном *Schmerz* (*Ich spürte einen Schmerz, als ob meine Brust in zwei Stücke zerrisse* [56, S. 476]) и с помощью группы с *wie* при глаголах, в семантическую структуру которых входит смысловой элемент «болевое ощущение», актуализация которого обусловлена замещением одной из позиций, которая открывается глаголом, указанием на субъект восприятия: *Der Wind stach mich*

unaufhörlich wie eine eisige, spitze Nadel ins Ohr [56, S. 325]. *Der Sturm hatte die Regentropfen zu Nadeln gespitzt, und sie spießten sich wie Eispeile in meine Haut* [56, S. 349].

Причину редкого обращения к компаративным единицам при конкретизации болевых ощущений мы видим в особенностях осмысления данного явления на уровне бытового сознания немецкой языковой личности. Являясь ощущением страдания, физическая боль часто интерпретируется в немецком языке как сила, оказывающая воздействие на человека, поэтому конкретизация представления осуществляется другими средствами, к примеру причастием первым в позиции согласованного определения перед существительным *Schmerz*: *ein stechender, bohrender, ziehender, brennender, schneidender Schmerz*.

Признаки осмысления боли как некоторой силы, которая оказывает воздействие на человека, обнаруживаются и в компаративных высказываниях. К таким признакам мы относим, к примеру, семантику «узлового» элемента *-hieb* в приведённом выше высказывании с немаркированной компаративной конструкцией, который активизирует представление о резком и сильном движении, непосредственно направленном на кого-либо. Указанные признаки обнаруживаются и в немаркированных компаративных конструкциях с дериватами на *-artig*: *Sie spürte einen leichten Kopfschmerz, nadelstichartig* [76, S. 103]. В приведённом примере дериват на *-artig* образуется от существительного *Nadelstich*, которое имеет значение ‘Stich mit der Nadel’ [16], вторая НС сложного существительного активизирует представление о действии.

По замечанию Т.В. Цивьян, «звучание является для человека необходимым признаком окружающего его мира, а “владение звуком” в буквальном и переносном смысле (возможность производить и воспринимать звук) — необходимым условием жизни в этом мире» [Цивьян, с. 240]. Т.В. Цивьян отмечает, что звук является для человека сигналом — указателем, дешифрующим ситуацию; в определённых случаях его одного достаточно для ориентации и определения некоего «жизненного сюжета». Вместе с тем «в звуковом словаре существенны не только звучащие объекты и предикаты, не только их признаки / характеристики, но и сам способ их передачи на уровне языка. Дело

в том, что звуковой пейзаж может кодироваться по-разному: копированием звуков, их условно-фигуративным изображением и, наконец, их пересказом, то есть обозначением / изображением с помощью слова» [Цивьян, с. 250]. В нашем случае нас интересует исключительно передача звукового пейзажа словесными средствами, а именно конкретизация слуховых ощущений с помощью сравнения³.

Особенностью конкретизации слуховых ощущений с помощью сравнения, по нашим наблюдениям, является активное использование немецкой языковой личностью глаголов звука, которые определяют в рамках компаративного высказывания область поиска признака-модуля. Слуховое ощущение в данном случае конкретизируют:

– группа с *wie* при глаголах воспроизведения и восприятия звука: *Hinter sich vernahm er das Keuchen einer Maschine, welches wie das stoßweise gequälte Atmen eines kranken Riesen klang* [53, S. 32];

– ирреальное придаточное предложение при глаголах воспроизведения звука: *Ganze Wälle von stark riechendem Tang säumten den Strand, von Millionen von Insekten und Stechfliegen bevölkert. Ging man vorbei, so prasselte und knisterte es, als begännen die Wälle zu brennen* [56, S. 400];

– словосочетание с предлогом *an* при глаголе *klingen*: *Das Gedicht klings an Heine an* [16].

В качестве «узловых» компонентов в немаркированных компаративных конструкциях используются лексемы и морфемы с семантикой звучания: имена существительные (*Klang, Gelächter, Ton*): *Zum ersten Mal seit Wochen fand ich wieder diesen betulich-mütterlichen Ton in ihrer Frage* [76, S. 142]; морфемы с соответствующей семантикой в позиции второй НС компаративных сложных прилагательных и существительных, представляющих модель «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)»: *glockenklar, glockenrein, mäuschenstill, Donnerstimme*; глаголы-звукообозначения [Курашкина 2007]: *Der Meerkönig lachte kindisch* [56, S. 330]. На необходимость поиска признака-модуля в области слуховых представлений указывают дериваты на *-artig, -ig* (*trillerartig* – ‘wie ein Triller’; *kratzig* – ‘kratzend, rau’), которые сохранили словообразовательные связи с глаголами, обозначающими действие, которое сопровождается

³ Денисова Г. Л. Сравнение в создании звукового пейзажа (на материале немецкого языка) // В мире научных открытий. 2010. № 4–3. С. 16–18.

определённым звуком. В компаративных высказываниях, которые организуются широкозначными глаголами с семантикой сходства / отличия, указание на необходимость поиска признака-модуля в области слуховых ощущений обнаруживается, как правило, в семантической структуре языковых единиц, обозначающих сравниваемые объекты: *Es war ein knarrendes Lachen, und es ähnelte dem Gesang des Wachtelkönigs* [80, S. 39]. Указанием на необходимость поиска признака-модуля в области представлений о звуках являются также прилагательные и наречия с семантикой звучания (*laut, leise*), которые уточняются группой с *wie* или с *als*: *Unmerklich glitten wir dahin, lautlos wie ein großer Vogel* [56, S. 297].

Миры, из которых немецкая языковая личность черпает эталоны, как и в рассмотренных выше случаях, хорошо знакомы человеку. Достаточно часто используются следующие представления:

– звуки музыкальных инструментов: *Acht Stunden lang trillerte uns der Wind wie eine schrille Pikkoloflöte in die Ohren* [56, S. 260];

– звуки, издаваемые механизмами и рабочими инструментами: *Seine Stimme vibrierte wie die unaufgezogene Feder einer Wanduhr* [80, S. 105]. *Nur mein Schritt pocht, wie ein dumpfer Hammer klopft es unter dem Boden* [56, S. 315];

– звуки, которые издают животные, живущие в непосредственной близости к человеку, или экзотические животные, наблюдаемые человеком, к примеру, в зоопарке или в цирке: *Hier pffiff Chikel vor boshafte Vergnügen wie eine Maus* [56, S. 277]. *Dem Hahnengekräh des Mannes folgt unterdrücktes Gemurmel* [79, S. 443]. *Da erhob sich Harras Löwenstimme, und alles verstummte* [70, S. 137];

– природные звуки: *Rosseherre sang halblaut. Es klang wie das feine Weinen des Windes* [56, S. 306]. *Der Wald draußen rauschte wie Meeresbrandung* [53, S. 19];

– звуки, которые может издавать человек, или акустические особенности речи конкретного человека: *Es war ein heiseres, grollendes Lachen, das wie ein lang anhaltendes Räusperrn klang* [71, S. 178]. *Das ist ja Schneiderei, kann er prima, klingt wirklich wie Hoffmann* [71, S. 473];

– особенности звучания речи человека или производимые им звуки в зависимости от его принадлежности к определённой возрастной, профессиональной, этнической или другой группе:

Er sprach mit hoher, zittriger Greisenstimme [71, S. 357]. Plötzlich löst sie sich und springt mit einem Indianergeheil mitten auf die Bernsteinropfenkette zu [79, S. 105].

Поиск признака-модуля в области **обонятельных ощущений** направляется лексемами соответствующей семантики. В их ряд мы отнесли:

– глаголы запаха в их узком значении, в окружении которых одну из позиций занимает группа с *wie* или указание на эталон после предлога *nach*: *Nun roch auch ich den Nebel. Er roch wie Jod* [56, S. 382];

– глаголы запаха или «узловые» существительные тематической группы «запах» в составе немаркированной компаративной конструкции: *Die Blüten duften schwach honigartig* [60, S. 102]. *Fleisch ist weißlich, trocken, seifenartiger Geruch, bitterlicher Geschmack* [29, S. 128];

– существительные тематической группы «запах» в позиции при глаголе сходства / отличия, включая глагол *erinnern*: *In dieser Zeit weisen sie [die Wurzeln der Echten Nelkenwurz] einen feinen, angenehmen Duft auf, der an den Geruch von Nelken erinnert* [60, S. 48];

– прилагательные, определяемые группой с *wie*, в семантической структуре которых актуализируется смысловой элемент «запах»: *In den Fischerhütten roch es süß und kräftig wie in einem Kuhstall* [56, S. 251].

При конкретизации обонятельных ощущений прослеживается опора на знания, которые человек получает в процессе приготовления или приёма пищи (*riechen nach Kartoffelkeimen, nach Knoblauch, nach Salzheringen, nach Heringslake, nach Mehl, nach Gurken, nach ranzigem Öl, nach Kuchengewürz, nach Bittermandel, nach Zimt; rettichartig, nussartig, obstartig, mehlartig, gurkenartig; knoblauchähnlich*), в ближайшем бытовом окружении (*riechen nach stockig-feuchten Waschlappen, nach muffigem Brackwasser, nach Tinte, nach Karbol, nach gesägtem Holz; erdig; gasähnlich, aasähnlich; terpentinartig; säuerlich*), формируемые в процессе восприятия запаха растений (*Geruch von Rosen, von Nelken*).

Вкусовые ощущения также конкретизируются с помощью языковых опор, фокусирующих внимание адресата на соответствующей области представлений. По нашим наблюдениям, в качестве таких языковых опор немецкая языковая личность использует:

– глаголы вкуса, уточняемые группой с *wie*, дериватом на *-ähnlich* или словосочетанием с предлогом *nach*: *Man kann sie [die ausgereiften Samen] zu Mehl in der Handmühle verarbeiten. Es schmeckt wie Buchweizen* [60, S. 22]. *Das „Hexenei“ schmeckt rettichähnlich* [29, S. 134];

– прилагательные и наречия, в семантической структуре которых актуализируется смысловой элемент «вкус», уточняемые группой с *wie*, или появляющиеся в составе немаркированной компаративной конструкции при глаголах сходства / отличия, включая глагол *erinnern*: *Geschmacklich erinnern die Knollen auch an Nüsse* [60, S. 112];

– вторые НС сложных прилагательных, которые актуализируют смысловой элемент «вкус»: *gallenbitter; honigsüß; zuckersüß*;

– существительные, в семантической структуре которых присутствует смысловой элемент «вкус», в составе немаркированной компаративной конструкции или в позиции, открываемой лексемой с семантикой сходства / отличия, включая и глагол *erinnern*: *Sie [Brunnenkresse] schmeckt leicht bitter und scharf und ähnelt im Geschmack dem Rettich* [60, S. 31].

Наши наблюдения свидетельствуют, что вкусовые ощущения конкретизируются немецкой языковой личностью, как правило, в опоре на эталонные представления о вкусе продуктов, употребляемых человеком в питании: *Gekocht nehmen die Knollen [des Spitzen Pfeilkrautes] den Geschmack von Erbsen an und gebacken den von Kartoffeln* [60, S. 112].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что выявленные в нашем исследовании тенденции выбора эталонов для конкретизации представлений, связанных с восприятием объекта одним из органов чувств человека, обнаруживают результаты действия антропоцентризма. Немецкая языковая личность вовлекает в область актуализации представления из «мира человека»: о росте человека и размерах частей его тела, о материалах и веществах, используемых в быту или в ювелирных изделиях, о явлениях, наблюдаемых в быту, об объектах, окружающих человека в быту (кухонной утвари, инструментах и приспособлениях, постройках и их элементах). В сфере представлений из «мира человека», используемых для конкретизации простых ощущений, были обнаружены представления, которые формируются в ходе образовательной деятельности человека (гра-

фические изображения). Возможно обращение к представлениям из «мира мифов и фантазий».

Анализ эталонов из «мира ботаники» и «мира животных», используемых немецкой языковой личностью для конкретизации представлений, подтверждают выявленную особенность. Многочисленную группу образуют представления о растениях и животных, используемых в питании человека. Возможно обращение к представлениям о культивируемых и декоративных растениях. В качестве эталонов выбираются представления о животных, сидящих рядом с человеком, прирученных и промысловых. Из «мира природных явлений» используются, как правило, представления о природных явлениях, которые человек наблюдает постоянно.

Таким образом, субъект сравнения предпочитает черпать эталоны из миров близких и хорошо знакомых как ему, так и адресату, и это объяснимо, потому что в противном случае адресант рискует быть непонятым.

Обобщение использования компаративных единиц в процессе конкретизации представлений, связанных с восприятием объекта одним из органов чувств человека, позволяет отметить следующее:

– В рамках компаративного высказывания наблюдаются как языковые средства, специализированные на конкретизации определённого ощущения, так и языковые средства, такой специализации не имеющие.

– В первую группу входят прилагательные на *-farben*, используемые для конкретизации цвета; прилагательные на *-förmig (-formen)*, позволяющие конкретизировать форму; компаративные высказывания, организуемые перцептивными глаголами *klingen, riechen (duften, stinken), schmecken* в узком значении, с помощью которых, соответственно, конкретизируются звук, запах, вкус. Специализация указанных языковых средств на конкретизации цвета, формы, размера, звука, запаха, вкуса объекта предопределяется наличием в семантической структуре перечисленных прилагательных и глаголов смысловых элементов, направляющих поиск признака-модуля в область соответствующих представлений.

– Языковые средства, не имеющие специализации на конкретизации определённого ощущения, могут приобретать её в компа-

ративном высказывании за счёт введения в него языковых опор, позволяющих определить область поиска признака-модуля.

– Актуализация одного направления поиска признака-модуля позволяет говорить о доминировании признака в условиях отсутствия языковых опор в следующих случаях: при конкретизации цвета сложными существительными модели «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)» и дериватами на *-ig*; при конкретизации формы группой с *wie*, дериватами на *-ähnlich*, *-artig*, *-ig*, *-isch* и сложными существительными модели «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)»; при конкретизации размера дериватами на *-artig*, *-ig*, *-isch*, *-haft* и сложными существительными модели «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)»; при конкретизации прозрачности дериватами на *-artig*, *-ig*; при конкретизации чёткости изображения, температурных характеристик, твёрдости, влажности дериватами на *-ig* и в некоторых случаях дериватами на *-haft*. Отмеченное доминирование признака мы объясняем отсутствием других решений на уровне анализа ассоциативных связей между сравниваемыми объектами при определении области поиска признака-модуля.

– Любое представление, связанное с восприятием объекта одним из органов чувств человека, может быть конкретизировано в немецком языке компаративным высказыванием, в состав которого входит группа с *wie*. Столь же универсальны в данном случае компаративные сложные прилагательные.

3.2.2. Конкретизация комплексной характеристики

Запуск механизма сравнения на уровне знаний адресата позволяет конкретизировать наряду с отдельными признаками также и комплексные характеристики, к которым мы, прежде всего, относим общее впечатление об объекте сравнения.

Общее впечатление мы определяем как целостное представление об объекте, которое может быть первоначальным впечатлением. Формирование последнего вслед за В.М. Богуславским мы связываем с особенностями человеческого восприятия.

Говоря об особенностях восприятия человека, а именно его зрительного восприятия, В.М. Богуславский отмечает его функци-

онально-ситуативный характер, обращает внимание на предопределённость результата зрительного восприятия рядом факторов, к которым он причисляет расстояние между объектом и субъектом восприятия и продолжительность восприятия. Принимая во внимание указанные факторы, В.М. Богуславский предлагает различать этап «первовидения», в результате которого складывается первоначальное впечатление, которое он определяет как **общее впечатление**, и этап «второвидения» — этап детализации, выделения при восприятии признаков [2, с. 16–17].

Нам бы хотелось обратить внимание на то, что ограничение, сформулированное в работе В.М. Богуславского, связано с объектом рассмотрения, которым в его работе являются средства выражения русского языка, используемые для характеристики и оценки внешности человека. Последнее позволяет нам, опираясь на рассуждения В.М. Богуславского, не ограничивать первоначальное впечатление результатами восприятия объекта с помощью зрительного анализатора, а рассматривать общее впечатление как результат непродолжительного, не направленного на вычленение отдельных «деталей» восприятия объекта любым органом чувств человека, в результате которого формируется представление об объекте в его целостности.

Вместе с тем следует отметить тот факт, что общее впечатление как целостное представление может формироваться и в результате обобщения, синтеза выявленных параметров объекта, что иллюстрируется приведённым ниже примером: *Er [Mager] war klein, verwelkt und weißhaarig, gleich einem frostigen Kiefernzapfen, und man konnte ihm nicht in die Augen sehen, weil sie von dicken Oberlidern verdeckt waren* [80, S. 37]. В приведённом примере в предшествующем контексте относительно части высказывания, организованной глаголом *gleich*, перечисляется ряд признаков, которые синтезируются в представлении, которое активируется сложным существительным *Kiefernzapfen*. Образ, активизируемый композитом *Kiefernzapfen*, конкретизирует представления о перечисленных признаках, соотносит их с формой, цветовой палитрой, оценочными впечатлениями опытного, жизненного знания, сохранённого в памяти адресата. Созданный образ используется для дальнейшей конкретизации внешнего вида Магера в последующем контексте.

И первоначальное, и синтезированное впечатление, которые мы рассматриваем как общее впечатление о теме сравнения, соотносятся с целостным образом объекта, что, по нашим наблюдениям, находит отражение в выборе компаративных единиц, в составе которых отсутствуют указания на область поиска признака-модуля. Ориентируясь на указанный параметр, мы определяем ряд компаративных единиц, которые конкретизируют общее впечатление как комплексную характеристику темы сравнения. В список компаративных единиц, уточняющих общее впечатление, мы включаем компаративные высказывания, организуемые глаголами, в семантической структуре которых обнаруживается компонент «зрительное восприятие», исходя из посылки, что общее впечатление как «первовидение» является в первую очередь результатом восприятия с помощью зрительного анализатора:

– высказывания, организуемые глаголом *aussehen* с предлогом *nach*: *Am runden Tisch neben der Theke nahmen dröhnende Biertrinker Platz, die nicht nach Biertrinkern aussahen* [73, S. 70];

– высказывания, организуемые глаголом *gleichsehen* и словосочетанием *ähnlich sehen*. Присутствие глагола *sehen* в составе перечисленных языковых единиц свидетельствует о том, что речь идёт о впечатлении, которое складывается в результате обработки информации, получаемой с помощью зрительного анализатора: *Zuweilen befreundete sich Siegfried mit Mädchen, die seinen Jungen ähnlich sahen* [59, S. 156].

На фоне отсутствия в высказывании или в среде его функционирования уточнений области поиска признака-модуля перцептивный компонент в семантической структуре глагола *aussehen* позволяет отнести в ряд языковых единиц, используемых немецкой языковой личностью для передачи общего впечатления, высказывания, которые организуются данным глаголом, уточняемым группой с *wie* и с *als*, либо придаточным реального или ирреального сравнения: *Sie [die Quelle] sah aus wie ein tiefes, klares Auge* [58, S. 143]. То, что речь идёт о первоначальном впечатлении, которое может не соответствовать реальному положению дел, подчёркивается употреблением конъюнктива: *Er kaute, blies den Schnauzbart und versah die Angel andächtig mit dem Köder. Es sah aus, als nähe er* [56, S. 324]. В приведён-

ном далее примере отмечается, что впечатление, которое передаёт автор, используя группу с *wie*, также не соответствует действительности: *Da war wiederum Kapellis Atelier, ein Saal nahezu infolge des Meeres von Zigarettenrauch und der drei feierlich verschleierten Lampen, mit den abgetretenen Teppichen an den Wänden, die wie kostbare Gobelins aussahen* [58, S. 10]. В указанных условиях конкретизируемое группой с *wie* впечатление может быть только результатом «первовидения» (в терминах В.М. Богуславского), которое предполагает определённую дистанцию, увеличенную в данном случае за счёт затемнения помещения и его наполненности сигаретным дымом.

Отнести следующее высказывание, которое представляет собой немаркированную компаративную конструкцию, в ряд языковых средств, передающих общее впечатление о теме сравнения, позволяет присутствие в семантике «узлового» существительного *Aussehen* смыслового компонента «результат зрительного восприятия»: *Jetzt war also jenes raspelnde Bewegen des Mundes an der Reihe, das Schuttel das Aussehen eines Kaninchens gab* [79, S. 136].

В рамках немаркированной компаративной конструкции возможно общее указание на чувственную природу уточняемого ощущения в условиях отсутствия указания на тип восприятия (зрительное, слуховое, обонятельное, осязательное): *Sie hatte das Gefühl, als schnüre ihr ein Ring die Stirn zusammen* [76, S. 98]. *Aber sie hatte das Gefühl, als könne er ihr gar nicht aufmerksam genug zuhören* [76, S. 100]. В приведённых выше компаративных высказываниях на чувственную природу уточняемого ощущения указывает существительное *Gefühl*. Только придаточное предложение, определяющее данное существительное, содержит информацию, на основании которой мы приходим к выводу, что в первом случае речь идёт об осязательном ощущении, а во втором в основе возникающего ощущения лежит, скорее всего, комплекс признаков, особенности поведения человека, к которому обращена речь.

Следует отметить, что «перцептивный компонент легко входит в семантику глаголов самых разных классов» [Падучева, 2004, с. 197]. В компаративных высказываниях на немецком языке, которые содержат группу с *wie* и придаточное предложение реального и ирреального сравнения, на чувственную природу уточняемого призна-

ка, по нашим наблюдениям, указывают глаголы *dünken, erscheinen, scheinen, wirken, vorkommen*. Анализ толкований перечисленных глаголов, осуществлённый нами в параграфе 1.3, позволяет говорить о наличии в их семантической структуре перцептивного компонента. Присутствие перцептивного компонента в семантике глагола, организующего компаративное высказывание, в условиях отсутствия в нём уточнения области поиска признака-модуля свидетельствует о том, что речь идёт об общем впечатлении: *Einen Augenblick kam er sich vor wie ein Ertrinkender* [53, S. 19]. *Einen Augenblick schien es, als hätte ein Blitz eingeschlagen* [61, S. 102].

В компаративных высказываниях, которые содержат группу с *wie* или придаточное предложение с *wie*, на чувственную природу конкретизируемого представления указывают глаголы чувственно-го и ментального анализа (*empfinden, fühlen, sehen, spüren, finden, sich vorstellen*): *Diese Gesundheit spürte nun auch der junge Priester im Blut wie eine Erneuerung* [54, S. 59].

В связи с определением круга компаративных высказываний, в которых идёт речь об общем впечатлении, хотелось бы обратить внимание на результаты исследования Е.В. Падучевой, которая, строя динамические модели семантики лексики, обнаруживает наблюдателя в ситуациях, обозначаемых с помощью глаголов самых разных классов [Падучева, 2004]. Опора на результаты исследований Е.В. Падучевой позволяет отнести в ряд компаративных высказываний, конкретизирующих общее впечатление о теме сравнения, высказывания на немецком языке, организуемые глаголами разных тематических классов, в условиях отсутствия указания на область поиска признака-модуля: *Die Kollegen saßen wie Leichenbitter* [32, S. 123]. *Die Insel war in eine ungeheure Staubwolke gehüllt, als ginge sie in Rauch auf* [56, S. 346]. Позиция, занимаемая указанием на эталон, свидетельствует о том, что признак-модуль является обстоятельством образа действия. Вместе с тем разнообразие признаков, которые формируют область обстоятельств, и целостность активируемого образа позволяют отнести приведённые примеры в ряд компаративных высказываний, конкретизирующих общее впечатление об объекте.

В условиях отсутствия в компаративном высказывании или в среде его функционирования указаний на область поиска признака-модуля к языковым средствам, передающим общее впечатление об объекте, можно отнести компаративные высказывания, которые организуются широкозначными лексемами с семантикой сходства / отличия, глаголом *erinnern* и перцептивными и пространственными глаголами в переносном значении: *Frau Tine Babe trug eine lange Kette. Sie bestand aus Kugeln, die aufgefädelten Sperlingseiern glichen* [80, S. 185].

Скорее всего, общее впечатление имеется в виду и при использовании немаркированных компаративных конструкций, в составе которых отсутствует какое-либо указание на область поиска признака-модуля. В ряд последних мы относим словосочетания прилагательных на *-haft, -isch, -lich, -ig* с существительным, указывающим на тему: *Die kleine mädchenhafte Frau blickte sie erschrocken an* [58, S. 151]. *Ein grauer, greisenhafter Himmel blickte von oben herab* [56, S. 346].

Отсутствие уточнения области поиска признака-модуля в составе компаративного существительного, построенного по модели «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)», позволяет определить последнее как языковое средство, используемое для передачи общего впечатления: *Da saß der Direktor – auf einem Thronsessel, eine Reitpeitsche über den Knien* [73, S. 220].

Отсутствие уточнения области поиска признака-модуля в рамках компаративных единиц с прилагательным или наречием на *-artig*, установленное нами в пункте 3.1.1, служит основанием их причисления к ряду средств, используемых для передачи общего впечатления о теме сравнения: *Das war eine teichartige Ausbuchtung der Spree* [80, S. 12]. Хотя достаточно очевидно, что в рамках компаративного высказывания с дериватом на *-artig* общее впечатление предопределяет доминирующий признак: форма (*fächerartig, inselartig*); размер (*sargartig, domartig*); прозрачность (*glasartig, rauchartig*); структура (*faserartig, netzartig*); запах (*muskatartig, pestartig*); осязательное ощущение (*samtartig, seidenartig*); звучание (*trillerartig*); стиль движения (*froschartig, krabbenartig*); эмоционально-прагматическая оценка (*affenartig, tumultartig*); эмоционально-психологическая оценка (*schlangenartig*). Разнообразие домини-

нирующих признаков, которые лежат в основании представления, вербализуемого компаративной единицей с дериватом на *-artig*, также свидетельствует о том, что речь идёт об общем впечатлении.

Определяя круг компаративных высказываний на немецком языке, в которых имеется в виду общее впечатление, хотелось бы обратить внимание на то, что передача общего впечатления немаркированными компаративными конструкциями с «узловым» существительным не ограничивается обращением к компаративным высказываниям с «узловыми» элементами *Aussehen* и *Gefühl*. Возможности передачи общего впечатления с привлечением немаркированных компаративных конструкций намного шире. В этом отношении предопределяющим, с нашей точки зрения, является лексическое значение «узлового» существительного. Анализ лексического значения «узловых» существительных, объединяемых грамматическим значением «предметности», позволил нам выделить в их составе существительные, которые активируют представления о предмете, действии, свойстве и состоянии.

Лексическое значение «предметности» обнаруживается в семантической структуре «узловых» существительных следующих тематических групп: части тела (*Augen, Beine*), элементы одежды (*Kostüm, Rock*), предметы, конкретные разновидности которых предпочитают людьми определённых профессий (*Tisch, Brille*). Все составляющие тематических групп являются существительными конкретными. В условиях отсутствия указания на область поиска признака-модуля объединение грамматического значения «предметности» с лексическим значением «предметности» в семантической структуре перечисленных существительных образует основание для активации общего впечатления об объекте сравнения: *Wolfgang machte sie auf einen alten Mann am Nebentisch aufmerksam: schmuddeliger Leinenanzug, halbaufgelöste Künstlerschleife am faltigen Hals* [73, S. 69]. Появление в рамках компаративного высказывания уточнений области поиска признака-модуля (к примеру, в форме согласованного определения) снимает неопределённость признака или признаков, которые конкретизируются с помощью компаративной единицы, как в нижеприведённом примере: *Der Soldat zeigt ein glattes dummes Kindergesicht* [28, S. 88].

В условиях указания на область поиска признака-модуля в рамках немаркированных компаративных высказываний такой же эффект имеет объединение в семантической структуре «узлового» элемента грамматического значения «предметности» с лексическим значением «действие», что наблюдается в семантической структуре существительных таких тематических групп, как «предметно представленные действия», «мимика, жесты, манера держаться»: *Maxi war weggerannt mit langbeinigen Kinderschritten, irgendwohin* [79, S. 379]. В условиях отсутствия указаний на область поиска признака-модуля компаративные единицы с «узловыми» существительными перечисленных тематических групп, по всей видимости, используются немецкой языковой личностью для передачи общего впечатления: *Auch der Gang der Tante, mit den nach innen gerichteten Füßen, glich dem Gang einer eilenden Henne* [80, S. 53].

Лексические значения «качество» и «состояние», указывая на конкретизируемое качество, фиксируют результаты этапа, который В.М. Богуславский соотносит с «детализирующим», **логико-классифицирующим восприятием** [2, с. 17]. «Узловые» существительные, называя наиболее общее представление о цвете (*Farbe*), о размере (*Größe*), о форме (*Form*), о звучании (*Stimme, Lache, Schrei, Tremolo, Ton*), о запахе (*Geruch*), о скорости (*Schnelligkeit*), достаточно определённо указывают на область поиска признака-модуля. Столь же чётко определяют область поиска признака-модуля и «узловые» существительные, которые активируют представления о качествах и конкретных состояниях: *Seine Fragerei riss Erinnerungen auf, die ich zugeschüttet hatte mit der Sorgsamkeit eines alten Juristen* [73, S. 57]. *Ich weiß nicht, ob der hagere Stutenverkäufer sich über mich lustig machte oder ob er meine pferdehändlerische Geschicklichkeit bewunderte* [80, S. 23].

Результаты логико-классифицирующего восприятия передаются на уровне поверхностной реализации языковыми единицами, которые активируют соответствующие области представлений об ощущениях, связанных с восприятием объекта сравнения, что предполагает присутствие в компаративном высказывании необходимых уточнений области поиска признака-модуля.

Проведённое нами наблюдение конкретизации признаков, связанных с восприятием объектов сравнения одним из органов чувств

человека, результаты которого были изложены в пункте 3.2.1, достаточно чётко определяет группу компаративных единиц, которые соотносятся с этапом логико-классифицирующего восприятия немецкой языковой личности. Мы имеем в виду компаративные единицы, специализация которых на конкретизации цвета, формы, размера, звука, запаха, вкуса объекта обусловлена наличием в их семантической структуре смысловых элементов, направляющих поиск признака-модуля в область соответствующих представлений. Наблюдение языкового материала позволяет также говорить о фиксации языковыми средствами разной глубины «высвечивания» признака: *zimtfarben – zimtbraun; korallenfarbig – korallenrot; rehfarben – rehbraun; rostfarbig – rostbraun; schieferfarben – schieferblau; weinfarben – weinrot.*

Вместе с тем следует отметить, что граница между общим впечатлением об объекте и «второвидением» достаточно нечёткая, размытая. Диффузность перехода между данными этапами, как нам кажется, в большой степени обусловлена тем, что основанием для формирования общего впечатления может служить доминирующий признак. Судя по имеющейся у нас подборке примеров, при формировании общего впечатления статус доминирующего признака могут иметь разные параметры: цвет (*Korallenmund*), форма (*Berge wie Tische, x-beinig*), размер (*ein Weib mit Händen wie Anker*), прозрачность (*glasartige Haut*), чёткость изображения (*geisterhafte Sonne*), температурные характеристики (*eisiger Wind*), твёрдость (*samtige Behaarung*), влажность (*breiig*).

Анализ языкового материала в пределах компаративных высказываний на немецком языке обнаруживает указания на необходимость поиска признака-модуля в области и других комплексных характеристик, к примеру скоростной характеристики. На необходимость конкретизации с помощью сравнения скоростной характеристики указывает лексема, словообразовательный элемент с соответствующей семантикой или смысловой элемент в семантической структуре лексемы:

– «узловое» существительное в составе немаркированной компаративной конструкции: *Mit der Schnelligkeit, die den Parisern eignete, verbreiteten sie den Ruhm ihres „Frankquelin“* [42, S. 120];

– вторая НС в составе существительного, построенного по модели «указание на эталон (первая НС) + указание на область поиска признака-модуля (вторая НС)», или в составе компаративного сложного прилагательного: „*Aber wenn ich sagen würde, dass dieser hochgeschätzte Rechner hier im Zeithupentempo arbeitet, dann würde mir das als Vergiftung der Arbeitsatmosphäre ausgelegt, wie?*“ [70, S. 104]. *Der Raubvogel stieß pfeilschnell auf die Erde herab* [16];

– прилагательное или наречие, которое уточняется группой с *wie* или *als*: *schnell wie der Blitz, ein Pfeil, der Wind; schneller als ein Gedanke* [16];

– глагол с соответствующим смысловым элементом в семантической структуре, который определяется группой с *wie* (*sausen* ‘*sich sehr schnell fortbewegen*’, *schießen* ‘*sich schnell in einer bestimmten Richtung bewegen*’): *Er ist wie ein Wiesel gesaut* [16].

Принимая во внимание «комплексный характер действия оценочного механизма, одновременное включение различных уровней человеческого сознания в процессе формирования оценок» [2, с. 10], мы относим к комплексным характеристикам оценки, о которых речь пойдёт особо.

Подводя итог, следует отметить, что в немецком языке механизм конкретизации признака через сравнение позволяет активировать как общее впечатление о теме сравнения, так и представления, являющиеся результатами «детализирующего» восприятия объекта. Компаративные единицы, используемые для передачи общего впечатления о теме сравнения, не содержат указаний на область поиска признака-модуля. В составе компаративных единиц, вербализующих результаты «детализирующего» восприятия, присутствуют указания на область поиска признака-модуля.

Общее впечатление о теме сравнения может быть результатом «первовидения» и результатом синтеза признаков объекта в целостный образ. Ведущая роль зрительного анализатора в процессе первичного восприятия объекта закрепляется в рамках компаративного высказывания при передаче общего впечатления в процессе регулярного обращения к языковым единицам, в семантическую структуру которых входят смысловые элементы «зрительное восприятие» и «внешний вид». Возможность формирования обще-

го впечатления путём объединения признаков в целостный образ подтверждается существованием в немецком языке компаративных единиц, которые активируют общее впечатление по доминирующему признаку, хотя в их составе отсутствуют указания на область поиска признака-модуля.

Результаты «детализирующего» восприятия передаются в рамках компаративного высказывания языковыми единицами, которые активируют как представления о признаках, связанных с восприятием объекта сравнения одним из органов чувств человека, так и представления о комплексных характеристиках и оценках.

3.2.3. Конкретизация ассоциативно-интуитивных ощущений

Н.К. Рябцева констатирует: «Практический и интеллектуальный опыт человека формируется в окружающем его предметном пространстве. Осваивая его, человек не только даёт имена наполняющим его предметам, но и включает их в личную сферу, наделяет смыслом. Названия предметов, явлений и ситуаций превращаются в символы, образы и знаки. Язык предметного пространства расширяет сферу значений и становится пригодным для представления непредметных, *неявных* сущностей: он “опредмечивает” их и изображает зримыми и явными» [Рябцева, с. 125]. В.П. Москвин определяет опредмечивание как «фигуру наделения абстрактного понятия свойствами конкретного объекта (предмета, животного, лица)» [Москвин, с. 109]. Соответствующий универсальный механизм, ставший когнитивным достижением здравого смысла в освоении непредметных сущностей, Н.К. Рябцева называет «принципом наглядности в языке» [Рябцева, с. 125]. В результате действия данного принципа абстрактные идеи, не имея наглядно-сенсорных образов, получают их. Такая «образная конкретизация» абстрактных понятий путём подведения под них наглядно-сенсорной опоры отвечает «общему стремлению поэтического мышления представлять неопределённое и общее – конкретным», ибо «слова с наглядным значением понимаются раньше отвлечённых» [Цит. по: Москвин, с. 110].

Собранный нами материал позволяет наблюдать действие «принципа наглядности» в пределах немецких компаративных единиц. Иллюстрацией действия указанного принципа служат,

в частности, следующие компаративные сложные существительные: *Schaukelpolitik*, *Blitzgespräch*, *Feuereifer*, *Schlüsselfrage*. Вторая НС приведённых композитов представлена существительным отвлечённым (абстрактным), которое активирует в тезаурусе немецкой языковой личности понятие, не имеющее наглядно-сенсорного образа, о чём свидетельствуют словарные толкования: *Politik* ‘zielgerichtetes, klug berechnendes Verhalten, Vorgehen eines Menschen’ [16]; *Gespräch* ‘längerer Wechsel von Rede und Gegenrede zwischen zwei oder mehreren Personen, Unterhaltung’ [16]; *Eifer* ‘ernstliches, emsiges Bemühen’ [16]; *Frage* ‘Angelegenheit, die eine Erörterung, Klärung, Entscheidung verlangt; Problem’ [16].

Сравнивая приведённые интерпретации с дефинициями соответствующих компаративных сложных существительных, мы обнаруживаем следующее: 1) перечисленные композиты являются определительными (в позиции определяемого, уточняемого элемента словосочетания в толковании используется лексема, соответствующая второй НС композита): *Schaukelpolitik* ‘Politik, die sich ohne feste Linie der jeweiligen Situation anpasst, zwischen verschiedenen, oft gegensätzlichen politischen Fronten laviert’ [16]; *Blitzgespräch* ‘mit absolutem Vorrang vermitteltes Ferngespräch’ [16]; *Feuereifer* ‘besonders großer Eifer’ [16]; *Schlüsselfrage* ‘die zentrale, für einen bestimmten Zusammenhang sehr einfluss- und aufschlussreiche Frage’ [16]; 2) в дефиниции присутствует указание на признак, который позволяет конкретизировать понятие.

В толковании существительного *Politik* задаются границы понятия об образе действий, направленных на достижение чего-либо, определяющих отношения с людьми. Предлагаемая интерпретация композита *Schaukelpolitik* детализирует данное понятие, включает в него такие признаки, как лавирование между противоположными политическими партиями, возможность кардинального изменения убеждений. Признак изменения позиции на противоположную обнаруживается и в определении лексемы *Schaukel*, которая соответствует первой НС композита: ‘Spiel- und Turngerät, besonders für Kinder, das aus einem an zwei verstellbaren Seilen oder Ketten frei hängenden Sitz besteht, auf dem man sich hin- und herschwingen kann’ [16], что, по всей вероятности, свидетельствует о наличии указанного па-

раметра в представлении о качелях. Именно это свойство оказывается важным для конкретизации понятия, активируемого сложным существительным *Schaukelpolitik*, которое в силу иллюстративности наглядно-сенсорного образа, активируемого первой НС, приобретает параметры представления, формируемого, помимо всего прочего, и на базе чувственно воспринимаемых признаков.

Аналогично опора на зрительный образ молнии, которая мгновенно соединяет отдалённые точки в пространстве, и огня, быстро продвигающегося и сметающего всё на своём пути, позволяет конкретизировать понятия, которые обозначаются композитами *Blitzgespräch* и *Feuereifer*.

В немецком языке «опредмечивание» непредметных сущностей, по нашим наблюдениям, возможно и средствами компаративных высказываний, которые организуются глаголами — показателями сравнительных отношений. Иллюстрацией названного процесса служит следующее высказывание: *Seine Versprechungen ähneln jenen Prospekten, in denen Heilmittel angepriesen werden* [80, S. 259]. Как показывает пример, «опредмечивание» обеспечивается в рассматриваемом случае через установление ассоциативных связей с эталоном, который в отличие от темы не только имеет предметный характер, но и связан с определённым чувственным опытом.

Следует обратить внимание на тот факт, что компаративная единица является отнюдь не единственным средством, позволяющим «опредмечивать» непредметные сущности. В границах текста и его составляющих процесс «опредмечивания» непредметных сущностей, как правило, осуществляется целым комплексом языковых средств, среди которых своё место занимают и компаративные единицы: *Ich spürte, wie der Gedanke in mein Hirn kroch. Ich hatte das Gefühl, als käme er von hinten, über die Wirbelsäule, einer winzigen Schlange ähnlich, die sich langsam, aber beharrlich in den Kopf hineinbohrte* [76, S. 207]. Приведённый пример состоит из двух высказываний. Первое высказывание представляет собой сложноподчинённое предложение. Организуя центром главного предложения является глагол *spüren*, указывающий на чувственную природу определяемого ощущения, которое возникает в результате осязательного восприятия действия, называемого ядром придаточного дополнительного предложения —

глаголом *kriechen*. Позицию подлежащего, открываемую глаголом *kriechen*, замещает существительное отвлечённое, что позволяет считать данный глагол средством, дающим возможность наглядно представить ощущение, возникающее у субъекта в процессе контакта с непредметной сущностью, понятие о которой активируется существительным *Gedanke*. Это чувство медленного проникновения в сознание субъекта. Другими словами, понятие, активируемое существительным *Gedanke*, уже в данном высказывании приобретает параметры представления вследствие метафорического употребления глагола *kriechen*.

В следующем высказывании, которое представляет собой придаточное предложение ирреального сравнения, на сенсорно-осязательную базу конкретизируемого ощущения указывается в главной части с помощью существительного *Gefühl*. Именно это существительное уточняется атрибутивным придаточным предложением, которое фиксирует результаты сравнения. Мысль представляется как объект, не только перемещающийся в физическом пространстве тела субъекта, но и осуществляющий проникновение в тело субъекта сзади, через позвоночник, исподтишка. В придаточное предложение входит сравнение *einer winzigen Schlange ähnlich*. В свою очередь существительное *Schlange* уточняется придаточным определительным, которое завершает процесс «опредмечивания», представляя чувство, возникающее в сознании субъекта, в образе маленькой змейки, которая медленно, но настойчиво ползёт по позвоночнику, пробуравливая себе путь в сознание субъекта.

Подводя итог, следует отметить, что процесс «опредмечивания» непредметных сущностей средствами немецких компаративных единиц представляет собой активацию ассоциативной связи понятия о непредметной сущности с представлением о сущности, которая соотносится для субъекта с переживаниями, имеющими чувственную природу. Именно таким образом признаки отвлечённых понятий конкретизируются, получая чувственное осмысление и интерпретацию.

3.3. Конкретизация оценок

При описании механизма конкретизации оценок через сравнение мы в первую очередь опираемся на результаты исследований Е.М. Вольф, которая выявляет наряду с дескриптивным аспектом оценочный аспект языкового значения и говорит о двух видах оценки: абсолютной и сравнительной. Следует упомянуть, что, проводя разграничение двух видов оценки, Е.М. Вольф указывает на ведущую роль сравнения: «Абсолютная оценка содержит имплицитное сравнение, основанное на общности социальных стереотипов, в то время как сравнительная оценка основана на сопоставлении объектов друг с другом» [Вольф, с. 15]. Е.М. Вольф отмечает, что «сравнительная оценка предполагает выраженное сравнение» [Вольф, с. 15]. Последнее замечание снимает для нас необходимость доказательства использования компаративных единиц с целью выражения оценки. Нам представляется также значимым проводимое Е.М. Вольф разграничение признаков, отражающих специфику оценочного отношения субъекта к объекту: «Эти признаки следующие — “эмотивность”, или “оценочность”, как собственно отношение по признаку “хорошо / плохо”, а также “эмоциональность / рациональность”, “аффективность”» [Вольф, с. 12].

3.3.1. Выражение собственно «оценочности»⁴

Признак «эмотивность», или собственно «оценочность», отражает, по мнению Е.М. Вольф, членение говорящим объективного мира с точки зрения его ценностного характера — добра и зла, пользы и вреда. И это «членение, обусловленное социально, весьма сложным образом отражено в языковых структурах» [Вольф, с. 5]. Н.К. Рябцева подчёркивает значимость для человека его субъективного мира, который в её определении состоит в первую очередь из ценностей [Рябцева, с. 163]. Последние, по замечанию В.И. Карасика, как наиболее фундаментальные характеристики культуры и высшие ориентиры поведения занимают особое место в структуре языковой личности [Карасик, 2004, с. 140].

---

⁴ Денисова Г. Л. Компаративное моделирование оценок // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. № 557. С. 169–181.

Приведённое замечание Н.К. Рябцевой позволяет отнести «ценности» к данностям ментального мира. Вместе с тем ценностные отношения неразрывно связаны с деятельностью людей. В этой связи С.Ф. Анисимов пишет: «Генетически ценностное отношение возникает лишь с того момента, когда предмет вступает в какую-то связь с действующим субъектом, т. е. включается в деятельность человека, приобретая именно в ней и для неё то или иное значение... С гносеологической точки зрения ценностные отношения, как и познавательные, являются видом отражения действительности в сознании» [Анисимов, с. 66; Чекулай, 2004, с. 300]. Оценочная деятельность субъекта базируется, по мнению лингвистов, на «врождённости» оценочного смысла, на положительных и отрицательных эмоциях [Ворожбитова, с. 65].

Рассматривая истоки формирования ценностных ориентиров, П.С. Гуревич отмечает, что ценностные ориентиры возникают как на основе знания и информации, так и на основе собственного жизненного опыта человека, они представляют собой лично окрашенное отношение к миру [Гуревич, с. 120]. В определении В.И. Карасика оценка — это те предпочтения, которые человек делает, характеризуя предметы, качества, события [Карасик, 2004, с. 140], это «мнение о достоинствах и недостатках объекта оценки в соответствии с имеющейся у человека осознанной или неосознанной системой ценностей» [Карасик, 2002, с. 153].

Принимая во внимание вышесказанное, нельзя не согласиться с И.В. Чекулай в том, что языковая оценка является эмпирической по своим генетическим характеристикам. Она является экстралингвистической, поскольку базируется, с одной стороны, на результатах внешнего раздражения, а с другой стороны, на мотивах, возникших в результате осознания и эмоционального переживания полученной информации, связана с определённой интенцией [Чекулай, 2004, с. 305–306].

Следует отметить чрезвычайную пестроту оценочных признаков, которые лежат в основании оценочных значений. Х. фон Вригт постулирует шесть «форм добра»: 1) добро инструментальное: хороший нож, часы и т. п.; 2) техническое: хороший шофёр, оратор; 3) медицинское, включающее такие объекты, как глаза, сердце,

память; 4) утилитарное, подразумевающее пригодность, полезность для определённой цели: хороший план, случай, хорошая возможность, новость; 5) гедонистическое: хороший запах, вкус, обед, погода; и, наконец, 6) добро человека: хороший поступок, намерение [Вольф, с. 27]. Н.Д. Арутюнова говорит об общей оценке (хороший, плохой), сенсорно-вкусовой оценке (приятный, неприятный), психологической оценке (интересный, скучный), эстетической оценке (красивый, уродливый), этической оценке (добродетельный, порочный), утилитарной оценке (полезный, вредный), нормативной оценке (правильный, нормальный), теологической оценке (эффективный, неудачный) [Арутюнова, 1988, с. 75–76].

Признак-модуль, по нашим наблюдениям, «может выступать как стимул, порождающий ассоциативные ряды, соотносимые с различными аспектами и различными оценочными знаками» [2, с. 11], поэтому мы, во-первых, относим оценки, выражаемые средствами немецких компаративных единиц, к комплексным характеристикам и, во-вторых, мы не можем не принять во внимание существующую между ними взаимосвязь.

Вслед за Н.Д. Арутюновой и Е.М. Вольф мы различаем общеоценочные (хороший, плохой) и частнооценочные значения [Арутюнова, 1983, с. 75–76; Вольф, с. 28–33].

Анализ языкового материала показывает, что выражение общеоценочных значений средствами компаративных единиц осуществляется, прежде всего, компаративными высказываниями, в составе которых обнаруживается единственное указание на область поиска признака-модуля — лексема с общеоценочным значением (*gut, schlecht*). Указанным условиям могут отвечать компаративные высказывания, содержащие группу с *als*: *Viel besser als unser Leben sei das der wahren Söhne der Natur; der so genannten Wilden* [42, S. 75]; компаративные высказывания, содержащие группу с *wie*: *„Du kannst ruhig zu Yvonne gehen, du bist so schlecht wie sie“* [56, S. 420]; придаточные предложения реального сравнения с союзом *als*: *Es lief alles besser, als beide erwartet hatten* [42, S. 211]; компаративные высказывания с суперлативом: *Diese Stunde, da sein „Toller Tag“ seine Pariser nicht nur belustigte, wie kaum je ein Stück zuvor, sondern sie aufwühlte, sie zum Denken anstachelte, sie empörte, das war die beste, die er je erlebt hatte* [42, S. 928].

Следует обратить внимание на факт выражения общеоценочного значения лексемами *groß*, *viel* и *wenig* в сравнительной степени, которые определяются придаточным предложением реального сравнения с союзом *als*. Придаточная часть высказывания даёт представление о чём-то ожидаемом. Положительная оценка отклонения от ожидаемого передаётся лексемой *groß* или *viel* в сравнительной степени: *Das war mehr; als Désirée erwartet hatte* [42, S. 660]. Отрицательная оценка подобного отклонения соотносится с лексемой *wenig* в сравнительной степени: *Jetzt fand sie, dass es eigentlich weniger war; als sie erwartet hatte* [42, S. 353]. Перечисленные лексемы могут определяться группой с *als*, как в следующем примере: *Seine Niederlage schien ihm viel größer als seine Siege in Aix und in Paris* [42, S. 314]. Нам кажется достойной обсуждения особенность рассматриваемого примера: значения существительных, указывающих на тему и эталон, соотносятся с противоположными знаками оценки. Лексема *groß* в сравнительной степени указывает на преобладающую роль оценочного знака существительного в позиции подлежащего, значение которого соотносится с отрицательным знаком оценки. Как следствие, общий знак оценки высказывания — отрицательный.

Приведённые выше примеры иллюстрируют два структурных типа компаративных высказываний с общеоценочным значением:

— Лексема с общеоценочным значением занимает позицию предикатива в составном именном сказуемом. Позиция подлежащего замещается указанием на тему: *Haben Sie nicht im ‚Armen Richard‘ gelehrt: Ein Ei heute ist besser als eine Henne morgen?* [42, S. 263].

— Лексема с общеоценочным значением занимает одну из позиций, открываемых глаголом, в семантической структуре которого можно предположить смысловой элемент «оценка»: *Pierre gefiel ihm besser als Doktor Dubourg* [42, S. 59]. *Maurepas fand seine Verse besser als Franklins Prosa* [42, S. 830].

Общая оценка в форме самооценки имеет место в компаративных высказываниях, в составе которых присутствует либо группа с *als*, либо придаточное предложение реального сравнения с союзом *als*: (1) „*Ich bin aus anderem Holz als dein Werner*“ [71, S. 65]. (2) *Und wieder wünschte er insgeheim, ein anderer zu sein, als er war* [71, S. 367]. (3) *Da spürte er wieder den Wunsch, ein anderer zu sein, als er war*

[71, S. 437]. Приведённые примеры иллюстрируют отсутствие в составе высказываний лексем с общеоценочным значением, вместе с тем компаративные высказывания имеют определённый оценочный знак.

Положительный знак оценки первого компаративного высказывания обусловлен появлением в высказывании неопределённо-го местоимения *anderer* со значением ‘nicht identisch mit etw., jmdm. Gegenübergestelltem, artmäßig zu Unterscheidendem’ [15, S. 44] и действием психологического механизма, основанного на положительном восприятии своей личности. Положительное восприятие своей личности – «априорное психологическое свойство человека как личности и носителя сознания, способ его самоутверждения среди других людей» [2, с. 16]. Кстати, определение знака оценки от третьего лица при отсутствии общеоценочных лексем в компаративных высказываниях, в составе которых есть элемент *ander*, требует от адресата учёта более широкого контекста: *Schneiderei atmete auf: Karl war von anderem Holz als sein Bruder, war stark, groß, sympathisch* [71, S. 359]. В первой части высказывания констатируется противоположный знак оценки качеств Карла в сравнении с братом. Только заключительная часть высказывания, содержащая прилагательные, значение которых имеет положительный знак оценки, позволяет определить общий знак оценки компаративного высказывания.

Отрицательный знак оценки второго и третьего компаративных высказываний связан с появлением в них неопределённого местоимения *anderer* со значением ‘nicht identisch mit etw., jmdm. Gegenübergestelltem’ [15, Bd. 1, S. 44] на фоне эксплицированного желания субъекта измениться, что предполагает констатацию своего несоответствия желаемым параметрам.

Собранный языковой материал позволяет утверждать, что в немецком языке в рамках компаративного высказывания лексема с общеоценочным значением может принимать участие в выражении частнооценочного значения. В этом случае лексема с общеоценочным значением занимает в высказывании позицию, открываемую лексемой с частнооценочным значением. При определении знака оценки высказывания в этом случае, как нам представляется, имеет значение распределение знаков оценки между определяемым

и определяющим словом. В немецком языке были обнаружены следующие возможности соотношения оценочных знаков определяемого и определяющего слова: 1) значение определяемого слова – нейтрально, значение определяющего слова имеет оценочный знак; 2) значения определяемого и определяющего слов имеют положительный оценочный знак; 3) значение определяемого слова имеет положительный оценочный знак, а значение определяющего слова – отрицательный.

Если значение определяемого слова – нейтрально, знак оценки компаративного высказывания соотносится с оценочным знаком определяемого слова: „*Andererseits*“, *meinte Frau Holt sogleich*, „*wenn du die Gesellschaft zu meiden wünschst, so kannst du dort besser als anderswo zurückgezogen leben, denn das Häuschen liegt weitab*“ [71, S. 270]. Отрицание перед определяющим словом меняет знак оценки компаративного высказывания на противоположный: *Aber es ging dem heftigen, energischen Vaudreuil nicht besser als seinem Vorgänger* [42, S. 823].

Следующие компаративные высказывания служат примером совпадения по положительному оценочному знаку значений определяемого и определяющего слов: *Sie ließ den etwas dunkel gefärbten Sand durch ihre harten Finger laufen. Thiel beobachtete sie gespannt: „Nun, wie ist er?“ „Reichlich gut wie die Spree-Ecke!*“ [53, S. 24]. „*Du bist zurückgekommen, weil du weißt, hier bist du besser aufgehoben als woanders*“, *sagte sie* [71, S. 297]. В приведённых примерах лексемы *reichlich* и *aufheben* соотносятся с положительной прагматической оценкой. В высказываниях мы наблюдаем, как «растягиваются» точечные значения лексем, которыми они обладают в области положительной оценки: значения представляются измеримыми [Арутюнова, 1983, с. 233], характеризуются в количественном отношении при сохранении знака оценки.

Если значение определяемого слова имеет положительный оценочный знак, а значение определяющего слова – отрицательный, то компаративное высказывание принимает знак определяющего слова: „*Ich kenne jemand*“, *antwortete Vaudreuil*, „*der sich bitter darüber beklagt hat, dass eine Königin von Frankreich weniger Freiheit habe als ein Fischweib in den Hallen*“ [42, S. 457].

В процессе практического анализа частнооценочных значений, которые выражаются средствами немецких компаративных единиц, обнаружилась их принадлежность к одному из четырёх типов оценок: прагматической, психологической, эстетической и этической.

В группу прагматических оценочных признаков мы отнесли представления о свойствах объекта, которые формируются на основе представлений о естественности (нормальности), о безопасности, о здоровье, о полезности, о приятности / неприятности, о функциональности.

К примеру, следующее высказывание содержит положительную эмоционально-прагматическую оценку манеры движения маленькой собачки: *Im Begriffe, seiner Behausung zuzusteuern, bemerkte er ein kleines Hündchen, dessen possierliche Art zu laufen ihm auffiel. Es lief wie ein kleines Maschinchen* [58, S. 77]. Направление оценки в сторону знака «+» задаёт прилагательное *possierlich*. Использование в группе с *wie* существительного с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-chen* поддерживает заданное направление. Обращение к эталону, который ассоциируется с угрозой для жизни человека, соотносится с отрицательным оценочным знаком: *Der Schwarze mit dem wachsfahlen Antlitz richtet die Augen scharf wie ein Messer auf des Pilgrims Gesicht* [58, S. 198]. Обращение к эталону, который ассоциируется с низкой производительностью, соотносится с отрицательным оценочным знаком следующего компаративного высказывания: *Auf der Maschine schreibe ich mit der Fertigkeit einer mittelguten Stenotypistin nieder, was mich bedrängt* [80, S. 249].

В целях выражения отрицательной прагматической оценки достаточно часто в качестве эталона привлекаются картины смерти, увечья, ранения, болезни: *Thiel keuchte; er musste sich festhalten, um nicht umzusinken wie ein gefällter Stier* [53, S. 27]. *Es war ein Antlitz, wie es Kranke haben* [58, S. 122].

В группу психологических оценочных признаков были отнесены представления об особенностях психики, душевного склада субъекта, о душевных склонностях и привычках, о психических процессах, душевных переживаниях, состояниях сознания, на фоне которых осуществляется некоторая деятельность субъекта.

Направление оценки, по нашим наблюдениям, может быть задано прилагательным или наречием, как в следующем примере, в котором отрицательная оценка задаётся уже лексемой *allein*: *Sie ahnte ja nicht, wie allein er sich fühlte, wenn sie gegangen war. Wie ein Schiffbrüchiger auf einer öden, einsamen Insel, an der ein Segel vorüberzog* [58, S. 213]. Отрицательный знак оценки подтверждает предположение о чувствах несчастного, потерпевшего кораблекрушение, которые тот испытывает, наблюдая уходящий вдаль корабль.

Положительный или отрицательный знак оценки может определяться выбором эталона, связанного с конкретными ассоциациями в коллективном сознании людей или в сознании определённой социальной группы [Schmidt, 1977, S. 63]. К примеру, оценка в следующем высказывании даётся с позиции представителя сильной половины человечества и строится с учётом статусной оценки женщины, которая ставится на более низкую социальную ступень, чем мужчина: *Das war Yann, der wie ein Mädchen weinte, wenn er betrunken war* [56, S. 396].

Следующее компаративное высказывание содержит положительную психологическую оценку, речь идёт о самооценке: *„Du hältst mich wohl für beklopft? Ich sehe mehr, als du dir träumen lässt“* [73, S. 129]. Глагол *sehen* определяет область поиска модуля, которым в данном случае являются аналитические способности человека. Наречие *viel* в сравнительной степени указывает на бóльшую степень развитости способностей относительно предполагаемого, что соотносится с положительной оценкой.

В целях выражения отрицательной психологической оценки в качестве эталона могут привлекаться картины неспособности к правильной оценке и верной реакции на некоторую ситуацию: *Der guckt mich an wie die Kuh das neue Tor und schüttelt den Kopf* [48, S. 320]. *Der läuft fort wie die Sau vom Troge* [48, S. 67].

Эстетические оценочные признаки связаны с чувством прекрасного, с эстетическими переживаниями и эстетическим наслаждением.

Как показывает анализ языкового материала, для определения знака эстетической оценки используются прилагательные и наречия, которые, кстати, по результатам исследований Е.М. Вольф, достаточно регулярно привлекаются для выражения оценки [Вольф, с. 6].

В следующем высказывании направление положительной оценки задаётся лексемой *schön*: *Im Licht der Kerzen sah das blaue Schlafzimmer noch schöner und einladender her als bei Tage* [42, S. 434]. Направление оценки следующего высказывания задаётся употреблением прилагательного *zart*, вместе с тем положительная оценка усиливается за счёт обращения к эталону, который ассоциируется с положительными эмоциями: *Das Gras war hellgrün und zart wie Frühlingsaat* [58, S. 190]. Уточнение признака с помощью эталона — представления о свежей весенней травке — подтверждает и усиливает положительный знак оценки.

Направление эстетической оценки в условиях сравнения определяют в немецком языке не только прилагательные и наречия, но и другие части речи. К примеру, в следующем высказывании эту роль берёт на себя существительное: *Diese Betta, in Wesen und Tracht eine ältliche, etwas verwachsene Bäuerin von der seltenen Hässlichkeit einer Hexe trat ins Atelier* [57, S. 38]. Вместе с тем обращение к эталону — прототипу безобразной внешности женщины поддерживает и усиливает отрицательный знак эстетической оценки.

Знак оценки может формироваться и только за счёт активации ассоциации на эталон, как в следующих высказываниях: *Yanns Augen waren wie dunkle glänzende Löcher* [56, S. 455]. *Yester erschien ihm selbst wie eine Blume* [58, S. 143]. В первом примере отрицательный знак оценки определяется уподоблением живого неживому, во втором — положительный знак оценки соотносится с ассоциацией на эталон, который вызывает чувство эстетического наслаждения.

В том случае, если объектом эстетической оценки является внешность человека, знак оценки может определяться представлением немецкой языковой личности о национально-привлекательном эталоне внешности человека. К примеру, в следующем высказывании отрицательный знак оценки компаративного сложного существительного формируется на представлении о «своём», типичном для субъекта оценки как представителя некоторого этноса, и «чужом»: *Er schaute ihnen streng und fest in die Mandelaugen* [59, S. 26]. Мы наблюдаем действие примитивной схемы, которую В.И. Карасик определяет как «чужой — нелепый» [Карасик, 2002, с. 251].

Отрицательный знак по признаку эстетической привлекательности в следующем компаративном высказывании закладывается, как нам кажется, уже соположением представлений, которые активизируются существительными *Gesang* и *Schnarren*: *Auch der Gesang der Tante war dem Schnarren einer wohlgelaunten Henne ähnlich* [80, S. 58]. Представление о квохтанье едва ли вызывает эстетическое наслаждение. Уточнение представления путём введения в группу существительного *Schnarren* словосочетания в родительном принадлежности создаёт яркий звуковой образ довольно квохтающей несушки. Уподобление напевающей женщины квохтающей курице усиливает отрицательный знак оценки компаративного высказывания.

Морально-этические оценочные признаки соотносятся с представлениями о нравственных нормах поведения, к которым В.И. Карасик относит нормы взаимодействия, нормы жизнеобеспечения, нормы контакта, нормы ответственности и нормы контроля [Карасик, 2004, с. 28]. Как показывает материал нашего исследования, морально-этические оценочные признаки могут выражаться средствами сравнения.

Отрицательная морально-этическая оценка приведённого ниже компаративного высказывания строится на представлении о норме в обращении с человеком, которая предполагает внимательное и бережное отношение к нему, поэтому выбор в качестве эталона представления об обращении с футбольным мячом формирует отрицательный знак морально-этической оценки: *Die anderen stießen mich herum wie einen Fußball* [58, S. 112].

Положительная морально-этическая оценка чувств женщины в следующем компаративном высказывании формируется уточнением существительного *Mitleid*, которое имеет положительную морально-этическую оценку, прилагательным *mütterlich*, активизирующим представление о материнстве: *Verstohlen forschte sie in dem Gesicht ihres Mannes. Wieder kam jenes mütterliche Mitleid über sie* [79, S. 311]. Последнее обладает во всех культурах положительным знаком оценки.

Следует обратить внимание на то, что с отрицательной морально-этической оценкой в тезаурусе немецкой языковой личности соотносятся эталоны, представляющие собой:

– картины унижения: „*Da hat man's!*“ *sagte Großvater*, „*stand er also wie ein Bettelmansjunge vorm Fenster, weil er sein Geld verjuxt hatte*“ [80, S. 54];

– картины пренебрежения: *Wer Politik im Kopfe hat, der geht über die Probleme der Menschen hinweg wie über Dreck* [71, S. 224];

– картины отвращения, омерзения: *Bruchmüller sieht ihn schauernd an, so, wie einer seinen eben entwichenen Bandwurm betrachtet* [48, S. 64].

Пестрота и неоднородность оценочных признаков, которые образуют основание оценочных значений, свидетельствует, как нам кажется, о сложности ассоциативных связей, которая также обуславливает взаимосвязи, существующие между разными оценочными аспектами, и возможность включения одного и того же признака в несколько ассоциативных рядов.

Прежде всего, вслед за В.М. Богуславским хотелось бы обратить внимание на взаимосвязи, существующие между разными оценочными аспектами. Рассматривая следующее высказывание, мы отмечаем, что отрицательный знак эстетической оценки формируется на основе прагматической оценки: ... *sieh doch die Brust, die schwächige Hühnerbrust... nicht geschaffen für den Kampf* [73, S. 168]. Критически оценивается форма грудной клетки человека. Вовлечение в сравнение представления о строении грудной клетки курицы определяет отрицательный знак оценки, который подтверждается введением в группу существительного *Hühnerbrust* прилагательного *schwächig*: в семантическую структуру последнего входит отрицательная оценка по признаку физической силы. Мотивировка отрицательной оценки отражается в последующем контексте, который чётко определяет функциональные основания для отрицательного знака прагматической оценки. На отрицательную прагматическую оценку наслаивается эстетическая оценка с тем же знаком.

В следующем примере положительная эстетическая оценка формируется на основании стереотипного представления о крепком мужском теле: *Susannes Blick glitt über seinen athletischen Oberkörper* [73, S. 106]. Крепкое, атлетическое телосложение мужчины ассоциируется со здоровьем, силой и способностью выносить

большие физические нагрузки, всё это связано для женщины с чувством эстетического наслаждения.

В рамках компаративной единицы возможно формирование прагматической оценки на основании психологической оценки. К примеру, в следующем высказывании направление в сторону знака «-» задаётся отрицанием перед прилагательным *originell*. Отрицательная психологическая оценка решения, предложенного японскими химиками, усиливается уподоблением склада их ума складу ума деревенского кузнеца: *Und wie die Japaner bei der Synthese das Problem der sterischen Hinderung mit extrem hohem Druck lösten, das war nicht originell, nein, daran konnte kein Chemiker seine helle Freude haben, denn das entsprach der Mentalität eines Grobschmieds, verglichen mit der Kühnheit und der Eleganz von Harras fundamentaler Lösung* [70, S. 145]. Отрицательной психологической оценкой исполнителя определяется низкая прагматическая оценка результата.

В следующем высказывании отрицательная прагматическая оценка стиля общения, предлагаемого Харрой, строится на его отрицательной психологической оценке, которая выражается с помощью прилагательного *idiotisch*: „*Und warum springen Sie mir dann nicht bei, wenn Harra mit seinen idiotischen Reden über mich herzieht?*“ [70, S. 69].

Следует обратить внимание на возможность варьирования знака оценки одной и той же компаративной единицы в зависимости от актуализируемого признака эталона. К примеру, словарное толкование сложного существительного *Habicht(s)auge*, которое предлагается в словаре под общей редакцией Р. Клаппенбах и В. Штейница, соотносится с положительной прагматической оценкой *scharf blickendes Auge*. Положительная прагматическая оценка основана на функциональном признаке, на способности органа зрения к выполнению своих основных функций. Вместе с тем лексема *Habicht(s)auge* формирует отрицательную комплексную замещающую оценку в том случае, когда взгляду приписывается признак «хищный» как признак эталона, вовлечённого в сравнение. Так, в следующих компаративных высказываниях оценка имеет отрицательный знак: *[Literaten und Schriftsteller] pickten mit Habichtsaugen nach jedem Gegenstand* [32, S. 168]. Отрицательный знак оценки актуализируется ядром высказывания — глаголом *picken*.

Знак оценки, который формируется через ассоциацию на один и тот же эталон, может зависеть от сложившегося в немецком социуме представления о свойствах объектов, к классу которых относится тема сравнения. К примеру, в следующем компаративном высказывании выражается отрицательная эстетико-прагматическая оценка: *Es [Pilgrims Gesicht] ist weiß wie Schnee* [58, S. 198]. В обыденном сознании бледность кожного покрова мужчины определяется как признак болезни, что обуславливает отрицательный знак оценки, содержащейся в приведённом выше высказывании. Вместе с тем бледность кожного покрова женщины рассматривается как признак некоторой изнеженности и утончённости. Поэтому можно утверждать, что компаративная единица в следующем примере участвует в выражении положительной эстетической оценки, хотя в его составе обнаруживается тот же эталон, что и в приведённом выше высказывании: *Ein bescheidener Schmuck, lagen sie auf der schneeweißen Schulter; ihr liebliches Blütenantlitz an Hals und Brust Biankas schmiegend* [58, S. 132].

Выбор эталона в рамках компаративной единицы позволяет немецкой языковой личности выразить оценочное отношение при конкретизации нейтрального признака. Рассмотрим указанную особенность на примере конкретизации белого цвета.

В условиях определения белизны строений, одежды и её элементов путём сравнения с белизной снега передаётся положительная прагматическая оценка, вероятно, как следствие ассоциации на представление о чистоте и опрятности: *Sie sah die schneeweißen Hochhäuser* [76, S. 158]. *Dabei klimperte sie mit dem Gelde in der Tasche ihrer schneeweißen Schürze* [58, S. 47]. Положительная эстетическая оценка сияния луны, облаков, пенистых гребней волны даётся уподоблением их оттенков цвету снега, серебра и фарфора: *Sie [die Wolke] schimmerte weiß wie frisch gefallener lockerer Schnee* [56, S. 454]. *Die Sonne verschwand hinter einer porzellanweißen Wolke* [56, S. 323]. *Er [der Mond] wurde silberweiß und gleißend* [56, S. 454]. *Das Meer war leuchtend schwarz und die wirbelnden Schaumkämme schneeweiß mit glühenden Feuerchen im Innern* [56, S. 340]. Положительная эстетическая оценка благородной седины формируется на основе высокой статусной оценки убелённой сединой мудрости. В качестве эталона в этом случае привлекается представление о цвете снега: *Bis auf einen,*

einen alten, ganz alten mit schneeweißen Haaren [58, S. 163]. В следующем высказывании компаративная единица участвует в выражении положительной эстетико-прагматической оценки: *Ihre Zähne waren schneeweiß* [58, S. 13]. Белизна зубов сравнивается с цветом снега или фарфора. Положительный знак эстетической оценки соотносится с одноимённым знаком прагматической оценки, обусловленной представлением о цвете здоровых и ухоженных зубов.

В основании отрицательной эстетической оценки цвета кожного покрова человека может лежать прагматическая оценка с тем же знаком. Бледный цвет кожи человека ассоциируется с болезнью или смертью: *Drei Gespenster mit kalkweißen Gesichtern und blauen Lippen, Leichen, die tagelang in Eiswasser gelegen waren* [56, S. 355]. *Ihr Antlitz war weiß wie ihr Kleid* [58, S. 160]. В качестве эталона, как видно по приведённым примерам, привлекаются представления о прозаических вещах (цвет строительного материала, одежды).

Возможность формирования оценочного значения практически на основе любого качественного признака подтверждается использованием немецкой языковой личностью всех выявленных ранее типов компаративных единиц с целью выражения оценочного значения.

3.3.2. Выделительная функция сравнения

Анализ словарных толкований позволяет очертить границы группы немецких компаративных единиц, в семантической структуре которых присутствует смысловой элемент «экспрессивное выделение признака». Наличие последнего в семантической структуре компаративной единицы эксплицируется путём введения в её толкование интенсификатора *sehr* и конкурирующих с ним лексем.

Результаты проведённого нами исследования выборки из словаря под общей редакцией Р. Клаппенбах и В. Штейница дают некоторое представление о доле языковых единиц со смысловым элементом «экспрессивное выделение признака» среди компаративных единиц в немецком языке. В указанную группу вошли 27 % компаративных сложных прилагательных (из 271 единицы), 20 % существительных модели «указание на эталон (первая НС) + уточнение области поиска признака-модуля (вторая НС)» (из 39 единиц), 7 % прилагательных на *-ig* (из 123 единиц), 7 % существительных модели

«указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)» (из 75 единиц), 4 % прилагательных на *-artig* (из 70 единиц), 3 % прилагательных на *-haft* (из 125 единиц), 2,4 % прилагательных на *-isch* (из 235 единиц), 10,3 % прилагательных на *-lich* (из 39 единиц), 2 % прилагательных на *-mäßig* (из 32 единиц). Для фразеологизмов с показателями сравнительных отношений этот процент выше и составляет 40 % от 265 проанализированных толкований.

В связи с обсуждаемым вопросом представляется заслуживающей внимание точка зрения С.Е. Родионовой, которая отмечает специфику интенсивности, её отличие от меры признака, градуальности и других подобных категорий. С.Е. Родионова обращает внимание на тот факт, что среди выделенных А. Вежбицкой семантических примитивов выделяется несколько количественных смыслов, принципиально не сводимых друг к другу: 1) точно измеренная величина, 2) сравнительная величина, 3) достаточная или чрезмерная величина – величина признака с точки зрения соответствия тем или иным внешним требованиям, 4) предельно возможная величина, 5) существенная величина – величина признака, заметно превышающая обычную и поэтому существенная для человека [Родионова, с. 152–153].

Последний вид количественной характеристики, который непосредственно связан с темой нашего обсуждения, отличается от других, прежде всего, ярко выраженной субъективностью. «В первых четырёх случаях всегда существует более или менее объективный критерий истинности суждения, некая внешняя система отсчёта, относительно которой и определяется величина признака: установленная система мер, наличие другого сравниваемого признака, объективные физические свойства предмета, практические требования ситуации. В последнем (пятом) случае такую внешнюю объективную точку отсчёта указать трудно. Можно предположить, что такой точкой отсчёта является норма – законченное установление // обычный, общепринятый порядок, состояние чего-либо // образец, правило [...]. Интенсивность связана не с любой количественной квалификацией явления, а только с такой, которая демонстрирует отклонение от “нормальной” меры. Нормальным при этом признаётся, во-первых, законченный, требуемый (в частности, обществом)

порядок вещей, а во-вторых, — обычный, повседневный, не привлекающий к себе внимания» [Родионова, с. 153].

С.Е. Родионова выделяет семантические составляющие, определённый алгоритм, с помощью которого расшифровывается значение интенсивности — значение *очень*: «Говорящий хочет передать, что мера проявления качественного признака превышает обычную, нормальную. Говорящий считает, что это очевидно, этого нельзя не заметить, что это количественное изменение приводит к некоему качественному изменению, что, возможно, влияет на все параметры обозначаемой стереотипной ситуации и требует переосмысления всей ситуации. Таким образом, говорящий считает, что знание о силе этого качественного признака имеет особую значимость для слушающего и должно повлиять на его ориентацию во внеязыковой действительности» [Родионова, с. 153–154].

Другими словами, обозначение количества, или установление интенсивности проявления признака, в этом случае имеет субъективный характер, так как устанавливается с точки зрения субъекта. «Такое выделение выражает не объективно высокую степень проявления признака, его реальную меру, а субъективное представление говорящего об этой мере как сильно отличающейся от нормальной» [Родионова, с. 157]. К такому количеству неприменима категория истинности, речь идёт лишь о его эмоциональном выделении, основание которого обнаруживается в психическом состоянии, когда «человеком движет не сознание, не рациональность, а эмоция» [Шаховский 2005], и в психическом явлении, «принципиальной способности к пристрастному отражению действительности» [Вилюнас, с. 39]. С.Е. Родионова отмечает, что «именно экспрессивный компонент отличает интенсивность от меры признака и градуальности» [Родионова, с. 155–158].

Принимая позицию С.Е. Родионовой, мы считаем, что интенсификация признака, которая находит эксплицитное выражение в толкованиях рассматриваемых нами немецких компаративных единиц, является выражением субъективного впечатления о степени признака, имеет прагматический характер и используется в целях выделения, подчёркивания признака. Анализ наполнения компаративных единиц, используемых немецкой языковой личностью

для экспрессивного выделения признака, позволяет наблюдать особенность, отмечаемую В.И. Шаховским для номинаций, которые мотивируются эмоциями говорящих: в их основе не всегда лежит логика [Шаховский, 2008, с. 102].

Выделительная функция компаративной единицы ясно просматривается, в частности, при обращении немецкой языковой личности к эталону, не предполагающему совпадения с темой по объективной степени проявления признака. Иллюстрацией последнего являются случаи определения средствами компаративной единицы признаков, допускающих измерение в объективных единицах, что возможно, к примеру, при определении температурных характеристик объекта.

Рассмотрим языковые примеры с прилагательным *eisig*: *Das Fieber stieß ihn aus flachem Schlaf zurück in das eisige Grab des Sees* [71, S. 127]. *Sie badeten in dem eisigen Wasser des Baches* [71, S. 461]. *Ich küsste ihre eisige Wange* [56, S. 303]. Прилагательное *eisig* определяет существительные, которые обозначают объекты с температурными характеристиками, не соотносимыми с таковыми эталона: тело человека с температурными характеристиками льда противоречит жизненным показателям, лёд и вода — разные агрегатные состояния одного вещества, которые отличаются температурными характеристиками. Указанное обстоятельство приводит к мысли о том, что адресант не пытается указать на определённую величину на температурной шкале: лексема *eisig* лишь задаёт направление конкретизации величины, характеризующей тепловое состояние объекта. При конкретизации характеристики адресат, опираясь на свои практические знания о норме тепловой характеристики объекта, должен искать признак-модуль в направлении отклонения от «нормальной» меры.

О том, что компаративная единица с прилагательным *riesig* используется немецкой языковой личностью для экспрессивного выделения признака, свидетельствует сравнение заведомо отличных по размеру объектов с одним и тем же эталоном: *Die riesige Südflanke im Mittelabschnitt ist zwar durch die Pripjet-Sümpfe gedeckt, wo im Sommer kein Mensch Krieg führen kann* [72, S. 249]. *Der Doktor streicht verliebt über die Rosenholzblende seines riesigen Bücherschranks* [48, S. 80]. *Durch die Krawatte hatte er eine Nadel mit einem riesigen Brillanten gesteckt* [56, S. 272].

К способам экспрессивного выделения признака средствами компаративных единиц мы склонны относить высказывания, которые отличаются необычными, неожиданными соположениями сравниваемых объектов: *Er trägt hohe Seestiefel. Sie sind faltig und zerknittert wie das Gesicht eines Menschen, der viel erlebt und gesehen hat* [87, S. 8].

Интенсификатор *sehr* обнаруживается в толкованиях компаративных единиц с *wie*, которые, судя по интерпретации значения, предлагаемой носителями немецкого языка, очерчивают область поиска признака-модуля, которая не обнаруживается у эталона: *dumm wie Bohnenstroh* – ‘sehr dumm’, *wie ein Auto gucken* – ‘sehr erstaunt blicken’, *j-d hat Einfälle wie ein altes Haus* – ‘hat verrückte, verblüffende Ideen, Vorstellungen’ [15]. Аналогичные отношения между темой и эталоном устанавливаются некоторыми компаративными сложными прилагательными: *stockblind* – ‘völlig ohne Sehvermögen’, *strohdumm* – ‘sehr dumm’. Указанные обстоятельства, по нашему мнению, свидетельствуют об экспрессивном выделении признака.

Группа с *wie*, в которой указывается на неправдоподобные условия проявления признака, также интерпретируется как средство, которое позволяет немецкой языковой личности выделить, подчеркнуть степень проявления признака. Об этом свидетельствует введение интенсификаторов в толкование значения данных компаративных единиц: *wie aus dem Ei gepellt (geschält)* – ‘ist sehr gepflegt und sorgfältig gekleidet’, *j-d ist wie von (wie aus) Eisen* – ‘sehr hart, fest’ [15].

Для экспрессивного выделения признака немецкая языковая личность использует и компаративные высказывания с суперлативом. Мы имеем в виду компаративные высказывания, в которых эталон очерчивается в границах, выходящих за границы возможного знания субъекта сравнения: *Das ist doch das größte Rindvieh der Welt, denkt Karl* [48, S. 98]. *Nun hegte Toinette tiefen Respekt vor der Mutter; unter allen Lebendigen war Maria Theresia nicht nur dem Range nach die Erste, sie war auch die Bedeutendste* [42, S. 183].

Подводя итог, следует ещё раз указать на возможность использования компаративных единиц для экспрессивного выделения признака. Экспрессивное выделение признака в рамках компаративных единиц достигается немецкой языковой личностью следующими средствами:

- обращением к эталону, не предполагающему совпадения с темой по объективной степени проявления признака;
- необычным, неожиданным соположением сравниваемых объектов;
- обращением к эталону, не обнаруживающему области поиска признака-модуля, упоминаемой в компаративной единице;
- указанием на неправдоподобные условия проявления признака;
- привлечением эталона, знание о котором для субъекта сравнения явно выходит за границы возможного.

Выводы к третьей главе

Исследование текстового потенциала сравнения в немецком языке, поиск ответа на вопрос о характере информации, получаемой адресатом в результате когнитивной обработки сравнения в его языковом отражении, в форме компаративных единиц, позволил определить сравнение как механизм конкретизации признака, а именно: как механизм конкретизации ощущений и оценок.

Среди компаративных единиц, используемых немецкой языковой личностью для конкретизации ощущений, были выявлены компаративные единицы, которые конкретизируют признаки, связанные с восприятием объекта сравнения одним из органов чувств человека, и компаративные единицы, которые используются для конкретизации комплексных характеристик.

В рамках первой группы наблюдаются языковые средства, специализированные на конкретизации определённого ощущения, и языковые средства, такой специализации не имеющие. В первую подгруппу входят в немецком языке прилагательные на *-farben*, используемые для конкретизации цвета; прилагательные на *-förmig (-formen)*, позволяющие конкретизировать форму; компаративные высказывания, которые организуются перцептивными глаголами *klingen, riechen (duften, stinken)* и *schmecken* в узком значении, в которых, соответственно, уточняются представления о звуке, запахе и вкусе. Языковые средства, не имеющие специализации на конкретизации определённого ощущения (к примеру, широкозначные лексемы – показатели сравнительных отношений), могут приобретать

её в компаративном высказывании за счёт введения в него языковых опор, очерчивающих область поиска признака-модуля. В условиях отсутствия языковых опор ассоциативные связи между темой и эталоном формируются на основании доминирующих признаков.

К комплексным характеристикам, которые конкретизируются с помощью компаративных единиц, относится общее впечатление об объекте сравнения, которое представляет собой первоначальное впечатление или результат синтеза признаков объекта в целостный образ. В условиях отсутствия в компаративном высказывании или в среде его функционирования указаний на область поиска признака-модуля к языковым средствам, передающим общее впечатление об объекте, относятся компаративные высказывания, организуемые глаголом *aussehen* с предлогом *nach*; компаративные высказывания, организуемые глаголом *gleichsehen* и словосочетанием *ähnlich sehen*; компаративные высказывания, организуемые глаголом *aussehen*, который уточняется группой с *wie* и с *als*, либо придаточным реального или ирреального сравнения; немаркированные компаративные конструкции с «узловым» существительным *Aussehen*; компаративные высказывания, в которых общее указание на чувственную природу уточняемого ощущения — существительное *Gefühl* — определяется придаточным предложением ирреального сравнения; компаративные высказывания, содержащие группу с *wie*, придаточное предложение реального и ирреального сравнения при глаголах, указывающих на чувственную природу уточняемого признака (*dünken, erscheinen, scheinen, wirken, vorkommen*); компаративные высказывания, организуемые широкозначными лексемами с семантикой сходства / отличия, глаголом *erinnern* и перцептивными и пространственными глаголами в переносном значении; словосочетания прилагательных на *-haft, -isch, -lich, -ig, -artig* с существительным, указывающим на тему; компаративные существительные, построенные по модели «указание на эталон (первая НС) + указание на тему (вторая НС)».

Общему впечатлению противопоставляется «детализирующее» восприятие, активизация которого предполагает указание на представление о признаке, в области которого осуществляется конкретизация. К средствам, которые достаточно определённо соотносятся

с этапом «детализирующего» восприятия, относятся прилагательные на *-farben*, используемые для конкретизации цвета объекта; прилагательные на *-förmig (-formen)*, позволяющие конкретизировать форму объекта; компаративные высказывания, организуемые перцептивными глаголами *klingen, riechen (duften, stinken), schmecken* в узком значении; компаративные сложные прилагательные и существительные, вторая НС которых уточняет область поиска признака-модуля.

Сравнение позволяет конкретизировать ассоциативно-интуитивные ощущения, которые являются результатом подведения под абстрактные понятия наглядно-сенсорной опоры. Процесс «опредмечивания» непредметных сущностей средствами компаративных единиц представляет собой активацию ассоциативной связи понятия о непредметной сущности с представлением о сущности, которая соотносится для субъекта с переживаниями, имеющими чувственную природу. Именно таким образом признаки отвлечённых понятий конкретизируются, получая чувственное осмысление и интерпретацию.

Компаративная единица позволяет выразить «эмотивность», или «оценочность», как собственно отношение по признаку «хорошо / плохо» и «аффективность», которая соотносится с экспрессивным выделением признака.

По признаку «хорошо / плохо» компаративные единицы выражают как общеоценочные, так и частнооценочные значения. Выражение общеоценочных значений средствами компаративных единиц осуществляется в немецком языке, в первую очередь, компаративными высказываниями, в составе которых обнаруживается единственное указание на область поиска признака-модуля — лексема с общеоценочным значением. Указанным условиям могут отвечать компаративные высказывания, содержащие группу с *wie* и с *als*, придаточные предложения реального сравнения с союзом *als*, компаративные высказывания с суперлативом. Вместе с тем лексема с общеоценочным значением может принимать участие и в выражении частнооценочного значения. В этом случае лексема с общеоценочным значением занимает в высказывании позицию, открываемую лексемой с частнооценочным значением.

С помощью компаративных единиц могут быть выражены прагматические, психологические, эстетические и этические оценки. Пестрота и неоднородность оценочных признаков, лежащих в основании оценочных значений, свидетельствует о сложности ассоциативных связей между разными оценочными аспектами. Как следствие: 1) при конкретизации средствами сравнения возможно варьирование знака оценки одной и той же компаративной единицы в зависимости от актуализируемого признака эталона; 2) наблюдается формирование одного типа оценки на основании другого. Знак оценки формируется как только за счёт активации ассоциации на эталон, так и за счёт взаимодействия оценочного знака эталона с оценочными знаками других языковых средств, использованных адресантом.

Анализ толкований компаративных единиц в немецкоязычных словарях позволяет определить границы группы компаративных единиц, в семантической структуре которых присутствует смысловой элемент «экспрессивное выделение признака». Интенсификация признака, находящая эксплицитное выражение в толкованиях компаративных единиц, является выражением субъективного впечатления о степени проявления признака, имеет прагматический характер и используется в целях экспрессивного выделения, подчёркивания признака.

Анализ областей — доноров эталонных представлений, к которым обращается немецкая языковая личность для конкретизации признаков и оценок, демонстрирует антропоцентризм субъекта сравнения.

Глава 4. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПАРАТИВНЫХ ЕДИНИЦ В СПРАВОЧНЫХ, РЕКЛАМНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование средств с семантикой сравнения, осуществляемое в рамках предложения, позволяет определить структурные свойства компаративных единиц, описать их разнообразие и характеристики их составляющих, дать ответ на вопрос о характере информации, которую получает адресат в результате когнитивной обработки сравнения в его языковом отражении, в форме компаративной единицы. Но, исходя из общепризнанного факта, что коммуникативной единицей высшего порядка является текст, который не представляет собой лишь «сумму свойств» предложений [Гальперин, с. 9], а предполагает их некоторое переосмысление [Гальперин, с. 21], при определении текстового потенциала сравнения мы не можем обойти вопрос о функциях сравнения в завершённом речевом произведении.

Ответ на поставленный вопрос даёт определение роли компаративных единиц в текстах, неодинаковых по своим параметрам, в том числе и наблюдение реализации средствами сравнения текстовых категорий. В данной главе мы исходим из представлений о текстовых категориях И.Р. Гальперина, Л.А. Ноздриной и А.Ф. Папиной и используем их терминологию [Папина; Ноздрина, 2004; Богатырева, Ноздрина, 2005; Гальперин]. Вслед за Л.А. Ноздриной мы считаем средством реализации текстовой категории текстовую сетку, которая возникает в результате наложения грамматико-лексического [Гулыга, Шендельс]/ грамматико-семантического [Sommerfeldt, 1984]/ функционально-семантического поля [Бондарко, 1983; Бондарко, 2005; Теория функциональной грамматики] на конкретный текст и представляет собой поле в действии [Ноздрина, 2004, с. 53]. Л.А. Ноздрина выделяет пять основных текстовых сеток: темпоральную, локальную, персональную, референтную и модальную [Ноздрина, 2004, с. 52]. При определении роли сравнения в завершённом речевом произведении мы дополняем метод лингвистического описания анализом участия сравнения в указанных текстовых сетках.

С целью выяснения роли сравнения в завершённом речевом произведении мы обратились к анализу текстов, неодинаковых по своим параметрам, входящих в разные *группировки* [Костомаров, с. 13]. Вслед за В.Г. Костомаровым мы предпочитаем говорить не о функциональных стилях, а о группировках текстов, поскольку выделение последних позволяет учесть большее число параметров текста, в том числе и среду, т. е. характер и статус, способ и вид контакта общающихся людей, и сферу, т. е. тематику обсуждаемой информации [Костомаров, с. 12]. В данной главе мы используем преимущества выделения и однозначной интерпретации функций сравнения, которые даёт анализ роли сравнения в справочных, рекламных и художественных текстах.

Е.С. Кубрякова отмечает, что подход к разграничению текста и дискурса с позиций когнитивной лингвистики «представляется вполне естественным, поскольку соответствует противопоставлению когнитивной деятельности и её результата» [Кубрякова, 1997, с. 19]. Придерживаясь мнения Е.С. Кубряковой, мы обнаруживаем в наполнении компаративных единиц, осуществляемом в тексте, проявление дискурсивных характеристик, которые связаны с нелингвистической областью (социологический, идеологический, культурный контекст), с невысказанным (бессознательным, предполагаемым) [Борботько, с. 13], с «общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который “строится” по ходу развёртывания дискурса» [Англо-русские термины по прикладной лингвистике ... , с. 7].

4.1. Использование компаративных единиц в справочной литературе¹

В качестве примера обращения немецкой языковой личности к сравнению в справочной литературе мы рассмотрели текст определителя грибов *Pilze sicher bestimmt* [29] и травника *Wildwachsende Pflanzen in unserer Ernährung* [60]. Для сравнения привлеклись аналогичные тексты на русском языке [23; 26]. Анализ опре-

---

¹ Денисова Г. Л. Сравнение в справочном дискурсе (на материале немецкого определителя грибов) // Гетерогенность и плюрицентризм немецкоязычного пространства: теория и практика : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2010. С. 16–23.

делителей грибов и трав показал высокую частотность обращения к компаративным единицам как немецких, так и русских авторов: на 50 страниц немецкого определителя грибов приходится 392 компаративные единицы, на такое же количество страниц русского определителя – 202 компаративные единицы.

В немецком определителе грибов описываются 120 грибов. В заголовок статьи в определителе выносятся название гриба. В основании названий 47 из них, т. е. в основании 39 % наименований, обнаруживается сравнение. В названии гриба закрепляются следующие признаки, конкретизируемые в результате сравнения: **зрительное ощущение** (76 %): окраска (45 %): *Perlhuhnchampignon*, *Ziegelroter Risspilz*, *Schneepilz*; форма (31 %): *Schirmpilz*, *Leberpilz*, *Flaschenbovist*; **осязательное ощущение** (6 %): характеристика поверхности: *Samtfußkrempling*, *Samtfußrübling* (4 %); реакция на давление и сжатие: *Steinpilz* (2 %); **обонятельное ощущение**: *Heringstäubling*, *Knoblauchspilz* (6 %); **вкусовое ощущение**: *Pfeffermilchling*, *Gallenröhrling*, *Butterpilz* (6 %).

Выявленная тенденция закрепления в названии гриба признака, который воспринимается с помощью зрительного, осязательно-го, обонятельного и вкусового анализатора, соответствует практике определения гриба. Чаще сборщик грибов опирается на внешние признаки гриба (форму, окраску), реже – на свои осязательные и обонятельные ощущения, последнее, к примеру, связано с тем, что не каждый гриб обладает специфическим запахом. Попробовать сырой гриб на вкус рискнёт не каждый сборщик.

В структурном отношении названия грибов представлены следующими типами компаративных единиц: сложное существительное, построенное по модели «указание на эталон + указание на тему» (*Apfeltäubling*, *Spargelpilz*, *Nelkenschwindling*); сложное существительное, первой НС которого является элемент типа «указание на эталон + указание на тему» (*Keulenußtrichterling*); словосочетание с дериватом на *-ig*, образованное от сложного существительного, соответствующего модели «указание на эталон + указание на тему» (*Zitronenblättriger Violett-Täubling*, *Netzstielliger Hexenpilz*); словосочетание с компаративным сложным прилагательным (*Kirschroter Speisetäubling*, *Zitronengelbe Koralle*). В качестве названия гриба среди

языковых средств, в основании которых лежит сравнение, предпочитается цельнооформленная единица (72 %).

Статья в определителе грибов состоит из повторяющихся смысловых блоков, чётко разграниченных автором: «Общие признаки» (*Allgemeine Kennzeichen*), «Шляпка» (*Hut*), «Пластинки» (*Blätter*), «Ножка» (*Stiel*), «Мякоть» (*Fleisch*), «Запах» (*Geruch*), «Вкус» (*Geschmack*), «Пищевая ценность» (*Wert*), «Место и время произрастания» (*Vorkommen*), «Возможные ошибки при определении» (*Verwechslungsmöglichkeit*). Компаративные единицы не были зафиксированы в разделе *Vorkommen*. В остальных смысловых блоках статьи, которые, кстати, предполагают описание признаков гриба, наблюдается обращение к компаративным единицам. В тексте определителя на 55 страницах текста было обнаружено 526 компаративных единиц.

Мотивом обращения к сравнению в 98 % единиц является конкретизация ощущения. В 69 % случаев речь идёт об уточнении зрительного ощущения: окраски (29 %), формы (38 %), размера (3 %).

При конкретизации окраски гриба с убывающей степенью интенсивности используются компаративные сложные прилагательные (76 %); группа с *als* (8,5 %); прилагательные на *-farbig* (6,5 %); группа с *wie* (3,5 %); компаративные единицы, организующим центром которых являются широкозначные лексемы с семантикой сходства (0,5 %); существительные типа «указание на эталон + указание на тему» (0,5 %). При конкретизации цвета был зафиксирован случай обращения к деривату на *-ig* (0,5 %).

Дериват на *-ig* был использован при определении прозрачности грибной слизи (0,5 %): *Stiel: Hell, im unteren Teil mit einem glasigen hellen Schleim (der später austrocknet) überzogen* [29, S. 88]. В 3,5 % случаев автор определителя обращается к дериватам на *-ig* при конкретизации особенностей светоотражающей характеристики поверхности: *Hut: In der Jugend feinfilzig, später glatt, seidig glänzend* [29, S. 30].

Произведённые нами подсчёты позволяют наблюдать ярко выраженное предпочтение компаративных сложных прилагательных (76 %) прилагательным на *-farbig* (6,5 %), которые в силу достаточно узкого значения словообразовательного элемента *-farben (-farbig)* были определены нами в пункте 3.2.1 настоящей работы как сред-

ство, специализированное на конкретизации цвета. Выявленное предпочтение адресанта находит объяснение, как нам кажется, в «глубине высвечивания» признака-модуля, которая более эффективно обеспечивается обращением к компаративному сложному прилагательному. Мы и ранее акцентировали внимание на направляющей роли второй НС компаративного сложного прилагательного. Подтверждение использования немецкой языковой личностью данной возможности, которая представляется второй НС компаративного сложного прилагательного, мы обнаруживаем в выборке прилагательных из определителя грибов, где в качестве второй НС привлекаются не только морфемы, указывающие на основные составляющие цветового спектра, но и морфемы – языковые проекции представлений об оттенках (18 %): *Blätter: Anfangs weißgelblich, zitronengelblich, später ockergelblich* [29, S. 42]. Кроме того, автор определителя грибов использует компаративные сложные прилагательные, в составе которых обнаруживаются три корневые морфемы: *olivbraungelb, olivgraugelblich, olivbräunlich-gräulich*. Первая корневая морфема указывает на эталон. Вторая и третья корневые морфемы уточняют область поиска признака-модуля.

Группы с *wie* и с *als* употребляются при сравнении цветовых оттенков отдельных частей конкретного гриба или похожих грибов: *Er ist im Ganzen mehr grau als der vorige* [29, S. 58].

Форму гриба и его частей в анализируемом определителе грибов конкретизируют следующие компаративные единицы: дериваты на *-ig* (52,5 %); прилагательные на *-förmig* (30 %); прилагательные на *-ähnlich* (6,5 %); прилагательные на *-artig* (5 %); группы с *wie* (2 %); дериваты на *-isch* (2 %); компаративные единицы с «узловыми» существительными (2 %). Обращает на себя внимание факт, что к прилагательным на *-förmig*, которые являются средством, специализированным на конкретизации формы объекта, автор обращается лишь в 30 % случаев. В 52,5 % случаев при обозначении формы в определителе грибов используются дериваты на *-ig*.

Среди дериватов на *-ig* встречаются такие образования, как *wulstig-knollig, kegelig-glockig, kugelig-glockig*. Вместе с тем следует отметить, что дериваты постоянно повторяются. В 96 примерах при обозначении формы с помощью дериватов на *-ig* используют-

ся только 22 деривата на *-ig*. В 29 % случаев форма определяется с помощью прилагательного *kugelig*. Высокую частотность употребления при обозначении формы мы отметили у прилагательных *glockig* (14 %), *büschelig* (7 %), *knollig* (7 %), *bauchig* (6 %), *halbkugelig* (5 %), *kegelig* (5 %), *keulig* (4 %), *röhrig* (3 %). Регулярная повторяемость дериватов на *-ig* свидетельствует о том, что они привлекаются адресантом как языковые средства, закреплённые в словарном фонде.

Размеры объекта в статьях, посвящённых описанию конкретных видов грибов, определяются, как правило, путём обращения к конкретным числовым данным, хотя в определителе были обнаружены и немногочисленные примеры обозначения размеров объекта с помощью компаративных единиц. В 50 % случаев это были компаративные сложные прилагательные: *Ebenso wenig darf man die ganz kleinen Pilze einernten, deren Köpfe erst erbsengroß (Pflifferlinge) oder kirschgroß (Steinpilze, Maronen) sind* [29, S. 8]. Группы с *wie* и с *als* были использованы автором определителя при сравнении размеров грибов разных видов: *Verwechslungsmöglichkeit besteht mit dem essbaren Safranschirmpilz, der nicht so groß wird wie der Parasolpilz, ihm aber ähnlich ist* [29, S. 34].

В 9 % случаев в определителе грибов с помощью сравнения конкретизируются осязательные ощущения: реакция плодового тела на давление и сжатие (8 %) и его насыщенность влагой (1 %). Представление о реакции плодового тела на давление и сжатие передаётся: дериватами на *-ig* (78 %); прилагательными на *-artig* (13 %); прилагательными на *-ähnlich* (6 %). Группа с *wie* (3 %) используется автором при сравнении реакции на давление и сжатие мякоти грибов разных типов. Насыщенность гриба влагой в определителе грибов отмечается крайне редко (1 %), но наши данные свидетельствуют о возможности конкретизации данного признака компаративной единицей: *Er wirkt im Allgemeinen noch mehr durchwässert als der Butterrübling* [29, S. 78].

9 % компаративных единиц, обнаруженных нами в определителе грибов, привлекаются адресантом с целью конкретизации обонятельного ощущения. Среди них — компаративные единицы, организованные лексемой *riechen* либо с «узловым» элементом *Geruch*, в том числе и со сложным существительным типа «указание на эта-

лон + уточнение области поиска признака-модуля» (47 %); прилагательные на *-artig* (23 %); дериваты на *-ig, -lich* (14 %); прилагательные на *-ähnlich* (9 %); компаративные единицы, организованные широкозначными лексемами с семантикой сходства (2 %). Группы с *wie* и с *als* (4 %) используются для сравнения запахов грибов разных видов.

Разнообразны в структурном отношении компаративные единицы, привлекаемые в определителе для конкретизации вкусового ощущения (3 %): прилагательные на *-artig* (24 %); прилагательные на *-ähnlich* (24 %); дериваты на *-ig, -lich* (23 %); компаративные единицы с «узловым» существительным *Geschmack* (19 %). Группы с *wie* и с *als* (10 %) используются для сравнения вкусов грибов разных видов или в разном возрасте: *Auch im Geschmack sind sie viel besser als die alten* [29, S. 8].

Подводя итог обращения адресанта в определителе *Pilze sicher bestimmt* к компаративным единицам с целью конкретизации ощущений, связанных с восприятием грибов органами чувств человека, следует отметить интенсивное использование лексики, закреплённой в словарном фонде. Показательным в данном случае является также соотношение темы и эталона в компаративных единицах, в состав которых входят группы с *wie* и с *als*. Тема и эталон в данных примерах являются представлениями о предметах одного класса и представлениями об одном и том же объекте в разное время. В том случае, когда речь идёт о таком признаке, как окраска, могут сравниваться вычленимые элементы объекта (шляпка, ножка). Индивидуально-авторских сравнений адресант старается избегать.

В 9 % компаративных единиц, которые были извлечены нами методом сплошной выборки из определителя *Pilze sicher bestimmt*, имеется в виду общее впечатление. Концентрируются данные компаративные единицы преимущественно в двух смысловых блоках статьи: «Общие признаки» (*Allgemeine Kennzeichen*) (22 %) и «Возможные ошибки при определении» (*Verwechslungsmöglichkeit*) (47 %).

Выбор языковых средств, обнаруживаемых в высказываниях с данными компаративными единицами, свидетельствует о том, что речь идёт о первоначальном впечатлении, о результатах «первовидения»: *Dagegen kann es vorkommen, dass Pilze zweier verschiedener Arten sich auf den ersten Blick zum Verwechseln ähnlich sehen* [29, S. 6]. *Der Pilz sieht von weitem wie eine aufgeplusterte Glucke aus* [29, S. 126].

Для передачи общего впечатления в определителе привлекаются компаративные единицы, организуемые широкозначными лексемами с семантикой сходства, в том числе и глаголом *erinnern* (51 %); компаративные единицы, организуемые словосочетанием *ähnlich sehen* (13 %); группы с *wie* (16 %); прилагательные на *-ähnlich* (11 %); дериваты на *-ig* (9 %).

В 16 % компаративных единиц на фоне конкретизации ощущения, воспринимаемого органами чувств человека, формируется прагматическая оценка: *Geruch: Solange der Pilz noch jung ist, angenehm gurkenartig* [29, S. 122]. Хотелось бы обратить внимание на возможность несовпадения прагматической оценки того или иного признака, опираясь на который сборщик определяет гриб, с общей прагматической оценкой, которая выносится автором в начало статьи: *jung essbar, essbar, essbar nach Vorbehandlung, bedingt essbar, minderwertig, nicht schmackhaft*.

К примеру, определяя вкус очень ядовитой бледной поганки, автор отмечает её приятный вкус: *Geschmack: Süßlich, nussartig, angenehm* [29, S. 28]. Положительная прагматическая оценка формируется прилагательным на *-artig*, которое является составляющей компаративной единицы, и подтверждается последующим употреблением прилагательного *angenehm*. Несовпадение прагматической оценки конкретного признака гриба с его общей прагматической оценкой, которая определяется съедобностью гриба или той опасностью, которую он представляет для здоровья человека, свидетельствует, по нашему мнению, о том, что прагматическая оценка признака гриба в определителе является лишь сопутствующим явлением. Прагматическая характеристика отдельного признака гриба в определителе используется адресантом как дополнительная характеристика, на которую предлагается ориентироваться сборщику при идентификации гриба.

В процессе анализа языкового материала выяснилось, что в названии гриба возможно отражение **экспрессивного выделения признака**, как правило, имеется в виду размер: *Riesenschirmpilz, Riesenrötling, Riesenbovist* (6 %). Вместе с тем следует обратить внимание на тот факт, что речь идёт о названии гриба, о единице, закреплённой в словарном фонде немецкого языка. Толкование значений дан-

ных компаративных единиц осуществляется носителями немецкого языка без обращения к сравнению путём прямого указания на признак-модуль: *Riesenbovist*: 'der Bovist, dessen kugelförmiger Fruchtkörper einen Durchmesser von einem halben Meter erreichen kann' [16, Bd. 4, S. 3050]. Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что сравнение остаётся лишь во «внутренней форме» языковой единицы (см. параграф 2.7), о закреплении в сознании языковой личности связи компаративной единицы с конкретным представлением о признаке и об использовании данного обстоятельства адресантом с целью наименования предмета в его качественной определённости.

Подводя итог обращению немецкой языковой личности к компаративным единицам в определителе грибов как примере текста справочного характера, следует отметить:

- 1) преобладание в тексте компаративных единиц или их элементов, закреплённых в словарном фонде, которые соотносятся со сформировавшимися представлениями о признаке-модуле;
- 2) привлечение групп с *wie* и с *als* в основном для сравнения разных типов грибов или с целью определения степени проявления признака (к примеру, интенсивности окраски) у разных частей гриба, т. е. использование групп с *wie* и *als* как средств, позволяющих отразить градуальность признака;
- 3) однозначность использования компаративных единиц для конкретизации ощущений, воспринимаемых органами чувств человека;
- 4) стремление к нейтральности и объективности при выборе эталона;
- 5) ориентацию на эталоны, заведомо известные сборщику грибов, что является обязательным условием, обеспечивающим успешную идентификацию объекта.

В проанализированных определителях выявляется совпадение мотива обращения к компаративным единицам, которым является спецификация признака определяемого гриба или растения.

Компаративные единицы в наименованиях грибов закрепляют признаки, определяемые с помощью органов чувств человека: цвет (*Schneepilz*), форма (*Flaschenbovist*), характеристика поверхности (*Samtfußkrempling*, *Samtfußrübling*), реакция на давление и сжатие (*Steinpilz*), запах (*Heringstäubling*, *Knoblauchspilz*), вкус (*Gallenröhrling*). В названии трав с помощью сравнения закрепляются такие призна-

ки, как общее впечатление, создающееся в результате наблюдения части растения (*Kleinblütiges Knopfkraut*) или складывающееся у наблюдателя при созерцании пространства, на котором произрастает большое количество растений одного вида (*Wiesenschaukraut*), форма побега, плода, цветка или листа (*Ackerschachtelhalm*, *Garten Ringelblume*, *Spitziges Pfeilkraut*), окраска (*Sumpfdotterblume*), консистенция плода (*Gemeine Mehlbeere*), специфический запах (*Gurkenkraut*, *Zitronenmelisse*).

Спецификация признака как мотив обращения к сравнению в определителе подтверждается статистическими данными (в 98 % обращений к компаративным единицам в определителе *Pilze sicher bestimmt* сравнение использовалось для конкретизации ощущения, и лишь в 16 % случаев на фоне конкретизации признака давалась оценка) и концентрацией компаративных единиц в определённых разделах статьи. Статья в определителе состоит из повторяющихся смысловых блоков: общие признаки, признаки частей гриба (растения), пищевая ценность, место произрастания, ошибки при определении. Единичные случаи обращения к компаративным единицам зафиксированы в смысловых блоках о пищевой ценности и месте произрастания. В остальных разделах, направленных на детальное описание объекта и его признаков, наблюдается активное использование компаративных единиц.

Установленные особенности функционирования компаративных единиц в текстах справочного характера свидетельствуют об использовании сравнения в процедуре снятия энтропии, для передачи содержательно-фактуальной информации, которая, по И.Р. Гальперину, наряду с содержательно-концептуальной (надтекстовой) и содержательно-подтекстовой информацией представляет обязательный признак текста — грамматическую категорию информативности [Гальперин, с. 27–29]. Наполнение компаративной единицы определяется установкой справочного дискурса. Компаративные единицы активно содействуют познанию мира: формированию смысла и эффекту сообщения, что соотносится с прагматической установкой определителя грибов и трав — описание признаков объекта с целью его успешной идентификации.

4.2. Функционирование сравнения в немецкой рекламе

4.2.1. Использование компаративных единиц в рекламных текстах для туристов

4.2.1.1. Характеристики компаративных единиц в рекламных текстах для туристов²

Сравнивая характеристики компаративных единиц в текстах справочного и рекламного характера, мы констатируем их очевидное отличие.

В текстах справочного характера констатируется преобладание компаративных единиц или их элементов, закреплённых в словарном фонде; привлечение компаративных единиц, в состав которых входит сравнительная степень прилагательного, как средства, позволяющего отразить градуальность признака; однозначность использования компаративных единиц для конкретизации ощущений, воспринимаемых органами чувств человека.

В рекламных текстах для туристов наблюдается предпочтение объективно обеспеченного суперлатива, оценочных компаративных единиц и компаративных единиц, передающих экспрессивное выделение признака, предпочтение индивидуально авторских сравнений. Перечисленные характеристики компаративных единиц в текстах рекламного характера были выяснены в ходе анализа статей, предназначенных для туристов, которые были размещены в бортовом журнале Lufthansa. Наблюдения были дополнены сравнительным анализом использования компаративных единиц в текстах бортового журнала «Аэрофлот». Сравнительный анализ позволил прийти к выводу, что в текстах бортовых журналов Lufthansa и «Аэрофлот» используются компаративные единицы с совпадающими характеристиками.

В текстах рекламного характера в первую очередь бросается в глаза частое обращение к **суперлативу**. По нашим наблюдениям, эта степень сравнения прилагательного в рекламных текстах для

---

² Денисова Г. Л. Обусловленность характеристик компаративных единиц прагматическими задачами текста (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 3. С. 14–22.

туристов часто используется в значении ‘auf das Höchstmaß erhöhter Stärkegrad der Eigenschaft’ [Москальская, 1983, с. 204] для указания на выдающиеся качества рекламируемого объекта: *Das mit 600 Pistenkilometern größte Skigebiet der Alpen ist in Europa beim Tiefschneefahren eine Klasse für sich* [78, S. 24]. Суперлатив в данном значении имеет объективно обеспеченное основание сравнения, речь идёт о единственных в своём роде обстоятельствах. Объективность употребления суперлатива в данном значении может быть подтверждена числовыми данными, как в следующем примере, в котором употреблению суперлатива предшествует указание на точную цифру: *Doch gilt die Elf-Millionen-Metropole am Rio de la Plata weiter als die urbanste Stadt im iberischen Amerika* [52, S. 19]. Обращение к суперлативу с объективно обеспеченным основанием сравнения можно объяснить стремлением адресанта подчеркнуть, что рекламируемый объект является единственным в своём роде, и указать на его высокую ценностную характеристику.

В статьях для туристов довольно часто встречается аффективное сравнение, которое обусловлено эмоциональной оценкой субъекта сравнения (см. характеристику аффективного сравнения в пункте 3.3.2): *Auf dich wartet die zarteste Versuchung, seit es Skilaufen gibt* [78, S. 21]. *Doch egal, was ich mir vorgenommen habe, irgendwie lande ich gleich in den ersten Stunden im wohl schönsten Delikatessenladen der Stadt. Ach, was sage ich? Dem schönsten der Welt! Dean & Deluca (Ecke Prince Street)* [85, S. 56]. Приведённые примеры иллюстрируют отличие аффективного сравнения от суперлатива с объективно обеспеченным основанием сравнения. Рассматривая образцы аффективного сравнения, мы не можем не согласиться с мнением Е.В. Якимовича, который определяет подобные образцы как «отсыл к сверхнорме» [Якимович, с.103], осуществляемый для подчёркивания, выделения положительных характеристик объекта.

По сравнению с суперлативом **компаратив** используется в рекламных текстах для туристов намного реже. Казалось бы, что ситуация обращения к компаративу предполагает, что лишь один из объектов имеет положительную оценку, а другой должен оцениваться отрицательно, что, по всей вероятности, должно способствовать разрушению положительной картины изображаемого в тексте. Но авторы ре-

кламных текстов для туристов искусно избегают данного эффекта, предлагая адресату искать разницу в степени проявления признака в рамках качеств с положительной оценкой, как в следующем извлечении из статьи Buenos Aires, в котором границы поиска степени проявления признака задаются прилагательным *idyllisch*: *Im Sonnenlicht des hellen Tages erweckt die Südstadt – und besonders La Boca – einen weniger idyllischen Eindruck als in den Tango-Nächten* [52, S. 23]. В поиске признака-модуля адресат остаётся в рамках значения прилагательного *idyllisch*, значения, имеющего положительный знак оценки для путешественника, который ищет чего-то необычного.

Автор текста Und Aktion! предлагает искать разницу в степени проявления признака, на который указывает лексема *sportlich* и который имеет в глазах активного отдыхающего, безусловно, положительную оценку: *Auch Bootstouren kann man buchen, sportlicher aber ist die Expedition mit dem Kajak* [74, S. 54].

Таким образом, характеристики компаратива в рекламных текстах для туристов достаточно определённо подчиняются главной стратегии внушения рекламного текста, на которую обращает внимание Е.Ю. Ильинова, — навязывание позитивной оценки [Ильинова, с. 48].

Авторы текстов для туристов используют и другие потенции компаративных единиц для выражения положительной эстетической, психологической и прагматической оценки рекламируемого объекта. Положительный эффект достигается адресантом путём подбора эталона, который программирует положительную реакцию со стороны адресата, как это делает автор статьи Hang zum Glück, который, описывая спуск лыжника с крутого склона, сравнивает движения лыжника с танцем в ритме вальса: *Du überlistest die Schwerkraft, ziehst schöne Linien und tanzt wie die Welt um dich herum. Kein Schuhplattler in der Scheune, nein, denk dir einfach diese klobigen Stiefel weg, dreh dich wie in Lackschuhen beim Walzer* [78, S. 22]. С этой же целью в сообщении, содержащее сравнение, вводится указание на положительную оценку объекта со стороны других: *Wenn Nachahmung tatsächlich die schönste Form der Bewunderung ist, dann erhält Pina Bausch regelmäßig mehr Komplimente als sie zählen kann* [47, S. 37].

В статьях, предназначенных для туристов, активно используются авторские сравнения. Следует отметить, что, имея субъективное основание сравнения, авторские сравнения представляют собой эффективный инструмент управления вниманием адресата, воздействия на его эмоциональную составляющую: *Manche Motive wirken so verspielt und farbenfroh, als habe sich der verantwortliche Gestalter in Finnlands endlosen Wäldern verirrt – und dort die falschen Pilze genossen* [31, S. 29]. *Überall in der Nähe locken Pisten, die so platt sind wie die Witze eines Skilehrers* [78, S. 22].

Интересно, что в качестве эталона в текстах для туристов могут привлекаться культурно специфичные элементы. Реализуется две возможности: культурно специфичный элемент представляет культурный ареал адресата или относится в культурную область, описываемую в статье. Первый вариант мы обнаружили в статьях русских авторов в журнале «Аэрофлот». Русские авторы охотно привлекают в качестве эталонов реалии из жизни и истории своих соотечественников: *(Тайский) цирк сменяется театром, сочетающим эстетику уголка Дурова и режиссуру социалистического кино* [24, с. 214]. *По субботнему случаю выраженные в шикарные меховые шапки, словно русские бояре, по улицам шествовали на праздничный пятничный ужин при свечах ортодоксы* [25, с. 229]. Возможно использование фразеологизмов, как в статье Е. Афонченковой «Счастье родиться баварцем»: *Они носят с зайцем Альбрехта Дюрера, прожившего в Нюрнберге большую часть жизни, как с писаной торбой* [22, с. 30]. С нашей точки зрения, обращение к эталонам, которые представляют отечественную культуру, и к русским фразеологизмам в статьях о культуре другого народа используется адресантом для установления тесного контакта, сближения с адресатом, достижения его расположения и как элемент привнесения непринуждённости в повествование.

Сравнение «*им до этого, как до луны*» в следующем примере выполняет такую же функцию: *Пусть над ними смеются – им до этого, как до луны, такой же круглой и жёлтой, как знаменитый баварский сыр* [22, с. 30]. Но во втором сравнении в качестве эталона привлекается элемент, относящийся к баварской культуре. Приведённый пример иллюстрирует использование потенциалов сравнения для развития темы статьи. Данный приём – привлечение культурно специ-

фичных элементов, которые относятся в культурную область, описываемую в статье, для развития темы — используется и немецкими авторами: *Wer im Schnee versinkt, spielt mit der Schwerkraft und tanzt sich durch die weiße Pracht der Berge, wie hier bei Andermatt* [78, S. 22]. *Reiche Familien errichteten prächtige Klanhäuser wie den Khoo Kongsi, der in der Armenian Street steht* [74, S. 54].

Рассматривая роль сравнения в бортовом журнале «Люфтганзы», мы отмечаем, что оно используется как средство композиционной организации текста на немецком языке.

Сравнение в высказываниях, начинающих сверхфразовое единство (далее СФЕ), может выполнять функцию «переключателя», который маркирует данную единицу текста. К примеру, в рамках статьи Buenos Aires [52] начало СФЕ, которое представляет собой описание одной из аллей города [52, S. 21], маркирует компаративное высказывание: *Mit der Allee des 9. Juli wollte Buenos Aires New York ähnlicher werden*. Другое СФЕ — рассуждение о благосостоянии аргентинцев [52, S. 24] — также вводится в текст компаративным высказыванием: *In Paris sagte man von Menschen, die sehr reich waren und diesen Reichtum auch zu genießen wussten, sie lebten wie „de riches argentins“*.

На стыке двух СФЕ [52, S. 23] компаративное высказывание *Im Sonnenlicht des hellen Tages erweckt die Südstadt – und besonders La Boca – einen weniger idyllischen Eindruck als in den Tango-Nächten* маркирует начало следующего СФЕ, указывая на его связь с предшествующим СФЕ.

Компаративное высказывание может отмечать и завершение СФЕ. В рамках рассматриваемой статьи иллюстрацией подобной возможности является СФЕ [52, S. 24], заключительным элементом которого является компаративное высказывание: *Wer es so will, kann sich am Río de la Plata also durchaus wie in München oder Neapel, in Paris oder Madrid fühlen*.

Компаративная единица может выступать в роли тематического ядра СФЕ, эксплицируя тему, раскрытию которой подчинено объединение высказываний в данную единицу текста. В статье Buenos Aires таковым является упомянутое выше устойчивое словосочетание *belesen wie ein Argentinier* [52, S. 21].

Вышесказанное свидетельствует о привлечении компаративных единиц для композиционной организации рекламного текста на немецком языке: для маркирования начала, конца СФЕ, выделения его тематического ядра и осуществления связи между СФЕ.

Таким образом, наблюдение за функционированием компаративных единиц в рекламных текстах для туристов позволяет проследить наложение на содержательно-фактуальную информацию, передаваемую с их помощью, дополнительных смыслов.

Следует отметить, что в рекламных текстах для туристов адресант предпочитает употреблять компаративные единицы, несущие положительную оценку, способствующие формированию положительного отношения к объекту рекламы:

- объективно обеспеченный суперлатив применяется для указания на выдающиеся характеристики рекламируемого объекта, которые выделяют его из ряда подобных;
- аффективное сравнение используется для эмоционального выделения положительных признаков рекламируемого объекта;
- при обращении к компаративу область поиска признака-модуля задаётся указанием на признаки, заведомо несущие положительный знак оценки;
- выбираются эталоны, которые вызывают у адресата положительные ассоциации;
- авторские сравнения активно используются в рекламных статьях не только как средство формирования положительных ассоциаций у адресата, но и как средство управления его вниманием, воздействия на его эмоциональную составляющую.

Сравнения, содержащие культурно специфические элементы, позволяют установить контакт и сблизиться с адресатом, привнести в повествование элемент непринуждённости.

Компаративные единицы с указанными характеристиками служат решению прагматической установки текста рекламного характера для туристов – на фоне доверительного отношения адресата к адресанту обратить внимание адресата на рекламируемый объект → подчеркнуть его привлекательность для туризма → пробудить в адресате желание посетить данный объект.

4.2.1.2. Связь сравнения в рекламных текстах для туристов с категорией персональности

Наблюдение функционирования сравнения в немецких рекламных текстах для туристов, которые различаются по объёму (листовка, буклет, статья в журнале), но объединяются одной прагматической установкой — вызвать интерес к приобретению туристических услуг, обнаруживает связь сравнения, о субъектности которого шла речь в параграфах 1.2 и 1.3, с категорией персональности. Сетку категории персональности образуют языковые феномены с признаком «наличие лица», которые были описаны М. Шернером [Schnerer]. Кроме уже отмеченного различия по объёму немецкие рекламные тексты, предназначенные для туристов, различаются по стилю изложения. Рекламные тексты для туристов располагаются в диапазоне «объективно-нейтральная форма изложения ↔ индивидуально-личная, эмоционально окрашенная форма изложения».

Объективно-нейтральное изложение краткой информации в рамках предлагаемых туров и услуг, примером которого является вторая часть моноперсональной сетки текста *Ausflüge im Bodensee-raum*, представляет собой перечисление услуг, достопримечательностей и мест, которые предлагается посетить. Изложение материала идёт от третьего лица. По замечанию Л.А. Ноздриной, субъективность в *Er*-форме наименее выражена [Богатырева, с. 307], информация определяется как объективная [17, S. 39; Богатырева, с. 305]. Компаративные единицы в данной части текста представлены объективно обеспеченным суперлативом, который указывает на максимальную степень проявления признака: *der höchste Burg Vorarlbergs, der größte Wasserfall Europas*. В описаниях 16 туров в окрестностях Боденского озера было обнаружено 8 компаративных единиц, которые содержали суперлатив, что составляет 50% всех компаративных единиц, обнаруженных в буклете. Обращение к суперлативу соотносится с прагматической установкой текста — формирование у адресата желания посетить объект рекламы, что предполагает положительную оценку последнего. Указанное воздействие достигается путём указания на исключительность рекламируемого объекта.

В первой части анализируемого текста мы наблюдаем обращение адресанта к иному стилю изложения, который формируется, прежде всего, персональной сеткой текста:

Liebe Freunde,

ich bin in einer verschwenderisch schönen Gegend, wo sich See und Berge begegnen. Die Bregenzer Bodenseebucht ist wie ein Meer; und der Pfänder ragt darüber. Hier beginnen die Ostalpen, und die Westalpen mit dem Säntis (2504 m) hat *ich* auch vor der Nase. *Ich* mache weite Spaziergänge, Radtouren. Und Bergtouren! Gestern in der Rappenlochschlucht, was für ein Naturdenkmal!

Morgen werfe *ich* einen Blick auf den Piz Buin, den höchsten Berg Vorarlbergs (3313 m), *ich* mache nämlich die Silvretta-Montafon-Hochalpenfahrt. Hier im österreichischen Bodensee-Rheintal hat *man* „halb“ Europa um sich, Deutschland, Schweiz, Liechtenstein nicht zu vergessen. Eine Bodenseerundfahrt steht natürlich auch auf dem Programm. Im Bodenseegebiet übertreffen sich Natur und Kunst.

Der Rheinfall bei Schaffhausen ist der größte Wasserfall Europas.

Hier schwelgt *man* mit Recht in Superlativen.

Dieses Vierländereck sucht seinesgleichen!

В персональную сетку в приведённом обращении введены обращение ко второму лицу, местоимение *ich* и местоимение *man*, которое, судя по контексту употребления, приближается по своему значению к местоимению *ich*. В центре внимания авторское «Я», о чём свидетельствуют и другие признаки данной части текста: личные формы глаголов, восклицательные предложения.

При обращении адресанта к эмоциональной индивидуально-личной форме изложения материала изменяются характеристики компаративных единиц. Кроме двух компаративных единиц с объективно обеспеченным суперлативом мы находим в обращении компаративные единицы с дериватом на *-isch* и группу с *wie*. В первом случае на основании эстетической оценки, на положительный знак которой указывает прилагательное *schön*, с помощью деривата *verschwenderisch* осуществляется экспрессивное выделение признака. Во втором случае группа с *wie* передаёт общее впечатление об одной из бухт Боденского озера. Выбор эталона свидетельствует о доминировании в общем впечатлении признака безбрежности, необозримости водной поверхности. Кроме того, выбор эталона для определения размеров бухты (её размеры сравниваются с размерами моря) способствует экспрессивному выделению признака. Выбор

эталона способствует в данном случае повышению эмоционально-эстетической ценности рекламируемого объекта. Возможность передачи с помощью компаративной единицы личностно окрашенного, эмоционально приподнятого, восхищённого тона обращения адресанта позволяет, по нашему мнению, считать компаративные единицы, в семантическую структуру которых входит смысловой элемент «экспрессивное выделение признака», и индивидуально-авторские сравнения конституентами персональной сетки рассматриваемого текста.

В текстах буклетов Regensburg: Stadt mit vier Umgebungen; Schwarzenberg – Bödele: Im Einklang mit der Natur; Dorfpost: Schwarzenberg; Wälderbähngle; Stanserhorn; Pilatus было зафиксировано по две компаративные единицы. В буклете Titlis-Rotair и брошюре Triesenberg мы нашли только по одной компаративной единице, компаративные единицы в буклете Seelisberg обнаружены не были. В буклете Vierwaldstättersee: Die Flotte mit Stil присутствовало пять компаративных единиц, в буклете Insel Mainau – шесть компаративных единиц, в брошюре Fürstentum Liechtenstein – девять компаративных единиц. Среди компаративных единиц, которые используются в буклетах и брошюрах для туристов, достаточно частотны компаративные единицы с объективно обеспеченным суперлативом (80 %): *die größte Bergkristallgruppe der Welt, die steilste Zahnradbahn der Welt, die längste Sommerrodelbahn der Welt*. Значительно реже в рассматриваемых текстах появляются средства сравнения, которые эксплицируют положительную прагматическую (*freundliche Dörfer, unsere Natur hautnah*) и положительную эстетическую оценку (*der schönste Aussichtspunkt der Zentralschweiz, auf kaum einem Berg blüht's so reich und wechselvoll wie auf dem Stanserhorn*).

Факт обнаружения в брошюре Fürstentum Liechtenstein большего количества компаративных единиц мы объясняем соотношением между прагматической установкой текста, характером передаваемой информации и особенностями персональной сетки текста. В предшествующих рекламных текстах содержится прагматическая информация, которая включает описание конкретных туров, сообщение о возможностях размещения туристов и проката необходимого оснащения. Брошюра Fürstentum Liechtenstein содержит лишь

общую информацию. Если в предыдущих буклетах привлекательность обеспечивается перечислением объективных фактов, то в последней брошюре прагматическая установка текста – пробуждение интереса к поездке в княжество – решается иными средствами. В этом отношении представляет интерес состав персональной структуры текста, которая включает в себя средства, облакающие текст в форму неофициального, доверительного, непринуждённого обращения. Позиция адресанта обозначается местоимением *wir* и словосочетанием *bei uns*. Позиция адресата намечается рядом *man... man... sich selbst... man... wem... füreinander... man... man... man... einem... sich selbst... jeden* и многократным повторением относительного местоимения *wer*. Завершающее текст обращение *Herzlich willkommen* мы считаем доминантой этой цепочки языковых средств, определяющей и модифицирующей их значения. Мы считаем, что указанные языковые средства, с одной стороны, обеспечивают обращённость текста непосредственно к читателю, с другой стороны, в своей совокупности они формируют смысл возможного участия адресата в предлагаемых формах отдыха.

Привлекательность рекламируемых в брошюре форм отдыха обеспечивается в большой степени эмоциональностью изложения материала и не в последнюю очередь использованными в брошюре средствами сравнения. Положительная прагматическая оценка формируется, эмоционально выделяется адресантом за счёт обращения к образам из области религии, истории, художественной литературы:

Ruhe, ganztägig göttliche Ruhe. Wer im Urlaub nur solches will – Atempause einlegen und Mensch sein –, der wird sich bei uns eben nicht wie zu Hause fühlen, sondern ein bisschen fürstlich umsorgt. Im Schatten faulenzten wie Pippis Vater und in der Sonne mit der kleinsten Tochter barfuß durchs kitzelnde Gras stelzen. – Das macht wieder jung.

Эмоциональное подчёркивание положительной эстетической оценки в буклете Fürstentum Liechtenstein также обусловливается выбором эталона: *Liechtenstein besitzt eine paradiesisch schöne Bergwelt. Hier krecht, fleucht, treibt und blüht es in einer Fülle, die Naturfreunde gleichermaßen entzückt wie die Herren Professoren der Biologie.*

Обращает на себя внимание выбор адресантом нестандартных эталонов при конкретизации признаков, воспринимаемых орга-

нами чувств человека: *In Malbun finden Anfänger genauso wie Könner all jene Pisten, die ihren individuellen Neigungen entsprechen. Bestens präpariert natürlich – von topfeben bis steil und bucklig für die Extremwedler.*

Таким образом, представляя себе положение проанализированных текстов листовок и буклетов на шкале диапазона «объективно-нейтральная форма изложения ↔ индивидуально-личная, эмоционально окрашенная форма изложения», можно констатировать тяготение листовок и буклетов, содержащих информацию для туристов, к объективно-нейтральной форме изложения. Вместе с тем текст может быть оформлен как прямое обращение к потребителю услуг, что предполагает тяготение к индивидуально-личной, эмоционально окрашенной форме изложения, которая обеспечивается средствами сравнения. Последнее мы считаем особым рекламным приёмом, который позволяет привнести в текст дополнительные смыслы, повысить его эмоционально-эстетическую ценность, воздействовать на эмоциональную составляющую потребителя услуг.

Ещё большее тяготение к индивидуально-личной, эмоционально окрашенной форме изложения наблюдается в материалах, опубликованных в бортовом журнале «Люфтганзы» Lufthansa Bordbuch, которые также предназначены для туристов.

В первую очередь обращает на себя внимание статья Вальтера Гаубрига Buenos Aires [52], в которой изложение идёт преимущественно от третьего лица. Доминирование *Er*-формы претендует на объективность информации. Поэтому прагматическая задача текста – привлечение внимания адресата к объекту рекламы – решается, как и в рассмотренных ранее текстах буклетов для туристов, прежде всего обращением адресанта к объективно обеспеченному суперлативу. Из шестнадцати – шесть компаративных единиц (38 %) представляют собой объективно обеспеченный суперлатив: *die urbanste Stadt im iberischen Amerika, das wichtigste Kulturzentrum des hispanischen Amerika.*

Вместе с тем при изложении материала автор не ограничивается обращением только к *Er*-форме. Мы отмечаем вкрапление в персональную сетку статьи форм личного местоимения *ich* [52, S. 21]. Прослеживается многократное обращение к местоимению *man*, контекст употребления которого позволяет говорить о тя-

готении актуализируемого им значения к значению *ich*, приглашающего к совместному действию: реализация указанного значения предусматривает возможность совершения действия вторым лицом. Вовлечение в персональную сетку статьи второго лица поддерживается употреблением конструкции «*sich lassen + Infinitiv*» и относительного местоимения *wer*.

Индивидуально-авторская позиция, с которой идёт изложение материала, образует основание для насыщения текста оценочными компаративными единицами. Положительная прагматическая оценка города и его жителей подкрепляется обращением к устойчивому словосочетанию, которое включает группу с *wie*: *belesen wie ein Argentinier*. С этой же целью автор приводит цитату из стихотворения Дж. Л. Боргеса *Die mythologische Gründung von Buenos Aires*: в состав цитаты входит сравнение *die Stadt so ewig wie das Wasser und die Luft*. Положительная прагматическая оценка города подкрепляется его сравнением с Нью-Йорком: *Mit der Allee des 9. Juli wollte Buenos Aires New York ähnlich werden*. Выразить некоторое разочарование при созерцании города при свете дня автору также помогает сравнение: *Im Sonnenlicht des hellen Tages erweckt die Südstadt – und besonders La Boca – einen weniger idyllischen Eindruck als in den Tango-Nächten*. Автор завершает статью положительной прагматической оценкой многоязычной атмосферы города, которая позволяет выходцам из разных стран чувствовать себя в Буэнос-Айресе как дома: *Wer es so will, kann sich am Rio de la Plata also durchaus wie in München oder Neapel, in Paris oder Madrid fühlen*.

Нельзя обойти вниманием факт, что объективно обеспеченному суперлативу (в текстах буклетов для туристов на его долю приходится 80 % употреблений компаративных единиц) в журнальных статьях предпочитают другие средства сравнения. Большой процент компаративных единиц (62 %) актуализирует прагматическую и эстетическую оценку. В указанных условиях неоспоримую значимость приобретает фигура автора статьи, фигура субъекта сравнения.

В этом отношении материал для размышлений и выводов в большей степени, чем статья о Буэнос-Айресе, дают публикации, в которых находят освещение вопросы культуры. К примеру, в статье, посвящённой оценке вкусовых качеств спаржи [39], авторское

«Я» находит эксплицитное выражение в употреблении личного местоимения *ich* [39, S. 63]. Выбор эталонов для компаративных высказываний не позволяет сомневаться в том, что речь идёт о выражении индивидуально-авторской позиции: автор находит для объекта своего описания достаточно необычные сравнения. Он обнаруживает у спаржи нечто общее с капризной итальянской примадонной, с кокоткой, со звездой: *Er gilt als so kapriziös wie die Callas, wird umraunt wie eine Halbwelt-Schöne. Und wie es einem Star zusteht, macht Spargel sich rar: Der Feinschmecker wird ihn stets nur frisch essen mögen, also während der Erntezeit, und die ist streng begrenzt.* Указанный ряд эталонов позволяет адресанту достаточно определённо выразить своё мнение об описываемом продукте. Это эмоционально выделенная положительная прагматическая оценка продукта.

Изложение материала статьи *Das Tanztheater der Pina Bausch* [47] идёт исключительно от третьего лица. Вместе с тем можно констатировать проявление авторской позиции в компаративных единицах, передающих: 1) **эмоционально-психологическую оценку** хореографа Пины Бауш: *Und obwohl sie an stehende Ovationen gewöhnt sein sollte, erinnert sie, wenn sie sich am Ende einer Vorstellung verbeugt, an nichts so sehr wie an ein aufgeschrecktes, schutzsuchendes Rehkitz. Nur die absolute Hingabe ist gut genug für die elementaren Dramen der Pina Bausch. Für die Choreographin ist dieses Verhalten jedoch nicht bemerkenswerter als eine Straße zu überkreuzen;* 2) нетрадиционность её подхода к составу труппы, которая свидетельствует о нестандартности мышления хореографа (**положительная прагматическая оценка**): *Tatsächlich wirken die 27 ständigen Mitglieder ihres Ensembles (immerhin sind 15 Nationalitäten vertreten) weniger wie eine Tanzkompanie als wie eine zufällige Auswahl von Fahrgästen einer Straßenbahn;* 3) **положительную эстетическую оценку** образа Пины Бауш со стороны окружающих: *Als Mitglied des Folkwangballetts faszinierte sie das Publikum mit ihrer ätherischen Präsenz. Wenn Nachahmung tatsächlich die schönste Form der Bewunderung ist, dann erhält Pina Bausch regelmäßig mehr Komplimente als sie zählen kann.* Опираясь на словообразовательные модели немецкого языка, автор статьи конструирует элементы компаративных единиц, привлекаемые своей необычностью: *die collageartige Choreographie, Tanzpuppen-Image, Goldgräberstimmung.*

Частотность обращения к компаративным единицам в авторских статьях бортового журнала выше, чем в листовке или буклете для туристов (на 26 страницах текста было зафиксировано 80 компаративных единиц), что мы связываем с направленностью статей в бортовом журнале «Люфтганзы»: сравнение эксплицирует не только эмотивную, но и эмоциональную составляющую в восприятии окружающего мира. Для воздействия на адресата — на его волю, на его эмоции — основная идея рекламных текстов (исключительная привлекательность объекта рекламы) облекается адресантом в форму впечатлений, эмоционально действенных, выразительных, содержащих личную, авторскую оценку событий.

Выбор эталонов и преимущественно оценочный характер индивидуально-авторских сравнений в публикациях бортового журнала «Люфтганзы» свидетельствуют о том, что авторы статей делятся с читателями своим личным опытом, своими впечатлениями.

Таким образом, частотность употребления объективно обеспеченного суперлатива, оценочных компаративных единиц и компаративных единиц, передающих «экспрессивное выделение признака», а также предпочтение индивидуально авторских сравнений свидетельствуют о связи сравнения в немецких рекламных текстах с категорией персональности.

4.2.2. Особенности использования сравнения в немецкой торгово-розничной рекламе

4.2.2.1. Характеристики сравнения в немецкой торгово-розничной рекламе³

Принимая во внимание жанровое многообразие рекламы, обусловленное каналом распространения, содержанием, прагматикой рекламного текста, возможностью использования изобразительных элементов, мы решили проанализировать характеристики и особенности использования сравнения в немецкой торгово-розничной рекламе. Для обозначения области исследования мы используем термин «торгово-розничная реклама» авторов книги «Реклама:

---

³ Денисова Г. Л. Характеристики сравнения в немецкой статической торгово-розничной рекламе // Вестник Волжского университета им. В.Н. Тагичева. 2012. № 4. С. 5–14.

принципы и практика» [Wells]. Мы предпочли данный термин, потому что он чётко определяет объект рекламы – товары массового производства и услуги – и направленность на массового потребителя. Вместе с тем мы принимаем позицию Н. Яних, которая обращает внимание на зависимость характеристик рекламы и её формы от используемого носителя рекламы, от способа подачи информации [Janich, S. 19–31], и ограничиваемся рассмотрением статических образцов немецкой торгово-розничной рекламы.

Особенностью статической торгово-розничной рекламы продукта или услуги является то, что она, как правило, представляет собой креолизованные тексты, «в структурировании которых задействованы коды разных семиотических систем» [Анисимова, с. 8]. Креолизованные тексты состоят «из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов, с. 180].

Принимая во внимание указанную особенность статической торгово-розничной рекламы и сложную структуру компаративной единицы, в которой выявляются обозначения темы, эталона и указание на область поиска признака-модуля, на первом этапе мы определяем место, занимаемое составляющими сравнения, и особенности оформления компаративных единиц в данном типе рекламы.

Хотелось бы уточнить, что решение поставленной задачи позволяет ограничиться разграничением вербальной и изобразительной частей рекламы. Понятие «невербальная часть рекламы» шире, охватывает также такие средства воздействия на адресата, как метаграфему, в частности, супраграфему (выбор шрифтовых гарнитур, средство шрифтового выделения) и топографему (способы размещения печатного текста на плоскости) [Дзялошинский, Пильгун]. Анализ положения составляющих компаративной единицы относительно вербальной и изобразительной частей в немецкой статической торгово-розничной рекламе продукта или услуги позволил выявить следующие случаи: 1) все составляющие компаративной единицы находятся в вербальной части рекламы; 2) элементы, передающие сравнительный смысл, располагаются в изобразительной части; 3) элементы, передающие в своей совокупности сравнитель-

ный смысл, распределены по обеим частям рекламы – вербальной и изобразительной.

1. Составляющие компаративной единицы – в вербальной части рекламы

Наблюдение языкового материала позволяет говорить о том, что случай расположения всех составляющих компаративной единицы в вербальной части рекламы реализуется следующими вариантами: 1) границы компаративной единицы совпадают с границами слова или словосочетания; 2) границы компаративной единицы совпадают с границами компаративного высказывания.

Совпадение границ компаративной единицы с границами слова наблюдается, когда компаративная единица используется для наименования продукта рекламы. Данные названия являются компаративными сложными существительными, их первая НС указывает на эталон, а вторая НС называет тему: *Bärchenwurst* (название колбасы в форме мишки – продукта из серии товаров для детей), *Fußballbrot* (название хлеба, округлые формы которого и видимое разделение поверхности на шестигранники вызывают ассоциацию на футбольный мяч). По наблюдениям Л.В. Каратаевой [Каратаева] и Т.С. Талалай [Талалай, с. 147, 153], словосложение является наиболее продуктивным способом словообразования в немецкой рекламе. Оно используется как средство языковой компрессии и раскрывает большие возможности для именованной новой продукции, предлагаемой потребителю, позволяет адресанту акцентировать внимание потребителя на новых качествах усовершенствованного продукта. Следует отметить, что вышеперечисленные сложные слова представляют собой примеры обращения адресанта к окказиональному словообразованию [Бабенко]. Создание окказионализма считается наиболее креативным и эффективным решением коммуникативной задачи в сфере рекламной деятельности, решением, которое обладает большой силой воздействия благодаря своей новизне и эмоциональности.

В немецкой торгово-розничной рекламе используются также компаративные единицы, границы которых совпадают с границами словосочетания. Наблюдение образцов немецкой торгово-розничной рекламы показывает, что компаративная единица в тек-

сте рекламы может быть представлена словосочетанием существительного с согласованным и несогласованным определением.

В рекламе сыра *de Fol Epi* обнаруживаем компаративную единицу, которая выражена словосочетанием существительного с прилагательным в функции согласованного определения: *Probieren Sie Hauchfein Classic. Zartschmelzender und nussig-milder Genuss*. Существительное *Genuss* в рассматриваемом примере определяет область поиска признака-модуля сыра *Hauchfein Classic* (тема сравнения). Вторая НС сложного прилагательного *nussig-mild* уточняет область поиска признака-модуля, а первая его часть, которая указывает на эталон, позволяет адресату определить искомый признак-модуль: ‘Сыр *Hauchfein Classic* обладает нежным вкусом лесного ореха’.

В призыве к приобретению детской зубной пасты *Nimm / Putzi / die Kinderzahnpaste mit Fruchtgeschmack* используется компаративная единица в форме словосочетания существительного *die Kinderzahnpaste* с несогласованным определением *mit Fruchtgeschmack*. Господствующим словом данного словосочетания является существительное *Kinderzahnpaste*, которое называет тему сравнения. В составе несогласованного определения к обозначению темы (существительное с предлогом *mit*) обнаруживаем указание на область поиска признака-модуля, которое выражено второй НС сложного существительного *Fruchtgeschmack*, и указание на эталон, которое даётся первой НС рассматриваемого сложного слова.

Однако как показывает анализ языкового материала, наиболее частотными в немецкой статической торгово-розничной рекламе являются компаративные единицы, границы которых совпадают с границами высказывания, как в следующем призыве к приобретению мебели сети *IKEA*: *Sei wie du bist, LEBE WIE DU WILLST!* Компаративное высказывание используется и в следующем предложении салона, который занимается продажей телевизоров: *Machen Sie es wie die Holländer; erleben Sie das Finale vor dem Fernseher*.

В рекламных образцах, как отмечают Г. Кук [Cook] и Н. Яних [Janich], предложение нередко расчленяется на части, вербальная часть может состоять из единиц назывного типа. Обозначенные тенденции к дроблению [Вережкина, с. 9; Анохина, 2000, с. 60], членению вербальной части рекламы и опущению частей, которые

достаточно легко восстанавливаются адресатом на основе фоновых знаний или по контексту, находят отражение в оформлении компаративных единиц в рекламе.

В компаративном высказывании опускается глагол связка, как в следующем примере рекламы водки *Puschkin*: *PUSCHKIN / DIAMANTKLAR* или в рекламе услуг парикмахера *Deine Haare – das Wichtigste auf deinem Kopf!*

Опускаются сопровождающие существительные служебные слова. К примеру, в рекламе зубной пасты *Kalodont* и крема *Nivea* перед превосходной степенью прилагательного *gut* в функции согласованного определения отсутствует определённый артикль: *KALODONT/ Beste Zahn-Crème*, *NIVEA / BESTE PFLEGE. SEHR GUT GETESTET*. В вербальной части следующего образца рекламы велосипедов марки *Opel*: *Größte Produktion der Welt!* / *OPEL* перед превосходной степенью прилагательного *groß* в функции согласованного определения опускается определённый артикль.

Данные явления, безусловно, представляют собой отклонение от языковой нормы, которое характерно не только для немецкой рекламы. Подобные отклонения от языковой нормы наблюдает Дж. Лич на материале англоязычной рекламы [Leech].

Мы считаем, что, расчлняя вербальную составляющую на части и опуская некоторые элементы при оформлении компаративной единицы, адресант принимает во внимание и реагирует на условия, при которых адресат воспринимает рекламу, размещённую где-то на щите, в витрине магазина или на развороте журнала. Адресант предполагает, что адресат не будет уделять рекламе особого внимания, лишь скользнёт взглядом. Речь идёт о фрагментарном, кратковременном восприятии информации [Пирогова, с. 211], продолжительность которого не превышает двух секунд. Время, за которое, по данным В. Крёбер-Риль, адресат успевает усвоить примерно 2 % вербальной информации [Kroeber-Riel, S. 105]. Указанные обстоятельства объясняют стремление адресата к краткости, к передаче максимума информации при минимуме слов (особенность, которая отмечается многими исследователями рекламы [Патрикеева, с. 10]), к поиску способов сокращения вербальной составляющей рекламы.

Существующий на настоящий момент закон о сравнительной рекламе включает такое количество оговорок, что создатели рекламы по-прежнему обращаются к средствам, которые позволяют описать преимущества рекламируемого товара или услуги, не называя аналогичный товар или услугу другого производителя или фирмы. Одним из таких средств является использование компаративных высказываний в тексте рекламы. Дело в том, что логика использования компаративного высказывания подразумевает ситуацию сравнения, подводит адресата к необходимости осуществления соответствующей логической операции, побуждает потребителя к поиску того, с чем сравнивают, даже в том случае, когда в компаративном высказывании опускается указание на эталон. К примеру, на ситуацию сравнения с аналогичными заведениями города указывает употребление сравнительной степени наречия *gut* в следующем примере продвижения нового пункта питания на потребительский рынок: *Bei uns essen Sie besser*. И.М. Дзялошинский и М.А. Пильгун отмечают, что «несмотря на неинформативность, такое сравнение может использоваться как сильный риторический приём, благодаря которому рекламистам удаётся создать впечатление о преимуществах товара» [Дзялошинский, Пильгун].

Анализ образцов рекламы, которые содержат компаративные единицы, показывает, что указание на эталон может опускаться и в том случае, когда сведения о нём относятся в сферу фоновых знаний потребителя. При продвижении на рынок усовершенствованной модификации рекламодатель, как правило, предполагает, что потребитель располагает информацией о характеристиках предшествующей версии товара, которая рассматривается как эталон. О том, что в качестве эталона привлекается предшествующая версия товара, можно судить на основании косвенных вербальных указаний.

Таким косвенным указанием на эталон в рекламе новой модели машины *Opel*: *OPEL KAPITÄN / jetzt noch besser* является наречие времени *jetzt*, которое позволяет адресанту провести границу между прежней версией машины и её современной модификацией. Отличие, обозначенное компаративным высказыванием, поддерживается перечислением внесённых усовершенствований в форме номинативных предложений: *Neue Fernschaltung / Verbesserte Federung / Komfortabel ausgestatteter Innenraum*.

Косвенным указанием на то, что речь идёт об улучшенной формуле стирального порошка в слогане *einfa cher / waschen / mit / neu-em / Persil*, является прилагательное *neu* в функции согласованного определения перед названием порошка *Persil*.

2. Элементы, передающие сравнительный смысл, — в изобразительной части

В ходе анализа материала были обнаружены примеры рекламы, передающие сравнительный смысл, в которых изобразительная часть довлеет над вербальной и используется как средство привлечения внимания — *Blickfangwerbung* в терминах В. Крёбер-Риль и Н. Яних [Kroeber-Riel; Janich].

Вербальная часть представлена, к примеру, только названием фирмы в логотипе, как в рассматриваемой ниже торгово-розничной рекламе акустических систем фирмы *Panasonic*. В рассматриваемом примере логотип фирмы занимает правый нижний угол рекламы. Если принимать во внимание, что чтение текста, написанного на немецком языке, осуществляется слева направо, название фирмы занимает конечную позицию сообщения и ассоциируется с подписью адресанта. Всё остальное рекламное пространство занимает изобразительная часть. Активное использование адресантом изобразительных средств передачи информации имеет основание в скорости восприятия изобразительной информации. По данным В. Крёбер-Риль, за две секунды, которые в среднем адресат уделяет знакомству с рекламой, усваивается 50 % информации, передаваемой изобразительными средствами [Kroeber-Riel, S. 105].

Мы полагаем, что в рекламе со сравнительным смыслом, в которой вербальная часть представлена только названием фирмы, необходимо выявить признаки, которые позволяют адресату идентифицировать одно из изображений как тему, а другое — как эталон, и определить опоры, позволяющие адресанту направлять внимание адресата в процессе декодирования информации, заложенной в сообщении.

В поиске признаков, определяющих распределение ролей темы и эталона между сравниваемыми объектами, мы обратили внимание на относительность размеров изображаемых предметов и их взаиморасположение.

В рекламе акустических систем фирмы *Panasonic* практически всё пространство занято изображением корпуса акустической колонки (тема). Изображение значительно превышает натуральные размеры предмета. Перед динамиком звуковой колонки размещена шарообразная артиллерийская граната XVII–XIX века с горящим фитилём, готовая вот-вот разорваться (эталон). Размер гранаты меньше диаметра динамика звуковой колонки.

Оба сравниваемых предмета находятся в центральной части щита, но создаётся впечатление, что тема сравнения визуально более приближена к наблюдателю. Эффект приближения темы к наблюдателю достигается превалированием изображения темы над изображением эталона (изображение эталона — меньшего размера) и расположением на переднем плане.

Сообщение, заложенное в приведённом примере торгово-розничной рекламы, декодируется следующим образом: ‘Акустические системы *Panasonic* могут производить такой громкий звук, как взрывающаяся бомба’.

Если речь идёт об услуге, связанной с улучшением внешнего вида человека, как в следующем примере рекламы, которая представляет услугу, связанную с коррекцией дефектов волосяного покрова, то на переднем плане рекламного пространства изображается клиент, который воспользовался услугой. На заднем плане размещается его фотография в момент обращения к поставщику услуги. В рассматриваемом образце рекламы вербальная составляющая представлена наречиями времени *vorher* и *nachher*, которые сопровождают изображения. Они поддерживают сравнительный смысл информации, указывая, что это — изображения одной и той же девушки до и после получения услуги. Внешний вид клиента после получения услуги является темой сравнения. Основанием для такого вывода являются выдвижение изображения девушки на передний план, большие размеры изображения по сравнению с размерами фотографии (эталон) и его соотнесение с моментом обращения к потребителю.

Соединение в рекламном пространстве двух временных планов актуализируется наречиями времени и отличием фона фотографии (бежевый) и фона, на котором дано изображение девушки (голубой). Голубой, который заполняет рекламное пространство, ассоци-

ируется с окружающими адресата воздушными массами и сливается с ними, образуя основание для транспонирования лексемы *nachher* в настоящее. Лексема *vorher*, которая находится с наречием *nachher* в отношениях антонимии, относится в прошлое. Сообщение, заложенное в данный образец рекламы, декодируется следующим образом: ‘После получения услуги клиент выглядит лучше, чем до этого’.

Нам бы хотелось обратить внимание на тот факт, что если в изобразительной части рекламы есть наложение или соположение объектов, особенно однородных, правильность декодирования сравнительного смысла подтверждается или не подтверждается фоновыми знаниями адресата, его знаниями о том, производством каких товаров или услуг занимается фирма, указанная в рекламе. К примеру, основное пространство в рекламе фирмы *IKEA* занимает изображение изящной туфельки на высоком каблуке, в которую помещён старый ношенный кед. В определённых условиях изобразительная часть данного рекламного образца может нести сравнительный смысл: ‘Туфли удобные как старые ношенные кеды’.

То, что данное изображение не несёт сравнительного смысла, становится явным при рассмотрении нижней части плаката. Справа внизу расположен логотип фирмы *IKEA*. Слева — тумбочка для обуви, даны её параметры. Заголовком к информации о параметрах тумбочки служит вопрос о недостатке места. Изображение тумбочки и сведения о ней позволяют вспомнить адресату, что фирма *IKEA* занимается продажей мебели, и правильно расшифровать информацию: ‘Если Вашей обуви тесно, купите комод фирмы *IKEA*’.

Таким образом, управление процессом декодирования сообщения, заложенного преимущественно в визуальные образы, в нашем представлении, осуществляется с учётом следующих факторов:

— ситуативная определённость сообщения: учитывается, что адресат должен понимать, что изображение имеет статус рекламы продукта или услуги, с этой целью изображение располагается на месте, предназначенном для подобных сообщений (в данном случае на шите), и сопровождается названием фирмы или её логотипом;

— опора на фоновые знания адресата о прагматической установке рекламы: адресат знает, что речь идёт о качественной характеристике объекта рекламы, о его преимуществах;

– распределение ролей темы и эталона между изображёнными предметами, которое достигается визуальным выдвиганием или приближением изображения темы к наблюдателю. Мы полагаем, что уверенность в верном распределении ролей подтверждается для адресата фоновыми знаниями о товарах или услугах, которые предлагаются указанной фирмой.

3. Элементы, передающие сравнительный смысл, распределены в вербальной и изобразительной частях рекламы

Элементы, которые в совокупности несут сравнительный смысл, могут быть распределены в обеих частях рекламы (вербальной и изобразительной). Анализ материала показал, что в рассматриваемом случае в вербальной части рекламы возможно расположение следующих составляющих сравнения: 1) указание на тему и область поиска признака-модуля; 2) указание на эталон и область поиска признака-модуля; 3) указание на тему и эталон; 4) указание на область поиска признака-модуля.

Рассмотрим примеры выявленных вариантов.

Первый вариант – в вербальной части даётся указание на тему и область поиска признака-модуля. Данный вариант реализуется в трёх типах рекламных образцов: 1) вербальная часть представлена усечённым компаративным высказыванием, в котором нет показателей сравнительных отношений; 2) в вербальной части есть показатель сравнительных отношений; 3) в вербальной части нет показателей сравнительных отношений и грамматической связи между обозначениями темы и области поиска признака-модуля.

Первый из выявленных типов иллюстрирует реклама напитка *Absolut Vodka*. Внешний вид рекламируемого продукта представлен в левом верхнем углу плаката. Слева внизу прописными буквами выделено *VODKA*. Название продукта является частью призыва *trink VODKA*. Середину плаката занимает высказывание *Auch deine Frau (тема) kann so aussehen (модуль)*. В приведённом высказывании находим вербальное указание на тему сравнения *deine Frau*. Высказывание включает также указание на область поиска признака-модуля, выраженное инфинитивом глагола *aussehen*, который сопровождается наречием *so*. Наречие *so* требует конкретизации [16, Bd. 5, S. 3441–3443], она даётся в изобразительной составляющей данного

рекламного образца: с правой стороны на плакате изображена привлекательная девушка (эталон сравнения). Изобразительная часть рекламы позволяет определить признак-модуль – «эротичность». Фраза *Auch deine Frau kann so aussehen* представляет собой усеченное компаративное высказывание, в котором опущено указание на эталон. Полный вариант компаративного высказывания легко восстанавливается в опоре на изобразительную часть рекламы: *Auch deine Frau kann so aussehen wie dieses sexuelle Mädchen*.

Образец усечённого компаративного высказывания, в котором опущено указание на эталон, представляет собой реклама дешёвых автомобилей, предлагаемых фирмой *SIXT*. Носителем рекламы является кукла жирафа в натуральную величину, на шее жирафа висит табличка – обращение к потребителю. На табличке написано *Haben Sie auch so einen Hals auf teure Autos? (Günstige gibt's bei Sixt)*. В правом нижнем углу таблички изображён логотип фирмы. Полный вариант компаративного высказывания восстанавливается следующим образом: *Haben Sie auch so einen Hals auf teure Autos wie eine Giraffe?*

В рекламных образцах второго типа на область поиска признака-модуля указывает прилагательное в сравнительной степени. Как правило, в рекламных образцах с выделенным прилагательным в сравнительной степени речь идёт о сопоставлении текущих и предшествующих характеристик объекта рекламы.

К примеру, наиболее выделенным элементом в рекламе новой версии автомобиля *Audi S4* является прилагательное в сравнительной степени *weniger*. Прилагательное написано шрифтом, значительно превышающим своими размерами остальные вербальные элементы рекламного образца. Немного выше за прилагательным *weniger* располагается изображение рекламируемой машины премиум-класса. Ниже под прилагательным перечисляются технические характеристики автомобиля, которые могут быть определены выделенным прилагательным: *Gewicht, Zylinder, PS, Verbrauch*. Передаваемый сравнительный смысл декодируется следующим образом: *'Gewicht, Zylinder, PS, Verbrauch von Audi S4 sind weniger als früher'*.

Иллюстрацией данного типа рекламных образцов являются плакаты и брошюры, информирующие о текущих скидках на товары, в заголовок которых вынесено прилагательное в сравнительной

степени *Billiger!* Под таким заголовком потребитель находит изображение товаров, на которые снижена цена, и актуальные цены.

Оформление элементов, необходимых для декодирования сравнительного смысла, не позволяет говорить об усечении компаративного высказывания. Скорее всего, в рекламных образцах второго типа мы имеем дело с дроблением и грамматической независимостью элементов рекламы, которые только в условиях объединения в единство передают сравнительный смысл.

В рекламных образцах третьего типа, иллюстрацией которого является реклама автомобиля *Mercedes-Benz*, область поиска признака-модуля очерчивается существительным. В рассматриваемом примере рекламы автомобиля *Mercedes-Benz* область поиска признака-модуля названа существительным *Schönheit*, которое расположено в верхней части плаката, как бы занимая место заголовка. Изображение рекламируемого автомобиля выдвинуто на передний план, под ним заглавными буквами указана марка автомобиля *MERCEDES-BENZ*. Фоном для изображения автомобиля служит роскошный лёгкий шарф, который ниспадает с плеч изящной женщины. Её силуэт лишь обозначен. Бордовый шарф объединяет в единство элементы, необходимые для осуществления сравнения: он образует фон для изображения автомобиля (тема), обвивает силуэт элегантной женщины (эталон) и образует первую букву слова *Schönheit* (указание на область поиска признака-модуля). Цвет роскошного шарфа женщины перекликается с цветом фирменного значка *MERCEDES-BENZ*, который помещён под словом *Schönheit*. Указанное визуальное объединение изобразительных и грамматически несвязанных вербальных элементов, образующих основание для сравнения, позволяет декодировать заложенную в рекламный образец информацию: 'Автомобиль марки *MERCEDES-BENZ* обладает красотой элегантной женщины'.

Иллюстрацией второго варианта рекламных образцов (в вербальной части есть указание на эталон и область поиска признака-модуля) служит реклама швейцарских наручных часов *IWC*. Центральная часть плаката занята изображением часов (тема). В верхней части плаката размещено высказывание *Fast so schön wie eine Frau. Tickt aber richtig*. Первое предложение содержит указание на область

поиска признака-модуля (прилагательное *schön*) и обозначение эталона (существительное *eine Frau*). Предложение является грамматически неполным. Для верного понимания подобных высказываний, необходимо учитывать контекст их употребления. Только в единстве с изобразительной частью рассматриваемое сообщение приобретает информативную полноту и декодируется следующим образом: *‘Die Armbanduhr der Firma IWC ist fast so schön wie eine Frau’*.

В отличие от вышерассмотренного примера компаративные высказывания в рекламе кетчупа *HEINZ: Das schmeckt nach Final* и необрастающей краски для яхт *Micron Optima: Verbesserten wir die Formel noch weiter; wäre es wie Champagner abfüllen* являются грамматически полными. В обоих примерах позиция подлежащего формально замещена. Однако лексемы *das* и *es* не называют тему, а лишь отсылают к изобразительной части рекламы. Тема сравнения в обоих примерах определяется в изобразительной части рекламы. В первом случае на щите изображена бутылочка кетчупа *HEINZ*, во втором нарисованы банки с краской *Micron Optima*. Другими словами, несмотря на формальное замещение позиции подлежащего лексемами *das* и *es*, компаративное высказывание приобретает смысловую завершенность только в единстве с изобразительной частью рекламы, в которой находится изображение темы сравнения — рекламируемого товара.

Примером реализации третьего варианта рекламных образцов (в вербальной части имеется указание на оба сравниваемых объекта) служит реклама крупнейшего в мире поставщика бананов *Chiquita*. Рекламный плакат разделён на две части. Слева от наблюдателя изображены бананы со следами гниения, надпись над ними гласит *Billige Bananen*. Справа от наблюдателя изображены бананы с безупречно чистой солнечно-жёлтой кожурой с этикеткой *Chiquita*, над ними надпись — *Chiquita*. В верхней части плаката между надписями *Billige Bananen* и *Chiquita* изображён отрывной календарь, на листе которого изображена цифра 5. Под изобразительной частью плаката красная стрелка указывает на источник информации: *Unabhängige Marktforschung von Chiquita Verwendern*. Соединение всех элементов в единство позволяет понять смысл, который несёт реклама: ‘Бананы компании *Chiquita* по истечении пяти дней более свежие, чем

дешёвые бананы'. Декодируемый смысл, несомненно, имеет сравнительный характер.

Анализируя данный образец рекламы, хотелось бы акцентировать внимание на грамматическом оформлении указаний на тему и эталон. Для обозначения темы и эталона адресант использует номинативные предложения. Словосочетание *Billige Bananen* и имя собственное *Chiquita* употребляются в именительном падеже и представляют тему и эталон сравнения в пространстве рекламного щита как грамматически несвязанные элементы. Только в единстве с изобразительной частью рекламы данные элементы приобретают функцию вербальных обозначений темы и эталона и участвуют в передаче сравнительного смысла.

Четвёртый вариант рекламных образцов (в вербальной части называется область поиска признака-модуля) содержит указание на область поиска признака-модуля, которая обозначена инфинитивом: он является наиболее выделенным элементом вербальной части рекламы. В рекламе услуг парикмахера инфинитив *aufblühen* выделен шрифтом большего размера и занимает верхнюю часть плаката. Ниже располагаются вербальные элементы, которые поясняют, что речь идёт об окрашивании волос: *Aufblühen / mit unserer Frühlingsaktion / 10 % / auf alle Colorationen / Angebot gültig vom / 20.03 bis 31.05 2006 / der Friseur / in Oberstdorf*. В правом верхнем углу плаката находится изображение девушки с медно-красными волосами (тема сравнения). С цветом волос девушки гармонирует цвет бутона тюльпана (эталон сравнения), который изображён в нижнем левом углу плаката. Девушка изображена вполборота так, что лица практически не видно: оно теряет идентичность. Внимание адресата сообщения акцентируется только на форме причёски и её медно-красном отливке, что позволяет потенциальной клиентке салона парикмахера перенести созданный в рекламе образ на себя. Информация декодируется следующим образом: *'Mit unserer Frühlingsaktion werden Sie aufblühen wie diese Tulpe'*. Сравнительный смысл декодируется в результате объединения в информативную целостность визуальных образов и грамматически несвязанных вербальных элементов рекламы.

Последние два примера рекламы иллюстрируют возможность передачи сравнительного смысла в условиях отсутствия показателей

сравнительных отношений в вербальной части рекламы. Указанное обстоятельство, как мы считаем, находит основание в восприятии рекламы (вербальной и невербальной частей) как единого комплекса, который наделён определённым смыслом, что было последовательно доказано в работе Ю.В. Верёвкиной [Верёвкина 2010]. В условиях отсутствия показателей сравнительных отношений сравнительный смысл передаётся пространственным расположением сравниваемых объектов, которые объединяются деталями изображения, цветом, фоном.

Подводя общий итог наблюдению оформления сравнения и характеристик компаративных единиц в немецкой статической торгово-розничной рекламе, следует отметить следующее:

1. В щитовой статической рекламе вербальные указания на составляющие сравнения подвержены явлениям, характерным для данного типа текстов: опускаются служебные слова, используются усечённые высказывания.

2. В условиях сравнения продукта с аналогичными товарами других производителей не называется эталон: адресант намекает на сравнительный характер информации, употребляя, к примеру, прилагательное в сравнительной степени.

3. В условиях сравнения продукта с его предшествующим вариантом адресант полагается на фоновые знания потребителя о прежней модификации или вводит языковые единицы, указывающие на то, что речь идёт о новом, улучшенном варианте продукта: наречия времени, прилагательное *neu*.

4. В статической торгово-розничной рекламе используются грамматически неполные компаративные высказывания. Элемент, опускаемый в вербальной части (обозначение темы или эталона), переносится в изобразительную часть.

5. Возможность распределения элементов сравнения по вербальной и изобразительной частям рекламы позволяет представлять вербальные элементы, которые участвуют в передаче сравнительного смысла, как грамматически несвязанные.

6. При декодировании сообщения на фоне грамматической несвязанности вербально выраженных составляющих сравнения, а также в условиях превалирования изобразительной части рекламы

над её вербальной составляющей приобретают значение следующие факторы: ситуативная определённость сообщения, фоновые знания адресата о прагматической установке рекламы, о товарах или услугах, на которых специализируется указанная в рекламе фирма. Для передачи сравнительного смысла адресант использует графические способы, которые делают для адресата возможным правильно распределить функции темы и эталона между изображёнными предметами: выдвигание изображения, приближение к наблюдателю, масштабирование.

7. Изображения сравниваемых объектов накладываются одно на другое, соплагаются, объединяются в целостность деталями изображения, цветом, фоном. Указанные средства позволяют передавать сравнительный смысл в условиях отсутствия вербальных показателей сравнительных отношений.

4.2.2.2. Функции сравнения в немецкой рекламе продукта или услуги⁴

Исследователи, занимающиеся рекламой, отмечают, что основной её целью является оказание влияния на аудиторию [Уэллс, с. 32; Горлатов, с. 4; Siegert, S. 26–27], побуждение к нужному рекламодателю выбору или поступку [Джефкинс, с. 17; Ученова, с. 8; Медведева, с. 11; Хопкинс, с. 8]. Выявляя у рекламы две функции (информирующую и воздействующую) [Лившиц; Ильинова], авторы работ о рекламе подчёркивают ведущую роль воздействующей функции [Кара-Мурза; Cook; Bachleitner-Held; Ising; Коршунова]. Воздействие осуществляется с целью убеждения потребителя в необходимости воспользоваться услугой или приобрести товар [Колокольцева, с. 7]. Вместе с тем отмечается, что реклама представляет собой непрямую форму убеждения [Росситер, с. 15].

Мы считаем, что указанная особенность формы воздействия на адресата объясняет обращение в рекламных текстах к компаративным единицам, которые активируют в сознании адресата разнообразные ассоциативные связи. Наблюдая употребление компаративных единиц в немецкой торгово-розничной рекламе, мы

---

⁴ Денисова Г. Л. Функции сравнения в немецкой рекламе продукта или услуги // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия: Гуманитарные науки и образование. 2012. № 4. С. 15–25.

попытаемся определить, как компаративные единицы используются для достижения прагматических целей рекламы.

Анализ рекламных образцов позволяет утверждать, что компаративные единицы используются в торгово-розничной рекламе для повышения убедительности сообщения. Аргументом в пользу приобретения товара или услуги может служить указание средствами сравнения на положительную общую или частную оценку продукта или услуги.

В рекламе маргарина *Rahma: Rahma / Margarine / buttergleich* сложное прилагательное *buttergleich* подчёркивает положительное для потребителя качество маргарина, который напоминает по вкусу более дорогой натуральный продукт — масло. Сложное прилагательное *Saustark!*, которое соседствует с изображением бутылочки бальзама *Sau-Schwanzl-Beißer*, обращает внимание потенциального покупателя на силу действия данного тонизирующего средства.

Компаративное высказывание *Prickelnd wie noch nie* акцентирует внимание потребителя на приятных осязательных ощущениях при употреблении напитка *PURE WHITE*. На высокую общую оценку пасты *Kalodont* во фразе *Kalodont / anerkannt beste / Zahncreme* указывает употребление прилагательного *gut* в превосходной степени.

При передаче частной оценки используется возможность переноса составляющих компаративной единицы в изобразительную часть рекламы, как в нижеприведённых примерах, что делает рекламу более интригующей и привлекательной.

К примеру, в рекламном пространстве крема *NeOVADIOL* с левой стороны изображена немолодая женщина с красивой тонкой шеей, затянутой в корсет. С правой стороны выделено название крема *NeOVADIOL*. Справа сверху располагается название фирмы *VICHY*, внизу — изображение баночки крема *NeOVADIOL*. Объединение перечисленных элементов рекламы крема *NeOVADIOL* позволяет адресату декодировать сравнительный смысл сообщения и извлечь заложенную в него частную оценку крема *NeOVADIOL*: ‘Крем *NeOVADIOL* от фирмы *VICHY* подтягивает, как корсет’.

В рекламе кетчупа *Peprico* фирмы *Heinz* вся нижняя половина пространства завалена бутылочками с кетчупом *Peprico*. Бутылочки цвета раскалённых углей и их жёлтые этикетки контрастируют

с чёрным фоном верхней части плаката, и создаётся впечатление, что они излучают жар, поднимающийся над образуемой ими поверхностью. Расположенная справа внизу бутылка повернута этикеткой к наблюдателю, позволяя идентифицировать рекламируемый продукт. Наблюдатель видит босые ноги человека. На шите зафиксирован момент, когда обладатель ног, как бы пытаясь уберечь их от ожогов, стоит лишь одной из них на поверхности, образуемой бутылками с кетчупом, вторую он не решается опустить и удерживает её на весу. Сравнительный смысл и прагматическая оценка осязательного ощущения декодируется следующим образом: ‘Кетчуп *Peprico* фирмы *Heinz* обжигает, как раскалённые угли’.

Для формирования у адресата положительной оценки рекламируемого товара или услуги копирайтеры прибегают к аффективному сравнению. Аффективное сравнение, основание которого образует только уверенность сравнивающего, что степень проявления признака заслуживает внимания адресата, сохраняет силу эмоционального воздействия и убедительность языковых средств, которые имеют объективное основание для выделения степени проявления признака. Вышесказанное иллюстрируется следующими примерами: *Wir sind / strenger als das Gesetz./ Darum ist unser / Rindfleisch Bio-Fleisch* (реклама говядины фирмы *HIPP*); *Exotischer /wird's nicht./ Astra. Was dagegen?* (реклама пива *Astra*); *Einen besseren Autovermieter / als Sixt? / Gibs nisch!* (реклама фирмы *Sixt*, которая занимается прокатом автомобилей); *Nur Durst / ist billiger* (реклама продажи напитков по низким ценам).

Положительная оценка продукта и создание благоприятного фона для восприятия рекламы достигается воздействием на эмоционально-эстетическую составляющую адресата. С этой целью для сравнения привлекаются эталоны, которые доставляют адресату эстетическое наслаждение: *Schneeweiß leuchtet der Schmelz Ihrer Zähne* (*Diamant-Kosmetik, Odol*).

Тему нежности в рекламе сыра *de Fol Epi* обозначает сложное прилагательное *hauchzart*, которое вынесено в заголовок рекламного образца. Соединяя указание на область поиска признака-модуля (вторая НС) и эталон (первая НС), прилагательное *hauchzart* акцентирует внимание на эстетичном виде сыра, который нарезан

тончайшими пластинками. Данная особенность рекламируемого продукта отмечается также в основном тексте рекламы: *Leicht und hauchzart geschnitten entfaltet Fol Epi sein ganzes Aroma in vier feinen Geschmacksnoten. Probieren Sie Hauchfein Classic. Zartschmelzender und nussig-milder Genuss.* В изобразительной части рекламы тема нежности поддерживается пастельными тонами и сравнением, которое передаётся в образной форме: пластинка сыра, которую девушка поднесла к своему лицу, как бы вдыхая аромат, свернулась мягкими складками и приняла форму цветка.

Таким образом, компаративные единицы могут использоваться в торгово-розничной рекламе с целью воздействия на прагматическую составляющую потребителя через формирование положительной общей или частной оценки продукта или услуги, на его эмоциональную составляющую в случае обращения к аффективному сравнению, на эмоционально-эстетическую составляющую путём активации ассоциативных связей с эталонами, которые вызывают эстетическое наслаждение.

В качестве аргумента, который способен побудить потребителя воспользоваться услугой или приобрести товар, в рекламе используются ссылки на эталоны социальной успешности, к которым, по нашим наблюдениям, относятся авторитетные мнения и образцы для подражания (примеры поступков публичных персон, стереотипы социальной и гендерной самореализации). Стремление ассоциировать рекламируемый товар с образом известной личности выделяется как возможная речевая стратегия коммерческой рекламы. Л.А. Шестак определяет её как стратегию «резонанс» [Шестак 2016, с. 75].

Осуществлённый нами анализ материала показал, что авторитетные мнения, содержащие сравнение, оформляются в рекламе цитатой. Субъект речи в рассматриваемом случае совпадает с субъектом сравнения. Возможны два варианта идентификации субъекта сравнения: 1) субъект сравнения указывается в ссылке за компаративным высказыванием; 2) субъект сравнения идентифицируется изобразительной частью рекламы.

К примеру, в предложении услуг рекламного агентства приводится авторитетное мнение американского писателя, сатирика и художника Курта Воннегута: „*Werbung gehört / zum Produkt / wie / der elektrische*

Strom / zur Glühbirne.“ / Kurt Vonnegut. Субъект сравнения указывается в ссылке за цитатой в форме компаративного высказывания.

Винодельческая продукция для весомости её положительной оценки в форме сравнения представлена мнением автора известного приключенческого романа «Остров сокровищ» Р.Л. Стивенсона: „*Wein ist Poesie in Flaschen!*“ / Robert Louis Stevenson.

В предложении услуг фирмы *Sixt*, которая занимается прокатом автомобилей, субъект сравнения идентифицируется в изобразительной части рекламы. Высокая эмоциональная оценка услуг фирмы *Sixt* в форме компаративного высказывания *Dank Sixt fühl ich mich wieder wie 99!* сопровождается фотографией известного в Германии актёра и артиста эстрады с 89-летней карьерой Йоханнеса Хестерса. На фотографии Хестерс сидит за рулём кабриолета высшего класса *Cabrio-Laune*, его восхищённые глаза, широкая улыбка и одобрительно поднятый вверх большой палец левой руки подкрепляют высокую оценку, выраженную в цитате. Кстати, по данным Я. Денисенко, свидетельства и цитаты на 28 % больше привлекают внимание людей [Денисенко].

Вышеприведённое высказывание Хестерса предполагает, что он регулярно пользуется услугами фирмы *Sixt*. Высказывание оформлено во временной форме презенс, который в данном случае можно определить как характеризующий презенс (*das qualitative Präsens*) [Schendels, S. 50]. Данная временная форма подразумевает информацию о предпочтениях Хестерса. Как отмечает Олянич, «реклама предлагает товары и услуги и, помещая их в определённый социальный контекст, переводит их в сферу ценностей, формируя соответствующий образ, стиль жизни» [Олянич, с. 16]. Сообщая прямо или косвенно информацию об иконах стиля, широко известных персонах и публичных людях, которые, как правило, являются для адресата образцом для подражания, создатели рекламы манипулируют со шкалой самооценки адресата, расширяя диапазон его потребностей и поднимая их планку.

Аналогичную прагматическую направленность имеют компаративные высказывания с указанием на образец для подражания в позиции эталона, как в следующем примере рекламы услуг всё той же фирмы *Sixt*: *Machen Sie es wie Madame Bruni. / Nehmen Sie sich*

einen kleinen Franzosen./ (Zum Beispiel den Citroen C3 Picassa für € 29,-/ Tag bei Sixt). В группе с *wie* есть прямое указание на фотомодель, певицу и экс-первую леди Франции Карлу Бруни-Саркози. Так как на рекламе изображён «женский» автомобильчик *Citroen C3 Picassa*, адресной аудиторией рекламы являются немки, которых призывают поступить, как мадам Бруни. Согласно информации в СМИ, возможность скабрёзной интерпретации словосочетания *nehmen Sie sich* сделала рассматриваемую рекламу в восприятии немецкой аудитории забавной (<http://oskato.livejournal.com>) и, следовательно, более запоминающейся.

Компаративные единицы и сравнение в изобразительной части рекламы используются рекламными агентствами в рамках создаваемых ими «мифов»: «Популярность у женщин», «Настоящий мужчина», «Женская привлекательность». В этом случае сравнение используется в том числе и для формирования ложных ассоциативных связей, активация которых в умах представителей адресных групп приносит коммерческую выгоду поставщикам соответствующих товаров и услуг.

Словосочетание со значением сравнения *unwiderstehlich / wie / Schokolade* в соединении с изобразительной частью рекламы, которая посвящена дезодоранту для мужчин *AXE Dark Temptation*, создаёт один из таких мифов – «Популярность у женщин». Сравнение с шоколадом (эталон) используется для формирования ложных ассоциативных связей. Для выбора данного эталона сравнения, конечно, имеются определённые объективные основания (создатели продукта попытались повторить в нём аромат шоколада), об этом свидетельствует описание продукта, в котором утверждается, что дезодорант обладает сладкими и аппетитными оттенками белого, молочного и горького шоколада. Но в компаративной единице область поиска общего признака между темой и эталоном обозначается прилагательным *unwiderstehlich* со значением ‘неотразимый’ и ‘непреодолимый’, которое выстраивает иные ассоциативные связи, развивает тему соблазнения женщин, которые, как правило, любят шоколад. На плакате слабую половину человечества олицетворяет прелестная шатенка, которая для «сильной» половины человечества выполняет функцию «рецептивного шаблона»

(Rezeptionsmuster [Gottburgsen, S. 53]): по наблюдениям М.В. Крапивкиной, тяготение к женским образам характеризует «мужскую» рекламу [Крапивкина, с. 15]. На чувственных губах девушки следы растаявшего шоколада, а следы её зубов остались на крышечке продукта, который изображён в правом нижнем углу. Смысл, который несёт единство всех элементов рассматриваемого образца рекламы, декодируется следующим образом: ‘Дезодорант *AXE Dark Temptation* соблазнителен для любой красавицы, как шоколад’.

Обращение к образам для подражания позволяет создателям рекламы использовать компаративные единицы как инструмент, который позволяет манипулировать самооценкой представителя адресной группы, конструировать признаки его социальной и гендерной идентичности. К примеру, в рекламе сигарет *Marlboro* компаративная единица в вербальной части *Marlboro. Der Geschmack von Freiheit und Abenteuer* в единстве с изобразительной частью развивает тему «Настоящий мужчина». В вербальной части, которая расположена в верхней части щита, как бы определяя тему, утверждается, что вкус сигарет *Marlboro* подобен вкусу свободы и приключений. Утверждение подкрепляется изображением мужчины в ковбойской шляпе с огрубевшими руками и с лицом, на котором оставили следы палящее солнце и ветер. Он прикуривает от тлеющего сучка, вероятно, только что взятого из костра. В контексте «свободы и приключений» изображение вызывает у адресата, в обыденной жизни которого, как правило, отсутствуют данные элементы, положительные ассоциации. В сознании адресата возможен выход формируемых ассоциативных связей на образы, созданные в художественной литературе, фильмах и компьютерных играх. К примеру, на образ Индианы Джонса, который был создан С. Спилбергом и Дж. Лукасом в серии приключенческих фильмов «Индиана Джонс: В поисках утраченного ковчега», «Индиана Джонс и Храм Судьбы», «Индиана Джонс и последний крестовый поход» и «Индиана Джонс и Королевство хрустального черепа». Соединение в сознании потребителя изображения рекламируемого товара (пачки сигарет *Marlboro*) в правом нижнем углу рекламного пространства с концептами «свобода» и «приключения», которые согласно создаваемому «мифу» должны иметь место в жизни настоящего мужчины, служит

побуждением к действию, которое подсказывается призывом, расположенном внизу щита: *Hol' dir diesen vollen Geschmack*. Используя комплекс описанных средств, создатели рекламы воздействуют на сознание потребителя, который пытается соответствовать образу настоящего мужчины, побуждают его к приобретению и курению сигарет *Marlboro* в качестве замены ощущений свободы и приключений, отсутствующих в его жизни.

Решая вопрос о функциях сравнения в немецкой рекламе продукта или услуги, необходимо обратить внимание на место расположения компаративных единиц относительно составляющих вербальной части рекламы, тем более что на настоящий момент можно считать выявленными и описанными функции составляющих вербального компонента рекламы. В структуре вербального компонента рекламы, как правило, выделяют слоган, заголовок (подзаголовок), основной рекламный текст, эхо-фразу [Кафтанджиев, с. 3; Горлатов, с. 7; Медведева, с. 131; Бернадская; Сердобинцева, с. 35]. Компаративные единицы или их элементы используются во всех вышеперечисленных составляющих вербального компонента рекламы.

Слоган *Fix wie nix* выражает суть уникального предложения серии плакатов, которые посвящены услугам компании *Wüstenrot* по отдельным страховым случаям и ориентированы на разные адресные группы. Рекламный девиз написан в центре круга, который напоминает щит. Рассматриваемое компаративное высказывание обладает признаками, которые исследователи языка рекламы выделяют у слогана [Шидо; Джефкинс, с. 74; Коршунова; Бернадская]. Компаративное высказывание *Fix wie nix* — краткая афористичная фраза, которая служит объединяющим звеном серии плакатов одной рекламной кампании и легко запоминается. Запоминаемость фразы *Fix wie nix* обеспечивается не только краткостью, но и оригинальностью формы, ритмичностью рифмовки, стилизацией под разговорную речь. Перечисленные языковые приёмы, безусловно, привлекают внимание потребителя, способствуют запоминанию рекламы и, следовательно, закреплению в сознании адресата связи по смежности «услуга → поставщик услуги», что в условиях возникшей у адресата потребности в услуге является моментом, который предопределяет выбор поставщика услуги из возможных альтернатив. Аффективное сравнение

в слогане *Fix wie nix* повышает его экспрессивность, используется как средство воздействия на эмоциональную и волевую сферы адресата и даёт установку на немедленное действие.

Анализ материала обнаружил обращение к компаративным единицам в слогане в условиях реализации трёх основных возможностей, выявленных Ю.С. Бернадской [Бернадская], которые определяются целями и задачами конкретной рекламной кампании:

1. Заявить о товаре, услуге или фирме.

Соусы фирмы *Steak & Grillsaucen aus dem Norden* рекламодатель представляет компаративным высказыванием, в состав которого входит суперлатив: *Die geschmackvollsten Saucen aller Zeiten!!!* В компаративном высказывании даётся частная оценка предлагаемым соусам, их вкусовым качествам. Следует отметить, что данная характеристика существенна для продуктов питания.

Компаративным высказыванием представлены потребителю сосиски от *Könecke*. В составе высказывания сравнительная степень прилагательного *lieb*, которое уточняется группой с *als*: *Lieber die LANGEN... / ... als die Knappen!* Основанием для сравнения служит общая положительная оценка рекламируемых сосисок.

О провайдере *Alice* и предоставляемых им услугах заявляет слоган *Alice. Die schönste Verbindung*, в состав слогана входит название фирмы и компаративное словосочетание с прилагательным *schön* в превосходной степени перед существительным, которое обозначает сферу услуг компании. Компаративное словосочетание подчёркивает высокое качество предоставляемых услуг связи.

2. Выделить товар, услугу или фирму.

В рекламе зубной пасты *Strahler* используется рекламный девиз *Strahlerküsse schmecken besser*. Девиз подкрепляется изображением юноши и девушки, сблизившихся в чувственном поцелуе, который осветил их лица на уровне губ яркой солнцеподобной вспышкой. Слева внизу присутствует изображение упаковки и тюбика зубной пасты *Strahler*. Наречие *gut* в сравнительной степени, определяя глагол *schmecken*, значение которого модифицирует иллюстрация, предполагает отношение сравнения с аналогичными продуктами других производителей и выражает общую положительную оценку результатов использования зубной пасты *Strahler*.

3. Побудить клиента к приобретению товара или услуги.

Компаративные высказывания с функцией побуждения потребителя к действию оформлены как повелительные предложения. Они организуются глаголом в форме императива второго лица единственного числа, как в рекламе зубной пасты *Odol-med3: Geh'weiter als weiss, GLÄNZE*, или инфинитивом, как в рекламе кроссовок *Reebok: Laufen wie auf Wolken!* и сыра, произведённого фирмой *Gmundner Milch: Königlich genießen zur zünftigen Jausn!* Наблюдая обращение к инфинитиву в компаративных высказываниях с семантикой побуждения, мы не можем не согласиться с мнением О.А. Дмитриева, который в ходе анализа русских инфинитивных слоганов обращает внимание на то, что копирайтеры стараются не употреблять глаголы, которые выражают откровенное прямое побуждение к приобретению товара или услуги. Причину указанного факта исследователи рекламных сообщений усматривают в возможности противоположного эффекта: прямое побуждение к приобретению товара или услуги может отпугнуть потребителя [Дмитриев; Олянич, с. 17]. По нашим наблюдениям, в инфинитивных слоганах с семантикой сравнения используются глаголы, обозначающие действие, которое представляет собой следствие приобретения товара или услуги: *kaufen und → laufen, kaufen und → genießen*. В связи с обсуждаемым вопросом следует упомянуть, что, по замечанию А.В. Олянича, «ориентация всей смысловой структуры сообщения на провокацию некоторого поведения адресата, композиционная взаимосвязь лингвосемиотических инструментов воздействия позволяют отнести любое рекламное сообщение к императивному высказыванию» [Олянич, с. 17].

Опираясь на результаты исследования Х. Кафтанджиева, который приходит к выводу, что в печатной рекламе слоган часто используется вместо эхо-фразы [Кафтанджиев], мы считаем вышесказанное актуальным также для компаративных единиц в позиции эхо-фразы.

По нашим наблюдениям, эхо-фраза, представляющая собой компаративную единицу или включающая её в свой состав, используется для постановки акцента на качествах товара, которые, по мнению рекламодателя, заинтересуют потребителя. К примеру, компаративное высказывание *Das stärkste Astra aller Zeiten* в пози-

ции эхо-фразы подчёркивает силу действия алкогольного напитка *Astra Rotlicht*. Компаративное прилагательное *blitzschnell*, которое входит в эхо-фразу *Blitzschnell mit dauerhaftem Halt* в рекламе лака для ногтей *Labofix*, подчёркивает моментальность его высыхания. Эхо-фраза *HiPP. Das Beste aus der Natur. Das Beste für die Natur* выделяет продукцию фирмы *HiPP*, заостряя внимание на важных для немецкого потребителя качествах: продукт является натуральным, а его производство естественно вписывается в окружающую среду. Особенность компаративных единиц в позиции эхо-фразы соотносится с её основной функцией в рекламе. Расположение эхо-фразы в конечной (сильной) позиции текста служит повышению степени запоминаемости, что очень существенно для эффективности рекламного обращения.

Возможность воздействия с помощью компаративных единиц на чувственную, оценочную и эмоциональную составляющую адресата позволяет копирайтерам решать задачи, которые стоят перед заголовком (подзаголовком) рекламного текста. К задачам заголовка, как правило, относят: 1) информирование — в идеале заголовок отражает суть рекламного сообщения; 2) определение адресной группы — заголовок проясняет, для кого предназначена информация; 3) привлечение внимания — заголовок должен заинтересовать настолько, чтобы адресат прочёл весь рекламный текст [Кафтанджиев].

Х. Кафтанджиев отмечает, что функция привлечения внимания реализуется в основном при помощи рекламного изображения, но эту функцию могут выполнять и заголовки в силу некоторых своих свойств, к которым исследователь относит, к примеру, использование оригинальных стилизованных форм.

Проведённый нами анализ материала показывает, что компаративные единицы и их составляющие, вынесенные в заголовок, активно используются для привлечения внимания потребителя.

Интрига в заголовке рекламы магазина *Media*Markt: Saublöd / wer woanders kauft* строится на неожиданном использовании фамильярно-разговорного компаративного прилагательного *saublöd*, выражающего отрицательное отношение к потребителям, которые не пользуются услугами магазина *Media*Markt*. Мы определяем обращение к лексеме, которая передаёт отрицательную оценку, как

неожиданное, потому что, по мнению исследователей рекламных текстов, оценка имеет в них, как правило, положительный характер.

Интрига в рекламе может быть связана с выбором эталона сравнения. Основание для интриги в рекламе «мужских» часов IWC образует выбор в качестве эталона женщины в «мужском» видении: *Fast so kompliziert wie eine Frau. Aber pünktlich.* «Вечная» тема о достоинствах и недостатках «слабой» половины человечества всегда интересна мужской компании. Следует отметить, что указанная тема получает продолжение в вариациях рекламы часов IWC: *Fast so schön wie eine Frau. Tickt aber richtig.*

В следующем примере основная интрига переносится в изобразительную часть, которая при передаче сравнительного смысла играет роль эталона. В изобразительной части отображены острые моменты футбольного матча: судья показывает футболисту красную карточку; игрок пнул соперника ногой под зад с такой силой, что последний, широко раскинув руки, полетел вверх. Изобразительная часть, предьявляющая ситуации, с которыми предлагается осуществить сравнение, находится в тесной смысловой связи с заголовком в форме компаративного высказывания *Nur mit Sixt kommt man noch schneller nach Hause.*

Интригующие заголовки апеллируют преимущественно к эмоциональной составляющей адресата, в то время как информирующие заголовки обращаются к его прагматической составляющей. По нашим наблюдениям, в информирующих заголовках компаративные единицы используются для указания на качества товара, которые, по мнению рекламодателя, удовлетворяют потребности адресата. Например, в качестве заголовка в рекламе кондитерских сбитых сливок *Hansano* используется компаративное высказывание *Scheller steif, /länger steif/ Hansano / Konditorsahne*, в котором указывается на скорость приобретения консистенции, способной удерживать свою форму, и продолжительность сохранения этого качества сбитыми сливками *Hansano*. Свойство, которое, безусловно, является определяющим для домохозяйки, пользующейся сбитыми сливками при изготовлении кондитерских изделий.

В информирующих заголовках копирайтеры обращаются к компаративным единицам и в том случае, когда в рекламу вовлекаются

объекты с разными темпоральными характеристиками или объекты, отличающиеся характеристикой по принадлежности.

При передаче сравнительного смысла отношение между объектами с разными темпоральными характеристиками может определяться следующим образом: «реальность и возможность», «до и после оказания услуги», «предшествующая и улучшенная версия продукта», «прежняя и актуальная цена на продукт». В первых двух случаях в заголовке, как правило, не обнаруживаются показатели сравнительных отношений. В заголовок, как в рекламе услуг фирмы *SYNOPTIK*, выносится указание на область поиска признака-модуля: *Gut aussehen*. Сравнительный смысл имплицитированного высказывания *Ich will gut aussehen wie früher* декодируется на основании целостного восприятия вербальных и изобразительных элементов рекламы и определяется как внутренняя речь женщины с печатью прожитых лет на лице, которая держит в руках фотографию времён своей ранней юности.

По нашим наблюдениям, отношения «предшествующая и улучшенная версия продукта», «прежняя и актуальная цена на продукт» маркируются заголовком, который включает в свой состав сравнительную степень прилагательного или наречия или состоит из них: *einfacher / waschen / mit / neuem / Persil; Billiger!*

В заголовках, представляющих отношение «рекламируемый продукт и аналогичный», которые используются для сравнения объектов с разной принадлежностью, как правило, обнаруживается сравнительная или превосходная степень прилагательного или наречия, например: *Wer läuft länger für weniger als 5000 Mark?* (реклама машины *Volkswagen*); *Unsere Besten!* (реклама парковок для велосипедов); *Wetten, dass Sportwagen nirgendwo günstiger sind?* (реклама проката спортивных машин).

Указание на группу потребителей, для которой предназначена реклама, имплицитируется в заголовок со сравнительным смыслом за счёт содержательной ориентации на определённый хабитус адресата (образ жизни, вкусы, привычки, повадки потребителя рекламы) (термин П. Бурдые [Олянич, с. 19]). К примеру, выбор эталона для группы с *wie* в рекламе развлекательного центра *Marienhof: Ein Tag ohne Marienhof ist wie Vaterschaft ohne Test* свидетельствует о том, что

рекламное сообщение предназначено для молодых людей, не обременённых семейными обязательствами.

В том случае, когда заголовок, в состав которого входит компаративная единица, представляет собой прямую речь, т. е. в условиях совпадения субъекта сравнения с субъектом речи, изображение субъекта речи указывает на адресную группу, для которой предназначена реклама. Маркером адресной группы в рекламе услуг парикмахерской под заголовком *Ich fühl mich pudelwohl mit meiner neuen Frisur!* является изображение представительницы женской половины человечества.

Компаративное высказывание в позиции заголовка используется копирайтерами для реализации диалогичности рекламы. Обращённость сообщения реализуется компаративным высказыванием в форме повелительного или вопросительного предложения, например: *Machen Sie es / wie die Holländer; / erleben Sie das Finale / vor dem Fernseh* (предложение беспроцентного кредита при покупке телевизора магазином *Media*Markt*); *Einen besseren Autovermieter / als Sixt? / Gibs nisch!* (предложение услуг фирмы проката автомобилей *Sixt*).

Адресат вовлекается в рекламное пространство при указании в позиции темы или эталона объектов, которые формируют личное пространство адресата. На вхождение объектов, используемых как тема или эталон, в личное пространство адресата указывают, к примеру, притяжательные местоимения. В заголовке рекламы от *Sixt* в группе с *als*, т. е. в позиции, предназначенной для указания на эталон, притяжательное местоимение отсылает к представлению об автомобиле адресата: *Länger als Ihrer?* В рекламе зубной пасты *Odol* адресат вовлекается в рекламное пространство введением в группу темы сравнения притяжательного местоимения *Ihre: Schneeweiß leuchtet der Schmelz Ihrer Zähne.*

Подводя итог, следует отметить, что условия передачи сообщения в форме статической торгово-розничной рекламы предопределяют особенности передачи сравнительного смысла: дискретность элементов, которые в своей совокупности передают сравнительный смысл, и перенос некоторых из них в изобразительную часть сообщения.

Функции, выполняемые компаративными единицами в торгово-розничной рекламе, соотносятся с задачами той части рекламного сообщения, в которой они размещаются.

В слогане к компаративным единицам обращаются для заявления о товаре или услуге, их выделения и побуждения клиента к приобретению товара или услуги.

В эхо-фразе компаративная единица используется для постановки акцента на качествах товара, которые, по мнению рекламодача, заинтересуют потребителя.

В заголовке рекламного сообщения компаративные единицы и их составляющие привлекают внимание адресата, информируют его о качествах товара или услуги, определяют адресную группу потребителей.

В интригующих заголовках с помощью компаративных единиц осуществляется воздействие на эмоциональную составляющую адресата, в информирующих заголовках — на его прагматическую составляющую.

Указание на группу потребителей, для которой предназначена реклама, имплицитно в заголовок со сравнительным смыслом за счёт содержательной ориентации сообщения на определённый хабитус. В условиях совпадения субъекта сравнения с субъектом речи адресную группу определяет изображение субъекта речи. Используя в качестве темы или эталона объекты, которые формируют личное пространство адресата, копирайтеры добиваются эффекта его присутствия в рекламном пространстве.

Таким образом, использование компаративных единиц в рекламном сообщении обусловлено характеристикой рекламы как не прямой формы убеждения. Вместе с тем отмеченные выше особенности сравнения в буклетах, предназначенных для туристов, текстах статей бортового журнала Lufthansa и в статических образцах торгово-розничной рекламы продукта и услуги определённым образом обусловлены каналом коммуникации, который, по замечанию В.И. Карасика, в значительной мере определяет различие между жанрами рекламы [Карасик, 2011, с. 91].

4.3. Функционирование сравнения в художественном тексте

Исследователи художественных текстов отмечают, что художественный текст в отличие от текста вообще обладает рядом особых признаков. К особым признакам художественного текста относят фикциональность, синергетическую сложность, целостность художественного текста, которая образуется за счёт приобретения дополнительных «приращений смысла», взаимосвязь всех элементов текста или изоморфизм всех его уровней, рефлексивность поэтического слова, оживление внутренней формы слов, усиленную актуализацию элементов лексического уровня, наличие имплицитных смыслов, интертекстуальность. Принимая во внимание указанные особенности художественного текста, а также тот факт, что художественный текст рассматривается как «маленькая вселенная», увиденная глазами данного автора [Валгина, с. 114], как пространство, описываемое в рамках временных и пространственных отношений, «хронотопа» [Бахтин, с. 235], «континуума» [Гальперин, с. 87], и заложенный в сравнение текстовый потенциал, мы предполагаем активное использование сравнения в реализации категорий художественного текста.

4.3.1. Связь сравнения с референтной структурой художественного текста

Наблюдение интенсивности обращения к компаративным единицам в художественном тексте на немецком языке, к примеру, в новелле Гергарта Гауптмана *Bahnwärter Thiel* [53], позволяет утверждать, что интенсивность обращения к компаративным единицам соотносится с той позицией, которая отводится автором тому или иному элементу в повествовании, то есть с референтной сеткой текста. Интенсивность привлечения компаративных единиц для формирования образов действующих лиц и пространства рассказа выглядит следующим образом: путевой обходчик Тиль — 42 %; ландшафтные зарисовки — 29 %; Лене — 12 %; железная дорога — 9 %; Тобиас — 4 %; окружающие люди — 3 %; Мина — 1 % (из 143 единиц). Центральной фигурой рассказа является Тиль: в создании его образа принимают участие 42 % компаративных единиц. Установленный

факт, с нашей точки зрения, свидетельствует о вхождении сравнения как средства, создающего впечатление о референте, в референтную сетку текста на немецком языке.

В цепочке обозначений, которые представляют конкретный референт, возможно указание на некоторую деталь. Такое указание в форме сложного слова или «узлового» элемента входит в состав немаркированной компаративной конструкции. Нам показалось интересным выяснить роль подобных указаний в тексте на немецком языке.

В романе Дитера Нолля *Die Abenteuer des Werner Holt* референт «офицеры немецкой армии» представлен чередой персонажей, т. е. через свои части. Некоторые из офицеров сохраняют «анонимность», что выражается в отказе от наименования их именем собственным и употреблением неопределённого артикля перед именем нарицательным, которое используется для их обозначения: *Ein Hauptmann mit dem Gesicht eines Gallenleidenden sprach in gequältem Ton* [72, S. 465]. *Ein Hauptmann, mit dem spitzen Kinn eines Greises unter eingefallenen Kiefern, sagte zu Burgkert...:* [72, S. 488]. *Einer der Majore, ein hagerer Mann mit Nickelbrille und Geiergesicht, stand neben dem Fahrer* [72, S. 514]. Персонажи появляются в отдельных эпизодах, но каждого из них автор, используя потенции сравнения, наделяет яркой чертой. Иногда словесный образ напоминает шаржевую зарисовку, но это делает его запоминающимся и неповторимым. Другими словами, сравнение, которое указывает на деталь референта, является средством надления его индивидуальностью.

Нам бы хотелось обратить внимание ещё на один персонаж романа Дитера Нолля *Die Abenteuer des Werner Holt*. Речь идёт об офицере Кучера, который задействован не в одном эпизоде. Индивидуальность этого персонажа закрепляется обозначением его именем собственным. Вместе с тем в цепочке обозначений, которые представляют данный референт в тексте, как и в вышерассмотренных случаях, присутствует указание на деталь – *Pferdegessicht*. При упоминании персонажа повторяется и данная деталь: *Die Mütze saß schief auf dem langen Schädel, der aus dem Fahrermantel bleich emporwuchs, und überschattete das Pferdegessicht, das schmal und derb konturiert war* [72, S. 149]. *Kutschera zog sein Pferdegessicht in die Breite*

[72, S. 225]. *Kutschera wandte Gomulka das Pferdegesicht zu* [72, S. 292]. Принимая во внимание, что эпизоды, в которых появляется Кучера, перемежаются с эпизодами, в которых задействованы иные персонажи, мы приходим к выводу: упоминание повторяющейся детали, сохраняющей свою неординарность вследствие обращения к сравнению, обеспечивает узнаваемость референта.

Деталь *Kapitänshände* в цепочке обозначений одного из текстовых референтов рассказа Зигфрида Ленца *Der Läufer* выполняет другую задачу. Четырёхкратное упоминание данной детали довольно компактно располагается в границах трёх страниц рассказа [62, S. 20–22], который занимает в общей сложности 18 страниц. Следует отметить тяготение обозначения *Kapitänshände* к началу и концу цепочки указаний на данный референт: *eine Frau... eine ältere Frau... mit einem mächtigen, gewölbten Nacken und geröteten Kapitänshänden... sie... ein breites Gesicht... ihr Kopf... sie... sie... die Kapitänshand... sie... das Gesicht... die Alte... sie... die Alte... sie... ihr Blick... zu der Alten... ihr... auf den gewölbten Nacken... Mutter... die Frau... sie... sie... die Frau... die Frau... die Alte... die Frau... mit ruhiger Kapitänshand... sie... Mutter... das große nickende Gesicht der Frau... die ruhigen Kapitänshände... sie*. Обращает на себя внимание смена определений перед сложным словом *Kapitänshände*. При первичном употреблении сложное слово сопровождается прилагательное *gerötet*. Словосочетание *gerötete Kapitänshände* создаёт образ сильной женщины, которая вынесла на своих плечах все тяготы заботы о семье в военное и послевоенное время и не привыкла себя щадить. В последних двух случаях сложное слово определяется прилагательным *ruhig*. Переход от прилагательного, называющего внешний признак (*gerötet*), к обозначению признака, обусловленного психологическим состоянием, которое вызывает у главного героя вид этих рук, подводит к мысли, что сложное слово — элемент немаркированной компаративной конструкции — привлекается для передачи оценки персонажа со стороны главного героя рассказа.

Указание на деталь референта в форме сложного слова или «узлового» элемента немаркированной компаративной конструкции может быть использовано и для интроспекции во внутренний мир персонажа, но об этом будет сказано в пункте 4.3.2 данной главы.

Анализ языкового материала позволяет выявить и иные функции, которые выполняет сравнение в процессе формирования референтной сетки художественного текста на немецком языке. Рассматривая стихотворение Франца Грильпарцера *Abschied von Gastein* [36, с. 74–76], мы отмечаем, что срединные вторая, третья и четвёртая строфы начинаются группой с *wie*, которая как бы маркирует каждую новую строфу. Перечисленные строфы отличаются и ритмической организацией от начальной и завершающей, которые выдержаны в более спокойном тоне. Изменение размера вызывает ускорение темпа произнесения последующих трёх строф и создаёт эффект быстро сменяющихся друг друга, вспыхивающих в сознании поэта картин, логическая связь которых намечается союзами *denn, und, und*:

*Die Trennungsstunde schlägt und ich muss scheiden,
So leb denn wohl, mein freundliches Gastein!
Du Trösterin so mancher bitterer Leiden,
Auch meine Leiden wiegstest du mir ein.
Was Gott mir gab, worum sie mich beneiden,
Und was der Quell doch ist von meiner Pein,
Der Qualen Grund, die wenige ermessen,
Du ließest michs auf kurze Zeit vergessen.*

*Denn wie der Baum, auf den der Blitz gefallen,
Mit einem Male strahlend sich verklärt,
Rings hörst du der Verwundrung Ruferschallen,
Und jedes Aug ist staunend hingekehrt,
Indes in dieser Flammen glühndem Wallen
Des Stammes Mark und Leben sich verzehrt,
Der, wie die Lohe steigt vom glühnden Herde,
Um desto tiefer niedersinkt zur Erde.*

*Und wie die Perlen, die die Schönheit schmücken,
Des Wasserreiches wasserhelle Zier,
Den Finder, nicht die Geberin beglücken,
Das freudenlose, stille Muscheltier,
Denn Krankheit nur und lange Qual entrücken
Das heiß gesuchte, traurge Kleinod ihr,
Und was euch so entzückt mit seinen Strahlen,*

*Es ward erzeugt in Todesnot und Qualen.
Und wie der Wasserfall, des lautes Wogen
Die Gegend füllt mit Nebel und Getos,
Auf seinem Busen ruht der Regenbogen,
Und Diamanten schütteln rings sich los;
Er wäre gern im stillen Tal gezogen,
Gleich seinen Brüdern in der Wiesen Schoß.
Die Klippen, die sich ihm entgegensetzen,
Verschönen ihn, indem sie ihn verletzen.*

*Der Dichter so, ob hoch vom Glück getragen,
Umjubelt von des Beifalls lautem Schall,
Er ist der welke Baum, vom Blitz geschlagen,
Das arme Muscheltier, der Wasserfall.
Was ihr für Lieder haltet; es sind Klagen,
Gesprochen in ein freudenloses All,
Und Flammen, Perlen, Schmuck, die euch umschweben,
Gelöste Teile sinds von seinem Leben.*

В срединных строфах автор создаёт яркие образы пылающего дерева, зажжённого грозой, прекрасной жемчужины в жемчужнице, сверкающего водопада, сломленного горной кручей. Они вводятся в текст в составе группы с *wie* и оформляются цепочкой обозначений, в которую входят как непосредственные указания на референт, так и указания на его составляющие: *der Baum... auf den... des Stammes Mark und Leben... der... die Lohe; die Perlen... die... des Wasserreiches wasserhelle Zier... die Geberin... Muscheltier... Kleinod... mit seinen Strahlen... es; der Wasserfall... Wogen... Nebel... Getos... auf seinem Busen... er... ihm... ihn... ihn.*

Две строчки в завершающей строфе выполняют важную роль: *Er ist der welke Baum, vom Blitz geschlagen, das arme Muscheltier, der Wasserfall.* Они маркируют слияние референтов, которые вводятся в текст средствами сравнения, с главным текстовым референтом, обозначенным в начальной строфе цепочкой личных и притяжательных местоимений *ich... meine Leiden... mir... mir... mich... von meiner Pein... mich* и в заключительной строфе элементами *der Dichter... er... gelöste Teile von seinem Leben.*

Обозначенное объединение референтов в единое целое позволяет раскрыть основную идею произведения: поэт, даже восторженно принимаемый поклонниками на пике славы и признания, остаётся мучеником, а рождённые под его пером стихи, которые доставляют читателю эстетическое наслаждение и вызывают его восхищение, — это частицы жизни поэта.

Первичное введение в текст в рамках сравнения нового референта наблюдается не только в лирических, но и в прозаических произведениях. В фабулу *Der königliche Schlachter* [38, S. 238] первый элемент цепочки обозначений *wie der Hase... für einen Hasen... für einen Hasen...wie des Hasen... wie der Hase... seine Sanftmut* вводится в группе с *wie*:

Als der Tiger unter den Klauen des Löwen in seinem Blute schwamm, sagte er: Ist es ein solch Verbrechen, das mit dem Tode gestraft werden muss, zu entdecken, dass du mit offenen Augen schläfst wie der Hase? Der Löwe versetzte: Du hast mich für einen Hasen genommen, und ich musste dich den Löwen kennen lehren. Der Tiger: Ich habe dich nicht für einen Hasen genommen, sondern nur bemerkt, dass deine Art zu schlafen, wie des Hasen, mit offenen Augen, geschähe. Darf man auch nicht bemerken, dass du Fleisch und Blut hast wie der Hase? Aber du hast seine Sanftmut nicht, noch die Großmut eines Königes: du bist ein Schlachter und nicht ein Sieger.

(J. J. Bodmer)

Конфликт фабулы построен на сравнении: тигр обратил внимание на то, что лев спит с открытыми глазами, как заяц. Лев посчитал, что тигр в этом сравнении имел в виду уничижительную характеристику его личности. Это подозрение он эксплицирует конструкцией, которая предполагает тождество представлений, обозначенных в позициях беспредложного и предложного дополнений: *Du hast mich für einen Hasen genommen*. Тигр, используя конструкцию тождественности представлений, отрицает реализацию оскорбления и повторяет свою сравнительную конструкцию, акцентируя, что речь шла лишь о причислении льва к группе животных, которые спят с открытыми глазами. В поиске аргументов в свою защиту тигр прибегает к следующему компаративному высказыванию: *Darf man auch nicht bemerken, dass du Fleisch und Blut hast wie der Hase?*, выделяя признаки, которые характеризуют обширную группу животных.

Весь диалог, занимающий центральную часть фабулы, посвящён интерпретации сравнения в высказывании тигра. В диалоге льва и тигра в суждениях о зайце высвечивается то одна, то другая сторона: заяц как представитель группы животных, которые спят с открытыми глазами, как носитель характеристик, которые осуждаются окружающими и имеют отрицательную морально-этическую оценку, как существо с признаками, свойственными любому животному, как носитель положительной характеристики, не свойственной льву. Такой разбор «тонкостей» сравнения в высказывании тигра на фоне упомянутого в начале фабулы обстоятельства — тигр плавает в своей собственной крови в когтях льва — образует опору для раскрытия основной темы: ничтожность повода для наказания смертью.

Возможность объединения референтов в целое, которую мы отметили выше в стихотворении Франца Грильпарцера *Abschied von Gastein*, осуществляется с помощью метафоры. Аналогичный процесс слияния референтов в целое, но уже с использованием средств сравнения, наблюдаем в стихотворении Иоганна Непомук Фогля *Auf der Brücke* [36, с. 92]:

<i>Hingelehnt am Brückenbogen,</i>	<i>So auch blickt dein Bild voll Liebe</i>
<i>Blick ich in die Flut so gern,</i>	<i>In mein Leben immerdar;</i>
<i>Spiegelt in dem Nass der Wogen</i>	<i>Sei die Flut von Stürmen trübe,</i>
<i>Sich der helle Abendstern.</i>	<i>Oder sei sie morgenklar.</i>

<i>Sieh, wie treibt da Well' auf Welle</i>	<i>Doch die Zeit entflieht, die schnelle,</i>
<i>Sich so wild, so hastig fort,</i>	<i>Und Du bleibst mir ewig fern,</i>
<i>Nur der Stern, der silberhelle</i>	<i><u>Wie der raschen, flüchtgen Welle</u></i>
<i>Schimmert stets am alten Ort.</i>	<i><u>Unerreichbar bleibt der Stern.</u></i>

Первое упоминание референта *ich*, который соотносится с адресантом и является элементом сетки *ich... mein Leben... mir*, присутствует уже в начале первой строфы. В первой и второй строфе формируется цепочка обозначений второго текстового референта *der helle Abendstern... der Stern, der silberhelle... der Stern*, только последний её элемент вынесен в заключительную строфу. Цепочка обозначений третьего текстового референта *dein Bild... du* формируется в третьей и заключительной строфах. Цепочка обозначений четвертого текстового референта *die Flut... Nass der Wogen... Well' auf Welle... die Flut... sie... Welle...* пронизывает все строфы стихотворения.

В заключительной строфе средствами сравнения формируются две целостности (устанавливается ассоциативная связь между первым и четвёртым, вторым и третьим референтами): актуальные свойства референта-эталона переносятся на референт-тему и раскрывают его характеристики. Другими словами, сравнение служит маркером объединения текстовых референтов в целое. Указание на область поиска признака-модуля *fern bleiben*, которое подчёркивается и выделяется повторением *unerreichbar bleiben* в сравнительной части компаративного высказывания, эксплицитно выражает основную идею стихотворения.

Стихотворение Ады Кристен Not состоит из двух компаративных высказываний:

<i>All euer girrendes Herzeleid</i>	<i>All eure romantische Seelennot</i>
<i>Tut lange nicht so weh,</i>	<i>Schafft nicht so helbe Pein,</i>
<i>wie Winterkälte im dünnen Kleid,</i>	<i>wie ohne Dach und ohne Brot</i>
<i>die bloßen Füße im Schnee.</i>	<i>sich betten auf einen Stein.</i>

Цепочка обозначений первого референта оформляется притяжательным местоимением *euer* и словосочетаниями *girrendes Herzeleid* и *romantische Seelennot*. Цепочка обозначений второго референта начинается с существительного *Not*, которое вынесено в заголовок — в сильную позицию текста, и продолжается следующими элементами: *Winterkälte im dünnen Kleid, die bloßen Füße im Schnee, ohne Dach, ohne Brot, sich betten auf einen Stein*. Обозначения первого референта называют тему сравнения, обозначения второго референта используются для указания на эталон. В связи с тем, что показатель сравнительных отношений *wie* является в данных условиях маркером оппозиции референтов текста, сравнение выполняет функцию средства, оформляющего их противопоставление.

Заслуживает внимания использование в сравнении в качестве указания на эталон личных местоимений и имён собственных⁵, являющихся элементами референтной сетки текста. Рассмотрим для

---

⁵ Денисова Г. Л. Мотив использования эталона-антропонима, обозначенного именем собственным или местоимением (на материале немецкого языка) // «Тагищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики»: Материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред.: С. Н. Лебедева [и др.]. Тольятти, 2015. Т. 4, ч. 2. С. 163–169.

примера отрывок из письма Теодора Фонтане, которое адресованного жене – Эмили Фонтане, часть которого он посвящает характеристике ахенских родственников [44, S. 10–11]:

Onkel Fritz, Bertha und Cousin Heinrich empfangen mich auf dem Bahnhofe [...]. Bertha sah außerordentlich hübsch aus; heut ist sie's weniger, wiewohl (zu Maxens Beruhigung) noch immer recht nett. Fanny (wird übermorgen 17 Jahr) scheint ein sehr liebes, gutes Mädchen; frisch und rot wie eine Panonie, mindestens 7 Pfund Brust, dabei muntre, beweglicher, unbefangener respektive unüberlegter als Bertha [...]. Elise ist ein Neckdeibel und Schulbalg; wie es heißt, unsrer Lise sehr ähnlich (d.h. im Wesen), nur kindischer; sie tollt noch umher. – Nun die Tante! [...] Sie erinnert mich an die R.R. Günther, noch mehr vielleicht an die alte Sommerfeldt, nur mit dem Unterschied, dass sie gutmütiger, humaner und weniger Deibel ist.

Имена собственные *Berta, unsre Lise, die R.R. Günter* и *die alte Sommerfeldt*, которые используются как указание на эталон, не вызывают у «непосвящённых» никаких ассоциаций. Они указывают на людей, которые входят в ближайшее окружение Т. Фонтане и его жены. Это их родственники и хорошо знакомые им люди. Предпочтение подобных эталонов – особенность дискурсивной практики в ситуации общения близких родственников, которая имеет место в письме Т. Фонтане своей жене. Именно близость указанного круга людей к его семье позволяет Теодору Фонтане в общении с родными обращаться для характеристики других людей к представлениям об общих знакомых.

Создание аналогичных условий, т. е. обращение к представлениям о персонажах, которые действуют в рамках художественного произведения, как к эталонам, приобретает в художественной литературе характер особого приёма. Данный приём состоит в очерчивании круга лиц из ближайшего окружения героя произведения, в организации фонда знаний о персонаже, что мы наблюдаем, к примеру, в следующем отрывке из романа Дитера Нолля *Die Abenteuer des Werner Holt*:

Und ich, dachte er, ich werde alle Grausamkeit, deren ich im Kriege fähig war, und alle Brutalität bewahren, heimlich, werde sie aufheben für den Tag, an dem sie wiederkommen, die eiskalten Schachspieler, die Fähnchen steckenden Mörder wie Wolzow, die Unbelehrbaren wie Henning, die

heulenden Derwische wie Wehnert, und dann her mit dem Mordinstinkt, den sie mir beigebracht haben [71, S. 260].

Обращение при сравнении к представлению о референте текста, который обозначен именем собственным или личным местоимением, в рамках художественного текста можно рассматривать как средство приближения круга действующих лиц к читателю, как средство включения референта текста в приватное пространство читателя, которое И.Ю. Безукладова определяет как эго-пространство [Безукладова, с. 17].

Частным случаем приближения круга действующих лиц к читателю посредством сравнения является использование личного местоимения *ich* для указания на эталон в несобственно-прямой речи в том случае, если в персональную сетку текста входит *ich*-форма. Обращение к «Я» как к эталону в несобственно-прямой речи свойственно художественным произведениям, основание которых образует внутренний конфликт главного героя, его самоанализ, как в романе Дитера Нолля Kirpenberg, главная тема которого принимает форму вопроса: *Wer bin ich, und was ist das denn überhaupt, dieses Ich?* В подобных текстах наблюдается пересечение референтной и персональной сеток текста в элементе *ich*, который, с одной стороны, является составляющей системы координат (в терминах Л.А. Ноздриной), а с другой — текстовым референтом.

Первое обстоятельство объясняет использование элемента *ich* в качестве некоторого мерила в ходе конкретизации признаков других референтов. Второе обстоятельство, обусловленное вниманием к «Я», к его переживаниям, объясняет обращение к элементу *ich* как к эталону, который позволяет проникнуть в мысли героя в момент сопоставления себя с другим. В данном случае сравнение выступает как средство интроспекции во внутренний мир героя, которое позволяет автору раскрыть мир ценностей и уровень самооценки героя художественного произведения:

Ich konnte heute nicht arbeiten. Wozu auch? Wer von seinem Recht auf Erholung so diszipliniert Gebrauch macht wie ich und keinen Achtstundentag kennt, der kann doch getrost nach Lust und Laune einen Abend verbummeln! [70, S. 57].

Aber waren denn nicht am Wegrand der Zeit auch noch andere Männer gebrochen zurückgeblieben, nicht nur ältere Herren von Lebensart, sondern auch große, hart gemeißelte Burschen wie ich? [70, S. 189].

Другими словами, на фоне вхождения персонажа, порождающего речь, в персональную сетку текста использование личного местоимения *ich* для указания на эталон в несобственно-прямой речи может быть средством интроспекции во внутренний мир персонажа.

В диалогических партиях прозаических произведений привлекает внимание появление в позиции указания на эталон личного местоимения *du* (*Sie*) как указания на лицо, к которому обращена речь. Мы заметили, что в таких диалогических партиях сравнение предоставляет возможность «игры» на повышение или понижение статуса собеседника. Так, в приведённом ниже отрывке повышение социального статуса собеседника достигается введением в сравнение в позиции указания на тему существительного *Riese* в значении *'jmd., etw. außergewöhnlich großes'* [16, Bd. 4, S. 3049]:

„Wir wissen, dass wir besser haushalten müssen“, redete ich weiter auf ihn ein. „Deshalb haben wir Sie ja eingestellt. Aber wer will denn mitten in einem wissenschaftlichen Disput derart brutal daran erinnert werden? Ein Riese wie Sie muss besonders behutsam sein. Nehmen Sie meinen Rat an! Nicht mehr aufstehen, wenn Sie was sagen.“ [70, S. 70].

Темой диалога в басне Готхольда Эфраима Лессинга *Der Esel mit dem Löwen* тоже является социальный статус персонажа. Осёл, которого лев взял на охоту в качестве охотничьего рожка, так вырос в своих глазах, что считает недостойным себя ответить на приветствие соплеменника. Последний замечает, что факт нахождения рядом со львом не меняет социального статуса. Заключительное компаративное высказывание тесно связано с темой диалога и, занимая сильную позицию, эксплицирует мораль басни:

Als der Esel mit dem Löwen des Äsopus, der ihn statt seines Jägerhorns brauchte, nach dem Walde ging, begegnete ihm ein anderer Esel von seiner Bekanntschaft und rief ihm zu: „Guten Tag, mein Bruder!“ – „Unverschämter!“, war die Antwort. „Und warum das?“, fuhr jener Esel fort. „Bist du deswegen, weil du mit einem Löwen gehst, besser als ich? Mehr als ein Esel?“ [38, S. 229]

Как первый, так и второй пример «игры» на повышение и понижение социального статуса собеседника демонстрируют соотносимость наполнения немецких компаративных единиц с коммуникативной установкой говорящего, с «истинным» смыслом рассматриваемых компаративных высказываний в дискурсе: в первом случае — это скрытая лесть, во втором — желание указать собеседнику «на его место».

Подводя итог, следует отметить, что в референтной сетке текста сравнение используется, прежде всего, как средство, которое создаёт впечатление о референте. Особую роль выполняет указание на деталь референта в форме сложного слова или «узлового» элемента немаркированной компаративной конструкции. Указание на деталь, которая вследствие обращения к сравнению обладает некоторой неординарностью, является средством наделения референта индивидуальностью, обеспечивает узнаваемость последнего или привлекается для выражения оценки персонажа.

Использование немецкой языковой личностью имени собственного или личного местоимения, которое обозначает референт текста или отсылает к нему, в качестве указания на эталон служит средством приближения круга действующих лиц к читателю, позволяет осуществить интроспекцию во внутренний мир персонажа. В диалогических партиях привлечение в качестве эталона личности собеседника может свидетельствовать об «игре» на повышение или понижение социального статуса.

Анализ языкового материала выявляет и иные функции, выполняемые сравнением в процессе формирования референтной сетки художественного текста на немецком языке, к которым мы относим возможность обращения к сравнению при первичном введении референта в текст (прежде всего, поэтический) для маркирования противопоставления текстовых референтов или объединения их в целое.

4.3.2. Интроспекция во внутренний мир персонажа средствами сравнения⁶

О.С. Федотова, проводя исследование на материале английского языка, среди средств интроспекции, которые позволяют представить внутренний мир персонажа, его эмоции и чувства, называет сравнение [Федотова, с. 17]. Мы не можем не согласиться с О.С. Федотовой, принимая во внимание заложенную в сравнение возможность «переключения» в другой план, в другую реальность, в том числе и во внутреннюю реальность персонажа.

Определение соотношения позиции, с которой осуществляется изложение, и наблюдателя в контекстах интроспекции позволило нам выявить следующие возможности: 1) собственно интроспекция, или самоанализ, связанный с анализом своих мыслей, чувств и переживаний; 2) персонажная интроспекция со стороны наблюдающего (другого персонажа или автора); 3) авторская интроспекция во внутренний мир персонажа.

По нашим наблюдениям, собственно интроспекция, или самоанализ, осуществляется в текстах на немецком языке при следующих обстоятельствах: 1) субъект сравнения и наблюдатель совпадают; 2) изложение осуществляется с позиции субъекта сравнения (*Ich-Form*) или с позиции автора (*Er-Form*). Персонажная интроспекция имеет место при следующих условиях: 1) субъект сравнения и наблюдатель совпадают; 2) изложение осуществляется с позиции наблюдателя. Авторская интроспекция предполагает, что: 1) субъект сравнения и наблюдатель совпадают, последний представляет авторскую позицию; 2) изложение осуществляется с позиции автора.

Позиция, с которой осуществляется тот или иной тип интроспекции, соотносится с определенными формами речетворческих актов. По нашим наблюдениям, в художественном произведении на немецком языке результаты восприятия персонажем внешних событий через призму своего внутреннего мира и персонажная интроспекция отражаются в форме чужой и несобственно-прямой речи. В условиях совпадения субъекта сравнения с субъектом речи

---

⁶ Денисова Г. Л. Интроспекция во внутренний мир персонажа средствами сравнения // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 73–76.

самоанализ находит отражение в компаративных высказываниях, построенных по моделям, которые были описаны нами в первой главе как модели с указанием на субъект сравнения: *Mir war, als wär mir eine Scheibe des Schädels weggeschnitten, und ich müsste herumlaufen mit dem halben Wissen* [32, S. 170]. Несовпадение субъекта сравнения и субъекта речи при отражении результатов самоанализа наблюдается в изложении от третьего лица: *Er lief auf dem schmalen Gehsteig längs der Tunnelwand. Es war ihm, als laufe er durch sein Grab* [32, S. 76]. При указании на субъект сравнения, не совпадающий с субъектом речи, персонажная интроспекция имеет место в компаративных высказываниях, построенных по тем же моделям: *Ein bissiger Literat habe die Vermutung geäußert, die Spartiaten hätten deshalb den Tod verachtet, weil er ihnen erträglicher schien als die tägliche Suppe* [73, S. 70].

В первой главе мы отмечали особенности введения в высказывание указания на субъект сравнения. К ним мы отнесли следующее: 1) появление указания на субъект сравнения в группе слова, которое входит в тематическую группу «способ мысленного представления», «мнение», «суждение», «чувство, ощущение»; 2) использование в качестве организующего центра высказывания глаголов, в семантической структуре которых присутствуют смысловые элементы «воздействие на чувства», «чувственное восприятие», «ментальный анализ». Указанные элементы в семантической структуре перечисленных языковых средств позволяют считать их указанием на факт «переключения» во внутренний мир.

Нам представляется, что сигналом «переключения» во внутренний мир служит конъюнктив, для форм которого в немецком языке выражение нереальности является основным, парадигматическим значением. Формы конъюктива констатируются в сложноподчинённых предложениях ирреального сравнения с союзами *als, als ob, als wenn, wie wenn*: *Manchmal nachts klammerte sie sich plötzlich im Schlaf an mich, als könnte sie mich nie mehr loslassen* [32, S. 75]. В указанных условиях в семантической структуре форм конъюктива О.И. Москальская выделяет смысловой элемент ‘in Wirklichkeit nicht statthabend, nur gedacht’ [Москальская, 1983, с. 123]. Как показывают наши наблюдения, в главное предложение может быть включено указание на субъект, во внутренний мир которого осуществля-

ется интроспекция: *Trotzdem war denen ringsum, als wohnten sie einem vermessenen, unerlaubten Schauspiel bei* [43, S. 17].

Для «переключения» событий во внутренний мир могут использоваться модальные глаголы во вторичной функции (*Er sprach so, wie der Prophet Nathan zu David gesprachen haben mochte* [42, S. 722]) и причастие II в группе с *wie* (*Ich ging wie vernichtet aus der Halle* [32, S. 152]).

Отграничение действительно совершающегося от ассоциации, которая возникает в сознании персонажа как реакция на реальную ситуацию, может осуществляться в компаративном высказывании на фоне употребления форм индикатива. В этом случае о гипотетичности события, которое описывается в придаточной части, может свидетельствовать слово, замещающее позицию подлежащего: (1) *Es brach schon wieder aus ihm hervor: „Ich schau nicht länger zu, ich lass mir nicht länger einen freien Abend hinschmeißen, wie man seinem Hund einen Knochen hinwirft“* [71, S. 481]; (2) *Bruchmüller sieht ihn schaudernd an, so, wie einer seinen eben entwichenen Bandwurm betrachtet* [48, S. 64]. В первом компаративном высказывании в придаточной части позицию подлежащего замещает неопределённо-личное местоимение *man*. Во втором компаративном высказывании в позиции подлежащего появляется неопределённое местоимение *einer*. Неопределённость лица, производящего действие, предполагает, что описываемая ситуация относится к сфере воображаемого.

В приведённом ниже компаративном высказывании позицию подлежащего в придаточной части замещает имя нарицательное, которое сопровождается неопределённым или определённым артиклем, указывающим на некий невыделенный предмет как представитель класса подобных предметов: *Du warst wie ein Hund, der seinen Herrn verloren hat, und du musstest dir einen neuen Herrn suchen* [59, S. 79]. *Wir riegelten uns ein und hatten es gut miteinander wie das Marderpärrchen im hohlen Baum* [80, S. 200]. Неопределённый и определённый артикль в приведённых компаративных высказываниях выполняют генерализирующую функцию: адресант не идентифицирует называемое в позиции подлежащего с представлением об определённом объекте, что свидетельствует о том, что в сравнительной части первого высказывания предпринимается попытка интроспекции, а в последнем примере отражаются результаты самоанализа.

Интроспекция во внутренний мир персонажа с позиции наблюдателя является некоторым предположением, поэтому сигналом интроспекции мы считаем компаративные единицы, в семантической структуре которых присутствует смысловой элемент «предположение». Смысловой элемент «предположение» мы обнаруживаем в компаративных высказываниях, в составе которых присутствует:

– группа с *wie* с причастием I и II: *Niemand regte sich mehr; sie standen wie gelähmt* [58, S. 83]. *Ein Aufschrei zerreit die Luft von der Unglcksstelle her; ein Geheul folgt, wie aus der Kehle eines Tieres kommend* [53, S. 27];

– оборот *wie um ... zu*: *Ich traf Inge trnenberstrmt bei Susanne, mit blassem Gesicht, wirren strhnigen Haaren, die sie mitsamt den Trnen wegwischte, whrend sie monoton und die Worte wiederholend, wie um sich das Fatale zu besttigen, erzhlte was geschehen war* [32, S. 172].

В тексте на немецком языке средства сравнения принимают участие в реализации разных типов рисунка модальной сетки, характеристики которых были описаны Л.А. Ноздриной [Ноздрина, 2004, с. 94]. Пример реализации сетки «маятник» мы наблюдаем в приведённом ниже отрывке из новеллы Гергарта Гауптмана *Bahnwrter Thiel* [53]. Описание наблюдаемых «внешних» действий главного героя перемежается предположениями о разворачивании событий во внутреннем пространстве героя:

Hier blieb er eine Weile wie betroffen stehen und schritt dann pltzlich, beide Arme ausbreitend, bis in die Mitte des Dammes, als wenn er etwas aufhalten wollte, was aus der Richtung des Personenzuges kam. Dabei machten seine weit offenen Augen den Eindruck der Blindheit.

Whrend er, rckwrts schreitend, vor etwas zu weichen schien, stie er in einem fort halbverstndliche Worte zwischen den Zhnen hervor: „Du – hrst du – bleib doch – du – hr doch – bleib – gib ihn mir wieder.“

Es schien, als ob etwas an ihm vorberwandle, denn er wandte sich und bewegte sich, wie um es zu verfolgen, nach der anderen Richtung.

„Du, Minna“ – seine Stimme wurde weinerlich wie die eines kleinen Kindes. „Du, Minna, hrst du? – Gib ihn wieder – ich will ...“ Er tastete in die Luft, wie um jemand festzuhalten.

...Etwa hundert Schritt hatte er so das unsichtbare Etwas verfolgt, als er anscheinend mutlos stehen blieb, und mit entsetzlicher Angst in den Mienen

streckte der Mann seine Arme aus, flehend, beschwörend. Er strengte seine Augen an und beschattete sie mit der Hand, wie um noch einmal in weiter Ferne das Wesenlose zu entdecken [53, S. 30].

Тиль с кем-то говорит, обращаясь в пустоту, пытается кому-то препятствовать, кого-то удержать и преследовать, хотя вокруг него нет ни души. Для путевого обходчика его пророческий сон накануне страшного события обрёл осязаемую форму: он видит покойную жену, которая уносит изуродованное тело сына. События обоих миров описываются от третьего лица, поэтому «взгляд» во внутренний мир Тили принимает форму предположения, о чём свидетельствуют наполнение первой группы с *wie* и использование придаточных предложений ирреального сравнения и оборота *wie um... zu*.

Взгляд во внутренний мир героя со стороны автора как создателя характера героя – авторская интроспекция – носит достаточно объективный характер и осуществляется в авторской речи. Как один из видов авторской интроспекции мы рассматриваем раскрытие тезауруса персонажа через выбор эталона. Пример реализации интроспекции данного типа мы наблюдаем в рассказе Урсулы Вёльфель *Nur für Weiße!* [88], в котором три из четырёх компаративных единиц очерчивают границы тезауруса темнокожего мальчика, который вырос в деревне. Мир, в котором происходило формирование его представлений, – это его семья и окружающая деревню природа. Поэтому высоту городских домов он сравнивает с горами: *Häuser so hoch wie Berge*, возраст незнакомой девочки – с возрастом сестрёнки *so klein wie das Schwesterchen*, а розовый цвет попки белокожей девочки вызывает у него ассоциацию на ягоды обезьяны: „*Sie haben einen Affenhintern!*“ Таким образом, сравнение в рамках короткого рассказа Урсулы Вёльфель несёт информацию, которая служит для читателя объяснением наивности суждений и поведения мальчика, который впервые попал в большой город.

С характеристикой внутреннего мира мальчишек из романа Дитера Ноля *Die Abenteuer des Werner Holt* [72] связаны сравнения, содержащие аллюзии, в рамках прямой и несобственно-прямой речи персонажей: *Holt: Hier müsste man leben wie Karl Moor mit seiner Bande!* [72, S. 24] „*Wenn wir zusammen in den Krieg kommen, dann wollen wir zusammenhalten wie ... Hagen und Volker*“ [72, S. 35]. „*Wie Hagen und*

Volker im Nibelungenlied“ [72, S. 218]. „*Alles aus Liebe und so. Wie bei Novalis. Kennst du das?*“ [72, S. 84]. *Wolzow*: „*Ihr seht aus wie Robinson*“ [72, S. 81]. *Vetter*: „*Jetzt sind wir frei wie diese Flibustier!*“ [72, S. 109]. Мир мальчишек, которые попадают на фронт прямо со школьной скамьи, далёк от реальности, — это мир народного героического эпоса, мир героев книг, в роли которых они представляют себя в реальной жизни. Вводя аллюзии в составе сравнения во внутреннюю и прямую речь персонажей, автор показывает незрелость их суждений и несостоятельность самоанализа.

Аллюзии в прямой речи Вольцова отражают его представление о войне как о захватывающей, азартной игре: „*Es muss ein ordentlicher Krieg sein, nicht so 'n Ramschkrieg wie 1806, sondern nach allen Regeln der Kriegskunst, wie bei Alexander oder Napoleon*“ [72, S. 326]. „*Ihr Angriff zielt auf meine Hauptstadt, die Situation ähnelt der Lage in Frankreich Juni 1940*“ [72, S. 438]. „*Ihnen schwebte so etwas wie Cäsar bei Alesia vor*“ [72, S. 440].

Мысль о том, что мальчишки в его романе — ещё дети, Дитер Нолль формирует и поддерживает средствами авторского сравнения, рассыпая по тексту свидетельствующие об этом детали. Вольцов катается на стационарной пушке *wie mit einem Karussell* [72, S. 127]. Цемтски тянет вверх указательный палец *wie in der Schule* [72, S. 227] и бегаёт за секунду до своей смерти по полю *wie ein Wiesel* [72, S. 440]. Феттер пишет расписку, подтверждающую, что автомобиль конфискован для нужд армии *mit seiner steilen Schülerhandschrift* [72, S. 523]. Подмечаемые автором особенности совершения действий служат для читателя инструментом интроспекции, средством, которое позволяет заглянуть во внутренний мир героев произведения.

Как инструмент интроспекции во внутренний мир героя автор художественного произведения может использовать деталь в облике персонажа или характерную особенность его личной вещи, которые подмечаются средствами сравнения. Вернер Штайнберг в романе *Wasser aus trockenen Brunnen* [79] использует немаркированную компаративную конструкцию *Mädchen mit dem Harlekinsgesicht* в составе высказывания: *Wenig war zurückgeblieben: das Mädchen mit dem Harlekinsgesicht und der großen Angst vor dem Neger* [79, S. 246]. Указание на застывшую на лице девочки гротескно широкую улыбку — маску Арлекина — и уточнение, что девочка страшно боится

негров, позволяет адресату выстроить между данными фактами причинно-следственные связи, бросить как бы мимолётный взгляд во внутренний мир девочки и ужаснуться тому, как война искалечила душу ребёнка.

Эрвин Штриттматтер в рассказе *Zirkus Wind* не останавливается на характеристике помещика, господина фон Вулиша. Он лишь мимоходом отмечает, что этот человек с ростом лилипута принимал, восседая за столом, который сделал бы честь дипломату: *Er hatte sich seinen Sessel mit Kissen polstern lassen, um über seinen Diplomatenschreibtisch sehen zu können* [80, S. 105]. Это беглое замечание автора позволяет составить мнение о степени самооценки господина фон Вулиша, о его стремлении подчеркнуть свою значимость. Эрвин Штриттматтер достаточно часто прибегает к приёму проникновения во внутренний мир персонажа через характеристику окружающих его личных вещей. Отмечаемый средствами сравнения выбор вещи, отношение к ней, представление о том, как должна выглядеть принадлежащая ему вещь, позволяют узнать нечто важное о сущности её владельца: *Ich erfuhr, dass sie [Fräulein Elinor] unter der Einbildung litt, das Auto müsse so blank sein wie ihr weißer Flügel im Konzertzimmer* [80, S. 175]. *Ich sehe sie gern, ihrer geschickten Hände wegen, obwohl ihr Wesen ein wenig verschnörkelt ist, verschnörkelt wie die Wohnungseinrichtung, die ihr der Herr Vater in die Ehe schmiss* [80, S. 224]. Детали, отмеченные средствами сравнения, характеризуют людей, прочерчивают главные линии характеров и вскрывают отношения, не лежащие на поверхности.

Компаративное высказывание может представлять собой и эксплицитную авторскую интроспекцию во внутренний мир персонажа, как в следующем примере из рассказа *Das Fenster-Theater* [27], в котором Ильза Айхингер средствами немаркированной компаративной конструкции даёт прямую характеристику одному из действующих лиц: *Die Frau hatte den starren Blick neugieriger Leute, die unersättlich sind* [27, S. 101].

Потенции «переключения» в иное пространство, которые заложены в сравнение, реализуются в художественном тексте в отображении результатов самоанализа, который связан с самопознанием, с анализом своих мыслей, чувств и переживаний, в отражении

результатов авторской и персонажной интроспекции со стороны наблюдающего. Сигналами «переключения» служат конъюнктив, модальные глаголы во вторичной функции, замещение позиции подлежащего в сравнительной конструкции местоимениями *einer* и *man*, употребление в группе с *wie* артикля в генерализующей функции и обращение к компаративным единицам, в семантической структуре которых обнаруживается смысловой элемент «предположение». Выбор эталона позволяет автору художественного текста раскрыть тезаурус персонажа, деталь, выделенная средствами сравнения, используется для отражения его внутреннего мира.

4.3.3. Сравнение в локальной структуре художественного текста⁷

Категория локальности, по справедливому утверждению лингвистов, не имеет морфологического выражения [Кабалина, с. 2]. «Данная категория является достаточно сложным и многогранным языковым явлением, отражающим пространство и место и служащая для определения локальных характеристик текста при помощи языковых средств разных уровней» [Широбокова, с. 164; Левченко, 2013, с. 4; Левченко, Скрипник, с.186–187]. Исследуя категорию локальности на материале немецкого языка, Л.А. Ноздрина относит к локальным показателям имена существительные с предлогом и без предлога, прилагательные и наречия, местоимённые наречия, предлоги с локальным значением и придаточные места [Ноздрина, 2004, с. 91].

В нашем представлении, присутствие в составе немецких компаративных единиц таких локальных показателей свидетельствует о возможности выражения средствами сравнения пространственных отношений. Анализ языкового материала позволяет говорить в данном случае об опоре на привязку некоторых представлений к определённом месту. Так, в следующем отрывке из письма к жене Теодор Фонтане использует существующее представление о гареме как о пространстве, в котором собраны представительницы пре-красного пола, среди которых он отводит себе роль евнуха:

---

⁷ Денисова Г. Л. Сравнение в локально-темпоральной структуре текста (на материале немецкого языка) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Тагичева. 2009. № 1. С. 13–32.

Außer den beiden Herrinnen leben noch 3 alte Jungfern im Hause, so dass ich wie in einem Harem stecke, dessen Blumen zu Anfang dieses Jahrhunderts blühten. Ich bin schon hunderterlei gewesen und werde nun auch noch eine Art „Oberster der Eunuchen“ [44, S. 32].

Обнаруженные в письме Теодора Фонтане к Бернгарду Лепелю группы с *wie* и *als*, в состав которых входят локальные ссылки, иллюстрируют опору автора на знания адресата о положении дел в Германии для пояснения обстоятельств, сложившихся для автора в Англии. Однако в данном случае используется не только привязка определённых представлений к месту, сравнения с локальными ссылками, безусловно, образуют опору для определения основной мысли отрезка текста — несоответствие материального положения Теодора Фонтане решению поставленных перед ним задач:

Viel versprech ich mir von den Briefen nicht, nicht etwa weil ich vorweg den Briefen oder den Leuten misstraute, sondern lediglich weil ich weder die Zeit noch die Mittel habe, solchen Umgang zu kultivieren. Ich kann nicht sagen, dass ich jetzt übermäßig beschäftigt wäre; dennoch aber hab ich nur ausnahmsweise eine freie Verfügung über meine Zeit. Das Haupthindernis ist meine Pauvreté, die hier (wenn Du die Verhältnisse in Rechnung bringst) vielleicht noch größer ist als in der Heimat. Lies übrigens ruhig weiter, ich will nicht pumpen. Auch müssest du viel reicher sein, als du bist, wenn du mir helfen wolltest. [...] Meine vorgesetzte Behörde, um wieder speziell zu mir zurückzukehren, wünschte, dass ich mit allen Lords der 3 Königreiche abends Whist en quatre und mit den jungen Ladies «Pfänderspiel mit Küssen» spielen möchte; man wünschte wo möglich, dass ich der Königin «Fanchon-Zeck mit Anschlag» als preußisches Nationalspiel beibringen und mit dem Prinzen v. Wales über die Schlacht von Crécy und den Ursprung von «Ich dien» eine längre Unterredung führen sollte, aber niemandem ist der Gedanke gekommen, dass man in Windsor nicht ganz so erscheinen kann wie auf dem Spandauer Bock und dass die Lords nicht Whist um 'nen Dreier spielen. Unsr ganze Zeit ist auf Äußerlichkeiten gestellt, und nur derjenige braucht sie nicht zu respektieren, «der's nicht nötig hat». Ich hab es nötig, sehr, und muss danach handeln [44, S. 48–52].

В художественном произведении автор может создать определённое пространство, наполнив его конкретными ощущениями,

а затем средствами сравнения перенести их в иное пространство, что мы наблюдаем в стихотворении Николауса Ленау *Winternacht*:

*Vor Kälte ist die Luft erstarrt,
Es kracht der Schnee von meinen Tritten,
Es dampft mein Hauch, es klirrt mein Bart;
Nur fort, nur immer fortgeschritten!*

*Wie feierlich die Gegend schweigt!
Der Mond bescheint die alten Fichten,
Die, sehnsuchtsvoll zum Tod geneigt,
Den Zweig zurück zur Erde richten.*

*Frost! friere mir ins Herz hinein,
Tief in das heiß bewegte, wilde!
Dass einmal Ruh mag drinnen sein,
Wie hier im nächtlichen Gefilde!*

В первых двух строфах автор описывает застывший в тишине зимний ландшафт. Заключительные строчки последней строфы, в составе которых присутствует сравнение с локальными показателями, эксплицирует желание поэта, его стремление к достижению состояния покоя, даже если ценой за исполнение желания станет его заледеневшее сердце. Средства сравнения как бы переносят ощущения, связанные с пребыванием в застывшем от холода и безмолвном пространстве, во внутреннее пространство поэта.

Создаётся впечатление, что в художественном тексте сравнение, не содержащее локальных показателей, тоже может служить средством создания пространства. В этом отношении представляет интерес рассказ Зигфрида Ленца *Der Läufer*. В ходе разворачивания сюжета автор сначала даёт картину всего стадиона, затем, когда внимание зрителей к участникам забега на 5000 метров остывает, сужает обзор до беговой дорожки. Наблюдатель как бы следует за бегуном. Внешним ориентиром для него служит щит, который возникает в поле зрения бегуна при прохождении очередного круга, а на беговой дорожке положение определяется относительно соперников. В ходе забега всё внимание автора уделено воспоминаниям бегуна, перед глазами которого возникают картины из его жизни. Упоминание о соперниках возвращает в пространство беговой

дорожки, в котором их фигуры служат локальными ориентирами, маркируя движение главного героя к финишу. В качестве средства, возвращающего читателя в пространство беговой дорожки, наряду с другими языковыми средствами используются немаркированная компаративная конструкция и группа с *als*:

Fred ging mit sicherem Vorsprung in die zweite Kurve, er brauchte den Vorsprung, denn er wusste, dass er nicht stark genug war auf den letzten Metern; er konnte sich nicht auf seinen Endspurt verlassen, und darum lief er von Anfang an auf Sieg. Er ging hart an der Innenkante in die Kurve hinein, und sein Schritt war energisch und schwer. Er lief nicht mit der Gelassenheit des Marokkaners, nicht mit der federnden Geschmeidigkeit der Finnen, die immer noch den Schluss bildeten, er lief angestrenzter als sie, kraftvoller und mit kurzen, hämmernden Schritten, und er durchlief auch die zweite Kurve fast im Spurt und lag auf der Gegengeraden fünfzehn Meter vor dem Marokkaner [62, S. 17].

Соглашаясь с мнением Д.А. Салимовой, что пространство всегда связано с ощущениями и неотделимо от них не только в восприятии, но и в представлении [Салимова, с. 11], следует отметить практически неограниченные потенции сравнения, позволяющие наполнить пространство ощущениями, которые достаточно подробно были описаны в пункте 3.2.1 данной монографии. Вместе с тем возможности восприятия цвета, вкуса, запаха и осязательных характеристик, которые, собственно говоря, создают для человека окружающее его пространство, не допускают удаления от объекта восприятия, что связано с органиченными возможностями органов чувств человека. Поэтому выделение отдельных признаков объекта в описании и их конкретизация предполагают приближение объекта к наблюдателю, сокращает расстояние между объектом и субъектом восприятия.

Создание перспективы в описании связано не только с приближением, но и с удалением объекта от наблюдателя. В пункте 3.2.2 мы выявили возможность передачи средствами сравнения результатов «первовидения». Используя сравнение для отражения результатов «первовидения», автор произведения передаёт изменение величины, очертаний и чёткости различения объекта восприятия, кото-

рые обусловлены степенью его отдалённости от точки наблюдения: *Christian drehte sich um, ging schwer atmend, er sah die Dinge wie durch einen Nebel* [34, S. 18]. *Axel hört die Stimme wie durch Watte* [28, S. 146].

Об удалённости объекта от наблюдателя свидетельствуют сомнения в идентичности предмета, что передаётся указанием на тему сравнения неопределённым местоимением *etwas*: *Und weit hinten etwas Blinkendes, wie den Arm einer Statuette* [58, S. 63].

Удалённость наблюдателя от объекта находит выражение в указании на его относительные размеры, что, по нашим наблюдениям, обуславливает выбор эталона. Как правило, в данном случае имеют значение знания о примерных размерах объектов сравнения, как в следующих примерах: *Sturmvilla selbst sah wie ein bleicher Schädel aus* [56, S. 258]. *Hinter den Bäumen blinkten die Villen wie eine Reihe weißer, lächelnder Zähne* [58, S. 92]. Сравнение вилл с человеческим черепом или рядом белых зубов предполагает нахождение построек на достаточном расстоянии от наблюдателя: размеры находящихся в удалении построек могут быть соотнесены с размерами эталонов, которые выбирает автор.

Как правило, в художественных произведениях немецких авторов мы находим сравнения, свидетельствующие о горизонтальной ориентации в пространстве, хотя, как нам кажется, выбор эталона в следующем примере иллюстрирует возможность передачи средствами сравнения ориентации сверху — вниз: *Das Tal glich einem riesigen See, bis hinüber zum fernen Gebirge mit Nebel gefüllt* [71, S. 104].

Обобщая вышесказанное, мы видим основание для использования сравнений с локальными показателями в возможности переноса представлений и ощущений из одного пространства в другое, что позволяет выразить основную мысль части или целого текста.

Вместе с тем следует отметить возможность передачи пространственных отношений сравнением при отсутствии в его составе локальных показателей. Выделение и конкретизация отдельных признаков объекта сокращает расстояние между объектом и субъектом восприятия. Констатация средствами сравнения результатов «первовидения» удаляет объект от наблюдателя. Об удалённости объекта от наблюдателя свидетельствуют также сомнения в идентичности темы, которые находят выражение в указании на неё неопределён-

ным местоимением *etwas*, в выборе эталона, отличающегося от темы заведомо меньшим размером.

Таким образом, средства сравнения позволяют создать перспективу в художественном пространстве.

4.3.4. Сравнение в темпоральной структуре художественного текста

Анализ языкового материала, проведённый во второй главе монографии, в особенности исследование составляющих групп с *wie* и *als*, демонстрирует возможность вхождения в состав немецких компаративных единиц лексем, которые относятся в состав темпоральных показателей [Кашлева]. Данный факт побуждает задаться вопросом об их вхождении в темпоральную сетку текста.

В составе групп с *wie* и *als* могут использоваться лексические показатели времени: наречия времени (наречия временной локализации, уточняющие время действия; наречия, уточняющие соотношение между действиями: одновременность / разновременность; наречия кратности действия) и существительные с предлогами и без предлогов.

Логично предположить, что лексические показатели времени в составе групп с *wie* и *als* служат для оформления ретроспективных (возвращение к прошлому) и проспективных вставок (обращение к будущему). Примеры маркирования проспективной вставки группой с *als*, в составе которой присутствуют существительные со значением времени, мы находим в отрывке из письма Теодора Фонтане:

Ich habe vor, an Dr. Metzger das alles zu schreiben; wenn ich doch zurück muss, so sei es lieber jetzt als im Januar. In guter deutscher, anständiger Gesellschaft (wenn z.B. Eggers herübergekommen wäre) hätt ich's am Ende auch ohne Chance auf Erfolg versucht und gedacht: es ist doch immerhin möglich, und wenn es scheitert, nun, so stirbt die Regierung an diesen paar hundert Talern nicht, und du selbst hast, ohne großen Ärger, ein bisschen gelernt. Aber mit einem wildfremden Gesellen, mit einem Kerl, auf den vielleicht nicht der geringste Verlass ist, an solche Arbeit zu gehn, sich täglich zu schrauben und zu überwerfen, das kann mir wenig gefallen. Die Regierung muss entschlossen sein, es jahrelang durchzusetzen, dann ist vielleicht was zu machen; aber in 6 Wochen kann ich meine bevorzugten Gegner nicht

stürzen. – Ich schreibe über diese Dinge so ruhig, weil ich glaube, gleichviel wie dies Unternehmen sich auch ins Werk setzen oder von vornherein scheitern möge, mein Aufenthalt hier wird doch länger dauern als 3 Monate oder gar nur 3 Wochen noch. Ist man in Berlin aber schlaff oder eigensinnig oder verstimmt oder unbefriedigt – nun, so muss ich's ertragen, wie ich schon so viel ertragen habe [44, S. 42–43].

Сравнение позволяет автору письма сделать предположение о возможных сроках его пребывания в Англии и сроках его отъезда, определить ориентиры на оси реального времени для жены, которой адресовано данное письмо.

Примером маркирования ретроспективной вставки в фикциональном (вымышленном) мире группой с *wie*, в состав которой входят наречие *einst* и существительное со значением времени *am Anfang*, служит фрагмент текста из романа Дитера Нолля Kippenberg. Главный герой романа на какое-то мгновение оказывается в прошлом, хотя временная форма глаголов не изменяется. Компаративное высказывание начинает абзац, в котором отражены воспоминания, нахлынувшие на главного героя романа:

Jetzt, an Evas Seite spürt er, dass auf sie beide etwas zukommen könnte wie eine Woge übersteigerten Lebens, die sie gemeinsam noch hebt oder gemeinsam begräbt.

Mitten im Leben und wieder dabei sein wie einst am Anfang. Eine zerbombte Chemiefabrik. Mit primitivem Werkzeug stampft Kippenberg Beton in Fundamente. Die Sonne versengt seinen bloßen Rücken, der Schweiß brennt in seinen Augen. Er ist jung und ist gut für jeden Auftrag, und mag es auch was ganz Irres, Abwegiges sein. Wie immer der Ruf gelautet hätte, er wäre ihm gefolgt. Kippenberg fragt sich: Welcher Auftrag wurde uns damals gegeben? Welches Ziel wurde uns genannt, und wohin sind wir seither gegangen?

Er schüttelt die Bilder ab und kehrt in die Wirklichkeit zurück [70, S. 114].

В группе с *wie* часто используются наречия, которые Е.И. Шендельс относит к конституентам микрополя прошедшего времени: *früher, damals, zuvor, vorhin, einst, gestern, bisher, vorher*. Как отмечает Е.И. Шендельс, данные наречия сочетаются в немецком языке только с формами прошедшего времени [Гулыга, Шендельс, с. 64].

Временное значение наречия *damals* и его синонимов, которые одновременно выполняют функцию временного определения и указательно-заместительную функцию, носит общий характер, поэтому данные наречия могут сочетаться в группе с *wie* с любым конкретным определением времени: *Der Gutsherr nickte, und Charlie verbeugte sich wie früher, wenn er seine Nummer als Entfesselungskünstler beendet hatte* [80, S. 105]. *Karola kam aus dem Garten ums Haus und, wie vor Kurzem im Konzert, wurde sie blass, als sie ihn sah* [71, S. 400]. К наречиям местоимённого характера Е.И. Шендельс отчасти относит и наречие *gestern*, отмечая, что его информация уже и определённое, чем у *damals*.

Наречия, являющиеся конститuentами микрополя прошедшего времени, создают типичный для временной формы контекст, дают ясное представление о временной перспективе ситуации, обозначенной неполной конструкцией. Указательно-заместительный характер рассматриваемых наречий не позволяет сомневаться в том, что речь идёт о событиях, которые имели место ранее. Вопрос в данном случае может быть только в том, имеются ли в виду события, упомянутые ранее, или подобные временные показатели могут задавать направление в прошлое, имеющее более отдалённые пределы.

На первый взгляд лексические показатели времени в составе групп с *wie* и *als* в следующем отрывке из романа Вернера Бройнига *Ein Kranich am Himmel* лишь возвращают к прошлому:

Fischer stand auf. Wie jeden Morgen schaltete er, ohne hinzusehen, das Radio an. Er ging zum Waschraum, goss sich hastig eine Kanne Wasser über den Hals, rieb sich mit dem Leinenhandtuch ab. Als er ins Zimmer zurückkam, dröhnte der Lautsprecher die Morgennachrichten durch die Baracke. Wie wir heute arbeiten, hatte jemand gesagt, werden wir morgen leben. [...] Im Vorübergehen betrachtete er sich einen Augenblick in dem alten Rasierspiegel neben der Tür, die eingefallenen stoppligen Wangen, die müden Augen. Dann ging er hinaus.

Der Lagerverwalter stand schon vor der Tür, er war mürrisch wie immer und erwiderte Fischers Gruß nur mit einem gleichgültigen Kopfnicken. Die Luft war weniger feucht als gestern. Fischer hörte wieder das Grollen der Sprengungen, das in den letzten Tagen vom Regen verschluckt worden war [34, S. 10].

Однако следует обратить внимание на то, что знакомство читателя с Германом Фишером и кладовщиком начинается только с этого утра и влажность воздуха, зафиксированная вчера, не была описана ранее. Сравнения, в составе которых употребляются лексические показатели времени, располагаются практически в первых абзацах романа, начиная с которых читатель сразу оказывается в центре событий. Именно эти обозначенные как бы мимоходом средствами сравнения ссылки на вчерашнюю влажность воздуха, на регулярное повторение в прошлом каких-то незначительных действий, на характеристики персонажа, вывод о постоянстве которых строится на предшествующем опыте общения с ним, позволяют реконструировать направление в прошлое, которое находится за рамками повествования.

В целях реконструкции направления в прошлое, которое осталось за рамками повествования, в неполную конструкцию с *wie* вводятся наречия кратности действия, а именно наречия, указывающие на повторяемость действия: *Dann rückten sie, wie allabendlich, die Polsterbank vor den Kamin* [71, S. 226]. *Irgendeine Besprechung rief ihn nach Hamburg, wo er wie üblich bei seinen Halbgeschwistern Quartier zu nehmen gedachte* [71, S. 232]. В связи с тем, что значение рассматриваемых наречий носит общий характер, они могут сочетаться в группе с *wie* с любым конкретным определением времени: *Die Unterlippe hat er vorgeschoben wie immer, wenn ihm irgendwo irgendwas dazwischenkommt* [28, S. 6]. *Nach den Klageschreien, die er in Fünfergruppen aus der Kehle ließ, schnorchelte Phile wie sonst beim Verzehr spannender Lektüre* [80, S. 70].

Неполные конструкции, в состав которых входят лексические показатели времени, отражающие общепринятое выделение временных периодов, служат, по нашему мнению, цели повышения степени подлинности описываемых событий. В данную группу можно отнести указания на естественные природные циклы: *das Jahr, der Monat, der Januar, die Woche, der Montag, der Morgen, der Abend, der Tag, der Vortag, die Nacht*. Фиктивный мир художественного произведения повторяет временные параметры реального мира: *Es rieselte wie im Frühling in den Wäldern* [56, S. 404]. *Es war nicht mehr so heiß wie am Vortag, aber es war noch heiß genug* [34, S. 255]. *Der Morgen war auf der*

Haut zu spüren und zu schmecken wie nach einem kühlen Regen [34, S. 264]. Группу лексических показателей времени, способствующих повышению степени подлинности описываемых событий, расширяют обозначения социально значимых для человека периодов времени: *Sie saß da wie im Urlaub und nicht etwa wie auf der Arbeit* [34, S. 242]. *Ganz vornehmes Lokal, Herr Chef, dort gibt's alles, wie im Frieden* [71, S. 187].

Анализ языкового материала позволяет наблюдать в составе неполных конструкций указания на точки во времени, которые достаточно отдалены от событий, описываемых в художественном произведении: *Jetzt wird ja noch gebaut wie zu Barbarossas Zeiten, aber in ein paar Jahren ...* [34, S. 115]. Подобные указания, отличающиеся исторической определённой, как бы помещают описываемые события в реальный временной континуум, как следствие, – повышается степень достоверности описываемых событий.

В составе сравнения показатели времени наряду или именно потому, что они служат для выражения значения времени, передают дополнительные смыслы.

Довольно часто лексические показатели времени используются для указания на неизменность или постоянство характеристики, как в следующем компаративном высказывании, которое мы обнаруживаем в рассказе Эрвина Штриттматтера *Grüner Juni. Eine Nachtigall-Geschichte: Er lebt weiter in der Kellerwohnung, in der es mittags so dämmrig ist wie abends und im Winter so wie im Sommer* [80, S. 242]. При указании на тему и эталон используются лексические показатели циклического характера *mittags, abends, im Winter, im Sommer*, которые свидетельствуют о постоянстве проявления признака *dämmrig* и его неизменности.

Нам бы хотелось обратить внимание на выбор языковой единицы при указании на данный признак. Словосочетанию *in der dämmrigen Kellerwohnung* автор предпочитает указание на признак в придаточном определительном предложении, за рамки которого выносятся две группы с *wie*. Как следствие, темп разворачивания событий замедляется, возникает некоторая пауза, которая привлекает внимание читателя, служит сигналом значительности признака *dämmrig* и постоянства его проявления. Автор привлекает внимание читателя к атмосфере, в которой существует его герой. Вечные су-

мерки полуподвала являются той почвой, на которой пускают ростки творческие способности мальчика, что в какой-то мере объясняет то, что героем первого рассказа мальчика становится бездомная собака.

В тексте значимым оказывается не только констатация постоянства некоторой характеристики, как в вышерассмотренном случае, но и неизменность объекта сравнения на фоне всеобъемлющих перемен. В следующем отрывке из рассказа Генриха Бёлля *Mein trauriges Gesicht* [30] сравнение используется для указания на то небольшое, что не подверглось изменениям в местах, родных для главного героя, за то время, которое он провёл в заключении:

Er schob mich vor sich wie eine Vogelscheuche, die, des Diebstahls überführt, die Stätte ihrer Träume am Feldrain hat verlassen müssen. Die Straßen waren leer; der Weg zum Revier nicht weit, und obwohl ich gewusst hatte, dass sie bald wieder einen Grund finden würden, mich zu verhaften, so wurde mein Herz doch schwer; denn er führte mich durch die Stätten meiner Jugend, die ich nach der Besichtigung des Hafens hatte besuchen wollen: Gärten, die voll Sträucher gewesen waren, schön von Unordnung, überwachsene Wege – alles war nun planiert, geordnet, sauber, viereckig für die vaterländischen Verbände hingerichtet, die montags, mittwochs und samstags hier ihre Aufmärsche durchzuführen hatten. Nur der Himmel war wie früher und die Luft wie in jenen Tagen, da mein Herz voller Träume gewesen war [30, S. 11]

В высказывание, которое завершает данный отрывок, введено две группы с *wie*. Вторая группа с *wie* расширяется придаточным определительным к показателю времени, который выражен существительным с предлогом *in jenen Tagen*. В придаточной части повторяется существительное *Träume*, которое упоминается в предшествующем сравнении. Оно свидетельствует о душевном состоянии, в котором находился герой рассказа в момент его первого и второго ареста.

Ближе к концу рассказа даётся ещё одна ретроспективная вставка: *Sie verurteilten mich wegen meines traurigen Gesichtes zu zehn Jahren, so wie sie mich fünf Jahre vorher wegen meines glücklichen Gesichtes zu fünf Jahren verurteilt hatten* [30, S. 16]. Обе ретроспекции, осуществлённые средствами сравнения, образуют опору для раскрытия основной мысли рассказа: мечтателю не место в полицейском государстве.

В рамках компаративного высказывания показатели времени образуют основание не только для указания на неизменность или постоянство характеристик, но и для констатации их изменения. В первую очередь в данном случае речь должна идти о группе с *als*, в составе которой присутствует показатель времени, как в следующем отрывке из романа Дитера Нолля *Die Abenteuer des Werner Holt*:

„*Bin ich ein anderer?*“ *fragte er.*

„*Ja, Werner; du bist schon viel anders als damals!*“ [71, S. 450]

В другом отрывке из романа Дитера Нолля *Die Abenteuer des Werner Holt* в пределах одного компаративного высказывания, которое представляет собой сложносочинённое предложение, трижды повторяется словосочетание *wie einst*. Каждая из частей сложносочинённого предложения указывает на какую-то деталь из прошлого (прислуга в белом фартуке, еда на серебряных тарелках, молчание в присутствии прислуги, внимание к правильному использованию столовых приборов), которое соотносится для главного героя романа с довоенным временем. Структурные особенности компаративного высказывания как бы открывают для главного героя возможность возвращения к прошлому: персонаж «прокручивает» в сознании события прошедшего дня и сравнивает их с воспоминаниями о довоенном времени:

Hier war alles beim alten geblieben, an diesem Haus waren Krieg und Zusammenbruch so gut wie spurlos vorübergegangen. Hier öffnete wie einst ein Mädchen in weißer Schürze, hier wurde wie einst von silbernen Platten gegessen, und wie einst verstummte Mutter mitten im Wort, wenn das Mädchen ins Zimmer trat. Zwei Pudel sprangen in der Diele umher; Mokka und Coca-Cola, und Tante Marianne nahm Anstoß daran, dass ein Omelett mit zwei Gabeln vorgelegt wurde: wie der Stil, so der Mensch. Es war unglaublich! [71, S. 138]

Детали нагромождаются друг на друга, но как приметы довоенного времени они кажутся невероятными, не укладываются в сознании Хольта, для которого война стала периодом глубоких душевных потрясений и перемен. Таким образом, компаративное высказывание способствует раскрытию микротемы данного абзаца: главный герой осознаёт невозможность возвращения к прошлому.

Сравнение в стихотворении Германа фон Гильма *Allerseelen* тесно связано с его основной темой. Каждая из строф стихотворения завершается группой с *wie*, в составе которой находится наречие *einst* и существительное со значением времени *im Mai*:

*Stell auf den Tisch die duftenden Reseden,
Die letzten roten Astern trag herbei
Und lass uns wieder von der Liebe reden,
Wie einst im Mai.*

*Gib mir die Hand, dass ich sie heimlich drücke,
Und wenn man's sieht, mir ist es einerlei,
Gib mir nur einen deiner süßen Blicke,
Wie einst im Mai.*

*Es blüht und funkelt heut' auf jedem Grabe,
Ein Tag im Jahre ist den Toten frei;
Komm an mein Herz, dass ich dich wieder habe,
Wie einst im Mai.*

Е.И. Шендельс относит наречие *einst* в значении 'vor langer Zeit, ehemals' [16] к конститuentам микрополя прошедшего времени, которые сочетаются только с формами прошедшего времени [Гулыга, Шендельс, с. 64]. В данном случае для нас важно, что группа с *wie*, которая повторяется после каждой строфы стихотворения как рефрен, представляет собой ретроспективную вставку.

Группе с *wie* в каждой из строф предшествуют побудительные высказывания, обращённые лирическим героем к своей возлюбленной. Желания лирического героя, которые он облекает в форму императива, просты и, казалось бы, достижимы. Однако наречие временной локализации *heute*, локальный показатель *auf Grabe* единственного высказывания в стихотворении, организованного глаголом в форме презенса настоящего, и темпоральный показатель *Allerseelen*, который является заголовком стихотворения, позволяют понять весь драматизм ситуации: речь лирического героя обращена к любимой, которая ушла в мир иной.

Безвыходность ситуации, в которой находится лирический герой, подчёркивается рисунком темпоральной сетки. Императив

задаёт направленность в будущее, но сравнение *wie einst im Mai* указывает на точку, в которую неизменно возвращается лирический герой, — она находится в прошлом. Сравнение *wie einst im Mai* завершает каждую строфу и занимает сильную конечную позицию стихотворения, образуя опору для раскрытия его основной темы: невыразимой тоски по утраченному счастью с любимой.

Глагол, который организует придаточное предложение со сравнительной семантикой, также является элементом темпоральной сетки текста и служит для создания временного континуума или дисконтинуума.

Следует отметить, что форма презенса наблюдается в компаративных высказываниях как в случае синхронного развёртывания действий, которые называются в его частях: *Wenn ich einen nicht mag, so, wie du mich nicht magst ...* [48, S. 367], так и в том случае, когда сказуемое в придаточной части указывает на постоянную характеристику субъекта действия или обозначает действие, повторяющееся регулярно: *Man kann das alles gewiss so sehen, wie es der Genosse Wetzel sieht* [48, S. 342].

На фоне повествования в форме претеритума актуальность действия, названного в сравнительной части компаративного высказывания, выражается в придаточной части употреблением глагола во временной форме претерита. Претеритум фиксируется как в случаях синхронного развёртывания действий, названных в обеих частях компаративного высказывания: *Ich will an Ihrer Stelle die Antwort geben: Nicht, weil Sie Ihren Neffen hassten, wie Hofstraßer seinen Sohn hasste. Nein, Sie liebten ihn* [73, S. 89]. *Davon hielt man im Altbau ebenso wenig, wie wir drüben im Neubau beispielsweise von Kortners ungezieltem Screening hielten* [70, S. 185], так и в том случае, когда сказуемое в придаточной части называет постоянную характеристику субъекта высказывания или обозначает действие, повторяющееся регулярно: *Er stand dort wieder am Fenster, wie eine Stunde zuvor und wie er oft am Fenster stand: ein Gefangener, der in die Freiheit schaut* [71, S. 410].

Придаточное предложение вводится в текст как реконструкция действия, которое находится за временными рамками повествования: *Aber akzeptieren, mein Lieber, kann man ihn deswegen noch lange nicht, und kuschen, so wie Sie immer in den letzten Jahren vor ihm gekuscht*

haben, nein, Herr Kollege [70, S. 128]. *Ein Leben ohne Frauen taugte nichts. Das spürte er heute mit zweiundsiebzig genauso, wie er es mit siebzehn gespürt hatte* [42, S. 815].

Ссылки на события, характеризующиеся исторической определённой, помещают описываемые события в реальный временной континуум, повышая степень достоверности описываемых событий: *So wie jener Prokop von Caesarea heimlich an seinem Geschichtswerk schrieb, an jener „Historia Arcana“, welche der Welt das scheußliche wahre Gesicht des in alle Himmel gerühmten Justinian zeigen sollte, so schrieb er, Philippe Gudin, die wahre Geschichte der Dreizehn Staaten und des Doktors Benjamin Franklin* [42, S. 386].

Подтверждение достоверности описываемых событий особенно актуально для исторического романа, посвящённого жизненному пути конкретной исторической личности. Достоверность изложения фактов предполагает упоминание временных вех, событий и личностей, которые определяют описываемое время. Сравнение, особенно в форме сравнительного придаточного предложения, позволяет дать подобные указания путём определения времени события относительно другой временной вехи: *Man feierte den einundzwanzigjährigen Helden, wie man ein halbes Jahr zuvor den dreiundachtzigjährigen Philosophen Voltaire gefeiert hatte* [42, S. 875]. *Er schenkte diese Komödie dem französischen Volk, so wie der Vierzehnte Louis Molières Komödie den Franzosen geschenkt hatte* [42, S. 807] — или посредством наделения героя страхами, связанными с событиями, которые могут служить вехами на временной оси: *Es quälte ihn [Voltaire] die Vorstellung, seine Leiche als die eines Ketzers könnte wie seinerzeit die der Schauspielerin Adrienne Lecouvreur auf den Schindanger geworfen werden* [42, S. 603]. Другими словами, сравнение не только помещает описываемые события в реальный временной континуум, но может быть использовано автором для создания эффекта исторической определённости.

Подводя итог, следует отметить, что в художественном произведении на немецком языке темпоральные показатели в составе сравнения служат для маркирования проспективных или ретроспективных вставок, которые позволяют актуализировать ранее изложенные или предстоящие факты, реконструировать направ-

ление в прошлое, которое осталось за рамками художественного произведения.

Глагол, организующий придаточное предложение со сравнительной семантикой, также является элементом темпоральной сетки текста и служит для создания временного континуума или дисконтинуума.

Показатели времени, отражающие общепринятое выделение временных периодов (естественные природные циклы, периоды, социально значимые для человека), служат повышению степени достоверности описываемых событий, помещают события в реальный временной континуум. Сравнения, в состав которых входят ссылки на исторические личности и факты, используются для создания эффекта исторической определённости.

Показатели времени наряду или именно потому, что они служат для выражения значения времени, передают в составе сравнения дополнительные смыслы. Они используются немецкой языковой личностью для указания на постоянство характеристики, для констатации изменения или отсутствия изменения объектов с течением времени, создавая опору для раскрытия микротемы отдельных частей или основной мысли художественного произведения.

4.3.5. Роль сравнения в композиционной организации художественного текста

Анализ языкового материала показал, что в художественном тексте сравнение активно используется для его композиционной организации.

В романе Дитера Нолля *Die Abenteuer des Werner Holt* мы находим примеры обращения к компаративному высказыванию как маркеру начала СФЕ. Так, описание комнаты Вольцова начинает компаративное высказывание, которое передаёт первое впечатление Хольга, ближайшую ассоциацию, которая приходит ему в голову при осмотре помещения:

Wolzows Zimmer glich einer Rumpelkammer. An den Wänden hingen Armbrüste, exotische Waffen, Bogen und gefiederte Pfeile, indianische Streitäxte, Blasrohre und ein Paar altertümliche Duellpistolen. Vor dem Fenster stand ein großer Eichentisch, von Retorten und Flaschen, Gläsern

und verrosteten Büchsen bedeckt. Ein Totenschädel lag herum, aus dem Beinhaus des Kirchhofs gestohlen, ein ramponiertes, ausgestopftes Rebhuhn, das als Zielscheibe diente, Papiere und Bücher [72, S. 32].

В романе Лотара Барца *Kalter Punsch* für Axel мы находим примеры обращения к компаративному высказыванию как маркеру конца СФЕ. В качестве иллюстрации можно рассмотреть СФЕ, в котором описывается момент пересечения персонажами романа границы между западным и восточным Берлином, которая охраняется полицейскими:

...You are entering...

„Also?“

Peter tritt zu Hotta und drückt heftig die Brille an die Nase: „Du hattest schon immer was mit 'm Kopp, aber so schlimm noch nie...“ Er reißt sich die Brille herunter und schwenkt sie durch die Luft.

Axel drängt sich neben Hotta: „Vielleicht – wir beide?“ Er spürt seine Knie nicht.

Hotta misst die Meter. Sein Blick bleibt dort haften, wo auch Polizisten stehen, grüne Uniformen statt der blauen. Er nimmt zögernd eine Hand aus der Tasche, zuckt die Schultern, fasst nach dem Griff. Axel sieht er nicht an. So laufen sie hinüber. Und Axel weiß: Sie sind verloren, wer entert schon so ganz ohne Tarnung, jeder Polizist wird auf solch einen Koffer fliegen... Doch Hotta, dem sie das Ende verdanken, Hotta klebt selbst daran. Das gibt Axel Kraft. Peter kommt hinterher.

Sie treiben auf die Grünen zu wie ein Schiff gegen einen Felsen. Wenigstens die Augen schließen vor dem Zusammenprall [28, S. 139].

В СФЕ объединены высказывания, отражающие внутренние переживания персонажей и ощущение безрассудности их решения пересечь границу с огромным чемоданом в руке. Мальчишки пытаются скрыть его от глаз полицейских, окружают Хотту с чемоданом в руке плотным кольцом и толпой проходят через кордон. Высказывание, завершающее СФЕ, является компаративным: *Sie treiben auf die Grünen zu wie ein Schiff gegen einen Felsen.*

Сравнение помогает определить границы СФЕ в том случае, когда оно объединяет несколько абзацев, как в следующем примере из названного выше романа Лотара Барца:

Es kratzt. Aus dem Trichter zwingt sich eine Frauenstimme. Und da beginnt die Blonde zu wackeln, hebt die Arme und flattert wie eine Ente, die nicht auffliegen kann; ihre Haare wogen auf und nieder – das ist Carola. Axel betrachtet atemlos alle Bewegungen.

Hotta löst den Blick vom Käfig, er wischt sich über den Mund, dann tritt er vor sie hin, nickt ruckartig und steht einfach da. Und dann hebt er die Arme, reckt sich auf und beginnt zu wackeln und trippelt wie ein Erpel um sie herum, dann zur Seite und ganz durcheinander, immer um sie herum. Sie breiten die Arme aus und rudern über den Teppich hin, klatschen auch und schleudern die Beine [28, S. 32].

Рассматривая абзацы, в которых описывается танец Каролы и Хотты, мы находим в первом из них сравнение движений рук девушки с взмахами крыльев утки, которая не может взлететь: *Und da beginnt die Blonde zu wackeln, hebt die Arme und flattert wie eine Ente, die nicht auffliegen kann.* Во втором абзаце описываются танцевальные па юноши, которые сравниваются с движениями селезня: *Und dann hebt er die Arme, reckt sich auf und beginnt zu wackeln und zu trippeln wie ein Erpel um sie herum.* Танец описывается и оценивается с позиции Акселя – главного героя романа. Выбор эталонов, несомненно, позволяет автору осуществить интроспекцию во внутренний мир героя, в глазах которого исполняемый танец является способом выражения интереса к представителю противоположного пола. Создавая целостный образ, выделенные сравнения соединяют абзацы в одно СФЕ – описание танца двух молодых людей.

Следует обратить внимание на тот факт, что, передавая напряжённые, яркие и динамичные эпизоды, в которых принимают участие разные персонажи, Лотар Барц членит СФЕ на абзацы, в которых описываются реакции участников, как бы поочередно выхватывая «лучом софита» то одно, то другое лицо. К примеру, СФЕ, в котором описываются мальчишки, рвущиеся в драку, разделено на четыре абзаца:

„Auf die Schnauze, Axel!“ zischt Hotta und steht wie ein Trainer. Axel hält die Luft an, macht sich ganz locker, dann stößt er zu. Hypo kippt zur Seite. Wie man die Arme festklemmt, hat Axel eben selbst erlebt.

„Splendid show!“ ruft Hotta und merkt nicht, dass es Englisch ist; er reit sie beide auseinander; hebt Axels Arm wie im *Boxring*, dann klettert er auf den Stander zuruck. „Wegen Rebellion im Gerichtssaal funf dazu – und Entschuldigung bei Axel!“

Carola leckt sich die Lippen.

Axel hat die Arme in die Seiten gestemmt, so steht er schwer atmend vor dem Sofa. Jetzt ist die Zeit der Gerechtigkeit [28, S. 177].

Сравнения *steht wie ein Trainer* и *hebt Axels Arm wie im Boxring*, которые появляются в начальном и срединном абзацах, вместе с тематически связанным с ними заключительным высказыванием *Jetzt ist die Zeit der Gerechtigkeit* играют роль маркеров, которые позволяют сохранить целостность СФЕ.

Сравнение позволяет выделить как некоторое единство и более крупную, чем СФЕ, единицу текста, охватывающую описательные и диалогические партии. Иллюстрацию данной возможности мы находим в том же романе Лотара Барца. Компаративное высказывание *Und fast ist es wie auf einer ihrer Versammlungen* [28, S. 213] завершает и объединяет несколько абзацев, которые автор отделяет от предшествующего текста пробелом. В выделенной части текста, включающей разные формы речетворческих актов, описывается ход классного собрания. Компаративное высказывание соотносит происходящее в классе с последовательностью действий, типичных для неформальных посиделок мальчишек. Заключительное компаративное высказывание выносится в отдельный абзац. Указанный факт отделяет данное высказывание от предшествующей реплики и вместе с тем переводит в разряд средств, которые объединяют ряд предшествующих СФЕ в целостность. Лишь в единстве они дают представление о теме сравнения.

Таким образом, следует отметить привлечение компаративных единиц для композиционной организации текста: для маркирования начала и конца СФЕ, выделения его тематического ядра, осуществления связи между СФЕ и определения границ единицы, большей, чем СФЕ.

4.3.6. Использование сравнения для выражения субъективно-оценочной модальности

Анализ контекста употребления компаративных единиц в новелле Гергарта Гауптмана *Bahnwärter Thiel* позволяет утверждать, что в 94 % случаев компаративная единица принимает участие в вербализации оценки, которая относится А.Ф. Папиной в ряд текстообразующих категорий [Папина, с. 267]. Можно утверждать также, что сравнение выражает субъективно-оценочную модальность в той интерпретации данного явления, которая даётся И.Р. Гальпериним [Гальперин, с. 113–123].

Используемые для характеристики Мины компаративные единицы выражают замещающую прагматическую оценку (100 %) по признаку здоровья (*ihr hohlwangiges Gesicht*). Компаративные единицы, на которые опирается автор при описании окружающих людей, содержат замещающую прагматическую оценку по признаку здоровья (25 %) и по признаку эмоционального состояния (75 %).

Детали внешнего облика Тобиаса, которые автор отмечает с помощью компаративных единиц, служат основанием для формирования эстетической и прагматической оценок (83 %). К примеру, в следующем высказывании эксплицируется отрицательная эстетическая оценка со стороны членов общины, которая во втором случае находит основание в прагматической оценке по признаку здоровья: *Die brandroten Haare und das kroidige Gesicht darunter machten einen unschönen und im Verein mit der übrigen kläglichen Gestalt erbarmungswürdigen Eindruck* [53, S. 9–10]. В 17 % примеров компаративная единица передаёт психолого-прагматическую оценку.

Компаративные единицы, которые автор использует для раскрытия образа Лене, носят исключительно оценочный характер. В 35 % употреблений даётся прагматическая характеристика: с помощью компаративных единиц оцениваются работоспособность Лене и её умение вести хозяйство. 17 % компаративных единиц представляют собой замещающие эстетические оценки: *ein Geheul folgt, wie aus der Kehle eines Tieres kommend* [53, S. 27]. 48 % компаративных единиц передают непосредственную или замещающую психолого-прагматическую оценку второй жены Тиля: *rein närrisch, kreidebleich vor Zorn, wie wahnsinnig, Rabenmutter*.

Следует отметить, что сравнения, не отмеченные оценочным знаком в границах компаративной единицы, могут приобретать его в контексте образований более высокого порядка. Рассмотрим указанное обстоятельство на примере описания внешности Лене: (1) *Die frühere Kuhmagd schien für den Wärter wie geschaffen*; (2) *Sie war kaum einen halben Kopf kleiner als er und übertraf ihn an Gliederfülle*; (3) *Auch war ihr Gesicht ganz so grob geschnitten wie das seine* [53, S. 6].

В первом компаративном высказывании сообщается о положительной прагматической оценке внешности Лене со стороны окружающих, знак которой определяется мнением окружающих о соответствии внешнего облика Лене и Тиля. С позиции членов общины, в которую входил Тиль, Лене была ему под стать. В первом высказывании эксплицируется тема, объединяющая следующие за ним высказывания, и доминирующая над ними положительная прагматическая оценка.

Во втором высказывании средствами сравнения определяется рост Лене. Она была всего на полголовы ниже Тиля. Взятое вне контекста его употребления второе компаративное высказывание не несёт оценки, но оно принимает положительную прагматическую оценку на фоне доминирующей положительной прагматической оценки первого высказывания.

Третье компаративное высказывание выражает отрицательную эстетическую оценку, которая привносится в высказывание прилагательным *grob*. Однако в контексте употребления третье компаративное высказывание принимает положительную прагматическую оценку: рубленные черты лица Лене в сравнении с крупными формами лица мужа оцениваются окружающими положительно.

Образ Тиля также раскрывается в опоре на оценочные компаративные единицы, с помощью которых передаются прагматические, эстетико-прагматические, психологические и психолого-прагматические оценки. Разграничение оценок, которые передаются с помощью компаративных единиц, во многих случаях не только затруднительно, но представляется невозможным. Оценки одного типа служат основой для формирования оценок другого типа (*seine herkulische Gestalt*), хотя чаще всего эстетические и прагматические оценки служат основанием для формирования психологической оценки,

используются автором для отражения душевного состояния Тиля: *das erdfarbene Gesicht, wie ein Nachtwandler, seine Füße waren bleischwer.*

В центре внимания автора — переживания главного героя рассказа. Пространство, в котором разворачиваются события, — это внутренний мир главного героя, сфера, недоступная для восприятия органами чувств человека. Но автор преодолевает этот естественный барьер, подводя под силы, действующие во внутреннем мире человека, сенсорно-чувственную базу: *Eine Kraft schien von dem Weibe auszugehen, unbezwingbar, unentrinnbar, der Thiel sich nicht gewachsen fühlte. Leicht gleich einem feinen Spinngewebe und doch fest wie ein Netz von Eisen legte es sich um ihn, fesselnd, überwindend, erschlafend* [53, S. 15]. *Einen Augenblick kam er sich vor wie ein Ertrinkender* [53, S. 19]. *Da fiel etwas in sein Hirn wie Tropfen heißen Siegelacks, und es hob sich wie eine Starre von seinem Geist* [53, S. 31].

Средствами сравнения, имеется в виду подбор эталонов, Гергарт Гауптман создаёт серию ассоциаций, связанных с железной дорогой, которые объединяются в зловещую картину в той части рассказа, которую можно было бы назвать «Предчувствие беды»: *Die schwarzen, parallel laufenden Geleise darauf glichen in ihrer Gesamtheit einer ungeheuren, eisernen Netzmasche* [53, S. 17]. *Auf den Drähten, die sich wie das Gewebe einer Riesenspinne von Stange zu Stange fortranken, klebten in dichten Reihen Scharen zwitschernder Vögel* [53, S. 17]. *Auch die Geleise begannen zu glühen, feurigen Schlangen gleich* [53, S. 17]. Образы гигантской сети, змей и паутины, сотканной гигантским пауком, передают отрицательную эмоционально-прагматическую оценку: выбираются эталоны, которые ассоциируются для человека с чувством страха за свою жизнь.

Наблюдая глазами Тиля приближение скорого поезда, автор углубляет указанную эмоционально-прагматическую оценку. Слуховые ощущения, связанные с приближением скорого поезда, ассоциируются с гулом, который производится атакующим кавалерийским дивизионом: *Durch die Geleise ging ein Vibrieren und Summen, ein rhythmisches Geklirr, ein dumpfes Getöse, das, lauter und lauter werdend, zuletzt den Hufschlägen eines heranbrausenden Reitergeschwaders nicht unähnlich war* [53, S. 17]. Чуть позже автор, используя возможности сравнения, акцентирует в образе скорого поезда новые зловещие

детали: *Zwei rote, runde Lichter durchdrangen wie die Glotzaugen eines riesigen Ungetüms die Dunkelheit* [53, S. 21].

При формировании отмеченной эмоционально-прагматической оценки Гергарт Гауптман опирается на символизм элементов цветовой палитры. Автор, используя компаративные единицы, намечает в рассматриваемой части рассказа линию кроваво-красного цвета: *Auch die Geleise begannen zu glühen, feurigen Schlangen gleich* [53, S. 17]. *Ein blutiger Schein ging vor ihnen her, der die Regentropfen in seinem Bereich in Blutstropfen verwandelte. Es war, als fiel ein Blutregen vom Himmel* [53, S. 21]. Эта линия находит продолжение в ландшафтных зарисовках, в которых по-прежнему активно привлекаются компаративные единицы: *Die Säulenarkaden der Kiefernstämmе glühten wie Eisen* [53, S. 17]. *Die Sonne goss, im Aufgehen gleich einem ungeheuren, blutroten Edelstein funkelnd, wahre Lichtmassen über den Forst* [53, S. 22]. *Hier eine Insel zarter Farnkräuter, deren Wedel fein geklöppelten Spitzen glichen mit Glut behauchend, dort die silbergrauen Flechten des Waldgrundes zu roten Korallen umwandelnd* [53, S. 22]. *Von Wipfeln, Stämmen und Gräsern floss der Feuertau* [53, S. 22]. *Wie eine riesige, purpurglühende Kugel lag der Mond zwischen den Kieferschäften am Waldesgrund* [53, S. 33].

По всей видимости, относительно анализируемого рассказа Гергарта Гауптмана можно говорить как о символизме доминирующего цветового тона, так и о символизме его смены. В самом начале рассказа облик Тобиаса отмечается двумя контрастирующими цветами: красным и белым. В описании волос Тобиаса используется компаративное сложное прилагательное, второй НС которого является морфема *-rot*: *Die brandroten Haare und das kreidige Gesicht darunter machten einen unschönen und im Verein mit der übrigen kläglichen Gestalt erbarmungswürdigen Eindruck* [53, S. 9–10]. Цвет лица Тобиаса поражает болезненной бледностью. Соединение в облике мальчика огненно-красного и белого как мел выделяет его среди окружающих и намечает основной цветовой переход. Мы считаем, что в рассказе основной переход в цветовой палитре маркирует существительное *Rosengewölk*, которое уточняет причастие *verspätet* в функции согласованного определения: *Durch den kalten, stahlblauen Himmelraum ging ein einziges verspätetes Rosengewölk* [53, S. 31].

Как дурное предзнаменование в первой части рассказа доминирует красный цвет. К концу рассказа ведущую роль начинает играть белый цвет. Его оттенки с эксплицитно выраженной ассоциацией со смертью, которая актуализируется средствами компаративных единиц, мы находим в лицах пассажиров поезда, сбившего мальчика: *Er sieht nicht die todbleichen, erschreckten Gesichter der Reisenden in den Zugfenstern* [53, S. 27]. Белый цвет в разных вариациях повторяется и далее в ландшафтных зарисовках, хронологически следующих за сообщением о смерти мальчика: *Die Stämme der Kiefern strecken sich wie bleiches, verwestetes Gebein zwischen die Wipfel hinein* [53, S. 31]. *Endlich hing er [der Mond], einer Ampel vergleichbar; über dem Forst, durch alle Spalten und Lücken der Kronen einen matten Lichtdunst drängend, welcher die Gesichter der Dahinschreitenden leichenhaft annalte. Rüstig, aber vorsichtig schritt man vorwärts, jetzt durch eng gedrängtes Jungholz, dann wieder an weiten, hochwaldumstandenen Schonungen entlang, darin sich das bleiche Licht wie in großen, dunklen Becken angesammelt hatte* [53, S. 33]. Выбор эталонов, безусловно, преследует цель формирования у читателя эмоционально-психологической оценки — чувства глубокой печали, переживание которой ассоциируется с представлением о потере, о смерти. Формирование данного чувства у читателя связано с состраданием к Тило, с осознанием драматизма ситуации, в которой оказался человек, весь смысл жизни которого заключался в погибшем ребёнке.

Следует отметить, что душевные переживания главного героя рассказа раскрываются в какой-то мере через его восприятие окружающего мира, картин природы. Вклад ландшафтных зарисовок в раскрытие психологизма главного героя объясняет внимание, которое автор уделяет описаниям природы. В ту часть новеллы, в которой отец с ребёнком радуются красоте окружающего их мира, автор вводит компаративные единицы с положительной эмоционально-эстетической оценкой: *Oft blieb er, Tobiaschen an der Hand, stehen, um den wunderbaren Lauten zu lauschen, die aus dem Holze wie sonore Choräle aus dem Innern einer Kirche hervorströmten* [53, S. 25]. *Farbigen Wimpeln gleich flatterten und gaukelten die Schmetterlinge lautlos zwischen dem leuchtenden Weiß der Stämme* [53, S. 25]. *Zuweilen erhob sich auch der Blick des letzteren und suchte durch die Lücken der Blätter den Himmel,*

der wie eine riesige, makellos blaue Kristallschale das Goldlicht der Sonne auffing [53, S. 25]. Положительная эмоционально-эстетическая оценка наблюдаемого путевым обходчиком соотносится с положительной эмоционально-психологической оценкой его состояния, на которую также указывается средствами сравнения: *Der Wärter wurde weihvoll gestimmt, ähnlich wie in der Kirche* [53, S. 25].

Горе, обрушившееся на главного героя рассказа, меняет его видение мира, рождает иные ассоциации. Тишина воцаряется вокруг Тиля в тот момент, когда он впервые видит искалеченное тело своего старшего сына. Для экспрессивного выделения степени проявления признака автор выбирает компаративное сложное прилагательное *totenstill*, первая НС которого связана с концептом смерти. Лес тоже замирает, нет признаков жизни, лес — как из камня: *Der Mittag hat die Winde erstickt, und regungslos, wie aus Stein, steht der Forst* [53, S. 28]. Уподобление живого неживому соотносится с отрицательной прагматической оценкой. Позже отрицательная прагматическая оценка природного ландшафта поддерживается его отрицательной эмоционально-эстетической оценкой, которая формируется в опоре на средства сравнения: *Die Sonne goss ihre letzte Glut über den Forst, dann erlosch sie. Die Stämme der Kiefern streckten sich wie bleiches, verwestetes Gebein zwischen die Wipfel hinein, die wie grauschwarze Moderschichten auf ihnen lasteten* [53, S. 31]. Средствами сравнения передаётся отрицательная прагматическая оценка «холодно», в формировании знака которой принимают участие компаративные сложные прилагательные *stahlblau* и *kellerkalt*: *Durch den kalten, stahlblauen Himmelsraum ging ein einziges, verspätetes Rosengewölk. Der Windhauch wurde kellerkalt, so dass es den Wärter fröstelte* [53, S. 31].

Природные зарисовки в рассказе Гергарта Гауптмана играют ту же роль, что и музыка за кадром художественного фильма. Они не только создают сценическое пространство, в котором разворачиваются события, они настраивают чувственные струны адресата, позволяют автору управлять его эмоциями. На протяжении небольшого рассказа, наблюдая окружающую природу глазами главного героя, адресат вместе с ним переживает сменяющиеся друг друга торжественное спокойствие, эстетическое восхищение и разочарование, пугающее предчувствие беды и холод невозможной утраты.

Не последнюю роль в управлении эмоциональным настроем адресата играет выбор эталонов в компаративных единицах.

Подводя итог вышесказанному, мы можем отметить интенсивное использование заложенных в сравнение потенциалов к выражению оценок: в немецком литературном дискурсе сравнение является способом выражения субъективно-оценочной модальности, средством определения того, что, с точки зрения автора, прекрасно, а что безобразно [Otto, S. 169]. В новелле *Bahnwärter Thiel* сравнение используется как инструмент раскрытия психологизма действующих лиц и как средство воздействия на эмоциональную составляющую читателя. Ассоциации, рождаемые образной составляющей сравнения в дискурсе новеллы, пробуждают чувство сострадания к главному герою новеллы, заставляют читателя пережить потрясение, оказывают то просветляющее, «разрешающее» действие, которое определяется как катарсис.

4.3.7. Декодирование надтекстовой информации художественного текста с опорой на сравнение

И.Р. Гальперин отмечает, что сквозь языковую ткань художественного произведения просвечивает основная мысль — содержательно-концептуальная информация, которая выявляется в содержательно-фактуальной лишь опосредованно [Гальперин, с. 40]. И.Р. Гальперин называет содержательно-концептуальную информацию также «супралинейной, надлинейной». А.Ф. Папина отмечает, что «содержательно-концептуальная информация представляет собой комплексный эстетико-познавательный концепт текста. Она является важной надтекстовой информацией в художественных, публицистических и научных текстах» [Папина, с. 333]. Эта «информация сообщает читателю индивидуально-авторское отношение между явлениями, описанными средствами содержательно-фактуальной информации» [Гальперин, с. 28]. По нашим наблюдениям, сравнение в немецком литературном дискурсе может быть ориентировано на интерпретативный шаг со стороны читателя, на вывод подразумеваемого смысла, другими словами, сравнение может использоваться как инструмент декодирования надтекстовой информации. В этом отношении особый интерес представляют компара-

тивные единицы, занимающие «сильную позицию» [Богатырева, с. 193], для компаративных единиц — это конечная позиция в тексте.

Конечная позиция определяет положение компаративного высказывания в стихотворении Гюнтера Эйха *Der Mann in der blauen Jacke* [50]:

*Der Mann in der blauen Jacke,
der heimgeht, die Hacke geschultert, –
ich sehe ihn hinter dem Gartenzaun.*

*So gingen sie abends in Kanaan,
so gehen sie heim aus den Reisfeldern von Burma,
den Kartoffeläckern von Mecklenburg,
heim aus Weinbergen Burgunds und kalifornischen Gärten.
Wenn die Lampe hinter beschlagenen Scheiben aufscheint,
neide ich ihnen ihr Glück, das ich nicht teilen muss,
den patriarchalischen Abend
mit Herdrauch, Kinderwäsche, Bescheidenheit.*

*Der Mann in der blauen Jacke geht heimwärts;
seine Hacke, die er geschultert hat,
gleicht in der sinkenden Dämmerung einem Gewehr.*

Предшествующие строфы, в которых автор описывает возвращение работника с поля, навевают идиллические настроения. Однако, как показывает эталон, использованный в сравнении, сентиментальные чувства, возникающие у читателя, оказываются ошибочными. Сравнение мотыги на плече у работника с ружьём вызывает эффект обманутого ожидания, заставляет переосмыслить прочитанное, рассмотреть за внешним благополучием некое предзнаменование, которое в сумерках приобретает черты зрительно воспринимаемого образа: мотыга на плече человека становится похожей на ружьё. Указание на эталон сопровождается неопределённым артиклем, который в конце текста, согласно Г. Вайнриху, всегда маркирует наиболее важный момент [Weinrich, S. 166].

Следует отметить, что для обеспечения успешного разгадывания идеи произведения Гюнтер Эйх в полной мере использует возможности компаративной единицы, которая организована глаголом — пока-

зателем сравнительных отношений. Намечаются ассоциативные связи с эталоном из другой сферы социальной практики: орудие труда сравнивается с винтовкой. Одна из позиций, которая открывается финитным глаголом в компаративном высказывании, замещается обстоятельством *in der sinkenden Dämmerung*, которое позволяет увидеть за явным и поверхностным потаённое и глубинное. Автор сознательно сдвигает указание на эталон *Gewehr* в конечную, логически ударную позицию высказывания и стихотворения в целом, формирует прямую связь между двумя представлениями. На одно из них указывается в названии произведения, второе акцентируется в заключительном аккорде стихотворения.

Рассказ Урсулы Вёльфель *Nur für Weiße!* [88] завершается компаративным высказыванием, в состав которого входит группа с *wie*: *Und die dunklen Menschen auf dem Bahnsteig, die seine Sprache verstanden, lachten alle. Aber sie versteckten dabei ihre Gesichter hinter ihren Händen, oder sie drehten sich um zur Hauswand, und niemand lachte laut wie der Junge auf dem Karren.* Конечная позиция компаративного высказывания в составе СФЕ, которое завершает рассказ, описывая реакцию темнокожих взрослых на реплику мальчика, свидетельствует о важности компаративного высказывания для определения идеи рассказа. Пренебрежение к представителям негроидной расы со стороны людей с белой кожей, эксплицированное в предупреждении *Nur für Weiße!*, которое автор выносит в название рассказа как определяющее межрасовые взаимоотношения в конкретный исторический период в ЮАР, формирует аналогичную оценку в сознании попираемых. Данная оценка отмечается путём указания на реакцию взрослых: они не могут удержаться от смеха.

Вместе с тем привлекает внимание выбор группы с *wie* при прилагательном *laut*, которое допускает указание на степень проявления признака, введение в компаративное высказывание отрицания *niemand*. Исползованные языковые средства дают возможность автору более чётко определить осторожную позицию взрослых темнокожих, которые, понимая, что оценка по цвету кожи является политикой государства, скрывают своё мнение.

Компаративные единицы, позволяющие раскрыть надтекстовую информацию произведения, не обязательно занимают конеч-

ную позицию. Они могут представлять собой как бы проспекцию основной идеи произведения. Пример обращения к сравнению как к проспекции ведущей идеи мы находим в рассказе Ильзы Айхингер *Das Fenster-Theater* [27], в котором описываются события, наблюдаемые любопытной женщиной из окна своей квартиры:

Als sie sich eben vom Fenster abwenden wollte, bemerkte sie, dass der Alte gegenüber Licht angedreht hatte. Da es noch ganz hell war, blieb dieses Licht für sich und machte den merkwürdigen Eindruck, den aufflammende Straßenlaternen unter der Sonne machen. Als hätte einer an seinen Fenstern die Kerzen angesteckt, noch ehe die Prozession die Kirche verlassen hat. Die Frau blieb am Fenster.

Ссылка вперёд закладывается уже в названии рассказа, которое является метафорой, обеспечивающей как скрепление текста в целостность, так и его членение на последовательность эпизодов: появление зрителей в зрительном зале, свет на сцену, выступление, прощание актёров со зрителями. Приведённое сравнение, безусловно, относится ко второму из выделенных нами эпизодов, который связан с ожиданием действия, с возрастающим напряжением в зрительном зале. Ощущение ожидания предстоящего переживания позволяет считать приведённое сравнение средством анафорического дейксиса «вперёд».

Оба компаративных высказывания представляют собой пример интроспекции [Федотова, с. 1]. Последний факт подтверждается использованием определённых языковых средств. Указанием на область поиска признака-модуля в немаркированной компаративной конструкции является существительное *Eindruck*. Второе компаративное высказывание представляет собой придаточную часть нереального сравнительного придаточного предложения со сказуемым в конъюнктиве.

Обращает на себя внимание то, что придаточная часть со сказуемым в конъюнктиве отделяется от первого сравнения точкой, вследствие чего придаточная часть приобретает статус независимого высказывания, хотя оба сравнения являются ассоциациями на одно и то же явление: свет в окне. В рассматриваемом отрывке мысли персонажа достаточно трудно отделить от речи автора, но указанное графическое выделение второго сравнения позволяет

предположить, что первое сравнение (бытовое), которое связано с ощущением неуместности освещения в светлое время суток, отражает впечатление женщины.

Второе сравнение – авторское. Выбор эталона во втором сравнении формирует ассоциацию на концепт, который тесно связан с понятием духовности, с представлением о готовности делиться своим внутренним светом, своим внутренним теплом. Возвращение ко второму сравнению по прочтении рассказа раскрывает его истинное предназначение как проспекции основной идеи произведения.

Таким образом, выстраивая ассоциативные связи в определённом направлении, адресант может использовать сравнение как средство, направляющее внимание адресата в процессе декодирования надтекстовой информации художественного произведения.

Выводы к четвёртой главе

Анализ обращения к сравнению в завершённом речевом произведении на немецком языке позволяет констатировать определённые тенденции в использовании свойств компаративных единиц в текстах, неодинаковых по своим параметрам, различающихся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определённой целевой направленностью.

Анализ роли сравнения в текстах справочного характера свидетельствует об активном использовании сравнения для снятия энтропии, для передачи содержательно-фактуальной информации. Установка справочного дискурса в общем и определителей в частности – описание признаков объекта с целью его успешной идентификации – определяет особенности наполнения компаративных единиц: преобладание в тексте компаративных единиц или их элементов, закреплённых в словарном фонде; ориентацию на эталоны, заведомо известные адресату; стремление к нейтральности и объективности при выборе эталона.

Наблюдение наполнения и функционирования компаративных единиц в рекламе выявляет наложение на содержательно-фактуальную информацию, передаваемую средствами сравнения, дополнительных смыслов и использование сравнения в целях воздействия на

адресата. Употребление компаративных единиц в рекламе предопределяется прагматической установкой рекламного дискурса – вызвать у адресата интерес к объекту рекламы и приобретению товара или услуги. Обращение к сравнению для указания на исключительность рекламируемого объекта, для воздействия на эмоциональную сферу потребителя услуг через образную составляющую сравнения и для передачи личностно окрашенного тона обращения к адресату находит отражение в употреблении объективно обеспеченного суперлатива, оценочных компаративных единиц и компаративных единиц, которые способствуют экспрессивному выделению признака.

Условия передачи сообщения в немецкой статической торгово-розничной рекламе обуславливают: 1) дискретность элементов, которые в своей совокупности передают сравнительный смысл; 2) перенос некоторых из них в изобразительную часть сообщения.

Функции, которые компаративные единицы выполняют в торгово-розничной рекламе, соотносятся с задачами той части рекламного сообщения, в которой они размещаются. В слогане к компаративным единицам обращаются для заявления о товаре или услуге, их выдвижения и побуждения клиента к приобретению товара или услуги. В эхо-фразе компаративные единицы используются для постановки акцента на качествах товара, которые с точки зрения рекламодателя заинтересуют потребителя. В заголовке рекламного сообщения компаративные единицы и их составляющие привлекают внимание адресата, информируют о качествах товара или услуги, определяют адресную группу потребителей. Другими словами, использование компаративных единиц в рекламном сообщении обусловлено, в первую очередь, характеристикой рекламы как непрямой формы убеждения.

Функционирование сравнения в художественном тексте на немецком языке особенно ярко иллюстрирует вхождение сравнения в текстовые сетки, которые мы считаем средством реализации текстовых категорий.

Интенсивность привлечения компаративных единиц для формирования образов действующих лиц художественного произведения на немецком языке свидетельствует о вхождении сравнения как средства, создающего впечатление о референте, в референтную

сетку текста. Акцентируя деталь, сравнение наделяет референта индивидуальностью, обеспечивает его узнаваемость, приближает круг действующих лиц к читателю. В диалогических партиях при обращении к личности собеседника как к эталону сравнение предоставляет возможность «игры» на повышение и понижение статуса собеседника, демонстрируя соотносимость наполнения компаративных единиц с коммуникативной установкой говорящего, с «истинным» смыслом высказывания в дискурсе, которым может быть скрытая лесть или желание указать собеседнику «на его место».

Анализ языкового материала позволяет выявить и иные функции, выполняемые сравнением в процессе формирования референтной сетки художественного текста на немецком языке: обращение к сравнению при первичном введении референта в текст, прежде всего, поэтический, и для маркирования объединения текстовых референтов в целое.

Возможность «переключения» в другой план, в другую реальность, в том числе и во внутреннюю реальность персонажа, объясняет обращение к сравнению в ходе интроспекции во внутренний мир персонажа в форме самоанализа, персонажной и авторской интроспекции. Выбор эталона позволяет раскрыть тезаурус персонажа, деталь, выделенная средствами сравнения, раскрывает его внутренний мир.

Темпоральные показатели в составе сравнения служат для маркирования ретроспективных и проспективных вставок, расширяют рамки художественного произведения, задавая направление в прошлое, оставшееся за его рамками, подтверждают достоверность описываемых событий, помещая их в реальный временной континуум. Сравнения, в состав которых входят ссылки на исторические личности и факты, создают эффект исторической определённости.

Средства сравнения создают перспективу художественного пространства. Обращение к концепту-эталону, который характеризуется заведомо меньшими размерами, чем концепт-тема, и констатация средствами сравнения результатов «первовидения» удаляют объект. Выделение и конкретизация отдельных признаков сокращают расстояние между объектом и субъектом восприятия.

В литературном дискурсе интенсивно используются заложенные в сравнение потенции к выражению оценок: сравнение является способом выражения субъективно-оценочной модальности, инструментом раскрытия психологизма действующих лиц, средством воздействия на эмоциональную составляющую читателя. Ассоциации, рождаемые образной составляющей сравнения, содействуют достижению состояния катарсиса.

Образная основа сравнения, которая позволяет выстраивать ассоциативные связи относительно любой из его составляющих (локального, темпорального показателя, элемента персональной или референтной сетки текста), может быть ориентирована на интерпретативный шаг со стороны читателя, т. е. может создавать опору для определения микротемы отдельной части или основной мысли всего текста.

Подводя общий итог, следует констатировать отличия характеристик компаративных единиц и наполнения их составляющих в справочных, рекламных и художественных текстах на немецком языке, обусловленность использования потенций, заложенных в сравнение, прагматической установкой текста, представляющего ту или иную группировку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Решение поставленной в работе цели в рамках комплексного подхода, реализуемого в исследовании, предполагает, что фрейм сравнения, семантическая категория сравнения, категориальная ситуация сравнения и материализация категориальной ситуации сравнения в форме конкретной компаративной единицы представляют собой моменты отражательного процесса, разные этапы и грани формирования мыслительного содержания и его вербализации. Определение с данных позиций характера корреляции между фреймом сравнения, категориальной ситуацией сравнения, семантической категорией сравнения и средствами выражения сравнения в немецком языке позволяет дать исчерпывающую характеристику исследуемому языковому явлению и обнаруживает взаимосвязь особенностей компаративных единиц на вербально-семантическом уровне с характеристиками, свойственными сравнению на лингво-когнитивном и мотивационном уровнях немецкой языковой личности.

Использование компаративных единиц как вербального стимула к запуску механизма сравнения в сознании немецкой языковой личности предполагает присутствие в памяти коммуникантов некоторой модели данного ментального действия, к которой апеллирует адресант и которая задаёт схему ментальных действий для адресата. Модель «В восприятии / представлении C [T характеризуется / не характеризуется признаком M , которым обладает $\mathcal{E}$]» рассматривается нами как базовая, дающая представление о механизме сравнения, в элементный состав которого наряду с вершинными узлами «тема», «модуль» и «эталон» входит вершинный узел «субъект сравнения». Присутствие последнего в составе фрейма сравнения маркируется в компаративном высказывании или имплицитно на фоне контекстной определённости субъекта сравнения и при совпадении субъекта сравнения с субъектом речи. Присутствие вершинного узла «субъект сравнения» во фрейме сравнения соотносится с характером рассматриваемого явления: сравнение как способ оперирования ментальными репрезентациями предполагает, что эту операцию осуществляет некоторое лицо, что объясняет использование

компаративных единиц для экспрессивного выделения признака и с целью выражения оценочных характеристик.

Рассмотрение сравнения как когнитивного механизма позволяет подойти к определению тех единиц, которыми «манипулирует» субъект сравнения. С логико-рационалистических позиций связь темы и эталона интерпретируется как отношение между понятиями, что затрудняет интерпретацию тех случаев, когда основанием сравнения служат признаки, не являющиеся наиболее общими и существенными. Подход к анализу компаративных высказываний с логико-рационалистических позиций обнаруживает возможность сравнения несравнимых понятий: предметов с животными, внутреннего состояния человека с предметом, животного с элементом одежды человека, состояния человека с природным ландшафтом. В том случае, если сравнение интерпретируется как фигура речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака, общего с первым, вне сферы внимания остаются признаки, обусловленные эмоциональным восприятием объекта и оценочным отношением к нему. Необходимое расширение сферы внимания, в которую попадают не только признаки, объективно присущие объекту, но и признаки, обусловленные «переживаемостью» ментальных единиц, которые не только мыслятся, но и эмоционально переживаются, будучи предметом симпатий и антипатий, обеспечивают разработки в области когнитивной лингвистики. В современной когнитивной лингвистике статус оперативной содержательной единицы памяти признаётся за концептами (ментальными репрезентациями разного типа), рассматриваемыми как смыслы, которыми оперирует человек в процессах мышления, и которые отражают содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания.

Соответственно, сравнение интерпретируется в нашей работе как оперирование концептами, которые выступают в разных ипостасях и предполагают разную степень абстракции. Возможна активация темы и эталона в форматах целостных ментальных репрезентаций: конкретно-чувственных образов, представлений, прототипов, понятий. В немецком языке целостная ментальная ре-

презентация темы и эталона обозначается на уровне поверхностной реализации морфемой, словом или словосочетанием.

Поиск когнитивных оснований исследуемого языкового явления позволяет найти объяснение факту оперирования пропозициями как сравниваемыми объектами. В терминах когнитивной лингвистики в этом случае можно говорить о заполнении слотов вершинных узлов «тема» и «эталон» пропозициональными структурами, или пропозициями, которые представляют собой модели определённой области опыта. В немецком языке представление о пропозитивной ситуации обозначается на уровне поверхностной реализации предложением или неполной конструкцией.

Достижения в области психолингвистики допускают интерпретацию темы и эталона как областей, «высвечиваемых» в концептах, доступ к которым обеспечивается языковыми единицами (морфемой, словом, словосочетанием, предложением, неполной конструкцией), и обнаруживают основание для объяснения структурного разнообразия языковых проекций темы и эталона. «Глубина высвечивания» определяется положением области модуля относительно темы и эталона, а именно: непосредственностью или опосредованностью связи данных областей с областью модуля. Последнее объясняет также обращение немецкой языковой личности к языковым опорам, которые помогают сфокусировать внимание на искомом признаке и обеспечивают вербальное стимулирование в поиске модуля, то есть понимание информации.

Использование в немецком языке немаркированных компаративных конструкций в качестве вербального стимула к запуску когнитивного механизма сравнения находит рациональное объяснение в поэтапности его разворачивания, которая просматривается на лингво-когнитивном уровне немецкой языковой личности. В языковой проекции находит отражение выделение в теме некоторой характеристики, осмысляемой и ословливаемой как область поиска признака-модуля, в которой осуществляется конкретизация и осмысление искомого признака уже с опорой на эталон.

Поиск когнитивных оснований исследуемого языкового явления открывает новые возможности для определения способа осмысления сравнения немецкой языковой личностью. Выбор лек-

сических единиц в процессе метафорической концептуализации сравнения и семантика лексем, используемых в немецком языке для указания на сравнительные отношения, свидетельствуют об осмыслении сравнительного отношения как отношения пространственного, как «наложения» или «отсутствия наложения» представлений об объектах по области их признаков. Анализ толкований немецких лексем — показателей сравнительных отношений подтверждает присутствие в их семантической структуре смысловых элементов «наложение признаков» и «отсутствие наложения признаков»

Осмысление немецкой языковой личностью отношения сравнения как «наложения» или «отсутствия наложения» представлений об объектах по области их признаков обнаруживается на вербально-семантическом уровне в особенностях синтаксического конструирования компаративных единиц: 1) в обращении к неполным конструкциям, в которых допускается не только пропуск сказуемого, но и тех актантов и свободных распространителей, которые называются в главной части компаративного высказывания; 2) в наполнении групп с *wie* существительными в падежной форме, предполагающей реализацию сочетательных потенциалов на сказуемое главной части высказывания; 3) в использовании для передачи сравнительного смысла немаркированных компаративных конструкций.

Результаты проведённого нами анализа компаративных единиц, в структуре которых ранее исследователи немецкого языка находили обозначение модуля, свидетельствуют о том, что «модуль» является выводным знанием, получаемым адресатом самостоятельно в опоре на предшествующий жизненный опыт: информацию о представлении-эталоне, которая хранится в его памяти. Выводной характер модуля подтверждает статус сравнения как когнитивного механизма.

Мы выяснили, что в позиции, предназначенной для замещения обозначением модуля, появляется указание на эталон, что свидетельствует о присутствии в семантической структуре компаративных единиц смыслового элемента «релятивность». Проведённый анализ позиции, предназначенной в рамках компаративной единицы для указания на модуль, и семантики составляющих указания на модуль подводят к выводу, что речь идёт о качественной характеристике.

Сочетания смысловых элементов, выявленные в семантической структуре разных типов компаративных единиц во второй главе, определяют место категории сравнения в системе немецкого языка и формируют мнение о структуре компаративного поля как системно-языковом представлении семантической категории сравнения. В семантической структуре всех типов компаративных единиц была выделена совокупность смысловых элементов «квалитативность + релятивность». Семантический признак «релятивность» объединяет компаративные единицы в функциональную целостность. Присутствие в семантической структуре компаративных единиц смыслового элемента «квалитативность» свидетельствует, что область концентрации компаративных единиц приходится на область макрополя качества. Последний факт обнаруживает основание для объяснения использования компаративных единиц в речи.

Факт обращения к компаративным единицам для конкретизации качественных характеристик, в ряд которых мы относим и приписываемые признаки (оценки и экспрессивное выделение признака), находит подтверждение в результатах осуществлённого нами анализа распределения информативной нагрузки между НС лексем, представляющих собой компаративные единицы или их элементы. Было выяснено, что с помощью компаративных единиц конкретизируются представления об ощущениях и оценках. О том, что в компаративных высказываниях речь идёт об ощущениях и оценках, свидетельствует тематическая принадлежность указаний на область поиска признака-модуля. Косвенное подтверждение факта обращения к сравнению как к механизму конкретизации признака мы обнаруживаем, анализируя способ представления сравнений и сравнительных оборотов в словарях, в которых материал систематизируется по алфавиту языковых проекций конкретизируемых представлений.

Итог проведённого нами исследования по определению текстового потенциала сравнения позволяет интерпретировать его как механизм конкретизации признака (ощущений и оценок), как возможность чувственного осмысления и интерпретации непредметных сущностей. Регулярность обращения к компаративным единицам в речи объясняется реализацией «принципа наглядности»,

заложенного в механизме сравнения: активируется представление о признаке (свойстве) через отношение к другому предмету. Поскольку два противопологающие друг друга процесса — конкретизация и отвлечение — равно необходимы для объективного познания действительности и общения и отвечают основным способам мышления современного человека — поэтическому (образному) и прозаическому (отвлечённому, научному) мышлению — значимость механизма конкретизации, приводимого в действие посредством компаративных единиц, очевидна.

Выявленные структурные характеристики механизма сравнения, его конкретизирующая направленность и образная основа определяют функции компаративных единиц, являющихся его языковой проекцией, в тексте и в дискурсе. Вместе с тем анализ справочных, рекламных и художественных текстов на немецком языке выявляет предопределённость характеристик компаративных единиц и наполнения их составляющих в текстах, представляющих конкретную группировку, обусловленность использования потенций, заложенных в сравнение, прагматической установкой текста.

Конкретизирующая направленность компаративных единиц используется в справочных текстах для снятия энтропии, способствует формированию смысла и эффекту сообщения.

Когнитивный характер механизма сравнения позволяет использовать его в рекламе как одно из средств формирования мироощущения немецкой языковой личности: с целью активного управления мировосприятием адресата через воздействие на его эмоционально-оценочную составляющую и предопределением направления его шагов в процессе интерпретации.

В художественном дискурсе конкретизирующая направленность компаративных единиц позволяет создать достоверное пространство, наполненное разнообразными ощущениями, передать пространственную перспективу. Структурные особенности компаративных единиц используются для помещения событий во временной континуум. Потенции сравнения к выражению оценок активно используются для выражения субъективно-оценочной модальности, для осуществления интроспекции во внутренний мир персонажа. Образы, привлекаемые в качестве эталонов, служат для

повышения эмоционально-эстетической ценности текста, для его внутренней организации, создают опоры, способствующие декодированию надтекстовой информации.

В заключение заметим, что в нашей работе мы попытались ответить на некоторые вопросы теории сравнения, используя комплексный подход, который предполагает 1) определение когнитивных оснований языкового явления на лингво-когнитивном уровне языковой личности; 2) описание проекции мыслительного образа языкового явления на вербально-семантический уровень языковой личности как языкового значения и на системно-языковую основу; 3) описание проекции мыслительного образа языкового явления в речь с учётом мотивов, которые определяют обращение к нему в текстах, отличающихся по своим параметрам. Предлагаемая методика описания языкового явления даёт возможность объединить этапы формирования мыслительного содержания и его вербализации языковыми средствами и проследить их взаимосвязь.

Дальнейшая перспектива исследования сравнения видится в углублении анализа сравнения в указанном ключе и в разработке вопросов, обозначившихся в процессе анализа механизма конкретизации признаков и оценок с помощью компаративных единиц. Определённый интерес представляет определение роли сравнения в текстах разных группировок, в дискурсах разных видов и типов. Широкий фронт для исследовательской работы представляет собой вопрос о выходе через сравнение в область лингвокультурных концептов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

КЕ – компаративная единица

КС – категориальная ситуация

ЛСВ – лексико-семантический вариант

НС – непосредственно составляющая

СФЕ – сверхфразовое единство

ФСП – функционально-семантическое поле

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулкадырова П. М. Компаративные фразеологические единицы даргинского языка в сопоставлении с английским языком (на материале хайдакского диалекта) : дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2010. 171 с.

Абдусаламова А. З. Сравнительные конструкции в русских и аварских фольклорных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2016. 18 с.

Абрамов Б. А. Избранные работы по немецкой грамматике и общим проблемам языкознания. М. : Кругъ, 2003. 424 с.

Абрамов Б. А. Синтаксические потенции глагола (в сопоставлении с потенциями других частей речи) // Филологические науки. 1966. № 3. С. 34–44.

Абрамов Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков. М. : ВЛАДОС, 1999. 286 с.

Абрамова Г. И. Этносемантика фразеологических компаративных единиц как элемент национально-культурной специфики (на примере русского, казахского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 268 с.

Агафонов А. Ю. Феномен осознания в когнитивной деятельности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2006. 41 с.

Агеев В. Н. Семиотика. М. : Весь Мир, 2002. 255 с.

Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / отв. ред. В. М. Павлов. Л. : Наука, 1988. 239 с.

Адмони В. Г. Теоретическая грамматика немецкого языка : строй современного немецкого языка. 4-е изд., дораб. М. : Просвещение, 1986. 334 с.

Азатьян А. В. Структурно-семантические особенности образных сложных существительных в немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1975. 18 с.

Акулова К. П. Разграничение членов предложения в современном немецком языке. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1971. 112 с.

Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-дискурсивная дихотомия знаков языка и речи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 11. С. 11–15.

Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. М. : Гнозис, 2005. 325 с.

Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Выпуск 2. Методы анализа текста / сост. В. З. Демьянков ; под ред. Ю. В. Ванникова ; отв. ред. И. П. Смирнов. М. : Всесоюзный центр переводов, 1982. 288 с. (Тетради новых терминов ; № 39).

Аникина А. Б. Образное слово в художественном и публицистическом произведении : вопросы стилистики текста : учеб. пособие. М. : ВК, 2005. 212 с.

Анисимов С. Ф. Введение в аксиологию : учеб. пособие. М. : Современные тетради, 2001. 127 с.

Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М. : Академия, 2003. 124 с.

Анохина С. П. Гетерогенные формы и перевод : монография. Тольятти : Изд-во ТГУС, 2007. 152 с.

Анохина С. П., Ниссен Ф. Х., Стариннова Т. Б. Тексты вторичной информативности : (Коммуникативно-прагматический аспект) : монография / под общ. ред. С. П. Анохиной. Тольятти : ПТИС, 2000. 173 с.

Анохин, С. П. Синтаксические контаминации : монография. Тольятти : ВУиТ, 2003. 233 с.

Аракелян И. Н. Субстантивные композиты метафорического характера в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. 23 с.

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : сборник / под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М., 1990. С. 5–32.

Арутюнова Н. Д. Сравнительная оценка ситуаций // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42, № 4. С. 231–233.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт / отв. ред. Г. В. Степанов. М. : Наука, 1988. 339 с.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Языки русской культуры, 1999. 895 с.

Арынов М. Г. О некоторых синтаксических выразителях сравнения в современном немецком языке // Иностраный язык : сборник. Алма-Ата, 1967. Вып.3. С. 125–130.

Арынов М. Сравнительные конструкции с *wie* и *gleich* в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1972. 24 с.

Арынов М. Г. Сравнительные конструкции с союзом *wie* в современном немецком языке // Вопросы языкознания и методики преподавания иностранных языков : сборник статей. Алма-Ата, 1965. С. 55–65.

Атонян К. В. Грамматическое оформление субстантивных лексических метафор в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 1975. 182 с.

Бабенко Е. В. Стереотипное и окказиональное в лексике современной немецкой рекламы : дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 162 с.

Балли Ш. Французская стилистика / под ред. Е. Г. Эткинда. М. : Изд-во иностранной литературы, 1961. 294 с.

Барсукова И. В. Систематизация лингвистических концептов эмоциональных состояний // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 4. С. 13–18.

Бахмутова Н. И. О некоторых основных понятиях процесса метафоризации // Вопросы стилистики : межвуз. науч. сборник. Саратов, 1972. Вып. 4. С. 95–104.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе : Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики : Исследования разных лет. М. : Художественная литература, 1975. С. 234–407.

Безукладова И. Ю. Эгоцентрические модели категоризации пространства в немецком языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2016. 40 с.

Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание : учеб. пособие. М. : Просвещение, 1979. 416 с.

Беркли Дж. Сочинения. М. : Мысль, 1978. 556 с.

Бернадская Ю. С. Текст в рекламе : учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 288 с.

Битокова С. Х. Парадигмальность метафоры как когнитивно-го механизма (на материале кабардинского, русского и английского языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2009. 46 с.

Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. М. : Высшая школа, 1986. 160 с.

Богатырева Н. А., Ноздрина Л. А. Стилистика современного немецкого языка = *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache* : учеб. пособие. М. : Академия, 2005. 331 с.

Богданова Л. И., Малькова В. В. Выявление ассоциативного потенциала слов-эталонов, представленных в русских и немецких устойчивых сравнениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2014. № 1. С. 41–51.

Божеева З. А. Фразеологические единицы предикативного типа с семантикой сравнения в немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. 23 с.

Болгарова Р. М. Функционально-семантическое поле компаративности в русском и татарском языках : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011. 181 с.

Болгарова Р. М., Мирзагитов Р. Х. Компаративность в русском и татарском языках: семантико-функциональный аспект // Филология и культура. 2013. № 1. С. 23–29.

Болдырев Н. Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка : сборник науч. трудов. Тамбов, 2005. С. 16–39.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика : Курс лекций по английской филологии / Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. 2-е изд., стер. Тамбов : Изд-во ТГУ, 2001. 121 с.

Большакова Л. С. Когнитивный механизм создания визуальной метафоры (на материале англоязычных музыкальных видеоклипов) // Современные проблемы науки и образования : сетевое изд. 2008. № 2. С. 119–123. URL: science-education.ru/ru/article/view?id=703 (дата обращения: 14.02.2022).

Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики : Языковая интерпретация идеи времени. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 257 с.

Бондарко А. В. Полевые структуры в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры : коллектив. монография / А. Э. Ахапкина, А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова [и др.] ; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. СПб., 2005. С. 12–28.

Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л. : Наука, Ленинградское отд-ние, 1983. 208 с.

Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса : От психолингвистики к лингвосинергетике. М. : КомКнига, 2007. 288 с.

Брагина Э. Л. Производные прилагательные современного немецкого языка с суффиксами –ig и –lich : дис. ... канд. филол. наук. М., 1953. 305 с.

Бразговская Е. Е. Лингво-стилистические аспекты художественного перевода : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 23 с.

Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. М. : Высшая школа, 1983. 271 с.

Брандес М. П. Стилистика текста : Теоретический курс : (на материале немецкого языка) : учебник. М. : Прогресс-Традиция [и др.], 2004. 413 с.

Брандес, М. П. Стилистический анализ : (на материале немецкого языка). М. : Высшая школа, 1971. 190 с.

Бубнова М. С. Грамматико-стилистическая характеристика сложноподчинённых предложений с придаточным ирреального

сравнения в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 16 с.

Бубнова М. С. Денотативный и коннотативный аспекты сложноподчинённого предложения с придаточными ирреального сравнения, вводимыми союзами *als*, *als ob*, *als wenn*, *wie wenn* // Вопросы грамматики немецкого языка : сборник статей / отв. ред. Е. В. Гулыга. М., 1977. Вып. 109. С. 18–31.

Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. 2007. № 1. С. 19–35.

Будникова Н. Н. Этнокультурный аспект в выражении сравнительных отношений в языке русского, английского и немецкого песенного фольклора : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2009. 19 с.

Бурдина З. Г. О процессах фразеологизации в компаративном словосочетании : на материале современного немецкого языка // Ученые записки Московского государственного педагогического института иностранных языков им. Мориса Тореза. М., 1968. Т. 39. С. 60–69.

Валгина Н. С. Теория текста : учеб. пособие. М. : Логос, 2004. 279 с.

Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А. П. Василевича. М. : URSS, 2005. 216 с.

Васильева Н. А. Кванторы как средство модификации значения качественных слов в современном немецком языке. Функционально-семантический и прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 203 с.

Вдовиченко А. В. «Язык» и лингвистический материал: что можно подсчитать? // Логический анализ языка : квантификативный аспект языка / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2005. С. 22–27.

Вежбицкая А. Восприятие: семантика абстрактного словаря / пер. с англ. Л. Д. Шмелева // Новое в зарубежной лингвистике / сост., общ. ред. и вступ. ст. В. В. Петрова. М., 1986. Вып. 18. С. 336–370.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / отв. ред. М. А. Кронгауз. М. : Русские словари, 1996. 411 с.

Веревкина Ю. О. Немецкие рекламные поликодовые тексты: герменевтический подход : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2010. 215 с.

Вилюнас В. К. Психология эмоциональных явлений. М. : Изд-во Московского ун-та, 1976. 142 с.

Виноградов В. В. Русский язык : (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Высшая школа, 1972. 614 с.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий : варианты речевого поведения. Изд. 2-е, стер. М. : URSS, 2005. 172 с.

Волкова Н. В. Метафорика переносного значения английских глаголов видения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 24 с.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Изд. 3-е, стер. М. : URSS, 2005. 283 с.

Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. М., 2003. Вып. 24. С. 5–12.

Воркачев С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика : межвуз. сборник науч. трудов. Воронеж, 2002. Вып. 3. С. 79–95.

Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт : монография. М. : Гнозис, 2004. 237 с.

Ворожбитова А. А. Теория текста : Антропоцентрическое направление : учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Высшая школа, 2005. 367 с.

Враймуд И. В. Графосемиотическое моделирование языковых явлений. М. : Флинта, 2009. 96 с.

Гаврилина А. А. Роль и место мотивационного компонента в структуре языковой личности / Ставропольский государственный университет. Ставрополь : СГУ, 2012. 113 с.

Гак В. Г. Беседы о французском слове: из сравнительной лексикологии французского и русского языков. 4-е изд. М. : URSS, 2008. 334 с.

Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики, 1972 : сборник статей. М., 1973. С. 349–372.

Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка : синтаксис. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 1986. 221 с.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 5-е изд., стер. М. : КомКнига, 2007. 144 с.

Гедина М. А. Феномен чувственного восприятия в контексте когнитивного подхода к языку (на базе английского и немецкого языков) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2009. № 8. С. 19–26.

Гилярова К. А. Языковая концептуализация формы физических объектов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 26 с.

Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. СПб. : Питер, 2000. 190 с.

Глазырин Р. А. Некоторые результаты сопоставительного исследования компаративных фразеологических единиц: на материале немецкого, английского и шведского языков // Ученые записки Московского государственного педагогического института иностранных языков им. Мориса Тореза. М., 1971. Т. 63. С. 191–203.

Глушак Т. С. О научной парадигме современной лингвистики // Компаративистика: современная теория и практика : междунар. конф. и XIV Съезд англистов / редкол.: И. В. Вершинин [и др.]. Самара, 2004. Т. 1. С. 15–21.

Голубева Е. В. Устойчивые сравнения как способ когниции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12, ч. 2. С. 88–91.

Горлатов А. М. Функционально-семантическое поле возвратности в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1977. 172 с.

Горлатов А. М. Функциональный стиль рекламы в современном немецком языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 2002. 34 с.

Горлатов А. М. Функциональный стиль рекламы в современном немецком языке : монография. Минск : МГЛУ, 2002. 257 с.

Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1970. 767 с.

Гречко В. А. Теория языкознания : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Высшая школа, 2003. 375 с.

Григоренко Т. Н. Семантические типы интенсификаторов (на материале португальского языка) // Лексико-семантические структуры в языке и речевой деятельности : сборник статей / отв. ред.: Г. С. Романова, А. М. Шахнарович. М., 1983. С. 41–58.

Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты : монография / Тамбовский государственный технический университет. Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2007. 287 с.

Гришаева Л. И. Индивидуальное использование языка и когнитивно-дискурсивный инвариант «языковая личность» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1. С. 16–22.

Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М. : Просвещение, 1969. 184 с.

Гуревич П. С. Философия культуры : учеб. пособие. 2-е изд., доп. М. : Аспект Пресс, 1995. 288 с.

Гутман Е. А., Черемисина М. И. Названия животных в составе сравнений // Вопросы языка и литературы : тематический сборник. Новосибирск, 1970. Вып. 4, ч. 1. С. 253–267.

Гухман М. М. Готский язык. Изд. 4-е. М. : URSS [и др.], 2012. 288 с.

Голумянц К. М. Структура, семантика и употребление устойчивых сравнений польского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1967. 28 с.

Давлетбаева Р. Г. Методический подход к реконструкции языковой личности // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14, № 3. С. 991–993.

Даниленко В. П. Методы лингвистического анализа : курс лекций. 3-е изд., стер. М. : Флинта, 2016. 278 с.

Десяткина Е. М. Категория градуальности в современных мордовских языках (на материале имени прилагательного) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 26 с.

Девятова Н. М. Диктумно-модусная организация сравнительных конструкций в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 49 с.

Дейк Т. А. ван. Принципы критического анализа дискурса // Перевод и лингвистика текста = Translation and text linguistics : сборник статей / ред. совет: И. И. Убин [и др.]. М., 1994. С. 169–217.

Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. под ред. В. И. Герасимова ; сост. В. В. Петрова. Изд. 2-е. Москва : ЛЕНАНД, 2014. 310 с.

Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста / пер. с англ. В. Б. Смиренского // Новое в зарубежной лингвистике / сост., ред. и вступ. ст. В. В. Петрова, В. И. Герасимова. М, 1988. Вып. 23. С. 153–211.

Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.

Демьянков В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла : сборник статей / отв. ред. М. В. Ляпон. М., 2007. С. 606–622.

Денисенко Я. Рекламные страсти. Часть вторая // Институт проблем предпринимательства : сайт. URL: www.ippnou.ru/article.php?idarticle=002310 (дата обращения: 17.02.2022). Дата публикации: 05.05.2006.

Денисова Г. Л. Временные формы немецких глаголов – показатели сравнительных отношений // Вестник Гуманитарного института ТГУ. 2010. № 1. С. 121–125.

Денисова Г. Л. Интроспекция во внутренний мир персонажа средствами сравнения // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 73–76.

Денисова Г. Л. Когнитивные основания анализа сравнения (на материале немецкого языка) // Мир лингвистики и коммуникации : электрон. науч. журнал. 2010. № 21. С. 41–52. URL: tverlingua.ru/archive/21/4_21.pdf (дата обращения: 17.02.2022).

Денисова Г. Л. Когнитивный механизм сравнения в немецком языке : дис... д-ра филол. наук. Тольятти, 2013. 482 с.

Денисова Г. Л. Когнитивный механизм сравнения: текстовый потенциал (на материале немецкого языка). Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2013. 316 с.

Денисова Г. Л. Компаративное высказывание в познании мира : монография / Волжский университет им. В. Н. Татищева. Тольятти : ВУиТ, 2007. 433 с.

Денисова Г. Л. Компаративное высказывание с als: структура, семантика, информативная нагрузка // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 6. С. 73–80.

Денисова Г. Л. Компаративное моделирование оценок // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. № 557. С. 169–181.

Денисова Г. Л. Констатация величины объекта с помощью сравнения (на материале немецкого языка) // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2. С. 105–111.

Денисова Г. Л. Концептуализация отношения сравнения в семантике показателей сравнительных отношений (на материале немецкого языка) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2009. № 2. С. 9–20.

Денисова Г. Л. Мотив использования эталона-антропонима, обозначенного именем собственным или местоимением (на материале немецкого языка) // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики : Материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред.: С. Н. Лебедева [и др.]. Тольятти, 2015. Т. 4, ч. 2. С. 163–169.

Денисова Г. Л. Обусловленность характеристик компаративных единиц прагматическими задачами текста (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 3. С.14–22.

Денисова Г. Л. Объективация результатов сравнения как воспринимаемой данности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 7. С. 153–157.

Денисова Г. Л. Поле сравнения: структура и место в системе языка (на материале немецкого языка) // Казанская наука. 2010. № 7. С. 114–121.

Денисова Г. Л. Преимущества комплексного подхода к исследованию сравнения (на материале немецкого языка) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. № 2. С. 31–42.

Денисова Г. Л. Спецификация формы средствами сравнения (на материале немецкого языка) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2010. № 11. С. 44–53.

Денисова Г. Л. Сравнение в локально-темпоральной структуре текста (на материале немецкого языка) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2009. № 1. С. 13–32.

Денисова Г. Л. Сравнение в создании звукового пейзажа (на материале немецкого языка) // В мире научных открытий. 2010. № 4–3. С. 16–18.

Денисова Г. Л. Сравнение в справочном дискурсе (на материале немецкого определителя грибов) // Гетерогенность и плюрицентризм немецкоязычного пространства: теория и практика : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л. А. Иванова. Ульяновск, 2010. С. 16–23.

Денисова Г. Л. Статус узуальных языковых единиц со сравнением во внутренней форме (на материале немецкого языка) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2016. Т. 1, № 1. С. 28–35.

Денисова Г. Л. Функции сравнения в немецкой рекламе продукта или услуги // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 4. С. 15–25.

Денисова Г. Л. Характер отношения между обозначениями темы и эталона в сравнении (на материале немецкого языка) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2011. № 8. С. 57–64.

Денисова Г. Л. Характеристики сравнения в немецкой статической торгово-розничной рекламе // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 4. С. 5–14.

Денисова Г. Л. Языковые опоры, снимающие неопределённость основания сравнения (на материале немецкого языка) // Наука и современность. 2010. № 1-2. С. 203–208.

Джелюлов А. А. Семантическая группа фразеологических единиц, обозначающих различные ощущения в крымскотатарском языке // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2009. Т. 22, № 3. С. 96–100.

Джефкинс Ф. Реклама : учеб. пособие / пер. с англ. под ред. Б. Л. Еремина. М. : ЮНИТИ, 2012. 523 с.

Дзялошинский И. М., Пильгун М. А. Ресурсы коммуникативного воздействия // Медиаскоп : электронный научный журнал. 2012. № 2. URL: mediascope.ru/node/1082 (дата обращения: 27.04.2022).

Дмитриев О. А. Структурно-семантическая характеристика слогана как особой разновидности рекламного текста : дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 2000. 149 с.

Дмитриева Н. В. Роль признака в выборе эталона сравнения (на материале адъективных сравнений английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2000. 15 с.

Дубинин С. И., Бондаренко М. В., Тетеревенков А. Е. Готский язык : Фонология, морфология, синтаксис и лексика : тексты и задания : учеб. пособие. Изд. 2-е, доп. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2006. 143 с.

Ермакова О. П. Переход качества в количество (о природе интенсификаторов) // Логический анализ языка : Квантификативный аспект языка / отв. ред Н. Д. Арутюнова. М. : ИНДРИК, 2005. С. 272–279.

Жерновая О. Р. Структурно-семантические характеристики ядра поля компаративности в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2000. 167 с.

Жилин И. М. Инфинитивный оборот с WIE, UM, ZU и его синонимы в современном немецком языке // Вопросы германской и романской филологии : сборник статей / Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков ; отв ред. Ю. Г. Татишвили. Пятигорск, 1961. С. 99–122. (Ученые записки ; т. 24).

Жилин И. М. О категории компаративности // Вопросы синтаксиса и стилистики немецкого языка : сборник статей / редкол.: В. М. Павлов (отв. ред.) [и др.]. Л., 1963. С. 83–90. (Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена ; т. 255).

Залевская А. А. Концепт как достояние индивида // Психолингвистические исследования слова и текста : сборник науч. трудов / редкол.: А. А. Залевская (отв. ред.) [и др.]. Тверь, 2002. С. 5–18.

Залевская А. А. Корпоральная семантика и интегративный подход к языку // Лингвистические парадигмы и лингводидактика : Материалы VII междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. В. Кравченко. Иркутск, 2002. С. 9–21.

Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избранные труды. М. : Гнозис, 2005. 543 с.

Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сборник / науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж, 2001. С. 36–44.

Залевская А. А. Языковое сознание и описательная модель языка // Методология современной психолингвистики : сборник статей / науч. ред.: В. А. Пищальникова. М. [и др.], 2003. С. 35–49.

Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы её представления : монография. М. : Языки славянских культур, 2006. 671 с.

Заруднева Е. А. Компаративные конструкции в лингвокогнитивном аспекте (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 21 с.

Захарова Т. В. Концепт сравнение и его репрезентация в немецком и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 24 с.

Зверева Е. А. Выражение сравнения, сопоставления и противопоставления в свете ситуативной методики обучения (на материале английской научной прозы) // Функциональный стиль научной прозы : проблемы лингвистики и методики преподавания / редкол.: М. Я. Цвиллинг (отв. ред.) [и др.]. М., 1980. С. 207–233.

Зеленецкий А. Л., Монахов П. Ф. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М. : Просвещение, 1983. 240 с.

Зоммерфельдт К.-Е. О взаимоотношении лексики и грамматики (к вопросу о выражении сравнения в сложных прилагательных немецкого языка) // Иностранные языки в школе. 1984. № 5. С. 3–5.

Иванова А. Б. Общая характеристика функционально-семантического макрополя градуирования качества в английском языке // Бодуэн де Куртене и современная лингвистика : Материалы Междунар. науч. конф. «Бодуэновские чтения» / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань, 2001. Т. 2. С. 109–110. (Ученые записки Казанского государственного университета ; т. 143, вып. 2).

Иванова С. В., Самигуллина А. С. В многомерном пространстве языкознания и за его пределами: интегративность in actu // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14, № 3-1. С. 1181–1189.

Ивашкевич Л. В. Сложные прилагательные немецкого языка с первым компонентом основной имени существительного типа *scheeweiß, grasgrün* : существительные // Вопросы лексикологии и стилистики германских языков : сборник науч. трудов / отв. ред. А. В. Федоров. Л., 1958. С. 3–14. (Ученые записки ЛГУ имени А. А. Жданова ; № 260. Серия филологических наук ; вып. 48).

Ивина Л. В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем : (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования) : учеб.-метод. пособие. М. : Академический проект, 2003. 303 с.

Ильинова Е. Ю. Рекламный дискурс: ценности, образы, ассоциации // Рекламный дискурс и рекламный текст : коллектив. монография / науч. ред Т. Н. Колокольцева. М., 2016. С. 38–56.

Илюхина Н. А. Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара : Самарский университет, 1998. 204 с.

Искандерова И. З. Семантико-структурная характеристика сравнительных конструкций современного немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 16 с.

Искандерова И. З. Семантико-структурная характеристика сравнительных конструкций современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 236 с.

Кабалина О. И. Категория локальности и валентность глаголов в немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета : электрон. журнал. 2016. № 1. URL: vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/728 (дата обращения: 20.02.2022). Дата публикации: 10.03.2016.

Казанцева И. В. Функционально-семантическое поле компаративности в марийском литературном языке : дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2005. 238 с.

Кара-Мурза Е. С. Культура речи в рекламной деятельности // Журналистика и культура русской речи. 1996. Вып. 1. С. 35–50.

Карапетова Е. Г. Функционально-семантическая категория компаративности в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2000. 16 с.

Карасик В. И. Типы коммуникативной тональности // Язык. Сознание. Культура. Социум : сборник докладов и сообщений международного науч. конф. Саратов, 2008. С. 421–432.

Карасик В. И. Эмблематика самопрезентации в рекламном дискурсе // Рекламный дискурс и рекламный текст : коллектив. монография / науч. ред Т. Н. Колокольцева. М., 2016. С. 88–99.

Карасик В. И. Язык социального статуса : Социолингвистический аспект. Прагмалингвистический аспект. Лингвосемантический аспект. М. : Гнозис, 2002. 333 с.

Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс : монография. М. : Гнозис, 2004. 390 с.

Каратаева Л. В. Сопоставительный анализ рекламной лексики в текстах русской и немецкой прессы : (функционально-семантический и словообразовательный аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2003. 25 с.

Караулов Ю. Н. На уровне языковой личности // Между семантикой и гносеологией / Ю. Н. Караулов, А. Л. Федотов, Н. Л. Чулкина. М., 1985. С. 4–29. (Предварительные публикации ; вып. 164).

Караулов Ю. Н. Основные характеристики языковой способности // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики : тезисы докладов и сообщений международного науч. конф. / редкол.: Л. Г. Бабенко (отв. ред.) [и др.]. Екатеринбург, 1995. С. 8–9.

Караулов Ю.Н., Красильникова Е. В. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1989. С. 3—10.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 4-е изд., стер. М. : УРСС, 2004. 263 с.

Караулов Ю. Н. Языковая личность в когнитивной перспективе // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания : X науч.-практ. конф. молодых учёных / редкол.: В. М. Шаклеин (гл. ред.) [и др.]. М., 2008. С. 17—31.

Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы. М. : Смысл, 1995. 127 с.

Кацитадзе Э. А. Метафоризация зоонимов в немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1985. 20 с.

Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение / под общ. ред. В. М. Жирмунского (отв. ред.) [и др.]. Изд. 3-е. М. : УРСС, 2010. 110 с.

Кашлева К. К. Лингвокультурный концепт ВРЕМЯ в английской и немецкой языковых картинах мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 27 с.

Керимов Р. Д. Метафорический антропоморфизм в социально-политической коммуникации : монография. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2015. 338 с.

Современная американская лингвистика: фундаментальные направления : сборник обзоров / под ред. А. А. Кибрика [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М. : УРСС, 2002. 477 с.

Кирсанова Н. Н. Сравнение как основа номинации в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1997. 16 с.

Кияненко Т. Ф. О некоторых принципах классификации метафор (на материале французского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969. 18 с.

Колесов В. В. Язык и ментальность = Language and mentality. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004. 237 с.

Колесов И. Ю. Актуализация зрительного восприятия в языке: когнитивный аспект (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Барнаул, 2009. 34 с.

Колокольцева Т. Н. Предисловие // Рекламный дискурс и рекламный текст : коллектив. монография / науч. ред Т. Н. Колокольцева. М., 2016. С. 5–9.

Колпакова Г. В. Экспрессивное значение немецких сложных существительных в системе языка и речи : дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1985. 249 с.

Колупаева А. А. Концепт запах и способы его репрезентации в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 23 с.

Колшанский Г. В. Контекстная семантика. Изд. 2-е, стер. М. : ЛЕНАНД, 2005. 149 с.

Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / отв. ред. А. М. Шахнарович. Изд. 3-е, стер. М. : URSS, 2006. 128 с.

Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. Изд. 2-е. М. : URSS, 2005. 231 с.

Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. Изд. 4-е. М. : URSS, 2012. 192 с.

Комлева Н. Г. Лексические инновации метафорического типа в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1981. 16 с.

Кондаков Н. И. Логический словарь. М. : Наука, 1971. 658 с.

Коршунова А. В. Языковая игра в рекламном слогане (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2007. 189 с.

Костомаров В. Г. Наш язык в действии : очерки современной русской стилистики. М. : Гардарики, 2005. 287 с.

Кострова О. А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка : учеб. пособие. М. : Флинта, 2004. 239 с.

Которова Е. Г. Метафорика в словаре и в тексте (сопоставительный анализ переносных значений в немецком и русском языках) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 24 с.

Которова Е. Г. Семантический объём термина «метафора» // Общее и сопоставительное языкознание : сборник статей / под ред. Г. И. Раповой. М., 1986. С. 29–36.

Кравец О. В. К вопросу о структуре поля компаративности в английском и немецком языках // Вестник науки и образования. 2016. № 9. С. 58–60.

Кравец О. В. Особенности микрополей различия в немецком и английском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7, ч. 1. С. 101–104.

Кравец О. В. Функционально-семантическое поле компаративности в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2003. 150 с.

Кравец О. В. Ядерные конститuentы поля компаративности в английском и немецком языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3, ч. 1. С. 96–98.

Крапивкина М. В. Язык немецкой журнальной рекламы: вербальные и невербальные средства конструирования гендерной идентичности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 24 с.

Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : монография. М. : Гнозис, 2008. 373 с.

Краснощёков Е. В. Выражение притяжательности в немецком языке с помощью имен прилагательных // Известия ЮФУ. Технические науки. 2010. № 10. С. 18–24.

Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? : Человек. Сознание. Коммуникация. М. : Диалог-МГУ, 1998. 352 с.

Кривоносов А. Т. Система классов слов как отражение структуры языкового сознания : (Философские основы теоретической грамматики). М. [и др.] : ЧеРо, 2001. 845 с.

Кронгауз М. А. Семантика : учебник. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академия, 2005. 351 с.

Крылов А. Ю. Функционально-семантическое поле эмотивности в арабском литературном языке и арабских разговорных языках Машрика и Магриба : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 24 с.

Крылова И. А. Некоторые аспекты лингвистического изучения метафоры: о семантической природе метафоры // Ученые записки Горьковского университета им. Н.И. Лобачевского. Горький, 1967. Вып. 76. С. 98–119.

Крылова М. Н. Разноуровневые средства выражения сравнения, их функции в языке поэзии и прозы И. А. Бунина и С. А. Есенина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 18 с.

Кубрякова Е. С. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время : материалы науч. конф. / отв. ред. Е. С. Кубрякова. М., 1997. С. 15–26.

Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / отв. ред. Б. А. Серебrenников. Изд. 2-е. М. : URSS [и др.], 2008. 158 с.

Кубрякова Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. Вып. 1. С. 4–10. URL: cyberleninka.ru/article/n/o-kognitivnoy-lingvistike-i-semantike-termina-kognitivnyu (дата обращения: 21.02.2022).

Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика : доклады VIII Междунар. конф. / отв. ред.: О. А. Давыдова, Е. И. Диброва. М., 2001. Т. 1. С. 72–81. URL: www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm (дата обращения: 21.02.2022).

Кубрякова Е. С. Об актуальных задачах теории словообразования (на рубеже веков) // Материалы международной конференции, посвящённой научному наследию профессора М. Д. Степановой и его дальнейшему развитию. М., 2001. С. 11–18.

Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.

Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и её современный статус // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 1994. Т. 53, № 2. С. 3–15.

Кубрякова Е. С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 28–34.

Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58, № 5–6. С. 3–12.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8–16.

Кузнецова Л. И. Национальная специфика сравнений в русском языке (в сопоставлении с французским) // Русское слово в лингвострановедческом аспекте : межвуз. сборник науч. работ / отв. ред.: Ю. Т. Листрова-Правда. Воронеж, 1987. С. 132–139.

Кузьмина Е. Б. Особенности номинации грибов в псковских говорах // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 79–83.

Куленко В. Е. Структура и семантика модуля WIE-компаратов и их эквивалентов в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1976. 193 с.

Курашкина Н. А. Семантическое поле «звук» как репрезентация звукоферы в языке (на материале английского, французского и русского языков) // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12, № 3. С. 84–85.

Куслик А. М. Сопоставительное исследование словосочетаний с прилагательными цвета в немецком и русском языках (на материале повести Ю. Брезана «История одной любви») // XXVI Герценовские чтения. Иностранные языки : краткое содержание докладов. Л., 1973. Ч. 1. С. 102–106.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. Изд. 3-е. М. : URSS. 2017. 254 с.

Латышев Л. К. Лексико-семантическая сочетаемость глаголов «обладания» с именами существительными (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 29 с.

Левина Е. А. Сравнения в немецких радиотекстах : (семантика, структура, функции) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2006. 20 с.

Левина Е. А. Сравнения в предложениях с копулятивными глаголами (на материале немецких радиотекстов) // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2010. № 14. С. 128–136.

Левицкий Ю. А. Лингвистика текста : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 2006. 207 с.

Левицкий Ю. А. Общее языкознание : учеб. пособие. Изд. 2-е. М. : URSS [и др.], 2005. 264 с.

Левицкий Ю. А. Основы теории синтаксиса : учеб. пособие. Изд. 3-е, испр. и доп. М. : URSS, 2005. 367 с.

Левковская О. А. Функциональная специфика генитива в современном немецком языке (на материале дискурса периодической печати) : автореф. дис...канд. филол. наук. Тамбов, 2017. 22 с.

Левченко М. Н., Скрипник К. В. Инварианты темпорально-локальной архитектоники рекламного слогана (на материале английского языка) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 3. С. 185–193.

Левченко М. Н. Языковая архитектура текста молитвы «Отче наш» // Вестник МГОУ : электрон. журнал. 2013. № 2. URL: evestnik-mgoou.ru/ru/Articles/Doc/342 (дата обращения: 22.02.2022). Дата публикации: 04.04.2013.

Ледовская Н. Н. Суперлативность в разносистемных языках (экспериментально-типологическое исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2004. 18 с.

Лившиц Т. Н. Специфика рекламы в прагматическом и лингвистическом аспектах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 1999. 24 с.

Литвин Ф. А. Многозначность слова в языке и речи : учеб. пособие. Изд. 2-е, стер. М. : URSS [и др.], 2005. 118 с.

Лузина Л. Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : сборник науч. трудов / редкол.: С. А. Ромашко [и др.]. Изд. 2-е, доп. М., 2008. С. 40–48.

Лызлов А. И. Образ бедного человека в компаративных паремиях английского и немецкого языка // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 2-4. С. 44–48.

Лыткина Г. В. Сравнительные конструкции русского языка: логико-лингвистический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6, ч. 3. С. 115–119.

Любова А. Н. Адъективные компаративные фразеологизмы в английском, немецком и норвежском языках: общее и специфическое : дис. ... канд. филол. наук. Северодвинск, 2009. 207 с.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса : монография. М. : Гнозис, 2003. 277 с.

Макушева Ю. М. Сложные прилагательные типа S + Adj. в современном немецком языке : (опыт структурно-семантического моделирования) : дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1968. 348 с.

Малькова В. В. Реализация тематического поля «внешность человека» в устойчивых сравнениях русского и немецкого языков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2013. № 4. С. 39–43.

Малькова В. В. Русские и немецкие эталоны сравнения как проявление имплицитного в языках // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 5, ч 1. С. 100–102.

Марк Е. А. Развитие придаточных предложений ирреального сравнения в немецком языке : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1958. 238 с.

Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. 10-е изд., стер. М. : Флинта, 2021. 294 с.

Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск : ТетраСистемс, 2004. 266 с.

Мед Н. Г. Образное сравнение как объект лингвокультурологического анализа (на материале испанского языка) // Язык. Сознание. Коммуникация : сборник науч. статей / редкол. вып.: М. Л. Ремнева [и др.]. М., 2016. Вып. 53. С. 237–245.

Медведева Е. В. Основы рекламоведения. М. : РИП-холдинг, 2004. 266 с.

Миллер Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры / пер. с англ. В. В. Туровского // Теория метафоры : сборник / под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М., 1990. С. 236–283.

Миронова Н. Н. Дискурс-анализ оценочной семантики : учеб. пособие по языкознанию : (немецкий язык). М. : НВИ [и др.], 1997. 158 с.

Михайлов В. Я. Компаративная фразеология как особая структурно-семантическая группа в составе фразеологии в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. 27 с.

Михайлов В. Я. Языковые способы выражения сравнения в современном немецком языке // Вопросы романо-германского языкознания и методики преподавания иностранных языков : сборник статей / редкол.: Е. А. Корнеева (отв. ред.) [и др.]. Л., 1970. С. 168–176. (Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена ; т. 469).

Моисеева С. А. Особенности полисемии глаголов восприятия (на материале западно-романских языков) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 15. С. 39–50.

Молчанова И. Д. Усилительные сложные прилагательные в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 1954. 295 с.

Москальская О. И. История немецкого языка = Deutsche Sprachgeschichte : учебник. 2-е изд., стер. М. : Академия, 2006. 281 с.

Москальская О. И. Теоретическая грамматика немецкого языка = Grammatik der deutschen Gegenwartssprache : учебник. 3-е изд., доп. М. : Высшая школа, 1983. 344 с.

Москвин В. П. Русская метафора: очерк семиотической теории. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : УРСС, 2006. 182 с.

Мукарамов М. Сравнения и способы их выражения в узбекском литературном языке : автореф. дис... канд. филол. наук. Ташкент, 1971. 23 с.

Мурзина Н. Ю. Функционально-семантическое поле сравнения в языке прессы Республики Татарстан : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2010. 17 с.

Мыльникова Н. В. Функциональный аспект содержания концепта «рука» // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 1. С. 157–163.

Назарова И. В. Типология компаративных единиц в когнитивном аспекте (на материале русского и французского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 179 с.

Натанзон М. Д. Относительное употребление времен в современном немецком языке (употребление плюсквамперфекта) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1948. 219 с.

Неведомская А. М. Устойчивые адъективные сравнения немецкого языка в сопоставлении с русским : в структурно-морфологическом аспекте // Вопросы филологии немецкого языка : сборник статей / редкол.: В. А. Ковин (отв. ред.) [и др.]. Вологда, 1971. С. 54–70. (Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена ; т. 520).

Никитина Р. С. Стилистические функции эмоционально-экспрессивных сложных прилагательных : на материале прозы Г. Гейне, Т. Манна, Э. Штриттматтера : автореф. дис... канд. филол. наук. Л., 1972. 20 с.

Николаева А. В. Функционально-семантическое поле компаративности в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону 2002. 166 с.

Николаева Т. Н. Типологическая параметризация компаративной фразеологии современного якутского и немецкого языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2003. 23 с.

Никонова Ж. В. Фреймовый анализ речевых актов (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2009. 41 с.

Новикова Е. В. Эталоны сравнения в немецкой языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006. 156 с.

Новикова Е. И. К вопросу об универсальности некоторых типов метафор (на материале немецкого и русского языков) // Компаративистика: современная теория и практика : междунар. конф. и XIV Съезд англистов / редкол.: И. В. Вершинин [и др.]. Самара, 2004. Т. 1. С. 324–336.

Ноздрина Л. А. Поэтика грамматических категорий : курс лекций по интерпретации художественного текста : учеб. пособие. М. : ТЕЗАУРУС, 2004. 211 с.

Норман Б. Ю. Теория языка : вводный курс : учеб. пособие. М. : Флинта, 2004. 293 с.

Нуриев Б. Д. Философское познание языковой реальности и языковой деятельности : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Уфа, 2009. 19 с.

Образцова В. В. Сравнения в поэзии Сергея Есенина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971. 19 с.

Овчинникова Т. Е. Пространственная метафора в семантике модальных частиц дейктического происхождения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 24 с.

Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. М. : Либроком, 2010. 177 с.

Олешко Г. И. Семантика и функции именных ALS-конструкций в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1975. 198 с.

Олянич А. В. Рекламный дискурс и его конститутивные признаки // Рекламный дискурс и рекламный текст : коллектив. монография / науч. ред Т. Н. Колокольцева. М., 2016. С. 10–37.

Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры / пер. Б. В. Дубинина // Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет ; редкол.: А. Я. Зись [и др.] ; сост. В. Е. Багно. М., 1991. С. 203–217.

Павлова Н. С. Лексика с семой 'запах' в языке, речи и тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 18 с.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М. : Языки славянской культуры, 2004. 607 с.

Падучева Е. В. О референции языковых выражений с непредложным значением // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 1986. № 1. С. 23–31.

Панасенко Е. Ю. Экстраполяция пространственных отношений на нематериальные сферы действительности и их репрезентация в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 22 с.

Панасенко Л. А. Метафорические модели функциональной поликатегоризации глагола в английском языке // Языки и транснациональные проблемы : Материалы I междунар. науч. конф. М. [и др.], 2004. Т. 1. С. 273–278.

Панкова И. М. Сравнение как смыслообразующая доминанта рекламного текста : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 183 с.

Папина А. Ф. Текст : его единицы и глобальные категории. М. : УРСС, 2002. 367 с.

Парадигмы научного знания в современной лингвистике : сборник науч. трудов / Российская академия наук, Институт научной информации по общественным наукам ; редкол.: С. А. Ромашко [и др.]. Изд. 2-е, доп. М. : ИНИОН РАН, 2008. 182 с.

Патрикеева А. А. Англицизмы в немецком языке (на материале языка рекламы) : автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2009. 22 с.

Песина С. А. Полисемия в когнитивном аспекте : монография. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 325 с.

Петрова Е. Г. Языковая природа стилистического приёма «развёрнутая метафора» и его роль в создании целостности художественного текста : (на примере англо-американской художественной прозы XIX–XX веков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 25 с.

Петроченко Л. А. Структурные особенности категории компаративности (на материале английского языка) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 3. С. 9–12.

Пирогова Ю. К. Феномен давления дискурса в текстах маркетинговых коммуникаций // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке : коллектив. монография / под ред. М. Н. Володиной. М., 2011. С. 208–217.

Попова З. Д. Способы вербализации концептов как проблема когнитивной лингвистики // *Respectus Philologicus*. 2009. № 16. С. 56–61. URL: www.journals.vu.lt/respectus-philologicus/article/view/15769/14778 (дата обращения: 22.02.2022).

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ [и др.], 2007. 314 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. 2-е изд., испр. Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2000. 30 с.

Постникова С. В. Некоторые проблемы лингвистического знака и сравнительные конструкции (на материале немецкого языка) // Вопросы структуры германских языков. Омск, 1978. Вып. 3. С. 134–140.

Постникова С. В. Сравнительные конструкции в составе простого предложения современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. 242 с.

Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков : Изд. М. В. Потебни, 1905. 656 с.

Потебня А. А. Теоретическая поэтика / сост. А. Б. Муратов. М. : Высшая школа, 1990. 344 с.

Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М. : Искусство, 1976. 614 с.

Прищепа В. Е. Немецкие сравнительные конструкции на морфемном уровне : дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1985. 178 с.

Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс : учеб. пособие / Ю. Е. Прохоров. 4-е изд., стер. М. : Флинта, 2011. 222 с.

Прохорова М. Е. Особенности концептуализации характеристик человека, описываемых посредством цветовых сравнений // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Филологические науки и культурология. 2016. № 3. С. 24–30.

Прохорова М. Е. Цвет как основа характеристики человека в сравнительных словосочетаниях (на материале русского, английского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2010. 24 с.

Пустошило Е. П. Между сходным и различным. Одно из значений категории сравнения в русских и белорусских паремиях : монография. Гродно : ГрГУ, 2010. 196 с.

Радченко О. А. Язык как мирозидание : лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. Изд. 3-е, стер. М. : URSS, 2006. 310 с.

Разуваева Л. В. Типы компаративных конструкций в художественном тексте с позиции их восприятия реципиентом // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2008. № 2. С. 102–104.

Родионова С. Е. Семантика интенсивности и её выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры : коллектив. монография / А. Э. Ахапкина, А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова [и др.] ; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. СПб., 2005. С. 150–168.

Росситер Дж., Перси Л. Реклама и продвижение товаров : Позиционирование. Медиа-планирование. Эффективная реклама / пер. с англ. М. Бугаев [и др.]. 2-е изд. СПб. [и др.] : Питер, 2001. 651 с.

Рсалдинов К. Т. Категория интенсивности признака в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 27 с.

Рсалдинов К. Т. Категория интенсивности признака в современном немецком языке : дис.... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1979. 207 с.

Рудакова А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика : монография. 2-е изд., испр. Воронеж : Истоки, 2004. 80 с.

Румянцева М. В. Типологические особенности компаративных конструкций (на материале русского и немецкого языков) : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 184 с.

Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М. : Academia, 2005. 639 с.

Сакаян Д. Г. Сложные прилагательные, обозначающие цвет в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964. 15 с.

Саликов Р. В. ИмPLICITные способы вербализации концепта «сравнение» в английском языке: проблемы перевода // Языки и транснациональные проблемы : Материалы I междунар. науч. конф. М. [и др.], 2004. Т. 1. С. 348–351.

Салимова Д. А., Данилова Ю. Ю. Время и пространство как категории текста: теория и опыт исследования : (на материале поэзии М.И. Цветаевой и З.Н. Гиппиус) : монография. 2-е изд., стер. М. : Флинта, 2016. 197 с.

Салькова Д. А. Некоторые вопросы омонимии и многозначности синтаксических конструкций : (на материале немецких придаточных предложений с союзами als, dass, wie, als dass, als wenn) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1967. 330 с.

Саньярова Р. Р. Концепты внутреннего мира человека в башкирской языковой картине мира (на материале трилогии З. Биишевой «К свету») // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13, № 4. С. 1012–1015.

Сасина В. П. Поле компаративности в современной английской тропике : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1979. 27 с.

Светоносова Т. А. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия // Филологические науки в МГИМО : сборник науч. трудов / отв. ред. Г. И. Гладков. М., 2007. Т. 27. С. 39–46.

Сердобинцева Е. Н. Структура и язык рекламных текстов : учеб. пособие. 4-е изд., стер. М. : Флинта, 2016. 159 с.

Сильченко Е. В. Когнитивность как основа прогнозирования метафорического пространства : монография. Барнаул : Азбука, 2007. 106 с.

Слюсарева Н. А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка / отв. ред. А. Д. Швейцер. М. : Наука, 1986. 215 с.

Смирнова О. М. К вопросу о методологии описания концептов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 3. С. 247–253.

Современный русский язык : Лексика и фразеология. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Словообразование. Морфология. Синтаксис / А. Б. Аникина, Ю. А. Бельчиков, В. Н. Вакуров [и др.] ; под ред. Д. Э. Розенталя. 4-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 1984. 735 с.

Современный русский язык : Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис : учебник для вузов / ред. Л. А. Новиков. 4-е изд., стер. СПб. [и др.] : Лань, 2003. 855 с.

Сокольская Н. Ф. Выражение отношения пропорционального соответствия в синтаксисе современного немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1977. 24 с.

Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия : монография / Н. А. Безменова, В. П. Белянин, Н. Н. Богомолова [и др.] ; отв. ред. Р. Г. Котов. М., 1990. С. 180–186.

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / под ред. Р. О. Шор. Изд. 7-е. М. : URSS, 2016. 270 с.

Старосельцев Л. П. Предложения тождества в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971. 17 с.

Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект, 2004. 991 с.

Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М. : Языки славянских культур, 2007. 246 с.

Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. 4-е изд., стер. М. : УРСС, 2003. 312 с.

Степанов Ю. С. Французская стилистика (в сравнении с русской) : учеб. пособ. Изд. 7-е, доп. М. : Ленанд, 2014. 365 с.

Степанов Ю. С., Проскурин, С. Г. Константы мировой культуры : Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М. : Наука, 1993. 157 с.

Степанова А. В. Интертекстуальная природа образа и образности : (на материале образных сравнительных конструкций английской и американской литературы 19 и 20 вв.) : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 212 с.

Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. Изд. 2-е, испр. М. : КомКнига [и др.], 2007. 375 с.

Степанова М. Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М. : Высшая школа, 1984. 264 с.

Стернин И. А., Попова З. Д. Семантико-когнитивное направление в российской лингвистике // *Respectus philologicus*. 2006. № 10. С. 43–52.

Судиловская В. Г. Семантико-стилистическая характеристика производных прилагательных с суффиксами -bar, -sam, -lich : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978. 248 с.

Сущинский И. И. Семантическое поле *sehr* // Структурно-семантические исследования на материале западных языков : Межвуз. темат. сборник кафедр иностр. яз. / редкол.: Э. С. Рахманкулова (отв. ред.) [и др.] ; Куйбышев, 1974. С. 242–263.

Сущинский И. И. Система средств выражения высокой степени признака : На материале современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 197 с.

Сущинский И. И. Словообразовательные и синтаксические средства выражения высокой степени // Вопросы лексики, грамматики и фонетики немецкого языка : сборник трудов / редкол.: В. Д. Девкин (отв. ред.) [и др.]. М., 1974. С. 159–175.

Сущинский И. И. Фразеологические средства выражения усиления в современном немецком языке // Вопросы строя немецкой речи. М., 1975. С. 93–113.

Талалай Т. С. Субстантивные определительные композиты в текстах немецкой рекламы : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2011. 212 с.

Тамерьян Т. Ю. Понятие языковой личности в контексте коммуникации // Язык. Текст. Дискурс : межвуз. науч. альманах / под ред. Г. Н. Манаенко ; редкол.: О. А. Алимуратов [и др.]. Ставрополь, 2006. Вып. 4. С. 64–69.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / отв. ред. А. А. Уфимцева. М. : Наука, 1986. 143 с.

Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова [и др.] ; отв. ред. Б. А. Серебренников. М., 1988. С. 173–203. URL: genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml (дата обращения: 24.02.2022).

Телия В. Н. Русская фразеология : Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 286 с.

Темиргазина З. К. Зооморфная модель метафоризации в русской и казахской зоологической терминологии // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. 2017. Т. 3, № 1. С. 5–9.

Теория функциональной грамматики : Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / А. В. Бондарко, М. А. Шелякин, В. С. Храковский [и др.] ; отв. ред. А. В. Бондарко. Изд. 7-е. М. : URSS, 2017. 347 с.

Томашевский Б. В. Стилистика / отв. ред. А. Б. Муратов. Изд. 3-е. М. : Либроком, 2010. 284 с.

Трегубчак А. В. Варианты семантических оттенков сравнительных конструкций // Филологические и педагогические аспекты гуманитарного образования в высшей школе : материалы межрегион. науч.-практ. семинара с междунар. участием / ред.: Н. П. Тюменева [и др.]. Рязань, 2016. С. 154–157.

Тукаева Г. С. Исследовательский потенциал когнитивных структур // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14, № 3. С. 861–865.

Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М. : Высшая школа, 1990. 173 с.

Умеренкова А. В. Лингво-когнитивное моделирование эффекта обманутого ожидания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2009. 18 с.

Урысон Е. В. Большой и маленький: шкала размера в русском языке // *Логический анализ языка : Квантификативный аспект языка : сборник статей / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2005. С. 477–495.*

Усминский О. И. Семантические и сенсорно-прагматические особенности функциональных компаративных переносов // *Language and Literature. – Тюмень: ТюмГУ, 1999. Вып. 3. Режим доступа: <http://frgf.utmn.ru/journal>. (дата обращения: 26.11.20).*

Уфимцева А. А. Лексическое значение : принцип семиологического описания лексики / под. ред. Ю. С. Степанова. 2-е изд., стер. М. : УРСС, 2002. 240 с.

Ученова В. В. *Философия рекламы : учеб. пособие. М. : Гелла-принт, 2003. 199 с.*

Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. *Реклама: принципы и практика. СПб. : Питер, 1999. 735 с.*

Федеряева Н. О. Система межчастеречных компаративных конструкций неравенства (на материале английского языка в сопоставлении с русским) : автореф дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 21 с.

Федеряева Н. О., Петроченко Л. А. О способах выражения категории компаративности // *Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 9. С. 45–51.*

Федосеева Н. С. *Функционально-семантическое поле сравнения в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1997. 17 с.*

Федотова О. С. *Лингвостилистические средства реализации интроспекции персонажа в современной англоязычной художественной прозе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 24 с.*

Фефилов А. И. *Введение в когитологию : учеб. пособие. М. : Флинта, 2010. 238 с.*

Филатова А. А. *Концепт как конституирующий элемент культуры (когнитивный подход) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 27 с.*

Филатова К. Л. Зрительная сцена как теоретический конструкт в антропологии и когнитивной лингвистике // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 119–120.

Филипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: теория и метод / под ред. А. А. Киселевой. Харьков : Гуманитарный центр, 2004. 336 с.

Филичева Н. И. Синтаксические поля : пособие по грамматике немецкого языка. М. : Высшая школа, 1977. 213 с.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / пер. с англ. А. Н. Баранова // Новое в зарубежной лингвистике / сост., ред. и вступ. ст. В. В. Петрова, В. И. Герасимова. М., 1988. Вып. 23. С. 52–92.

Фридман Л. Г. Грамматические проблемы лингвистики текста / отв. ред. П. В. Чесноков. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 1984. 134 с.

Харченко В. К. Функции метафоры. Изд. 2-е. М. : URSS, 2007. 87 с.

Холодная М. А. Существует ли интеллект как психическая реальность? // Вопросы психологии. 1990. № 5. С. 121–128.

Хопкинс К. Реклама : научный подход. М. : Альфа-пресс, 2005. 75 с.

Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии : учеб. пособие. М. : Флинта, 2004. 181 с.

Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. Изд. 2-е, доп. М. : URSS [и др.], 2005. 279 с.

Чейф У. Л. Значение и структура языка = Meaning and the Structure of Language / пер. с англ. Г. С. Щура. 2-е изд., стер. М. : Едиториал УРСС, 2003. 428 с.

Чекулай И. В. Ситуация оценки как речевая категория // Языки и транснациональные проблемы : Материалы I междунар. науч. конф. М. [и др.], 2004. Т. 1. С. 299–307.

Чекулай И. В., Прохорова О. Н. Аксиологический потенциал лексем со значением «запах», «обоняние» (на материале русского, украинского, английского и чешского языков) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 14-1. С. 30–36.

Черемисина М. И. Некоторые вопросы синтаксиса : Сравнительные конструкции современного русского языка : (Материалы спецкурса). Новосибирск, 1971. 181 с.

Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Изд. 2-е, стер. М. : URSS, 2006. 270 с.

Черкасова Е. Т. Опыт лингвистической интерпретации тропов // Вопросы языкознания. 1968. № 2. С. 28–38.

Шакирова Ф. С. Сочетаемость прилагательных и существительных как основа метафоры : дис. ...канд. филол. наук. М., 1974. 170 с.

Шапочкин Д. В. Возможности когнитивного подхода в решении лингвистических проблем // Политический дискурс: когнитивный аспект : монография / Д. В. Шапочкин. 2-е изд., перераб. и доп. Тюмень, 2018. С. 14–17.

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : URSS, 2008. 206 с.

Шаховский В. И. Реализация эмотивного кода в языковой игре // Мир лингвистики и коммуникации : электрон. науч. журнал. 2005. № 1. URL: tverlingua.ru/archive/001/01_1-002.htm (дата обращения: 24.02.2022).

Шаховский В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность // Коммуникативные аспекты значения : межвуз. сборник науч. работ / отв. ред. В. И. Шаховский. Волгоград, 1990. С. 29–39. URL: www.russcomm.ru/rca_biblio/sh/ (дата обращения: 24.02.2022).

Шелякин М. А. Язык и человек : к проблеме мотивированности языковой системы : учеб. пособие. 2-е изд., стер. М. : Флинта, 2012. 290 с.

Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике : (На материале глагольных форм современного немецкого языка). М. : Высшая школа, 1970. 204 с.

Шенько И. В. К вопросу об отношении между компаративными тропами: сравнением и метафорой // Стилистика романо-германских языков : (материалы семинара) : сборник статей / Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена ; ред. И. В. Арнольд. Л., 1972. С. 151–165. (Ученые записки ; т. 491).

Шенько И. В. Синтаксис и семантика образного сравнения (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. 191 с.

Шепелева Д. А. Когнитивные аспекты семантики сложного слова «существительное + существительное» в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2008. 18 с.

Шестак Л. А. Life style: речевые стратегии коммерческой рекламы // Рекламный дискурс и рекламный текст : коллектив. монография / науч. ред Т. Н. Колокольцева. М., 2016. С. 57–87.

Шестак Л. А. К основаниям когнитивной теории образности // Языки и транснациональные проблемы : Материалы I междунар. науч. конф. М. [и др.], 2004. Т. 1. С. 62–69.

Шидо К. В. Рекламный слоган как особый жанр английских рекламных текстов : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2002. 242 с.

Широбокова Л. П. Локальность как объект лингвистического исследования // Провинциальные научные записки. 2015. № 2. С. 162–165.

Шитикова Е. В. Процесс формирования метафорического значения: когнитивный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 19 с.

Шмелев А. Д. Дух, душа и тело в свете данных русского языка // Ключевые идеи русской языковой картины мира : сборник статей / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. М., 2005. С. 133–152.

Шойсоронова Е. С. Языковая личность: этнический аспект (на материале бурятской языковой личности) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2006. 21 с.

Юнг В. Грамматика немецкого языка. СПб. : Лань, 1996. 544 с.

Якимович Е. В. Нормативная концепция рекламного дискурса // Рекламный дискурс и рекламный текст : коллектив. монография / науч. ред Т. Н. Колокольцева. М., 2016. С. 100–110.

Ярнатовская В. Е. Имя существительное : (Пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков) : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1981. 143 с.

Abramow B. A. Zum Begriff der zentripetalen und zentrifugalen Potenzen // Probleme der Sprachwissenschaft : Beiträge zur Linguistik. The Hague, 1971. S. 361–380.

Albers J. Der absolute Komparativ : Eine empirische Untersuchung zu seiner Bedeutung und kommunikative Verwendung. Göttingen : Cuvillier, 2007. 130 S.

Allerton D. J. Valency and the English verb. London : Academic Press, 1982. VI, 168 p.

Bachleitner-Held G. Formen intersemiotischer Spannung in aktueller Printwerbung // Textsemiotik. Wien [et al.], 2006. S. 107–129.

Baum R. Dependenzgrammatik : Tesniers Modell der Sprachbeschreibung in wissenschaftlicher und kritischer Sicht. Tübingen : Max Niemeyer, 1976. X, 171 S.

Blokh M. Y. A Course in Theoretical English Grammar = Теоретическая грамматика английского языка : учебник. Изд. 6-е, стер. М. : Высшая школа, 2008. 424 с.

Bolinger D. Degree Words. The Hague : Mouton, 1972. 324 p.

Bütow W., Schrinert G. Kurze deutsche Grammatik. Berlin : Volk und Wissen, 1982. 160 S.

Büttger W. Bildhafte Aufdrücke in der Medizin // Sprachpflege. 1975. H. 3. S. 5–11.

Cook G. The Discourse of Advertising. 2nd ed. London : Routledge, 2001. 256 p.

Delbrück B. Der germanische Optativ im Satzgefüge // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1904. Bd. 29. S. 201–304.

Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / ed. by G. A.-G. Drosdowski. Mannheim : Dudenverlag, 1984. 800 S.

Deutsche Sprache : Kleine Enzyklopädie / hrsg.: W. Fleischer [et al.]. Leipzig : Bibliographisches Institut, 1983. 724 S.

Erben J. Abriss der deutschen Grammatik. 2te Aufl. Berlin : Akademie, 1959. 208 S.

Erben J. Deutsche Grammatik : Ein Abriss. München : Hueber, 1972. 392 S.

Erben J. Vergleichsurteile und Vergleichsstrukturen im Deutschen // Sprachwissenschaft. 1988. Bd. 13. S. 309–329.

Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig : Bibliographisches Institut, 1983. 363 S.

Gottburgsen A. Stereotype Muster des sprachlichen doing gender : eine empirische Untersuchung. Wiesbaden : Westdeutscher, 2000. 293 S.

Gulyga E. V., Šendels E. I. Die feldmäßige Betrachtung der Sprache : (The Field System View of Language) // Deutsch als Fremdsprache. 1970. H. 7.5. S. 310–320.

Hardy C. Networks of Meaning : A Bridge Between Mind and Matter. Wesport [et al.] : Praeger, 1998. 232 p.

Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik : ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig : Enzyklopädie, 1986. 737 S.

Ising S. Deutsche und russische Fernseh- und Werbeslogans im Vergleich : eine linguistische und interkulturelle Analyse. Duisburg : Universitätsverlag Rhein-Ruhr, 2007. 201 S.

Janich N. Werbesprache : Ein Arbeitsbuch. 2te Aufl. Tübingen : Narr, 2001. 271 S.

Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig : Bibliographisches Institut, 1984. 488 S.

Kempfer F. Adjektive mit einer Wortgruppe als Basis // Sprachpflege. 1970. H. 10.

Kroeber-Riel W. Strategie und Technik der Werbung : Verhaltenswissenschaftliche Ansätze. 4te Aufl. Stuttgart [et. al.] : Kohlhammer, 1993. 218 S.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago [et. al.] : University of Chicago Press, 1980. 242 p.

Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / Northwestern University ; ed. by A. Ortony. 2nd ed. New York, 1993. P. 202–251.

Le Guern M. Semantique de la metaphore et de la metonymie. Paris : Larousse, 1973. 126 p.

Leech G. N. English in Advertising : A Linguistic Study of Advertising in Great Britain. London : Longman, 1996. XIV, 210 p.

MacCormac E. A. Metaphor and Myth in Science and Religion. Durham : Duke University Press, 1976. 167 p.

Minsky M. Framework for Representing Knowledge : Memo 306, June, 1974 // MIT Media Lab : [site]. URL: web.media.mit.edu/~minsky/papers/frames/frames.html (accessed: 25.02.2022).

Otto V. Sprachästhetische Aspekte bei der Kommunikationsplanung und stilistischen Gestaltung von Texten // Beiträge zur Textlinguistik der künstlerischen Literatur / L. Legge, W. Solms. Potsdam, 1980. S. 163–175.

Paul H. Deutsche Grammatik. Band V. Wortbildungslehre. Halle (Saale) : Niemeyer, 1955. 142 S.

Pavlov V. M. Die substantivische Zusammensetzung im Deutschen als syntaktisches Problem. München : Hueber, 1972. 129 S.

Polenz P. Deutsche Satzsemantik : Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens. Berlin [et al.] : de Gruyter, 1985. 389 S.

Regula M. Grundlegung und Grundprobleme der Syntax. Heidelberg : Winter, 1951. 202 S.

Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. M. : Высшая школа, 1975. 316 с.

Schendels E. Deutsche Grammatik : Morphologie. Syntax. Text. M. : Высшая школа, 1982. 400 с.

Scherner M. Sprache als Text. Tübingen : Niemeyer, 1984. X, 271 S.

Schippan Th. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig : Bibliographisches Institut, 1984. 307 S.

Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik : Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre. Berlin : Volk und Wissen, 1977. 332 S.

Schmitz U. Sprache in modernen Medien : Einführung in Tatsachen und Theorien, Themen und Thesen. Berlin : Erich Schmidt, 2004. 217 S.

Siegert G., Brecheis D. Werbung in der Medien- und Informationsgesellschaft : Eine kommunikationswissenschaftliche Einführung. Wiesbaden : Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. 287 S.

Smith P. M. Language, the Sexes and Society. Oxford : Blackwell, 1985. 211 p.

Sommerfeldt K.-E., Starke G. Grammatisch-semantische Felder der deutschen Sprache der Gegenwart. Leipzig : Enzyklopädie, 1984. 180 S.

Sprache und Praxis / H. Kärigel, H. Nichelmann, H. Schmidt, S. Weber. Leipzig : Enzyklopädie, 1973. 348 S.

Vestergaard T., Schröder K. The Language of Advertising. Oxford [et al.] : Blackwell, 1985. X, 182 p.

Violi P. Meaning and Experience. Bloomington [et al.] : Indiana University Press, 2001. XIV, 291 p.

Weinrich H. Sprache in Texten. Stuttgart : Ernst Klett, 1976. 356 S.

Wells W., Burnett J., Moriarty S. Advertising : Principles and Practice. Hoboken : Prentice Hall, 1989. 614 p.

Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Oxford : Blackwell, 1958. 250 p.

Словари и справочники

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М. : УРСС, 2004. 571 с.
2. Богуславский В. М. Оценка внешности человека : словарь. М. : АСТ [и др.], 2004. 255 с.
3. Большой немецко-русский словарь = Das grosse deutsch-russische Wörterbuch / авт.-сост.: Е. И. Лепинг [и др.] ; под рук. О. И. Москальской. 3-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1997. Т. 1–3.
4. Бочкарев А. А. Семантический словарь. Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2003. 198 с.
5. Горбачевич К. С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке. М. : АСТ [и др.], 2004. 286 с.

6. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.
7. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка : тематический словарь. 4-е изд., стер. М. : Флинта, 2020. 315 с.
8. Языкознание : Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
9. Agricola E. Wörter und Wendungen : Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. 9te Aufl. Leipzig : Bibliographisches Institut, 1979. 819 S.
10. Binowitsch L. E., Grischin N. N. Deutsch-Russisches phraseologisches Wörterbuch. М. : Russische Sprache, 1975. 655 S.
11. Drosowski G. Duden. Das große Wörterbuch. Mannheim [et al.] : Bibliographisches Institut, 1977. Bd. 1–6.
12. Görner H., Kempcke G. Synonymwörterbuch : Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache. Leipzig : Bibliografischs Institut, 1980. 643 S.
13. Langenscheidts Großwörterbuch : Deutsch als Fremdsprache / hrsg.: D. Götz [et al.]. Berlin [et al.] : Langenscheidt, 1993. 1183 S.
14. Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. Tübingen : Max Niemeyer, 1983. 458 S.
15. Kempcke G. Handwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin : Akademie, 1984. Bd. 1–2.
16. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / hrsg.: R. Klappenbach und W. Steinitz. Berlin : Akademie, 1980–1985. Bd. 1–6.
17. Krahl S., Kurz J. Kleines Wörterbuch der Stilkunde. Leipzig : Bibliographisches Institut, 1984. 143 S.
18. Müller W. Duden. Bedeutungswörterbuch. Mannheim : Bibliographisches Institut, 1985. 797 S.
19. Schröder J. Lexikon deutscher Präpositionen. Leipzig : Enzyklopädie, 1986. 268 S.
20. Sommerfeldt K.-E., Schreiber H. Wörterbuch zur Valenz und Distribution der Substantive. Tübingen : Max Niemeyer, 1983. 432 S.

21. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch / ed.: R. Wahrig-Burfeind. Grütersloh : Bertelsmann Lexikon, 1997. 1420 S.

Список источников текстовых примеров

22. Афонченкова Е. Счастье родиться баварцем // *Аэрофлот*. 2004. № 7. С. 30–36.
23. Васильков Б. П. Съедобные и ядовитые грибы средней полосы европейской части России : определитель. Изд. 2-е, перераб. СПб. : Наука, 1995. 189 с.
24. Данилова О. 17 улыбок судьбы // *Аэрофлот*. 2011. № 12. С. 204–215.
25. Коновалов С. Свято место // *Аэрофлот*. 2011. № 12. С. 224–232.
26. Кошечев А. К. Дикорастущие съедобные растения в нашем питании. М. : Пищевая промышленность, 1981. 256 с.
27. Aichinger I. Das Fenster-Theater // *Vorschläge : Literarische Texte, Angerungen für den Unterricht, Lesehilfen, Tonaufnahmen (Cassetten), Folien / H. Weber*. 2te Aufl. Bonn, 1991. S. 101–102.
28. Barz L. Kalter Punsch für Axel. Berlin : Neues Leben, 1975. 255 S.
29. Bickerich-Stoll K. Pilze sicher bestimmt. Leipzig [et al.] : Urania, 1980. 144 S.
30. Böll H. Mein trauriges Gesicht. М. : Прорпеец, 1968. С. 107–113.
31. Borrée S. Famos in Form // *Lufthansa Magazin*. 2012. № 1. S. 21–29.
32. Braun V. Das ungezwungne Leben Kasts : Der Schlamm. Der Hörsaal. Die Bühne. Die Tribüne. Berlin [et al.] : Aufbau, 1979. 191 S.
33. Braun V. Es genügt nicht die einfache Wahrheit : Notate. Leipzig : Reclam, 1979. 148 S.
34. Bräunig W. Ein Kranich am Himmel : Unbekanntes und Bekanntes. Halle : Mitteldeutscher, 1981. 494 S.
35. Britting G. Sommergefühl // *Unter hohen Bäumen : Gedichte / G. Britting*. Berlin, 2008. S. 43.
36. Золотое сечение : Австрийская поэзия XIX–XX веков в русских переводах = Der goldene Schnitt : сборник / сост. В. В. Вебера, Д. С. Давлианидзе. М. : Радуга, 1988. 813 с.
37. Deussen N. Die Zukunft im Visier // *Lufthansa Bordbuch*. 1997. H. 2. S. 52–56.

38. Deutsche Fabeln aus neun Jahrhunderten / hrsg. von K.-W. Becker. Leipzig : Reclam, 1991. 552 S.
39. Ebert H.-D. Die Primadonna unter den Gemüsen // Lufthansa Bordbuch. 1997. H. 2. S. 63.
40. Eulenspiegel : Satirezeitschrift. 1987. H. 1. 19 S.
41. Fallada H. Der eiserne Gustav. Berlin [et al.] : Aufbau, 1984. 839 S.
42. Feuchtwanger L. Die Füchse im Weinberg : Roman. 3er Aufl. Berlin [et al.] : Aufbau, 2008. 992 S.
43. Feuchtwanger L. Goya oder der arge Weg der Erkenntnis : Roman. Berlin [et al.] : Aufbau, 2008. 661 S.
44. Fontane Th. Jenseits von Havel und Spree: Reisebriefe. Berlin : Rütten & Loening, 1991. 519 S.
45. Frühhauf K. Stern auf Nullkurs : Wissenschaftlich-phantastischer Roman. Berlin : Neues Leben, 1981. 203 S.
46. Füller F. Ophrys. 3er erw. Aufl. Wittenberg : Ziemsen, 1982. Bd. 2. 64 S.
47. Galloway D. Das Tanztheater der Pina Bausch // Lufthansa Bordbuch. 1997. H. 2. S. 37–40.
48. Grabner H. VEB Arche Noah. Halle (Suale) : Mitteldeutscher, 1975. 385 s.
49. Graf A. Zu Gast an Bord // Lufthansa Bordbuch. 1997. H. 2. S. 79.
50. Günter E. Der Mann in der blauen Jacke // Gesammelte Werke. Berlin, 1991. Bd. 1. S. 95.
51. Günter K.-H., Uhlig G. Geschichte der Schule in der DDR 1945–1971. Berlin : Volk und Wissen, 1974. 292 S.
52. Haubrich W. Buenos Aires // Lufthansa Bordbuch. 1997. H. 2. S. 19–24.
53. Hauptmann G. Bahnwärter Thiel // Bahnwärter Thiel. Der Ketzer von Soana : 2 Erzählungen / G. Hauptmann. Leipzig, 1981. S. 5–35.
54. Hauptmann, G. Der Ketzer von Soana // Bahnwärter Thiel. Der Ketzer von Soana : 2 Erzählungen / G. Hauptmann. Leipzig, 1981. S. 37–120.
55. Hoesch Ch. Weißes Gold aus Nymphenburg // Lufthansa Bordbuch. 1997. H. 2. S. 66–70.
56. Kellermann B. Das Meer // Yester und Li. Das Meer / B. Kellermann. Berlin, 1966. S. 247–486.

57. Kellermann B. Totentanz : Roman. 2te Aufl. Berlin : Volk und Welt, 1983. 512 S.
58. Kellermann B. Yester und Li // Yester und Li. Das Meer / B. Kellermann. Berlin, 1966. S. 5–245.
59. Koeppen W. Der Tod in Rom : Книга для чтения на немецком языке. М. : Международные отношения, 1978. 200 с.
60. Koschtschejew A. K. Wildwachsende Pflanzen in unserer Ernährung. Leipzig : Fachbuchverlag, 1986. 224 S.
61. Kröger A. Die Marsfrau. Berlin : Neues Leben, 1980. 263 S.
62. Lenz S. Der Anfang von etwas. 2te erw. Aufl. Leipzig : Reclam, 1986. 236 S.
63. Loest E. Nikolaikirche. Leipzig : Deutscher Taschenbuch, 1995. 517 S.
64. Löschmann M., Schröder G. Literarische Texte im Fremdsprachenunterricht. Leipzig : Enzyklopädie, 1984. 89 S.
65. Mann Th. Buddenbrooks. Berlin : Aufbau, 1952. 862 S.
66. Mann Th. Der Zauberberg. Berlin [et al.] : Aufbau, 1987. 967 S.
67. Matthies H. Der goldene Fisch : kein Märchenbuch. 2te Aufl. Halle : Mitteldeutscher, 1981. 229 S.
68. Neusch E. Auf der Suche nach Gatt : Roman. Halle (Saale) : Mitteldeutscher, 1973. 351 S.
69. Neusch E. Forster in Paris : Erzählung. 2te Aufl. Halle [et al.] : Mitteldeutscher, 1981. 156 S.
70. Noll D. Kippenberg. Berlin [et al.] : Aufbau, 1979. 626 S.
71. Noll D. Die Abenteuer des Werner Holt : Roman einer Heimkehr. Berlin : Aufbau, 1983. 503 S.
72. Noll D. Die Abenteuer des Werner Holt : Roman einer Jugend. Berlin [et al.] : Aufbau, 1984. 563 S.
73. Nowak K. Der Tod des Studenten Lothar Dahl. Rudolstadt : Greifenverlag, 1981. 234 S.
74. Oberländer H. Und Aktion! // Lufthansa Magazin. 2008. № 10. S. 50–55.
75. Paepke H.-J. Das Tümpelaquarium. Leipzig : Neumann, 1985. 88 S.
76. Richter E. Zeugnis zu dritt : Roman. Rostock : Hinstorff, 1970. 228 S.
77. Schmitz R. Kunst-Flug // Lufthansa Bordbuch. 1997. H. 2. S. 48–49.

78. Schophaus M. Hang zum Glück // Lufthansa Magazin. 2008. № 1. S. 22–24.
79. Steinberg W. Wasser aus trockenen Brunnen. Halle [et al.] : Mitteldeutscher, 1982. 566 S.
80. Strittmatter E. Nachtigall-Geschichten. Leipzig : Reclam, 1987. 331 S.
81. Strittmatter E. Ole Bienkopp. Moskau : Progress, 1980. 203 S.
82. Strittmatter E. Tinko. Berlin : Aufbau, 1970. 388 S.
83. Tamfald M., Standau H. Kosmetik für Jung und Alt. Leipzig : Verlag für die Frau, 1986. 175 S.
84. Technik : Kleine Enzyklopädie / hrsg.: J. Jentsch [et al.]. Leipzig : Bibliographisches Institut, 1980. 752 S.
85. Uhe N. Souvenir from Manhattan // Lufthansa Magazin. 2008. № 10. S. 56–57.
86. Wejnar R. Bewegungen der Pflanzen. Leipzig [et al.] : Urania, 1982. 135 S.
87. Wenzel H. Die große Fahrt des Christoph Kolumbus. Berlin : Neues Leben, 1991. 288 S.
88. Wölfel U. Nur für Weiße! // Семестр с книгой : Избранные художественные тексты для углубленного изучения немецкого языка = Lesesemester : Literarische Texte zum Anhören und Lesen / В. В. Гаврилова, И. Бюнтинг, К.-Д. Бюнтинг. М., 2007. С. 15–18.
89. Zweig S. Sternstunden der Menschheit : Zwölf historische Miniaturen. Berlin [et al.] : Aufbau, 1984. 215 S.